А.С. ЛЬВОВ

ЛЕКСИКА „ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ"

ИЗДАТЕЛЬСТВО
•НАУКА•

1. 4. РЯ - из Лекс
2 РЯ - пам. истор.-л-ро

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

70506

на Востокову

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

А. С. ЛЬВОВ

ЛЕКСИКА „ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ"

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1975

Исследование, построенное на нескольких списках «Повести временных лет», рассматривает словарный состав памятника по отношению его к исконно древнерусской и старо-, церковнославянской лексике. Анализируя бытовую лексику, военную, торговую, лексику, характеризующую понятия грамотность, образованность и др., автор приходит к выводу, что преобладающей (около $^2/_3$) в «Повести» является древнерусская лексика с общеславянской. Этот вывод важен для вопроса о происхождении литературного древнерусского языка.

4
Л-89
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
70506

Л $\frac{70101\text{-}332}{042\ (02)\text{-}75}$ БЗ-83-20-74

© Издательство «Наука», 1975 г.

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Цель настоящей работы — рассмотреть лексику «Повести временных лет» в целом, в плане ее отношений к языку памятников старославянской письменности и восточнославянской речи. Предыстория этой работы такова. Покойный акад. В. В. Виноградов с самого начала своей научной деятельности интересовался проблемой взаимоотношений восточнославянских и церковнославянских элементов в лексике русского литературного языка [1]. В последнее десятилетие своей жизни, желая решить эту проблему, он организовал особую группу, которая специально занималась бы исследованием старославянской лексической традиции в древнерусском литературно-письменном языке. К сожалению, эта группа не оказалась жизнедеятельной, поэтому вскоре и распалась. Пишущий эти строки был включен в состав этой группы. Чтобы подойти к решению проблемы, поставленной перед упомянутой группой, автор этих строк в качестве опыта исследовал «Речь философа», входящую в состав «Повести временных лет» (в дальнейшем Пов. вр. л.) под 6494 (986) г. Результаты исследования опубликованы [2]. Продолжая работу над этой проблемой, далее исследовалось еще «Сказание о преложении книгъ на словѣньскыи языкъ» [3], находящееся в составе Пов. вр. л. под 6406 (898) г., а также «Выражение понятия времени в «Повести временных лет»[4].

---

[1] *В. В. Виноградов.* К истории лексики русского литературного языка. «Русская речь» под ред. проф. Л. В. Щербы. Новая серия. Л., 1927, стр. 90—118; *Он же.* Основные этапы истории русского языка. «Русский язык в школе». 1940, №№ 3—5; *Он же.* Вопросы образования русского национального литературного языка. — ВЯ, 1956, № 1; *Он же.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958; *Он же.* История русского литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова. «Филолошки преглед». Београд, 1964, № 3—4; *Он же.* «VI mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968, akta sjezdu. 2 (выступление на VI съезде славистов в Праге 1968 по докладу Б. Унбегауна). Praha, 1970, стр. 461 и сл.; *Он же.* О новых исследованиях по истории русского литературного языка. — ВЯ, 1969, № 2, и другие работы.

[2] «Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология». М., 1968, стр. 333—396.

[3] Известия ОЛЯ, т. XXVII, вып. 1, 1968, стр. 27—37.

[4] «Русская историческая лексикология». М., 1968, стр. 20—39.

Считаем необходимым отметить, что содержание настоящей книги несколько уже ее заглавия по следующим причинам:

Несложная, на первый взгляд, задача исследовать лексику Пов. вр. л., на самом деле оказалась исключительно трудной проблемой. Прежде всего, как указал еще А. И. Соболевский почти 80 лет назад, в лексическом составе памятников древнерусской письменности имеется «ряд мнимых церковнославянизмов, вроде *влатъ*, *клаколъ*, представляющих такие же переделки русских *волотъ*, *колоколъ*, как и русские *сорочининъ*, *мороморъ*, *скоропия* — церковнославянских *сраценинъ*, *мраморъ*, *скорпия* — выделение которых из массы действительных церковнославянизмов необходимо для лингвистики и для археологии» [5]. Уже один этот факт указывает на то, что восточнославянское и старославянское в лексике Пов. вр. л. (да не только в этом памятнике древнерусской письменности) настолько органически переплелось, что в ряде случаев оказывается почти невозможным решить, откуда вошло то или иное слово в древнерусский литературный язык — из церковных книг или из живой речи восточных славян, или еще из иных источников. Укажем на некоторые слова. Так, слово *власѧница* в значении 'одежда' употребляется только в неполногласной форме, тогда как памятники ст.-слав. письменности этого слова не знают. Русским и украинским говорам слова *волосень*, *волосник*, *волосяник*, *волосянка*, *волосяница* в значениях 'ткань, одежда, вид обуви, вид женского головного убора и др., приготовленные из волос животных', известны. Другой пример: в Пов. вр. л., а также в Рус. Пр. и других памятниках др.-рус. письменности обычны слова *платити*, *заплатити*, *оуплатити*, *платъ*, *платъкъ* и др., которые, как полагают, от корня *polt-, от него же и восточнославянское *полотьно*. Говоря иначе, по признаку неполногласия *платъ*, от которого глагол *платити*, должен относиться к южнославянским. Памятники же ст.-слав. письменности ἀνταποδίδωμι, ἀποδίδωμι выдержанно передают словом **въздати**, а не **платити**. Этот факт дает основание полагать, что в др.-рус. памятниках письменности *платъ—платити* не церковнославянизмы. Также трудно признавать, что слово *отрокъ* в значении 'дружинник, слуга' было церковнославянизмом.

Вместе с тем, если мы правы в определении этимологии этого слова, то оно также не является восточнославянским по происхождению, потому что корнем слова является -tr̥- вместо восточнославянского -tьr- [6]. О Владимире I сказано, что после смерти: *схраниша* тѣло ѥго (Л. 45). По звуковым признакам *съхранишѧ* —

---

1. В нее, как указано, не включены опубликованные и только что упомянутые выше три работы (в общей сложности свыше 7 авт. лл.);

2. В ней не анализируются такие группы лексики Пов. вр. л., как слова, обозначающие религиозные понятия, природу и ее явления.

[5] *А. Соболевский.* [Рец.] *С. Булич.* Церковнославянские элементы в современном литературном и народном языке, ч. 1. СПб., 1893. — ЖМНП, ч. CCXCIII (293). 1894. Май, стр. 215.

[6] *А. С. Львов.* Об учете вспомогательных приемов при этимологизировании. «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 182—186.

явный церковнославянизм. Однако в памятниках ст.-слав. письменности в этих случаях употребляется **погрѣсѧ** или **погребошѧ**. На самом деле *схранища*, по всей видимости, — мнимый церковнославянизм, судя по тому, что в народе и поныне говорят *схоронили*, *похоронили* покойника. Правда, кроме русского, слова sahraniti, sahrana 'похоронить', 'похороны' известны с.-хорв. языку [7]. Но тем не менее трудно представить, чтобы летописец употребил не восточнославянское, а сербохорватское слово (об этом см. ниже в главе I). По мнению исследователей, суффикс *-зн-* в русском литературном языке признается книжным, или церковнославянским [8]. Вместе с тем этот же суффикс фигурирует в числе общеславянских [9]. В связи с этим оказывается не совсем ясным, куда отнести такие слова, как: *жизнь*, *пращзнь*, *боязнь*, *тризна*, *оукоризна* и т. п. — к церковнославянизмам или, признав их общеславянскими, отнести их к праславянскому наследию в древнерусском языке.

Словом, эти немногие примеры показывают, что каждое слово Пов. вр. л. представляет проблему, требующую всестороннего рассмотрения. Однако и в результате тщательного анализа в ряде случаев остается неясным, было такое слово в восточнославянской речи или его не было. Так, слово *льсть* в основном префиксальном образовании встречается с *пре-*: *прельстити*, *прельщение*, изредка с *пере-*, например: *перельсти* Дв҃дъ Сто҃полка (Ип. 88 об.), а в Л. *прельсти*. По своему значению *льсть* совпадает с *клюка*. Слово *льсть* признается заимствованным из др.-герм. [10] Весь вопрос в том, было ли это заимствование праславянским, или вначале слово было заимствовано одним языком, а из него через церковные книги распространилось во всех славянских языках. Таким образом, и эта проблема бесспорно пока не решается.

Поскольку задача нашего исследования специфическая, читатель, думаем, не посетует на нас за то, что предварительно не будут рассмотрены существующие исследования лексики Пов. вр. л., хотя они автором каждый раз учитываются.

Остановимся на том, какими принципами мы пользовались при изучении лексики Пов. вр. л. Как известно, названный памятник др.-рус. письменности содержит в своем составе огромное количество цитат и даже целые произведения, написанные на языке памятников старо- и церк.-слав. письменности [11]. Слова, принад-

---

[7] *Skok* I, стр. 684.

[8] *С. П. Обнорский.* К истории словообразования в русском литературном языке. «Русская речь», т. I. 1927, стр. 80.

[9] *А. Мейе.* Общеславянский язык. М., 1951, стр. 294; *W. Vondrák.* Vergleichende slavische Grammatik. I. Bd. Göttingen, 1906, стр. 481.

[10] *Berneker* I, стр. 755; *Meillet.* Études, стр. 109; *Преображенский* I, стр. 448; *Фасмер* II, стр. 487; *Brückner*, стр. 296; *Machek*[2], стр. 327.

[11] В своей работе различаем памятники старославянской и церковнославянской письменности. К памятникам ст.-слав. письменности относят:

глаголические: Ассеманиево ев. (Ас.), Зографское ев. (Зогр.), Мариинское ев. (Мар.), Синайская псалтырь (Син. пс.), Синайский требник, или

лежащие и тем и другим, нами именуются книжными. При анализе лексики, разумеется, постоянно следует учитывать, где встречается слово — в цитатах или вне цитат, хотя это не является гарантией того, что внецитатное слово обязательно восточнославянское. Но зато слово, употребленное в цитатах из церковных книг, преимущественно является книжным, или старо- и церк.-славянским. Благодаря работам А. А. Шахматова, выделение в составе Пов. вр. л. цитат из церковных книг не представляет особой трудности[12].

При анализе лексики Пов. вр. л. каждое слово, особенно употребленное вне цитат, должно быть учтено в том плане, встречается ли оно в памятниках ст.-слав. письменности или нет. Если слово зарегистрировано и тут и там, т. е. оно одинаково употребительно как в памятниках ст.-слав. письменности, так и в Пов. вр. л., то путем специальных разысканий необходимо дойти до решения, представляется ли слово специфически старославянским или же это праславянское наследие в восточнославянской речи. Для решения этой задачи учитывается, в окружении каких слов — книжных или некнижных — оно употребляется; имеет ли отличие в своей семантике слово, употребляемое в Пов. вр. л., от слова, находящегося в памятниках ст.-слав. письменности; имеется ли к рассматриваемому слову дублетное слово, и какого оно происхождения.

Так, изучая лексику, обозначающую процесс захоронения, мы наталкиваемся на слово *гробъ* в значении 'могила', ср. к примеру: престависа ... кнадзь Всеволодъ ... положенъ быс *въ гробѣ* в ... црькви стыа Соѳыа (Л. 72, Ип. 79), то же и в памятниках ст.-слав. письменности: **положи є въ новѣмъ ... гробѣ і же исѣче въ камени** (Мф. XXVII, 60 Мар.).

По внешним звуковым данным в слове *гробъ* нет ничего специфически книжного, по типу образования **гребж → гробъ** оно представляет реализацию общеславянской словообразовательной модели: **везж—возъ, велиж—волы, текж—токъ** и т. п. Однако в других местах 'могила' именуется *могыла*, ср. оубиша Асколда и Дира несоша на гору и погребоша ... на тои *могилѣ* поставилъ црквь ... а Дирова *могила* за стою Ѳриною (Л. 8, Ип. 9 об.);

эвхологий (Син. тр.), Синайский служебник, Клоцов сборник (Клоц.), Киевские листки (Киев. л.), Охридские глаголические листки (Охр.);

кириллические: Саввина книга (Сав.), Остромирово ев. (Остр.), Енинский апостол (Ен. ап.), Супрасльская рукопись (Супр.), Хиландарские листки (Хил.), Македонский листок (Мак.), Листки Ундольского (Л. Унд.), Зографские листки (Зогр. л.), Жития Константина и Мефодия (ЖК) и (ЖМ).

Все остальные, как: Болонская псалтырь, Синайский патерик, Успенский сборник, Изборники 1073 и 1076 гг. и мн. др. именуются памятниками церк.-слав. письменности.

[12] *А. А. Шахматов.* «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 9—150; *Он же.* Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. — В этих двух трудах автором учтены и выделены почти все цитаты.

есть же *могыла* его (Святополка Окаянного. — *А. Л.*) в пустыни и до сего дне (Л. 49 об., Ип. 54 об.) и др. Если учесть тот факт, что слово *гробъ* так и не привилось в восточнославянских языках в значении 'могила', то его употребление в Пов. вр. л. в этом значении следует признать книжным, употребленным потому, что в церковных книгах говорится так. Что касается слова *могила*, которое совсем не зафиксировано в памятниках ст.-слав. письменности, то в древнерусском языке оно представляет праславянское наследие [13]. В южнославянских языках между *гробъ* и *могыла*, надо полагать, была семантическая разница, которая в восточнославянских языках не зафиксирована ввиду отсутствия в последних слова *гробъ*.

Таким же образом решается проблема по отношению слов *кърста* и *рака*. Первое совсем неизвестно памятникам ст.-слав. письменности, кроме того, оно, как установлено, является восточнославянским заимствованием фин. *kirstu*, *kirst* > **kьrsta* > > **kъrsta* [14]. *Рака* — явно книжное слово, восходящее или к гот. arka или лат. arka [15]. Как видно, слово стало употребляться взамен *кърста* в связи с распространением христианства на Руси. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что некрещенные князи покоятся в *могилах*, как Аскольд и Дир, Олег вещий, Святополк Окаянный и др., а крещенные — *в гробе* или *в раке*. Однако про Владимира I сказано: вложиша и *в корсту*. . . схраниша тѣло его (Л. 45), в Р.: вложиша *в раку*. . . и опрѧтавше. . ., Ип.: вложиша и *въ гробѣ* . . . спрѧтавше. . . (49). Едва ли могут быть сомнения в том, что в первичном тексте Пов. вр. л. читалось так, как в Л.: (опрѧтавъше) въложиша и *въ кърсту* . . . и съхорониша (или съхраниша) тѣло его, т. е. изложено так, как об этом говорилось в речи восточных славян. Как видно, при поздних переписках это место перередактировали так, чтобы оно звучало покнижному. В результате перередакции получилась бессмыслица, тело Владимира *опрятали* или *спрятали*, т. е. 'обмыли и одели', *после вложения* в раку или в гроб, что обычно производилось *до вложения* в корсту, а затем, *после вложения* в корсту, хоронилось.

Иначе говоря, для выяснения принадлежности слова к памятникам ст.-слав. письменности или к восточнославянской речи необходимо производить всесторонний анализ, учитывая при этом не только формально фонетические и морфологические показатели, но и текст, окружающий интересующее слово, а также нередко и этимологические данные.

Сказанное не означает, что мы должны игнорировать те формальные данные, при помощи которых определяется принадлежность слова к церковнославянизмам. Эти показатели несомненны, к ним относятся: наличие в слове *жд* из *dj вместо ожидаемого *ж*;

---

[13] *Фасмер* II, стр. 634 и сл.; *Machek*^{2}, стр. 372.
[14] *Фасмер* II, стр. 225 и 338.
[15] *Miklosich*, стр. 272; *Преображенский* II, стр. 178; *Фасмер* III, стр. 437 и сл.; *Machek*^{2}, стр. 507.

щ вместо *ч*, явление неполногласия, т. е. trat, tlat, trět, tlět; наличие начального *ра-*, *ла-* вместо ожидаемых *ро-*, *ло-*; отражение произношения *е* после мягкого перед твердым согласным вместо ожидаемого *ё* (правда, отсутствие перехода *е* > *ё* перед твердым согласным наблюдается и в восточнославянских языках [16]); наличие приставок *-со*, *-во*, *-воз* вместо ожидаемых *с-*, *в-*, *вз-*; *из-* вместо *вы-* (в выделительном значении); наличие суффиксов отвлеченности: *-ьство*, *-ество*; *-ьствие*, *-ествие*; *-ие*, *-ение*, *-ание*; *-ость*, *-тель* и др.; причастия на *-ущий*, *-ющий*, *-ащий*, *-ящий*, *-мъ*, *-нъ* и т. п. [17]

Однако и здесь необходимо учитывать то, что слово искусственно могло быть превращено по форме в книжное, как, например: *скомрахъ* вместо *скоморохъ*, или наоборот: книжное слово превращено по звуковым признакам в восточнославянское (под которым понимаем обычную, разговорную речь населения Киевской Руси). К примеру, написание *одежа* вместо ожидаемого *одежда* едва ли может явиться показателем того, что слово в указанной форме *одежа* бытовало в восточнославянской речи. Дело в том, что в Пов. вр. л. понятие ‘одежда’ обозначается словом *пърты*, *порты*, а слово *одежа*, *одежда* в указанном значении фиксируется преимущественно в цитатах из церковных книг (см. гл. II). Помимо этого, следует иметь в виду, что древнерусские книжники, не умея произносить чуждое сочетание звуков [žd], произносили его как звук [ž] и это произношение отражали на письме даже церковных книг.

Написание в Ип. *веремѧ*, например: в се же *веремѧ* прииде Бонѧкъ с половьцѣ къ Кыеву (84), думаем, не является свидетельством того, что в восточнославянской речи XI—XII вв. это слово употреблялось в значении ‘пора, период’. Данные показывают, что в восточнославянской речи *веремя*, *веремий* было известно в значении ‘погода’ — в одних случаях ‘хорошая, ясная погода’, а в других — ‘плохая погода, ненастье’ [18].

Тенденция писать так, как в церковных книгах домонгольского периода развития древнерусского литературного языка, была ведущей, преобладающей. Обратная тенденция — приблизить изложение к живой восточнославянской речи — вероятнее всего, стала утверждаться в XIII—XIV вв. Этим, надо полагать, объясняется употребление книжных названий дней недели, а также месяцев в Пов. вр. л. В отличие от южных и западных славянских языков в восточнославянской речи названия трех дней недели были, так сказать, собственные, это: *середа*, *четвергъ*, *пѧтьница* при ст.-слав. **срѣда**, **чьтвъртъкъ**, **пѧтъкъ**. В Пов. вр. л. *середа* ни разу не зафиксировано, вместо этого только *среда*; *четвергъ* употреблено всего один раз (Л. 86 об., Ип. 87 об.), при более обычном:

---

[16] «Русская диалектология». М., 1964, стр. 33.

[17] *А. А. Шахматов.* Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925, стр. 19—45.

[18] *А. С. Львов.* Выражение понятия времени. «Русская историческая лексикология», стр. 22 и сл.

четвертъкъ (см. Л. 70 об., 72 и др.). **Пятъница** один раз зафиксировано в Остр. (л. 36а), но в Пов. вр. л. только книжное **пятъкъ**.

В подтверждение высказанной выше мысли о тенденции писать так, как в церковных книгах, сошлемся еще на такой факт. Л. П. Якубинский, сравнивая два повествования: 1) под 6476 (968) г. о нашествии печенегов на Киев и об отроке, помогшем спасти княгиню Ольгу, и 2) под 6505 (997) г. об осаде печенегами Белгорода в отсутствие князя Владимира, пишет: «Различие по языку между обоими рассказами весьма существенное. В первом церковнославянские элементы решительно господствуют, а отдельные специфические русизмы имеют случайный характер; во втором — обратное: второй рассказ написан по-древнерусски, а отдельные церковнославянизмы имеют случайный характер. Они появляются, кстати, без всякой видимой мотивировки во второй половине рассказа, особенно после обращения горожан к печенегам: «поимѣте къ собѣ таль нашь». Они являются, так сказать, церковнославянской примесью, а не органической частью лексики летописца» [19].

По всей видимости, правы те, кто убежден, что в основе рассказа о белгородском осадном сидении находится фольклорное произведение. Говоря иначе, летописец записал это произведение устного народного творчества, по этой причине в нем оказались чисто восточнославянские слова: *нѣту*, ср. кназа *нѣту* (Л. 44, Ип. 47 об.); ѿ кназа помочи *нѣту* (Ип. *нѣтъ*) (ЛД. 44, Ип. 48); *аче*: сберѣте *аче* и по горсти ѡвса. . . (Л. 44, Ип. 48 без слова *аче*); *цѣжь* (три раза): повелѣ. . . створити *цѣжь* в немьже варать кисель (Л. 44, Ип. 48); *кысель*, *медуша*, возможно, сюда же: *вѣче*, *ѡстоа*, *таль*, *оудолжисѧ*. Кроме того, написания: *померѣти*, *бес перестани* (Л.) или *бес пересту(па)*, *передати сѧ*, *хочете*, *вылѣсти*, *розгладають*, *росъитити* и некоторые другие свидетельствуют о передаче на письме восточнославянских форм.

Тем не менее невозможно согласиться с Л. П. Якубинским в том, что в рассматриваемом повествовании «отдельные церковнославянизмы имеют случайный характер». Повествование начинается с употребления оборота речи дательного самостоятельного: Володимеру же шедшю Новугороду по верховьниѣ воѣ на печенѣгы (Л. 44, Ип. 47 об.). Вопрос о бытовании в восточнославянской речи оборота дательного самостоятельного бесспорно не выяснен, но, что этот оборот речи является характерной принадлежностью языка памятников старо- и церк.-слав. письменности, не подлежит сомнению. Также, думаем, сомнительно, что старшие формы аориста *бѣ* и *рѣша* были употребительны в восточнославянской живой речи XI—XII вв. По мнению А. А. Шахматова, это народное предание включено в Пов. вр. л. Нестором около 1111 г. [20] В рассмат-

---

[19] *Л. П. Якубинский.* История древнерусского языка. М., 1953, стр. 307.
[20] *А. А. Шахматов.* Повесть временных лет, т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, стр. XXIV.

риваемом повествовании указанные формы аориста обычны, ср. *бѣ* бо рать велика (Л. 44, Ип. 47 об.); *бѣ* гладъ (Л. 44, Ип. 48) и др.; и *рѣша* се оуже хочемъ померети ѿ глада (Л. 44, Ип. 48); горожане же *рѣша* (Ип. *рекоша*). . . (Л. 44, Ип. 48), рядом: *рекоша* имъ людье (Л. 44, Ип. 48); *рекоша* не имуть вѣры наши кнѧзи (Л. 44 об., Ип. 48 об.). Нет сомнения, что оборот речи *в се* (Ип. *то*) *времѧ* — старославянский. Также *что ради* является бесспорным восточноболгарским оборотом речи, переделанным из ст.-слав. **чесо ради** [21]. Допустимо, что в восточнославянской речи ему соответствовало *чего дѣлѧ*. Глагол *обѣщасѧ*, несомненно, книжный в предложении: ѡни же ради ѡбѣщасѧ послушати (Ип. ради и ѡбѣщаша сѧ — Л. 44, Ип. 48) по наличию *щ* на месте *ч*. Помимо этого, сомнительно, чтобы в восточнославянской речи когда-либо был глагол **обѣчати* и даже **вѣчати*, так как укр. *обіцяти*, *-ся* — явный полонизм, а рус. *обещать* — бесспорный церковнославянизм. Оборот же речи *въ своѧ си* — безусловный церковнославянизм [22]. Употребление во всех списках аориста *избраша* вместо ожидаемого *выбьраша* в предложении: а сами *избраша* лучьшиѣ мужи (Л. 44, Ип. 48); причастия *мнѧще*; *мнѧще ꙗко* предатисѧ хотѧт (Ип. хотѧть сѧ передати); причастия ср. р. мн. ч. *бывшаѧ* в значении ‘происшедшее’: пришедше повѣдаша всѧ *бывшаѧ*, — свидетельствуют о сознательной переработке фольклорного повествования в книжном стиле [23].

Глагол *сънискати* едва ли был свойствен восточнославянской речи, так как он встречается обычно в памятниках церк.-слав. письменности. Кроме того, в предложении, где он зафиксирован, имеется и другой вариант: и реч(е) им сберѣте аче и по горсти (Ип. нет: аче и) ѡвса или пшеницѣ ли ѡтрубъ. ѡни же шедше ради *снискаша* (Ип. *снискаху*; Р. А. *шедше добыша*. — Л. 44, Ип. 48). Не исключено, что: шедше ради *снискаша* (*снискаху*) переделано из: *шедше добыша*. Глагол *добыти* в таких предложениях обычен, ср. придоша опѧт сторови *добывъше* полона (Новг. I лет. л. 46 об.); тои ж осени наиде дъжгь великъ и днь и ночь. . . ні сѣна людьмъ бѧше лзѣ *добыти* ні нивъ дѣлати (там же, 105 об.—106) и др., отсюда *добытъкъ* — ‘имущество’: взѧша бо тогда скоты и ѡвцѣ и конѣ. и вельблуды и вежѣ *с добытком*. и с челѧдью (Л. 94, Ип. 96); а *добытъкъ* сменовъ и водовиковъ по стомъ розделиша (Новг. I лет., л. 112) и др.

---

[21] *К. Мирчев.* Историческа граматика на българския език. София, 1963, стр. 252; *Р. Вечерка.* Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке. «Исследования по синтаксису старославянского языка». Прага, 1963, стр. 208.

[22] *А. С. Львов.* Старославянское къ своѣ сі. «Проблемы истории и диалектологии славянских языков». М., 1971, стр. 181—188.

[23] О причастии *бывъшаѧ*. В памятниках ст.-слав. письменности оно, несомненно, представляет передачу греч. τὰ γενόμενα, ср.: **вьзвѣстиша** архиереомъ **вьсѣ быкъшаѧ** (Мф. XXVIII, 11, Мар., Зогр., Ас.[ч] и др.) греч. ἀπήγγειλαν τοῖ ἀρχιερεῦσιν ἅπαντα τὰ γενόμενα; **вьзвѣстиша** агꙋгилиѧномꙋ **вьсѧ быкъшаѧ** (Супр. 6, 12—13) и др.

Если исходить из того, как рассказывается в Пов. вр. л. под 6479 (971) г.: положиша пред нимъ злато и паволоки и реч(е). Стославъ кромѣ зрѧ ѡтрокомъ своимъ. *схороните*. ѡни же (греческие послы. — *А. Л.*) придоша ко цр҃ю ... и ... рѣша придохомъ к нему и вдахомъ дары. и не зрѧ на нѣ. и повелѣ *схоронити* (Л. 21 об., Ип. 28), то и в анализируемом повествовании закономерно было бы ожидать употребление этого же глагола *съхоронити* в значении 'спрятать'. Однако здесь читается: шедше взѧша меду лукно *бѣ* бо *погребено* в кнѧжи медуши (Л. 44, Ип. 48). Не исключено, что употребление причастия *погребено* вместо ожидаемого *съхоронено* появилось в результате влияния книжного **погрѣти**, ср.: **лазаръ естъ ... погребенъ** (Супр. 311, 22); **въ водѣ погребѣнъ** (Хил. л. 1 об., 10—11) и т. п.

Странно здесь то, что в памятниках ст.-слав. письменности **погрѣти** зафиксировано только по отношению к покойнику, а в нашем тексте этот глагол употреблен по отношению к меду, что он был спрятан в медуше. Тут возможно одно предположение: в фольклорном произведении было... бѧше бо *съхоронено* (глагол *съхоронити* употреблялся, как видели, как по отношению к покойнику, так и к вещам); — летописец, не задумываясь, заменил этот оборот речи на книжное: *бѣ* бо *погребено*.

Форма сущ. *множьство*, образованное присоединением весьма продуктивного в ст.-слав. языке суффикса *-ьство* к прил. *мъногъ*, обозначает отвлеченное понятие 'многочисленность', и в этом значении оно, несомненно, книжное слово в предложении: Печенѣгъ же бѣ *множьство* много (Л. нет: бѣ; Р. А. *многое* много). Ип. 47 об., Л. 44). Как было в этом месте в устном произведении, с определенностью сказать трудно, но наличие в Р. А. *многое* допускает, что в первоначальном тексте могло быть: *мъногоѥ мъного* или просто: *мъного мъного*, как показатель большого числа [24].

Обратим еще внимание на колебания в употреблении книжных и некнижных форм. В Л. читается: ископати *колодѧзь*, а в Ип.: копати *кладѧзь*; Л. *престоꙗти*, Ип. *перестоꙗти*; Л. *передатисѧ* (3 раза), *предатисѧ* (I); Ип. только: *передатисѧ*; в Л. *единъ*, Ип. ѡдинъ; Л. *градъ* (5), *городъ* (10), Ип. соответственно 8 : 7; Л. *колодѧзь* (4), *кладѧзь* (2), Ип. 0 : 6; Л. *гладъ* (5), *голодъ* (0), Ип. 3 : 2; Л. *аче* (I), *аще* (2), Ип. 0 : 2.

Как видно из этих данных, употребление полногласных и неполногласных форм нерегулярно, но наличие в Л. только *гладъ*, в Ип. только *кладѧзь* заставляет предполагать, что в первичном тексте, включенном в состав Пов. вр. л., были слова только с неполногласными сочетаниями, а также только *единъ*, *аще* и т. п.

---

[24] *А. А. Потебня.* Из записок по русской грамматике, III. Харьков, 1899, стр. 559; *В. Г. Егоров.* Слова-повторы как показатели формальных грамматических категорий в ряде языков мира. «Филологический сборник. Ученые записки научно-исследовательского института при Совете Министров Чуваш. АССР, вып. XXVIII». Чебоксары, 1965, стр. 20 и сл.

Сказанное позволяет констатировать:

1. По способу изложения, а также по содержанию со сказочным элементом (мудрый старик хитростью спасает город от сдачи его врагам) рассматриваемое повествование может быть только фольклорным произведением. Это установившееся мнение непоколебимо.

2. Однако это произведение включено в Пов. вр. л. в обработанном виде: изложение вполне сознательно подведено под стиль церковных книг, в связи с чем восточнославянские слова и грамматические формы заменены книжными, церковнославянскими.

Что касается повествования под 6476 (968) г., то поскольку оно не фольклорное произведение, а представляет сообщение фактов жизни, то по вполне понятным причинам оно изложено так, как было принято — по форме книжным языком. Если устранить окнижнение, то зазвучит обыкновенная разговорная речь, в чем можно убедиться из следующего эксперимента:

В Л. и Ип.:	Реконструкция:
Придоша Печенѣзи на руску (Ип. рускую) землю первое. а Стославъ бѧше Переѧславци. и затворисѧ Волга (Ип. Ѡльга) въ градѣ (Ип. в городѣ) со оуноуки своими (Ип. съ внукы). Ѩпрополкомъ. и Ѡлгомъ. и Володимеромъ. въ градѣ Киевѣ. и Ѡступиша градъ (Ип. печенизи городъ) в силѣ велицѣ (Ип. в силѣ тѧжьцѣ). бещислено (Ип. бещисленое) множьство ѡколо града (Ип. городъ). и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти. ни вѣсти послати. изнемагаху людье гладомъ и водою. собрашеся людье ѡноѣ страны Днѣпра. в лодыѧхъ. ѡб ону (Ип. и ѡб ону) страну стоѧху. и не бѣ лзѣ внити в Киевъ и не единому ихъ. ни изъ града (Ип. города) к онѣмъ. въстужиша (Ип. и въстужиша) людье въ градѣ и рѣша (Ип. ркоша). не ли кого иже бы моглъ на ону страну доити и рѣчь имъ. аще кто не приступить с утра (Ип. оутро подъ городъ) предатисѧ имамъ печенѣгом... (Л. 19 об., Ип. 26).	Придоша печенѣзи на русьскоую землю пьрвоѥ. а Стославъ бѧше Переѧславци. и затворисѧ Ѡльга въ городѣ съ вьноукы своими Ѩпропълкъмь. и Ѡльгъмь и Володимеръмь. въ городѣ Кыѥвѣ. и остоупиша городъ печенѣзи без числа мъного около города. и не бѧше льзѣ изъ города вылѣсти. ни вѣсти посълати изнемогахоу людье голодъмь и водою. събърашесѧ людье оноѣ стороны Дънѣпра въ лодыѧхъ. объ оноу стороноу стоѧхоу. и не бѧше льзѣ вънити въ Кыевъ ни одьномоу ихъ. ни изъ города къ онѣмъ. И въстоужиша людье въ городѣ и рекоша. нѣ ли кого иже бы моглъ на оноу сторону доити и речи имъ. аче не пристоупите оутро подъ городъ передатисѧ имамъ (хочемъ (?) печенѣгомъ.

Сравнение двух текстов Л. и Ип. с тем же текстом, но в котором устранены только книжные формы, показывает, что перед нами действительно живая восточнославянская речь, облеченная в книжные или старославянские формы. По этой причине на месте ожидаемого *бѧше* находим *бѣ*, вместо *голодъ*, *городъ*, *сторона* — неполногласные: *гладъ*, *градъ*, *страна*. Правда, кроме этого, еще имеется вставка из Хр. Г. Ам. въ силѣ велицѣ, или — тѧжьцѣ (цитату из Хр. Г. Ам. см. под 6437 (929) г., Л. 10, Ип. 17); без числа мъного (см. ниже по мнѣ идеть полкъ (Ип. вои) со кнѧземъ бещисла множество (Л. 20, Ип. 26 об.), которое может быть только из: без числа мъного) превращено в книжное бесчисльно мъножьство. В остальном все восточнославянское. Так, *оступиша* (городъ) здесь в значении ‘обступить, окружить’; в памятниках же ст.-слав. письменности **остжпити** в основном встречается в значении ‘отступать, отступить’. *Въстужиша* (людье) в значении как будто совпадает со ст.-слав. **въстжжити** ‘оказаться в тяжелом положении’ [25], но это в XI—XII вв. могло быть и общеславянским значением. Если этот глагол употреблен под влиянием церковных книг, то это свидетельствует только о том, что в речи монаха могли быть и книжные слова. Если бы мы продолжили дальше подобное сравнение, то убедились бы в том, что, кроме *глѧ глюще*, *множьство*, других книжных или старославянских слов, в продолжение рассматриваемого повествования нет.

Таким образом, едва ли может вызвать возражение такое утверждение: любая живая восточнославянская речь на письме должна была по возможности облекаться в книжные формы потому, что нормой литературно-письменного языка являлась книжная старославянская речь. Даже такой памятник письменности, видимо, записанный до того, как утвердились нормы литературно-письменного языка, как Русьскаѧ Правьда, и тот носит на себе элементы окнижнения [26].

В связи со сказанным анализ лексики Пов. вр. л. затруднен еще и тем, что не всегда можно бесспорно решить, книжное или старославянское слово перед нами или это — искусственно окнижненное восточнославянское слово.

Трудность эта усугубляется порою тем, что невозможно решить бесспорно, первична или вторична книжная форма слова. Так, *невѣголосъ/невѣгласъ* употреблено в Пов. вр. л. 6 раз, из них в полногласной форме в Л. два раза, Ип. — один раз; в неполногласной в Л. 3 раза, Ип. — 5 раз. Как показывают данные, слово это у нас распространилось не из памятников старо- и церк.-слав. письменности, а, видимо, из чехо-моравского языка (см. гл. VIII). Если оно заимствовано изустно, то более вероятно, что в во-

---

[25] Slovník jaz. stsl. I, стр. 343.

[26] *А. М. Селищев.* О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка. «Избранные труды». М., 1968, стр. 129—140.

сточнославянской речи первична полногласная форма, а если заимствование не изустное, а через книги, то, видимо, первичной должна быть неполногласная форма. Каким образом в этом случае появилась неполногласная форма?

Итак, проблема взаимоотношений и взаимосвязи восточнославянской лексики с книжной или старо- и церк.-слав. лексикой в Пов. вр. л. весьма сложна и поэтому каждое слово требует специального анализа.

При анализе же лексики Пов. вр. л. необходимо руководствоваться следующим:

1. Употреблено ли рассматриваемое слово только в цитатах из ст.-слав. и церк.-слав. литературы. Понятно, что в этой литературе, особенно в так называемых классических памятниках ст.-слав. письменности, восточнославянской лексики не может быть, если, разумеется, памятник не переписывался на Руси. В так называемых памятниках церк.-слав. письменности наличие восточнославянской лексики не исключено, особенно в тех, которые или переводились, или переписывались на Руси. Так, в Синайском патерике находим такие восточнославянизмы: кѣсьма (л. 48, 2; 156 об., 19); это слово, не зафиксированное памятниками ст.-слав. письменности, исстари находится в памятниках др.-рус. письменности, и принадлежность его восточнославянской речи не подлежит сомнению[27]; грамотикъ (148, 1) 'грамотей, книжник' — образован от устно заимствованного из греч. γράμματα> *грамота*, так же как: *тризникъ* от *тризна*, *стороникъ* от *сторона*, *старикъ* от *старъ* и т. п.; дъчька (151, 2), слово это не требует особых суждений потому, что в других славянских языках такое образование происходит от основы **dъkter*; *-ька*; игрище (32 об., 21), ср.: *игрища* межю села схожахуся на *игрища* на плесанье и на вся бѣсовьскаа *игрища* (Л. 5, Ип. 6 об.); скомрахъ баше нѣк'то именемъ гаинъ и на кѣсѣхъ игрищахъ стоѭ вцеѭ роугаася коужаше (Син. пат. 32 об., 20-21—33,1). Слово *игрище*, кроме восточнославянских, фиксируется еще западнославянскими памятниками письменности[28]; нѣ 'нет, отсутствие': крьцѣнъ или нѣ (97, 14), ср.: *нѣ* ли ког(о) иже бы на ону страну моглъ доити (Ип. 26, Л. 19 об.); *нѣ* ли мужа. се нашь доспѣлъ (Л. 42 об.), от этого *нѣ* восточнославянское *нѣтъ*, *нѣтоу*[29], которым в ст.-слав. = **нѣстъ**; перегъноути: кръка на трьне перегъноувъ оударихъ (л. 113 об., 6—7); это же слово оказалось и в календаре Остр.: **ищи зади перегънувъ листа дъва** (л. 265 г); повараница (л. 73 об., 13); *поваръ*, *поварьница* фиксируются только в восточнославянских языках, в ст.-слав. вместо них употреблены тюркизмы: **сокачии**, **сокалькъ**; поугъница (167, 9) — это слово с древних пор известно

[27] *А. С. Львов.* История слова *весьма*. «Сборник статей, посвященный акад. профессору, доктору Яну Эндзелину». Рига, 1959, стр. 163—171.
[28] Slovník jaz. stsl. I, стр. 704.
[29] *А. С. Львов.* Из истории слов. «Русская речь», 1968, № 3, стр. 65 и сл.

восточнославянским памятникам письменности; робичица (168 об., 20; 169, 9 и др.), ср.: не хочю розути *робичича* (Л. 23 об.), памятники ст.-слав. письменности не фиксируют слова **рабичичь** в значении 'сын раба'; скомрахъ (19 об., 3; 20, 12; 32 об., 20) — мнимый церковнославянизм, образованный от восточнославянского *скоморохъ* (из * skom-or-ochъ, см. гл. I); съпрва (147 об., I; 165 об., I; 176 об., 20), ст.-слав. **испрьва**, этот восточнославянизм, возможно, и западнославянизм, оказался дважды в Супр. (см. 351, 6; 563, 8); хворостие : изгорѣло чато отъ хворостига (60 об., 10). Это не мнимый восточнославянизм, так как и в южнославянских языках оно известно в форме chrast из * *chvorstъ*, *chrastije*, при метатезе *or* > *ra* *v* выпал. И нек. др.

Таким образом, даже в лексике цитат могут быть типичные восточнославянизмы. Как установил в свое время А. И. Соболевский, наличие характерных восточнославянских слов в памятнике церк.-слав. письменности свидетельствует о том, что он переведен на Руси [30]. В частности, Син. пат., надо полагать, относится к таким памятникам письменности.

Спорадически восточнославянизмы могут быть только в переписанных на Руси памятниках ст.-слав. письменности. В частности, в Остр. находим такие бесспорные восточнославянизмы, как *пятьница* : **пѧтъница є̄. нед̄** (л. 36а)[31]; **перегънжвъ** (л. 265 г. цитату см. выше); **мечьникъ**: **посъла цр̄ь мечьника** (Ас.: **спекулатора**; Мар., Зогр.: **воина**) **повелѣ принести главж его** (Иоанна крестителя — Мк. VI, 27, л. 288а)[32].

Выходит, что русский переписчик в какой-то степени изменял словарный состав переписываемого им памятника ст.-слав. письменности. Эта тенденция русских писцов обусловлена тем, что они старались приспособить язык переписываемой рукописи к восточнославянской речи.

2. Характерное, книжное по происхождению старославянское слово, кроме фонетико-морфологических показателей, свидетельствуется еще тем, что оно находится в памятниках ст.-слав. письменности. Поэтому каждое интересующее исследователя слово должно быть проверено, употреблено ли оно в указанных памятниках письменности, не переписанных на Руси, или не употреблено.

Однако формальное совпадение слова в памятниках ст.-слав. и др.-рус. письменности все еще не является бесспорным свидетельством того, что слово древнерусским книжником заимствовано из церковных книг. Так, в Пов. вр. л. слово *тризна* употреблено

---

[30] *А. И. Соболевский.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, 162—177.

[31] *А. С. Львов.* Выражение понятия времени, стр. 30 и сл.

[32] Доводы в пользу того, что слово мечьникъ в Остр. восточнославянизм, см.: *А. С. Львов.* Старославянское ли слово мечьникъ? «Русское и славянское языкознание». М., 1972, стр. 180—184.

в значении обозначения обряда поминок над захороненным покойником. Это же слово находится в Супр. в предложении: **и на тризнахъ не тъчьно приимета** (376, 10 — 11), греч. καὶἐν τοῖς ἐπάθλοις ‘и награду на состязаниях не одинаково получите’.

Видимо, в данном случае мы имеем дело с праславянским словом, семантически разошедшимся в разных языках.

Другой пример. В Пов. вр. л. слово *отрокъ* известно в значении ‘дружинник — телохранитель’, а в цитатах из церковных книг то же слово употреблено в значении ‘дитя, мальчик’. По всей видимости, др.-рус. *отрокъ* в указанном значении не старославянское слово. Также в Пов. вр. л. слово *дроужина* употреблено в значении ‘постоянный воинский отряд при князе’, а в памятниках ст.-слав. письменности этим словом в основном переведено греч. συνοδία ‘спутники, сотоварищи, компания’. Это значение древнейшее, общеславянское, а *дроужина* ‘воинский отряд’ — древнерусское.

Таким образом, лишь полное совпадение слова южнославянских форм в семантике как в памятниках ст.-слав., так и др.-рус. письменности может быть бесспорным доказательством в пользу того, что данное слово книжное, или старо- и церк.-славянское.

3. В составе лексики Пов. вр. л. имеются кальки. Необходимость учета их едва ли подлежит сомнению, поскольку многие из них имеют соответствие в памятниках ст.-слав. письменности. В связи с этим книжное происхождение калек оказывается несомненным. Ряд калек, на первый взгляд, мало чем отличается от естественно возникших в языке слов, поэтому эти кальки даже не кажутся словами, происшедшими искусственно. Даже такое слово, как **пророкъ**, состоящее из приставки **про-** и отглагольного имени **-рокъ** из **рєк-ж**, кажется образовавшимся по той же модели, что и *просвѣтъ*, *проскѣпъ*, *просторъ*, *проходъ* и т. п., в которых приставка имеет пространственное значение. В слове же **пророкъ**, в отличие от приведенных примеров, приставка имеет временное значение, и слово в целом означает ‘лицо, предсказывающее будущее’. Употребление же приставки *про-* во временном значении для славянских языков нехарактерно. В своем значении приставка **про-** в слове **пророкъ** однозначна с греч. προ-, а **-рокъ** передает греч. φήμη, т. е. **пророкъ** может быть объяснен только как калька греч. προφήτης.

Таким же образом и глагол **прозьрѣти** в значении ‘предвидеть’ является калькой греч. προβλέπομαι, ср.: **гъ же посмѣетъ сѧємоу: зане прозьритъ ѣко пріидетъ день ємоу** (В Болон. и Вен. **день его**) (Син. пс. XXXVI, 13), греч. ὁ δὲ κύριος ἐκγελάσεται αὐτόν, ὅτι προβλέπει ὅτι ἥξει ἡ ἡμέρα αὐτοῦ. Как видно, **прозьритъ** копирует греч. προβλέπει, поэтому приставка **про-** и здесь в временном значении, которая отличается от **про-** в том же слове в примере: **шьдъ же і оумъıхъ сѧ прозьрѣхъ** (И. IX, 11 Зогр.), греч. ...καὶ νιψάμενος ἀνέβλεψα, так как **про-** здесь в пространственном значении.

Существительное **сѫпостатъ**, содержащее в основе ничем не подтверждаемый — **постатъ**, на что обратил внимание А. Мейе[33], может быть объяснен только как калька греч. ὑπεναντίος; **постатъ** копирует греч. ’ἐν-αντίος, ср.: **да бѫдетъ ти страшенъ сѫпостатомъ** (Син. тр. 99а, 15—16), греч. ὅπως γένεταί σοι φοβερὸς τοῖς ὑπεναντίοις.

Среди калек имеются и такие, которые возникли позже на древнерусской почве, как, например, *азъбоукꙑ* — греч. ἀλφάβητος[34]. Хотя подобные кальки произошли, так сказать, на восточнославянской почве, но тем не менее и они относятся к книжным словам, но не ст.-слав. или южнославянского происхождения.

Таким образом, кальки, один из видов книжной лексики, должны быть отмечены. Способ выявления их заключается в том, чтобы путем фиксации специфики словообразования, отличающейся от обычной славянской модели, а также характерной их семантики установить их искусственное происхождение.

4. Среди книжных по форме или по внешнему облику имеются такие слова, которые по происхождению являются либо праславянским наследием, либо общеславянским достоянием. К последним же большею частью относятся заимствованные слова, ставшие общеславянскими и не имеющие фонетических и морфологических признаков книжности, как: *боукъви*, *истьба*, *кънигꙑ*, *кънѧзь*, *мечь*, *печать*, *плоугъ*, *пълкъ*, *хлѣбъ*, *хъмель* и т. п. Эта группа слов, обычно зачисляемая без оговорок к общеславянским или даже к праславянским, требует специального рассмотрения в каждом отдельном случае, потому что нередки случаи, когда они первоначально были заимствованы одним славянским языком, а впоследствии как культурные слова получили распространение по всем славянским языкам.

Особое отношение должно быть к словам, являющимся праславянским наследием, поскольку они столь же восточнославянские, сколь и южно- и западнославянские. Правда, и они, т. е. слова праславянского наследия, внешне отличаются в зависимости от группы языка. В Пов. вр. л. многие из этих слов фиксируются в южнославянских формах, вроде: *власть*, *гласъ*, *срамъ*, *единъ*, *разбѣжатисѧ* и т. д. Несмотря на это, такие слова не перестают быть по происхождению праславянскими. Фиксация же их в южнославянском оформлении является свидетельством того, что нормами древнерусского литературного языка были нормы старославянского языка. По этой причине, как отметили, и восточнославянскую речь фиксировали в книжном или старославянском оформлении, многим словам внешне придавая книжные формы.

Выявление же слов, являющихся как праславянским наследием, так и общеславянским достоянием, возможно при учете эти-

---

[33] *A. Meillet*. Études, стр. 302.

[34] *А. С. Львов*. Сказание о преложении книгъ на словѣньскыи ꙗзыкъ. «Известия ОЛЯ», т. XXVII, вып. 1, 1971, стр. 34 и сл.

БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

мологических данных. Это значит, что лексиколог всегда должен иметь на учете сравнительно-исторические и этимологические исследования.

5. Трудность вызывают выявления как мнимых церковнославянизмов, так и мнимых восточнославянизмов. Учет мнимых церковнославянизмов необходим для установления вклада древнерусских книжников в общую сокровищницу церковнославянской лексики. Убедительным критерием в определении мнимого церковнославянизма является, во-первых, отсутствие подобного слова в памятниках ст.-слав. письменности [35] и одновременно и в южнославянских языках; во-вторых, наличие этого слова в восточнославянских языках и их диалектах, как, например: *азъбоукъı*, *азъбоучьныи*, *власѧница*, *·вьсьма*, *вѣникъ*, *грамота*, *грамотикъ* (в значении ст.-слав. **кънижьникъ**), *гридь*, *гридьница*, *коузньць*, *кърста*, *одвьрье*, *поваръ*, *поварьница*, *свиньць*, *скомрахъ*, *съхранити*, *хвостъ*, *хвостатисѧ* и т. п.

Мнимые же восточнославянизмы устанавливаются на основании того, что они обычно отсутствуют среди диалектной лексики восточнославянских языков в том значении, в каком они зафиксированы в памятниках др.-рус. письменности, вроде: *времѧ* в значении 'пора, срок', *изъворогъ* 'выкидыш', *невѣголосъ* 'необразованный, непросвещенный', *одежа* и т. п., которые на самом деле являются церковнославянизмами и возникли из **врѣмѧ**, **изъврагъ**, **невѣглаглъ**, **одєжда** и т. д. в результате желания писать, как говорят в народе.

Не менее важной является проблема классификации лексики анализируемого памятника письменности и порядок исследования этой лексики. Нет сомнения, что определенные группы слов существуют в языке объективно, вне нашего сознания. Однако вопрос, как выявить эту объективно существующую систему лексики и лексических групп или подсистем, пока еще находится только в стадии интенсивных поисков. Кажется, не вызывает споров то, что решение этой проблемы должно идти в направлении установления взаимозависимости и взаимообусловленности как лексики в целом, так и отдельных лексико-семантических групп в семасиологическом и словообразовательном отношениях. Едва ли подлежит сомнению то, что и словарь языка находится, как и его грамматическая система, в какой-то вполне закономерной градации, составляющей в конечном счете систему или ряд, так сказать, подсистем. Пока вполне надежный ключ к открытию такой системы и градаций, несмотря на интенсивные усилия, не удалось приобрести.

Семантические поля лексики, устанавливаемые структуралистами на основании дистрибутивного описания значений, не при-

[35] Но не в памятниках церк.-слав. письменности, в русских списках которых мнимый церковнославянизм может быть зафиксирован, как, например, в Остр. **мечьникъ** вместо **спекулаторъ** (Мк. VI, 27); в Юрьев. ев. **власяница** вместо **врѣтиште** (Мф. XI, 21) и т. п.

годны для анализа словарного состава какого-либо древнего памятника (или памятников) письменности, поскольку таким образом можно констатировать наличие групп слов, объединяемых каким-то одним весьма абстрактным значением, но невозможно охарактеризовать изучаемую лексику ни с точки зрения генетической (что важно для отнесения данной лексики к конкретным языкам как источникам) и ни с точки зрения функциональной, т. е. определения роли и употребительности слова (или слов) в системе конкретного литературного языка известной эпохи.

Существующие другие схемы построения и изучения лексики в виде неструктуралистских определенных семантических полей, лексико-семантических групп и т. д. [36] пока не пошли далее перечисления или зачисления слов в ту или иную тематическую группу, именуемую системой или подсистемой. Прав А. Мейе, когда в рецензии на книгу И. Трира «Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines Sprachlichen Feldes» (Heidelberg, 1931) заметил, что автор в своем труде привел хороший материал, извлеченный из старых др.-в.-н. памятников письменности и относящийся к полю «интеллект», но не произвел исторического анализа его. Далее А. Мейе замечает, что если бы Трир захотел дать словам глубокое объяснение, то он встретился бы с огромными (непреодолимыми) трудностями. Дело в том, что в самых старых текстах немецкий словарь состоит из двух пластов: церковно-латинского и местного. Происхождение этого словаря можно установить только сравнительным изучением его с данными других германских языков. Такого анализа Трир не произвел, поэтому он скорее только перечислил факты, чем исследовал их [37]. А ведь задача лингвиста заключается прежде всего в том, чтобы объяснить явления языка. Еще определеннее отозвался о методах лексикологических разысканий И. Трира акад. В. В. Виноградов, заявляя: «Трир в своих исследованиях не считается ни с этимологией, ни с конкретной историей слов, ни даже со словообразовательными связями слов» [38].

В деле подбора материала из старых памятников письменности по определенным семантическим полям, а также учета этимологических и вообще сравнительно-исторических данных в интерпретации собранного материала И. Трир, несомненно, пошел дальше: в этом отношении его последние работы производят благоприятное впечатление [39].

---

[36] *В. В. Виноградов.* Из истории лексикологии. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», № 10. М., 1956; *А. А. Уфимцева.* Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961; *Она же.* Лексикология. «Теоретические проблемы советского языкознания». М., 1968; *А. И. Кузнецова.* Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М., 1963 и др.

[37] Bulletin de la Société de linguistique de Paris, v. 32, f. 3, 1931, стр. 143 сл.

[38] *В. В. Виноградов.* Из истории лексикологии, стр. 21.

[39] *J. Trier.* Holz. Etymologien aus dem Niederwald. München—Köln, 1952; *Он же*: Venus. Etymologien um das Futterlaub. Köln—Graz, 1963.

Но тем не менее изучение той или иной лексико-семантической группы лексики как особой лингвистической категории наталкивается и на такие трудности, когда ряд слов относится к изучаемой группе только в переносных значениях, в прямых значениях являясь принадлежностью совсем иных групп. Памятники др.-рус. письменности характеризуются, между прочим, и тем, что в них находится множество дублетных слов без какого-либо различия в семантике, как, например: *събърати*, *копити*, *съвъкоупити* (*вои*); *пърты*, *одежда*, *одѣяние* или *одѣвание*; *погребати*, *съхранити* (тѣло умершего); *могыла* и *гробъ*; *кърста* и *рака*; *чьрньць*, *чьрноризьць*, *инокъ*, *мънихъ*, *калоугеръ*; *кърмити*, *питѣти*, *натроути* и т. п. Употребление каждого такого слова требует объяснения, порою весьма обстоятельного.

Изучаемая семантическая категория в языке нередко обозначается не отдельным словом, а устойчивыми или обычными сочетаниями слов, которые к лексике имеют весьма отдаленное отношение.

Словом, как правильно замечено, в настоящее время «об изучении лексической системы в разных ее аспектах (в лексике как системе номинаций и в лексико-семантической системе как смысловой структуре) на материале разных языков можно говорить скорее о задачах, нежели об итогах» [40].

Тем не менее лексику изучаемого памятника или памятников письменности как-то необходимо делить на группы, приводя в какую-то хотя бы видимую систему, так как иначе исследование будет выглядеть, как хаос. Как мы отметили, основы научного, вполне обоснованного деления или выделения лексико-семантических групп или подгрупп изучаемой лексики отсутствуют. Поэтому любое деление пока будет выглядеть как механическое. Лексику Пов. вр. л. мы рассматриваем таким образом, что в центре внимания — человек и общество. Разумеется, принятая схема не является такой, в которой взаимосвязь, взаимообусловленность рассматриваемой лексики была бы наглядной. К сожалению, этого нет.

Поиски системы — это самостоятельная область исследований, а изучение лексики памятника письменности или языка — другая самостоятельная область разысканий. Последняя намного облегчилась бы, если бы существовали принципы классификации лексики. В нашу задачу, как отмечено, входит конкретное изучение лексики Пов. вр. л. в определенном плане выявления книжных и некнижных пластов в словарном составе изучаемого памятника письменности. Для этого пока пригодно любое выделение так называемой лексико-семантической (точнее — тематической) группы анализируемой лексики.

«Повѣсть временьныхъ лѣтъ» составлена во 2-ом десятилетии XII в., как установлено, из разных источников [41], в том числе в нее

---

[40] *А. А. Уфимцева.* Лексикология, стр. 242.

[41] *А. А. Шахматов.* «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940; *Он же.* Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908.

вошли и Древнейший свод 1039 г., Начальный свод 1076 г. Хотя Пов. вр. л. дошла до нас в поздних списках, самые старшие из них Лаврентьевский 1377 г. и Ипатьевский около 1425 г., но в них, как отметил А. А. Шахматов, «держится довольно устойчиво один общий текст» [42], а этот факт — свидетельство того, что в них сохранился в основном первичный текст, отражающий др.-рус. литературный язык XI в. и начала XII в.

Правда, наличие разночтений в отдельных местах разных списков показывает, что в процессе дальнейших переписываний и редактирований в первичный текст вносились те или иные изменения, что, разумеется, повлекло и к замене одних слов другими. Так, например, чтение в Л. под 6476 (968) г.: по мнѣ идеть *полкъ* со кнѧземъ (л. 20), а в Р., также и в Ип.: . . . идуть *вои* многы, — свидетельствует, как в этом убедимся в гл. VII, что в Л. первичное *вои* заменено на *полкъ*. Сравнение места из текста в Л. о новгородских банях: и ѡблѣютсѧ квасомъ оусниѧнымь и возмуть на сѧ прутье младое бьють сѧ сами (л. 3 об.) с соответствующим местом Ип.: и ѡбольютсѧ мытелью и возьмуть вѣники и начнуть хвостатисѧ (л. 5), — свидетельствует, что текст Ип. в данном месте первичный, который подкреплялся Х. и П., а также частично и Р. Дело в том, что в Ип. записана живая речь с характерными восточнославянскими формами и словами: *ѡбольютсѧ* (из *обълиютьсѧ*), *мытель*, *вѣники* и *хвостатисѧ*. В Л. это место искусственно окнижнено. Гарантией правильности нашего вывода является тот факт, что обратные случаи превращения книжной речи в живую восточнославянскую в Пов. вр. л. не наблюдаются.

Исследователь лексики Пов. вр. л. должен считаться с подобными фактами.

В основу исследования положены:

1. Лаврентьевский список 1377 г. с учетом разночтений Радзивиловского (далее — Р.) и Академического (далее — А.) списков.

2. Ипатьевский список около 1425 г. с учетом разночтений Хлебниковского (далее —Х.) и Погодинского (далее — П.) списков [43].

---

[42] *А. А. Шахматов.* Повѣсть временныхъ лѣтъ, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания, стр. 1.

[43] Примеры из Пов. вр. л. приводятся по изданию: ПСРЛ, т. I. Лаврентьевская летопись, вып. 1; «Повесть временных лет», изд. 2. Л., 1926 (далее — Л., цифра указывает лист рукописи); ПСРЛ, т. II. Ипатьевская летопись, изд. 2. СПб., 1908 (далее — Ип., цифра указывает лист рукописи); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950 (далее — Н., цифра указывает лист рукописи младшего извода; старший извод цитируется по изданию «Новгородская харатейная летопись». М., 1964; в дальнейшем — Новг. I лет., цифра указывает лист рукописи). Помимо этого, примеры из Русской Правды по древнейшему списку. Л., 1930 (далее — Рус. Пр., цифра указывает статью (ст.) и лист (л.). Остальные сокращения в отдельном списке в конце книги.

Глава I

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ЧЕЛОВЕКОМ, ЕГО ХАРАКТЕРОМ И ОТНОШЕНИЕМ К ДРУГИМ

Вся лексика Пов. вр. л., обозначающая появление человека на свет, его рост и развитие, по соответствующим признакам — книжная. Сюда относятся такие слова, как: *зачѧти*, *изврагъ* — *изворогъ*, *непраздьна*, *родити сѧ*, *нарешти имѧ емоу*, *въздоити*, *въспитати*, *въскърмити*, *възрасти*, *възмоужати*.

Первое слово зафиксировано всего один раз в цитате из Хр. Г. Ам., рассказывающей об амазонках: *заченшимъ* въ чревѣ паки разбѣгнутсѧ (Л. 6, Ип. 7). Глагол **зачѧти** в значении 'забеременеть' обычен в памятниках ст.-слав. письменности, например, **се бо въ беззаконенѣхъ зачѧтъ есмь** (Син. пс. L. 7), где причастием **зачѧтъ** передано греч. συνελήμφθεν; **и се зачнеши въ чрѣвѣ** (Л. I, 31 Ас., Зогр., Мар. и др.), передающие греч. καὶ ἰδοὺ συλλήμψῃ ἐν γαστρί.

Отсутствуют данные, свидетельствующие, что в восточнославянских языках употреблялся глагол *зачѧти* в указанном значении.

Существительное *изврагъ* — *изворогъ* обозначает 'недоношенный плод, выкидыш'. Зафиксировано оно также всего один раз в цитате из Откровения Мефодия Патарского, сообщающей, что Александр Македонский на севере заклепал в горах племя Афетова, которое: ꙗдаху скверну всѧку. комары и мухы, коткы змиѣ и мертвець не погрѣбаху. но ꙗдаху и женьскыѧ *изворогы* (Ип. *изъврагы* — Л. 85, Ип. 86 об.). Хотя в Л. и написано *изворогы* с полногласием, но тем не менее это слово невозможно считать восточнославянским. Приставка *из-* в значении *вы* свидетельствует о том, что написание *изворогы* — искусственное восточнославянизированное книжного изврагъı, ст.-слав. **изврагъ** — ἔκτρωμα имеет еще форму **извръгъкъ**[1].

Непраздна употреблено в таком предложении: Володимеръ же залеже жену братьню грекиню и бѣ *непраздна* — ѿ неѧ же роди сѧ (Ип. роди) Стополкъ (Л. 25, Ип. 31). Неполногласное сочетание — *праз* — показатель того, что слово это книжное; оно обычно в памятниках ст.-слав. письменности, например: **възиде же иосифъ.... въ иоудеѩ... написати сѧ. съ маріеѩ обрѫченоѩ емоу женоѩ сѫщеѩ непраздьноѩ** (Л. II, 4—5 Остр. и др.).

[1] Slovník jaz. stsl. I, стр. 728 и сл.: *Срезневский* I, стб. 1042.

Непраздьна образована от основы **праздьн-**, которая известна в полногласной форме *пороздьн-*[2], однако в др.-рус. памятниках не фиксируется форма с отрицательной частицей * *непороздьн-*. Все это дает основание считать *непраздьна* старославянским словом, которому в восточнославянских диалектах отсутствовало соответствующее слово * *непороздьна*.

В Пов. вр. л. обычны такие записи: Родиса оу Ꙗрослава снъ и *нарече има* ѥ*му* Володимеръ (Л. 49 об., Ип. 55); родиса оу Всеволода (Ип. Всеслава) снъ и *нарекоша именемь* Ростиславъ (Л. 58 об., Ип. 64 об.); родиса оу Стополка снъ и *нарекоша има* ѥ*му* Брачиславъ (Л. 94 об., Ип. 96 об.) и т. п. Приведенные примеры являются копиями соответствующих ст.-слав. предложений: **родиши снъ. і наречеши има ємоу исъ** (Л. I, 31 Мар. и др.); **се дѣва въ чрѣвѣ приметъ и родитъ сна и нарекѫтъ има ємоу ємманоуилъ** (Мф. I, 23 Ас. и др.) и т. п.

В приведенных предложениях почти все слова имеют общеславянские соответствия. Однако словосочетания в них *нарече* или *нарекоша има* ѥ*му* необычны для восточнославянской речи. Ст.-слав. **нарешти има ємоу** является точной передачей греч. καλέουσιν τὸ ὄνομα αὐτοῦ. В подобных случаях восточные славяне говорили *назъвати именьмь*, ср. *назвалъ ма псомъ* (Н. 213). В приведенном выше примере *нарекоша именемь* в книжный оборот речи вкралось восточнославянское *именемь* вместо *има* ѥ*му*, т. е. по-восточнославянски было бы: родиса оу Вьсеволода снъ и *назъваша* и *именемь* Ростиславъ.

Въздоити зафиксировано в цитате из Хр. Г. Ам. в повествовании об амазонках: аще родитса ѡтроча погубать, аще дѣвоческъ полъ то *въздоѭть* прилѣжнѣ въспитають (Л. 6, Ип. 7). *Доити* в значении 'кормить грудью' — общеславянское [3]. Приставочное *въз-доити*, возможно, и не было характерно для восточнославянской речи, в которой, по диалектным данным, было *отъдоити* [4]. Что касается глагола *въспитати*, то он, бесспорно, книжный, поскольку в восточнославянских диалектах не было слов с корнем *пит-*. Укр. *питель* 'мука крупичатая' [5], вероятно, из пол. pytel, восходящей к нем. pūtil, совр. Beutel [6]. По аналогии *въспитати* образовано *въскормити*, в примере: рѣша новгородци. . . *въскормили* ѥсмы собѣ кнадзь (Л. 93, Ип. 95). Глагол **въскрѣмити**, начиная с Супр., употребляется и в памятниках церк.-слав. письменности взамен более раннего **въспитати**. Возможно, что в Пов. вр. л. этот глагол также книжного происхождения, так как в вос-

---

[2] *Срезневский* II, стб. 1211.
[3] *Фасмер* I, стр. 522.
[4] *А. С. Львов.* Из наблюдений над лексикой старославянских памятников. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. IX. М., 1954, стр. 146.
[5] *Гринченко* III, стр. 154.
[6] *Brückner*, стр. 450.

точнославянских диалектах приставка *въз-/въс-* присоединялась преимущественно к глаголам, обозначающим обычно однократные действия и состояния, откуда совр. *вскочить*, *вскарабкаться*, *вскипеть*, *взлюбить*, *взрыхлить* и т. п., но не к глаголам длительного действия, как *въскормити*. . .

Игореви же *възрастъшю* и хожаше по Ѡлзѣ и слоу(ша)ша его (Ип. 11 об., Л. нет); кнѧзю Сто̀славу *възрастъшю*. и възмужавшю нача вои совокоупл҃ати (Л. 19, Ип. 25 об.); на полунощныхъ странахъ спаде туча и в тои туче спаде вѣверица млада акы топерво рожена и *възрастъши* и расходитсѧ по земли и пакы бываеть другаѩ туча и спадають оленци мали в нѣи и *възрастають* и расходатсѧ по земли (Ип. 104, Л. нет). Судя по тому, что в глаголе *възрастити* вместо *рост* употребляется *раст*, а также этот же глагол фиксируется в обороте дательного самостоятельного, его следует признать книжным. Был ли такой глагол в восточнославянских диалектах в виде *възростати*, сказать трудно, хотя в совр. рус. употребительно *взрослый*, но в укр. уже *дорослий*, а также ныне говорят не *взростить*, а *вырастить*.

Глагол *възмужати*, кажется, также книжного происхождения, он всего один раз зафиксирован в Супр. в значении ‘мужаться’: **крѣпи сѧ и възмѫжи** (193, 29), в памятниках же ст.-слав. письменности встречается чаще, бесприставочный **мѫжати сѧ**[7], которым передается греч. ἀνδρίζεσθαι, а также **мѫжьство** — ἀνδρεία[8].

Для передачи понятия ‘вступление в брак’, ‘женитьба’, ‘выход замуж’ употреблены слова: *обрученье*, *браченье*, *бракъ*, *залечи*, *оумыкати*, *поꙗти*, *привести*, *вести*, *въдати*.

Первое слово *обрученье* встретилось только в Ип. как вариант к слову *браченье* в примере: по крщ̀ньи же (Владимира. — *А. Л.*) приведе црц̀ю на *браченье* (Ип. на Ѡ*брученье* — Л. 38 об., Ип. 42 об.), но в другом месте читаем: деревл҃ани живѧху звѣрьскым Ѡбразом . . . *браченыѧ* в нихъ не быша (в Л. *брака* оу нихъ не бываше — Ип. 6 об., Л. 5). Это причастие от редкого глагола *брачитисѧ*[9] едва ли не создание древнерусского книжника: его нет в памятниках ст.-слав. письменности.

Сущ. *обрученье*, образованное от причастия *обученъ*, которое в церк.-слав. и др.-рус. памятниках письменности встречается[10], в памятниках же ст.-слав. письменности зафиксирована только форма причастия **обрѫченѫѭ** (Л. II, 5, Мар. и др.). Надо полагать, что и *обрученье* в Пов. вр. л. — книжное слово. *Бракъ*, *брачьнъıи*: и *брака* (Ип. *браченыѧ*) оу нихъ (деревл҃анъ. — *А. Л.*) не бъıваше, но оумыкиваху оу воды дв҃ца (Л. 5, Ип. 6); *браци* (Ип. *бъраци*) не бываху въ них (у радимичей, вятичей и северян. — *А. Л.*), (Л. 5, Ип. 6 об.); Володимеръ же залеже женю братьню грекиню.

---

[7] Slovník jaz. stsl. II, стр. 268.
[8] Там же, стр. 270.
[9] *Срезневский* I, стб. 175 и сл.; Slovník jaz. stsl. I, стр. 143.
[10] *Sadnik-Aitzetmüller*, стр. 74; *Срезневский* II, стб. 549.

не по *браку* прелюбодѣи (Л. 25, Ип. 31); Полѧне бо . . . *брачьныи* ѡбычаи имѧху (Л. 5, Ип. 6 об.) и др.

Происхождение слова *бракъ* бесспорно до сих пор не установлено. Правда, все этимологи сходятся на том, что корнем слова является *бьр-*(а-ти), который в именных образованиях выступает в виде *бор-*, ср.: *съборъ*, *изборъ*, в др.-рус. *боръ* [11].

По способу образования сущ. *бракъ* относится к именам типа мрѧкъ, несомненно, из *mor-къ, ср. рус. *морок*: солнце садится в *морок* [12]; зрѧкъ из *zor-къ, ср. *зорѣ-зьрѣти*; злѧкъ из *zol-къ, ср. *зелье*, и др. В данном случае брѧкъ также должно быть из *bor-къ [13]. Нельзя соглашаться с теми, кто полагает, что слово *бракъ* образовалось присоединением того же суф. *-къ* к глагольной основе *бьра-* без метатезы [14]. В таком случае в памятниках ст.-слав. письменности обнаружились бы написания **бьрѧкъ**, чего нет. Предположение же, что в праславянском наряду с вьга- существовала нулевая ступень вга, не основано на каких-либо фактических данных. Опираться же тут на единичное написание в Ип. *бьраци* (л. 6) в этом случае нельзя, потому что писец Ип., не понимая слова, мог его сблизить с глаголом *бьра* — тем более, что в восточнославянских говорах глаголы *братися*, *побратися* употреблялись в значении ‘жениться, пожениться’ [15].

Говоря иначе, в Пов. вр. л. *бракъ* — книжное слово, заимствованное из памятников ст.-слав. письменности. Не исключено, что глагол *брачити* сѧ (от которого, надо полагать, причастие *браченъ*, а от последнего и сущ. *браченье*) образован от *бракъ* по аналогии с *братисѧ*, *побратисѧ* (кстати, *брачюсѧ*, *женюсѧ* зарегистрировал и П. Берында [16]).

Глагол *залечи* в форме аориста *залеже* в Пов. вр. л. находим только два раза в примере: Володимеръ же *залеже* (Р. *залѧже*) жену братьню. грекиню. и бѣ непраздна. ѿ неѩже родисѧ Стопълкъ (Ип. роди Стополка). ѿ грѣховьнаго бо корени золъ плодъ бываеть. понеже бѣ была мти его черницею, а второе: Володимеръ *залеже* ю не по браку прелюбодѣи (Л. 25, Ип. 31). Ф. Миклошич, а за ним И. Срезневский объясняют значение глагола *залечи* coire cum femina [17]. Едва ли можно сомневаться в том, что глагол *залечи* в указанном значении мог войти в Пов. вр. л. только из живой речи восточных славян.

Из того же источника и имперфект *оумыкаху*: и брака оу нихъ (древлѧн. — *А. Л.*) не бываше, но *оумыкиваxоу* (Ип. *оумыкаху*)

---

[11] *Срезневский* I, стб. 157.
[12] *Даль* II, стр. 348.
[13] *Bernekker* I, стр. 81, *Фасмер* I, стр. 206.
[14] *О. Н. Трубачев.* История славянских терминов родства. М., 1959, стр. 147; БЕР, стр. 73.
[15] *Гринченко* I, стр. 94; III, стр. 265; *Даль* I, стр. 125.
[16] *П. Берында.* Лексикон славенороський. Київ, 1961, стр. 12.
[17] *Срезневский* I, стб. 925.

оу воды двца (Л. 5, Ип. 6); браци не бываху в них (радимичей, вятичей и северян. — *А. Л.*) и (Ип. но) игрища межю селы. схожахусѧ. на игрища на плѧсанье ... и ту *оумыкаху* жены собѣ. с неюже кто свѣщашесѧ (Л. 5, Ип. 6).

Имперфект *оумыкаху* (от *оумыкати*, *мыкати*, корень *мык-* итератив от **mъk-*) означает ‘уводить силою без согласия родителей, или похищать’. Этот обычай существовал у всех славян, но глагол *оумыкати*, по имеющимся данным, был только восточнославянским [18]).

Поꙗти также фигурирует в качестве глагола, обозначающего, так сказать, приобретение жены, ср.: Володимиръ ... посла ко Рогъволоду Полотску гла. хочю *поꙗти* тъчерь (Ип. дщерь) твою собѣ женѣ (Л. 23 об., Ип. 30); Володимеръ же *поимъ* црю (Ип. цсрцю) и Настаса ... (Л. 40 об., Ип. 44); Олегъ *поꙗ* за сна Аепину дчерь Гиргеневу (Ип. Иневу) внуку (Л. 95, Ип. 97 об.).

Глагол *поꙗти* не требует пояснений, и он, надо полагать, в значении ‘взять себе в жены’ из живой восточнославянской речи. При этом за поꙗтие давали выкуп — *вѣно*: Владимиръ вдасть же за *вѣно* грекомъ. Корсунь ѡпать црцѣ дѣла (Л. 40 об., Ип. 44); вдасть Ярославъ сестру свою за Казимира и вдасть Казимиръ за *вѣно* людии .н. сотъ (Л. 52 об., Ип. 58).

Предлог *за* в приведенных примерах употреблен в значении ‘вместо’ [19]. Это же значение предлога за фиксируется и в памятниках ст.-слав. письменности [20], оно было общеславянским.

Слово *вѣно* в указанном значении также общеславянское. Памятники ст.-слав. письменности его не зафиксировали, в них находим только глагол от того же корня **вѣнити** (см. Мф. X, 29 и Л. XII, 6 Ас., Зогр., Мар.), который в поздних списках заменен на **цѣнити** и **продаꙗти** [21].

Поляне, рассказывается, брачныи ѡбычаи имаху (Ип. имѣаху) не хожеше зать (Ип. женихъ) по невѣсту. но *приводаху* (Ип. *привожаху*) вечеръ. а завътра (Ип. заоутра) приношаху по неи. что вдадуче (Л. 5, Ип. 6 об.). В данном примере в Л. употреблено южнославянское, точнее — болгарское *зать* вместо *женихъ*. *Водити — вести* употребительны широко в значении ‘заключить брачный союз’, ср. еще: *приведоша* ему (Игорю. — *А. Л.*) жену ѿ Плескова именемь Ольгу (Ип. 11 об., Л. нет); в се же врема (хотаху — Ип.) Рогънѣдь *вести* за Ярополка (Л. 24, Ип. 30); В се же лѣт *ведена* быс дщи Стополча

[18] *Л. Нидерле.* Славянские древности. М., 1956, стр. 185 и сл., перевод с чешского: *L. Niederle.* Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953, стр. 193 и сл.

[19] *Срезневский* I, стб. 892.

[20] Slovník jaz. stsl. I, стр. 625.

[21] *V. Jagić.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 335; *А. С. Львов.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 218 и сл.

Сбыслава в лахы за Болеслава (Л. 93, Ип. 95); *ведена* дщи Володарева за ч҃ревичь за Ѡлексиничь. Цсрюгороду ... том ѫ лѣт *ведена* Передслава дщи Стополча в Угры за королевичь (Л. 94 об., Ип. 96) и др.

Приведенные глаголы *поѧти* (дъчерь), *въдати*, *дати* (дъчерь), *вести* — *водити* (дъчерь) и другие, по всем данным, вошли в Пов. вр. л. из живой восточнославянской речи, поскольку в памятниках ст.-слав. письменности подобные словосочетания отсутствуют. То же следует сказать о глаголе *поити*: *поиди* (Ип. *иди*) за кнѧзь нашь. за Малъ (Л. 15, Ип. 22), говорят древляне Ольге после убийства ее мужа Игоря.

В Ип. читаем: не дость (Л. достоить) крс҃тнмъ (Л. хсѣнномъ) за поганыѭ *посѧгати* и *дати* (Л. *дати*, без слова *посѧгати*) — Ип. 41 об., Л. 38).

Хотя *посагъ* 'приданое' в рус. диал. еще и в значении 'свадьба' — общеславянское слово, однако глагол **посагати** 'выходить замуж', встречается только в памятниках ст.-слав. и церк.-слав. письменности: **въ въскрѣшение бо ни женѧтъ сѧ ни посагаѭтъ** (Мф. XXII, 30 Мар., Зогр.) греч. ἐν γὰρ τῇ ἀναστάσει οὔτε γαμοῦσιν, οὔτε γαμίζονται; **снове вѣка сего женѧтъ сѧ. і посагаѭтъ** (Л. XX, 34, Зогр. Мар.), греч. οἱ υἱοὶ τοῦ αἰῶνας τούτου γαμοῦσιν καὶ γαμίσκονται; **аште жена поуштьши мѫжа посагнетъ за инъ прѣлюбъı творитъ** (Мк. X. 12, Мар. Зогр.), греч. ἐὰν γυναῖκα ἐξέλθῃ ἀπὸ ἀνδρός γαμήσῃ ἄλλον, μοιχᾶται.

Кроме того, в Супр. зафиксированы такие примеры: **непосагъшиѧ бо печетъ сѧ о г҃и** (=о г(н)и(χъ), греч. τὰ τοῦ κ҃υ. — *А. Л.*) **рече иже на доброобразьнок и благоприлежьнок къ г҃и. бе съмѫштениѧ** (375, 26—29); **том оубо дѣльма твоѭ беспосагаѧ матере и дѣвица милоуи мѧ блѫдницѫ** (391, 26—28), в которых **беспосагаѧ** переведено греч. ἀπειρόγαμον 'не ведающая супружества', а **непосагъшиѧ** — ἠγάγαμος 'незамужняя'.

Непосагъшиѧ и **беспосагаѧ** образованы от основы глагола **посагнѫти** так же, как от **двигнѫти** — **двигъши, въньзнѫти** — **въньзъши, оусъхнѫти** — **оусъхъши** и т. д. **Беспосагаѧ** свидетельствует об образовании имени с помощью суф. **-ѧ**, **-ѣ**, как **лѫжаѧ** < *lęg-ěja, **верѣ** и т. п. Оба образования, т. е. **посагъшиѧ** и **посагаѧ** — древни.

Дошедшее до нас *посагъ*, по-видимому, вторичное отглагольное имя от *посагати* 'справлять свадьбу', отсюда и *посаженый* отец и *посаженая* мать. Говоря иначе, до нас в восточнославянских языках дошли какие-то вторичные формы от *posag- с изменившимися значениями.

Изменение ст.-слав. **посагати** на *посѧгати*, по всей видимости, произошло из-за непонимания слова и контаминации его с *сѧгати*, *посѧгати* 'достать, схватить', тогда как, по данным прибал-

тийских языков, sag-(a-ti) означало 'скрепить, соединить' [22]. Употребление, таким образом, *посѧгати* в Ип. вместо *посагати* свидетельствует, что в др.-рус. языке последнего глагола не было.

В Пов. вр. л. не зафиксировано слова *женити*, *-сѧ*, хотя в памятниках ст.-слав. письменности оно обычно. Вместе с тем в Пов. вр. л. находятся слова *жена*, *подружьꙗ*, *мужь*; например: возва ю (Ольгу. — *А. Л.*) цр҃ь (Ип. цр҃ь) и рече еи. хощю тѧ поꙗти (Ип. понѧти) собѣ *женѣ* (Л. 17 об., Ип. 24 об.); половчинъ... в село ѣхавъ иметь *жену* ѥго и дѣти ѥго (смерда. — *А. Л.*) (Л. 93 об., Ип. 99); ѥму пришедшю въ домъ Ꙗневъ. къ Ꙗневи и к *подружью* (Ип. к *женѣ*) ѥго Мр҃ьи (Л. 70 об., Ип. 78 об.); *мужа* твоего (Ольги — *А. Л.*) оубихомъ (Л. 15, Ип. 22); Ѳльга... плакасѧ по *мужи* своемъ (Л. 16, Ип. 22) и др.

Наличие *подружьꙗ* и *жена* в одном значении 'супруга' предполагает, что какое-то из них для восточнославянской речи было не совсем обычным. Употребление дьяконом Григорьем в послесловии к Остр. подроужиꙗ 'супруга' при многократном употреблении в переписываемом им тексте евангелия слова жена и при отсутствии подружьꙗ в переписанном тексте является свидетельством того, что в восточнославянской речи слово *жена* 'супруга' было мало употребительным.

Жена в значении 'женщина' — общеславянское слово. По-видимому, восточные славяне слово *жена* употребляли в основном в этом значении.

Следует заметить, что в значении 'супруга' употребляли притяжательное прилагательное от имени мужа, например: престависѧ цр҃ца *Володимерꙗ* Анна (Л. 44 об., Ип. 48); престависѧ Ꙗневаꙗ (Л. 71, Ип. 78 об.) или называли ее, так сказать, по должности мужа, как: плакатисѧ нача *попадьꙗ* (Л. 88, Ип. 89 об.); *кнѧгини* же бывши оу Володимера. приде Кꙑеву (Л. 89, Ип. 90 об.) и т. д.

Слово *мужь* в древнерусском языке имело значение 'знатное лицо, чиновник'; но это же слово фиксируется в значении 'супруг', ср. *мужа* твоѥго оубихомъ. бѧше бо *мужь* твои аки волкъ (Л. 15, Ип. 22).

В значении ненормальных отношений между мужчиной и женщиной отмечается: *блоудъ*, *похоть*, *растлѣти*, *прелюбодѣи*.

И бѣ же Володимеръ побѣженъ *похотью* женьскою. и быша ему (Р. жены) водимꙑꙗ (Х. П. жены). (Л. 25 об., Ип. 31 об.), по-видимому, в первичном тексте не было слова *жены*, но позже из-за непонимания слова *водимꙑꙗ* в отдельных списках добавили еще *женꙑ*. Под *водимꙑꙗ* следует понимать законно или по обычаю приведенные жены, далее они перечисляются: Рогънѣдь, грекꙑни, чехꙑни, българꙑни, кроме того, еще наложьници. Далее лето-

---

[22] *Фасмер* III, стр. 338; *А. С. Львов.* Из наблюдений над лексикой старославянских памятников, стр. 173 и сл.; *О. Н. Трубачев.* Указ. соч., стр. 144 и сл.

писец продолжает: и бѣ несыть *блуда* привода к собѣ мужьски жены. и двцѣ *растлила*. бѣ бо женолюбьць (Л. 25 об., Ип. 31 об.); иде (Ип. здѣ) же рѣч достоить *блудъ* творити всакъ на семь свѣтѣ (Л. 27 об., Ип. 33); «*блудная* же теченыа ея (жены любодѣици. — *А. Л.*) неблагоразумна» се же рѣч Соломонъ о *прелюбодѣицах* (Л. 25 об., Ип. 31 об.) в кавычках — цитата из Притч. V, 6; оумертвивъ плотьскую *похоть*. источникъ безаконыа ... с праведьнъıми ѡчѣ почилъ иеси (Л. 71, Ип. 79) — речь о Феодосии Печерском.

Все эти слова: *блудъ*, *похоть*, *растлѣти*, *прелюбодѣи* — книжные. **Блжд҃ъ** отглагольное имя от **блжд҃ити**, обозначавшее ‘заблуждаться, ошибаться’. Последние значения не могут придать значение ‘разврат, распущенность’ имени существительному, образованному от этого глагола. Это значение имени **блжд҃ъ** выработалось при передаче им греч. πορνεία в определенных оборотах речи, обусловленных переводимым греческим текстом, как, например: **Врагомъ зълѣ прѣльщаемъ. присно въпадаѭ въ блжд҃ъ і прѣлюбодѣаниѣ** (Син. тр. 68а, 19—22); **Ѩще которъı причетьникъ блжд҃ъ сътворитъ съ тоуждеѭ женоѭ ли дѣвицеѭ. ѥ. лѣт да покаетъ сѧ** (там же, 102б, 9—11); **въ блжд҃ьнѭѭ погꙑбѣль въпадохъ. и сътворивъ с'неѭ блжд҃ъ** (Супр. 526, I) и т. п.

В Пов. вр. л. *блудъ* и употребляется в указанном значении как книжное слово. *Похоть* тоже отглагольное имя от *похотѣти* ‘пожелать’. В памятниках ст.-слав. письменности **похоть** употреблено для передачи греч. ἐπιθυμία, которое в определенных словосочетаниях имеет значение ‘половое влечение’, например: **вьсѣкъ иже вьзьритъ на женѭ съ похотиѭ. юже любъı сътворитъ съ неѭ въ ср҃дци своемь** (Мф. V, 28 Мар., Зогр.); **ни отъ похоти плътьскъı. ни отъ похоти мжжьскъı. нъ отъ ѿ҃ родишѧ сѧ** (И. I, 13 Зогр.). Однако **похоть** встречается и в прямом значении ‘желание’: **і ѣсѧ і насъıтішѧ сѧ sѣло ... не лишішѧ сѧ отъ похоті своеѧ** (Син. пс. LXXVII, 29—30).

В Пов. вр. л., как видно из примеров, слово *похоть* употреблено в значении ‘половое влечение’, и в этом значении оно — книжное слово.

Всего один раз употребленное причастие *растьлша* от *растьлѣти* также книжное слово, о чем свидетельствует даже приставка *рас-*, кроме того, данный глагол—калька с греч. διαφθείρω, поскольку σὴς διαφθείρει (Л. XII, 33) переведено **тълѣ тълитъ**, а в псалтыри διεφθάρησαν καὶ ’εβδελύχθησαν ἐν ἀνομίας переведено: **Растлѣшѧ і омразішѧ сѧ въ беззаконенъı** (Син. пс. LII, 2), где **растлѣшѧ** ‘развратились’, то этот глагол стали употреблять и в значении ‘лишать девства’ [23].

---

[23] *Срезневский* III, стб. 93.

Прелюбодѣи также книжное слово, о чем свидетельствует приставка *пре-* < **прѣ-**. В восточных славянских языках отсутствует слово *перелюбодей*, хотя теоретически возможно образование *любодѣи* по аналогии *зълодѣи*, *добродѣи*[24], однако практически **любодѣи** в памятниках ст.-слав. письменности передает греч. μοιχαλίς, **любодѣица** — πόρνη и, по-видимому, оба являются калькой.

В Пов. вр. л. зафиксировано слово *именины*, под 6606 (1097) г. читаем: присла Стополкъ река не ходи ѿ *именинъ* моихъ. Василко же ѿпрѣсѧ (Л. 87, Ип. 88 об.); Стополкъ и послѣ по Василка гл҃а. да аще не хощешь ѡстати до именинъ моихъ. да приди нынѣ цѣлуѥши мѧ. и посѣдим вси с Двдмъ (Л. 87, об., Ип. 88 об).

В памятниках ст.-слав. письменности это слово не зафиксировано. Образованное от основы *имен-* присоединением суф. *-инъı* так же, как *родинъı*, *крестинъı*, *сорочинъı* и т. п., слово *именинъı* употреблено только в восточно- и частично в западнославянских языках[25]. В XI в. это слово было употребительным, о чем, кроме Пов. вр. л., свидетельствует и Хр. Г. Ам.

Остановимся далее на лексике, связанной со смертью и похоронами человека. Сюда относятся такие слова: *оумьрѣти*, *съконьчати сѧ*, *преставити сѧ*, *почити*, *оуспение*, *испровьргати животъ*, *оубити*, *трупъ*, *тѣло*, *спрѧтати*, *сани*, *положити*, *погребати*, *схранити*, *гробъ*, *корста*, *рака*, *могъıла*, *тризна*.

В начале Пов. вр. л. почти до ее середины кончина человека констатируется словом *оумьрѣти*: *оумершю* Рюрикови предасть кнѧ(же)нье свое ѳлгови (Л. 8, Ип. 9 об.); Семеѡнъ. . . *оумре*. ѡставивъ Петра кнѧза сна своего (Л. 10 об., Ип. 17 об.); по трех днхъ *оумре* ѳльга (Л. 20 об., Ип. 27); (Изѧславъ) посади сна своего Мьстислава Полотьскѣ ѡн же вскорѣ *оумре* ту (Л. 58 об., Ип. 64 об.). Уже про Владимира сказано: самъ бо болѧше велми. в неи же болести и *скончасѧ* (Л. 45, Ип. 48 об.); единъ ею извлекъ мечь пронъзе и къ срдцю. и тако *скончасѧ* блжнъıи Борисъ (Л. 46, Ип. 50 об.). Про Свѧтопълка Окаянного сказано: прибѣжа в пустъıню. межю лѧхъı и чехъı (и ту — Ип.) *испроверже* злѣ *животъ* свои (Л. 49 об., Ип. 54 об.). Более часто наряду с *оумьрѣти* употребляется *преставити сѧ*: *престависѧ* Мальѳрѣдь. в се же лѣто *престависѧ* и Рогънѣдь мати Ꙗрославлѧ (Л. 44 об., Ип. 48 об.); *престависѧ* великъıи кнѧзь Русьскъıи Ꙗрославъ (Л. 54 об., Ип. 60); ѳеѡдосии игуменъ Печерьскъıи *престависѧ* (Л. 62, Ип. 67 об.); *престависѧ* Евпракси дщи Всеволожа (Л. 95 об., Ип. 97 об.). Совсем редко: старець сь. и *почивъ* в старости добрѣ (Л. 68 об., Ип. 76).

---

[24] *В. В. Иванов*, *В. Н. Топоров*. К реконструкции праславянского текста. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 140 и сл.

[25] *Sławski* I, стр. 454.

Приставочное образование *оумьрѣти* от *мьрѣти* является общеславянским и праславянским[26], а также и производные от корня *мьр/мер-*: *моръ*, *мьртвъ*, *съмьрть* и др.: бы҃с *моръ* въ Еюптѣ (Л. 32, Ип. 37 об.); и *помроша* бѣгаючи ... ѡви ѿ зимы ... ини *моромъ* (Л. 55, Ип. 61); бѣ *моръ* в конихъ (Л. 52, Ип. 57 об.); и вземше и (Василька. — *А. Л.*) на коврѣ взложиша на кола ꙗко *мертва*. повезоша (Л. 88, Ип. 89 об.); (Олегъ) посмѣꙗсѧ рк҃а. ѿ сего ли лъба *см҃рть* мнѣ взѧти (Ип. 15 об., Л. нет); въ *см҃рть* немілостивно въгна. и по *см҃рти* вѣчно мучимъ есть (речь о Святополке Окаянном — Л. 49 об., Ип. 54 об.). Наряду с *оумьрѣти* в Пов. вр. л. употреблен еще глагол *съкончатисѧ*. Не известно, употреблялся ли глагол *съкончатисѧ* в значении 'умереть' в живой восточнославянской речи, но он зарегистрирован уже в легендарной части Пов. вр. л.: Киеви же пришедшю в свои градъ Киевъ ту животъ свои *сконча*. а братъ его Щекъ и Хоривъ. и сестра их Лыбедь ту *скончашасѧ* (Л. 4, Ип. 5 об.). В памятниках ст.-слав. письменности этот глагол встречается весьма редко и, кажется, фиксируется метафорически в значении 'умереть', ср. примеры: **І сконьчашꙗ сѧ въ соуетѣ дьні ихъ** (Син. пс. LXXVII, 33), употребление **сконьчашꙗ сѧ** обусловлено тут греч. ’εξέλιπον от ’εκλείπω 'кончаться, пропасть'; **сконьчавлетъ сѧ дша моѣ** (там же, LXXXIII, 3), в греч. ’εκλείπει ἡ ψυχή μου, таким образом, и тут употребление **сконьчавлетъ сѧ** обусловлено греч. словом; **съподоби ѣ миромъ ... прочее житие ею съконьчати** (Син. тр. 8б, 18—20), в этом примере речь о постриженнии волос головы и бороды, здесь употребление глагола **съконьчати** обусловлено греч. ...τῆς ζωῆς αὐτοῦ διανύσαι. Однако в Супр. встречаются и такие примеры, как: **на пѫти єлиспонта идѫште отъсѣкѫтъ главѣ ею. тѣма же тако съконьчавшема сѧ ... възаша ... мошти ею** (114, 15—20), в греч. τελειοῦν.

Престависѧ с приставкой *пре-* явно книжное слово, получившее самое широкое распространение в памятниках др.-рус. письменности. В памятниках ст.-слав. письменности это слово преимущественно в форме отглагольного существительного фиксируется в календарях апракосов: **прѣстави сѧ отъ земьꙗ на небеса мати бж҃иѣ** (Праж. гл. отр. I об. 26—27); **прѣставление стаго иоана еуангелиста** (Остр. 225 г., Ас. 121б, Сав. 131), греч. ἡ μετάστασις τοῦ ἁγίου ’Ιωάννου; **прѣставление стѣи бц҃и** (Остр. 286б), в Ас. **оусъпение** (152а), Сав. нет, в греч. ἡ κοίμησις τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου; **оусъпение стꙑꙗ анꙑ** (Остр. 283а, Ас. 150б.), греч. ἡ κοίμησις τῆς ἁγίας ’Αννης; **па<мѧ>т(ь) оусъпениѣ ... оца нашг меѳодіа архпа въшнꙗ моравъи** (Ас. 145б., Сав. и Остр. нет). Также И. XI, 11, 13—14: **Лазарь дроугъ нашь оусъпе ... они же**

[26] *Фасмер* II, стр. 602.

мънѣша. ѣко о оусп҃нии... сына г҃летъ. тогда рече имъ и҃с҃ъ не обиноуꙗ сѧ. Лазарь оумьрѣтъ (Зогр., Мар., Ас. и др.) греч. Λάζαρος ὁ φίλος ἡμῶν κεκοίμηται... ἐκεῖνοι δὲ ἔδοξαν ὅτι περὶ τῆς κοιμήσεως τοῦ ὕπνου λέγει τότε οὖν εἶπεν αὐτοῖς ὁ Ἰησοῦς... Λάζαρος ἀπέθανεν.

В Пов. вр. л. один раз читается: **Ѳеѡдосии** игуменъ Печерьскыи *престависѧ*. скажемъ же ѡ *оуспеньи* его мало (Л. 61б, Ип. 67).

Из примеров видно, что греч. ἡ μετάστασις, μετατίθημι переводили **прѣставление, прѣставити сѧ**, а κοιμίζω и κοίμησις — **оусънѫти, оусъпение**.

Древнерусские книжники усвоили глагол *преставитисѧ* и употребляли его во всех случаях, особенно, если речь шла о смерти князя, духовного лица и приближенных к ним. Более того, приставку этого глагола иногда переделывали на восточнославянский лад *пере-*, например: *перестависѧ* рабъ бжии Германъ иерѣи (Новг. I лет, л. 48 об.).

Первоначально глагол *преставитисѧ* употреблялся в определенных сочетаниях слов, обозначающих христианское понятие о 'переселении души человека': ѿ сего жития *преставить сѧ*[27]; ѿ жития *престависѧ*[28], перевод греч. τοῦ βίου ὑπεξέρχεται; *престависѧ* къ бу[29]; *престависѧ* въ вѣчныи ... животъ[30]; *прѣстависѧ* въ миръ[31], а потом: Елисѣи *престависѧ* (Хр. Г. Ам., л. 210 г.); *престависѧ* кюрилъ (надпись 1278 г.)[32] и др.[33]

В целом, все слова, употребленные в Пов. вр. л. для обозначения понятия 'смерть', кроме *оумьрѣти* и производных от него, являются книжными, заимствованными из памятников ст.-слав. и церк.-слав. письменности.

Понятие 'насильственная смерть' передается глаголами *оубити, зарѣзати, оудавити, оусѣкнути* и др., например: *оубиша* Ст҃ослава (Л. 23, Ип. 29 об.); створи *оубиистьво* (Л. 49 об., Ип. 54 об.); аще оускочить створивъıи *оубои* . . . да возьмуть имѣнье его. ближьнии *оубьенаго* (Л. 13 об., Ип. 20 об.) и др.; поваръ же Глѣбовъ Торчинъ вынезъ ножь *зарѣза* Глѣба (Л. 46 об., Ип. 51 об.); *оудави* (Ип. *вдави*) печенѣзина в руку до смерти (Л. 42 об., Ип. 46 об.); не могуще вборзѣ снѧти гривны съ шиѣ *усѣкнуша* главу его (Л. 46, Ип. 50 об.) и т. п.

---

[27] Сборник Спас-Преображенского монастыря № 5, XIII в., хранящийся в Ярославском областном краеведческом музее. — Материал СДР.

[28] *В. М. Истрин.* Хроника Георгия Амартола, т. I. Пг., 1920, л. 219 об.

[29] Пролог (Прилуцкий) на сентябрь—февраль. ГПБ. СПб. Дух. Акад. А. I 246, л. 190 г. — Материал СДР.

[30] Там же, л. 84 б.

[31] Син. пат., л. 5.

[32] *А. С. Орлов.* Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, № 79.

[33] См. *И. С. Улуханов. Превзойти, превознести, преставиться.* «Русская речь», 1968, № 5, стр. 86—88.

В примерах фиксируются производные от основы *оуби-*: *оубиистьво*, *оубьенъıи*, *оубои*, из которых образования на *-ьство*, *-енъıи* должны быть книжными.

По данным памятников др.-рус. письменности, глагол *зарѣзати* употреблялся преимущественно по отношению к животным. Употреблением этого глагола по отношению к князю Глебу подчеркивается нечеловеческое обращение с ним.

Оусѣкнѫти употребительно в значении ‘лишить жизни по решению, так сказать, начальства’. В приведенном примере особый случай употребления этого глагола, потому что уже у убитого отсекли голову, чтобы снять гривну с его шеи. *Оудавити* только в сочетании с сущ. *до смерти* обозначает ‘лишение жизни’, иначе этот глагол обозначает только ‘придавить’, ср.: *ѹдавиша* (Ип. *вдавиша*) и рамано. ꙗко персем троскотати (Л. 88, Ип. 89 об.)

После смерти по обычаю покойника *съпрѫтали*, т. е. ‘приготовляли его к погребению’. Это приготовление состояло из обмывания и одевания покойника: Всеволодъ же *спрѫта* тѣло ѡц҃а своего възложьше на сани везоша и Кꙑеву. попове поюще ѡбꙑчныа пѣсни. плакашасѧ по немь людье принесъ (Ип. и принесъше) положиша и в рацѣ мороморанѣ. в цр҃кви с҃тое Соѳьѣ (Л. 54 об., Ип. 60 об.). Речь о похоронах Ярослава Мудрого в 1054 г.; игуменъ же Іѡанъ и братꙗ *спрѫтавше* тѣло его и погребоша и (ѳеѡдосья Печерского — Л. 66 об., Ип. 79); *спрѫтавше* тѣло его с честью положиша и (Ярополка. — *А. Л.*) в рацѣ мраморанѣ (Л. 69, Ип. 76 об.) и т. п.

В приведенных и других подобных примерах глагол *спрѫтати* употреблен в значении ‘приготовить’. В этом значении данный глагол один раз зафиксирован и в Супр. **мѫжи же крьстиани. пришедъше възаша тѣлесѣ с҃тоую и добрѣ съпрѫтавъше положиша на мѣстѣ нарочитѣ** (185, 10—12), в греч. κηδεύειν.

Поскольку глаголы prętati, sъprętati, oprętati и др. — общеславянские [34], то нет оснований признавать их книжными в Пов. вр. л., тем более что обряд *спрятания* едва ли принесен христианством. Кроме того, в восточнославянских языках *опрятать*, *опрятати* и поныне употребительно в значениях: ‘очистить, прибрать’, в том числе ‘обмыть и одеть покойника’, ‘приготовить его к погребению’. Отсюда *опрятность*, *опрятный* ‘чистоплотность, чистоплотный’ [35].

Умершего, как сказано, *положиша* в рацѣ. Кроме приведенного выше примера, ср. еще прінесше ю (Яневую. — *А. Л.*) *положиша* ю в цр҃кви ... противу гробу ѳеѡдосьеву (Л. 71, Ип. 78 об.); престависѧ великꙑи кнѧзь Всеволодъ с҃нъ Ꙗрославль внукъ Во-

---

[34] *Преображенский* II, стр. 145 и сл.; *Фасмер* III, стр. 396.
[35] *Даль* II, стр. 687; Опыт, стр. 143; ССРЛЯ 8, стб. 970 и сл.; *Гринченко* III, стр. 61.

лодимерь ... *положенъ* бы҃с въ гробѣ в велицѣи црькви, стыѧ Соѳыѧ (Л. 72, Ип. 79 об.) и др.

Положити въ гробъ, по всей видимости, заимствовано из памятников ст.-слав. письменности, потому в них обычно: **положи є въ новѣмь своемь гробѣ** (Мф. XXVII, 60 Мар. и др.), греч. ἔθηκεν αὐτὸ 'εν τῷ ... μνημείῳ; **въложи і въ гробъ** (Мк. XV, 46 Зогр.) греч. κατέθηκεν αὐτὸν 'εν μνημείῳ, ср.: *вложиша* и *в раку* (Л. 61, Ип. 67) и др.

Обычным должно быть *погребати*: оубиша Аскольда и Дира. несоша на гору *погребоша* и на горѣ (Л. 8, Ип. 9 об. без слова *погребоша*); и несоша и (Олега Вещего. — *А. Л.*) и *погребоша* и на горѣ иже гл҃тьсѧ Щековица (Ип. 15 об., Л. нет.); Судиславъ престависѧ. Ꙗрославъ братъ (Ип. братъ Ꙗрославль) и *погребоша* и въ црькви с҃тго Геѡргиꙗ (Л. 55, Ип. 61).

Также и в памятниках ст.-слав. письменности: **оученици его възѧ сѧ тѣло его и погрѣсѧ є** (Мф. XIV, 12 Мар.), греч. ἔθαψαν αὐτό; **оумрѣтъ же и богатыі тъ. и погребоша ї** (Л. XVI, 22 Сав.), греч. 'ετάφη.

Поскольку у восточных славян преобладал обряд трупосожжения, то не исключено, что *погребати тѣло* в Пов. вр. л. представляет книжный оборот речи, хотя сами слова были известны и восточным славянам.

Про похороны Владимира I рассказывается: и вложиша и *в корсту* (Ип. *въ гробѣ*, Р. *в раку*) мороморѧну, *схраниша* (Ип. спрѧтавше) тѣло ѥго с плачемь (Л. 45, Ип. 49). Здесь употреблен глагол *схраниша*, который в Ип., Р. и др. заменен на *спрѧтавше*. Обратное предположение невозможно, потому что после того, как: вложиша и въ корсту, можно погрести, но не спрѧтати, т. е. 'приготовлять к погребению'. Думается, что здесь тот же глагол, который употребляется позже и поныне: *схоронить* покойника.

Тот же глагол в идентичном значении зафиксирован в восточнославянской форме раньше в повествовании об отношении Святослава к дарам, принесенным ему греками: придоша грьци . . . поклонишас҃ ему. положиша пред ним злато и паволоки. и реч҃ Стославъ кромѣ зрѧ ѡтрокомъ своимъ *схороните* (Л. 21 об.), Ип. . . . и реч҃. Стославъ прочь зрѧ. *похороните*. ѡтрочи же Стославли. вземше похорониша (28). В Ип., кажется, перередактирован более древний текст с заменой наречия *кромѣ* на *прочь*, глагола *съхороните* на *похороните*.

В памятниках ст.-слав. письменности **съхранити** употреблен в значениях 'сохранить' и 'прятать', в значении же 'погребать' он не фиксируется. В связи с этим следует полагать, что *схраниша* (тѣло) — мнимый церковнославянизм, представляющий переделку восточнославянского *съхорониша* (тѣло) на книжный лад. Это тем более вероятно, поскольку рядом употреблено слово, известное только восточным славянам, *корста* < *кърста* (о чем ниже).

Наличие в с.-хорв. *сахранити*, *сахрана* (см. Вводные замечания) — не довод, что *схранища* Пов. вр. л. книжное слово.

Корста, судя по написанию Хр. Г. Ам., из *кърста*, не имеет соответствий в других славянских языках. Кроме того, это слово [36] в звучании *керста*, *кёрста* восходит к фин. kirstu ‘ящик, гроб’ [37]. Объяснима форма kъrsta из kirstu. При заимствовании звук i перед r воспринят как краткий и передан как ъ. Поскольку на севере звук *к* стал смягчаться рано, первые примеры написаний *ки*, *кѣ* фиксируются с XII в. [38], по мнению Л. П. Якубинского, с XI в. [39], то на севере kirstu могло звучать как *кърста*, что, собственно, подтверждается современными диалектными *кёрста*, *керста* [40], а на юге ввиду того, что *к* непосредственно не смягчался, то — *кърста*, отсюда и летописное *корста*. Лит. karstas должно быть из восточнославянского, поскольку оно отражает произношение [корста]; заимствование могло произойти только после падения редуцированных.

Кроме приведенного примера о похоронах Владимира I, где упомянуто слово *корста*, последнее еще раз фиксируется в повествовании под 6600 (1092) г., где читаем: в си же времена мнози чл҃вци оумираху различнꙑмі недугы (Ип. недиги). ꙗкоже глху продающие *корстꙑ*... ꙗко продахомъ *корстꙑ*. ѿ ѳилипова дне до мⷭсопуста .ѕ. тꙁісⷭчь (в Ип. испорчено, после глху читается: продающимъ хрестъ) (Л. 72, Ип. 79 об.); в Р. вместо *корстꙑ* читается *крестъ*. Таким образом, позже писцы *корстꙑ* заменили на *крестъ*.

Объясняется это, видимо, тем, что в самой Пов. вр. л. вместо *кърста* стали употреблять слово *рака*: положиша и (Ярослава. — *А. Л.*) *в рацѣ* мороморане. в цркви стое Соѳьѣ (Л. 54 об., Ип. 60 об.); вземше первое Бориса: в древане *рацѣ* (Ип. в деревани *ракѣ*)... понесоша... по сих (Ип. по нихъ) *с ракою* идаху. и принесше в новую црквь ѿверзоша *раку*... вложиша и *в раку* камену. посем же вземше Глѣба *в рацѣ* каменѣ. вставиша на сани и емше за оужи везоша. и ꙗко бꙑша в дверех. ста *рака* и не иде (Л. 61 — 61 об., Ип. 67).

Обычай ставить умерших в церкви *в раке*, по всей видимости, пришел на Русь вместе с христианством, потому что до этого труп или сжигали, или хоронили, как сказано о Владимире I, *в корсте*. В связи с этим не вызывает сомнения и тот факт, что слово *рака* заимствованное. В памятниках ст.-слав. письменности это слово встречается редко. Так, его находим Мф. XXIII, 29;

---

[36] *Фасмер* II, стр. 225 и 338.
[37] *А. И. Соболевский*. Лекции по истории русского языка, изд. 4. М., 1907, стр. 130 и сл.
[38] Там же, стр. 130.
[39] *Л. П. Якубинский*. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 153 и сл.
[40] *Куликовский*, стр. 36; *Подвысоцкий*, стр. 65.

Горе вамъ кънижъници (Зогр., Остр. кънигъчиа) и фарисѣи і ѵпокрити. ѣко зиждете гробы пророчьскыѣ і красите ракы праведьныіхъ (Мар. Зогр., Остр.) греч.... οἰκοδομεῖτε τοὺς τάφους τῶν προφητῶν καὶ κοσμεῖτε τὰ μνημεῖα τῶν δικαίων.

Как видно, словом гробъ переведено греч. — τάφος 'могила', а рака — μνημεῖον 'памятник, надгробный памятник'. В Супр.: съѣъравъше кости стѣіихъ мжченикъ. положиша а въ ракахъ (81, 10—11).

Кроме того, это слово трижды употреблено в ЖК: повѣлѣ же папежа възложити и въ ракоу, и тако съ ракою възложиша и въ гробъ (гл. XVIII)[41]. Рака, видимо, того же типа гробница, которая сохранилась до сих пор, например, в Киевской Софии: мраморный или каменный ящик — гроб.

Полагают, что слово рака заимствованное либо из готского *arka* 'ковчег', или прямо из лат. *arca* 'ящик, гроб', а чеш. и др. *rakve*, как и рус. *раковина*, — из герм. *arko*[42].

В значении 'могила' в Пов. вр. л. употреблены два слова: *гробъ* и *могъıла*, причем в начале обычно второе слово, а первое в этих местах только в цитатах, например: *на гробѣ* трусъ. въздохну (Ип. 16, Л. нет.); и по смерти его пребывающа въ (Р. оу) *гроба* его знамены твораху въ има его (Ип. 16) — оба примера из Сказания об Аполонии Тиянском; положиша и *въ гробѣ* и печатьми запечатьлѣша *гробъ* (Л. 35 об., Ип. 40 об.) — из «Речи философа».

Когда же речь идет о русских, то в тех же местах употребляется слово *могъıла*: на тои *могилѣ* (Аскольда. — *А. Л.*) поставилъ црквь (Ип. божницю) свтго Николу (Ип. — лы), а Дирова *могила* за стою ѡриною (Л. 8, Ип. 9 об.); есть же *могила* его до сего дни. словеть *могила* ѡлгова (Ип. 15 об., Л. нет); и погребенъ бъıс Игорь. есть *могила* его оу Искоръстѣна в деревехъ и до сего дне (Л. 15, Ип. 21 об.); есть же *могъıла* его (Стополка Окаянного. — *А. Л.*) в пустъıни и до сего дне (Л. 49 об., Ип. 54 об.). Последний пример является последним в Пов. вр. л., в котором употреблено слово *могила*. Далее уже употребляется только слово *гробъ*, например: и прінесше ю (Яневую. — *А. Л.*) положиша ю в цркви... противу гробу ѳеѡдосьеву (Л. 71, Ип. 78 об.); престависѧ великъıи кнѧзь Всеволодъ снъ Ꙗрославль. внукъ Володимерь... положенъ бъıс *въ гробѣ* в велицѣи цркви стъıа Соѳıа (Л. 72, Ип. 79 об.); Стополкъ коли идѧше на воину или инамо. ноли (Ип. оли) поклонивъсѧ *оу гроба* ѳеѡдосьева (Л. 95, Ип. 97) и др.

Из примеров ясно, что обычным древнерусским словом было *могъıла*, а *гробъ* — отглагольное имя *grebǫ*>*grobъ* — в этом значении на Руси не употреблялось. Этим, видимо, объясняется то,

---

[41] *П. А. Лавров.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 36 и 66.

[42] *Преображенский* II, стр. 178; *Фасмер* III, стр. 437 и сл.; *Machek*, стр. 413.

что слово *гроб* в народе усвоено в значении древнего *кърста*, а не *могила*. В последнем значении в памятниках ст.-слав. письменности обычно слово **гробъ**, которым переведено греч. τάφος, λάκκος [43].

Слово *могъıла*, по имеющимся данным, общеславянское, происхождение же его достоверно не установлено [44]. Слово *гробъ* близко восточным славянам, поскольку оно связано с глаголом *гребу*, а по словообразовательным моделям с таким, как *беру — боръ*, *съберу — съборъ*, *велю — волıа* и т. п.

Замена же слова *кърста* на *рака*, *могъıла* на *гробъ* обусловлена тем, чтобы не смешивать языческие понятия с христианскими.

Как видим, в древней Руси был устойчивым обычай в любое время года везти покойника на санях. Так, Владимир умер 15 июля 1015 г., тем не менее: взъложьше и *на сани* везъше поставиша и въ ст҃ѣи бц҃и (Л. 45, Ип. 49); Ярослав умер в феврале 1054 г. [45] и его: възложьше *на сани* везоша и Кıіеву (Л. 54 об., Ип. 60 об.), и даже Феодосья Печерского: братьıа же вземше и *на сани* поставиша и прдмо цр҃кви (Л. 62 об., Ип. 68 об.) и др.

Ничего подобного в памятниках ст.-слав. и церк.-слав. письменности не встречается. Таким образом, установившийся в период язычества обычай везти покойника на санях внедрился и в христианство. Слово *сани* не зафиксировано в памятниках ст.-слав. и церк.-слав. письменности, хотя оно и признается общеславянским с невыясненной этимологией [46].

Понятие 'покойник' передается словами: *тѣло*, *трупъ*, *мьртвьць* и *навье*. Всеволодъ же спрдта *тѣло* ѡца своегѡ. възложьше на сани везоша и Кıеву (Л. 54 об., Ип. 60 об.); и здѣлаша над нею божонку. идеже лежит *тѣло* еıа (Евпраксии. — *А. Л.*). — (Л. 95 об., Ип. 97 об.); влачиша *трупье* изъ гробли... и налѣзоша и ѠЛьга вıсподи *трупьı* (Л. 23 об., Ип. 29 об.); послѣже не ѡбрѣтоша *тѣла* сего (Георгия, слуги Глеба. — А. Л.) *въ трупии* (Л. 46, Ип. 50 об.); приведе ıанка митрополита Iѡана скопьчину. ıего же людıе вси рекоша. се намъ (Р. *навьıе*, Ип. мр҃твець) пришелъ (Л. 69 об., Ип. 77); и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ. но конь ихъ видѣти копıта. и тако ѳıазьвлдхуı люди плотьскıіа (Р. полоцкиа) и ıего ѡбласть · тѣмь и чл҃вци глху. *навıе* (Ип., Р. *навье*) бьют полочанъı (Л. 72, Ип. 79 об.).

Тѣло 'корпус' — общеславянское слово основы на -es, по происхождению очень древнее, восходящее к индоевропейской, дославянской поре [47].

---

[43] Slovník jaz. stsl. I, стр. 435 и сл.
[44] *Фасмер* II, стр. 634 и сл.; *Machek*, стр. 304.
[45] *С. А. Высоцкий.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. I. Киев, 1966, стр. 39 и сл.
[46] *Преображенский* II, стр. 250; *Фасмер* III, стр. 556 и сл.; *Machek*, стр. 439.
[47] *А. Мейе.* Общеславянский язык, стр. 281; *П. С. Кузнецов.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961, стр. 28 и сл.

В отличие от слова *тѣло* словом *трупъ* обозначается 'убитое и брошенное тело'. Таково же значение этого слова и в памятниках ст.-слав. письменности, ср. **ідеже бо аште бѫдеть троупъ тоу съберѫтъ сѧ орьли** (Мф. XXIV, 28 Мар. и др.), в греч. на месте **троупъ** — τὸ πτῶμα — 'мертвое тело, труп'; **и слъшавъше оучєници єго възѧсѧ троупъ єго** (обезглавленного Иоанна крестителя. — *А. Л.*) **и положиша и въ гробѣ** (Мк. VI, 29, Мар. и др.), в греч. τὸ πτῶμα, тогда как **тѣло** в ст.-слав. соответствует греч. τὸ σῶμα.

Как видно из приведенных выше примеров, поздние переписчики Пов. вр. л., не понимая слова *навье*, либо исказили его, как в Л. 72, написав *нав҃ѣ* вместо *навье*, либо заменяли его, как в Ип. 77: *мр҃твець*, либо опускали, как в Л. 69 об. По существующим данным, *навь*, *навье* — общеславянское слово, в восточнославянских говорах известно до сих пор [48]. Памятники ст.-слав. письменности это слово не зафиксировали, в церк.-слав. памятниках оно на месте греч. ὁ νεκρός 'покойник' [49].

Авторы Пов. вр. л. слово *навье* внесли в свое произведение, надо полагать, из живой речи восточных славян.

Погребение сопровождалось плачем, ср. и *плакашасѧ* по немь (т. е. по Владимиру I) болѧре . . . оубозии (Л. 45, Ип. 49); *плакашасѧ* по немь (т. е. по Ярославу) людье (Л. 54 об., Ип. 60 об.), при этом говорится: попове поюще ѡбꙑчнꙑѩ пѣсни (там же).

Обычай плакать, точнее, устроить специальный плач о покойнике, считается языческим [50]. Таким образом, языческий обряд плача при похоронах сопровождался христианским обрядом петь ѡбꙑчнꙑѩ пѣсни.

На могиле покойного устраивали *тризну*: аще кто оумрѧше творѧху *тризно* (Ип. *трызну*, А. *тризну*) надъ нимъ (Л. 5, Ип. 6 об.); се оуже иду къ вамъ. да пристроите медꙑ многи (И. мьногы) въ градѣ (Ип. оу города) идеже оубисте мужа моего до поплачюсѧ надъ гробомъ его. и створю *трызну* (Х. П., *тризну*) мужю своему (Ип. моему — Л. 16, Ип. 22 об.); Ѳльга . . . плакасѧ по мужи своемъ. и повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику. Ꙗко соспоша (Ип. съспоша) и повелѣ *трꙑзну* (Х. П. *тризну*) творити. посемь сѣдоша деревлѧне пити (Л. 16, Ип. 22 об.); заповѣдала Ѳльга не творите (Ип. -ти) *трꙑзнꙑ* надъ собою (Л. 20 об., Ип. 27).

Мы привели все примеры из Пов. вр. л., в которых зафиксировано слово *тризна*, но из примеров неясно, какой ритуал обозначался этим словом. Одно все же кажется неоспоримым, что это не был ритуал поминок, обычно состоящий из еды и питья. Как видно из примеров, Ольга заказала пристроити меды мъногꙑ, а пить их сели после того, как *тризна* была совершена. В связи

---

[48] *Miklosich*, стр. 21 и сл.; *Преображенский* I, стр. 588 и сл.; *Младенов*, стр. 317; *Фасмер* III, стр. 35; *Machek*, стр. 319 и сл.; *Даль* II, стр. 389; *Гринченко* II, стр. 474.

[49] *Срезневский* II, стр. 272 и 268.

[50] *Л. Ниде рле*, Указ. соч., стр. 208.

с этим сближение интересующего нас слова с *троути*>*тръти* 'кушать, кормить', как это полагает, например, М. Фасмер [51], не имеет под собою оснований. М. Фасмер при этом исходит из написания *тръизна*, полагая его первичным. Думаем, прав А. И. Соболевский, относя написание в Л. *тръизна* к явлениям, отражающим отвердение *р*, как и в словах *крыло*, *крыкъ*, *рыгати* и т. п. [52]

Таким образом, исходным следует признать написание *тризна*, которое отражено и в Супр. в примере: **Дъвѣ бо приимъши дъвѣ прида. и иже пать такожде. оноуде же понеже отъ тогожде положениа. овъ множаи и овъ же хоужденіи приносъ показаста. да въ лѣпотѫ и на тризнахъ не тъчьно приимета** (376, 6—11), в греч. на месте на тризнахъ — ἐντοῖς ἐπάθλοις.

В приведенном примере вначале речь идет о притче о 10 мнасах, розданных хозяином своим рабам с целью, чтобы они занялись торговлей (см. Л. XIX, 12—26). Как сказано: «получивший два (мнаса) увеличил еще на два, а кто пять также» (на пять). Отсюда, таким образом, кто больший, а кто и меньший доход получил заслуженно: «и на состязаниях неодинаковую же (награду) извлечете» (получите).

На тризнахъ, поскольку им переведено греч. ἐντοῖς ἐπάθλοις, следует понимать и соревнование, и награда, получаемая на соревнованиях, т. е. **тризна** 'награда за действия'.

По имеющимся данным, в памятниках др.-рус. письменности существительные на *-зна* образованы как от глагольных, так и от именных основ, так: *потрѣбизна* от *потрѣби-*(ти), *оудобизна* от *оудоби*(ти), *оукоризна* от *оукори-*(ти), *хоудизна* 'бедность' от *хоуди-*(*ти*) 'уменьшать, ослаблять', *главизна* от *глава* (?), *оутлизна* от *оутьлъіи*, *цѣлизна* от *цѣлъ* и т. п. Судя по тому, что слова: *главизна*, *оутлизна*, *цѣлизна* и др. содержат в основе обязательно *и*, то вполне вероятно, что подобные образования вторичны и оформлены по аналогии с отглагольными образованиями *оудобизна*, *оукоризна* и т. п. Так как *тризна* дохристианское слово, то оно может быть только первичным древнейшим образованием от глагольной основы. Из этого следует, что данное слово может быть отглагольным по образованию, т. е. от *(s)trī-(ti). О. Н. Трубачев [53] полагает, что *тризна* — образование от числительного *тризъ* [54], т. е. образование типа *близна* от *близъ*, *дрѧзна* 'лес', ср. *дрѧзда*, *дрѧзга* в том же значении; *бразна* при *бразда*, *борозда* и т. п.

В первом случае *тризна* обозначала бы какие-то ритуальные действия, возможно, после того, как засыпана могила, «у изголовья зажигали костер, и все участники похорон гуськом трижды обхо-

[51] *Vasmer* III, стр. 138.
[52] *А. И. Соболевский*. Указ. соч., стр. 139.
[53] *О. Н. Трубачев*. Следы язычества в славянской лексике. I. Слав. trizna. «Вопросы славянского языкознания», вып. 4. М., 1959, стр. 130—135; см. также *Й. Вукович*. Trizna → trzna → trza на славянской языковой территории. «Русское и славянское языкознание». М., 1972, стр. 68—74.
[54] *Срезневский* III, стр. 997.

дили могилу, после чего говорили: мы тебя будем помнить, но ты нас не вспоминай, затем уходили, не оглядываясь назад» [55], или же специальными действиями, напоминающими сражение, отгоняли злых духов от покойного, — по предположению исследователей славянских древностей [56].

Во втором случае, как полагает О. Н. Трубачев, участники похорон приносили в жертву трехгодовалого животного или птицу.

Все сказанное свидетельствует о том, что этимология слова *тризна* остается еще невыясненной ввиду неясности реалии, обозначаемой этим словом.

Как бы то ни было, но слово *тризна* у восточных славян было праславянским наследием.

Мы рассмотрели слова, обозначающие похоронные обычаи. Скажем о самом слове *обычаи*, образовавшемся от основы глагола *obwyk-(nq-ti):*obyk-ěj> — *обычаи*, по типу: *шьвѣи* от *шити*, *слоучаи* от *слоучити сѧ* и т. п. *Обычаи* 'традиционно установившийся порядок и правила поведения', ср.: полѧне бо своих ѡць ѡбычаи имуть кротокъ и тихъ... брачныи ѡбычаи имѧху (Л. 5, Ип. 6—6 об); половци... поимають мачехи своѧ ѥтрови и иныѧ ѡбычаѧ отець своихъ (творѧть) (Л. 6, Ип. 7 об.); такъ бо ѡбычаи имѣаше Стополкъ. коли идѧше на воину. или инамо ноли (Ип. оли) поклонивъ сѧ оу гроба ѳеѡдосьева (Л. 95, Ип. 97); и приспѣвшю вкушению хлѣба. приде Антонии по ѡбычаю ко ѡконцю... (Л. 65, Ип. 71 об.) и т. д. Слово *ѡбычаи* — праславянское [57].

В значении 'обычай' употреблено всего один раз *норовъ*: ѡн же (Свѧтославъ. — *А. Л.*) не послуша мтре. творѧше *норовъ* поганьскыѧ не вѣдъıи. аще кто мтрь не послушаеть. в бѣду впадаеть (Л. 18 об., Ип. 25). Это слово обычно употреблено в неполногласной форме в разных значениях:

1) 'привычка': послѣдовавъ оученью ихъ. и *нраву* ихъ. въздержанью ихъ. и правило ихъ правѧ. паче же ревноваше великому ѳеѡдосью. *нравомъ* и житьемь подобасѧ житью ѥго (Л. 71 об., Ип. 79);

2) 'характер': бѣ же Изѧславъ... незлобивъ *нравомъ*. криваго ненавидѣ... (Л. 68, Ип. 75);

3) 'образ действия': дыѧволъ лстить и другъıми *нравъı* всѧчьскъıми. льстьми превобліѧ нъı ѿ ба (Л. 57 об., Ип. 63) и т. п.

Отмеченные значения неполногласной формы характерны памятникам ст.-слав. письменности, например: **Єгда нравъ благъ съ доброчьстиемъ въздрастъ... приметь** (Супр. 252, 2), греч. τρόποι 'характер'; **подобнок нравомъ житик** (там же 557), греч.

---

[55] *Н. И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка, вып. V. Чебоксары, 1930, стр. 221.

[56] *Л. Нидерле.* Указ. соч., стр. 212 и сл.; ССРЛЯ 15, стр. 964 и сл.

[57] *А. Meillet.* Études, стр. 393; *Преображенский* I, стр. 634; *Фасмер* III, стр. 112.

нет, по значению 'привычка'; **исповѣдаѭште шьствиѥ нрава** (там же 55, 20), греч. πορεία 'образ действия', 'походка' и др.

И. Срезневский привел довольно много примеров в словарных статьях *норовъ* в основном на значение 'обычай', а *нравъ* в различных значениях[58]. По-видимому, восточнославянское *норовъ* было в основном однозначно, а ст-слав. **нравъ** полисемантично. Этим, надо полагать, объясняется то, что употребление неполногласной формы в Пов. вр. л. является преобладающим.

Свойство характера, или, точнее, 'способность ориентироваться и понимать происходящее вокруг', обозначается прилагательным *смыслен*ъ < *съмыслнъ*, образованным от *съмыслъ*, например: и приде к нему ѡльга. и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и *смыслену* (Ип. добавлено: велми) оудививъсѧ ц҃рь разуму ея (Л. 17 об., Ип. 24); бѣ бо Болеславъ великъ и таѥкъ... но баше смысленъ (Л. 48 об., Ип. 53 об.); и рѣша ѥму мужи смыслени. не кушаисѧ противу имъ. ѩко мало имаши вои (Л. 72 об., Ип. 80 об.); начаша сѧ друзии *несмыслении* г҃лти. поиди кнѧже (Л. 73, Ип. 80 об.) и т. п.

Это прилагательное обычно и в памятниках ст.-слав. письменности, например: **овъ бѣ несъмысленъ. овъ смысльнъ** (Клоц. 7а, 5—6), греч. ὁ μὲν ἄλογος, ὁ δὲ λογικός; **сътвореи... чка... образомь съмысльнъимь** (Син. тр. 8б, 4—9), греч.... τὸν ἄνθρωπον... εἰκόνιτῇ νοερᾷ; **съмыслъно отъвѣшта** (Мк. XII, 34 Мар. и др.), греч. νουνεχῶς ἀπεκρίθη и др.

Как видно из примеров, прилагательным **съмысльнъ** переводили различные греч. слова.

Является ли слово *смысленъ* в Пов. вр. л. книжным или некнижным словом, сказать трудно. Не исключено, что рассматриваемое прилагательное было общеславянским. Это тем более вероятно, что в Пов. вр. л. встречается и сущ. *смыслъ*: гладаи взора (его). и лица его и *смысла* его (Л. 21 об., Ип. 28).

В Пов. вр. л. зафиксированы такие черты характера, как *ласкавъ*, *кротъкъ*, *простъ*, *смѣренъ*, *тихъ*, *гърдъ*, *лъживъ*. Приведем несколько примеров: Іѡанъ митрополитъ... *ласковъ* (Ип. *ласкавъ*) же ко всѧкому ба҃ту и оубогу. смѣренъ же и кротокъ. молчаливъ (Л. 69 об., Ип. 77).

Написание в Л. *ласковъ*, по мнению А. И. Соболевского, несогласно с древним произношением[59], должно быть *ласкавъ*, как это написано в Ип., а также в памятниках ст.-слав. письменности в переводе греч. γλυκύς 'приветливый, любезный, ласковый'[60]. *Ласкавъ* образование типа: *кръвавъ*, *сѣдинавъ*, *ставъ* от *стати* и т. п. В Л. форму *ласкавъ* переделал на *ласковъ* последний писец по аналогии: *адовъ*, *громовъ*, *жениховъ*, *кожуховъ* и т. п. *Ласкавъ* — праславянское слово.

---

[58] *Срезневский* II, стр. 467 и 471.
[59] *А. И. Соболевский*. Указ. соч., стр. 81.
[60] Slovník jaz. stsl. II, стр. 107.

Кротъкъ встречается не так часто, кроме приведенного выше примера, ср. еще: бѧше сь кнѧзь (Ипрополкъ. — *А.Л.*) тихъ, *кротъкъ*. смѣренъ и братолюбивъ (Л. 69 об., Ип. 76 об.); Ѳеѡдосии послушьливъıи. *кроткъıи* ... (Л. 54, Ип. 59 об.); кнѧзь Всеволодъ снъ Ꙗрославль ... престависѧ тихо и *кротко* (Л. 72 об., Ип. 80) и др. В памятниках ст.-слав. письменности этим прилагательным переведены греч. ἥμερος 'ручной' (о зверях), πραΰς 'тихий, спокойный, сдержанный'[61]. Формы *кротость*, *кротолюбьць*, *кротѣи* свидетельствуют о том, что непроизводной основой их является krot-. По мнению А. Лескина, первоначально она относилась к основам на *-u*, от которой и образовано **кротъкъ**, **лъгъкъ**, **тѫжькъ** и т. п.[62] Слово *кротъкъ* известно всем славянским языкам, кроме лужицких. Этимология его неясна. Мнение Э. Бернекера, Ф. Славского и др., что *кротъкъ* восходит к и.-е. корню **(s)ker-* 'резать, сечь' с первоначальным значением 'кастрированный', откуда и 'ручной'[63] — спорно. Дело в том, что если это было так, то метатеза **(s)kor-* на **kro-* возможна только в отдельных западнославянских языках, в частности, в польском. Отсутствие, например, в чешско-морав. сочетания *kra* — наряду с польским *kro* — свидетельство того, что данная этимология не отражает действительности. Едва ли допустимо полагать, что в евангелии — апракосе слово **кротъкъ** — полонизм, ср. Мф. XI, 29: **кротъкъ есмь и съмѣренъ сръдцемь** (Сав., л. 135, Ас. л. 128 в.); Мф. V, 5: **блажени кротции** (Ас. 113 с., Сав. 125); Мф. XXI, 15: **цръ твои идетъ тебѣ кротъкъ** (Сав. 84, Ас. 158 в.). Во всех примерах кротъкъ на месте греч. πραΰς.

По мнению А. Преображенского, слово *кротъкъ* в русском языке книжное[64]. Возможно, что он прав, так как производные от него явно книжные, как: *кротость*, *кротѣи*, *кротолюбивыи*, *оукрощение* и т. п.

Простъ: бѣ же Изѧславъ ... любѧ правду. Не бѣ в немь лсти (Ип. льсти). но *простъ* мужъ оумомъ (Л. 68, Ип. 75); бѣ же се мужь (митрополит Янка. — *А. Л.*) оумомъ *простъ* и *просто* рещи (Р., Ип. *просторѣкъ*) (Л. 69 об., Ип. 77). В этих примерах прил. *простъ* употреблено в значении 'нельстив, нехитр' а *просторѣкъ* 'говорящий прямо, без экивок', ср. еще: старьць же съıи *простъ* оумъмь и не разоумѣвъ лъсти ꙗ҃ гла ꙗи ꙗко сде ꙗсть снъ твои (ЖФП, л. 32 б.).

В памятниках ст.-слав., а также др.-рус. письменности *простъ* и производные от него широко употребительны в самых различных значениях[65]. Полагают, что в своем составе слово имеет при-

---

[61] Slovník jaz. stsl. II, стр. 143 и сл.
[62] *А. Лескин.* Грамматика древноболгарского (древнецерковного) языка. Казань, 1915, стр. 137.
[63] *Berneker* I, стр. 624 и сл.; *Sławski* III, стр. 143 и сл.
[64] *Преображенский* I, стр. 325.
[65] *Sadnik-Aitzetmüller*, стр. 109; *Срезневский* II, стб. 1582 и сл.

ставку *pro-* и глагол *sta-/sto-*[66]. Первоначальным значением прил. *простъ* было 'стать прямо', например: напишеть крътъ на земли и цѣлуетъ. въставъ *простъ*. станеть на немь ногами (Л. 39 об., Ип. 43). В переносном употреблении *простъ* стал обозначать 'простодушный, прямой, нельстивый' и т. д. В этих значениях оно встречается и в памятниках ст.-слав. письменности, например: **съвръшена кстъ зѣло доуша кго. христовъ же рабъ зѣло простъ съі** (Супр. 171, 3—5), греч. ἁπλοῦς 'простодушный'.

Простъ — праславянское слово.

Съмѣрьнъ: θεωдосии послушьливъıи. кроткъıи. смѣренъıи (Р., Ип. *смиреныи*). да сь будеть вамъ игуменъ (Л. 54, Ип. 59 об.); ср. еще пример, приведенный выше о митрополите Янке. В памятниках ст.-слав. письменности слово **съмѣрьнъ** переведено греч. ταπεινός 'покорный, послушный', лат. *supplices* в том же значении. Прил. **съмѣрьнъ** образовано от основы глагола **съмѣр-ѣ-ти**, ср. **съмѣрѣахъ постомь дшѫ моѭ** (Син. пс. XXXIV, 13) греч. ἐταπείνουν 'усмирил'; **сѫди(те) сіроу і ніштю съмѣрена і оубога оправдите** (там же LXXXI 3). греч... ταπεινὸν καὶ πένητα δικαιώσατε; **съмѣрьно тѣѫ молимъ... бже** (Киев. л. 2б.), лат. *supplices te rogamus... Deus*.

На древнерусской почве прилаг. **съмѣрьнъ**, контаминируясь с *миръ* 'спокойствие, мир', рано стало писаться и произноситься *смиренъıи*, а дальше — и *смирный*. Видимо, этот факт является показателем того, что в восточнославянских диалектах или в древнерусской речи глагола *sъmĕrĕti*, *sъmĕriti* в значении 'укрощать', 'усмирить' не было, поэтому **съмѣрьнъ** стало *смиренъıи*, причем последнее воспринималось как причастие, а прилагательное стало звучать как *смирнъıи*. Прилаг. *тихъ* встречается редко, собственно как черта характера только в примере: бѫше ... сь кнѧзь. *тихъ* (Р., Ип. Ѩрополкъ) кротъкъ. смѣренъ (Л. 69 об., Ип. 76 об.). *Тихъ* читается в Л. А. Шахматов это место реконструировал так: бѫше ... сь кнѧзь Ѩропълкъ *тихъ*. кротъкъ ...[67]. Прилаг. *тихъ*. для оценки характера 'спокойный, кроткий' фиксируется в ряде других оригинальных памятников др.-рус. письменности[68], так что употребление его в Пов. вр. л., видимо, вызвано не только влиянием таких оборотов: **кротъкъ бѣ (зѣло) и тиχъ. чловѣкъ** (Супр. 383, 23—24), но и тем, что слово бытовало в восточнославянской речи.

Гърдъ: бѣıша бо ѡбърѣ тѣломъ велици. и оумомь *горди* (Л. 4 об. Ип. 6); ѡни же (древляне. — *А. Л.*) сѣдяху в перегъбѣх въ великихъ сустугахъ *гордѧщесѧ* (Л. 15, Ип. 22 об.).

Заметим, что корень этих слов *гърд-*, ст.-слав. **гръд-** общеславянский, но в значении 'заносчивый, заноситься' он фикси-

[66] *Преображенский* II, стр. 134 и сл.; *Brückner*, стр. 439; *Фасмер* III, стр. 380; *Machek*[2], стр. 485.
[67] *А. А. Шахматов.* Повесть временных лет, стр. 262.
[68] *Срезневский* III, стб. 965.

руется в восточнославянских диалектах, но не во всех славянских языках[69]. В приведенных примерах *горди* и *гордѧщесѧ*, несмотря на то, что в последнем форма причастия книжная, — несомненно из восточнославянской речи. Вероятно, что *гордѧщесѧ* окнижненное *гърдѣчесѧ*

По своему значению к *гърдити сѧ* близко или даже идентично *величати сѧ*, зарегистрированный два раза: мною (книгами — *А. Л.*) *вельможа величаютсѧ* (Притч. Солом. VIII, 16. — Л. 51 об., Ип. 57), греч. μεγιστᾶνες μεγαλύνονται; придоша сли (Ип. послѣ) из нѣмець ... Стославъ же *величашесѧ* показа имъ бат҃ство свое (Л. 66 об., Ип. 74).

В данном случае невозможно решить, был ли глагол *величатисѧ* в значении 'гордиться' в восточнославянской речи или же это книжное слово, которое в памятниках ст.-слав. письменности, кажется, является калькой с греч. μεγαλαυχείν.

Лъживъıи: Двдъ же емъ вѣру *лживъıм* словом (Ип. словесемъ). нача молвити на Василка (Л. 87, Ип. 88); Стополкъ же смѧтесѧ оумом река (Ип. рекии). еда се право будет. или *лжа* не вѣдѣ (Ип. видѣ) (Л. 87, Ип. 88 об.); бѣша бо ѥму рекли (лѧхи. — *А. Л.*) ꙗко аще придут на тѧ русскъıѣ кнѧзи, то мъı ти будем помощници. и *солгаша* ѥму емлюще злато ѕ Двда и ѕ Стополка (Л. 90 об., Ип. 92 об.).

Все слова от корня *lъg-*: *лъгати*, *лъжь*, *лъживъ* и т. д. праславянские[70].

Собственно, *лживи* словеса, *лъжа*, *сълъгати* не квалифицируют характер человека, а обозначают взаимоотношение между людьми, хотя теоретически вполне возможно сочетание слов *лъживъ человѣкъ*, как в Син. пс. **мѫжъ крівъ і лъжівъ** (V, 7), греч. ἄνδρα αἱμάτων καὶ δόλιον. Эта же цитата в пс. LIV, 24 читается: **мѫжи крьві і льстівї**, хотя в греч. ἄνδρες αἱμάτων καὶ δολιότητος. В такой редакции это место цитируется в Пов. вр. л.: мужь въ крови льстивъ (Ип. мужи крови льстиви — Л. 24, Ип. 30 об.).

Последний пример единственный, в котором употреблено прил. *льстивъ*, в остальных примерах слова от этой основы употреблены в формах существительного и глагола, например: Володимеръ же посла къ Блуду воеводѣ Ꙗрополчю с *лестью* гл҃а. попрıѧи ми (Л. 24, Ип. 30); рѣша варѧзи. *сольстилъ* (Ип. *съльстилъ*) еси нами. да покажи нъı путь въ греки (Л. 25, Ип. 31): посъıлаѧ к Борису гл҃ше ... *льстѧ* под нимь. како бъı и погубити (Л. 45 об., Ип. 50); приде волхвъ *прелщенъ* бѣсомъ, пришедъ бо Къıеву гл҃ше. сице Днѣпру потещи вспѧть (Л. 59, Ип. 64 об.) и т. д.

---

[69] *Преображенский* I, стр. 146; *Berneker* I, стр. 370; *Brückner*, стр. 135; *Sławski* I, стр. 405; *Фасмер* I, стр. 440; *Machek*, стр. 183 и сл.; БЕР, стр. 264 и 288.

[70] Примеры см. Slovník jaz. stsl. II, стр. 141—145; *Срезневский* II, стб. 60—62.

Лъсть, лъстити, лъстивъ и др., как полагают, восходят к заимствованию в праславянскую эпоху герм. *lists*, поэтому позже они в отдельных славянских языках представляли в виде праславянского наследия[71]. Однако следует заметить, что глагол *лъстити* в приставочном образовании встречается в основном с *пре-* ‹*прѣ-*, например: рѣ҃ч има ѩнь поистинѣ *прельстилъ* ва҃с *есть* бѣсъ (Л. 59 об., Ип. 65 об.); волхвъ ... Новѣгородѣ ... многъı *прельсти* мало не всего града (Ип. городъ) (Л. 61, Ип. 66 об.); Сто҃слав ... Всеволода *прельсти* гла҃. ѩко Изѧславъ сватитсѧ со Всеславомъ ... мъıсла҃ на наю (Л. 61 об., Ип. 67 об.); *прельсти* (Ип. *перельсти*, но Х. П. *прелсти*) Дв҃дъ Сто҃полка (Л. 97, Ип. 88 об.) и др.

По всей видимости, с приставкой *пере-* глагол *лъстити* не употреблялся. Правда, Ф. П. Филин, кроме приведенного нами, ссылается еще на пример: како бы имъ оузъмощи *перельстити* кн҃за҃ своего (Ип. 120)[72], но приведенные формы из Ип., вероятнее всего, относятся к искусственным написаниям типа *верема́*, *простороньство*, *скоропии* и т. п., которые особенно характерны Ип.

К словам с основой *лъст-* близки по значению *клюка*, *переклюкати*: бѣ же Изѧславъ ... кривдъı ненавида́. люба́ правду. *клюкъ* же (Л. *лсти*, Р. *клюки*) в немь не бѣ. ни *лъсти*. но простъ оумомъ (Ип. 75, Л. 68); и рѣ҃ч цр҃ь *переклюкала* (Ип. аорист: *переклюка*) ма́ еси Ѳ҃льга (Л. 17 об., Ип. 24 об.) Чтение Л. *лсти* в немь не бѣ. ни *лъсти* — тавтологично, по всей вероятности, относится к заменам *клюкъı* словом *лсти*. В первичном тексте Пов. вр. л., надо полагать, читалось так, как дошло в Ип., Р. и др.

В памятниках ст.-слав. письменности слова с основой *клюк* — в значении ‘лесть, хитрость, уловка’ не зафиксированы. Показательно, что в одном русском списке ев. XII в. И. I, 48 вместо къ нѣма́ же ла҃сти нѣ҃стъ читается: ... клюкъı нѣ҃[73]. Этот факт свидетельствует о том, что древнерусский писец не видел разницы в значениях между словами *лъсть* и *клюка*. Помимо этого, для него было более обычным второе слово. В укр. и поныне: *клюки робити*, *ключкувати* ‘делать увертки’, ‘увертываться’[74], ср. еще чеш. *kličkа* ‘уловка, увертка’, пол. kluczka ‘хитрость’[75].

Клюка в значении совпадает с *лука*, который в основном встречается в составе производных: *лукавъıи*, *лукавьнъıи*, *луковати*, *лукавьствовати*. В Пов. вр. л. сущ. *лука* в значении ‘хитрость, обман, уловка’ не зафиксировано, его находим всего один раз

---

[71] *Преображенский* II, стр. 448; *Berneker* I, стр. 755; *Фасмер* II, стр. 487; *Machek*[2], стр. 327.
[72] *Ф. П. Филин.* Лексика рус. лит. яз., стр. 212.
[73] *Срезневский* I, стб. 1230.
[74] *Гринченко* II, стр. 254 и сл.
[75] *Trávníček*, стр. 665; *Berneker* I, стр. 528, *Фасмер* II, стр. 257.

в Поучении Владимира Мономаха: с точными и меншими любовь имѣти. без *луки* бесѣдующе. а много разумѣти (Л. 79). В памятниках ст.-слав. письменности лжка в том же значении один раз зафиксировано в Син. тр. и 4 раза в Супр. [76]

Производные от *лук-(а)* в Пов. вр. л. употребляются в текстах, в которых проповедуется христианская мораль, при этом нередко в цитатах: въ ѣденьи бо мнозѣ и питьи безмѣрнѣ въздрастаютъ помъıсли *лукавии* (Л. 62, Ип. 68); аще ли (кнѧзи. — *А. Л.*) зли и *лукави* бъıвають то болше зло наводить бъ на землю (Л. 48, Ип. 52 об.); «будеть землѧ ваша пуста, и двори ваши пусти будут. ѩко въı худи есте и *лукави*. и азъ поиду к вамъ ѣростью *лукавою*» тако глть гъ бъ излевъ. иде *лукавии* снве измаилеви пожигаху села и гумна (Л. 74, Ип. 82), — заключенное в кавычки — цитата Лев. XXIV, 33, 27—28; подобаше бо намъ в руцѣ преданым бъıти. ѩзъıку страньну. и безаконьну (Л. безконьнѣишю). и *лукавнеишю* паче всеѧ землѧ (Ип. 82, Л. 74 об., в последнем нет слова *лукавнеишю*), пример — цитата из Дан III, 32; се бо *лукавьствоваше* (Ип. сь оубо *луковаше*, также Р. А. и Х. П.) на кнѧзѧ своего лестью (Л. 24, Ип. 30 об.). Отметим, что в цитате из Лев. XXVI, 27—28 *лукави*, *лукавою* передают греч. πλάγιοι, πλαγίῳ 'непрямой, лукавый', а в цитате из Дан. III, 32 *лукавнеишю* на месте греч. πονηροτάτῳ 'дурнейшему, злостнейшему'.

Как уже писали, переносное употребление сущ. лжка, а также производных от основы прилагательного в значениях 'хитрый, коварный', 'хитрить, лукавить', обычны в южных и восточных славянских языках [77]. С этой точки зрения в Пов. вр. л. слова *лука*, *лукавъıи* и др. должны быть собственно восточнославянскими, за исключением цитат из церковых книг. Форма глагола лжковати или лжкавити в памятниках ст.-слав. письменности не зафиксирована, в них имеется форма глагола лжкавновати. Помимо этого, нередка форма прил. лжкавьнъ [78], образованная от основы же прил. лжкав-.

Таким образом, *луковаше* — форма восточнославянская, а *лукавьствовати*, видимо, — искусственная, *лукавнѣишю* — книжная.

Преобладание в употреблении форм от основы прилагательного лжкав-, *лукав-*, кажется, свидетельствует о том, что первоначально для оценки характера человека было использовано прилагательное. При этом не исключено, что употребление сущ. лжка в значении 'хитрость, кознь' развивалось под влиянием этих же значений формы лжкавъıи.

Слова *зависть*, *завидѣти* в Пов. вр. л. встречаются редко, обычно в текстах, проповедующих христианство или разоблачающих нечистую силу: на сего (т. е. сына грека-христианина. —

---

[76] Slovník jaz. stsl. II, стр. 169.
[77] *А. С. Львов.* Очерки по лексике, стр. 199 и сл.
[78] Slovník jaz. stsl. II, стр. 170 и сл.

А. Л.) паде жребий по *зависти* дыѧволи (Л. 26 об., Ип. 32 об.), чтобы принести в потребу кумирам; дыѧволъ радуетсѧ злому оубиистьу и крови пролитью. подвизаѧ сварꙑ. и *зависти*. братоненавидѣнье. клеветꙑ (Л. 56 об., Ип. 62 об.); бѣси на злое всегда ловѧть. *завидѧще* ему. понеже видѧть чл҃вка бм҃ь почьщена (Р. почтена) и *завидѧще* ему. на зло слеми скори суть (Л. 46 об., Ип. 51).

Формы *завида*, *завидѣти*, *зависть*, *завистьливъ*, *завистьникъ* и др. особенно употребительны в памятниках ст.-слав. письменности[79]. Как видно, все они от глагольной основы *завид-* в отвлеченном значении. По мнению В. Махека, приставка *за-* в них в значении *въз-* ‘превышение, превосходство’ [80]. Данные склоняют к тому, что в Пов. вр. л. все эти слова книжного происхождения, заимствованные из церковных книг. Правда, слова от указанной основы, надо полагать, были не чужды и восточнославянской речи, о чем как будто свидетельствует рус. диал. *завистный*— ‘старательный, ретивый, усердный в работе’ [81], что, между прочим, указывает на образование от корня *veid-, как и приведенные слова [82].

Съблазнъ, *съблазнити* представлены несколькими примерами, два из них зафиксированы в договоре Олега от 911 г.: не вдадимъ,— читаем там, — елико наше изволение . . . никакому же *съблазну* или винѣ (Ип. 13, Л. нет); храните такую же любовь . . . *несъблазнену* и непреложну всегда (Ип. 13 об.). Затем интересующие слова находим в рассуждениях летописца по поводу поражения русских князей в 1068 г. от половцев: оусобнаѧ рать бываеть ѿ *соблажненьꙗ* (Ип. ѿ *сваженьꙗ*) дыѧволѧ (Л. 56 об., Ип. 62 об.); вꙑ бо ѹклонистесѧ ѿ пути моегѡ гл҃ть гъ. и *соблазнисте* многꙑ (Л. 57, Ип. 62 об.).

Судя по написанию *соблажненьꙗ*, *соблазнисте* с *о* на месте слабого ъ, эти слова не были обычными в речи восточных славян. Хотя этимология *sъblaznъ*, *sъblazniti* неясна [83], тем не менее, надо полагать, правы те, которые относят эти слова к церковнославянизмам в русском языке [84], так как наличие корня *blazn-* в восточнославянских языках не достоверно.

По-видимому, об этом же свидетельствует факт замены *соблажненьꙗ* в Ип. Х. П. словом *сваженьꙗ*, последнее, судя по имеющимся данным, в значении ‘приманивание’ было известно и древнерусскому языку [85].

---

[79] Slovník jaz. stsl. I, стр. 629 и сл.
[80] Там же, стр. 712.
[81] *Даль* I, стр. 560.
[82] *Фасмер* II, стр. 72.
[83] *Berneker* I, стр. 58 и сл.; *Преображенский* I, стр. 28; БЕР, стр. 53 и сл.; *Machek*[2], стр. 55 и др.
[84] *Фасмер* III, стр. 703; *Berneker* I, стр. 58 и сл.
[85] *Даль* IV, стр. 144; Словарь говоров, 4, стр. 11 и сл.; *Гринченко* I, стр. 121.

В памятниках же ст.-слав. письменности **съваженьк, съвадити** в указанном значении не зафиксировано, в них греч. σκάνδαλον, σκανδαλίζω выдержанно передается **съблазнъ, съблазнити.**

Близко по значению к предыдущим словам *вабити, привабити* 'уговорить, увлечь, сманить': Игорь же ... посла по варѧги многи за море. *вабѧ* е на греки (Л. 10, Ип. 17 об.); Ꙗрослава посла в оугрꙑ. *вабѧ* оугрꙑ на Володарѧ (Л. 91, Ип. 92); варѧжько... мьного воева с печенѣгꙑ на Володимира. и ѡдва *приваби* и. заходивъ к нему ротѣ (Ип. 31; Л. 24 об. текст испорчен); дыѧволъ льстить. и другꙑими нравꙑ всѧчьскꙑими льстьми *превабляѧ* нꙑ ѿ б҃а трубами, и скоморохꙑ (Ип. скомрахꙑ) гусльми и русальи (Л. 57 об., Ип. 63) и т. п.

В последнем примере искусственное окнижнение приставки, потому что в памятниках ст.-слав. письменности не зафиксировано **прѣвабльѣти,** помимо того, речь здесь идет о народных гуляньях и веселье, которые *перевабливают* людей от церкви. В Ип. таким же образом древнерусский *скоморохꙑ* искусственно окнижнен на *скомрахꙑ*.

Вабити — общеславянское слово[86], в Супр. имеется единственный пример, где зафиксировано **вабимо** в переводе ἀνδραποδιζόμενον: **и оумꙑ свобождениѥ вабимо. на добро истинꙑ постижениѥ не идетъ** (Супр. 334, 6—7)[87].

Как видно, ст.-слав. **вабимо** 'порабощаем', по значению далеко от др.-рус. *вабити* 'манить', 'привлекать к себе маня' (льстя) и др.

К рассматриваемой группе слов, характеризующих взаимоотношения людей, относятся: *свара—сварити, ругати, котора—которати, распрѧ, прѧ—прѣтисѧ, корити, клевета—клеветати, гнѣвъ—гнѣвати, мьсть —мьстити* и нек. др.

Свара—сварити 'спор—спорить', а также 'ссора—ссориться': дыѧволъ радуется злому оубииству. и крови пролитию. подвизаѧ (Ип. вьздвизаѧ) *сварꙑ* и зависти. братоненавиденье (Л. 56 об., Ип. 62 об.); единого бо ми и *сварѧщю*. и ѡному мьнущю оусние. разгнѣвавъсѧ на мѧ. преторже череви рукама (Л. 42 об., Ип. 46); *расваришасѧ* грѣцькꙑѧ воеводꙑ (Ип. 16 об., Р. 20 об.). *Свара* — общеславянское слово[88].

В памятниках ст.-слав. письменности также фиксируется это слово: **Врагомь зълѣ прѣлькщаемъ. присно въпадаѭ въ блѫдꙑ... въ сварꙑ** (Син. тр. 68 а, 19—26); **събрашѧ... не на любьве. нъ на сварꙑ** (Супр. 385, 9—10) и т. п. В русском языке слово сохранилось и поныне в виде *свара, сварливꙑй*[89].

Пьрѧ, распьрѧ — пьрѣтисѧ, распьрѣтисѧ в значении близки к предыдущим: Стополкъ же многу *прю* имѣвъ с ними. ѡнѣм же не хотѣвшим поимше Мстислава придоша Новугороду (Л. 93,

---

[86] *Фасмер* I, стр. 263; *Machek*[2], стр. 673; БЕР, стр. 110 и сл.
[87] Slovník jaz. stsl. I, стр. 162.
[88] *Преображенский* II, стр. 255; *Фасмер* III, стр. 569; *Machek*[2], стр. 594.
[89] ССРЛЯ 13, стб. 265 и 268.

Ип. 95); и взѧста межи собою *распрѧ* и которъı. и оуладившесѧ цѣловаста крстъ межи собою (Л. 73, Ип. 80 об.); Изѧславу же сѣдящю на сѣнехъ... начаша *прѣтисѧ* со кнѧземъ стоѧще долѣ (Л. 57 об., Ип. 67 об.); и *распрѣсѧ* сотона с бмь. кому в немь створити члвка (Л. 59 об., Ип. 65 об.) и т. д.

Кажется не подлежит сомнению то, что корень *пьр-* первоначально имело значение 'нажимать', 'тащить', отсюда значение *пьрта* 'спор' развилось переносно, причем *пьрта*, *распьрта* в памятниках ст.-слав. письменности является обычным,: **бъıстъ же и пьрѣ вь иχъ къıи мънитъ сѧ (иχъ) бъıти болеи** (Л. XXII 24 Мар., Зогр.), греч. ἐγένετο δὲ καὶ φιλονεκία...; **распьрѣ же бъıс въ народѣ его ради** (И. VII, 43 Зогр. и др.), греч. σχίσμα οὖν ἐγένετο; **расѫдı пьрѫ моѭ** (Син. пс. XLII, 1), греч. δίκασον τὴν δίκην μου; **пьрѣаχѫ же июдеи. междю собою глѧште. како можето-сь дати плъть своѭ ѣсти намъ** (И. VI, 52 Мар.) греч. ἐμάχοντο...; **аште бо бъı пришълъ не бы распьрѣлъ сѧ** (Супр. 499, 2), греч. ἀμφισβητεῖν. Помимо этого, зафиксировано еще **сѫпьрь**, ἀντίδικος: **въдова... приχождѧше кь нему (сѫдиї — *А. Л.*). глщı мьстı мене отъ сѫпьрѣ моего** (Л. XVIII, 3 Ас. и др.), греч. ...ἐκδίκησόν με ἀπὸ τοῦ ἀντιδίκου μου. Последняя форма в Пов. вр. л. отсутствует.

В целом складывается впечатление, что *пьрта*, *распьрта* — *пьрѣтисѧ*, *распьрѣтисѧ* в Пов. вр. л. не собственно восточнославянские, а книжные слова. Употребление приставки *рас-*, отсутствие их с приставкой *рос-* свидетельствует об этом.

Кроме того, восточнославянским языкам характерны образования *съпоръ—съпорити* [90], а также *супоръ* [91] 'спор', укр. *супор*, *супорник*, *супорок*, ср. и *суперечки* 'сопротивление, вражда', 'противник', 'соперник' [92]; рус. диал. *супор*, *супорныи*, *супорить* — те же знач., что укр. [93].

По всей видимости, образования с приставкой *су-* < *сѫ-* являются древними, при этом примеры, приведенные выше, оформились по типу: *несу—ноша—носити*, *тек—токъ—точити*, *везу—возъ—возити* и т. д. Эти образования были продуктивны. Как отметили, в памятниках др.-рус. письменности наряду с *супоръ* уже с XIII в. фиксируется и форма *съпоръ*, которая могла появиться наряду с *супоръ* самостоятельно или под влиянием таких слов, как *съпона* 'помеха', *сълогъ* 'соединение', *съвѣдь* 'знание, сведение' и т. п. Вероятность появления формы *съпоръ* подкрепляется еще тем, что приставка *су-* < *сѫ-* в таких словах как *сусѣдъ* < **сѫсѣдъ**, *супьрьникъ* < **сѫпьрьникъ**, *сурод*ьникъ < **сѫродьникъ** и т. п. изменились либо на *со-*, либо на *-съ*, т. е. *сосѣдъ*, *соперникъ*, *сродникъ* (из *съродникъ*).

---

[90] *Срезневский* III, стр. 800 и сл.
[91] Там же, стб. 620.
[92] *Гринченко* IV, стр. 230.
[93] *Даль* IV, стр. 361; *Подвысоцкий*, стр. 168; Опыт, стр. 221; ДОП, стр. 260.

Образование существительных присоединением суф. *-ja* к глагольным корням также является древнейшим, однако такие образования, как заметил А. Лескин [94], утратили свою продуктивность еще в эпоху первых переводов греческих церковных книг на старославянский язык. Как видно, в восточнославянских диалектах форма *пьрта* весьма рано заменились на *сѫпоръ*, *съпоръ*. В историческую эпоху *пьрта* фиксируется в чеш. *pře*, пол. *prza* и словен. *prnja*.

Таким образом, в Пов. вр. л. *пьрта*, *распьрта* являются книжными, по происхождению старославянскими словами.

В близком к *пьрта*, *распьрта* — *пьрѣти*, *распьрѣти* в Пов. вр. л. употребляется еще *котора* — *которати сѧ*: аще ли будете ненавидно живуще в распрахъ и *которающесѧ* то погꙋбнете сами. (и погубите) землю wц҃ь своихъ и дѣдъ своихъ (Л. 54 об., Ип. 60); въздвиже дыꙗволъ *котору* въ братьи сеи. Ꙗрославичихъ ... бꙋ҃ста съ собѣ Стославъ со Всеволодомь на Изѧслава (Л. 61 об., Ип. 67 об.); почто губим руськую землю. сами на сѧ *котору* дѣюще (Л. 86 об., Ип. 88) и др. Значение этих слов: 'ссора, спор', 'ссориться'.

Эти слова зафиксированы в Клоц., Супр. и Устюжской кормчей [95]. Тем не менее нет оснований признавать слова *котора*, *которати сѧ* книжными в Пов. вр. л., потому что эти слова были обычными и широко употребительными в памятниках др.-рус. письменности [96], кроме того, они бытовали в речи восточных славян. Этим объясняются укр. *котора* 'ссора, раздор' [97]; рус. диал. *котора* 'вражда', 'ссора'; *кориться*, *коратьсѧ* 'вздорить, враждовать' [98].

Котора, *которати сѧ*, как видели, находят соответствия в восточнославянских языках. Появление этих слов в памятниках ст.-слав. письменности неясно. Ясно, что в Супр. они могли быть включены, видимо, не ранее XI в. В более старых памятниках вместо **котора** употребляется **съвада**, вместо **которати сѧ** — **пьрѣти сѧ**. Таким образом, **котора**, **которати сѧ** могут быть вторичными в Супр. и других памятниках ст.-слав. письменности. Кроме того, не совсем ясен и состав: имеет ли оно суф. *-тер-* или *-ер-*, *-ор-*. По-видимому, в нем имеется суф. *-ер-*, -ор-. В этом случае слово содержит *кот-* одинаковый с греч. κότος 'злоба, гнев'. По времени образования слово должно быть праславянским [99].

Слово *досаженье* зафиксировано в цитате из пс. LXXXII. 17: «исполни лица ихъ *дасаженьꙗ*» (Ип. *досаженьꙗ*) се бо wскверниша и пожгоша стꙋю дом твои и манастꙋрь мтре твоеѧ (Л. 77 об.,

---

[94] *А. Лескин.* Указ. соч., стр. 128.
[95] Slovník jaz. stsl. II, стр. 56.
[96] *Срезневский* I, стб. 1300 и сл.
[97] *Гринченко* II, стр. 293.
[98] *Даль* II, стр. 179; Опыт, стр. 91, и др.
[99] *Преображенский* I, стр. 370; *А. Meillet.* Études, стр. 409; *Berneker* I, стр. 588; *Фасмер* II, стр. 353.

Ип. 85 об.). Речь о нападеньи на Киево-Печерский монастырь половцев в 1096 г.

В псалтыри сущ. **досажденье** переведено греч. ἀτιμία 'презренье'. Были ли употребительны в восточнославянской речи *досада*, *досадити* — не ясно. Судя по итеративной форме *досаждати*, эти слова могут быть усвоенными из церковных книг.

Таким же книжным является 'тот, кто глумится' по наличию суф. *-тель*: а симъ поганꙑмъ и *ругателемъ* на семь свѣтѣ приимшим веселье и просторонство (Ип. пространство). а на ѡномь свѣтѣ приимуть мку (Л. 77 об., Ип. 85 об.).

Признаком книжности слова *ругатель* является суф. *-тель*, который в др.-рус. языке, как полагают, не был продуктивным[100]. Понимание же слова *ругатель* не могло вызвать затруднений, потому что корень **ржг** — был общеславянским и, кроме того, восточнославянской речи был известен глагол *ругати*, *-сѧ*.

Близко по семантике к предыдущему слову *корити — оукарѧти*: Даи кнѧже ѡружье и кони. и еще бьемсѧ с ними. Изѧславъ же сего не послуша. и нача (Ип. начаша) люди его *корити* (Ип. говорити) (Л. 57 об., Ип. 63 об.); и воевода нача Стополчь ѣздѧ възлѣ берегъ *оукарѧти* новгородцѣ глѧ. что придосте с хромьцемь симь (Л. 48 об., Ип. 53 об.); Будꙑ нача *оукарѧти* Болеслава глѧ. да то ти прободемъ трѣскою черево (Ип. чрево) твое толъстое (Л. 48 об., Ип. 53 об.).

В приведенных примерах *корити — оукарѧти* употреблены в значениях 'ругать, поносить, хулить'. В тех же значениях встречаются эти глаголы и в памятниках ст.-слав. письменности: **они же оукориша и. и рѣша — тъı оученикъ еси того, мъı же мосѣови естъ оученици** (И. IX, 28 Мар., Зогр., Ас. и др.), греч. ἐλοιδόρησαν αὐτὸν καὶ εἶπαν. 'побранили его и сказали'...; **оукорь же и иродъ съ вои своими. и поржгавъ сѧ облъкъ і вь ризж свѣтълж** (Л. XXIII, 11 Ас., Мар. и др.), греч. ἐξουθενήσας δὲ αὐτὸν... 'унизив его'...; **прорицаемаго кориши** (Супр. 334, 28—29), βλασφημεῖεις — 'хулишь'.

По имеющимся данным, эти значения слов от корня *кор-* были общеславянскими и даже дославянскими[101]. Говоря иначе, *корити—оукорѧти* в Пов. вр. л. общеславянского происхождения.

Близко по значению к глаголам *корити—оукарѧти—клевета—клеветати*: дꙑяволъ радуетсѧ злому оубиству. и крови пролитью. подвизаѧ сварꙑ. и зависти. братоненавидѣнье. *клеветъı* (Л. 56 об. Ип. 62 об.); всади Ꙗрославъ Судислава в порупъ (Ип. порубь) брата своего. Плесковѣ ѡклеветанъ к нему (Л. 51—51 об.,

---

[100] *С. П. Обнорский.* К истории словообразования русского литературного языка. «Русская речь». Л., 1927, стр. 79; *В. Л. Воронцова.* Образование существительных с суф. *-тель* в древнерусском языке. «Труды Института языкознания», т. V. М., 1954, стр. 5—33.

[101] *Berneker* I, стр. 578 и сл.; *Преображенский* I, стр. 355; *Фасмер* II, стр. 320 и сл.

Ип. 56 об.); сирии жиоуще на конець земл҃а. законъ имуть (Ип, ѿць) своих҃. ѡбычаи. не любодѣѩти и прѣлюбодѣѩти, ни красти, ни ѡклеветати. ли оубити. ли злодѣѩти весьма (Л. 5 об., Ип. 6 об.).

Из приведенных примеров первый и третий — цитаты из поучения о казнях божьих и Хр. Г. Ам. Таким образом лишь во втором примере *ѡклеветанъ к нему* летописец употребил самостоятельно. При этом словосочетание *ѡклеветанъ к нему* дословно повторяет Л. XVI, 1 : і **тъ оклеветанъ бѣстъ къ немоу. ѣко растачаѧ имѣнїе его** (Мар., Зогр.), равный лат. et hic diffamatus est apud illum; греч. καὶ οὗτος διεβλήθη αὐτῷ едва ли было возможным переводить так, как в Мар. и Зогр.

Как бы то ни было, наш летописец употребил книжный оборот речи. В связи с этим законно возникает вопрос: были ли в восточнославянской речи слова: *клевета—клеветати—оклеветати*. По всей видимости, на поставленный вопрос следует ответить отрицательно, потому что эти слова в памятниках др.-рус. письменности преимущественно встречаются либо в церковных книгах [102], либо в цитатах из церковных книг, либо в книжных оборотах речи.

В Рус. пр. в значении *клевета, клеветати* употреблены *поклепъ—клепати*, например: и въ татьбѣ. и *въ поклепѣ* ѡже не боудеть. лица тъ тогда дати ѥмоу желѣзо (ст. 22, л. 617); а истьца начьнеть головою *клепати*. то ти имъ правьдоу желѣзо (ст. 21, л. 617).

Кроме всего прочего, слово *клевета* не имеет бесспорной и ясной этимологии [103], дающей основу для суждения о его происхождении и распространенности в славянских языках.

Извѣтъ: и рѣша мужи Володимери. и Дв҃дви. и Ѳлгови. *извѣта* ѡ семь не имѣи ѩко Дв҃дъ ес҃ слѣпилъ и. не в Дв҃довѣ городѣ ѩтъ ни слѣпленъ. но в твоемь градѣ ѩтъ и слѣпленъ (Л. 88 об., Ип. 90); Дв҃дъ же на Сто҃полка нача *извѣтъ* имѣти. гл҃а се створилъ (Л. 90, Ип. 91 об.) В первом предложении *извѣта* Срезневским объяснено ‘оправдание’, а во втором — ‘обвинение’ [104]. Основой слова является *вѣт-* ‘говорить’. *Из-вѣт-*, кажется, равно *перевѣтъ* в значении ‘донос, обвинение’ [105]. Если это так, то *извѣтъ* должен быть книжным словом, которое встречается в Супр. и многих церк.-слав. памятниках письменности [106]. Приставка *из-* в слове *извѣтъ* обозначает ‘предел действия’ (в этом значении она известна и восточнославянским языкам), а выступает в значении *на-* в слове *навѣтъ* в том же значении, что и *извѣтъ*.

---

[102] *Срезневский* I, стб. 1215 и сл.; Slovník jaz. stsl. II, стр. 26 и сл.
[103] *Miklosich*, стр. 118; *Berneker* I, стр. 526; *Преображенский* I, стр. 312 и сл.; *Фасмер* II, стр. 245; *Machek*[2], стр. 256; *О. Н. Трубачев*. Славянские этимологии 1—7. ВСЯ, 2, стр. 37 и сл.; *В. Н. Топоров*. Этимологические заметки. КСИС, 25, стр. 74—79.
[104] *Срезневский* I, стб. 1049.
[105] *Срезневский* II, стб. 901.
[106] Slovník jaz. stsl. I, стр. 733; *Срезневский* I, стб. 1047 и сл.

Памятники ст.-слав. письменности не фиксируют слова **навѣтъ**, а в памятниках др.-рус. письменности последнее встречается [107].

Широко употребительны слова от основы *мьст'-*: и вздасть *месть* врагом и ненавидящим его (цитата: Второзак. XXXII, 4. — л. 90 об., Ип. 92); Ламехъ... реч .о. *мьстии* на мнѣ. понеже реч вѣдаѧ створилъ се (цитата: Быт. IV 23—24. — Л. 49 об., Ип. 54 об); и повелѣ Василко исѣчі всѧ. и створи *мщенье* на людех неповинныіх (Л. 90, Ип. 91 об.); заоутра по зори повѣсиша Василѧ и Лазарѧ. и растрѣляша стрѣлами Василковичи. и идоша ѿ града. се же в.е *мщенье* створи. егоже не бѧше лѣпо створити. да бъі бъ ѿместник бъілъ (Л. 90 об., Ип. 92); ѡн же (Янь. — *А. Л.*) реч имъ. *мьстите* своихъ. ѡни же поимше оубиша. и повѣсиша е на дубѣ ѿмьстье приимше ѿ ба по правдѣ (Л. 60, Ип. 66); хощеши *мьщаті* мужа своего (Л. 16 об., Ип. 23); азъ *мьстіла* оуже ѡбиду мужа своего (Л. 16 об., Ип. 23); Игорь же совкупивъ вои многи ... поиде на греки ... хотѧ *мьстити* себе (Л. 10 об., Ип. 18) и др.

Как видно из приведенных примеров слова от основы *мьст'-* употребляются в двух значениях: 1) 'наказанье' (в защите чести) и 2) 'защита' (чести). По мнению А. Преображенского, слова с указанной основой в русском языке из церк.-слав. [108] Думаем, что Преображенский не прав. Как известно, в Рус. Пр. ст. 1-ая свидетельствует: ажь оубьіеть моужь моужа. то *мьстити* братоу брата (л. 615 об.). Ведь не могла кровная месть установиться на Руси под влиянием церковных книг? Основа *мьст'-* общеславянская. Однако в Пов. вр. л., кроме цитат из церковных книг, в которых употреблены слова от основы *мьст'-*, немало примеров книжных образований, как *мьщеныє*, *отмьстьіє*, *отъмьстьникъ* (последний только в сочетаниях *ѿмьстьникъ богъ*), по восточнославянски —*мьстьникъ*.

Говоря иначе, несомненно в восточнославянской речи были слова *мьсть*, *мьстити*, возможно, *мьстьникъ*, а в др.-рус. письменной речи к ним присоединились и книжные образования: *мьщеныє*, *отъмьстьіє*, *отъмьстьникъ* и др.

Чьсть, *чьстити*: Володимеръ... преклонисѧ на молбу кнѧгинину. *чтѧшеть* ю акъі мтрь ... и послуша еѧ акъі мтре. и митрополита такоже *чтѧше* санъ стльскъіи (Л. 89, Ип. 9 об.); и оувѣданъ бъіс всѣми великъіи Антонии и *чтимъ* (Л. 53, Ип. 59); реч ... Ѳльга ... хочю въі *почтити* наутриа предъ людьми своими (Л. 15, Ип. 22); несъше вринуша е (Ип. ѧ) въ ѧму и с лодьею. приникъши Ѳльга и реч имъ добра ли въі *честь*. ѡни же рѣша пущи нъі Игореви смрти. и повелѣ засъіпати ѧ

---

[107] *Срезневский* II, стб. 273.
[108] *Преображенский* I, стр. 531.

живъı (Л. 15 об., Ип. 22 об.); спрaтавше тѣло ıего (Ирополка. — *А. Л.*) с *честью* положиша и в рацѣ мрaморaне (Л. 69, Ип. 76 об.); приемше ѿ кнaзa или ѿ ... (Ип. ѿ гс̑на) своего *честь* и дaръı. ти мъıслaть ѡ главѣ кнaзa своего на погубленье (Л. 24, Ип. 30 об.); Блудъ преда кнaзa своего и приимъ ѿ него *чьти* многи (Л. 24 об., Ип. 30.); *нечестьемь* бо свою дш̑ю емлють (Притчи I, 19. — Л. 45 об., Ип. 50) и др.

Формы *чьти*, *чтимъ*, *почьтити* показывают, что *чьсть* представляет образование от глагольной основы *чьт-*, к которой присоединяется суф. *-ть* [109]. Все эти формы общеславянские, и, как видно, первоначально *čьtiti* — *čitati* означало причисление человека к какому-то счету. Все эти слова приобрели, так сказать, позже специфическое, моральное значение.

Слова от основы *прига-* по смыслу связаны с предыдущей группой, поскольку общим в семантике их заложено понятие 'уважение, любовь': Стополкъ же приде ночью Въıшегороду. ѡтаи призва Путьшю и Вышегородьскъıѣ болaрьцѣ (Ип. боıaрьцѣ). и рeч̑ имъ *приıмете* ли ми всѣмъ срдцемь. рeч̑ же Путьша с Вышегородьци. можемъ главъı своıа сложити за тa (Л. 45 об., Ип. 50); Володимеръ же посла къ Блуду воıєводѣ Ирополчю съ лестью гл̑a. *поприıаи* ми. аще оубью брата своего. имѣти хочю во ѡц̑а мѣсто. и многу честь возьмешь ѿ мене ... рeч̑ Блудъ къ посломъ Володимеримь — азъ буду тобѣ в срце и въ *приıазньство* (Л. 24, Ип. 50).

Основа слова общеславянская. Не исключено, что форма *приıазньство* — в суффиксальной части *-ьство* — книжная, так же как и *неприıазнь* в значении 'нечистая сила, дьявол': тако и тa избавить ѿ *неприıазни*. и ѿ сѣтии ıего (Л. 18, Ип. 24 об.); и въстaгнутисa ѿ грѣха. и ѿ зависти. и ѿ прочихъ злъıхъ дѣлъ *неприıазнинъ* (Л. 72, Ип. 79 об.). О том, что *неприıазнь* в приведенных примерах калька с герм. *Unhold*, мы писали не раз [110].

Однако незафиксированная в Пов. вр. л. *приıазнь* и *приıатель* являются общеславянскими словами по происхождению [111], ср. и бaше Ярославоу моужь въ *приıазнь* Стопълкоу (Новг. I лет., л. 1); и Игорь нача молитисa ко Всеволоду. и молбою. и гнѣваıaсa. река не хочеши ми добра, про что ми ѡбреклъ ıеси Къıєвъ. а *прıателевъ* (И. *приıатьльи*) ми не вдаси (Ип. даси) прıимати (Л. 104, Ип, 117).

Нет никаких оснований для восточнославянской речи X—XII вв. считать чуждым, книжным праславянский суффикс *-znь*,

---

[109] *Berneker* I, стр. 173 и сл.

[110] *А. С. Львов.* Очерки по лексике. . ., стр. 191 и сл.; *Он же.* Чешско-моравская лексика в памятниках древнерусской письменности. «Славянское языкознание». М., 1968, стр. 330 и сл.

[111] *Преображенский* II, стр. 127; *Brückner*, стр. 445; *Фасмер* III, стр. 369; *Machek*^{2}, стр. 494 и сл., и др.

каким он стал позже после падения редуцированных. В противном случае и такие слова для указанного периода пришлось бы объявить книжными, как: *жизнь* (диалектные *жисъ* и *жизня* появились из *жизнь* после падения редуцированных), *тризна*, *оукоризна*, *богазнь* и т. п., а объявление их книжными не соответствовало бы действительности.

Как мы отметили выше (см. Вводные замечания), первоначально суф. *-знь* присоединялся только к глагольной основе, ср. *жи-знь*, *бо-знь*, *болѣ-знь* и др. Позже этот суф. приобрел от глагольной основы *-и*, превратившись в *-изн-а*, последний употребителен и ныне, ср. *белизна*, *голубизна*, *желтизна*, *дешевизна*, *дороговизна* и т. п. Если бы не было суф. *-знь* в восточнославянских диалектах, то едва ли можно было понять появление в них *и-зна*.

Срамъ — соромъ: и рече Стославъ оуже намъ нѣкамо сѧ дѣти — волею и неволею стати противу. да не *посрамимъ* землѣ рускіѣ, но лежемъ костьми мертвы. ибо *срама* (Ип. *сорома*) не имамъ, аще побѣгнемъ *срамъ* имамъ (Ип. *срамъ* нам) — (Л. 21, Ип. 28); Ињь же поиде сам безъ оружья. и рѣша ємў отроци. не ходи безъ оружья *оусоромать тѧ* (Л. 59, Ип. 65); Бохмитъ нъı оучить ... достоить блудъ творити всѧкъ на семь свѣтѣ ... и ина многа лесть еже нѣльзѣ псати *срама* рад(и). (Л. 27 об., Ип. 33 об.); дѣтища въıволокоша рыболове въ неводѣ ... на лици ємў *срамнии* оудове: иного нелзѣ казати *срама* ради (Л. 55 об., Ип. 61 об.) и др.

Примеры свидетельствуют, что летописец почти выдержанно употребляет неполногласные формы за исключением одного примера, в котором во всех списках читается *оусоромѧть* или *осоромѧтѧть тѧ*. Почему в этом примере летописец отошел от принятой нормы писать по-книжному, сказать трудно, так как никакой разницы в значениях *оусоромити* и *осрамити* нет, и обе формы известны в значении ‘опозорить’.

Думаем, что нет нужды специально останавливаться на общеславянских по происхождению словах, как: *добро*, *зъло*, *добръıи* и *зълъ*, *жаль—жалити*, *жалоба*, *жалость*; *оунъıньe*, *скърбь*, *туга—тужити*, *оужасъ—оужасатисѧ*, *гнѣвъ—гнѣватисѧ*, *прогнѣвати* и нек. др., из которых лишь единичные формы являются книжными, как *жалость*, может быть, еще *оунъıньe*, остальные несомненно были употреблены в восточнославянской речи.

Остановимся далее на словах, обозначающих, так сказать, праздное времяпрепровождение. Употребительно книжное по происхождению слово *праздьникъ*, *праздьньство*, *праздьновати*, при этом первое слово употребляется не только для обозначения церковного праздника, но и для выражения понятия — ‘мирское увеселение’ ср.: бъıс плачь в градѣ а не радость. грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправдъı ... на нъı бъ попусти поганъııа... сего ради *праздїкъı* бъ нам наводить сѣтованье ... въ *праздникъ* Бориса и Глѣба. еже есть *праздникъ* новъıи русьскъııа земла.

сего ради пр҃рькъ гл҃ше. «преложю праздникы ваша в плачь. и пѣсни. ваша в рыданье» (Амос. VIII, 10) (Л. 74, Ип. 82). В приведенном примере словом *праздникъ* обозначается понятие 'торжество'. В том же значении вне связи с церковью употребляется слово *праздникъ* в следующих примерах: бѣ бо въ тъ дн҃ь преображенье г҃сне. егда си быс҃ сѣча. избꙑвъ же Володимеръ сего. постави цр҃квь. и створи *праздник* великъ. варѧ. .т. проваръ меду ... *праздновавъ* кнѧзь дн҃ии .и. (Л. 43, Ип. 47); Амазоне... сочтаютсѧ съ ѡкр҃снхъ и въ (Ип. ибо) мужи. ꙗко нѣвторое (Ип. никоторое) имъ торжьство и велико *празденьство* времѧ тѣ (Ип. тѣм) мнѧть (Л. 6, Ип, 7); ѳеѡдосьеви же пришедшю по ѡбꙑчаю братью цѣловавъ. и *празднова* с ними нед҃ цвѣтную (Л. 62 об., Ип. 68 об.). В последнем примере речь идет о проведении церковного праздника.

Все приведенные формы *праздникъ*, *праздньство* и *праздновати* употребительны в памятниках ст.-слав. письменности, откуда они и заимствованы летописцем, ср.: **приближаше же сѧ праздникъ опрѣснокъ. нарицаемꙑ пасχа** (Л. XXII. I Мар.), греч. ἡ ἑορτή; **се бо наста врѣмѧ празденъствоу нашемоу апли съ чк҃ы праздъноуѭтъ** (Син. тр. 16., 12—14, греч. Ἰδού γάρ οἵτῆς ἑορτῆς ἡμῖν ἐπέστη καιρὸς καὶ ἄγγελοι μετὰ ἀνθρώπον ἑορτάζουσι. Все указанные формы образованы от **праздьнъ**, ср. **вь единѫѭ же на десате годинѫ ишедъ. обрѣте дроугꙑѭ стоѭштѧ праздънꙑ. і гл҃а имъ чѣто стоите сьде весь день праздьни** (Мф. XX, 6, Мар.), греч. ἀργός. Последняя форма **праздьнъ**, надо полагать от праславянского **porzdьnъ*, откуда др.-рус. *порожьнии*, чеш. *prazdny*, пол. *próżny*, схр. *prazan* и т. д. В. Махек к прасл. **porzdьnъ* находит соответствия лит. *berzd-j* из *beřgždinas* 'напрасный, бесплодный, безрезультатный', который не проясняет происхождение **porzdьnъ*[112]. Ст.-слав. **праздьникъ** представляет образование на **-ьн -икъ**[113]. Другие славянские языки образования на -ікъ от **porzd-ьn* — не фиксируют. Возможно, что **праздьникъ** представляет образование первых переводчиков для точной передачи греч. ἑορτή. В этом значении усвоено данное слово на Руси.

Близкими к греч. ἑορτή по значению восточнославянскими словами были *веселье* и *игрище*: Руси есть *веселье* питье не можемъ бес того бꙑти (Л. 27 об., Ип. 33 об.); лѣси и полѧ. все же далъ б҃ъ. на оугодье чл҃вкомъ на снѣдь на *веселье* (Л. 79 об. Поуч. Вл. Мон.); ругателем҃ на семь свѣтѣ приимшим҃ *веселье* ... на ѡномь свѣтѣ приимутъ мк҃у (Л. 77 об., Ип. 85 об.); даита ми дружину свою молотшюю (Ип. моложьшюю). а сама пиита и *веселита сѧ* (Л. 89 об., Ип. 91); възрадуемсѧ и *възвеселимсѧ* во нь. ꙗко г҃сь

---

[112] *Machek*[2], стр. 482.
[113] *А. Лескин.* Указ. соч., стр. 120.

избавилъ нѧı е ѿ врагъ наших (Л. 94. Ип. 96); браци не бѣıваху въ них и *играща* межю селѣı схожахусѧ на *игрища* на плѧсанье и на всѧ бѣсовьскаѧ *игрища* (Л. 5, Ип. 6 об.); видит бо *игрища* оутолочена и людіи много множьство. ѩко оупіхати начнуть другъ друга. позорѣı дѣюще (Л. 57 об., Ип. 63 об.); и оудариша сопѣли глусии (Ип. вь гусли) и в бубны. начаша имъ *играти* (Л. 65, Ип. 71); бѣсъ тобою *играеть* на пагубу тобѣ (Л. 59, Ип. 65) и т. п.

Ни *веселье — веселити сѧ*, ни *игрище — играти* не имеют значение, равное словам **праздьникъ** 'какое-то время веселья', **праздьновати** — 'проводить указанное время веселья'. *Веселье* означает только 'состояние', *игрище* — 'место игры' и 'сама игра', или 'веселье'. В связи с этим понятно употребление слов **праздьникъ** и **праздьновати** со специфическим для них значением.

Правда, еще известно *пиръ*: (Володимеръ) оустави на дворѣ въ гридьницѣ *пиръ* творити (Л. 43 об., Ип. 47). Это общеславянское слово, образованное присоединением суф. *-ръ* к глагольной основе *пи-*(ти), имеет специфическое значение 'время приема хмельных напитков'.

Употребительны слова от основы *рад* — со значением 'приятно настроиться', или 'настроенный приятно, веселый': и приде Стополкъ с Дв҃дмь Кѣıеву и *ради* бѣıша людье вси (Л. 87, Ип. 88); (Стополкъ) *радъ* бѣıвъ ѡбѣщасѧ и створи ... вси же епіспи с *радостью* вписаша и (Феодосия Печерского в помянник. — *А. Л.*) (Л. 95 об., Ип. 97); и приимаху брата (т. е. монаха, ранее ушедшего. — *А. Л.*) в монастырь с *радостью* (Л. 63 об., Ип. 69 об.); (Володимеръ) ... видѣ же лю(ди) хѣсѩнѣı суща. *радоваше сѧ* дшею и тѣлом (Л. 43, Ип. 47); сну мои (обращался Ярослав к сыну Всеволоду. — *А. Л.*) благо тобѣ ѩко слѣıшю ѡ тобѣ кротость и *радуюсѧ* ѩко тѣı покоиши старость мою (Л. 72, Ип. 79 об.) и т. п.

Основа приведенных слов rad — общеславянская, причем *радъ* относится к древнейшей форме прилагательного[114], от которой образованы другие формы сущ. *радость*, прил. *радостьнъ*, глагола *радовати сѧ* по аналогии: *милъ — миловати*, *бѣсьнъ — бѣсьновати сѧ*, *даръ — даровати* и т. п.[115] Если прав О. Семереньи, считающий, что ст.-слав. предлог, собственно — послелог **ради** представляет форму твор. п. существительного основы на *-i(ь)*[116], то в таком случае в древности рядом с прил. *radъ* закономерно было и сущ. *radь*, так же как **чѧстъ — чѧсть**, **тѧгъ — тѧжь**, **пѧтъ — пѧть** и т. п. Сущ. **radь*, как видно, вышло из употребления, по-

---

[114] *A. Meillet.* Études, стр. 234 и сл.; *Brodowska—Honowska.* Słowotwórstwo przymiotnika, стр. 183 и сл.

[115] *Vaillant.* Manuel, § 188, стр. 269.

[116] *О. Семереньи.* Славянская этимология на индоевропейском фоне. — ВЯ, 1967, № 4, стр. 4 и сл.

этому все производные стали образовываться от основы прил. *rad-*<**ra-dъ*.

Сущ. *радость* относится к отвлеченным именам, обозначающим субстантивированное качество. Образования существительных с суф. — *-ость* от основ прилагательных и существительных весьма продуктивны и древни [117], причем слово *радость* фиксируется во всех славянских языках. По-видимому, такие слова, как: *радость*, *старость*, *милость*, *жалость*, *гърдость* [118] и т. п. рано ассимилировались в восточнославянской речи.

Оутѣшити — оутѣшати, являющиеся отыменными глаголами, образованными от *оутѣха*, употребляются в значении 'успокоение, успокоити': даета ищѣленье. хромъıм ходити ... болѧщим цѣлбъı ... печальнъıм *оутѣха* (Ип. *оутѣху*). напастнъıм избавленье (Л. 47, Ип. 52) — цитата из Похвалы Борису и Глебу; и рече имъ Стославъ ... аще поидеть на въı с лѧхъı ... то вѣ противу ѥму ратью ... аще ли хощеть с миромъ. то в малѣ придеть дружинѣ и *оутѣшиста* кънѧзı (Л. 58 об., Ип. 64 об.); которъıи братъ оумъıшлѧше ити из манастъıрѧ ... ѡбличаше мъıсль ѥго и *оутѣшаше* брата (Л. 64, Ип. 70) и др.

Рассматриваемые слова от общеславянской основы *tьх/tих-*, формы *оутѣха*, *оутѣшити—оутѣшати* также известны всем славянским языкам [119].

Видом веселья являлась *пляска*, о чем упоминается, ср.: схожахуса на игрища на *плѧсанье* (Ип. — ныѥ) и на всѧ бѣсовьскаѧ игрища (Л. 5, Ип. 6); възмѣте сопѣли. бубны. и гусли. и оударѧите ат (Ип. ать) нъı Исакии *сплѧшеть* (Л. 65, Ип. 71).

Первая форма известна и памятникам ст.-слав. письменности, ср., например: **въпадаѫ ... въ пиѣнъıство ... въ свадъı. въ плѧсаниѣ. въ игри зълъı** (Син. тр. 68а, 20—25).

В Пов. вр. л. и Син. тр. одинаково **плѧсанье** осуждается, как явление, не совместимое с исповеданием христианства. Форма **плѧсанье** оформлено по аналогии с такими образованиями, как: **лобъзанье, дрьжанье, дѧнье** и т. п., при этом от глагола **плѧсати**, кажется, невозможно образование **плѧсанъ**, по этой причине в **плѧсанье** суф. **-анье**, а не **-ие**, как в **дѣржанье, дароованье, пъıтанье** и т. д. Сказанное позволяет констатировать, что форма **плѧсанье** — книжная.

Однако общеславянской является основа *плѧс-*, а также образования: *плѧсъ*, *плѧсьць*, *плѧсати* и т. п.[120]

Один раз упомянут *скоморохъ*: дъıволъ лстить и другъıми нравъı всѧчьскъıми. лестьми превобла нъı ѿ ба. трубами и *ско-*

---

[117] *А. Мейе.* Общеславянский язык, стр. 296; *A. Vaillant.* Manuel, § 133, стр. 208.

[118] Index a tergo, стр. 291 и сл.

[119] *Brückner*, стр. 63; *Vasmer* III, стр. 193; *Machek*^{2}, стр. 642; *Младенов*, стр. 657 и сл.

[120] *Преображенский* II, стр. 83 и сл.; *Фасмер* III, стр. 291; *Machek*^{2}, стр. 458 и сл.

морохъı (Ип. *скомрахъı*). гусльми и русальи (Ип. русалыами). видим бо игрища оутолочена. и людіи много множьство (Ип. людии множьство на нихъ). ꙗко ѕпіхати начнуть другъ друга. позоръı дѣюще ѿ бѣса замъıшленаго дѣла. а црькви стоꙗть. ꙗгда же бъıваѥть годъ молитвъı мало ихъ ѡбрѣтаѥтьсѧ в црькви (Л. 57, Ип. 63 об.). В Стоглаве рассказывается: Въ троицкоую сѵ́ботѵ́ по селом̀ и по погостомъ сходатца моужи и жены на жалниках и плачютсѧ по гробомъ с великим̀ кричаніемъ. и егда начнуть играти *скоморохи* гоудцы и прегоудницы ѡниж̀ ѿ плача преставше начноу́т скакати и плѧсати и в долони бити и пѣсни сотонинскіе пѣти[121].

Приведенные тексты свидетельствуют о том, что игрища с участием скоморохов являлись, так сказать, вне христианскими увеселениями. Помимо этого скоморохи участвовали в проведении того или иного праздника, как видно, отвлекая при этом людей от церкви. По этой причине христианство преследовало их. Говоря иначе, слово *скоморохъ* — весьма древнего происхождения и к христианскому периоду *скоморошество* на Руси приняло массовый характер. Слово *скоморохъ* и производные от него в памятниках др.-рус. письменности были широко употребительны [122]. В других славянских языках, кроме польского, слово это не зафиксировано. В польских памятниках письменности XV в. зафиксированы *skomrośny*, *skomroszny* в основном значении 'нескромный, бесстыдный', а в XVI—XVII вв. — *skomoroch*, о медвежатниках, волынщиках и др. [123]

Поскольку *skomoroch*, *skomoroški*, бесспорно, являются заимствованными из восточнославянских языков, то и более раннее *skomroszny*, думаем, представляет адаптацию *скоморошьнъıи* к польским формам.

Этимология *скоморохъ* неясна [124] прежде всего из-за того, что не установлен состав слова. Едва ли подлежит сомнению то, что в *скоморохъ* конечный *-охъ*<*-osъ* является агентивным суффиксом. Этот суффикс фиксируется, например, в *сопохъ* 'желоб', ср. *сопѣль*, *сопоуха*; пол. *wiercioch*, ср. *wiercimak*, болг. *въртох* и т. п. [125]. Оставшаяся часть слова *скомор* — исторически может быть minimum двухморфемным и по морфемному составу может быть словом типа *говоръ* < **gou-+orъ* 'крик, шум', ср. **къде нъıнѣ сѫтъ. въчерашънаѩ млъвъı и гласı і говорı** (Клоц. 12б, 9—10), греч. ποῦ ποτὲ νῦν εἰσὶν αἱ πρὸ βραχέως ταραχαὶ καὶ φωναὶ καὶ δόρυβοι, т. е. 'где голоса и шумы-крики'; далее этот же суффикс

---

[121] *С. П. Обнорский* и *С. Г. Бархударов*. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I, стр. 166.
[122] *Срезневский* III, стб. 379.
[123] *Brückner*, стр. 494.
[124] *Miklosich*, стр. 301; *Преображенский* II, стр. 304 и сл.; *Фасмер* III, стр. 648 и сл.
[125] *W. Vondrák*. Указ. соч., стр. 476.

находим в рус. *чехор* 'драчун', с.-хорв. *kosor* 'большой нож, косарь', пол. *kaczor* 'селезень' и т. п.

Оставшаяся часть *ском-* то же, что и в *скоматu*, *скомлꙗmu* 'вопить, кричать'. Как предполагал А. Преображенский, *ском-* может-де быть звукоподражательным [126]. Наличие при нем суф. *-оръ* подкрепляет это допущение.

В целом, *скоморохъ* по составу морфем обозначал лицо, которое подражало каким-то звукам: *ском-* звукоподражательный комплекс, *-ор-* суффикс, представляющий *ском-* как объект, т. е. 'крик, вопль', а *-охъ-* агентивный суффикс.

Сущ. *скоморъ* в отдельном употреблении не зафиксирован, но в в.-луж. имеется глагол *skomorić* 'делать нелепости', который в основе несомненно содержит *skomor-*. По всей видимости, *skomorić* в первичном значении было 'производить звукоподражательные комплексы', которые будучи в большинстве нелепыми, и стали означать 'делать нелепости'. Говоря иначе, вопреки убеждению Ф. Миклошича, между *скоморохъ* и *skomorić*, полагаем, имеется генетическая связь.

Основным значением слова *скоморохъ*, надо полагать, было 'музыкант: гусляр, гудочник, сопельщик' и т. д. Дальнейшее развитие основного значения в другие: 'потешник, фокусник, обманщик' и др. вполне объяснимы.

Форма *скомрахъ*, если мы не ошибаемся в составе слова *скоморохъ*, несомненно искусственная, появившаяся в результате желания приспособить ее к книжным формам. Наличие же совершенно непродуктивных суффиксов *-охъ-* и *-ор-* в слове *скоморохъ* уже в историческую пору восточнославянских наречий, или древнерусского языка свидетельствуют о том, что это слово образовалось в глубочайшей древности. Поскольку со временем затемнился указанный морфемный состав слова, то и его этимология стала неясной.

Как видели, в приведенной цитате из Пов. вр. л. упомянуто *русальи* (Л.), *русалыами* (Ип., Р. и др.), ед. ч. как будто имеет форму *роусалыа*, как определяет Срезневский 'языческий праздник славян, позже совпавший с христианской пятидесятницей'. В Стоглаве так описаны русалии: *Р8сальи* о іване дни и в навечерьи ржства хсва и крщеніа сходатеѧ моужи и жены и двцы на нощное плищованіе. и на бесчинныи говоръ. и на бѣсовскіе пѣсни. и на плѧсанье. и на бгомерскіа дѣла. и бываетъ отрокомъ ѡсквернение и дѣвкамъ растлѣніе. и егда нощь мимоходить. тогда ѡходатъ к рецы с великимъ кричаніемъ аки бѣсни оумываютсѧ водою. и егда начнѹть заоутренюю звонити тогда ѡходатъ в домы своѧ и падаютъ аки мртвіи ѡ великаго клоптаниѧ (вир. клопотаніа) [127].

---

[126] *Преображенский* II, стр. 304; *Фасмер* III, стр. 648.
[127] *С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов.* Указ. соч., стр. 166.

ѓѕалиа упомянуты в Сав.: сжѣ по ѓѕалиахъ (л. 134); нед по ѓѕалиахъ (л. 134 и 135 об.); въ сжѣ ѓѕальнж (л. 149 об.).

Слово *роусалыа* (мн. ч.), как полагают, является праславянским заимствованием из лат. *rosālia* первоначально 'праздник роз', позже — 'Троицын день'. Переход *о*>*оу*, полагают, произошел на южно-славянской почве [128]. Однако *русалка* в западнославянских языках признается заимствованным из русского языка. В большинстве памятников письменности *роусалыа* представляется как отрицательное явление, поскольку этот праздник противоречил христианским правилам и обычаям. Но это слово первоначально употреблялось и для обозначения греческого христианского праздника πεντηκοστή даже в церковных книгах [129]. Все это значит, что пока нет исследований по истории слова *русалья* и *русалка* в славянских языках.

Пов. вр. л. упоминает следующие музыкальные инструменты: *боубьнъ* < бжбьнъ; *гоусли* < гжсли; *сопѣль*; *труба* < трѫба.

Боубьнъ: възмѣте сопѣли, *бубнъı* и гусли и оударѧите, ат (Ип. ать) Исакии сплѧшеть (Л. 65, Ип. 71). Бжбьнъ — ударный инструмент. Общеславянское слово бжбьнъ по своему происхождению является звукоподражательным **bomd-*, ср. греч. βόμβος 'низкий глухой звук'. *Гоусли* < гжсли также общеславянское слово, по происхождению звукоподражательное **gund-sli* [130].

В памятниках ст.-слав. письменности словом гжсли переведено греч. κιθάρα [131] 'струнный инструмент'.

Сопѣль 'музыкальный инструмент, свирель', поскольку им переведено греч. αὐλός. В памятниках ст.-слав. письменности зафиксировано только сопьць: вїдѣвъ сопьцѧ (Мф. IX, 23 Ас., Мар.) в других: свирьцѧ, греч. ἰδὼντοῦς αὐλητὰς. Таким образом, слово *сопѣль* в Пов. вр. л. из восточнославянской речи. По происхождению оно от звукоподражательного *сопѣ(-ти)* живо и поныне, особенно в уменьшительной форме *сопелка*, *сопелочка*, укр. *сопілка*, блр. *сапелка*.

Трouба < трѫба как название музыкального инструмента является общеславянским. В Пов. вр. л. употреблено всего один раз: дъıаволъ льстить... преваблдıа нъı ѿ ба *трубами* и скоморохъı (Л. 57 об., Ип. 63). Обычно *труба* упоминается как войсковой музыкальный инструмент: почаша бити въ бубнъı и въ *трубъı* трубити. полци же начаша доспѣвати (Ип. 157 об.) *трубъı* трубѧть въ Новѣградѣ (Сл. о п. Иг.); мои къмети подъ *трубами* повити подъ шеломъı възлѣлѣıани (там же) и др.

Труба, как музыкальный инструмент, надо полагать, была на Руси, но употреблялся ли этот инструмент на игрищах, сказать

---

[128] *Miklosich*, стр. 283; *Преображенский* II, стр. 224 и сл.; *Brückner*, стр. 469; *Младенов*, стр. 564; *Фасмер* III, стр. 520; *Machek*[2], стр. 525.
[129] Кроме приведенных примеров из Сав., другие см. *Срезневский III*, стб. 197.
[130] *Berneker* I, стр. 340 и сл.
[131] Slovník jaz. stsl. I, стр. 449.

не можем. Говоря иначе, в приведенном примере из Пов. вр. л. слово *трубами* употреблено ли по книжной традиции, как в псалтыри: **гласомь трѫбъı роженъı въсклікнѣте** (Син. пс. XCVII. 6) или из живой восточнославянской речи, — неизвестно.

Рассмотренная в данной главе лексика разделяется на три группы:

1. Общеславянская, по происхождению праславянская, а также общеславянская лексика, ставшая таковой в процессе распространения ее из одного славянского языка, к данной группе относятся такие слова: *вѣно*, *веселье—веселитисѧ*, *гърдъ—гърдитисѧ*, *досада—досадовати*, *женитисѧ*, *жена*, видимо, в значении ‘женщина’, *играти*, *игрище* (последнее не фиксируют южнославянские словари), *корити—укарѧти*, *котора—котористисѧ*, *кротъкъ*, *ласкавъ*, *лъжа*, *лъживъ*, *лъсть*, *лъстити* (последние возможно, книжные), *лука* < **лѫка**, *лукавъ*, *мъсть—мъстити*, *недугъ*, *обълъıчаи*, *пиръ*, *плѧсати*, *прилѧти*, *прилазнь*, *прилѧтель*, *простъ*, *родити-сѧ*, *радъ*, *радоватисѧ*, *радость*, *смъıслъ*, *смъıслънъ*, *спрѧтати*, *тихъ*, *тризна* (?), *трупъ*, *тѣло*, *оумърѣти*, *оутѣха—оутѣшити*, *чьсть—чьстити*, *почьтити*, и нек. др.

2. Книжная, или старославянская лексика. Повторяем, что называем ее книжной потому, что она на страницы Пов. вр. л. попала из церковных книг или в цитатах, или же прямо из речи летописца — монаха, несомненно, мыслившего по-книжному. Древнерусские (не только древнерусские, а вообще средневековые) книжники были начетчиками. Чтобы, так сказать, угодить богу или мыслить праведно, а не греховно, они заучивали наизусть огромное количество страниц из церковных книг. При письме в основном почти все пересказывалось по-книжному там, когда излагаемые факты были одинаковы с заученными из книг. Когда же эти факты не были одинаковы с заученными из книг, тогда вольно или невольно летописец пересказывал их своими словами, вводя в письменную речь несвойственную книжной речи слова и обороты речи, но стараясь внешне и такой речи придать, так сказать, книжный облик.

К данной группе относятся: *блудъ—блудити* в значении ‘любодейство—любодействовать’, *бракъ*, *браченье*, *възмужати*, *въскормити*, *въздоити*, *възрастъ*, *въспитати*, *гробъ*, *погребати*, *завида*, *зависть*, *завидѣти*, *досажденье*, *зачѧти* ‘забеременеть’, *зѧть* ‘жених’, *изврагъ—изворогъ*, *извѣтъ*, *клевета—клеветати*, *нравъ*, *непраздьнаѧ*, *обрученье*, *плѧсанье*, *посѧгати (-посагати)*, *похоть*, *праздьникъ*, *праздьньство*, *праздьновати*, *прелюбодѣи*, *преставитисѧ*, *прилазньство*, *пърѧ*, *пърѣти*, *распърѧ—распърѣтисѧ*, *рака*, *растлѣти*, *ругатель*, *срамъ—срамити*, *осрамити*, *съблазнъ*, *съблажьненье*, *съкончатисѧ*, *съмѣрьнъ*, *оуспенье*, *оуснути* и др.

Необходимо отметить, что большинство из приведенных слов образованы от общеславянских элементов с помощью характерных для старославянского языка словообразовательных морфем,

Как видели, в восточнославянской речи вместо них употреблялись другие слова идентичные или близкие по значению.

3. Восточнославянская лексика. Географическая дифференциация славянской лексики не изучена; по этой причине отнесение того или иного слова к тому или иному славянскому языку, да еще в древнюю эпоху, — дело не из легких. Некоторые данные все же позволяют относить, порою, может быть, даже условно, то или иное слово в данном случае к восточнославянской лексической группе по таким, как отметили и в «Вводных замечаниях», признакам: а) отсутствию его в памятниках ст.-слав. письменности, б) неупотребительности рассматриваемого слова в других, или южнославянских особенно, языках, в) обычности слова в восточнославянских языках и поныне. Сюда относятся: *вабити*, *превабати* <*перевабити*, *водити* 'выдавать замуж', *водимаꙗ* 'жена, супруга', *везти* (на санѣхъ), *залечи*, *зарѣзати*, *именинъı*, *клюка*, *переклюкати*, *кърста*, *могъıла*, *навье*, *норовъ*, *осоромити*, *поꙗти* (жену), *подружье* 'жена, супруга', *русалъıꙗ*, *скоморохъ*, *съхранити* (=съхоронити покойника), *оудавити*, *оумъıкати*, и т. п.

Как мы отметили в соответствующих местах, некоторые из приведенных слов встречаются и в памятниках ст.-слав. письменности, но там они отличаются семантически. Некоторые слова искусственно окнижниваются, как например, *схранища* (Владимира) вместо *съхорониша*, книжным было бы тут *погребоша*; *скомрахъ* вместо *скоморохъ*, *превабити* вместо *перевабити* и др. С этим явлением необходимо считаться каждый раз, так как возможно и обратное — превращение книжного слова по форме в восточнославянское.

Глава II

БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА

1. НАЗВАНИЕ ОДЕЖДЫ И МАТЕРИАЛОВ

Общее понятие 'одежда' в Пов. вр. л. обозначается тремя словами: *портъı*, *одежда/одежа* и *одѣнье*. Наиболее обычным из них является первое слово: оно чаще встречается в разных оборотах речи, в том числе, несомненно, в разговорной, бытовой. В подтверждение сказанному приведем примеры. Так, в договоре Олега от 911 г. читаем: аще ли будеть неимовитъ. тако створивъıи. да вдасть елико можеть. и да соиметь съ себе и тъı(е) самъıѭ. *портъı*. в них же ходать (Ип. 13 об.); то же повторяется в договоре Игоря от 945 г.: аще ли есть неимовитъ. да како можеть. в только же проданъ будеть. ѭако да и *портъı* в нихъ же ходать. да и то с него снати (Л. 13 об., Ип. 20 об.); ѭако приближисѧ (отрокъ. — *А. Л.*) къ рѣцѣ сверга (Ип. свѣргъ) *портъı* сунусѧ въ Днѣпръ и побреде (Л. 19 об., Ип. 26); приѭать и (Черня Торопечанина. — *А. Л.*) Антонии възложи на нь *портъı* чернецьскъıѭ нарекъ имѧ ему Исакии (Л. 64 об., Ип. 71) и др.

Как свидетельствуют данные других памятников [1], слово *портъı* в древнерусской речи было самым обычным в общем значении 'одежда', причем никакого пейоративного оттенка в его семантике нет, поскольку оно встречается с различными определениями, как: *портъı* царскіѭ; брачнъıѭ *портъı*; бѣлъıе *портъı*; хоудъıе *пъртъı*; чернечьскъıе *пъртъı* и т. д. [2]

Памятники ст.-слав. письменности не зафиксировали **прътъ** в нейтральном значении 'одежда'. Так, Мф. XII, 20 в Зогр. Мар. Остр. читается: **трьсти съкроушенъı не прѣломитъ. і прътѧ вънемъша сѧ не оугаситъ** (Мар.), греч. κάλαμον συντετριμμένον οὐ κατεάξει καὶ λίνον τυφόμενον οὐ σβέσει... Как видно, словом **прътъ** передано греч. τὸ λίνον, которое можно истолковать как 'кусок холста'. При этом в Сав. было написано **прьста**, потом писец зачеркнул **с**; в Ас. вместо **прътѧ** читается **плата**. Последнее слово зафиксировано Мф. IX, 16; Мк. II, 21 для передачи греч. τὸ ῥάκος 'лохмотье, тряпка', но эти места в апракос не входили. Употребление **платъ**, а также **льнъ** вм. **прътъ** в памятниках ст.-слав. письменности [3] является свидетельством того, что в южных и за-

[1] *Срезневский* II, стб. 1753 и сл.
[2] Там же.
[3] *V. Jagić*. Указ. соч., стр. 378.

падных славянских языках слово **пръть**, по-видимому, было не так широко употребительно, как в восточнославянских диалектах.

Можно констатировать, что в др.-рус. литературном языке слово *пъртъı* было народным восточнославянским словом. В Галиц. ев. списка 1144 г. И. XX, 7 вместо **ризами** читается **пъртъı**[4], это явное свидетельство замены чуждого слова на обычное собственное *пъртъı*.

В Супр. один раз употреблено **прътиште**, ср.: **онъ же видѣвъı и въ такомъ ништи образѣ и въ прътиштихъ старца. прѣобидѣ и** (192, 1—3), греч. ῥάκος. По-видимому, передавая словом **прътиште** греч. ῥάκος, переводчик употребил обычное для него слово в пейоративном значении. В памятниках древнерусской письменности слово *пъртище* широко употребительно в нейтральном значении 'одежда', 'кусок материи' и т. д.[5]

Существительное с суффиксом — **иште** обозначает место. В памятниках ст.-слав. письменности, кажется, зафиксированы два существительных на -**иште**, которые обозначают не место, а вид одежды, это: **врѣтиште** и **прътиште**, ср. пример, иллюстрирующий употребление первого слова: **повелѣ аноупатъ принести врѣтиште. и вьсадити и вь не** (Супр. 112, 2—3), в данном примере **врѣтиште** — 'мешок'; **растръга врѣ(ті)ште мое и прѣпоѣсалъ мѧ єсі весельемъ** (Син. пс. XXIX, 12), греч. διεῤῥῆξας τὸν σάκκον μου καὶ περιέζωσάς με εὐφροσύνην; **облачаахѫ сѧ въ врѣтище** (Син. пс. XXXIV, 13), греч. ἐνεδυόμην σάκκον и др. В последних двух примерах **врѣтиште** — 'одежда'. Эти факты проливают свет на пути развития семантики слова **врѣтиште**.

Первоначально оно обозначало 'вместилище', конкретно — 'мешок', затем стало употребляться и как название одежды. Поскольку этим словом переведено греч. ὁ σάκκος, то **врѣтиште** надо считать названием грубой одежды. Это мнение подкрепляет факт перевода греч. πάλαι ἂν ἐν σάκκῳ καὶ σποδῷ καθήμενοι μετενόησαν Л. X, 13 и Мф. XI, 21: **древле оубо въ врѣтишти и попелѣ сѣдѧште покаали сѧ бишѧ**; Мф. XI, 21 ... **покаали сѧ бѫ** (Мар., Зогр.).

Прътиште первоначально, видимо, как и **врѣтиште**, употреблялось в значении 'вместилище' (чего-либо), потом — вид одежды. Если исходить из значения греч. ῥάκος, а также из словосочетаний: **въ ... ништи образѣ. и въ прътиштихъ старца**, то, надо полагать, что в памятниках ст.-слав. письменности и **прътиште** употреблялось в значении 'лохмотья, драная одежда'. В древнерусском языке *пъртище* какой-то особый вид одежды, но отнюдь не рубище, лохмотья, потому что оно встречается с такими определениями: скорлатное *портище*; круживо на *портищо* шито золотомъ да̀ серебромъ; платнѧно *портище*; *портище* овцынъ и т. п. [6] По-

[4] *Срезневский* II, стб. 1753 и сл.
[5] Там же, стб. 1752 и сл.
[6] Там же, стб. 1753.

сколько встречается такое словоупотребление, как: бѣлые *портъı* и *портища*, то не исключено, что последним словом обозначалась верхняя, может быть, теплая одежда ср.: не имѣя у себе храминъı ни *портища* тепла, ни постели мякка (1554 г.) [7].

Одежда/одежа в Пов. вр. л. зафиксировано всего два раза: си бо (Ольга. — *А. Л.*) ѡмъıсѧ купѣлью стою и совлечесѧ грѣховного ѡдежевъ (Ип. грѣховныѧ *одежда*) (Л. 20 об., Ип. 27); при Антиосѣ в Иерс̄лмѣ. случисѧ внезапу ... ıвлатисѧ на вздусѣ. на конихъ рищющимъ. въ ѡружьи златъı имуща ѡдежѣ (Л. 55 об., Ип. 61 об.) — последний пример — цитата из Хронографа, по составу сходного с «Еллинскимъ и Римскимъ лѣтописцем»[8].

Что касается первого примера, хотя он и написан древнерусским автором, но тем не менее сочетание слов: грѣховнъıѧ *одеж(д)а* — явно книжного происхождения, оно такого же типа, как: **ветъхъıѧ грѣховънъıѧ ризъı** (Син. тр. 2а, 6—7); **въздвигни и отъ одра грѣховънааго** (там же 25 б, 8—9); **твоѧ жжа сѫтъ грѣховьнии сѫжзи** (Супр. 400, 14), и т. п.[9]

Также только два раза находим в Пов. вр. л. и слово *одѣ́нье* в примере: ѡдѣньıѧ с(т)ворить мужеви своему ѡчерьвлена и багрѧна. собѣ ѡденьıѧ (Л. 26, Ип. 32) — цитата из Притч. XXXI, 22, греч. κλαίνας ἐποίησεν...

По приведенным данным *одежда/одежа* и *одѣ́нье* являются книжными словами. Последнее, образованное присоединением суф. *-ьje, -ije* к основе причастия *одѣ́н-*, ср. **одѣ́нъ въ понѣвицѫ** (Мк. XIV, 51 Зогр.), — относится к широко известному типу, как: **бъдѣ́нье**, от **бъдѣ́ти**, **велѣ́нье** от **велѣ́ти**, **зьрѣ́нье** от **зьрѣ́ти**, **пѣ́нье** от **пѣ́ти** и т. д.[10] Вероятно, не исключено, что такого типа образования были известны и свойственны и восточнославянским говорам[11], но фиксирование слова *одѣ́нье* только в цитате из церковной книги и отсутствие его в сочетаниях слов, свойственных устной речи, все же заставляет думать, что это слово не было известно древней восточнославянской речи.

Восточнославянским диалектам в прошлом и ныне известно образование на *-тье* преимущественно от односложных основ глагола, как: *датьё, дутьё, клятьё, мытьё, питьё, шитьё* и т. д. [12] Однако форма* *одѣ́тьё* не зафиксирована, вместо нее употребляются: *одевка, одевало* и т. п. Все это, кажется, является основанием считать, что *одѣ́нье* в Пов. вр. л. — книжное слово. При этом не исключено, что *одѣ́нье* стяженная форма от *одѣ́вание*. Обе формы употребительны в памятниках ст.-слав. письменности,

---

[7] Житие Прокопия Устюжского. Рукопись Румянцевского музея № 361, л. 46. — Материал ДРС.

[8] *А. А. Шахматов.* Повесть временных лет, стр. 208 и XXX.

[9] Другие примеры см. Slovník jaz. stsl. I, стр. 442.

[10] *Sadnik-Aizetmüller*, стр. 177 и сл.

[11] См. *Л. Н. Булатова.* Отглагольные существительные на *-нье, -тье* в русских говорах. «Труды Института языкознания», т. VII. М., 1957.

[12] См. там же, стр. 336.

причем нередко в одних и тех же предложениях. Например, Мф. XXII, 11 в Ас. читается: **вїдѣ тоу чка не облъчена въ одѣаніе брачьное**, а в Зогр. и Остр. — **одѣние**; Л. IX, 29 в Зогр.: **і одѣанье его бъıло блисцаıа сѧ**, а в Мар. и Остр. — **одѣние**; Мф. XXVIII, 4 в Ас.: **и одѣание его бѣло ѣко снѣгъ**, а в Зогр., Мар., Остр. — **одѣние**. Такие памятники как Син. пс. и тр. знают только форму **одѣние**, а Супр. — **одѣание** (один раз) и **одѣнье** (4 раза).

Одежда/одежа относится к древнейшим образованиям на *-ja*, которая присоединялась к редуплицированной основе **odedja*. Если **одѣание** и **одѣнье** обозначено не вид одежды, а то, чем одеваются, то **одежда**, видимо, употреблялось как название определенной одежды, поскольку этим словом переведены греч. διπλοΐς 'двойной плащ' (см. Син. пс.); στολή 'одежда, костюм'; ἔνδυμα 'одежда, покров'; περιβόλαιον 'покрывало'. Исходя из этих данных можно считать, что словом **одежда** обозначалось понятие 'верхняя одежда' — 'плащ, покрывало'.

В древнерусском языке эти значения обозначались словами *пъртъı*, *пъртище*. Говоря иначе, слова *одѣание*, *одѣнье*, *одежда* — в древнерусском литературном языке — книжные, по происхождению старославянские слова; написание *одежа* указывает на приспособление слова **одежда** древнерусскому произношению.

Сорочька в Пов. вр. л. зафиксировано всего три раза: и сволокоша с него (Василька. — *А. Л.*) *сорочку* кроваву сущю и вдаша попадь(и) ѡпрати (Ип. іспрати) (Л. 88, Ип. 89); и пощюпа *сорочкъı* и реч. чему есте снѧли с мене. да бъıх в тои *сорочкѣ* (Ип. в сѣи *сорочици*) кровавѣ смрть приялъ (Л. 88, Ип. 89 об.).

Значение слова *сорочька* в приведенных примерах — 'рубашка', 'нательная рубашка'. В памятниках ст. слав. письменности **срачица** известно в переводе греч. χιτών 'нательная рубашка', ср.: **отемлѩштюмоу тебѣ ризѫ. і срачицѫ не възбрани** (Л. VI, 29 Зогр., Мар.); **отъвръгъ къждо и послѣдьнѩѭ срачицѫ** (Супр. 90, 15—16). *Сорочька* с древних пор широко распространенное слово в восточнославянских диалектах и языках. Написание Ип. *сорочици*, по-видимому, является подведением слова по звучанию к ст.-слав. **срачица**. *Сорочька*, надо полагать, уменьшительно-ласкательная форма от *сорока*, последнее известно как название головного убора замужней женщины, но в значении 'рубаха' в памятниках письменности не зафиксировано.

Власѧница также, кажется, представляет название рубахи, ср.: ѡблече бо сѧ *во власѧницю* и повелѣ купити собѣ козелъ и ѡдра мѣхомъ козелъ и ѡблече на *власѧницю*. и ѡсше ѡколо его кожа сııра (Л. 64 об., Ип. 71); Исакии . . . ѡблечесѧ *въ власѧницю*. и *на власѧницю* свиту вотолѧну. и нача оуродство творити (Л. 65 об., Ип. 72).

По наличию неполногласного сочетания *влас-* слово должно быть старославянским, однако в памятниках ст.-слав. письменности

оно не зафиксировано. В Словаре старославянского языка статья **Власѣница** иллюстрируется единственным примером из одного русского списка XV в. жития Вячеслава (Вацлава) [13]. В памятниках др.-рус. письменности слово *власаница* встречается нередко [14]. В восточнославянских языках и их диалектах распространены слова с основой *волос-* в значении ткани и названия одежды, ср.: *волосень* (кур., ворнж.) 'длинная овечья шерсть', 'шерстяная пряжа и ткань из нее' [15]; *волосник* 'женский головной убор, кокошник' [16]; *волосянка* (колым.) 'волосяная сеть', 'волосяная ткань'; 'волосяная рубашка' [17]; *волосяница* 'власяница', 'волосяная рубашка', а также 'волосяная одежда в роде вериг' [18]; укр. *волосінь* — В мене плахта *з волосіні*; *волосянка* 'штаны из овечьей шерсти'; *волосяница* 'власяница' [19] и др.

Все это указывает на то, что вполне вероятно наличие в прошлом восточнославянского слова *волосяница* <*волосѣница* в значениях: 'рубашка из волос или шерстяной ткани', 'волосяная одежда — порты'. Как известно, в русском языке образования на *-ица* заменились на *-ка*, например: *сорочица* на *сорочька*, *молодица—молодка*, *свѣтьлица—свѣтьлка* (совр. *светелка*), *красавица—красавка* и т. д., поэтому наличие *волосянка* свидетельствует, что оно из древнего *волосѣница* >*волостаница*. И. Срезневский констатирует, что в Юрьев. ев. списка 1119 г. Мф. XI, 21 вместо **въ врѣтиштѣ** написано **въ власаници**. Таким образом, имеются основания отнести *власаница* к мнимым церковнославянизмам; оно переделано из восточнославянского слова *волостаница*, которое в прошлом относилось к известным продуктивным образованиям типа: *каманица*, *квастаница*, *поланица*, *стъкланица* и т. п.[20] Поскольку *волостаница* употреблено в текстах религиозного содержания или в описаниях церковного или монастырского быта, то вполне понятно употребление его в неполногласной форме. Другие славянские языки не знают слова *vlasenica*, потому что болг. *власеница* 'грубая одежда из козьих шкур, которую носили отшельники на голом теле' [21] — явный церковнославянизм; пол. *Wlosenica* — 'одежда, которую носили для умерщвления тела' [22], надо полагать, переделка на польский лад заимствованного из русского языка слова *волосяница*.

---

[13] Slovník jaz. stsl. I, стр. 201.
[14] *Срезневский* I, стб. 975.
[15] ДОП, стр. 25 и 317; *Даль* I, стб. 576.
[16] ДОП, стр. 25; *Мельниченко*, стр. 44; *В. Чернышев.* Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. Спб., 1900, стр. 115; *Даль*[4] I, стб. 577.
[17] *Богораз*, стр. 33; *Даль*[4] I, стб. 577.
[18] *Даль*[4] I, стб. 577.
[19] *Гринченко* I, стр. 252.
[20] Index a tergo, стр. 42.
[21] Речник на съвременния български книжовен език, т. I, стр. 126; БЕР, стр. 162.
[22] *Brückner*, стр. 627.

В приведенном выше примере: Исакий . . . ѡблечеса въ власаницю и на власаницю *свиту* вотолану (Л. 65 об., Ип. 72) зафиксировано еще одно название одежды — *свита*. Памятники ст.-слав. письменности не фиксирует этого слова. Из южнославянских языков слово *svita* известно только с.-хорв. в значениях ‘сукно’ (дорогое) и ‘лента’, или ‘полоска цветной материи’ (как украшение у женщин). В приведенном из Пов. вр. л. примере *свита* — ‘верхняя одежда’, и в этом значении оно совпадает с рус. (ныне преимущественно диалектным) *свита* ‘верхняя долгая одежда’, укр. *свита*, *свитка* ‘верхняя одежда крестьян из домашнего толстого сукна’, ‘полушубок из бараньих мехов’. Западнославянские языки не знают этого слова, поскольку пол. *świta* — из восточнославянских языков [23].

В памятниках др.-рус. письменности *свита*, а также *свитъка* широко употребительно [24], причем не только в значении ‘верхней одежды’, но в значении ‘рубаха’, например: и тако *и-свиткы* изволокоша и. ѡнъ же велми възгласвъ рече̄ . . . все тѣло мое наго . . . (Ип. 129). Это значение совпадает с орл.-мцен. и калуж. *свитка* ‘сорочка’ [25].

В целом, несомненно, что *свита* ‘верхняя одежда’ в Пов. вр. л. — восточнославянское слово.

Названием верхней же одежды является слово *луда*: Їрославъ . . . посла за море по варѧгы. и пріде Їкунъ с варѧгы, и бѣ їкунъ с(ь) лѣпъ. *луда* бѣ оу него золотомь истъкана (Л. 50 об., Ип. 55 об.); видѣвъ̄ же Їрославъ їако побѣжаемъ есть. побѣже съ Їкуномъ кнѧземь варѧжскы̄мъ. и Їкунъ ту ѡбѣже *луды* златоѣ (Л. 50 об., Ип. 55 об.); Матфѣи . . . видѣ обиходѧща бѣса. въ ѡбразѣ лѧха в *лудѣ* и носѧща в приполѣ цвѣткы (Ип. цвѣтокъ). иже гле̄тсѧ лѣпокъ (Л. 64, Ип. 70).

Считается установленным, что слово *луда* заимствовано из скандинавских языков [26]. В Пов. вр. л. оно дважды употреблено как название одежды варяжского князя Якуна. Однако в третьем примере слово *луда* выступает как название какого-то особого вида верхней одежды. Этот факт является свидетельством того, что данное слово было употребительно и в речи древнерусского человека. Укр. *лудан* ‘род блестящей материи’, а также ‘кафтан из этой материи’, *лудина* ‘одежда’ (одна штука), *лудіння* ‘платье, одежда’ [27], свидетельствуют о том, что заимствованное слово ассимилировалось в устной речи, приняв славянские словообразовательные суффиксы *(а)нъ*, *-ина*.

---

[23] *Brückner*, стр. 538.
[24] *Срезневский* III, стб. 275 и сл.
[25] *Даль*[4] IV, стб. 68.
[26] *Miklosich*, стр. 175; *Berneker* I, стр. 743; *Преображенский* I, стр. 474; *Фасмер* II, стр. 529.
[27] *Гринченко* II, стр. 379 и сл.

Стополкъ же ... нача кнѧжити Кꙑевѣ, — читаем под 6523 (1015) г. — созвавъ люди нача даѩти ѡвѣмъ *корзна*. а другꙑмъ кунами. и раздаѩ множьство (Л. 48, Ип. 53). Это единственный пример в Пов. вр. л., в котором зафиксировано слово *корзно*. В Суздальской летописи под 6655 (1147) г. читаем: сскочи же Володимеръ с конѧ. и покрꙑ (Ип. ѡгорну) и (Игоря. . . *А. Л.*) *корзномъ* (Ип. *коръзномъ*) — Л. 105 об., Ип. 129); под 6683 (1175) г. в Ип. и тако положивꙑ и вь притворѣ прикрꙑвꙑ и *корьзномь* и лежа ту. ·в̄. дни и ночи (208 об.) и др.[28] Из примеров не ясно, что такое *корзно*, но если взять во внимание такие примеры, приведенные И. Срезневским: како оуравнѧютьсѧ твоѩ *корьзна* того *власѧници* (из Пат. Печ.); она же вземши *корозно* его иде, и повѣдаше гражаномъ ꙗко оумерлъ есть Атила (из Хронографа сп. XVI в.), — то можно судить, что речь идет о верхней одежде. Кроме того, в старочеш. *krzno* ‘плащ на меху’ [29], по Фасмеру, ‘плащ с меховой опушкой’ [30]. По мнению В. Махека, это была одежда барская, дорогостоящая [31].

Как видно, слово это не было широкоупотребительным, но принадлежность его древнерусскому литературному языку не подлежит сомнению. Об этом свидетельствует употребление его в оригинальных произведениях древнерусской письменности. В памятниках ст.-славянской письменности слово **кръзно** не зафиксировано. В старославянском словаре статья **кръзьно** иллюстрируется единственным имеющемся в картотеке примером из русского сп. XVI в. Жития Вячеслава (Вацлава), причем в переводе лат. *crusina* ‘меховая одежда’. Считать *къръзна* старославянским словом так же нет оснований, как и *паволока*, употребленное в этом же предложении, ср.: мощі и книги . . . ꙗж(е) самъ златом своим и с’ребромъ и павѡлоками толико *къръзнꙑ* ѡткѹповаше [32].

Состав и происхождение слова *къrzno* <**kr̨zno*, ср. чеш. серб.-хорв. и словен. *krzno* [33], бесспорно не выяснено. Кажется не подлежит сомнению, что основой слова является **kr̨z-*, а *-no* в этом случае следует признать именным суффиксом так же, как и в словах *пърт(ь)но*, *соукно*, *кросно* ‘вид полотна’, *стьгно* и т. п. В. Махек считает, что *krzno* родственно хет. *kursa* — ‘кожа’, но такому сближению как будто мешают фонетические данные. Пожалуй, более прав М. Фасмер, сближающий *къръзно* с согд. *kr‘z’kh*, осет. *kœrc* ‘мех’, хотя В. И. Абаев и считает вопрос этот не выясненным [34].

---

[28] *Срезневский* I, стб. 1404.
[29] *Trávníček*, стр. 774; *Machek*, стр. 240; *Gebauer* II, стр. 165 и сл.
[30] *Фасмер* II, стр. 327.
[31] *Machek* [2], стр. 298.
[32] Slovník jaz. stsl. II, стр. 73.
[33] *Miklosich*, стр. 157; *Berneker* I, стр. 671; *Преображенский* I, стр. 354; *Machek* [2], стр. 298; *Фасмер* II, стр. 327 и сл.
[34] *Абаев* I, стр. 582.

Отсутствие других производных от корня *kŕz- в значении 'мех' в славянских языках, а также малоупотребительность слова *кързно* в древнерусских памятниках письменности заставляет соглашаться с мнением, что слово заимствовано, по-видимому, первоначально в форме **kŕzъ*, которая вошла в группу славянских слов на *-по* после присоединения этого суффикса. Не исключено, что в др.-рус. яз. *кързно* из западнославянских языков.

Поясъ, по мнению А. В. Арциховского, «является одним из традиционных элементов одежды»[35]. В Пов. вр. л. это слово зафиксировано всего один раз: ходихомъ въ болгары. смотрихомъ како сѧ покланѧють въ храмѣ рекше в ропати стоѧще бес *поѧс* (Ип. бес *поѧса*). поклонивсѧ сѧдеть. и гладить сѣмо и ѡнамо. ѩко бѣшенъ (Л. 37, Ип. 41). Кроме этого, в «Речи философа» сообщается, что (Адам и Ева) разумѣста ѩко нага еста и съшиста листвиемь смоковьнꙑмь *препоѧсанье* (Л. 29, Ип. 35). Здесь *препоѧсанье* несомненно книжное, старославянское слово, и оно, надо полагать, является переводом греч. περίζωμα или διάζωμα. **Прѣпоѣсание** образовано присоединением суф. — **ие** к основе причастия **прѣпоѣсанъ**, ср. **бѫдѫ чрѣсла ваша прѣпоѣсана** (Л. XII, 35 Ас.). Такие образования имен в памятниках ст.-слав. письменности многочисленны и весьма продуктивны[36].

Однако *поясъ* в первом примере не является книжным словом, потому что оно представляет общеславянское наследие и присуще живой речи всех славян. *Пояса* были кожаные, золотые, серебряные и т. п.

К заимствованным же словам относятся *вариманътьꙗ*, *риза*, *фофудья* и *хламида*.

Первое слово зафиксировано всего один раз в предложении: взложьше и (мощи Феодосия Печерского. — *А. Л.*) на *вариманътью* (Ип. *варинитью*, Р. *монатью*) и вꙑнесоша и предъ пещеру (Л. 70 об., Ип. 78).

В словаре И. Срезневского зафиксирован лишь этот пример, однако написания в Ип. *варинитью* и Р. *монатью* показывают, что в первоначальном тексте могло быть только *вариманътью*, которое состоит из греч. βαρύς 'тяжелый' и μανδύη 'шерстяной плащ' или μαντίον 'плащ' (монашеский).

Речь, видимо, идет о монашеской одежде. В памятниках ст.-слав. письменности зафиксировано только **манꙗтица** дважды в Син. тр. 97 а, 17; 99 а, 12 в передаче греч. παλλίον[37].

Если такое слово *вариманътьꙗ* существовало, то оно могло быть заимствовано древнерусским духовенством непосредственно из греческого языка.

---

[35] *А. В. Арциховский.* Одежда. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 248.

[36] *Sadnik-Aitzetmüller*, стр. 176—179; *Vaillant.* Manuel, стр. 261 и сл.; *Вайан.* Руководство, стр. 277 и сл.

[37] Slovník jaz. stsl. II, стр. 188.

Риза встречается много раз, ср.: бжтвную свтꙑ бцⷯ *ризу* с ими (Ип. *с пѣсньѣми*) изнесъше в рѣку ѡмочивше (Им. ѡмочиша) (Л. 7 об., Ип. 9); самъ (цѣсарь. — *А. Л.*) причинисѧ в стльскиꙗ *ризꙑ* да видатъ славу ба нашего (Л. 37, Ип. 41); епспъ же вземъ крстъ и ѡблекъсѧ в *ризꙑ* ста (Л. 61, Ип. 67); и вниде (Ип. въѣха) Изѧславъ в Кꙑевъ ... и вꙑдоша (Ип. выидоша) противу ѥму множство народа. и игумени с черноризци. и попове всего города Кꙑѥва в *ризах* (Л. 104 об., Ип. 120 об.); заложи црквь камѧноу ... Мартоурии. въ имѧ стꙑꙗ бцⷯ положение *ризꙑ* и поꙗса (Новг. I лет. л. 55) и др.

В приведенных и других примерах слово *риза* употребляется только в связи с церковью как облачение священнослужителя. Правда, в ЖФП читаем: обходи всѧ манастꙑрѧ хотѧ бꙑти мнихъ и молѧсѧ имъ да приꙗтъ ими боудеть. ѡни же видѣвъше отрока простость и *ризами* хоудами облечена не рачиша того приꙗти (Усп. сб., л. 31 а, 29-31—31б, 1—4). Все процитированное написано книжным языком, поэтому тут находим слова *мнихъ*, *отрока*, *рачиша*, а также и *риза* в книжных значениях. Этим объясняется употребление тут *ризами* вм. *пъртꙑ*.

В памятниках ст.-слав. письменности, как правильно заметил В. Ягич, слово **риза** употреблено для передачи различных греч. слов ἱμάτιον ‘гимадий, плащ’, ὀθόνιον ‘полотняная одежда’, ἑσθής или ἔσθησις ‘платье, белье’, χιτών ‘одежда, платье’[38], при этом в них слово **риза** почти не встречается в специфическом значении ‘облачение духовного лица’. В памятниках др.-рус. письменности слово *риза* заимствовано духовенством из памятников ст.-слав. письменности в значении ‘священной одежды’. Это мнение подкрепляют такие примеры: **ѩце токмо прикоснж сѧ ризꙑ его спсна бѫдж** ... **і спсна бꙑстъ жена отъ часа того** (Мф. IX, 21—22 Мар.); **і принѣсѧ къ немоу вьсѧ болаштаѩ. і молѣхж и да** ... **тъкъмо прикоснжтъ сѧ въскрилии ризꙑ его. і елико прикоснжшѧ сѧ емоу спсни бꙑшѧ** (Мф. XIV, 35—36 Мар.); **і егда поржгашѧ сѧ емоу. съвлѣшѧ съ него ѵламидж і облѣшѧ и въ ризꙑ своѩ** (Мф. XXVII, 31 Мар.); **і бꙑшѧ ризꙑ его льшташтѧ сѧ бѣлꙑ ѕѣло ѣко снѣгъ** (Мк. IX; 3 Мар.); **ѡблѣцѣте сѧ въ ризж спс** (Син. тр. 98 а, 13) и т. п. В этих и подобных примерах слово *риза* воспринимается как ‘особая, чудодейственная одежда’.

Словом, не может быть сомнения в том, что южнославянское слово *риза* древнерусскими книжниками воспринято через церковные книги в специфическом значении ‘облачение богов и священнослужителей’. Полагают, что южнослав. *риза* ‘рубашка, одежда’, так же заимствованное слово, возможно, из фракийского языка[39].

[38] *V. Jagić.* Указ. соч., стр. 392.
[39] *Фасмер* III, стр. 482 и сл., *Skok* III, стр. 149.

Цр҃ь же Леѡнъ слꙑ рускꙑꙗ почт҃ивъ дарми золотом҃ и паволоками и *фофудꙑ*ми (Л. нет, Ип. 15, Р. *фофоудꙑ*ми (18 об.); и повелѣ Володимеръ метати паволокꙑ. *фофудью* и ѡрничѣ. бѣль людем҃ силно налегшим (Л. 96 об., Ип. без этого слова).

Только в этих двух примерах Пов. вр. л. зафиксировано название одежды *фофоудꙑ*. В Словаре Срезневского это слово иллюстрируется также только приведенными выше примерами, при этом делается ссылка на житие св. Алексея, в котором читается φουφουδότην [40]. А. Шахматов в примечаниях в издании Л. поясняет: «Слово *фофудотъ* (=*фофудия*) первоначально означало восточную (Вавилонскую) златотканную материю, а потом вообще одежду и золотое царственное облачение» [41], далее, ссылаясь на неопубликованное житие св. Алексія, приводит соответствующую греческую цитату из Словаря Дюканжа (Glossarium mediae et infimae graecitatis t. II. Appendic col. 163—164).

В первом примере, возможно, речь идет о материи, поскольку, так же как *паволоками*, интересующее слово употреблено в твор. п. мн. ч. *фофоудꙑ*ми. Возможно, что и во втором примере речь также о материи, если здесь слово не употреблено механически в подражание первому примеру. Дело в том, что в Ип., а также в Х. и П. читается: и повелѣ Володимеръ рѣжючи паволокы. орници бѣль розметати народу (Ип. 105), как видно, слово *фофудью* здесь отсутствует. Приведенная выше первая цитата имеет такое продолжение (Цр҃ь же Леѡнъ ... пристави ... мужи ... показати ... стр҃сти гс҃ни вѣнѣць и гвоздие и *хламиду* багряную (Ип. 15, Л. нет, Р. 18 об.). Слово *хламида* в Словаре Срезневского иллюстрируется и другими примерами из церковных книг. Нет спора, что и это непереведенное греч. слово вошло в древнерусский литературный язык из памятников ст.-слав. письменности. Однако слово дошло и до нас в значении ‘какая-либо несуразная одежда’ [42].

Отметим, что хламида чрьвленаꙗ (Мф. XXVII, 27 Остр., Ас., Сав., Мар., Зогр.) в Пов. вр. л. превратилась в *хламиду багряную*. Здесь контаминация въ ризѫ багряноу (И. XIX, 2) с хламидоу чрьвленоу (Мф. XXVII, 27). Говоря иначе, словосочетание *хламида багряна* свидетельствует о том, что оно заимствовано из памятников ст.-слав. письменности восточноболгарской редакции.

Перечисленными исчерпываются названия одежды. Далее находим только несколько названий частей одежды, это: *скутъ* и *приполъ*, ср.: Глѣбъ же возма топоръ подъ *скутом҃*. приде к волхву (Л. 61, Ип. 67). Здесь *скутъ* ‘пола одежды’. Как указывает Ф. П. Филин, *скутъ* — отглагольное имя от *скутати*

[40] *Срезневский* III, стб. 1357.
[41] ПСРЛ, т. I. Л., 1926, стб. 37—38. Примечания.
[42] ССРЛЯ 17, стб. 169 и сл.

'одеть', *скутаться* 'запахнуться' [43]. Слово *скутъ* в древнерусском языке было употребительным [44]. В памятниках ст.-слав. письменности оно отсутствует, а в памятниках церк.-слав. письменности встречается.

В значении же 'пола одежды', употреблено и *приполъ*, ср.: видѣ обиходаща бѣса. въ образѣ лаха в лудѣ носаща *в приполѣ* цвѣткы (Л. 64, Ип. 70). Судя по тому, что в Словаре Срезневского это слово приведено только из оригинальных древнерусских памятников письменности, а также оно известно диалектам русского языка [45], слово *приполъ*, надо полагать, было восточнославянским; в памятниках ст.-слав. письменности его нет.

Толкование Ф. П. Филиным слова *лоно* как 'пола одежды' [46] в предложении: (бѣсъ) ѡбихода подлѣ братꙋ. взимаа из *лона* лѣпокъ (Ип. цвѣтокъ) вержаше на кого любо ... (Л. 64, Ип. 70) — ошибочно. *Лоно* здесь в том же значении, что и в следующем примере: **вълѣзе въ пештꙋ горѫштѫѭ ... въсъпавъ въ лоно своѥ отъ жглии излѣзе** (Супр. 541, 1—3), греч. εἰς τὸν κόλπον, т. е. 'в грудь, за пазуху'. Также был склонен толковать *лоно* из приведенного примера Пов. вр. л. И. Срезневский [47].

Можно ограничиться замечанием, что в Пов. вр. л. один раз упомянут *подъкладъ*, ср.: (Святослав) ни шатра имаше, но *подъкладъ* послав (Ип. постилаше) и сѣдло в головахъ (Л. 19, Ип. 25 об.). Здесь *подъкладъ* 'чепрак, потник' по образованию ясен, поскольку является отглагольным именем от *подъкласти*. Слово было употребительным [48], и оно до сих пор живо в укр. яз. в виде *підклад* [49].

Как известно в мести Ольги древлянам читается: и понесоша ꙗ (древлян. — *А. Л.*) в лодьи. ѡни же сѣдаху (Н. сѣдаще — в одних — и сѣдаху — в других) в перегъбѣх (Ип. перегребѣхъ, но Х. и П. — перегбех, Н. перегбехъ), въ великихъ (Ип. въ велихъ) *сустугахъ* (Ип. *сустогахъ*, Н. как Л.) гордащеса (Л. 15 об., Ип. 22 об., Н. 33).

Речь о слове *сустуга*. По составу это слово должно восходить к форме **съ-стѫга**. В Ип. текст., видимо, не понят, поэтому слово переделано на *сустога*, как и *перегъбѣхъ* на *перегребѣхъ*. Этот же корень встречается в слове **въстѫга** на месте греч. ἱμάς 'ремень' в ряде список в евангелии [50]. **Въстѫга** несомненно отглагольное имя от **въстагнѫти**, ср. **бръздами и оуздоѭ челюсти іхъ въстагнеши** (Син. пс. XXXI, 9), греч. ἐν χαλινῷ καὶ κημῷ τὰς

[43] *Ф. П. Филин.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, стр. 162.
[44] *Срезневский* III, стб. 399.
[45] *Даль* III, стр. 435.
[46] *Ф. П. Филин.* Указ. соч., стр. 162.
[47] *Срезневский* II, стб. 46.
[48] Там же, стб. 1057 и сл.
[49] *Гринченко* III, стр. 167.
[50] *V. Jagić.* Указ. соч., стр. 392.

www.ruslang.ru

διαγόνας αὐτῶν ἄχαι. **Въстягнеши** ‘стянуть, завязать’, а **въстяга** — буквально ‘завязка’, т. е. ‘ремень’, которым завязывали в древности сапоги. **Сѫстяга** буквально ‘вместе стягивающее’, т. е. как объясняет его значение Срезневский: ‘металлическая нагрудная пряжка, застежка’[51]. Нет особой нужды объяснить чередование **а / ѫ-стаг- / стяг-**, так как оно обычное.

О составе слова, его значении и принадлежности восточнославянским языкам мы уже писали [52].

М. В. Щепкина обращает внимание на слово *перегъбъ*, которое, по ее мнению, должно обозначать не ‘перегиб’, а название одежды, носившейся в накидку [53]. Нам кажется, что такое истолкование слова *перегъбъ* не соответствует действительности, потому что синтаксически *въ перегъбѣхъ* — обстоятельство образа действия: сѣдахоу в *перегъбѣх* ... гордаще сѧ. Возможно ли, чтобы тут *перегъбъ* — ‘одежда’? Едва ли.

Если бы слово *перегъбъ* являлось названием одежды, то оно, как несомненно восточнославянское образование, в памятниках письменности встретилось бы не один раз, но этого нет. Обозначение же образа действия словом **прѣгъıбати** известно и памятникам ст.-слав. письменности, ср.: **И бiѣахѫ и по главѣ тръстиѫ. и плюѣхѫ на нь. и прѣгъıбаѭште колѣна. покланѣахѫ сѧ емоу** (Мк. XV, 19 Ас. Зогр., Мар., Остр.), ср. в совр. рус.: *в перегиб работать* [54]; Андалузские танцы танцуются не ногами, а корпусом: что за обаяние в этих сладостных *перегибах* стана (В. Боткин. Письма об Испании [55]; *перегибень* (псков.) ‘ломака, повеса’[56].

Оузорочье. И приде Ѡлегъ къ Кıеву несѧ золото и паволокы. и ѡвощи. и вина. и всако *оузорочье* (Ип. 12 об. Л. — нет, Р. 16).

В данном единственном примере из Пов. вр. л., но широко употребительном в памятниках др.-рус. письменности слова *оузорочье* за Срезневским следует понимать как ‘драгоценные вещи’ [57].

Однако не исключено, что в приведенном примере *оузорочье* обозначает ‘украшения’. По своей форме восточнославянское слово *оузорочье* образовано присоединением суф. *-окъ* к *оузор-* <*зър-*. Такие образования обычны, ср.: *оуломокъ*, *опрѣснокъ*, *недомѣрокъ*, *судокъ*, *затылокъ* и т. п. [58] Памятники ст.-слав. письменности не зафиксировали слова **оузорочье** или **оузрачье**. Послед-

---

[51] *Срезневский* III, стб. 628.
[52] *А. С. Львов.* О западнославянских словах в памятниках древнерусской письменности. «Проблемы современной филологии». М., 1965, стр. 201.
[53] *М. В. Щепкина.* К интерпретации одного места в Лаврентьевской летописи. «Исследование источников по истории русского языка и письменности». М., 1966, стр. 104 и сл.
[54] *Даль*[4] III, стб. 104.
[55] ССРЛЯ 9, стб. 514.
[56] ДОП, стр. 176; *Даль*[4] III, стб. 103.
[57] *Срезневский* III, стб. 1171 и сл.
[58] Index a tergo, стр. 249 и сл.

нее редко встречается рядом с оу҃зорочье в памятниках церк.-слав. письменности, как мнимый церковнославянизм [59].

Возможно, что к украшениям относилось слово *бисьръ*, но оно в Пов. вр. л. зафиксировано всего два раза в тексте, сообщающем об Ольге — христианке: блжнаꙗ ѡльга налѣзе *биселъ* многоцѣньныхъ. еже есть хс҃ъ (Л. 18, Ип. 25), ср.: **обрѣтъ единъ мъногоцѣнькнъ бисьръ** (Мф. XIII, 46 Остр.); си ... свѣтащесѧ. аки *бисеръ* в калѣ (Л. 20, Ип. 27), ср. **видѣхъ свок естъство акъі бисъръ блъшташтъ сѧ** (Супр. 167, 19—20). Слово *бисьръ* в др.-рус. языке признают церковнославянизмом [60].

Как украшение следует рассматривать и *гривьна* в примере: не могуще вборзѣ снѧти *гривнъі* съ шиѣ. оусѣкнуша главу ѥго (Бориса. — *А. Л.*) (Л. 46, Ип. 50 об.) в отличие от *гривьны* — 'денежной единицы'.

Как особая вещь близка по своей функции к рассматриваемой группе слов *ковьръ*: внесоша и. и положиша и (мертвого Олега, брата Ярополка. — *А. Л.*) *на ковръ* (Л. 23 об., Ип. 29 об.); ѡбертѣвше (мертвого Владимира. — *А. Л.*) *в коверъ* (Ип. в *ковьрѣ* ѡпрѧтавши). и оужи съвѣсиша на землю (Л. 45, Ип. 49); и вземше и (Василька. — *А. Л.*) *на ковръ* взложиша на кола ꙗко мертва (Л. 88, Ип. 89 об.); да се ѥси пришелъ и сѣдишь (Ип. сѣдиши) с братею своею. на ѡдином (Ип. единомъ) *ковръ*, то чему не жалуешьсѧ (Ип. жалуеши) до кого ти нас жалоба (Ип. ѡбида) (Л. 92, Ип. 94).

Из приведенных примеров видно, что назначение ковра было какое-то ритуально-процессуальное, поскольку им обвертывали или на него клали покойника из высокопоставленных; на нем сидели при решении важных вопросов, касающихся взаимоотношений между князьями и т. д. По всей видимости, использование ковра в указанных целях идет с Востока. Да и само слово *ковьръ* признается заимствованным из тюркско-булгарского языка [61], что вполне вероятно, так как в древнетюркском словаре фиксируется *küvüz*, *küwüz* 'кошма, шерстяная подстилка', *kiviz* 'ковер' (по данным словаря М. Кашгарского [62]), а ротацизм свойствен булгарскому языку. У потомков булгар — чуваш имеется слово *кавăр*, *капăр* 'нарядный' (об одежде); 'украшение' [63]. Поскольку марийское заимствование этого слова из чув. встречается только в форме *кавыр*, *ковра* [64], то др.-чув. должно быть кавăр. Последнее в др.-рус. должно получить звучание *ковъръ*, если ударение в булгарском

---

[59] *Срезневский* III, стб. 1172.
[60] *Фасмер* I, стр. 168.
[61] *Фасмер* II, стр. 270 и сл.; *Sławski* II, стр. 298 и сл. Здесь анализ всех других точек зрения на происхождение слова *ковьръ*.
[62] Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 311 и 331.
[63] *Н. И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка, вып. VI. Чебоксары, 1934, стр. 75.
[64] *В. Г. Егоров.* Указ. соч., стр. 89.

падало на второй слог (безударный *а* в др.-рус. заимствованиях воспринималось как *о*). В указанном написании слово находим в Сказании о Борисе и Глебе по сл. XII в., где читаем: проимавъ помостъ на берестовѣмь и *въ ковъръ* обьртѣвъше съвѣсивъше оужи на землю. и везъше на саньхъ поставиша и въ цр҃кви (Усп. сб. л. 9б); в списке XIV в. читается уже *коворъ* [65]. Однако во всех других случаях слово выступает в написаниях *ковьръ*, *коверъ*. Это написание отражает надо полагать, живое произношение, развившееся из *-ръ-* под влиянием и аналогии *бисьръ*, *костьръ*, *пъпьръ*, *сжпьръ*, *сабьръ*, *шабьръ*, *шатьръ* и т. п. [66], которые превалируют над написаниями *храбъръ* на ряду с *храбръ*, *багъръ* наряду с *багръ*, *шабъръ* наряду с *шабьръ*. В приведенных словах написание *-ръ* является восточноболгаризмом. По-видимому, в восточнославянском живом произношении *-ръ* могло быть только после заднеязычных *г*, *к*, *х*, как: *свекъръ*, совр. *свекор*, *вихъръ* наряду с *вихрь*, совр. *вихор* и *вихрь* и нек. др., но после незаднеязычных согласных произносилось только *-ьръ*.

В возведении др.-рус. *ковъръ/ковьръ* к булгарскому *кавър* имеется и семантическое затруднение, поскольку в совр. чув. *кавăр/капăр* [кабър] известно только в значениях 'нарядный' (об одежде) и 'украшение'. Вполне вероятно, что *ковъръ* в значении 'ковер' было известно, как и на Руси, только господствующим классам, которые у чуваш перестали существовать после разгрома Волжско-Камской Булгарии татаро-монголами в начале XIII в.

В Пов. вр. л. слово *опона* зафиксировано всего один раз и то в цитате из Притч. XXXI, 24: добрая жена ѡпонꙋ створи. и ѡдасть въ куплю (Л. 26, Ип. 32), соответствует греч. σινδόνας ἐποίησεν καὶ ἀπέδοτο. В памятниках ст.-слав. письменности греч. σινδών, σινδόνος передано словом **плащтѣница**. Таким образом в приведенной цитате из Притч. слово *ѡпона* употреблено в специфическом значении, потому что в памятниках ст.-слав. письменности этим словом заменяли непереведенное греч. **катапетазма** [67]. Под 6657 (1216) г. В Ип. написано: Изаславъ же... повелѣ половцина (Х. П. половчина) перетати тако (и) съ ѡпоною (Ип. 138). Как понимать: перетати тако и съ ѡпоною? — '*с одеждою*'? В Палее сп. 1406 г. читаем: и до ноготь терзаемо свершенаго младенца. во образъ первозданаго. в ѳ҃. мсць и поражаѥть. того ради боѥти сѧ ѥсть рожениꙗ тѣла ѳ҃. мсца. ꙗко бо нѣкоторѣи кожи. или *опонѣ* иже о оудѣхъ дѣтищю оутрь лежащю. надꙋматисѧ во оутробѣ и растегатисѧ (вар. растаг...) не бо можахоу женьстии оудове. свершена отрочате вмѣстити и в собѣ приꙗти [68]. В данном примере словом *опона* обозначено то, что в народе

---

[65] *Срезневский* I, стб. 1242.
[66] Index a tergo, стр. 265.
[67] *V. Jagić*. Указ. соч., стр. 310 и сл.
[68] Палея толковая. 1406. Рукопись ГБЛ, ф. 304 (Тр. — Серг.) № 38, л. 42 б—в. — Материал СДР.

говорят: (ребенок) 'в рубашке' (родился). Ср. еще: конѣ покривають *опонами*. якихъ не мож(еть) пула пробити[69]. Тут *опона* 'панцырь'.

Таким образом, в русском языке слово *опона* было известно в отличных от значения того же слова в памятниках ст.-слав. письменности. Конкретно в примере, приведенном из Ип. перетѧти тако (и) съ ѡпоною, по-видимому, слово ѡпона означает или 'панцырь' или особого восточного типа 'одежду'. На наличие в рус. яз. в прошлом слова *опона* в своих специфических значениях указывает наличие профессии *опоньникъ*, ср. оубиша на състоупѣ. Дмитра пльсковитіна. Онтона котельника. Иванъка прибꙑшиницѧ *опоньника* (Новг. I лет., л. 86 об.).

Коснемся вопроса о материалах, из которых шили одежду. В приведенном выше примере о свите сказано, что (Исакий) ѡблечесѧ . . . (въ) свиту *вотолѧну* (Л. 65 об., Ип. 72). Здесь речь идет, надо полагать, о той же *вотоле* 'дерюге, мешковине' или 'грубой ткани из охлопков и льна', которая и поныне известна говорам[70]. Происхождение слова *вотола* не ясно[71], но принадлежность его с древних пор русскому языку бесспорна.

Употребительно слово *паволокъı* (во мн. ч.) преимущественно в значении 'дорогая ткань', которая является предметом дара или откупа, цены товара или раба и т. д., ср.: и дасть еи (Ольге. — *А. Л.*) дарꙑ многи злато и серебро. *паволокъı* и съсудꙑ различнꙑѧ (Л. 17 об., Ип. 24 об.); цр҃ь же Леѡнъ слꙑ рускꙑѧ почстивъ дармі золотом и *паволоками* и фофудꙑами (Ип. 15); не имеють волости купити. *паволокъ* лише по н҃. золотникъ. а ѡ тѣхъ *паволокъ* аще кто крьнеть. да показываеть цр҃ву мужю (Л. 12, Ип. 19 об.); взимають ѡ насъ цѣну . . . В҃. *паволоцѣ* за чаладинъ (Ип. челад . . .) — Л. 12 об., Ип. 19 об.) и др. Лишь один раз: и р҃еч ѠОлегъ. ищиите (Х. исшіите) пре *паволочитꙑ* Руси . . . и въспѧша пре *паволочитꙑѣ*. а словенѣ кропиинꙑѧ (Ип. 12 об.). Срезневский приводит из сборника XII в.: Ты же облачишисѧ и ходиши въ *паволоцѣ* . . .[72], что является свидетельством того, что из *паволоки* шили дорогую одежду. Срезневский приводит чеш. Pawlaka jest kniezeicie oděnie a jinemu jie lzě nenie[73]. Образование этого слова праславянское из **pa- wolk-*, оно известно всем славянским языкам[74], но в разных значениях. В западно-

---

[69] Космография. Рукопись нач. XVIII в. из собрания Перетца IV, 91, л. 13. — Материал ДРС.
[70] *Даль* I, стр. 253; Словарь говоров 5, стр. 159.
[71] *Miklosich*, стр. 364; *Преображенский* I, стр. 99; *Фасмер* I, стр. 358.
[72] *Срезневский* II, стб. 855.
[73] Wybor z literatury české. Praha, 1845, стр. 391.
[74] *Miklosich*, стр. 379; *Преображенский* II, стр. 2; *Brückner*, стр. 400; *Machek*, стр. 358; *Фасмер* III, стр. 182; *Р. М. Цейтлин.* К вопросу о значениях примененной приставки *па-* в славянских языках. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. IX. М., 1954, стр. 209.

славянских языках *pavlaka*, *pawłoka* 'дорогая пурпуровая ткань и одежда из нее', в других — 'покрывало, пелена' и т. д. Употребление в памятниках др.-рус. письменности только полногласной формы показывает, что в восточнославянском *паволока* была названием 'особой дорогой ткани и одежды из нее'. Приставка *па-*, по всей видимости, в слове *паволока* обозначает 'подвид ткани' так же, как *пабуса* 'род судна', ср. *буса* 'судно', *павозокъ* 'род судна с мелкой осадкой', *пазноготь* и др. [75] Если *наволока* 'чехол', *волокно* 'полотно, тонкий льняной холст или пряжа' [76], то *паволока* — 'ткань из какой-то особой пряжи'; *Паволока* — 'дорогая ткань', вероятно, этим словом в древнерусском языке обозначали шелк и в этом значении слово выдержанно употреблялось в полногласной форме.

В приведенном примере прѣ 'парус' *паволочитъıи* противопоставлен *кропиıиному*, как сказано: и въспѧша пре *паволочитъıѣ*. а словѣне *кропиıнъıѭ*. и раздра ѭ вѣтръ. и рк҃оша словѣне. имемъсѧ своим толъстинамъ. не данъı суть словѣном пре *кропиıнъıѭ* (Ип. 12 об., Р. 16). Срезневский предполагает, что *кропиıнъıѣ* из *коприıнъıѣ*, т. е. 'шелковые' [77], на что А. Шахматов, замечает: «списки (Пов. вр. л. — *А. Л.*) не уполномачивают на исправление *кропиньнъıѣ* в *коприньнъıѣ* (шелковые), ср. русск. *кропива* при укр. *коприва*, бол. *коприва* и др.» [78]. Едва ли ветер так легко может разодрать шелковую ткань. В самом деле здесь речь, должно быть, идет о ткани из волокон крапивы наименее устойчивой, которую ветер легко может разодрать. Как замечает В. Даль, «в Сибири прядут волокна глухой крапивы (Balota lanata), вяжут из нее сети и ткут холст» [79]. Обычай ткать из крапивной пряжи холст мог существовать и в древней Руси, поэтому мнение А. Шахматова вполне обосновано. Правда, немного странно то, что после того, как ветер разодрал прѧ *кропиıнъıѭ*, словѣне взялись за *тълстиıнъı*, т. е. за парус из простого и грубого холста [80]. Чем лучше холст из крапивы холста из конопли или льна?

Вълна и *льнъ* в Пов. вр. л. упомянуты всего по одному разу и то в цитате из Притч. XXXI, 13: ѡбрѣти *волну* (Л. *лну*) и *ленъ* (Л. веснъı) створить бл҃гопотребнаѧ рукама своима (Ип. 31 об., Л. 26), греч. ἔρια καὶ λίνον. В ЖФП по сп. XII в. читаем: сѣдѧше прѧдъıи *вълноу* на съплетение копъıтьцемъ (л. 36б, 25—27). В Уставе Студийском 1193 г. Одежѧ ѿ бѣлъıѭ *вълнъı* [81]; там же: достоитъ бо имъ (мнихомъ) *вълнѧнъıхъ* мѣсто тъкании тълстъıми клобоукъı покръıватисѧ [82].

---

[75] *Р. Цейтлин.* Указ. соч., стр. 220.
[76] *Даль* I, стр. 237.
[77] *Срезневский* I, стб. 1330.
[78] *А. А. Шахматов.* Указ. соч., стр. 377.
[79] *Даль* II, стр. 185.
[80] *Срезневский* III, стб. 1046; *Даль* IV, стр. 414.
[81] *Срезневский* I, стб. 380.
[82] *Срезневский* II, стб. 67.

Говоря иначе, на Руси знали и носили шерстяную и льняную одежду.

В описаниях мести Ольги древлянам читается: Вольга ... повелѣ комуждо голуби. и къ воробьеви привѧзꙑвати цѣрь (Ип. чѣрь). ѡбертꙑвающе въ *платки* (Ип. *платъкꙑ*) малꙑ, нитъкою поверзꙑвающе (Л. 16 об.—17, Ип. 23 об.). В памятниках др.-рус. письменности широко употребляются в неполногласном сочетании *платъ*, *платъкъ*, *платьно*, *платѧнꙑи* [83], откуда, как полагают, и глагол *платити* 'оплатить стоимость' (чего-нибудь).

По имеющимся данным, невозможно признавать все приведенные слова с основой *плат-* старославянизмами, потому что из памятников ст.-слав. письменности только в тетра-евангелиях дважды находили слово **платъ** в форме род. п. Мф. IX, 16 и Мк. II, 21 (Зогр. и Мар.), на месте греч. ῥάκος; в Ас. Мф. XII, 20 слово **плата** употреблено взамен **пръта**, греч. λίνον. Кроме этого, один раз в Супр. в предложении: **опона цръкъвънаꙗ на платꙑ раздъра сѧ** (475, 15—16) на месте греч. ῥάκος. Как указывает Ягич, **платьно** читается Мф. IX, 16 в Ник. и Юрьев. ев. [84], а **полотно** в Добрил. ев., но Ник. ев. сп. около 1400 г., Юрьев ев. около 1120 г. русского списка, тоже и Добрил. ев. 1164 г.

Все эти данные склоняют к мысли, что слова с основой *плат-* вошли в древнерусский язык изустно, судя по глаголу *платити*, из западнославянских языков, потому что в евангелиях апостоле и псалтыри греч. ἀποδίδωμι и в значении 'оплатить стоимость' переведено глаголом **въздати**, а **платити** в этом значении появляется в памятниках, переведенных в Моравии (см. главу VI). В древнерусских памятниках, даже таких, как Рус. Пр., *платити* в указанном значении является обычным. Другого мнения придерживается А. Шахматов. По его мнению, начиная с X в., как это видно из договора Олега, письменность на Руси велась на древнеболгарском языке. Более того, он считает, что первые певцы и скоморохи пришли к нам из Болгарии, что едва ли соответствует действительности. Все это-де и обусловило усвоение народом ряда слов с неполногласными сочетаниями, вроде: *врагъ*, *срамъ*, *нравъ*, *храмъ* и др., вплоть до служебных слов, как *преже*, *допреже*, *аще* и др. [85] Если даже прав А. Шахматов, то и в этом случае невозможно допущение, что слова с основой *плат-* пришли к нам из Болгарии. Дело в том, что и в договоре Олега и в договоре Игоря в значении 'оплатить стоимость' как и в памятниках ст.-слав. письменности, употреблен глагол *въздати*, *вдати*, а в договоре Игоря и *заплатити*, ср.: аще ли оударить мечемь. или бьеть кацѣмь любо съсудомъ. За то оударение или оубьение да

---

[83] *Срезневский* II, стб. 955 и сл.
[84] *V. Jagić*. Указ. соч., стр. 378.
[85] *А. А. Шахматов*. Введение в курс истории русского языка, ч. I. Пг., 1916, стр. 81 и сл.

вдасть литръ е. сребра ... аще ли будеть неимовитъ. тако створивъши. да *вдасть* елико можеть (договор Олега, Ип. 13 об.); аще оукраденное ѡбрѧщетьсѧ предаемо (Ип. продаемо) да *вдасть* и цѣну его сугубо (договор Игоря) (Л. 12 об., Ип. 19 об.) и т. д.

В Рус. Пр. иначе: не *въдасть*, а *платить*, ср. оубиениѥ за голову ... коунами сѧ вьıкоупати. *платити* емоу продажю, семоу *платити* что оу него погъıбло (ст. 36. 37, л. 618 об.) и т. д.

Понятие 'кожа, шкура', обозначается словами *скора*, *мѣхъ*, *кожа*, *оусние*, *хъза*.

Скора упоминается в числе товаров или подарков: Игорь же оутвердивъ миръ съ греки. ѿпусти слъı ѡдаривъ *скорое* (Ип. *скорою*) и челѧдью и воскомъ (Л. 14 об., Ип. 21); рекоша же деревлѧне што (Ип. что) хощеши о насъ ради даемъ. медомь и *скорою*. ѡна же рече имъ. нъıнѣ оу васъ нѣс меду ни *скоръı* (Л. 16 об., Ип. 23 об.); аще возъвращюсѧ в Русь многи даръı пришлю ти челѧдь. воскъ и *съкру* (Ип. *скору*) (Л. 18, Ип. 25); реч. Стославъ ... хочю жити с Переѧславци (Ип. в Переѧславци) в Дунаи. ѩко то есть середа в земли моеи. ѩко ту всѧ блгаѧ сходатсѧ ѿ грекъ злато паволоки. вина ѡвощеве розноличнъıѧ и—Щехъ же из Урогъ (Ип. Оугоръ) сребро и комони. из Руси же *скора* и воскъ и медъ и челѧд (Л. 20—20 об., Ип. 26 об. — 27). Показательно в Ип. под 6576 (1068) г. читаем: и дворъ кнѧжь разъграбиша. бещисленное множьство. злата и серебра и кунами и *скарою* (Х. П. *скорою*, а Л. бѣлью) (Ип. 63 об., Л. 58). Срезневский приводит из Твер. лет.: И поѩде и посуши древо елное, того ради и *скора*, рекше бѣлка, всѧ. изгъıбе [86].

По всей видимости, *скора* была преимущественно беличьей шкурой. Хотя в примерах *скора* упоминается только в числе ценностей, товаров и подарков, но едва ли можно сомневаться в том, что она была и материалом для одежды, так как в поздних памятниках упоминаются: шуба бѣлыѧ черевьıѧ; шубу бѣлію [87].

Поскольку *скора* — общеславянское слово, то не может быть речи о том, откуда данное слово в Пов. вр. л. Памятники ст.-слав. письменности не зафиксировали слова **скора**.

Под 6582 (1074) г. рассказывается, что монах Киевопечерского монастыря Исакии: ѡблече бо сѧ во власѧницю и повелѣ купити собѣ козелъ. и ѡдра *мѣхомъ* (Ип. *мѣшькомь*) козелъ. и ѡблече на власѧницю. и ѡсше ѡколо его кожа съıра (Л. 64 об., Ип. 71). Это единственный пример в Пов. вр. л., где зафиксировано слово *мѣхъ* в значении 'целая кожа, шкура'. Слово *мѣхъ*, так же как и *скора* — общеславянское. В древнерусском языке слово *мѣхъ* известно в различных значениях 'кожа, мех, мешок' и т. д. [88]

---

[86] *Срезневский* III, стб. 381.
[87] Там же, стб. 1598 и сл.
[88] *Срезневский* II, стб. 252 и сл.

В последнем примере употреблено слово *кожа сꙑра*, т. е. 'невыделанная, сырая шкура'. В следующем примере это же слово *кожа* употреблено в значении 'шкура животного': и похвати бꙑка (Ип. вола) рукою за бокъ. и вꙑна *кожю* съ мясꙑ. елико ему рука зая (Л. 42 об., Ип. 46). И слово *кожа* — общеславянское, оно зафиксировано и в памятниках ст.-слав. письменности в том же общем значении 'сырая кожа', в переводе греч. δέρρας, δέρμα [89].

Всего один раз встречается слово *оусние* в примере: единою бо ми... сварящю (отцу с сыном. — *А. Л.*) и ѡному мьнущю *оусние*. разгнѣвавъ сѧ на сѧ преторже череви руками (Л. 42 об., Ип. 46). Здесь *оусние* 'сырая шкура', видимо, в том же значении, что и в ст.-слав.: **сам же иоанъ имѣаше ризꙋ своѭ. ѡ власъ вельбжждъ. и поѣсъ оусниѣнъ о чрѣслѣхъ своихъ** (Мф. III, 4 Ас.), в греч. ξώνην δερματίνην.

Состав слова *оусние* неясно, оно фиксируется то с *н*, то с *м*. Так Мк. I, 6 Ас., Сав., Остр., Мар. читается **поѣсъ оусниѣнъ**, там же Зогр. **поѣсъ оусъмѣнъ**, так же и в живых славянских языках: словен. *usnje* 'кожа', с.-хорв. *usmina* 'голенище', 'ножны' чеш. *usen*, ст.-чеш. *usne*, словц. *usnar*, болг. *усма* 'дубленая кожа'. По мнению В. Махека, наличие *m/n* указывает на суф. *-men-* в прошлом с нулевой ступенью чередования *mn* [90]. По-видимому, это не так: слово, надо полагать, образовалось либо по типу *kos-ma*, либо по типу *pě-na*, *vlъ-na* и т. п. По мнению Л. Садник, написание **оусънѣнъ** вторично и что слово имеет суф. *sn* так же, как **пѣснь**, **тѣснъ** и др., а корнем слова является *-ud*, как и в лит. *audziu*, *austi* 'ткать' [91]. По мнению же С. Младенова, корнем слова является *u* так же, как и в слове *ob-u-ti* [92]. Все эти суждения относятся к области догадок, поэтому прав М. Фасмер, утверждающий, что «существующие сближения неудовлетворительны» [93]. По-видимому, корнем слова является *us-*, представляющийся названием какого-то животного.

Вероятно, что слово *оусние* Пов. вр. л. относится к книжным. В пользу этого свидетельствует тот факт, что Срезневский в соответствующей словарной статье в качестве иллюстративного материала приводит, кроме единственного приведенного нами выше примера из Пов. вр. л., только примеры из памятников церк.-слав. письменности [94]. В живом употреблении слова *усма*, *усна* и производные от них в восточнославянских языках не встречаются. Показательно, что П. Берында в своем лексиконе зафиксировал: *оусмаръ*: грабаръ, скорникъ; *ѯсморѣзатель*: кожерѣзатель, шкѯрокрадачъ; *оусмошевецъ*: мѣховник, що зброи подшивает,

---

[89] Slovník jaz. stsl. II, стр. 36.
[90] *Machek*, стр. 550.
[91] *Sadnik-Aitzetmüller*, стр. 325.
[92] *Младенов*, стр. 655.
[93] *Фасмер* III, стр. 109.
[94] *Срезневский* III, стб. 1267 и сл.

тлѹмоки робит, замшникъ, рымаръ, швецъ; *ѹсмѣнъ*, ѧ: ремѣнный, кожаный, скорѧный, юхтовый [95]. При этом характерно то, что слова, приведенные в качестве объяснения, не фиксируются в виде заголовочных словарных статей. Все это показывает, что слова с основой *оусм-* для П. Берынды были чуждыми и требовали толкования их значений.

Под 6550 (1042) г. рассказывается о море на лошадей: и помроша кони. оу вои Володимеръ. ꙗко и ѥще дꙑшющимъ конемъ. сдираху *хзꙑ* (Ип. *хъзы*) с нихъ. толикъ бо бѣ моръ в коних (Л. 52, Ип. 57 об.). В данном примере зафиксировано название шкуры — *хъзъ*. В Ип. под 6760 (1252 г.) описывается наряд князя Данилы, где, между прочим, читаем, что у него: сапози зеленого *хъза* шити (Х. П. шиты) золотомъ (Ип. 273 об.).

Хоз известно восточнославянским языкам, собственно ныне преимущественно диалектам: рус. *хоз* ‘крупичатой выделки кожа, более от ослячьего зада, шагрень, марокин’ [96]; *хозы* (твер.) ‘толстая подошва’ [97], *хоз* (арх.) ‘род мешка’ [98], укр. *хоз* ‘род сафьяна’ [99], блр. *хоз*, *хаз* ‘плотнейшая сторона кожи’, *самый хоз шкуры отрезав* [100].

По мнению М. Фасмера, *хъзъ* заимствовано из др.-герм. *husan* ‘штаны’, др.-в-н., др.-сканд. *hosa* ‘обертка нижней части бедра’, ‘чулок, гамаша’, н.-в.-нем. *hose* ‘штаны’ [101]. Вопрос этимологии слова, кажется, остается открытым, потому что здесь явное расхождение семантики и, кроме того, слово, кроме восточнославянских, другим славянским языкам неизвестно.

2. НАЗВАНИЕ ОБУВИ

В Пов. вр. л. весьма скудно представлены названия обуви. Так, сам глагол *обоути* зафиксирован всего в одном примере: в форме причастия: присла Володимеръ ѡтрока своѥго Ѧндюка по Итлареву чадь. и рѣч Ѧндюкъ Итлареви. зовет вꙑ князь Володимеръ. реклъ тако *ѡбувшесѧ* в теплѣ избѣ (Ип. изъбѣ). заѹтрокавше (Ип. і завътрокавше) оу Ратибора приѣдити (Ип. приидѣте) ко мнѣ. и рѣч Итларь тако буди (Л. 76, Ип. 83 об.). В Словаре Срезневского слова с основой *обоу-*: *обоути*, *-сѧ*, *обоувати*, *-сѧ*, *обоувь*, *обоутель* представлены в основном из памятников церк.-слав. письменности [102]. В Рус. Пр. и опубликованных

---

[95] Лексикон словенороський *Памви Беринди*. Київ, 1961, стр. 140 и сл.
[96] *Даль*[4], стб. 1210.
[97] ДОП, стр. 292.
[98] *Подвысоцкий*, стр. 184.
[99] *Гринченко* IV, стр. 408.
[100] *Носович*, стр. 681.
[101] *Фасмер* IV, стр. 253.
[102] *Срезневский* II, стб. 557, 559 и сл.

берестяных грамотах также не зафиксированы слова с основой *обоу-*. Вероятно, лишь после специальных разысканий можно будет ответить на вопрос: почему это так?

Таким же образом и названия видов обуви находим только в двух примерах: речѐ Добрꙑна (Ип. Добърына) Володимеру. съгладахъ колодникъ. оуже (Ип. и.) суть вси в *сапозѣх*. симъ дани намъ не даати. поидемъ (Ип. поидевѣ) искатъ *лапотниковъ* (Ип. искать *лапотникъ*) (Л. 27, Ип. 33); егда же приспѣваше зима. и мрази лютии. (Исакий. — *А. Л.*) станѧше (Ип. съто̀аше) в *прабошнѧх* в *черевыа̀х* (Ип. *въ черевьих*) в протоптанꙑх̀. ꙗко примерзнѧшета нозѣ ѥго г (Ип. нози ѥго кь) камени (Л. 65 об., Ип. 72).

В приведенных примерах находим название сапога, слово *лапотьникъ* представляет возможность судить о слове *лапоть*, поскольку *лапотьникъ* ‘тот, кто носит лапти’. Затем речь идет о словах *прабошьна*, *черевии*. Остановимся на каждом слове отдельно.

Слово *сапогъ* известно памятникам ст.-слав. письменности, а также и памятникам др.-рус. письменности. В памятниках ст.-слав. письменности этим словом переведено греч. ὑπόδημα, причем в апракосах Ас. и Остр. **сапогъ** в передаче указанного греч. слова употреблено по 5 раз, Сав. — 3 раза. в тетрах: Зогр. 8 раз, Мар. 6 раз (в последнем отсутствует текст Мф. III, 11, а Мк. I, 7 вместо **сапогоу** читается **чрѣвиемъ**); в Син пс. и апостоле **сапогъ** также в переводе ὑπόδημα зафиксировано дважды в каждом. Уже в Супр. греч. ὑπόδημα, как и в других церк.-слав. памятниках передано словом **оноучꙗ**[103]. Греч. σανδάλιον в самых старших текстах оставлено без перевода, ср. Мк. VI, 9: **обоувенъı въ сандалиѧ** (Зогр., Мар.), так же в старших списках апостола, но в поздних списках заменено словом **плесньць**[104], также в Син. тр. на месте греч. σανδάλιον читается **плесньць** (см. 97 а, 14; 99 а, 13).

Этот факт является бесспорным свидетельством того, что слово **сапогъ**, употреблявшееся на месте греч. ὑπόδημα, означало ‘башмак’ или древний ‘полусапожек’, и этим словом не передавали греч. σανδάλιον[105].

В памятниках др.-рус. письменности *сапогъ* нельзя рассматривать как книжное слово, поскольку оно, как обычное, встречается в сочетаниях слов, свойственных живой разговорной речи: новъгородци же съсѣдавъше съ коньи портꙑ съметавъше. босии *сапогъı* съметавъше поскочиша (Новг. I лет, л. 85 об.); возми *сапозѣ* (берст. гр. № 4); а *сапоги* костини (берст. гр. № 141), ст. также примеры, приведенные выше. Позже, начиная с XII в., слово *сапогъ* в фонетическом отношении оказывается неустойчи-

---

[103] *А. С. Львов.* Очерки по лексике, стр. 226 и сл.
[104] *V. Jagić.* Указ. соч., стр. 393.
[105] *А. С. Львов.* Сапогъ. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. IV. М., 1963, стр. 71—86.

вым, поэтому контаминируясь или подпадая под влияние других, более распространенных форм, оно начинает звучать *запогъ*, *сабогъ*, *собогъ*, *забогъ*, *цапогъ* и т. д. «Такая пестрота в фонетическом облике слова — одно из важных свидетельств в пользу того, что мы имеем дело с заимствованием» [106], — пишет по этому поводу Ф. П. Филин. Собственно по этой причине ищут источник заимствования этого слова. Не говоря о различных точках зрения на происхождение слова *сапогъ* (о чем см. в нашей упомянутой статье **Сапогъ**), остановимся на самых последних. По И. С. Вахросу: «Можно предположить, что в значении обуви с голенищем в прабулгарском или др.-тюрк. (печенежском, команском) было слово **sapaγ*, **sapiγ* [107]. Заметим, что такие слова в тюркских языках неизвестны вообще, не говоря о названии обуви. В «Древнетюркском словаре» зафиксированы *sap* ‘ручка, рукоятка’, *sapiγ*, *sabiγ* ‘полог шатра’ [108], в чув., в потомке древнебулг., — *сапак* [saʙak] ‘кисть (ягод)’, ‘снизки’, ‘петля у пуговицы’; *сапака* [saʙaγa] ‘кисть’, *сыпăк* [syʙъkъ] — ‘коленце, сочленение, сустав’ [109]. При этом еще важно то, что ни в др.-тюрк., ни в современных тюркских языках нет названия какой-либо обуви, где бы присутствовала основа *sap-*.

Так выглядит тюркский «источник» слова *сапогъ*. Не могли же славяне создать слово, беря тюрк. *sap-* и присоединив к нему суф. *-огъ* из тюрк. *-aγ* или *-uγ*?

О. Н. Трубачев в рецензии на книгу «Наименование обуви в русском языке» писал: «Можно думать, что И. С. Вахрос нашел правильное решение» [110], по поводу того, что *сапогъ* восходит к тюрк. **sapaγ*, **sapiγ*.

Однако вскоре О. Н. Трубачев предложил другое решение: «заимствование др.-рус. *сапогъ*, ст.-слав. **сапогъ** из иран. **sapaga*, среднеиранский вариант *-k* более первоначальному *sapaka*»... [111]. Однако автор при этом не привел ни одного примера из иранских языков, где бы **sap-aka*, >**sap-aga* выступало в названии какой-либо обуви. Из приведенных данных видно, что в иранских языках имеется *sapa*, *sap* в значении ‘копыто’. Более того, в иранских отсутствует слово в форме **sapaka*>**sapaga*. До тех пор, пока не будет обнаружено в иранских языках слово **sapaga*, да еще в названии обуви, а не только ‘копыто’, и эта этимология будет относиться к фактически необоснованным предположениям.

В статье **Сапогъ** нами предложена чисто славянская этимология, восходящая в корне к глаголу *сап-и-ти* ‘связать’ или ‘пу-

[106] *Ф. П. Филин.* О названиях обуви в русском языке. «Лексикографический сборник», вып. VI. М., 1963, стр. 170.
[107] *И. С. Вахрос.* Наименование обуви в русском языке. Хельсинки. 1959, стр. 168.
[108] Древнетюркский словарь, стр. 485 и 479.
[109] *Н. И. Ашмарин.* Указ. соч., вып. XI, стр. 50 и 113.
[110] КСИС, 35, стр. 101.
[111] *О. Н. Трубачев.* Из славяно-иранских лексических отношений. «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 40.

тать' (лошадь) *за-сап-ить* 'завязать, закрепить узлом', *сап* 'конские пута', а *сап-огъ* по типу: *остр-огъ*, *пир-огъ*, хорв. *tal-og* и д. [112]. Поскольку этот корень в пол. выступает в виде *sup-*, ср. *supeł* 'узел', то имеются основания признавать, что рус. диал. *сапить* восходит к древнейшему каузативному **sāpiti* [113], потому что только ā чередовалось с *и* [114]. Ныне непродуктивный суф. *-огъ*, как показывают данные, в прошлом был употребительным в славянских языках.

Как мы отмечали в статье **Сапогъ**, у древнего сапога до X в. не было голенищ, и этот вид обуви по форме походил на современные бахилы без голенищ. У сапога были обязательно завязки, или ремешки, которыми прикреплялась эта обувь к ноге. Первоначально сапог мог быть куском кожи, привязываемым к ноге с помощью завязок. Словом, с точки зрения фонетической, словообразовательной и семантической предложенная этимология безупречна. Единственным недостатком ее является то, что слово *сапогъ* с древних пор в славянских языках диалектное: оно известно в историческую пору памятникам ст.-слав. письменности и др.-рус. языку. Этот факт, а также наличие в слове *-огъ* наталкивает на мысль, что слово может быть заимствованным. Пока остаются безуспешными поиски источника заимствования. Но ведь допустимо, что это древнейшее по образованию слово могло выйти из употребления в ряде славянских языков в связи с усвоением ими новых форм обуви с другими названиями.

В Пов. вр. л., кроме *лапотниковъ*/*лапотникъ*, в Н. *лапотьникъ* (л. 47), нет другого слова с основой *лапот'-*. Написание *лапотьникъ* указывает на образование этого слова по типу *виньникъ*, *иконьникъ*, *коньникъ*, *опоньникъ* и т. д., т. е. *лапот-ьн-икъ*. Слово *лапоть* начинает встречаться в памятниках русской письменности с XVI в. Этот факт не является свидетельством того, что образование слова относится к этому времени. Написание *лапотъникъ* <*лапотьникъ* или *лапътьникъ* свидетельствует, что слово *лапоть*, по крайней мере, было известно в начале XII в. В Син. пс. несомненно списка не позднее XI в. писец на л. 122., пробуя перо, написал **лапоть**, причем буквы **п** и **ь** — кирилловскими. Таким образом, и в XI в. существовало это слово. Правда, трудно сказать, является ли слово **лапоть** в Син. пс. названием обуви, или оно обозначает имя писца, как полагает С. Северьянов [115].

В целом, нет сомнения, что *лапоть* — древнейшее славянское слово, по всей вероятности, первоначально имевшее форму *лапъть*, как и *лакъть*, *ногъть*, *тръхъть* и т. п. Отношение слова к осно-

[112] *А. С. Львов.* Сапогъ, стр. 84; *Он же.* Об учете вспомогательных приемов при этимологизации. «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 188 и сл.
[113] *А. Мейе.* Общеславянский язык, стр. 190 и сл.
[114] *J. Mikkola.* Urslavische Grammatik, I. Teil. Heidelberg, 1913, стр. 107.
[115] *С. Северьянов.* Синайская псалтырь, глаголический памятник XI в. Пг., 1922, стр. 122. Подстрочные примечания. Кстати, в фототипическом воспроизведении рукописи Син. пс. на л. 122 слова лапоть уже не видно. См. Psalterium sinaiticum. Edited by Moshé Altbauer. Skopje, 1971, стр. 245.

вам на *-j(ь)* является дополнительным показателем древности его происхождения.

Нет нужды останавливаться на этимологии слова, которая подробно рассмотрена в соответствующих трудах [116]. Показательно то, что, и как слово *сапогъ*, *лапътъ*, или *лапоть*, сохранилось только в русском языке в качестве наименования обуви. Болг. *лапчун* 'обувь из кожи или из грубой шерстяной ткани' [117], как видно, в основе восходит к *lapъk-* или *lapьk-*>*lapъk-jo*? В какой связи находится *лапчун* к *лапоть*, трудно сказать без специальных разысканий.

Прабошьна. Это слово, как название обуви, в Пов. вр. л. зафиксировано всего один раз, откуда, надо полагать, оно оказалось и в Патерике Печерском [118].

Слово это не раз привлекало внимание исследователей [119]. И. Панькевич в рецензии на книгу Ф. П. Филина «Лексика русского литературного языка в древнекиевской эпохи» указал, что Е. Желеховський в своем известном труде «Малорусько-німецький словар» (т. I—II. Львів, 1886) привел слова: «1. *Прабісь*, *прабос* в значении а) 'босый в ботинках', б) 'совсем'; 2. *Прабіський* в значении 'узкий сапог'. Желеховский, — продолжает И. Панькевич, — не указывает нам источника, откуда эти слова взяты. При перемене *с*+*ъ* в *ш* этимологическая связь между *прабошьни* и *прабісь*, *прабос* является ясной. А кроме того, эти слова близки и по значению, как это следует из контекста Лавр. летописи: станѧше (Ип. сѣтоѧше) в *прабошнѧх* в черевыѧх в протоптанъıх (Ип. и вь протоптанъıхъ), в котором *прабошьни* объясняется последующими словами в *черевыѧх в протоптанъıх*. Из этого следует, что *прабошьни* были дырявые и из них была видна босая нога'» [120]. Еще до И. Панькевича об этом слове писал Н. Петровский: «По-видимому, выражение *въ черевыѧх в протоптаных* представляет собою объяснение к *в прабошнѧх*; в таком случае последнее слово можно было бы этимологически разложить на *пра-бос-ень*, ср. выражение *впробось* в языке XVIII века» [121]. Точнее: не *пра-бос-ень*, а *пра-бос-ьња*, что естественно, дало форму *прабошьна* (о чем бесспорно свидетельствует форма местн. п. мн. ч. *въ прабошнѧхъ*). Название обуви *прабошьна*, несомненно, родственно с *напробосни* (новг., твер.) 'босовики, домашние башмаки' [122].

---

[116] *И. С. Вахрос.* Указ. соч., стр. 121 и сл.; *Фасмер* II, стр. 459.
[117] Речник на съвременния български книжовен език, т. II, стр. 7.
[118] *Срезневский* II, стб. 1343.
[119] *И. С. Вахрос.* Указ. соч., стр. 152 и сл.
[120] Slavia, roč. XXV, S. 1, стр. 90. См. также *В. В. Лопатин.* Об именном префиксе *пра-* в русском языке. «Исследования по исторической лексикологии древне-русского языка». М., 1964, стр. 245 и сл.
[121] *Н. Петровский.* По поводу труда Н. П. Некрасова «Заметки о языке «Повѣсти временьныхъ лѣтъ по Лаврентьевскому списку летописи». РФВ, XXXVIII, № 3—4, стр. 169.
[122] ДОП, стр. 133; *Даль*[4] II, стб. 1185.

Разница здесь в том, что в *прабошьна* приставка *пра-* и суф. *-ьнја*, а в *пробосни* приставка *про-* и суф. *-н* <*-ьн-*, не говоря о том, что в последнем предлог *на* стал составной частью слова. Наличие слов *напробось*, *пробоска* [123] делают бесспорным, что *прабошьна* и *пробосень* содержат *бос-*(ый). Приставка *про-* в *пробосень*, *пробоска* употреблена в значении 'для'. В укр. имеется еще слово *праушник* 'буравчик для просверливания того отверстия в курительной трубке, в которое вкладывается чубук' [124]. Но укр., как и рус. знает приставку *про-* в значении 'для', ср. *промін* 'мена', точнее 'для обмена', *прокорм* 'корм', точнее 'для корма' и т. п.

Употребление приставки *пра-* вместо *про-* в указанном значении могло произойти в результате контаминации этих приставок и, как видно, такое явление зафиксировано уже в Пов. вр. л.

Итак, *прабошьна* <*pra-bos-ьnja* то же, что и *пробосьни* 'босовики, домашние башмаки'.

Черевиє. Как видели в приведенном примере, вь прабошьнахъ поясняется в *черевьихъ* вь протоптанъıхъ (Ип. 72). Показательно, в Син. пат. читаем: **бѣ же видѣті старьца ... дроугоци сѣдяше черевиѣ рѣжа любо мяжеви любо женѣ творя** (л. 13 об.) [125]. Здесь **черевиѣ** на месте греч. ὑποδήματα. Один раз Мк. I, 7 в Мар. читается: **емоуже нѣсмъ достоинъ поклонь са раздрѣшити ремене чрѣвиемъ его** (в других **сапогоу**), в греч. τὸν ἱμάντα τῶν ὑποδημάτων αὐτοῦ. Так же, как в Мар., читается это место и в Галиц. ев. сп. 1144 г.

По всем данным, *черевиє*, **чрѣвиє** — теплые башмаки, полусапожки, сшитые из мягкой брюшной части шкуры животного. Этим словом, как видно, заменяли слово **сапогъ**. Там, где стало обычным словом **чрѣвиє**, *черевиє*, *черевикъ*, из употребления вышло слово *сапогъ*. Об этом убедительно свидетельствует, например, украинский язык, в котором обычно слово *черевик*, но слова *сапог* в нем уже нет. В русском, севернорусском обычно слово *сапог*, зато в нем отсутствует слово *черевие*, *черевик*. Поскольку **červьjь* стало общеславянским [126], то в большинстве славянских языков *sapogъ* оказалось вытесненным и замененным словом **červьjь*. Как видели, замена слова **сапогъ** словом **чрѣвиє** и употребление вместо **сапогъ** слова *черевиє* или **оноушта** в памятниках письменности отмечается не позднее XI в.

В целом, слово *сапогъ*, потерявшее свою этимологическую прозрачность, могло легко замениться другим, более понятным *черевиє*, **чрѣвиє**, потому что по реалии и функции **сапогъ** и **červьjь* были тождественны.

---

[123] Опыт, стр. 123; ДОП, стр. 133; *Даль*[4] II, стб. 1185; *Н. В. Попова*. Из материалов для Псковского словаря. «Слово в народных говорах русского Севера». Л., 1962, стр. 63.

[124] *Гринченко* III, стр. 402.

[125] Син. пат., стр. 62.

[126] *Berneker* I, стр. 151.

3. НАИМЕНОВАНИЕ ПОСУДЫ И УТВАРИ

Общим названием посуды является слово *съсудъ*: мр҃твца. (радимичи, вятичи и северяне. — *А. Л.*) сожьжаху и посемь собравше кости вложаху в *судину* (Ип. *ссудъ*, Р. А. въ *сосудъ*) малу и поставѧху на столпѣ на путех҃ (Л. 5, Ип. 6 об.); аще оударит҃ мечемъ или копьемъ. или кацѣмъ инъıмь *съсудом* (Л. ѡружьемъ, Р. А. *сосудомъ*)... да того дѣлѧ грѣха заплатить серѧбра литръ. е҃. (Ип. 20 об., Л. 13 об.); ср. в Рус. Пр.: аже кто кого оударить батогомь. любо чашею. либо рогомь. любо тъıлѣснию то ·в҃і· гр҃внѣ (ст. 25, л. 617); и дасть ѥи даръı многи злато и сребро (Ип. золото и серебро) паволоки и *съсудъı* различнъıѧ. и ѿпусти ю (Ольгу. — *А. Л.*) (Л. 17 об., Ип. 24 об.); (Владимеръ)... вдавъ ту все еже бѣ взѧлъ в Корсуни. иконъı и *съсудъı* (Ип. *ссудъı*) и кр҃стъı (Л. 42, Ип. 45 об.); Ꙗрославъ... оукраси (церковь Софью. — *А. Л.*) златомь и сребромъ и *ссудъı* (Ип. *сосудъı* црк҃внъıми (Л. 52, Ип. 57 об.) и др.

Как показывает первый пример, в Л. вместо *въ съсудъ* употреблено в *судину*, а Ип. *ссудъ* (в последнем можно предполагать выпадение ъ между двумя *сс*. Далее в примерах почти постоянно в зависимости от списка употребляется то *съсудъ*, *сосудъ*, то *ссудъ*. Вероятнее всего в последнем написании отражается живое древнерусское произношение *судъ* [127], поскольку восточнославянским языкам и ныне свойственны *судок*, *судно* — *суда*, *судомойка*, *по-суда* и т. д. Формы *съсудъ*, *сосудъ*, по мнению А. Г. Преображенского[128], являются книжными и восходят к ст.-слав. **съсѫдъ**. Это слово зафиксировано во многих памятниках ст. слав. письменности старшего списка, ср. **съсѫдъ же стоѣаше плънъ оц҃та** (И. XIX, 29 Мар.); **съсѫдъı скѫдельніка съкроуши** (Син. пс. II, 9); **съсѫдъ чистъ омъıти. вънѫтрьıѭдоу и вънѣѭдоу** (Син. тр. 19 б, 3—5); **съсѫдъı мѫчильнъıм прѣдъ ними полагати** (Супр. 174, 29—30) и мн. др.

Таким образом, слово *съсудъ*, употребляемое преимущественно по отношению к церковной утвари, является книжным, старославянским.

Обратимся к другим названиям посуды.

Слово *кадь* зафиксировано четыре раза в повествовании о белгородском осадном сидении под 6505 (997) г., где читаем: (старецъ). повелѣ ископати колодязь (Ип. копати кладязь) и встави (Ип. вьставити) тамо *кадь*. и налъıти (Ип. налъı) цѣжа *кадь*. и повелѣ дроугъıи колодязь ископати (Ип. копати другии кладязь). и взяша меду лукно. бѣ бо погребено в кнѧжи медуши. и повелѣ росъıтити велми. и вълъıти в *кадь* в друзѣмь колодази (Ип. кладази) (Л. 44, Ип. 48).

---

[127] *Срезневский* III, стб. 602.
[128] *Преображенский* II, стр. 361.

В приведенном примере слово *кадь* — 'сосуд для жидкости'. Однако *кадь* является также сосудом для сыпучих тел, ср. например: бѣ҃с дорогъвь Новегородѣ. и коуплахоу *кадь* ръжи по .д. гривнѣ (Новг. I лет., л. 37). Слово *кадь* было широко употребительным словом [129].

Памятники ст.-слав. письменности не зафиксировали этого слова, но оно известно всем славянским языкам и, начиная с Ф. Миклошича, его считают заимствованным греч. κάδιον, κάδος, в свою очередь восходящим к др.-евр. *kad* [130]. Еще Ф. Миклошич отметил, что «всеобщее употребление слова у славян не означает, что оно было общеславянским» [131]. Ф. Славский полагает, что первоначально слово *кадь* было заимствовано балканскими и восточными славянами, откуда оно распространилось по другим славянским и неславянским языкам [132].

В том же повествовании о белгородском осадном сидении упоминается *корчага*: людье же налыша *корчагу* цѣжа и сѣтѣı ѿ колодазъ (Ип. ѿ кладязѧ) (Л. 44 об., Ип. 48 об.); въ погребѣхъ бѣıло ... вина .п. корчагъ (Ип. 123). Судя по примерам, приведенным И. Срезневским, *кърчага* была сосудом для жидкости [133]. **Кръчагъ** встречается и в памятниках ст.-слав. письменности, так Мк. VII, 8 в Зогр. читается: **оставьше бо заповѣдь бжıа дръжите прѣданиѥ чска. крѣщениѥ кръчагомъ. и стъклѣницамъ** (л. 95—95об.), но в Мар. **чѣваномъ и стъкльницамъ** (л. 56), греч. ξεστῶν καὶ ποτηρίων. Как отмечает Ягич, в переводе ξέστος наблюдается употребление разных слов [134]. В Супр. словом **кръчагъ** переведено χεράμιον: **въложивъ въ три десѧти кръчагъ. и оутвръдивъ и съвазя и печатьлѣ оловомъ. погребъ въ своемь домоу** (45, 9—12); **видѣша внезапъ искочивъша ис кръчага. два мрачна люта** (52, 20—21); ср. еще: **доидоша копажште до съсждъ крьчажьнъıихъ** (52, 10—11).

Если исходить из грамматического рода, то др.-рус. *кърчага* независимо от ст.-слав **кръчагъ**. В вопросе о происхождении преобладает мнение о заимствовании его из тюркского [135]. Но, как отметил В. Махек, в тюркских имеется очень подобное слово, но значение его расходится с славянским, ср. тур. *korčak* 'мех, бурдюк [136].

Др.-тюрк. словарь фиксирует в значении 'кувшин' *küzäč*, которое в булгарской передаче может звучать как *къръч* [137], но

---

[129] *Срезневский* I, стб. 1172.
[130] *Miklosich*, стр. 108; *Преображенский* I, стр. 281; *Фасмер* II, стр. 157; *Sławski* II, стр. 19 и др.
[131] *Miklosich*, стр. 108.
[132] *Sławski* II, стр. 19.
[133] *Срезневский* I, стб. 1411 и сл.
[134] *V. Jagić*. Указ. соч., стр. 356.
[135] *Miklosich*, стр. 156; *Преображенский I*, стр. 363; *Фасмер* II, стр. 341; *Sławski* II, стр. 478 и сл.
[136] *Machek*, стр. 233.
[137] Древнетюркский словарь, стр. 331.

в этом случае требуется объяснение, откуда конечное *-ага, -агъ*. Помимо того, серб.-хорв. *krčag*, чеш. *krčah* могут быть из **kŗč-*, что едва ли возможно при допущении, что *кърчагъ* от булг. *кърчъč*. При допущении, что *-ага, -агъ* славянские словообразовательные элементы, удовлетворительным становится объяснение восточнославянского *кръчага* из булг. *кръч*, но все же остаются при этом необъяснимыми западные и южнославянские формы.

Словом, источник слова *кърчага*, кръчагъ остается неясным, но в др.-рус. языке оно некнижное слово.

В Пов. вр. л. всего один раз зафиксировано слово *котьлъ* под 6472 (964) г. в примере: кнѧзю Стославу възрастѣшю. и възмужавшю... воинꙑ многи (Ип. — гы) твораше ходѧ. возъ по собѣ не возѧше. ни *котьла* ни мясъ варѧ. но потонку изрѣзавъ. конину ли. звѣрину ли. или говѧдину. на оуглѣх испекъ ѣдаху (Ип., Н. ѣдаше) (Л. 19, Ип. 25 об., Н. 36 об.). *Котьлъ* в значении 'сосуд для варки пищи'. А. Шахматов понимает текст так: ... воинꙑ мъногꙑ твораше, ходѧ же, возъ по собѣ не возѧше, ни *котьла*...[138] Запись эта, по А. Шахматову, относится к Начальному своду 1039 г. Этим, видимо, объясняется написание *котьла* с ъ, *възрастъшю* с двумя ъ и др. В таком же написании слово читается в ЖФП: водоу въливаѧ въ *котьлъ* глеть старѣишина блгслови ѡче (л. 48 г.); также в Изб. 1076 г.: кое бо приобѣщтение чѣрнѣцю съ котѧлъмѧ (л. 150) и др. В Новг. I лет. зафиксировано слово *котельникъ*: а ново(го)родьць оубиша на състоупѣ. Дмитра пльсковитіна. Онтона *котелника*. Иванъка прибѣшиницѧ опоньника (л. 86 об.).

Последний пример свидетельствует о том, что на Руси были *котельники* — 'мастера, изготовляющие котлы'. Как и позже, думаем, без котла не обходилась ни одна семья.

В памятниках ст.-слав. письменности только тетра-евангелиями один раз Мк. VII, 4 зафиксировано интересующее нас слово: (фарисѣи)... приѧсѧ дръжати крьштениѣ стькльницамъ и чѣваномъ і котъломъ и одромъ (Мар., Зогр.). Словом котъломъ здесь передано греч. χαλκίων, а крьштениѣ на месте греч. βαπτισμούς 'омовение', принято ошибочно за βάπτισμα. В Супр. χαλκίον передано словом конобь, например: повелѣша възварити пьцьлъ (смолу. — *А. Л.*) въ коноби (208, 16—17). В памятниках церк.-слав. письменности слово котѧлъ встречается нередко[139].

Поскольку слово *котьлъ* распространено и употребительно во всех славянских языках, то др.-рус. *котьлъ* следует рассматривать как праславянское наследие. Слово это признается праславянским заимствованием гот. *katilus* (засвидетельствованы только в форме род. п. мн. ч. *katile*[140].

---

[138] *А. А. Шахматов.* Повесть временных лет, т. I, стр. 75.
[139] *Срезневский* I, стб. 1304.
[140] *Miklosich*, стр. 135; *Berneker* I, стр. 591; *Преображенский* I, стр. 369; *Фасмер* II, стр. 351; *Младенов*, стр. 253, *Machek*, стр. 226 и сл.; *Brückner*, стр. 242; *Sławski* II, стр. 317 и сл.

В повествовании о белгородском осадном сидении упоминается и слово *вѣдро*: и приведоша ѭ къ кладѧзю идѣже цѣжь. и почерпоша *вѣдромь* и лыѧша в латки (Ип. и лыяху в ладки). (Л. 44 об., Ип. 48). *Вѣдро* упоминается и в Рус. Пр.: вирьникоу взати .з. *вѣдеръ* солодоу на недлю (ст. 9, л. 616—616 об.); в берст. гр. № 259 XIV—XV в.: послано есмь к тобѣ *вѣдѣроко* ѡсетринѣ, и др.

Из памятников ст.-слав. письменности слово **вѣдро** зафиксировано в Син. тр. и Супр., ср.: **излиѣти із него (стоудьньца.** — *А. Л.*) **к. вѣдеръ. водъı** (Син. тр. 2 об., 6), греч. καδους μ; **видит' вѣдро злато** (Супр. 344, 3—4)[141] и др., греч. στάμνος. По своему происхождению слово *вѣдро* общеславянское[142]. Все сходятся на том, что как и греч. ὑδρία 'ведро для воды', славянское *вѣдро* образовано от основы слова *вода* с вокализмом *ē*: **vēd-ro*, по типу *ребро*, *бедро*, *нѣдро* и т. д.[143] Причина удлинения *ē* в корне не ясна и требует объяснения[144], что, разумеется, не может войти в задачу данного исследования.

Как видели, в приведенном примере цѣжь выливали: в *латки* (Ип. *в ладкъı*) и варѧху (Ип. 48, Л. 44 об.). Таким образом *ладъкъı*, или *латъкъı* — 'сосуд, в котором варят' (в данном случае кисель). Числа гл. XI, 8 читаем: манна... же мелѧху в жерновѣ и толчѧху в ступахъ и варѧху в ладкахъ...[145] Греч. ἐν τῇ χύτρῳ, в современной библии на месте в ладкахъ читается къ горшкахъ. Слово *ладки* или *латки* было широко употребительным, о чем свидетельствуют данные диалектов. Приведем некоторые из них: *ладка* 'глиняная сковорода' (новг., иркут. том.); 'глиняная чаша, плошка' (яросл.), *латка* 'плошка' (волг., твер.), 'противень' (твер.), 'горшок с невыгнутыми, а с прямыми краями' (новг.); 'глиняная продолговатая посудина, в которой запекают треску, жарят картофель' (арх.); 'продолговатое глиняное блюдо с низкими краями, употребляемое для жарения' (олнц.); высокая глиняная миска', 'глиняный горшок' (прибалт.) и др.[146] С пометой *обл.* (астное) слово *латка* внесено и в словари литературного языка[147].

В словаре ст.-слав. языка приведен единственный пример, иллюстрирующий употребление **латъкъı** в переводе χύτρα 'глиняный

---

[141] Slovník jaz. stsl. I, стр. 374.

[142] *Фасмер* I, стр. 283 и сл.

[143] *W. Vondrák.* Указ. соч., стр. 430.

[144] Этимологический словарь русского языка, т. I, вып. 3. В. М., 1968, стр. 37.

[145] Палея толковая 1477 г. Спб., 1892, л. 210. — Материал ДРС.

[146] Опыт, стр. 100 и сл.; *Мельниченко*, стр. 102; *Подвысоцкий*, стр. 81; *Куликовский*, стр. 48; Мат-лы говоров Прибалтики, стр. 143.

[147] Словарь русского языка, т. II. М., 1958, стр. 221; ССРЛЯ, 6, стб. 81.

горшок' из Малых пророков, восходящих к списку Упыря Лихого: Иоиль II, 6[148].

Как свидетельствуют примеры, *латъка* или *ладъка* 'глиняная посудина', 'глиняный горшок', в котором, в частности, варили и кисель. В Акад. сп. Пов. вр. л. вместо *латки* читается *котлы*. Последнее слово, поскольку оно встречается только в одном списке, по всей видимости, употреблено взамен *латки*. Как свидетельствуют приведенные диалектные данные, *латки* служили в основном для жарения. По-видимому, таким же было назначение *латки* и в XV в., поэтому писец решил заменить *латки* на *котлы* как сосуд, в котором варят.

Слова *латка*, *латвица*, *latwa*, *latuszka* известны в значении 'сосуд' и некоторым другим славянским языкам. Основой слова является *лат-*, или *лад-*, однако значение этой основы, а также ее генетические связи удовлетворительного объяснения не имеют[149].

В том же повествовании о белгородском осадном сидении читаем: (старець) . . . повелѣ искати меду. ѡни же шедше взѧша меду *лукно*. бѣ бо погребено в кнѧжи медуши (Л. 44, Ип. 48). В данном примере зафиксировано название сосуда *лукно* < * лжк-(ъ)но. Это слово как название меры фигурирует в Рус. Пр.; а солодоу дадать ѥмоу ... і. *лоуконъ* (ст. 96, л. 625 об.); а мостьникоу ... взати д. *лоукна* ѡвса на недѣлю (ст. 97, л. 626) и др.; ср. еще: кадь меду ... или *лукно* икры (1563 г.)[150]; се азъ кнѧзь Мьстиславъ. сн҃ъ королевъ. вноукъ Романовъ. оуставлѧю ловчее на Берестыньі ... со ста по двѣ *лоукнѣ* меду (Ип. 306, под 6797 (1289 г.). В последнем примере, как и в Пов. вр. л., мед измеряется *лукном*.

В памятниках ст.-слав. и церк.-слав. письменности слово лжкъно на зафиксировано.Из современных славянских языков слово известно ст.-чеш. *lukno* 'берестяная корзина', 'мера зерна' (в последнем значении *lukno* и ныне известно словацкому языку[151]; словен. *lokno* 'норма приношения священнику', ст.-с.-хорв. *lukno* 'мера хлеба'. В совр. рус. употребительно бывший в прошлом деминутивом *лукошко*, но и форма *лукно* в диалектах была употребительна в значениях: 'корзина, сплетенная из бересты' (псков.), 'свернутый из осиновой драни круглый ящик с крышкою' (олнц.); 'всякая деревянная посуда с обручами' (арх.), 'лукошко' (прибалт.)[152] и т. д.

Основой слова, как это видно из приведенных данных, является **lǫk-*, которая в отношении *ǫ* бесспорна из рус. *лук-*

---

[148] Slovník jaz. stsl. II, стр. 109.
[149] *Berneker* I, стр. 694; *Brückner*, стр. 307; *Младенов*, стр. 271; *Machek*, стр. 259; *Фасмер* II, стр. 465.
[150] ААЭ I, стр. 295.—Материал ДРС.
[151] Slovník slovenského jazyka, II. Bratislava, 1960, стр. 63.
[152] Опыт, стр. 106; *Куликовский*, стр. 51; *Подвысоцкий*, стр. 84; Мат-лы говоров Прибалтики, стр. 147.

и словен. *lok-*. В целом слово по своей форме относится к образованиям с суф. *-no*, а ъ — вставной. **Лжк** — имеет одно значение 'кривой, согнутый', из чего следует, что **лжкъно** первоначально была 'кадочка, бурачок из луба'; ср. *лукнище* 'луб, оставшийся от старого лукна' (псков., твер.)[153]. Таким образом, первоначально *лжкъно* был 'сосуд (посудина, кадочка, бурачок) из гнутого луба'[154].

Можно констатировать, что слово *лукно* в Пов. вр. л. попало из живой восточнославянской речи.

Чаша. Поиде (Ип. приде) Стославъ в пороги. и нападе на нь Кура кнѧзь печенѣжьскии. и оубиша Стослава. взѧша главу (Ип. голову) его. и во лбѣ его съдѣлаша *чашю*. ѡковаше лобъ его. и пыѩху по (Ип. въ) немь (Р. А. из него) (Л. 23, Ип. 29 об.); ѡн же (котопанъ. — *А. Л.*) испивъ ѡполовину (Ип. половину *чаши*). а половину дасть (Ип. вдасть.) кнѧзю пити. дотиснувъ сѧ пальцемь в *чашю*. бѣ бо имѣѩ под ногтемъ растворенье смр̃тное и вдасть кнѧзю (Л. 56, Ип. 62); никто же бо ѿ бояръ кто ѥму служилъ и хлѣбъ ѥго ѣлъ. и *чашю* пилъ и даръ ималъ. тотъ никакож̃ оу иного кнѧза можаше быти за любовь (Л. 163, под 6745 (1237 г.) и др.

В приведенных примерах *чаша* 'сосуд, из которого пьют хмельное'. В этом же, кажется, значении слово употреблено в Рус. Пр.: аже кто кого оударить батогомь. любо *чашею*. любо рогомь... то вi. гр̃внѣ (продаже) (ст. 25, л. 617).

В таком же значении употреблено слово **чаша** < **чѣшѣ** в памятниках ст.-слав. письменности: **чашѫ ѭже дасть мьнѣ оц̃ъ. не имамъ ли піти ѥѩ** (И. XVIII, 11 Ас.); **напоитъ въı чашѫ водъı** (Мк. IX, 41 Мар.); **и чѣша твоѣ оупаѣѭшти мѩ** (Син. пс. XXII, 5); **испивъ (ча)шѫ ѡвѣщникъ бъıвъ славѣ его** (Ен. ап.. 35 б.); **на трепезѣ сь нимъ сѣдѣаше и чашѫ єдинѫ сь нимь пиѭше** (Супр. 359, 30—360. 1); каганъ же чашоу къземѧ и рече. пію къ има ... (ЖК, гл. IX) и др. Во всех примерах в греч. τὸ ποτήριον 'чаша, кубок', кроме Супр., где καυκίον 'кубок'.

Указанное значение было общеславянским, ныне оно, как обычное, сохранилось в болг. и с.-хорв. языках. Этимология слова недостоверна[155].

Лъжица 'ложка': егда же подъпыѩхутьсѧ (дружинники. — *А. Л.*) начьнѧхуть (Ип. и начаху) роптати на кнѧзь (Ип. кнѧза) глюще. зло есть нашим головамъ. да намъ ѩсти деревѧнъıми (Ип. древѧными) *лъжицами*. а не сребрѧнъıми. се слъıшавъ Володи-

---

[153] ДОП, стр. 104.

[154] *Berneker* I, стр. 740; *Machek*, стр. 278; *Фасмер* II, стр. 532.

[155] *Berneker* I, стр. 137; *Преображенский* III, стр. 55; *Machek*, стр. 75; *Sławski* I, стр. 114; *Младенов*, стр. 680; *Sadnik-Aitzetmüller*, стр. 221; *Фасмер* IV, стр. 320. — *И. Г. Добродомов* считает что чаша — тюркобулгаризм (см. «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 189 и сл.).

меръ повелѣ исковати *лжицѣ* (Ип. *лжици*) сребрены ѥсти дружинѣ (Л. 43 об., Ип. 47 об.).

Это единственный пример в Пов. вр. л., в котором зафиксировано слово *лъжица*. В берст. гр. № 384, палеографически датируемой XII в., читаем: дале савѣ ... *лъжици* .в. И. Срезневский приводит пример из Чтения о Борисе и Глебе по сп. XIV в.: Раздвигше ѥи оуста и тако вливаху *лжицею* или млеко или воду [156], но у него зафиксировано и *ложка* из *лъжька*: И наквапи рече. *ложкою* из потира (Вопрош. Кирика) [157] и др.

В памятниках ст.-слав. письменности этого слова нет, но оно известно всем славянским языкам [158]. Кажется несомненным то, что основой, или корнем слова является **lъg-* < **lųg-*, а *-ица*, *-ька* уменьшительные суффиксы. Какого происхождения основа и каковы ее генетические связи до сих пор бесспорно невыяснено, по-видимому потому, что до нас не дошла форма слова без указанных суффиксов.

Как бы то ни было, но одно несомненно, что *лъжица* и *лъжька* в древнерусском языке — праславянское наследие.

Слово *ножь* в Пов. вр. л. представлено как название оружия (см. гл. VII), вероятно, равного современному кинжалу, ср. поваръ же Глѣбовъ именемь Торчинъ. вꙁинезъ *ножь* зареза Глѣба (Л. 46 об., Ип. 51 об.); и сѣдѧщю ему оузрѣ Василко торчина остра *ножь* (Л. 88, Ип. 89); и приступи торчинъ именем Беренди. ѡвчюхъ Стополчь держа *ножь* (Л. 88, Ип. 89 об.); что се зло створилъ ѥси в Русьстѣи земли. вверглъ ѥси *ножь* в нꙁ (Л. 88 об., Ип. 90) и др. Приведенные примеры показывают, что *ножь* не относится к бытовым вещам, его назначение — быть смертоносным оружьем. Такое же значение **ножа** в памятниках ст.-слав. письменности, поскольку им передается греч. μάχαιρα и ξίφος в ев. и Супр., но в Син. тр. этим словом передано греч. φαλίδιον 'ножницы' (см. 96а, 17, 19 и 96б. 1).

Из других бытовых вещей обращает на себя внимание *вретено*, *свѣтильникъ*, *сѣдало*, *носила*. Остановимся на этих словах.

Первое слово зафиксировано только в одном примере и то из Притч. XXXI, 19: локъти своѧ оустремлѧеть (Ип. оутвержаеть) на *вретено* (Ип. *веретено*). — Л. 26. Ип. 32), греч. ἐρείδει εἰς ἄτρακτον. Этот же единственный пример фигурирует и в Словаре ст.-слав. яз. в статье **Врѣтено**, заимствованный из Паремейника В. Григоровича [159].

В словаре И. Срезневского в статье *Врѣтено* также фигурирует этот же пример, а в статье *Веретено*, кроме этого примера из Ип.,

---

[156] *Срезневский* II, стб. 62.
[157] Там же.
[158] *Miklosich*, стр. 177; *Преображенский* I, стр. 464 и сл.; *Berneker* I, стр. 750 и сл.; *Младенов*, стр. 281; *Brückner*, стр. 316; *Holub-Kopečný*, стр. 213; *Machek*, стр. 281; *Фасмер* II, стр. 511 и сл.
[159] Slovník jaz. stsl. I, стр. 231.

еще один пример из Паисиевского сборника XIV—XV в.: жена добра оучини перстъı своѧ на *веретено* [160].

Как видно, и последний пример по смыслу связан с предыдущим.

Слово **verteno* — общеславянское [161], поэтому вполне понятно в Ип. книжное *вретено* переделано на *веретено*. Последнее слово в полногласной форме случайно не оказалось зафиксированным в восточнославянских по происхождению оборотах речи.

Свѣтильникъ употреблен несколько раз: не оугасаеть *свѣтилникъ* ея (доброй жены. — *А. Л.*) всю нощь (Л. 26, Ип. 32), — Притч. XXXI, 18, греч. οʿ λύχνος αὐτῆς; (вы) и еста заступника русьстѣи земли. и *свѣтилника* сиѩюща (Л. 47, Ип. 52); *свѣтилника* предобраѧ (Л. 47 об., Ип. 52) — последние два примера из Похвалы Борису и Глебу.

Как видно из примеров, слово *свѣтильникъ* употреблено в книжных оборотах речи, причем в последних двух примерах — в переносном значении 'просветители' (христианства).

В памятниках ст.-слав. письменности слово **свѣтільнікъ** зарегистрировано широко почти во всех основных памятниках старших списков, которым переведены греч. ὁ λύχνος, ἡ λαμπάς. Вот несколько примеров: **ни въжигаѭтъ свѣтільніка и поставлѣѭтъ подъ сѫдомъ. нъ на свѣштьніцѣ** (Мф. V, 15 Ас.), греч. οὐδὲ καίουσιν λύχνον; **свѣтильникъ тѣлу̀ ѥсть око** (Мф. VI, 22 Мар). греч. οʿ λύχνος τοῦ σώματός ʾεστιν οʿ ὀφθαλμός; **свѣтильникъı свѣшта ношаѭ** (Клоц. 5 а, 8—9) греч. λαμπάδος καὶ φανοὺς εἶχον; **скиниї же съвръши сѧ пръвѣ. въ неи же свѣтилникъ и трапеза** (Ен. ап. 28б, 16—17), греч. σκηνὴ γὰρ κατεσκευάσθη ἡ πρώτη ἐν ᾗ ἥτε λυχνία καὶ ἡ τράπεζα.

По своему составу интересующее слово является существительным, образованным присоединением суф. **-ьникъ** к основе имени **свѣтило** [162]. **Свѣтильникъ** таким образом, относится к образованиям типа **почръпальникъ** от **почръпало**, ср. **ни почръпальника імаши** (И. IV, 11 Зогр.) греч. οὔτε ἄντλημα ἔχεις; **скѫдьльникъ** от **скѫдьль**, ср. **въ скѫдьльницѣ водѫ носѧ** (Мк. XIV, 13 Мар.) греч. κεράμιον ὕδατος βαστάζων. Однако большинство существительных этого типа образования обозначают не предмет, а субъект, например: **крамольникъ, млъчальникъ, начальникъ, промъıсльникъ, състольникъ** и т. п.

Для др.-рус. языка такие слова в большинстве являлись книжными в том числе, надо полагать, и *свѣтильникъ*.

Как один из видов *свѣтильника* упоминается *свѣща*: предъидущем̄ черноризцем̄ *свѣщѣ* (Ип. *свѣща*) держаще в рукахъ. и по ним дьıкони с кадилы ... с ракою идяху (Л. 61, Ип. 77); единою же

---

[160] *Срезневский* I, стб. 244 и 321.
[161] *Miklosich*, стр. 384 и сл.; *Преображенский* I, стр. 74; *Фасмер* I, стр. 297; *Brückner*, стр. 633; *Machek*, стр. 576; *Младенов*, стр. 79; БЕР, стр. 186.
[162] *Vaillant*. Manuel, стр. 211.

ѥму (Исакию — *А. Л.*) сѣдащю по ѡбычаю. и *свѣщю* оугасившю. внезапу свѣ̑т восыа (Л. 65, Ип. 71); придоста близь видѣсте *свѣщѣ* (Ип. *свѣщи*) многы надъ печерою (Л. 70 об., Ип. 78) и др., причем во всех случаях пишется *щ*, а не *ч*. В Словаре И. Срезневского форма *свѣча* представлена единичными примерами, а *свѣща* — до 20 примеров.

В памятниках ст.-слав. письменности словом **свѣща** передаются разные греч. слова: **петръ ... идѣ ... въ дворъ архиереовъ и бѣ сѣдѧ ... и грѣѭ сѧ при свѣшти** (Мк. XIV, 54 Мар.) ...καὶ θερμαινόμενος πρὸς τὸ φῶς, т. е. 'при огне' (костре); **июда ... приде тамо съ свѣтилы і свѣштами и оружии** (И. XVIII, 3 Мар.), μετὰ φανῶν καί λαμπάδων... 'с факелами и светильниками'...; **и приноситъ .б. свѣщи· и кадитъ иерѣи. творѧ молт҃вж сиж** (Син. тр. 19 б. 11—13), καὶ φέρει κηροὺς δύο... 'две восковых свечи'; **къдѣ свѣштѧ і мечі** (Клоц. 12 б, 15), ποῦ αἱ λαμπάδες καὶ αἱ μάχαιραι и др.

По всей видимости, в Пов. вр. л. *свѣща* употребляется в значении ὁ κηρός 'восковая свеча'. Впоследствии это слово в указанном значении приняло русское звучание *свѣча*. Так, в Вопрошании Кюриково *свѣча* употреблено 3 раза, один раз *свѣцю*, два раза *свѣща* — в одном и том же значении[163].

Один раз упомянуто *сѣдало* в примере: (Исакий) ꙗко трудѧшетсѧ сѣдѧше на *сѣдалѣ* своем҃ (Л. 65, Ип. 71).

Обычным является *сѣдѣти* на *столѣ*. Правда, этот оборот речи в Пов. вр. л. употребляется в переносном значении 'владеть, княжить', ср.: Всеволодъ же *сѣде* Кыєвѣ *на столѣ* ѡц҃а своєго (Л. 68 об., Ип. 76); аще ти подасть бъ҃ приѧти власть *стола* моего (Л. 72, Ип. 79 об.); *сѧду на столѣ* ѡц҃а своего (Л. 72 об., Ип. 80) и др.

Кроме этого, под 6660 (1152) г. в Ип. читаем: поставиша Петрови *столецъ* и сѣде (л. 167); под 6796 (1288) г. там же: и сѣде *на столцѣ* зане не можаше стоѧти ѿ немочи (л. 302 об.); в Л. под 6738 (1230) г.: в Києвѣ ... *бы҃с* потрасеныє ... - все то потре каменье дробноє сверху падаѧ. *столы* и *скамьи* (л. 157).

Мк. XI, 15 в Зогр. читается: **сѣдала продаѫштиіхъ голѫби. іспроврѣже** (л. 110), в остальных **сѣдалишта**. В памятниках церк.-слав. письменности слово сѣдало встречается часто[164]. По-видимому, в Пов. вр. л. *сѣдало* заимствовано из церковных книг. Это тем более вероятно, потому что приведенный пример со словом *сѣдало* относится к жизни Киево-Печерского монастыря.

Обычным словом в значении 'стул' употреблялось, как видно, *столъ* и *стольць*. Последнее и поныне живое слово украинского языка *стілець*. *Столъ* полагают отглагольным существительным от *стелю* > *столъ*, по типу: *беру — боръ*, *плету — плотъ*, *везу* —

---

[163] Русская историческая библиотека, т. 6. Спб., 1908, стб. 24—32.
[164] *Срезневский III*, стб. 887.

возъ и т. д. Таким образом, первоначально *столъ* мог быть подстилкой типа ковра, на котором сидели, ср. приведенный выше пример: сѣдишь с братею своею на ѥдином ковръ (Л. 92, Ип. 94); ср. еще: сѣдаше же на стольци плетенѣ (Син. пат., 41 об.), перевод: εἰς θρόνον πλεκτόν. *Стольць* уменьшительная форма от *столъ*. Совр. рус. *стул* является заимствованным из н.-нем; слово засвидетельствовано в памятниках с XVI в.[165].

Скамья, по датировке в летописи, существовала уже в XIII в. По мнению М. Фасмера, слово заимствовано из греч. σκαμνί(ον), мн. σκαμνία от лат. skamnum[166]. Это слово могло быть заимствованным изустно. В памятниках ст.-слав. и церк.-слав. письменностях слово это не зафиксировано. Что в прошлом произносилось *скамня*, по мнению Фасмера, свидетельствует горно-марийское *skamna*, заимствованное из русских говоров, а также укр. *скамна*, *скамня*[167]. Под влиянием форм *бадья*, *бадья*, *лодья*, *коробья*, *коробья*, *холодья*, *холодья* и т. п. *скамня* рано стало произноситься как *скамья*, потому что слова на *-мня*, по данным Словаря И. Срезневского, в древнерусском языке отсутствовали[168].

Под 6527 (1019) г. читаем: Стополкъ бѣжа ... и раслабѣша кости его. не можаше сѣдѣти (Ип. сѣдѣти на кони). и носѧхуть (Ип. ношахуть) *на носилѣхъ* (Ип. *вь носилахъ*) — Л. 49 об., Ип. 54 об.). В данном примере зафиксировано слово *носила*, которое употреблено, например, и в Син. тр.: **на носилѣхъ носити немощьныхъ** (39 б., 2). В ев., Син. пс. и тр., Супр. употреблено слово **одръ**, на котором носят, ср. **и се къ немоу принѣсѧ ослабленъ жілами. на одрѣ лежащѧ** (Мф. IX, 2 Ас.), греч. ἐπὶ κλίνης βεβλημένον; **принесъше же одръ възложивъше и на нь принесоша въ преторъ** (Супр. 221, 29—30) и др.

Как показывают данные, в памятниках ст.-слав. письменности **носило** употреблено всего в одном памятнике Син. тр. 4 раза, а в этом же и других памятниках вместо него и в таком же значении фиксируется слово **одръ**. *Носило* относится к общеславянскому образованию имен на *-dlo* от глагольных основ со значением названия орудия: *носи-ло*[169]. В Пов. вр. л. слово является праславянским наследием.

К рассматриваемой группе лексики можно отнести некоторые названия орудий, как: *лъскарь*, *мотъка*, *рогалие*.

Лъскарь зафиксировано в примере: в нощи прихожаху к нему. страхъ ѥму творѧче в мечтѣ. ꙗко многъ народъ с мотъками. (и). *лъскарѣ* глще. раскопаѥмъ печеру сию и сего загребемъ здѣ (Л. 66,

---

[165] *Преображенский II*, стр. 408; *Срезневский III*, стб. 577; *Фасмер III*, стр. 788.

[166] *М. Фасмер*. Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. Спб., 1909, стр. 180; *Фасмер III*, стр. 632.

[167] *М. Фасмер*. Указ. соч., стр. 180; *Гринченко IV*, стр. 131.

[168] Index a tergo, стр. 362 и 321.

[169] *W. Vondrák*, Указ. соч., стр. 439 и сл.; *Vaillant*. Manuel, стр. 210.

Ип. 72об.). Слова *лъскарь* не знают памятники ст.-слав. письменности, но в памятниках церк.-слав. письменности русского списка оно изредка встречается. Так, И. Срезневский приводит это слово из Жития Андрея Юродивого: ци лъскарємъ копа сего єси довылъ в переводе греч. μὴτῇ δικέλλῃ σκάφας[170]. В Пандектах Никона Черногорца сп. XIV в.: и цада мниχи. тѣмѧ свѣщакъ сесе. принести ємѹ лъскарь и сѣчиво. и мотыкѹ. и пшєници мало (л. 146 б—в)[171]. и нек. др. В др.-рус. оригинальной литературе слово лъскарь встречается нередко, например: своима рукама, мотыкою и лъскарємъ измѣтающа соръ (1556—1562 гг.)[172]. явил шмелянъ Палкин ... пятнацат *лыскарев* да котел краснои (1664 г.)[173]; *лъскорь* 'железная лопата' (арх.)[174]: ласкарь 'небольшая железная прямая лопатка' (псков.)[175] и др.

Псковское написание *ласк-* свидетельствует об *о*, восходящим к *ъ*, иначе невозможно объяснить и *ы*, которое может быть из *ѣ*. Таким образом, вероятным является то, что основа слова в первоначальном виде имела форму *лъск-*. В этом случае *-арь-* следует рассматривать как суффикс. С помощью этого суффикса обычно образуются существительные со значением nomen agentis, как: *рыбарь*, *плугарь*, *мѣдарь*, *говадарь*, *усмарь*, *винарь* и мн. др. Изредка фиксируются слова со значением и предмета, как: *бѣкарь* 'мера', правда, слово возводят к др.-исл. *bikar*; *бътарь* 'боченок', *соударь* 'чаша, сосуд'. В эту группу можно отнести и *лъскарь*, который, судя по тому, что им переведено греч. ἡ δίκελλα 'двузубая кирка', вероятно, относился к орудиям, основное значение которого было разрыхлять. Как будто следующий пример подтверждает это допущение: и прешедъ мало путємъ, видѣ мужа, капающа виноградъ свои ... и возва и ... и глагола ему ... пошествуи малъ пути даждє и до Рима. Он же оставивъ лъскарь свои ... последоваше св. Иверкию (Великие Четьи Минеи Октябрь, 19—36)[176].

Какого бы происхождения ни было слово *лъскарь*, оно с древних пор является восточнославянским словом. *Лискарь* 'кирка' знает и укр. яз.[177].

В приведенном из Пов. вр. л. примере рядом с *лъскарѣ* употреблено слово *мотъıками*. В одном Алфавите иностранных речей XVII в. читаем: *Мотъıка* — лопата или заступь окованая[178]. Слово это зафиксировано с Супр. **они же мотъıкъı и рълá вьземъше копашд** (219, 7—8), греч. ὀρύγια καὶ σκαλίδια[179].

---

[170] *Срезневский II*, стб. 63.
[171] Материал ДРС.
[172] Житие преп. Даниила Переяславского. М., 1908, стр. 56. — Материал ДРС.
[173] Таможенная книга Тихвинского монастыря. Рукопись Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР № 271, л. 18. — Материал ДРС.
[174] *Подвысоцкий*, стр. 85.
[175] Опыт, стр. 101.
[176] Материал ДРС.
[177] *Гринченко II*, стр. 361.
[178] Алфавит иностранных речей. Рукопись БАН 446, л. 144 — Материал ДРС.
[179] Slovník jaz. stsl. II, стр. 230.

Слово *мотꙑка* — общеславянское[180], потому по отношению к этому слову не может быть проблемы заимствования др.-рус. языком из памятников ст.-слав. письменности.

Рогалие: азъ же проистроихъ ·з̄· днии *рогалиѥ* имиже (Ип. имже) копати . . . азъ вземъ *рогалью* (Ип. *рукалью*) нача копати рамено (Ип. рамѧно копати). — Л. 70, Ип. 77 об.). По-видимому, *рукалие* (Х. П. *рукалію*) в результате контаминации с *рука*. Замена *рогалие* на *рукалие*, кажется, свидетельствует, что писцу Ип. это слово было неизвестно. Однако в севернорусских говорах оно известно и поныне, ср. купил *рогалей* да грабли . . . (1590—1592 гг.)[181]; *рогали* ‘деревянные вилы’[182] и др. Основой слова, несомненно является *рог-*, к которой присоединен суф. *-аль*, *-алие*, по типу *ороужие*, *ожерелие*, *оплечие* и т. д.

Памятники ст.-слав. письменности слово **рогалиѥ** не зафиксировали. *Рогалие*, по-видимому, ‘кирка’, потому что трудно предположить, чтобы копали вилами.

Из бытовых вещей следует остановиться еще на словах *жезлъ* и *батогъ*.

В «Речи философа» пересказывается известное место из библии: и возпи Моисѣи къ бӯ. и реч̄ гь̄ что вопьеши ко мнѣ. оударι *жезломъ* в море. створи Моисѣи тако (Л. 32, Ип. 37 об.) ср. Исход, XIV, 16: ἔπαρον τῇ ῥάβδῳ σου; Перуна же повелѣ привѧзати коневи къ хвусту (Ип. хвосту). и влещи с горꙑ по Боричеву на Ручаи. в̄ι. мужа пристави тети (Ип. бити) *жезълыѥмь* (Л. 40 об., Ип. 44).

В памятниках ст.-слав. письменности **жьзлъ** и **жьзлиѥ** широко употребительны, ими переведены греч. ἡ ῥάβδος ‘палка, посох’, τὸ ῥόπαλον ‘палица, дубинка’, ἡ βακτηρία ‘палка, посох’[183], при этом слова эти употребительны не только в прямых, но и переносных значениях. Хотя в Колымском говоре зафиксировано слово *жезель*, *жезла* ‘короткая палка, на которую привязывают упряжных собак’[184], но книжное происхождение приведенных из Пов. вр. л. слов *жезлъ*, *жезлыѥ* едва ли подлежит сомнению. В современном русском литературном языке слово *жезл* известно только в специальных значениях[185].

К сожалению, неясна этимология слова[186], Этот факт вносит дополнительные трудности в решение вопроса о принадлежности слова др.-рус. языку. Но слово это книжное, поэтому оно произносится не *жёзл*, а *же́зл*.

---

[180] ***Фасмер II***, стр. 665; *Machek*, стр. 306.
[181] **Приходно-расходная книга Тихвинского монастыря № 1, л. 39. — Материал ДРС.**
[182] ***Подвысоцкий***, стр. 147.
[183] **Slovník jaz. stsl. I, стр. 617 и сл.**
[184] ***Богораз***, стр. 51.
[185] **СССРЛЯ 4, стб. 51.**
[186] ***Miklosich***, стр. 413; ***Преображенский I***, стр. 224 и сл.; ***Младенов***, стр. 165; ***Machek***, стр. 594; ***Фасмер II***, стр. 40.

Слово *батогъ* находится в примере: на нꙑ бъ̄ попусти погань꙯ихъ. се бо ѥсть *батогъ* ѥго. да негли встагнувшесѧ (Ип. смиривъшесѧ) вспомянемъ сѧ (Л. 74, Ип. 82).

По всей видимости, *се бо батогъ ѥго* — какой-то книжный оборот речи. Однако памятники ст.-слав. письменности не зафиксировали слова **батогъ**. В старославянском словаре оно приведено из чешского памятника письменности сп. XII в. **Мчнїк ... вита и модесте**[187].

Батогъ был обычным восточнославянским словом. В памятниках письменности оно фигурирует как орудие драки или наказания. В Рус. Пр. читаем: аже кого оударить *батогомъ*. любо чашею. любо рогомь ... то .вї. грвнѣ (ст. 25, л. 617): В Смоленской грамоте 1229 г.: аще оударить по лицю или за волосꙑ иметь. или *батогомь* шибеть. платити безъ четвьрти грвна серебра[188]; бита же бꙑста *батоги* по всемоу тѣлоу (XIV в.)[189]. и др.; фиксируют *батожники* ‘служители с палкой, очищающие дорогу от народа’: кудꙑ те воеводы поедутъ. и передъ ними бѣжатъ *батожниковъ* двадцать[190]. Встречаются и такие примеры, как: купил ... желѣза 200 *батоговъ* (1575—76 гг.)[191].

Слово *батог* с производными: *батога*, *батожка*, *батожичек*, *батожок*, *батожный*, *батожить*, — широко распространено в говорах[192]. Известно и слово *бат* ‘прут’[193], которое согласно с с.-хорв. *bat* ‘дубина, палка’, словен. *bat* ‘дубина, колотушка’, чеш. *batog*, *batoh* ‘кий’[194]. Кстати, слова batog, batoh известны пол. и чеш. языкам. Лишь в южнославянских языках форма batog не зафиксирована. Приведенное же в Словаре старославянского языка **батогъ** из жития св. Вита может быть западнославянским, но отнюдь не южнославянским словом.

В целом, не исключено, что слово *батогъ* в Пов. вр. л. введено из др.-рус. языка вместо книжного *жьзлъ*.

В заключение этой главы остановимся на тексте, в котором описывается, как новгородцы мылись в бане: и приде (Андрѣи. — *А. Л.*) въ словѣни. идеже нꙑнѣ Новъгородъ. и видѣ (Ип. видѣвъ) ту люди сущаѧ. како есть ѡбꙑчаи имъ (Ип. какъ ихъ ѡбычаи) и како сѧ мꙑють. хвощютсѧ (Ип. и хвощютсѧ) и оудивисѧ имъ (Л. 3 об., Ип. 5). Поскольку далее редакция Л. местами сильно расходится от Ип., то приведем их параллельно:

---

[187] Slovník jaz. stsl. I, стр. 70; Усп. сб., стр. 220; *Срезневский I*, стб. 45.
[188] Смоленские грамоты XIII—XIV вв., стр. 36.
[189] Пролог (Юрьевский) сентябрьской половины, XIV в. Рукопись ЦГАДА, ф. 381, № 153, л. 256. — Материал ДРС.
[190] *Ф. И. Покровский.* Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. Известия ОРЯС, 1913, т. XVIII, кн. 4, стр. 292.
[191] Приходно-расходная книга Волоколамского монастыря № 1028, л. 117. — Материал ДРС.
[192] Словарь говоров, 2, стр. 144 и сл.
[193] Там же, стр. 139.
[194] *Berneker I*, стр. 46; *Sławski I*, стр. 28; *Machek*, стр. 26; *Фасмер I*, стр. 133.

дивно видѣхъ словѣньскую землю идучи ми сѣмо. видѣхъ бани древенъı. и пережгуть е рамано. совлокутьсѧ (Р. сволокутьсѧ) и будуть нази. ѡблѣютсѧ квасомъ оусни҃нъıмь (Р. обольютсѧ мытелью), и возьмуть на сѧ прутье младое (Р. вѣтвие). бьють сѧ сами. и того сѧ добьють (Р. начнуть сѧ бити. и того добьють). егда влѣзуть ли живи (Р. одва вылезуть живи сущи). и облѣютсѧ (Р. облиютьсѧ) водою студеною. тако ожиоуть (Р. оживуть). и то (Р. тако) творать по всѧ дни. не мучими никимже. но сами сѧ мучать. и то творать мовенье собѣ. а не мученье (Р. тако творать не мытву собѣ но мученье). — Л. 3 об.)

дивно видѣхъ землю словѣньску. идущю ми сѣмо. видѣхъ банѣ древанъı. и пережгуть ѥ велми. и съвлекутьсѧ (Х. сволокутсѧ) и будуть нази. и ѡбольютсѧ (Х. облѣютсѧ) мытелью. и возмуть вѣникъı. и начнуть хвостатисѧ и того собѣ добью҃т (Х. и того сѧ бію҃т) ѡдва вылѣзуть ле (Х. еле) живы. и обольютсѧ (Х. облѣютсѧ) водою студеною. и тако ожиуть. и тако творать по всѧ дни. не мучими никимже, но сами сѧ мучать. и творать не мъıтву себѣ. а не (Х. но) мученье (Ип. 5).

Как видно, приведенные тексты не раз изменялись и, должно быть, в направлении окнижнения, вероятно, первоначальный текст читался так: дивьно видѣхъ землю словѣньскоу. идоучю ми сѣмо. видѣхъ банѣ деревань. и пережгоуть ѥ рамано. и съволокоутьсѧ и боудоуть нази. и обълиютьсѧ мъıтелью. и възмоуть вѣникъı. и начьноуть хвостатисѧ. и того сѧ биють. ѡдва въıлѣзоуть еле живъı. и объльютьсѧ водою стоуденою. и тако ожиоуть. и то творать по вьсѧ дьни. не моучими никъımьже. нъ сами сѧ моучать. и творать мъıтвоу собѣ. а не моученье.

В дальнейших списках восточнославянские слова заменялись на книжные, как *рамано* на *велми*, *съволокоутьсѧ* на *съвлекутсѧ*, *обълиютьсѧ* на *облѣютсѧ* (из **облѣти сѧ**, ср. **облѣлъ и всі стоудомь** (Син. пс. LXXXVIII, 46): из *обълиютсѧ* поздняя форма: *обольютсѧ*: *сволокутсѧ* (Л.) из *съволокоутьсѧ*, последнее в виде *сволокутьсѧ* зафиксировано в ряде списков, *съвлекуться* (Ип.) прямо указывают на ст.-слав. **съвлѣк-**, ср.: **съвлѣшѧ съ него ѵламидѫ облѣшѧ и въ ризъı своѭ** (Мф. XXVII, 31 Мар., Зогр.): **съвлькъше и** (Мф. XXVII, 28 Зогр. греч. ἐκδύσαντες αὐτόν; *мытель* ‘навар из душистых трав’ на *квасъ оусни҃нъ*, последнее, видимо, искусственное, так же как *прутье младое* или *вѣтвие* вместо первичного *вѣникъı*; *хвостати сѧ* заменено в Л. на: *бьють сѧ сами*, хотя выше в Л., как и Ип. употреблен этот глагол, ср.: *како мъıють и хвощютсѧ*. При наличии слова *хвостъ* только в восточнославянских языках вполне нормально *хвостатисѧ вѣникъмь*, т. е. ‘бить себя как будто хвостом’. Далее: *мъıтва*, обычное по типу: *ѣстьва*, *пастьва*, *питьва*, *жатьва* и т. д., изменено

на искусственно книжное *мовенье*, не зафиксированное памятниками ст.-слав. письменности. *Мовенье* образовано на основе **омъвенье** и **немъвенье**[195], ср. **омъвениемь отвръзъ очи его** (Син. тр. 33а, 6—7); **дръжа са паче по немъвениѥ. стъıда са... нагъ видѣти са** (Супр. 280, 19—20), греч. ἀλουσία.

Таким образом, в первичной редакции Пов. вр. л. было гораздо больше изложений мысли восточнославянской речью (это положение подтверждается и последующим текстом Пов. вр. л.), а в дальнейшем все больше и больше старались излагать мысли по-книжному, устраняя по возможности обычные восточнославянские слова, заменяя их книжными или переделывая искусственно на книжный лад, вроде: *власаница*, *скомрахъ*, *превабити* и т. п.

Изложение позволяет констатировать:

1. В рассмотренной группе слов чисто старославянской лексики, т. е. той, которая характерна только для памятников ст.-слав. письменности, немного. К ней относятся: **одежда**, **одѣнье**, **вретиште**, **риза**, **хламида**, **биѕьръ**, **съсоудъ**, **свѣтильникъ**, **свѣща**, **сѣдало**, **жьзлъ**. Название одежды *варимантыа* и *фофоудиа* не встречаются в памятниках ст.-слав. письменности, и, по-видимому, являются непосредственными заимствованиями др.-рус. языком из греческого языка.

2. В составе рассмотренной лексики имеются общеславянские слова, которые употреблены как в памятниках ст.-слав. письменности, так и Пов. вр. л. К ним относятся: *поѕъ*, *вълна*, *льнъ*, *скора*, *мѣхъ*, *кожа*, **pavolka*, *свита*, *кърчагъ*, *-га*, *кадь*, *котьлъ*, *вѣдро*, *латъкъı*, *чаша*, *носила*, *мотыка*, *лоукно*, *лъжица*, **verteno*, *столъ* и нек. др.

Немногие из этих слов фигурируют как книжные, вроде *вретено*, но ни разу **павлака*. По форме сюда же следовало бы отнести *власаница*, но по всем данным, это — мнимый церковнославянизм, переделанный из вост.-слав. *волосяница*.

3. В рассмотренной группе лексики значительную часть представляют восточнославянские слова: как: *пъртъı*, *пъртище*, *сорочька*, *власаница*, *луда*, *кързно*, *скутъ*, *приполъ*, *сустугъ*, *платъкъ*, *оузорочье*, *гривьна*, *ковьръ*, *вотолана*, *паволокъı*, *коприньнъıа* (?), *сапогъ*, *лапоть*, *черевий*, *прабошьнъıа*, *судина*, *веретено*, *лъıскарь*, *батогъ*, *вѣникъ*, *мъıтель* и т. п. Правда, среди этой лексики имеются и заимствованные, как: *луда*, вероятно, — *кързно*, *платъкъ*, *ковьръ*, но все они, кажется, полностью ассимилировались и в связи с этим, надо полагать, не воспринимались как чужие.

В целом, как и во всяком другом литературном языке в группе бытовой лексики основными являются слова собственные, т. е. в данном случае — восточнославянские, они количественно преобладают (включая сюда, разумеется, слова общеславянские). Остальные слова относятся к категории или обязательных, книжных, вошедших вместе с цитатами, или при описании церковно-монастырского быта и т. д.

[195] *Срезневский II*, стб. 669 и 398.

Глава III

ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ ЖИЛЬЕ И ПОСТРОЙКИ

Слово *жилище* в Пов. вр. л. представлено 4-мя примерами, приведем их: сде же мнѧшес҃ ѡканьнꙑіи. ꙗко сде ми есть *жилище*. сде бо не суть апс҃ли оучили. ни прр҃ци прорекли (Л. 26 об., Ип. 32 об.). Так, по словам летописца, рассуждал дьявол о Руси языческой. То же и в следующем примере: дꙑаволъ стенѧ гл҃ше. Оувъı мнѣ ꙗко ѡсюда (Ип. ѿсюду) прогоним есмь. сде бо мнѧхъ *жилище* имѣти. ꙗко сде не суть оученыа апс҃льска. ни суть вѣдуще ба҃. но веселѧхъ сѧ службѣ ихъ. еже служаху мнѣ (Л. 40 об. — 41, Ип. 44 об.); грѣшници бо въ адѣ сут҃ ждуще мкꙁı вѣчнꙑѧ. а праведници въ нбс҃нѣмь *жилищѣ* водвораютсѧ со анг҃лꙑ (Л. 60 об., Ип. 66 об). В приведенных примерах интересующее слово употреблено в книжных оборотах речи, поскольку тема повествования — проповедь христианства. Следующий пример сообщает о последствиях поражения Святополка и Мстислава в 1093 г. под Треполем от половцев: ꙗкож҃ створихом҃ тако и стражем҃. городи (Ип. градѣ) вси ѡпустѣша. преидемъ (Ип. переидемъ) полѧ идеже пасоми бѣша (Ип. бꙑша) стада конь. ѡвцѧ и волове все тоще (Ип. тще) нонѣ (Ип. нынѣ). видимъ нивꙑ поростъше звѣремъ *жилища* бꙑша (Л. 74 об., Ип. 82 об.).

Во всех приведенных примерах *жилище* употреблено в одном значении ‘местопребывание’ или ‘местожительство’. В этом же значении **жилиште** зафиксировано почти во всех памятниках ст.-слав. письменности. Приведем несколько примеров. Мк. V, 2—3: **сърѣте и отъ гробъ чкъ. дх҃мь нечистомь. іже жилиште імѣаше въ гробѣхъ** (Зогр., Мар.), греч. ὑπήντησεν αὐτῷ ἐκ τῶν μνήμασιων ἄνθρωπος. . ., ὃς τὴν κατοίκησιν εἶχεν ἐν- τοῖς μνήμασιν, т. е. местожительство, местопребывание имел в могилах; **съ небесе прізрѣ гь . . . съ готовлаго жилишта своего** (Син. пс. XXXII, 13) греч. ἐκ οὐρήνοῦ ἐπέβλεψεν κς . . . ἐξ ἑτοίμου κατοικτηρηρίου αὐτοῦ; κατοικτηρμρίου в том же значении, что и κατοίκησις; **бꙑстъ въ мірѣ мѣсто его і жилиште его въ сіонѣ** (там же LXXV, 3) κατοικητήριον; **ѡ бꙑти намъ храмоу҃ и жилищю прѣстаго емоу҃ дх҃а** (Син. тр. 60а, 6—7), греч. текст не обнаружен. Фрчек **храмоу҃ и жилищю** перевел по-французски: la demeure et la séjour ‘жилье и местопребывание’: **дьнесь блисцанимь** (Супр. **блъштанимь**) **бжіемь** адовъское жі-

лиште бѣсть (Супр. **бѣстъ**) — Клоц. 13а, 24—26; Супр. 449, 26—27), греч. τοῦ ἅδου ῥαπίζει τὸ οἰκητήριον; т. е. 'бьет в то место, где ад'. В отдельных памятниках ст.-слав. письменности **жилиште** встречается и в значении конкретного 'жилья', например: **събравше же сѧ вьси въ жилиште жьрьца своѥго** (Супр. 514, 29), греч. . . . εἰς τὸ καταγώγιον[1], 'в приюте'.

В памятниках древнерусской письменности слово *жилище* зафиксировано и в последнем значении, ср.: ѿ твоег *жилища* сшествовашеть; къ твоѥмоу *жилищю* пришла [2].

Таким образом, можно констатировать совпадение в значениях слова *жилище* в памятниках древнерусской и старославянской письменности. Как известно, **жилиште** относят к образованиям от основы глагола с суффиксом **-лиште**. По вопросу о способах образования таких имен существуют различные мнения. Так, А. Мейе полагал, что при образовании этих имен от глагольных основ между основой и суф. **-иште** вставлялся **-л-**, например: **хърани-л-иште** по образцу **хранило** < * *chranidlo*; **сѣда-л-иште** по образцу **сѣдало** < * *sedadlo* и т. п.[3]. В. Вондрак склонялся к тому мнению, что эти существительные образованы от основ причастий на **-лъ**, а также существительнных на **-тель**[4]. А. Лескин тоже допускал, что возможно **сѣдалиште** от **сѣдало**. «Но, — продолжал он, — может быть, в основе лежат древние momina agentis на **-лъ** (позднейшие participia praet. act.), ср. с этим такие позднейшие образования, как **дѣлателиште** 'мастерская' от **дѣлатель** 'работник»[5].

Отсутствие таких существительных как **блаждило, въплагало, сѫдило, таило, жзило** при наличии **блаждилиште** (Супр. 2, 25—26); **въплагалиште** (Л. XII, 33 Ас., Сав., Остр., Зогр., Мар.; Клоц. 14б., 26; Супр. 453, 15 и др.); **сѫдилиште** (Супр. 140, 25—147, 1 и др.); **таилиште** (Л. XII, 3 Ас., Остр., Зогр., Мар.); **жзилиште** (Мф. XI, 2 Ас., Остр., Зогр., Мар.) делает более вероятным образование последних от основ причастий на **-лъ**.

Показательно, что Мк. XI, 15 в Мар. читается: **і сѣдалиштѧ продаѫштихъ голѫби испровръже**, а в Зогр. **і сѣдала продаѫштихъ** . . . в греч. τὰς καθέδρας, и никаких вариантов к этому слову в греческих текстах не зафиксировано. В Син. пс.: **въжѣшѧ огнемь свѧтіло твое** (LXXIII, 7), греч. ἐνεπύρισαν ἐν πυρί τὸ ἁγιαστήριόν σου; **вънідѫ въ свѧтіло бжѣ** (XXVII, 17), греч. εἰς τὸ ἁγιαστήριον; в Супр. **кротъко шви сѧ къ сватилиштоу** (248, 13), греч. ἁγίασμα; в Син. пс. **положіхъ оусто(мъ) моимъ хранило**

---

[1] Другие примеры см. Slovník jaz. stsl. I, стр. 607.
[2] Киево-Печерский патерик (Арсеньевская редакция), 1406 г. ГПБ, Qn I, 31, л. 7б, 9—10 — Материал СДР.
[3] *А. Мейе.* Общеславянский язык. стр. 298; A. M e i l l e t. Études, стр. 350 и сл.
[4] *W. Wondrák.* Указ. соч., стр. 468 и сл.
[5] *А. Лескин.* Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка, стр. 124.

(XXXVIII, 2), греч. ἐθέμην τῷ στόματί μου φυλακήν; **положіша ілѣма ѣко овоштьное хранілиште** (LXXVIII, 1), греч. ἔθεντο Ἰερουσαλὴμ εἰς ὀπωροφυλάκιον; **рашірѣжт же хранилишта своѣ** (Мф. XXIII, 5 Ас., Остр., Зогр., Мар.) греч. πλατύνουσιν γὰρ τὰ φυλακτήρια; **ини прѣисподьняа хранилишта и нъриштa. и пещти искаахж** (Супр. 467, 18—20) в греч. κατάδυσις 'убежище, нора'.

В приведенных примерах **сѣдало** и **сѣдалиште, свѣтіло** и **свѣтилиште** употреблены в одном и том же значении, что может указывать на то, что они слова различных диалектов и языков. **Хранило** в Син. пс. употреблено в значении 'предмет, предохраняющий уста'. В этом значении *chranidlo* известно до сих пор, например, словацкому языку[6]. От этого **хранило** едва ли могло образоваться **хранилиште** в значении 'место хранения'.

Словом, данные склоняют к мысли, что существительные на **-лиште** образованы от основ причастий на **-лъ**, и они не зависят от соответствующих имен на *-dlo*. Последние могли иметь значение 'место', и в этом значении они, по-видимому, являлись дублетными к однокоренным именам на **-лиште**. Образование имен на **-лиште** в памятниках ст.-слав. письменности относится к продуктивным[7]. В памятниках же древнерусской письменности такие имена фигурируют либо в цитатах из церковных книг, либо в рассуждениях на тему преимущественно о христианской религии, либо в оборотах речи, написанных по образцу церковной литературы. При этом до сих пор существительные на *-лище* в русском языке относятся к книжным образованиям[8]. Все это наводит на мысль, что в древнерусском языке собственного слова *жилище*, вероятно, не было. Об этом же косвенно свидетельствует наличие в диалектной речи слов *жило* и *жилье* 'обитаемое место, селение, жилище', и т. д.[9], причем *жилье*, видимо, образованное от *жило*, так же как *могилие* от *могъıла*, *холмие* от *хълмъ*, *оудолье* от *оудоль*, которые фиксируются в памятниках с XVI в.[10] *Жило* относится к образованиям на *-dlo*. Такие образования являются древнейшими. Можно считать случайностью, что *жило* не зафиксировано памятниками древнерусской письменности. Правда, в «Истории иудейской войны» в отдельных списках читается: И потом наставшꙋ праздникꙋ, еда когда ѡскꙋдѣет пища огневи,

---

[6] Slovník slovenského jazyka I, стр. 570; *A. V. Isačenko.* Slovensko-ruský prekladový slovník I. d. Bratislava, 1950, стр. 225.

[7] *А. Лескин.* Указ. соч., стр. 124; А. Вайан. Руководство, стр. 232; *Sadnik—Aizetmüller*, стр. 175 и сл.

[8] Index a tergo, стр. 48; Грамматика русского языка, т. I, М., 1952, стр. 250.

[9] *В. Бурнашев.* Опыт терминологического словаря, т. I. СПб., 1843, стр. 207; *Даль I*, стр. 542; *Подвысоцкий*, стр. 44; *Куликовский*, стр. 23; *Добровольский*, стр. 223; *Мельниченко*, стр. 159, и сл.; «Словарь русских говоров Среднего Урала». Свердловск, 1964, стр. 159 и сл.; ССРЛЯ 8, стб. 153.

[10] Новгородская грамота царя Ивана Васильевича № 23, 1555—1556 г.; Кунгурские акты XVII в. СПб., 1883 г. стр. 32; Материалы для истории медицины в России, 1645—1675 гг. вып. II. СПб., 1883, стр. 259 — все из материалов ДРС.

и да пребывает неоугасимь, и тогда пришедшем людемъ на принесение дров, Елеазаръ вѹдсти хужшіих, с ними же влѣзоша и разбоиници нарекоміи сикари, и пріимь их на помощь, крѣпльше біашѧ сѧ, и побѣди горнограднаѧ. ѡнѣм же выбѣгшем, вниде Елеазаръ съ своимі, и нападше пожгоша домы силныих, и ⷰрвы полаты разграбиша, и длъжныих грамоты пожгоша, да бѹдѹт им помощници дльжни, избывше долга. И пожегше всѧ *жилы* градныѧ, и идош(а) на сѹпостаты [11]. В Виленском списке XVI в. на месте *жилы градныѧ* читается *силы градныѧ* [12], в греч. καὶ ἐμπεπυρισμένοι πάντας τὰ νεῦρα τῆς πόλεως. Τὰ νεῦρα в словарях зафиксировано в значении ‘мощь, сила, крепость’ [13]. Неизвестно, что пожгли жилища или что-либо другое. И. Срезневский, правда, фиксирует *жила* в значении ‘жилое место’ [14].

К сожалению, употребление *жилъı градныѧ* в приведенном тексте не является бесспорным примером, иллюстрирующим наличие слова *жило*, или *жила* в значении ‘жилище’ в XI в.

Слово *домъ* также представлено немногими примерами, приведем их: и да не имѣють власти Русь. зимовати въ вустьи Днѣпра... егда придеть ѡсень. да идуть *въ домъı* своѧ в Русь (Л. 13, Ип. 20) — договор Игоря; не печетсѧ еѧ ѡ дому своемь (Л. 26, Ип. 32) — цитата из Притч. III, 21; *домъ* мои *домъ* молитвѣ прозоветсѧ (Л. 33 об., Ип. 39) — из «Речи философа»; колико бо ѥму створиша кияне. самого (Изяслава. — *А. Л.*) въıгнаша, а *домъ* ег̃ разграбиша. и не възда противу тому зла (Ип. 75, Л. 68); (Феодосий) оутѣшаѧ и наказаѧ приходѧщаѧ к нем̃ѹ. другоицѧ (Ип. другоичи) в *домъı* ихъ приходѧ. и блг̃свлнье имъ подаваѧ. ѥдиною же ѥму пришедшю *в домъ* Ѩневъ къ Ѩневи и к подружью ѥго. Мр̃ъи... и оучашетьѧ (Л. 70 об., Ип. 78 об.); безбожнъıѣ же снов̃е Измаилеви. вълсѣкоша врата манастъıрю. и поидоша по келъıмъ вълсѣкающе двери. и износ̃ѧху аще что ѡбрѣтаху в кельи. посемь въжгоша *домъ* ст̃ъıѧ влдчцѣ нашеѧ б̃цѣ (Л. 77, Ип. 85 об.); се бо ѡсквернишѧ и пожгошѧ ст̃ъıи *дом̃* твои. и манастъıрь мт̃ре твоеѧ. и трупье рабъ твоихъ. оубиша бо нѣколико ѿ братѧ нашеѧ ѡружьемь безбожнии сн̃ве Измаилеви (Л. 77 об., Ип. 85 об.).

В первом приведенном выше примере из договора Игоря: да идуть *въ домъı* своѧ — является переводом греч. ἵνα ἀπέλθωσιν εἰς οἶκον αὐτῶν, по образцам: **отъпоуцıѧ... въ домъı своѧ** (Мк. VIII, 3 Мар., Зогр.); **да иджтъ въ галилеѩ** (Мф. XXVIII, 10 Мар., Зогр., Ас. и др.) и т. п. Употребление во втором примере не пе-

---

[11] *V. Istrin.* La prise de Ierusalem Josèphe le Jule, v. I. Paris, 1934, стр. 182—184.
[12] *Н. А. Мещерский.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 280.
[13] *И. Х. Дворецкий.* Древне-греческо-русский словарь. т. II. М., 1958, стр. 1130.
[14] *Срезневский I*, стб. 874.

чѣтсѧ ѡ *дому* своюмь, как видели, является цитатой из Притч III, 21, то же следует сказать о третьем примере, являющемся цитатой из «Речи философа». Правда, здесь *домъ* мои. *домъ* молитвѣ прозоветсѧ — является, как мы высказали предположительно, — западнославянской переделкой Мк. XI, 17 **храмъ моі храмъ молитвѣ наречетъ сѧ** (Зогр., Мар.)[15]. 4-ый пример из славословия Изяславу Ярославовичу представляет сочинение летописца. Обращает тут внимание то, что летописец в уста Изяслава влагает: не взѣгнаша ли мене и *имѣнье* мое разграбиша (Л. 67, Ип. 74 об.); в другом месте: *дворъ* же кнѧжь разграбиша бещисленоѥ множество злата и сребра кунами и бѣлю. Изѧслав же бѣжа в лахъі (Л. 58, Ип. 63 об.).

Таким образом, об одном и том же факте летописец пишет: то *дворъ* же кнѧжь раграбиша; то *имѣнье* мое разграбиша; то *домъ* е̄г разграбиша. Последнее явно под влиянием книжных оборотов речи типа: **и домоу̀ ѥго̀ въ разграбленьѥ бъıти** (Супр. 539, 19—20). Кроме того, выдержанное написание *разграбиша* с приставкой *раз-* также указывает на книжное происхождение данного глагола, по всей видимости, происшедшего искусственно при переводе διαρπάζειν.

В 5-м примере: *в домъі* ихъ приходѧ, пришедшю *в домъ* — Ѝневъ — возможно, что слово *домъ* также относится к книжным, хотя в близком к этому в значении ‘местожительство с постройками и имуществом’, это слово употребляется и в Рус. Пр. (см. ст. 92, 95, 99, лл. 621 об., 622, 626).

В следующем примере: *домъ* стъıѥ влдчцѣ; ст̄ъıи *дом̄*, как названия церкви являются книжными образованиями, и подобные обороты речи употреблялись широко[16].

Поскольку слово *домъ* общеславянское, то в употреблении его в значениях, необычных для дрернерусской речи, летописец, надо полагать, не испытывал трудностей.

В значении ‘дом с хозяйством’, как отдельная единица, в Пов. вр. л. дважды употреблено слово *дъıмъ*, ср.: съдумавше полѧне и вдаша (козаромъ. — *А. Л.*) ѿ *дъıма* мечь (Л. 6, Ип. 7 об.); козари имаху на полѧнѣх̄. и на сѣверѣх̄ и на вѧтичѣхъ имаху по бѣлѣи вѣверицѣ ѿ *дъıма* (Л. 7, Ип. 8 об.). По-видимому, это переносное употребление слова *дъıмъ* применялось при исчислении отдельного хозяйства, так же, как и в современных говорах, ср.: «Жилые дома считаются по *дъıмам*. «На Сухарном — пять *дымов*». у Комарка — два *дъıма* и т. д.[17]. *Дым*: 1) очаг’ владим., ворн. ж. ряз.); 2) дом, жилище’ (владим., ворнж., ряз.)»[18]. Отметим, что и *домъ*, за исключением последнего примера, и

---

[15] *А. С. Львов.* Исследование *Речи философа*. «Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология». М., 1968, стр. 365 и сл.
[16] *Срезневский I*, стб. 701.
[17] *Богораз*, стр. 48.
[18] Опыт, стр. 52.

дъıмъ не означают какого-либо строения, здания. В этом же значении находим *дворъ*, по всем данным, обозначающий 'огороженное место вокруг жилого и подсобных ему зданий', ср.: на горѣ же градъ же бѣ Киевъ идеже есть нънѣ *дворъ* Гордатинъ и Ни<ки>фо<ро>въ. а *дворъ* кнѧжь бѧше в городѣ (Л. 16, Ип. 22): повелѣ ископати ѥму . . . *на дворѣ* теремьстѣмь (Ип. теремьскомъ) — Л. 15 об., Ип. 22); и принесоша ѿ (деревлян. — *А. Л.*) на *дворъ* к Олзѣ (Л. 15 об., Ип. 22 об.): Володимеръ . . . въшедъ въ *дворъ* теремнъıи ѡтень (Л. 24 об., Ип. 31); Новгородци избиша варѧгъı въ двори Поромони . . . и разгнѣвасѧ Ꙗрославъ и шедъ на Рокомъ сѣде *въ дворѣ* (Л. 48, Ип. 53): пожже (Ип. пожьже) на Берестовѣмь *дворъ* кнѧжь (Л. 76 об., Ип. 84 об.); заложи Володимеръ. цркꙋь камѧну . . . на кнѧжѣ *дворѣ* (Ип. 94, Л. нет): и посадиша и (Василка. — *А. Л.*) *въ дворъ* Вакѣевѣ (Л. 88, Ип. 89 об.); *дворъ* же кнѧжь разграбиша . . . (Л. 58, Ип. 63 об.) и др.

Наличие у древних славян двора, огороженного кругом, внутри которого были постройки, отмечают и археологи[19]. В приведенных примерах речь идет о дворах князей или бояр — только при этом, как показывают примеры: *дворъ* нередко понимается, как хозяйство. Летописец не имел нужды описывать дворы трудящихся. *Дворъ* — общеславянское слово, представляющее индоевропейское наследие от **dhuor-* с первоначальным значением 'ворота', ср. латш. *dvars*, *dvaŕš* 'ворота'[20]. Как видно, в славянских языках ворота получили название самого огороженного места, т. е. двора. Так и в памятниках ст.-слав. письменности, ср.: **тъгда събъраша сѧ архиереи и кънижъници и старьци людьстии. на дворъ архиереовъ** (Мф. XXVI, 3 Мар., Зогр., Ас., Сав., Остр.), греч. . . . εἰς τὴν αὐλὴν τοῦ ἀρχιερέως; **егда крѣпъкъı въоружь сѧ хранитъ. своі дворъ. въ мирѣ сѫтъ іменьѣ** его (Л. XI, 21 Зогр., Мар.,). греч. φυλάσσῃ τήν ἑαυτοῦ αὐλήν. . . ; **не въходи двьрьми въ дворъ овьчии. нъ прѣлазь инъдоу. тъ татъ естъ и разбоиникъ** (И. X, 1 Мар., Зогр., Ас., Остр.), греч. ὁ μὴ εἰσερχόμενος διὰ τῆς θύρας εἰς τὴν αὐλὴν τῶν προβάτων.[21]

В памятниках ст.-слав. письменности **дворъ** в переводе греч. αὐλή воспринимается в основном в значении 'огороженное место'. Кроме приведенных примеров, ср. еще: **бѫди дворъ іхъ поустъ. і въ селѣхъ іхъ не бѫди иже живетъ** (Син. пс. LXVIII, 26); **всѩ ноць стоуденѩ на дворѣ каиафинѣ** (Син. тр. 48а, 23—24); **да навъıкнѫтъ иже свѣтлъıѧ домъı дѣлаѭтъ. и пространъıѧ притворъı. и длъгъıѧ дворъı** (Супр. 416, 5—7) и др. В Пов. вр. л., кроме этого конкретного значения 'огороженное место', *дворъ* употребляется в значении 'именье, хозяйство', поэтому возможны были сочетания слов: пожьже... *дворъ* кнѧжь; *дворъ* . . . кнѧжь разграбиша,

[19] *Л. Нидерле.* Славянские древности. М., 1956, стр. 260 и сл.; *Н. Н. Воронин.* Жилище. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 200 и сл.

[20] *Berneker I*, стр. 241; *Фасмер I*, стр. 489; *Sławski I*, стр. 183 и др.

[21] Другие примеры см. Slovník jaz. stsl. I, стр. 470.

и т. п. В Рус. Пр. читаем: оже придеть кръвавъ моужь *на дворъ*... то видока немоу не искати (ст. 29, л. 617 об.) — 'въ княжий домъ'; а *дворъ* без дѣла ѡтень всѣкъ меньшемоу сѣнови (ст. 100, л. 626) — 'все хозяйство с домом'; безъ язъіка, ли оумреть. то оу кого боудеть *на дворѣ* бъіла и кто ю (мать. — *А. Л.*) кормитъ. тъ томоу взѧти (ст. 103, л. 622 об.) — 'у кого в доме жила'. В памятниках же ст.-слав. письменности в последних значениях употребляется домъ, имѣнье, ср.: і пришедъ исъ въ домъ кънѧжь... гла (Мф. IX, 23 Мар., Зог.); призъва своѧ рабъі. і прѣдастъ имъ имѣние свое (Мф. XXV, 14 Мар., Зогр., Ас. и др.); раздѣли има имѣние (Л. XV, 12) и т. п.

Вероятно, сказанным объясняется то, что в Пов. вр. л. слово *дворъ* встречается в разговорных оборотах речи, вроде: приѣха . . . на кнѧжь *дворъ*; избиша варѧгъі *въ двори* Парамони; зажьже *дворъ* и т. д. Тогда как слово *домъ*, как видели, встречается преимущественно в цитатах и книжных оборотах речи. Вероятно, этим же объясняется употребление *домъ* вместо *дворъ* в примере: *домъ* его разграбиша (см. выше) вместо более обычного *дворъ*, а также ср. в Сказ. БГ.: и въшьдъ *въ домъ* тъ сѣдѣаше предъ храминою (Усп. сб. л. 21 б., 10—11).

Не свидетельствует ли все это о том, что в Пов. вр. л. *домъ* в обобщающем значении 'хозяйство, мнение' — слово книжное?

В значении 'жилой дом' употребляется *хоромъ*, *хоромина*, а также *храмъ*, *храмина*, например: въі плотници суще. а приставимъ въі *хоромомъ* (Ип. *хоромъ*) рубити нашимъ (Ип. нашихъ)— Л. 48 об., Ип. 53 об.), — так укорял воевода Святополка новгородцев, пришедших с Ярославом под Киев в 6524 (1016 г.); ѣко члвци рищюще бѣси. аще кто вълѣзаше ис *хоромінъі*. хотѧ видѣти. абье оуязвенъ будаше . . . и не смѧху излазити (Р. исходити) ис *хоромъ* (Л. 71 об., Ип. 79 об.); инъ же законъ Гилиомь женъі в них (Ип. оу нихъ) ѡрють. зижють *храмъі* (Ип. *хоромъі* зижють) — Л. 5 об., Ип. 7) — цитата из Хр. Г. Ам.; ѡн же (кудесник. — *А. Л.*) по ѡбычаю своєму нача призъівати бѣсъі в *храмину* свою. новгородцю же сѣдящю на порозѣ тоѧ же *храминъі* . . . и шибе имъ бѣсъ . . . и шедъ постави (Ип. повѣси) кромѣ *храминъі* тое (Л. 60—60 об., Ип. 66—66 об.).

Наличие в прошлом в древнерусском языке слов *хоромъ*, *хоромина* подтверждается непрерывным употреблением этих слов в памятниках древнерусской письменности и многими данными диалектов русского и украинского языков [22]. Что касается употребления наряду с полногласной формой неполногласной *храмъ*, то в первом примере объяснимо, поскольку он является цитатой из Хр. Г. Ам. В последнем примере употребление слов *храмина* в неполногласной форме объяснимо тем, что речь идет о кудеснике

[22] *Срезневский III*, стб. 1386 и сл.; *Даль IV*, стр. 561; *Подвысоцкий*, стр. 184; *Куликовский*, стр. 129; *Васнецов*, стр. 336; *Мельниченко*, стр. 211 и др.; *Гринченко IV*, стр. 410.

и бесах. Это — явный случай употребления восточнославянского же слова в искусственной книжной форме. Такие случаи, как видели, не единичны.

Слово **chormъ*, как полагают, было общеславянским словом, хотя в некоторых из современных славянских языков оно вышло из употребления. Происхождение слова доподлинно неизвестно [23]. Может быть, правы те, кто сближает **chormъ* с лат. *serere* 'сплетать, связывать, сцеплять', греч. ὅρμος 'цепь, ожерелье, гирлянда из венков' от *плести, сплетать*' [24]. По археологическим данным, древнейшее жилье славян представляло полуземлянку, стены которого состояли из плетня или связанных кольев, обмазанных глиной [25]. Вполне допустимо, что **chormъ* или **chorma* [26] < < **sor-mo* или **sor-ma* по типу: *дъıмъ* < **dū-mo*, *космъ* или *косма* < **kos-mo*, **kos-ma*; *кърма* и т. п. Этот тип образования, кажется, потерял свою продуктивность уже в праславянскую эпоху, и по всей видимости, являлся только пережитком индоевропейского наследия. Переход *s* в *ch* в слове **chormъ*, -ma того же порядка, что и *chod-* < **sod-*.

Истъба, истьба встречается в небольшом количестве примеров в различных значениях, ср.: ѡни же пережьгоша *истопку* (Р. А. *истьбу*, Ип. *мовницю*) и влѣзоша деревлѧне. начаша сѧ мъıти, и запроша ѡ нихъ *истобъку* (Р. А. *двери*, Ип. *мовницю*) — Л. 15 об., Ип. 22 об.). Здесь речь идет о бане; въ едину бо нощь вжегъ пещь *вънстобцѣ* оу пещеры (Р. А. *въ истопцѣ* въ пещере, Ип. *во истопцѣ* пещеръı; Х. П. *въ истобцѣ* оу пещерѣ). ꙗко разгорѣ сѧ пещь. бѣ бо ѹтла. и нача палати пламень оутлизнами (Л. 66, Ип. 72 об.); не ясно, где находилась *истъбъка* — у пещеры или в пещере. Помимо этого, *истъбъка*, как видно, — 'помещение, имеющая печь'; наутриа . . . пристрои Ратиборъ ѡтрокъı в ѡружьи. (и. — Ип.) *истобку* (Ип. *изъбу*, Р. А. *избу*) пристави (Р. А. повелѣ Ип. престави) истопити (Ип. затопити) имъ и присла Володимеръ ѡтрока своего Бѧндюка по Итлареву чадъ. и рече Бѧндюкъ Итлареви, зовет. въı кнѧзь Володимеръ. реклъ тако ѡбувшесѧ в теплѣ *избѣ* (Ип. в теплѣи ізъбѣ) заѹтрокавше оу. Ратибора приѣдите ко мнѣ. и рече Итларь тако буди. (и. — Ип.) ꙗко влѣзоша въ *истобку* (Р. А. *вызбу*, Ип. во *истьбу*). тако запрени бъı- ша (Ип. запроша ꙗ). възлѣзше въ *истобку* (Р. А. влѣзъ же на *избу*; Ип. вои злѣзъше на *изьдбу*) и прокопаша и верхъ (Ип. и прокопаша *истьбу*) . . . Л. 75 об. — 76, Ип. 83 об. — 84). Тут *истъба* и *истъбъка* употреблены безразлично. Не ясно, что

---

[23] Изложение различных взглядов на происхождение слова см. *Фасмер IV*, стр. 265 и сл.

[24] *Berneker I*, стр. 204 и сл.

[25] *Л. Нидерле*. Указ. соч., стр. 248 и сл.; *Н. Н. Воронин*. Указ. соч., стр. 404 и сл.

[26] В диалектах русского языка фиксируется форма *хорома*, см. напр. *Куликовский*, стр. 129; *Даль IV*, стр. 561.

это — ‘жилая комната’ или ‘баня’? (Василко) приѣха въ малѣ дружинѣ на кнѧжь дворъ. и вълѣзе противу ѥго (Ип. ему) Стополкъ. и идоша *вълстобку* (Р. А. в *комору*, Ип. въ *гридьницю*, Х. П. в *истьбоу*). и приде Двдъ и сѣдоша (Х. П. в *ыстобцѣ*) Ип. заскобленное *вълстебцѣ* зачеркнуто). По всей видимости, в протографе читалось: въ *истъбоу* или въ *истъбъкоу*, которое в Ип. заменено на въ *гридьницю*, а в Р. А. на въ *комороу*), по значению *истъба* или *истъбъка* тут ‘комната’; и привезоша и (Василка. — *А. Л.*) на колѣх ѡкованa суща ссадиша с колъ. и ведоша и *в-ыстобку* (Ип. *в ыстобъку*) малу (Л. 88, Ип. 89); и приде Мстиславъ Кълеву. и сѣдоша *в-ълзбѣ* (Р. А. *въ истьбѣ*, Ип. *в истобцѣ*). и рѣша мужи Володимери . . . (Л. 93, Ип. 94 об.).

Все приведенные варианты восходят к *истъба*, *истьба*, *истъбъка*. Наличие *истьба*, кроме приведенных примеров, подтверждается, например, и написанием: нарѧжа *истебку* и клете (Берст. гр. № 134, XIV в), а также: мсца марта... бы̑с громъ велии ꙗко слъıшахомъ. чсто *въ истьбѣ* сѣдѧще (Новг. I лет. л. 9 об.). Написание *истопка* < *истьбъка* возможно объяснить естественным рефлексом звуков после падения редуцированных. При этом не исключено, что *истопка* контаминировалась с корнем глагола *топ-и-ти*, поскольку, как видно, *истъбъка* была отапливаемой. Вероятность формы *истъба* вытекает из написаний *истоб-*, а также и *истъба*, ср.; ѩ и то сѥѥ притчѥ разоумѣи: къ прѣпладѥнию (вар.: прѣполудньıю) сълѣци истъбоу. и вѣдоу ю ѳтъкрѣди, да видиши какѡ тмоу створит къ свѣтѣ (Иоанн экз. болг. Шестодневъ)[27].

Как объяснить различные написания, то *istъba*, то *istьba*? Б. А. Ляпунов, признавая первичной форму *istъba*, написание *istьba* объясняет влиянием предшествующего *i* [28]. Это объяснение, не подтвержденное другими примерами, вызывает сомнение. Вероятным является то, что в слове *истъба* конечное *-ъба* воспринималось как суффикс, который в древнерусском языке представлен только в виде *-ьба* или *-оба*, ср.: *борьба*, *колодьба*, *татьба*, *зълоба*, *жалоба*, *оутроба* и т. п.[29]. Вполне естественно при этом единичный пример *истъба* подвести к обычным формам типа *гостьба*, *гридьба*, *сватьба* и т. д. Таким образом, *истъба* со своим конечным *-ъба* представляло необычную форму. Помимо этого, *истъба* обозначает помещение, тогда как все имена на *-ьба* и *-оба* обозначают только состояние и лишь изредка ‘объект’ или ‘помещение’. как, например, *оутроба*.

Истъба и *истъбъка*, как видели, употреблялись в значениях ‘баня’ и ‘отапливаемое помещение’, ‘комната’. В этом отношении

---

[27] *К. Калайдович.* Иоаннъ, ексархъ болгарский. М., 1824, стр. 161.
[28] *Б. Ляпунов.* Исследование о языке Синодольного списка I Новгородской летописи, т. I, ч. 1. СПб., 1900, стр. 236 и сл.; *Ф. П. Филин.* Лексика русского лит. яз., стр. 247.
[29] Index a tergo, стр. 15 и сл.

слово совпадает с др.-в.-н. *stuba* ‘теплое помещение, баня’ [30]. В значении ‘баня’ в Пов. вр. л. слово употреблено всего два раза в уменьшительной форме *истопка*, *истобъка*, вместо которых Ип. употребляет другое слово — *мовница*, ср.: повелѣ ѡльга *мовъ* (Ип. *мовницю*, Р. *мовьню*) створити рькуще сіце. измъıвшесѧ придите ко мнѣ. ѡни же пережьгоша *истопку* (Ип. *мовницю*). — Л. 15 об. Ип. 22 об.). Здесь *мовъ* створити — ‘устроить мытье’, так же как: да творѧть имъ *мовь* елико хотѧть (договор Олега, Ип. 12 об., и здесь другим почерком над *мовь* приписано *-ници*, т. е. *мовници*). В значении *мовь* встречается еще *мъıвь*, *мъıтва* и *мовенье*, ср.: ѿ мъıви покоѧ тѣлоу паче мѣръı [31]; и то творѧть *мовенье* (Ип. *мъıтву*) собѣ (Л. 3 об., Ип. 5). *Мовница*, как видно, означает ‘помещение’, а не процесс мъıтья, поэтому замена *мовь* на *мовницю* могла произойти из-за непонимания точного значения первого слова.

Источником *истъба* может быть герм. *stuba* с кратким *u̯*, но перенятое славянами через романское посредство, давшее начальное *jь* > *и*. Попытки же истолковать слово как исконнославянское натыкаются на фонетические и семантические трудности [32]. Если бы слово было образовано от незафиксированного *истъ* < < **istu̯* ‘недвижимая собственность, хозяйство, дом’, почему же в этом случае оно звучит двояко: то *истъба*, то *истьба*? Каким же образом значение ‘дом’, т. е. ‘жилое помещение’ первоначально употреблялось в значениях ‘баня’, ‘отапливаемое помещение’? И т. д. На эти вопросы в указанных работах В. В. Мартынова ответы отсутствуют.

Поскольку *истьба*, *истъбъка* обозначают ‘отапливаемое помещение’, то принадлежностью их является *печь*. В повествовании о Киево-печерском монастыре читаем: въ едину бо нощь вжегъ *пещь* выстобцѣ (Ип. во истопцѣ) оу пещерѣı. (Ип. пещерѣı). ꙗко разгорѣсѧ *пещь*. бѣ бо ѵтла. и нача палати пламень. оутлизнами. ѡному же нѣчимъ заложити. вступль ногама босъıма. ста на пламени. дондѣже изгорѣ *пещь* (Л. 66, Ип. 72 об.); ꙗста Василка . . . и се влѣзше друзии повергоша и. и свѧзаша и. и снемше доску с *печи* и възложиша на перси его. и сѣдоста ѡбаполѣı Сновидъ Изечевичь. и Дмитръ. и не можаста ѵдержати. и приступиста ина два. и снѧста другую дс̀ку (Ип. дъску) с *печи* и сѣдоста. ѵдавиша и рамѧно (Л. 88, Ип. 89 об.).

В первой цитате речь идет о блаженом Антонии и о монастыре, в связи с чем *пещь* употреблена в книжной, церк.-слав. форме с *щ*, а во второй цитате рассказывается как свалили князя Василка

---

[30] *Berneker I*, стр. 436 и сл.; *Преображенский I*, стр. 265 и сл.; *Фасмер II*, стр. 120 и сл.; *Sławski I*, стр. 475 и сл., и др.

[31] *Срезневский II*, стб. 215.

[32] *В. В. Мартынов.* Из славянских этимологий. 1. *isto*, *istъ*, *jьstъla*. «Этимологические исследования по рус. яз.», вып. II. М., 1962, стр. 44—51; *Он же.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963, стр. 120 и сл.

и прижали его досками, снятыми с *печи*. Тут повествование из обыденной жизни, поэтому и *печь* в восточнославянской форме.

В приведенных цитатах, кажется, ощущается стилистическая дифференциация в употреблении книжных и восточнославянских форм.

По вопросу о происхождении слова *печь, пещь*, думаем, прав А. Мейе, считающий, что слово связано не с корнем *рек-*, поскольку первоначальное значение его 'пещера'[33], ср. **бѣ же пещь** (Сав. **пещера**) и **камень належаше на неи** (И. XI, 38 Ас., Сав., Зогр., Мар.) греч. ἦν δὲ σπήλαιον, καὶ λίθος ἐπέκειτο ἐπ' αὐτῷ; **низълазѧ въ пещь** (Син. пат. л. 71)[34]. Первоначальная печь представляла собою яму. Сближение *печь* с корнем **пек-, пекѫ**, кажется, является вторичным.

Всего два раза встречается слово *клѣть*: один раз в повествовании о мести Ольги древлянам, другой раз в сообщении о смерти Владимира. Приведем эти примеры. Вольга (Ип. Ѡльга) же раздаѧ всемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви. и повелѣ комуждо голуби. и къ воробьеви привѧзывати цѣрь ѡбертывающе въ платки . . . и повелѣ Ѡльга ꙗко смерчесѧ пустити голуби и воробьи . . . воемъ своимъ. голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своѧ. ѡви въ голубники. врабьѣве же подъ стрѣхи к тако възгарахусѧ голубьници. ѡво *клѣти*. ѡво вежѣ. ѡво ли ѡдринъı. и не бѣ двора идеже не горѧще (Ип. горѧше). — Л. 16 об. — 17, Ип. 23 об.); ночью же межю *клѣтьми* проимавше помостъ. ѡбертѣвше в коверъ (Ип. в ковьрѣ) ѡпрѧтавши. и оужи съвѣсиша на землю. възложьши и (Владимира. — *А. Л.*) на сани везъше поставиша и въ сте̄и бц̄и (Л. 45, Ип. 49). В первом примере под *клетью* понимается 'жилое здание', а во втором — 'какие-то помещения, соединенные между собою помостом'. В миниатюре Радзивиловской летописи эти помещения нарисованы в виде башен[35]. В памятниках ст.-слав. письменности **клѣть, клѣтъка** зафиксированы в разных значениях: 'комната, жилище, хижина'[36]. Поскольку слово *клѣть* общеславянское, имеющее соответствие и в прибалтийских языках[37], то нет оснований считать, что в Пов. вр. л. слово книжное.

В примерах речь идет о самых обыкновенных бытовых явлениях, поэтому следует признать, что в них слово *клѣть* восточнославянское. *Клѣть* часто употребляется рядом с *истъба*, например: на дворѣ хоромъ *изба* да *клѣть* наземные[38]; нарѧжа *истебку*

---

[33] *A. Meillet.* Études, стр. 168 и сл.
[34] Другие примеры: *Срезневский II*, стб. 929.
[35] *Н. Н. Воронин.* Указ. соч., стр. 222.
[36] Slovník jaz. stsl. II, стр. 30.
[37] *Miklosich* стр. 119; *Berneker I*, стр. 517 и сл.; *Преображенский I*, стр. 318 и сл.; *Brückner*, стр. 232 и сл.; *Младенов*, стр. 240; *Machek*, стр. 201 и сл.; *Фасмер II*, стр. 249; *Sławski II*, стр. 198 и сл.
[38] *И. Я. Гурлянд.* Новгородские ямские книги 1586—1631 гг. Ярославль, 1901, стр. 46. — Материал ДРС.

и *клете* (Берст. гр. № 134); и далъ игуменъ . . . на *избѣ* да на *клѣти* . . . десѧть бѣль (Новгородская купчая) и др. В таких сочетаниях *изба* и *клѣть*, как полагают, 'жилые комнаты', причем первая отапливается, а вторая холодная, именуемая еще *горница*.

Сѣни, кажется, являются особым помещением или частью хором. Приведем примеры: ѡнъ же (варяг из греков. — *А. Л.*) стоѧше на *сѣнех* съ снмъ своимъ... и посѣкоша *сѣни* под нима. и тако побиша ѥ (Л. 26 об., Ип. 32 об.). В Р. только что упомянутые сени нарисованы в виде помещения на столбах; Изѧславу же сѣдящю на *сѣнехъ* с дружиною своею. начаша прѣтисѧ со кнѧземъ стоящѣ долѣ кнѧзю же из оконца зрящю... рѣч Тукы (Л. 57 об., Ип. 63 об.,). В этом примере речь идет о помещении, видимо, находящемся на возвышенности, с оконцем и достаточно вместимом, если в нем сидит князь с дружиной; посѣдѣвъ Двдъ мало рѣч кде ѥс братъ. ѡни же рѣша ему стоить на *сѣнех*. и вставъ Двдъ рѣч азъ иду по нь (Л. 87 об., Ип. 89).

Нет сомнения, что слово *сѣни* во мн. ч. от *сѣнь* 'тень' приобрело название особой постройки или части хором, находящейся на столбах вроде мезонина. В памятниках ст.-слав. письменности слово **сѣни** в этом значении не встречается, в них находим **сѣнь** 'тень', ср.: **покрꙑ горꙑ сѣнь его** (Син. пс. LXXIX, 11), перевод греч. ἐκάλυψεν ὄρη ἡ σκία αὐτῆς; **подъ сѣниж ѥѧ** (лозы. — *А. Л.*) **сѣдаи глаголетъ соломонъ** (Супр. 353, 22—23), греч. σκία; **ѥвль сѧ патриарχови въ припѫтьнѣи сѣни** (Супр. 250, 15—16), греч. σκηνή 'палатка'. В таких предложениях, как: **і прікрꙑ нꙑ сѣнь съмрътнаа** (Син. пс. XLIII, 20), καὶ ἐπεκάλυψεν ἡμᾶς σκία θανάτου; **і просвѣщеи сѣдѧщаꙗ въ тъмѣ. і сѣни съмрътьнѣи** (Син. тр. 63 б., 20—21), καὶ φωτίσας τοὺς ἐν σκότει καὶ σκίᾳ θανάτου καθημένους — **сѣнь** явилось в результате дословного перевода соответствующего греч. слова, и оно воспринимается словом, употребленным в переносном значении.

Таким образом, древнерусское *сѣни* в своей семантике не находят прямых соответствий в старославянских текстах и безусловно являются восточнославянским словом.

Гридьница зафиксировано в Л. один раз в примере: (Владимир) оустави на дворѣ въ *гридьницѣ* пиръ творити. и приходити болꙗромъ (Ип. боꙗромъ) и гридемъ (Ип. гридьмъ). и съцьскꙑмъ. и десѧцьскꙑмъ. и нарочитꙑмъ мужемъ при кнѧзи. и безъ кнѧзѧ (Л. 43 об., Ип. 47). Кроме этого в Ип.: (Василко) приѣха в малѣ дружинѣ на кнѧжь дворъ і вꙑлѣзе противу ѥму Стополкъ. и идоша въ *гридьницю* (Л. выстобку, Р. А. комору, Х. П. выстьбу)[39].

Гридьница — помещение для гридей, воинов. Поскольку *гридь* фиксируется только в древнерусских памятниках письмен-

[39] Другие примеры см. *Срезневский I*, стб. 592.

ности и считается заимствованным из др.-сканд.[40], то и слово *гридьница* является только древнерусским образованием. *Гридьница*, как видно из примера, служила и для приема гостей, а также использовалась и как место заточения [41].

Теремъ, как особое здание, в Пов. вр. л. упоминается всего два раза, и, кроме этого, прилагательное *теремьнъıи* и *теремьскъıи* — несколько раз, ср.: бѣ внѣ города дворъ *теремнъıи*. и другъıи идеже е̑с дворъ демесниковъ, за сто̑ю бцею надъ горою. бѣ бо ту *теремъ* каменъ (Ип. 22, Л. 15, Н. 32 об.); Ѡльга же повелѣ ископати ѥму. велику и глубоку. на дворѣ *теремьстѣмь*. внѣ града. и заоутра Волга сѣдѧщи в *теремѣ*. посла по гости (Л. 15 об., Ип. 22, Н. 32 об.); и посла Блудъ къ Володимеру сице гл҃а... пр҃іведу к тобѣ Ꙗрополка, и пристрои оубити и. и Володимера же то слы҃шавъ. въшедъ въ дворъ *теремнъıи* ѡтень (Л. 24 об., Ип. 30 об.—31); Володимеръ... постави кумиръı на холму. внѣ двора *теремнаго* (Л. 25, Ип. 31).

Поскольку речь идет об особом дворе *теремном* или *теремьском*, то здание, называемое *теремом*, выходит, огораживалось. Если исходить из первого примера, более ясно изложенного в Н., то следует признать, что *теремъ* и (дворъ) *теремьнъıи* — это нечто вроде загородной дачи, ср.: а кнѧжь бѣше дворъ во градѣ. идеже есть нъıнѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а первѣе сице бѣ внѣ града дворъ другъıи. бѣ бо ту *теремъ* каменъ (Н. 32—32 об.). Если же исходить из такого примера: и зборна҃ѧ цр҃къı... загорѣ сѧ сверху... и вы҃мы҃каша изъ цр҃кви на дворъ до всего. а ис *терема* кунъı и книгъı. и паволокъı оукси цр҃квнъıѣ. иже вѣшаху на праздникъ (Л. 133) — то *теремъ* оказывается складом, хранилищем церковного имущества. В Хр. Г. Ам.: и ѡбрѣтъ дѡмъ акъı *трѣмъ* вы҃сокъ [42], греч. οἶκον ἀντρώδη 'и нашел дом как пещеристый (или: пещерообразный) высокий терем'(?); Володимероу бо хо-тѧщю ѥ҆ (мощи Бориса и Глеба — *А. Л.*). поставити средѣ цр҃кви и *теремъ* серебренъ поставити надъ нима (Ип. 105); а братъ султановъ тотъ сидитъ на кровати на золотои, да надъ нимъ *теремъ* оксамитенъ. да маковица золота со яхонтъı. да несутъ его 20 человѣкъ [43]. Из последних двух примеров можно заключить, что *теремом* называли 'сень или балдахин'. В диалектах находим: *теремок* 'крыльцо с крышей' [44]; *теремяк* 'низкая трава с широкими листьями, длиною не более двух вершков, раскидывающимися веером у корневища; из центра этого веера выбегает длинный (до аршина) стебель, разветвляющийся, как дерево, и несущий

---

[40] *Berneker I*, стр. 352; *Преображенский I*, стр. 158 и сл.; *Фасмер I*, стр. 458.
[41] *Срезневский I*, стб. 592.
[42] *В. М. Истрин.* Хроника Георгия Амартола в славянском переводе, т. I. Пг., 1920, стр. 174.
[43] Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.—Л., 1948, стр. 25.
[44] *Мельниченко*, стр. 199.

синенькие цветы', с первого взгляда кажется, будто стебель и корневище—два различных растения, сросшиеся друг с другом [45]. *Теремяк* по типу: *сосняк*, *костяк*, *медяк* и т. п. Даль констатирует, что одуванчик называется еще *теремок* [46]. Показательно в этом отношении еще следующее: *терем* — верхняя часть прялки, к которой привязывается кужель [47]. В фольклоре *терем* обычно употребляется в сочетании со словом *высок*, ср.:

«Не плач, не плач, дочь любезная,
Пошла твоя матушка в *высок терем*,
Белится и румянится,
Во цветное платье наряжатися».
Пошла княжна во *высок терем*,
Искать своей матушки родимыя. . .»

(Князь Роман и его дочь) [48].

Далеко королевна голос слышила,
Бежала во свой во *высок терем* [49].

На основании приведенных примеров можно констатировать:

1. *Теремъ* — 'высокое здание', видимо, построенное в виде башни.

2. *Теремом*, как видно, называли 'помещение, находящееся в церкви или в жилом здании где-то наверху'. В. Даль пишет: «ныне *терем*: вышка или чердак, мезонин» [50].

3. *Теремом* называли также высокие сени с крышей или балдахин, и даже отдельные растения.

Обычно утвердилось мнение, что слово *теремъ* является ранним заимствованием греч. τέρεμνον, τέραμνον 'дом, жилище' [51]. При греческом источнике слова неясным остается болг. *трем* 'крытые сени или галерея, навес, хлев' и др.; с.-хорв. *trijem*, *trem* 'сени, вестибюль, крытая галерея' и др.; ст.-пол. *trzem* 'зала, сень'; словц. *triem* 'зала, веранда, галерея, лестница'.

Все они — восточно-южно- и западнославянские слова восходят к **termъ*. Не исключено, что исходным является тюрко-монг. *terme* или *tärmä* 'стена, решетчатая стена', 'женский покой' [52] и т. д.

Близко по значению к *теремъ* слово *полата*, ср. примеры: и въиде (Ип. вълѣзе) Ѡлегъ на брегъ... и *полатъı* многъı раз-

---

[45] *М. А. Карáулов.* Говор гребенских казаков. Сб. ОРЯС, т. LXXI, № 7, СПб., 1902, стр. 102.
[46] *Даль II*, стр. 574.
[47] *Мельниченко*, стр. 199.
[48] «Былины — в записях и пересказах XVII—XVIII вв.» М.—Л., 1960, стр. 210.
[49] Там же, стр. 213.
[50] *Даль, IV*, стр. 400.
[51] *Miklosich*, стр. 354; *Brückner*, стр. 580; *Младенов*, стр. 638; *Vasmer III*, стр. 97.
[52] *Vasmer III*, стр. 97; *Räsänen*, стр. 476.

бишa и пожгоша цр҃кви (Р. 14 об., Ип. 12); цс҃рь же Леѡнъ слы рускыѧ почстивъ... прстави къ нимъ мужи свои показати цр҃квьную красоту и *полатꙑ* златꙑѧ (Ип. 15, Р. 18 об.); и созва црь болѧре (Ип. боꙗрꙑ) своѧ в *полату* и реч҃ имъ. што створимъ ꙗко не можемъ противу ему стати (Л. 21 об., Ип. 28); крс҃ти же сѧ в церкви стго Василиꙗ. и есть та стоѧщи въ Корсунѣ градѣ... *полата* же Володимерѧ съ краѧ цркве стоит. и до сего дне. а цр҃цна *полата* за ѡлтаремъ (Л. 38 об., Ип. 42 об.); намъ... възбѣгшим на *полати* (Ип. на *полатѣ*). безбожнꙑѧ.. вꙑсѣкоша врата манастꙑрю (Л. 77, Ип. 85 об.).

В первом и третьем примерах *полата* 'дворец', т. е. в том же значении, что и в Супр. ср.: **не идѣаста прѣжде въ полатѫ къ цр҃оу** (205, 19 — 20); **бѫдеши... въ полатѣ моки** (65, 14) и др., в греч. παλάτιον. В 4-м примере, кажется, речь, идет тоже о дворцах или резиденциях. В последнем же примере речь о хорах церковных. Второй пример Срезневский толкует в значении 'сокровищница'.

Во всех примерах *полата* является заимствованием греч. τὸ παλάτιον. Заимствование это могло произойти, изустно, свидетельством чего является переход предударного, или неударенного *а* в *о* [53]. Как показывают примеры, употребление слова *полата* в Пов. вр. л. не зависит от старославянского языка, потому что летописец пользуется словом свободно, независимо от характера контекста. Об этом же свидетельствует как широкое распространение употребления этого слова, так и развитие его значений [54]. Однако в Пов. вр. л. в большинстве примеров *полата* — 'здание или строение нерусское, греческое'. Название 'хор, ризницы' словом *полата*, надо полагать, идет от греческих же названий отдельных частей церкви.

Всем известен рассказ, приписываемый апостолу Андрею, о Новгородских банях: и реч҃ дивно видѣхъ словѣньскую землю. идучи ми сѣмо. видѣхъ *бани* древенꙑ. (Ип. *банѣ* древѧнꙑ). и пережьгуть е (Ип. ѧ) рамѧно. словокутьсѧ и будуть нази... (Л. 3 об., Ип. 5).

Это единственный пример, где речь идет о севернорусской бане, которая в повествовании о мести Ольги деревлянам называется уже *истьба*, *истопка*, *мовьница* (см. выше). Кроме этого, под 6598 (1090) г. рассказывается, что митрополит Ефрѣмъ: многа зданꙑ въздвиже... и строѥньe *баньноѥ* (камено). сего же не бꙑс҃ преж в Руси (Л. 70, Ип. 77). Видимо, данное сообщение является свидетельством отсутствия бани на юге, в Руси. Под 6579 (1071) г.

---

[53] *М. Р. Фасмер*. Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909, стр. 4 и 154 и сл.; *Младенов*, стр. 446; *Фасмер III*, стр. 307.

[54] *Срезневский II*, стб. 1122 и сл.

рассказывается: бъ мꙗвѣсѧ въ *мовници* (Ип. *мовьници*) и вспотивѣсѧ (Л. 59 об., Ип. 65 об.).

Помимо приведенных примеров, в Пов. вр. л. имеются другие предложения, в которых находим слово *банꙗ*, ср.: бъ... помилова бо нꙑ пакꙑ *банею* бꙑтыꙗ и ѡбновленьем дха (Л. 41, Ип. 44 об.), здесь, начиная «пакꙑ» — цитата из послания ап. Павла к Титу. III, 5; *банею бытыꙗ* — перевод греч. διὰ λουτροῦ παλιγγενεσίας; тако гсь створи нам. созда падшаꙗ въставить. Адамле преступленье прости *баню* нетлѣныꙗ дарова. и свою кровь за нꙑ излыꙗ (Л. 74 об., Ип. 82 об.). В последнем примере *баню нетлѣныꙗ* также книжный оборот речи, ср. **дажДъ и мьнѣ господі баѭ҃ѫ҃ бестьлѣньнѫѭ҃ѫ҃** (Супр. 235, 9—10); **дастъ ки и бесъмрьтьꙗ баѭ҃ѫ҃** (там же, 617, 24—25).

Источником ст.-слав. и севернорус. *банꙗ*, как полагают, является романское banea им. мн. от *baneum* < лат. *balneum*[55]. Однако характерно следующее: древняя севернорусская *баня* это — 'строение, здание специального назначения', поэтому указывается материал, из чего оно построено: *бани древѧнꙑ, строенье баньное камено*; в примерах же, восходящих к церковной литературе, **банꙗ** — λοῦτρόν 'омовение'. Ст.-слав. **банꙗ** связана с южнославянским ban'a в значениях 'купание, лечение'[56].

Древняя севернорусская *банꙗ* независима от слова **банꙗ** памятников ст.-слав. письменности. Говоря иначе, древняя севернорусская *банꙗ* не является старославянским словом в древнерусском литературном языке. В памятниках ст.-слав. письменности встречаются примеры, в которых **банꙗ** можно понять двояко: либо как 'здание', либо 'горячий источник', ср. **въскрѧи же бѣѧше кѕера банѣ. раждежена... кдинъ же... привѣже къ бани, и прикоснѫвъ сѧ къ топлотѣ. ѧвие растаꙗ сѧ. и тако отъдастъ дш҃ѫ҃ своѭ҃ѫ҃** (Супр. 76, 17—25). Хотя в греч. на месте **банѣ** βαλανεῖον, но тем не менее речь, видимо, идет все же о горячем источнике.

Словом, независимость древнерусского слова *банꙗ* от соответствующего старославянского слова очевидна.

Порубъ по своему образованию представляет отглагольное существительное от *порубити* или *порубати*. Оба глагола у И. Срезневского зафиксированы в значениях 'захватить', 'набирать' и 'заключить в поруб, в тюрьму'[57]. Видимо, от глагола *порубати* в последнем значении образовано *порубъ*. Приведем примеры: в се же лѣто (в 1036 г. — *А. Л.*) всади Ꙗрославъ. Судислава въ *порупъ* (Ип. *порубь*, Р. *порубъ*) брата своѥго. Плесковѣ ѡклеветанъ к нему

---

[55] *Berneker I*, стр. 42 и сл.; *Фасмер I*, стр. 121 и сл.; *Sławski I*, 26; *С. И. Вахрос.* К истории *бани* в свете ее наименований в славянских языках. Scando-Slavica, t. IX. Copenhagen, 1963, стр. 153 и сл.; *J. Vahros.* Zur geschichte und Folklore grossruschisshen Sauna. Helsinki, 1966.

[56] Речник на съвременния български книжовен език, т. I, стр. 34; *J. Jurančič.* Srbohrvatsko-slovenski slovar. Ljubljana, 1955, стр. 13.

[57] *Срезневский II*, стб. 1215.

(Л. 51—51 об., Ип. 56 об.); Изѧславъ. Стославъ и Всеволодъ. вꙑсадиша строꙗ (Ип. стрꙗꙗ) своѥго ис *поруба* сидѣ бо. лѣт. к. и д. (Л. 55, Ип. 60 об.); Изѧславъ же приведъ Всеслава Кꙑѥву всади и в порубъ съ двѣма сномá (Л. 56 об., Ип. 62 об.); людьѥ... рѣша поидемъ вꙑсадимъ дружину ис *погреба*. и раздѣлишасѧ надвое половина ихъ иде к *погребу*... другаꙗ половина людии приде ѿ *погреба*. ѡтворивше *погребъ*... Изѧслав же се видѣвъ со Всеволодомъ побѣгоста з двора. людье же вꙑсѣкоша Всеслава ис *поруба*. въ .еі. днь семтѧбрѧ (Л. 57 об.—58, Ип. 63 об.).

Как видно из приведенных примеров, *порубъ* — ‘тюрьма’. Однако тут еще упоминается *погребъ*, где сидит дружина. Историки считают, что *порубъ* и *погребъ* одно и то же. Сопоставление примеров, приведенных И. Срезневским в словарных статьях Погрєбъ и Порꙋбъ, убеждает в том, что *погребъ* — ‘тюрьма, так сказать, массовая’, куда сажают дружину или иных людей в большом количестве. ср.: д[р]оужиноу его въ *погребъ* въсажаша (Новг. I лет., л. 31—31 об.); Ꙗрославъ въбегъ въ Переꙗславль. повеле вꙑметати въ погребъ что ѥсть новгородьць. а инꙑхъ въ гридницю (там же, л. 86); новгородци... Ростиславича Стослава вꙑгнаша. зане бѣ Ростиславъ ѡць ѥго изморилъ братꙋ ихъ *въ погребѣ* (Л. 117 об.) и др. Приведенные в словарной же статье Порꙋбъ примеры свидетельствуют о том, что туда сажают отдельных князей, правда, иногда с сыновьями [58].

Таким образом, имелось два вида сооружения для заключения виновных: *порубъ* для князей и *погребъ* для всех остальных. По-видимому, *погребъ* явился ямой, поскольку там заключенные задыхались [59]. Кроме того, образованное от *погребати* > *погребъ* также свидетельствует о яме.

В повествовании о белгородском осадном сидении упоминается *медуша*, ср. и повелѣ искати меду. ѡни же шедше взѧша меду лукно. бѣ бо погребено в кнѧжи *медуши* (Л. 44, Ип. 48). Видимо, *медуша*, образованная по типу: *коробуша*, *кладуша*, *колотуша* и т. п., являлась особым помещением. По Далю: *медуша* — ‘погреб, подвал для медов и питии’ [60].

Шатьрь был походной палаткой, ср. (Святослав) ни *шатра* имаше. но подъкладъ послав (Ип. постилаше) а сѣдло въ головахъ (Л. 19, Ип. 25 об.); а се нападоша акꙑ звѣрье дивии ѡколо *шатра*... Бориса же оубивше... оувертѣвше в *шатеръ*... повезоша (Л. 46, Ип. 50 об.); Изѧславу же в *шатеръ* предъидущю. и тако ꙗша Всеслава на Рши оу Смолиньска (Л. 56 об., Ип. 62); и сѣде Стополкъ с своего дружиною. а Володимеръ с своею въ единомъ *шатрѣ* (Л. 93 об., Ип. 95).

---

[58] *Срезневский II*, стб. 1215 и сл.
[59] *Срезневский II*, стб. 1020.
[60] *Даль II*, стр. 313.

Написание *шатьръ* засвидетельствовано в ряде памятников письменности ср. и вълѣзъ *въ шатьръ* свои плакашесѧ (Сказ. БГ. Усп. сб. л. 27—28); позва ѥ к себе ... *въ шатьръ* ... вси .s. кнзь ... придоша *въ шатьръ* ѥю (Новг. I лет л. 89 об.) и др. Кроме того, написание *шатеръ — шатра* свидетельствует о древнем ь между *т* и *р*. Памятники ст.-слав. письменности не зафиксировали слова **шатьръ**, но оно имеется в любом современном славянском языке. Укр. *шатерник* 'кочевник' так же указывает на ь в прошлом. Полагают, что *шатьръ* древнее заимствование из тюркского *čatъr* < из перс. *čatr* 'палатка, заслон'.

В тюркских языках фиксируются: др.-тюрк. (по словарю М. Кашгарского) *чатыр*, половц. *čater* (Codex Cumanicus), кирг., тат. *чатыр*, чув. *чатăр* и *шатăр* (последнее сеть для ловли птиц), азерб., тур., туркм. *чадыр*, уйгур, казах. ног. *шатыр*, башк. *сатыр* — все в значении 'шатер, шалаш, палатка' [61].

Из приведенных данных видно, что в тюркских языках в начале слова может быть *č*, *š*, *s*. По закону сингармонизма слово выступало в них как в твердом, так и в мягком вариантах, половц. *čater*, видимо, произносилось как *čäter* в мягком варианте, ср. уйг. *čedir*. В связи с этим вполне вероятно, что рядом с *šatyr* существовало и *šäter* или *šätər*. Памятники старорусской письменности XVI—XVII вв. рядом с *шатеръ*, *шатерникъ*, *шатерничий* зафиксировали и *шетеръ*, *шетерникъ*, *шетерничий*, ср.: дары тебе. государю послал наш государь: *шетер* индийские земли по ... митколи красные, а внутри травы вырезаны выбойчатые розные цветы, а у *шетра* ... оттужины веревок бумажных ... (1585 г.) [62]; 54 мушкета съ замки и съ жагры, 9 стволовъ горѣлыхъ мушкетныхъ, ... вѣстовой колоколъ. вѣсу въ немъ 20 пудъ 2 гривенки, великого государя *шетеръ* розмѣнной. (По книгамъ съ Волуйки воеводы Конона Лодыженского (1678 г.) [63]; на башнѣ *шетеръ*, а въ *шетрѣ* вѣстовой колоколъ (1615 г.) [64]; а *въ шетрѣ* тожъ башни вверху 3 моста, а на верху вѣстовой колоколъ [65]; по указу великого государя тѣ ковры отданы в *шетерную* полату *шатерничимъ* (так. — *А. Л.*) Авдѣю Кучицкому да Јвану Кузовьеву (XVII в.) [66]; по памяти за печатью *шетерничево* Юрьи Григорьевича послано въ *шетерный* приказъ полпята арш. сукно. . .

---

[61] *В. Г. Егоров.* Этимологический словарь чувашского языка, стр. 318; *Räsänen*, стр. 101.

[62] Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, ч. I. Л., 1932, стр. 98. — Материал ДРС.

[63] Дополнения к Актам историческим, т. IX. СПб., 1875, стр. 289.

[64] Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891, стр. 1. — Материал ДРС.

[65] Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1888—1889, стр. 43. — Материал ДРС.

[66] Дела тайного приказа. «Русская историческая библиотека», т. 23, СПб., 1904; стр. 1498. — Материал ДРС.

взялъ *шетерной* мастерь Степан Семеновъ (1613 г.) [67]; *шетерникъ* государевъ (1638 г.) [68] и т. п.

Можно подумать, что в приведенных примерах в написаниях *шетеръ*, *шетерной*, *шетерникъ*, *шетерничей* отражено произношение типа *жера*, *шегать* из *жара*, *шагать*, свойственное преимущественно окающим говорам [69]. Такое произношение в Москве в XVI—XVII вв. не исключено. Но среди приведенных примеров имеются южнорусские: воронежские, валуйские, тамбовские, которые позволяют делать другое предположение: *шетеръ*, вероятно, восходит к тюркскому мягкому варианту *šetir* или *šetər*. В древнерусских памятниках письменности, правда, весьма редко, но встречаются написания *шатъръ*, *шаторъ*; так под 6716 (1208) г. в Ник. лет. читаем: того же лѣта князь велики Всеволодъ. . . поиде ко Окѣ рѣцѣ, и пришедъ ста *шатърꙑ* подлѣ рѣку Оку [70]; таче повелѣ поставити *шаторъ* свой, вълѣзъ вонь [71]. Т. н. твердый вариант особенно употребителен в южных и западных славянских языках, ср. болг. *шатър*, с.-хорв. *šator*, словц. *šator*, словн. *šiator* [72], которые даже при допущении заимствования их через венгерский язык, все же дают основание считать, что они восходят к тюркскому твердому варианту **šatyr*, **šatər*.

Если в нашем допущении нет ошибки, то первоначальным восточнославянским заимствованием должен быть мягкий вариант **šetьгъ*, который может при известных условиях произноситься на славянской почве как *šatьгъ*, но в древнерусский язык мог проникнуть и твердый вариант **šatъгъ*, контаминация обоих вариантов, надо полагать, и дала наиболее употребительный вариант *шатьръ*; употребительность мягкого варианта в южнорусских говорах, являвшихся непосредственными соседями тюркских племен, в этом отношении показательна.

Рядом с *шатьръ* употребляется исконнославянское слово *вежа* в значении ‘шатер, кибитка’. Приведем примеры, иллюстрирующие употребление этого слова: идоша угри мимо Киевъ . . . и сташа *вежами* (Л. 8 об., Ип. 10). Тут, надо думать, угры расположились в *шатрах*, и тако възгарахуса голубьници ѡво клѣти. ѡво *вѣжѣ*, ѡво ли ѡдринꙑ. И не бѣ двора идеже не горѧще (Л. 17); Ип.: тако загарахутьсѧ голубници. и ѿ нихъ клѣти и ѡдринꙑ и не бѣ двора идеже не горѧше (23 об.). По-видимому, в первичном тексте читалось как в Ип. Иначе не ясно тут значение *вѣжѣ*. И. Срезневский полагает, что *вѣжѣ* ‘башни’ [73]. Но ка-

---

[67] Записные книги Московского стола. «Русская историческая библиотека», т. IX, СПб., 1884, стр. 204. — Материал ДРС.
[68] Переписная книга г. Москвы, 1638 г. М., 1881, стр. 100. — Материал ДРС.
[69] *Р. И. Аванесов.* Очерки русской диалектологии, ч. I. М., 1949, стр. 103.
[70] ПСРЛ, т. X, СПб., 1885, стр. 55.
[71] *Д. И. Абрамович.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба. Пг., 1916, стр. 10.
[72] *Преображенский III*, стр. 91; *Младенов*, стр. 692; *Vasmer III*, стр. 379.
[73] *Срезневский I*, стб. 482.

кие могли быть в Искорестени башни, да еще во множестве? Стополкъ же и Володимеръ идоста на *вежѣ* (половецкие. — *А. Л.*) и взяста *вежѣ*. полониша скотъı и конѣ вельблудъı и челядь (Л. 76, Ип. 84) — тут *вежѣ* — 'кибитки, стоянки'; Двдъ ѡступивъ град. и часто приступаше. единою поступиша (подступиша) к граду под *вежеми* (Ип. *вежами*). — Л. 91 об., Ип. 93). По мнению И. Срезневского, в данном примере *вежами* 'башнями'. Однако трудно представить то, как войска подступали под башнями. Вероятно, здесь речь — о кибитках на колесах, под защитой которых подступали к городу; взяша бо тогда скотъı и ѡвцѣ и конѣ. и вельблудъı и вежѣ с добъıтком. и с челядью. и заташапеченѣгъı и торкъı и вежами. и придоша в Русь с полономъ великъıмъ. и с славою. и с побѣдою великою (Л. 94 об., Ип. 86). В данном примере, в первом случае кибитки, так сказать, неподвижные, а во втором, должно быть, кибитки на колесах, иначе едва ли можно понять: *заташа* (='захватили'. — *А. Л.*) печенѣгъı и торкъı с *вежами*.

Вежа в указанных значениях, как видно, употребляется в основном по отношению жилищ угров, половцев, печенегов, и др., но само слово *вежа*, начиная с истолкования А. Потебни [74], признается образованным от глагола *везу — вести*, **vez-ja* > *вежа*, в первоначальном значении 'дом — повозка на полозьях или колесах'. Такая *вежа*, видимо, образовалась еще в эпоху кочевой жизни славян. Общеславянское употребление этого слова подкрепляет высказанное предположение [75]. Лишь В. Махек считает, что *вѣжа* — праевропейское слово родственно с др.-в.-н. *sweige*, совр. *Schweige* 'пастушья хижина' [76].

Далее идут названия зданий или помещений, связанных с отправлением религиозных обрядов. По-видимому, Перунъ, Дажьбогъ, Хърсъ и другие кумиры на Руси не ставились в особом помещении, поэтому в Пов. вр. л. отсутствует слово, обозначающее языческий храм. Здесь всего один раз зафиксировано слово *капище* и то только в значении 'статуя', ср. Володимеръ . . . взя жа (Ип. взяша же) ... ида (Ип. ида) мѣдѣнѣ двѣ *капищи*. и д. иконѣ (Ип. конѣ) мѣданъı. иже и нъıнѣ стоятъ за стою бцею (Л. 40—40 об., Ип. 44). Речь здесь об уходе из Корсуни после женитьбы на цесаревне Настасьи.

Капище от *капь*, оба эти слова зафиксированы в Супр. ср.: **въ моѫ капь сътворенааго обѣтъıши** (247, 16—17), греч. εἰκων 'образ'; **сътворивъ бо сѣ человѣка по капи нашеи и по образоу** (308, 18—19), κατ' εἰκόνα; **капишта поганъскаа** (104, 1), τὸ εἴδωλα τῶν ἐθνῶν; **стояше капиштѣ аполоноко** (220, 21—22), τὰ ἀγαλμα τοῦ Ἀπόλλονος [77].

[74] *А. А. Потебня*. Этимологические заметки. РФВ III, стр. 177.
[75] *Преображенский I*, стр. 107; *Brückner*, стр. 619; *Фасмер I*, стр. 285.
[76] *Machek*[2], стр. 688.
[77] Другие примеры Slovník jaz. stsl. II, стр. 14.

Если Э. Бернекеру была еще не ясна этимология *капь*, то ныне считается бесспорным его тюркское, точнее булгарское происхождение [78]. Слово *капь*, откуда и *кап-ище*, принесено на Балканский полуостров т. н. Аспаруховыми булгарами. В древнерусском литературном языке *капище* — церковнославянизм.

Цьркъı или *церкъı* впервые употреблено в договоре Игоря от 945 г.: мъı же елико в насъ хрстлисѧ есмъı. клѧхомъсѧ *цр҃квью* стго Ильѣ въ сборнѣи цр҃кви (Л. 13 об., Ип. 20 об.). Это сообщение является свидетельством того, что в 40-х г.г. X в. в Киеве были церкви. На раннее заимствование слова *церкъı* указывает и употребление его с конечным -ъı, ср. примеры: В се же лѣто (т. е. в 1073 г.) ѡснована бъı҃с *цр҃къı* Печерьскаѧ (Л. 61 об., Ип. 67 об.); Почаша бъı҃с *церкъı* печерьскаѧ (Л. об., Ип. 74); сщена бъı҃с *цр҃къı* стаг Михаила (Л. 69 об., Ип. 77); Володимеръ видѣвъ *цр҃квь* свершену. вшедъ в ню (Л. 43, Ип. 46 об.); написавъ клатву въ *цр҃кви* сеи (Л. 43, Ип. 46 об.); повелѣ рубити *цр҃кви* (Л. 41, Ип. 44 об.); радовашесѧ Ꙗрославъ вида (Ип. видѧ) множьство *цр҃квии* (Л. 52, Ип. 57 об); ѿ *цр҃кве* (Л. 70) и др.

Различение форм им. и вин. п. ед. ч. *церкъı* — *церкъвь* показывает на сознательное употребление формы им. п. ед. ч. *церкъı*, хотя в косвенных падежах за некоторыми исключениями, это слово изменяется по формам основ на *ı̯* (ь). Уже в отдельных памятниках ст.-слав. письменности наблюдается употребление црькъı с окончаниями только основ на *-ı̯* [79].

Употребительны и производные от слова *церкъı*, ср. поставиша *цр҃квьцю* (Ип. *церьквицю*) малу надъ пещерою (Л. 53 об., Ип. 59); *цр҃квнаѧ* запона раздрасѧ на двое (Л. 35 об., Ип. 40 об. — «Речь философа»); приемлю *цр҃квнаѧ* преданьı (Л. 39, Ип. 43. — Исповедание вѣръı); оукраси ю (церковь — *А. Л.*) златомъ и сребромъ. и ссудъı (Ип. сосудъı *цр҃квнъıми* (Л. 52, Ип. 57 об.); оукрасивъ ю (церковь. — *А. Л.*) всѧкою красотою. *цр҃квнъıими* ссудъı (Ип. съсудъı) — Л. 69 об., Ип. 77 об.); вькраси городъ перѧславьскъıи зданьи *цр҃квнъıми* (Ип. 77 об.).

Производные формы, надо полагать, также заимствованы из памятников старо- и церк.-слав. письменности, ср. **въ манастъри ... и цр҃квица бѣ** (Супр. 553, 27—29); **и посади кго тоу въ тои црькъвици** (Там же, 555, 24); **зъданиѣ цр҃квънаѣ** (Мф. XXIV, 1 Мар., Зогр., Ас. и др.); **опона цр҃квьнаа раздъра сѧ** (Син. тр. 51 а, 1—2), ср. **катапетазма цр҃ковьнаа раздъра сѧ**

---

[78] *Berneker I*, стр. 486 и сл.; *Фасмер II*, стр. 185 и сл.; *Sadnik-Aizetmüller*, стр. 248; *В. Г. Егоров.* Указ. соч., стр. 88 и сл.; *Н. И. Ашмарин*: Указ. соч., VI, стр. 71.

[79] *D. Diels.* Altkirchenslavische Grammatik. Heideberg, 1932, стр. 179 и сл.

(МФ. XXVII, 51 Ас., Сав., Зогр., Мар.); **въ окринѣ цр҃квьнѣмь** (Син. тр. 6б, 4—5) и т. п.

Таким образом, производные формы от *церкъı* не развились на древнерусской почве, они усвоены из церковных книг. Много раз упоминаемое слово *монастъıрь* также усвоено из того же источника, ср. Ꙗрославъ... заложи ... посемь ст҃аго Геѡргиа *манастъıрь* (Л. 51 об., Ип. 56 об.); и се да скажемъ что (Ип. чего) ради прозвасѧ Печерьскъıи *манастъıрь* (Л. 52 об., Ип. 58); и ѡбрѣтесѧ тогда Михаилъ чернець. *манастъıрѧ* Студиискаго (Л. 54, Ип. 59 об.) и т. п.

В Пов. вр. л., так же как и в памятниках ст.-слав. письменности, встречается только написание *манастъıрь* в передаче греч. μοναστήριον и μαναστήριον, ср. παραμένεις τῷ μαναστηρίῳ, которое, в Син. тр. переведено: **прѣбъıвавши ли въ манастъıри** (87а, 9), что является свидетельством того, что летописец заимствовал это слово из церковных книг. Если бы слово μοναστήριον или μαναστήριον было заимствовано русскими непосредственно и изустно из греческого языка, то оно бы, как и в других подобных случаях писалось бы как *монастъıрь*. Такое написание 5 раз из 60 случаев обнаруживается в Супр., ср. **монастъıра далматъскаго** (185, 25); **монастъıра отца нашего савъı** (278, 10); **моностъıръ сътвори тоу** (279, 16—17, см. еще 278, 12; 557, 20). Такие написания следует истолковать, как отражение изустного заимствования слова в Болгарии. Но в Пов. вр. л. отсутствуют подобные написания.

В Пов. вр. л. речь о монастырях начинается с упоминания о Киевопечерском монастыре, который-де начался с печерки, ср.: Лариѡнъ. . . ископа *печерку* (Ип. *печеръку*) малу двусажену (Л. 52 об., Ип. 58 об.). В целом, в Пов. вр. л. до 37 раз упоминается *печера* или *пещера*, причем в Л. 32 раза написано *печера* и 5 раз — *пещера*, в Ип. соответственно 15 : 22. Установить, почему в одном списке преобладает написание *печера*, а в другом — *пещера*, — невозможно. *Печера* или *пещера* была оборудованным для жилья помещеньем, имевшим истъбъку, т. е. комнату с печью (Ср. вь ѡдину бо нощь. възжегъ пещь в пещерѣı (Л. оу пещерѣı) — Ип. 72 об., Л. 66); *двери* (ср. вшедъ в печеру (Ип. в пещеру) и затворѧше *двери* печерѣ (Ип. пещерѣı) — Л. 62 об., Ип. 68 об.); и затворисѧ *в печерѣ* (Ип. *в пещерѣ*) . . . водъı . . . приносѧшеть же ѥму великъıи Антонии. и подаваше ѥму ѡконцемъ (Ип. ѡконьцемь ѥму) — Л. 65, Ип. 71).

Слово *печера*, или *пещера* представляет образование с суф. *-ера* от *печь* или *пешть*, так же как *кошера* от *кошь*; *кочера* ‘пень, коряга’ от *кочь*, ср. *кочень*, *кочан*, *кочерыга* [80]. В. Вондрак приводит болг. *мезера* ‘пробел’ от *мезе* [81].

В памятниках ст.-слав. письменности слово **пештъ** зафиксировано в значениях σπήλαιον и κάμινος, ср. **бѣ же пештъ и камень**

[80] *Даль I*, стр. 180.
[81] *W. Vondrák.* Указ. соч., стр. 132.

належаше на нем (И. XI, 38 Мар., Зогр., Ас.), но в Сав. и Остр. тут **пештера**, греч. ἦν δὲ σπήλαιον καὶ λίθος ἐπέκειτο ἐπ' αὐτῷ; **і въръгѫтъ ѥѧ въ пешть огньнѭ** (Мф. XIII, 42 Зогр. Мар., Ас., Остр., καὶ βαλοῦσιν αὐτοὺς εἰς τὴν κάμινον τοῦ πυρός. По всей видимости, первоначально **пешть** σπήλαιον и **пешть** κάμινος семантически не различались, потому что первоначальная печь была ни что иной как ямой, или очагом [82]. Слово *печь* в восточнославянских языках до сих пор сохраняет первоначальное значение ‘яма, нора’, ср. укр. *пічка*. . . 3) каждая из ямок в земле, по которым катают мяч в игре того же имени [83]; белр. *печура* ‘нора’, напр. *мышиная печура* ‘ямка при печи, нарочито сделанная для загребания туда жара’ [84].

Лишь с того момента, когда **пешть** κάμινος в реалии стала отличаться от **пешть** σπήλαιον, последнее слово и приняло форму **пештера**, как это видели И. XI, 38 в Сав. и Остр. Также в Супр. κάμινος передается **пешть**, **пештьница**, а σπήλαιον — **пештера**. Говоря иначе, форма **пештера** — вторичная, образовавшаяся от **пешть**, как отметили по типу *кошера*, *мезера* и т. д.

Итак, в Пов. вр. л. *печера*, *пещера* выступает ‘как вид жилья монахов’. Другим видом жилья монахов являлась *келья*, ср. и манастꙑрь ѡгородиша. а съ столпьемъ *кельѣ* поставиша многꙑ (Л. 53 об. Ип. 59 об.); ѡстоꙗвшю оутренюю предъ зорѧми. идоша *по кѣлꙑѧмъ* своимъ (Л. 64 об., Ип. 70 об.); бѣ бо *кѣлꙑа* ѥго подале црькве (Л. 64 об., Ип. 70 об.); старець . . . приде *в кѣлью* свою . . . и рѣч *кѣлеиннику*. иди вправшаи ѥли Михаиль *в кельи* (Л. 64 об., Ип. 70 об.); въ ѥдиной оулици *въ кельици* малѣ . . . молѧше ба со слезами (Л. 64 об., Ип. 71); введше и *в кѣльицю* и посадиша и (Л. 65, Ип. 71) и др.

Как видно из примеров, употреблялись *келья*, *кельица*, *келеиникъ*, что свидетельствует об употребительности слова и его обычности в устах древнерусских книжников. Памятники ст.-слав. письменности не знают слова **келья** и производных от него. Тем не менее М. Фасмер признает, что это слово вошло в древнерусский язык через посредство старославянского языка [85].

В доказательство Фасмер ссылается на употребление этого слова в Син. пат., причем в том месте, на которое ссылается автор, слова келья нет, но в указанном памятнике оно действительно зафиксировано [86]. Признавать Син. пат. памятником ст.-слав. письменности нет никаких оснований. Памятники же ст.-слав. письменности греч. κελίον передают обычно словом **клѣть**, **клѣтька** [87].

---

[82] *Л. Нидерле*. Указ. соч., стр. 249.
[83] *Гринченко III*, стр. 89.
[84] *Носович*, стр. 414.
[85] *М. Р. Фасмер*. Греко-славянские этюды. III, стр. 3 и 84.
[86] *В. Ф. Дубровина*. Из наблюдений над употреблением грецизмов в переводном тексте русской рукописи XI в. «Источниковедение и история русского языка». М., 1964, стр. 55.
[87] Slovník jaz. stsl. II, стр. 30.

Келья всего один раз находится в Слепченском апостоле[88]. В Син. пат. также более обычно употребление слова **клѣть**, этим словом объясняется даже **келья**, ср. **чрьноризьць ... хотяше прѣбъıти въ келиıхъ рекъше въ клѣтьхъ**[89]. В древнерусских оригинальных памятниках письменности как Пов. вр. л., ЖФП, Сказ. БГ., Киево-Печерский патерик и др. употребление слова *келья*, *кельица*, *келейникъ* обычно. По всей вероятности, греч. κελλία мн. ч. от κελλίον восточными славянами заимствовано изустно. Употребление же *келья* в памятниках церк.-слав. письменности, переведенных с греческого в XI в. и позже, свидетельствует о причастности к их переводу или переписке русских книжников. В частности, о причастности к переводу Син. пат. древнерусских книжников свидетельствует ряд бесспорных руссизмов (о чем см. в «Вводных замечаниях») и т. п.

Особым монастырским зданием была *трапезница*. Слово это в Пов. вр. л. зафиксировано только несколько раз, ср. примеры: и посѐм наоучи (Ип. наоучисѧ) на *трапезницю* ходити, и посажашеть и (Исакиıа — *А. Л.*) кромѣ кбра̀т (Л. 65 об., Ип. 72); кончаша *трапезницю* Печерьскаго монастъıра. при ѳеѡклистѣ игуменѣ (Л. 95 об., Ип. 97 об.); въ .аі̀. дн̀ь февра̀л. мсца. ıависѧ столпъ ѡгненъ ѿ землѧ до нб̀си. а молньı ѡсвѣтиша всю землю ... се же столпъ первѣе ста на *трапезници* (Ип. *трапезници*) каменѣи (Ип. камѧньи) — Л. 95 об., Ип. 98).

В своей основе *трапезница* восходит к греч. ἡ τράπεζα в переносном значении 'питание'. Однако обращает внимание звуковое несоответствие между *трапеза* и τράπεζα, потому что др.-рус. *тра* — может быть из *трѣ-*, а не из τρα-. Этот факт свидетельствует о том, что др.-рус. *трапеза* не является изустным заимствованием из греческого языка. В памятниках ст.-слав. письменности наблюдается следующее: из евангелий в Зогр. выдержанно пишется **трапеза**, то же написание находим в Супр., а в Клоц. из 10 случаев употребления этого слова оно лишь один раз встречается в написании **трѣпѣзѣ** (Л. 7 б, 36), в остальных случаях в этом памятнике пишется **трап-**; в Син. пс. — три раза написано **трепеза**, Один раз **трьпезж** (LXXVII, 19) и один раз **трапезж**: в остальных памятниках: Ас., Сав., Остр. Мар., Син. тр. слово встречается только в написании **трапеза**. Характерно, П. Дильс написание **трепеза** считает необъяснимым[90].

Поскольку в Супр. выдержанно 37 раз пишется **трепеза**, то не исключенъ, что это написание отражает восточноболгарское произношение типа: *трява — трева*. В связи с этим вероятно и предположение, что др.-рус. слово заимствовано не из памятников ст.-слав. письменности, а изустно из болгарского языка. Этим можно объяснить тот факт, что написание *трапеза* преоб-

[88] Там же, стр. 20.
[89] Син. пат., стр. 369.
[90] *P. Diels.* Указ. соч., стр. 35.

ладает не только в Пов. вр. л., но почти во всех памятниках древнерусского происхождения или списка. Правда, в Остр. пишется **трапеза** (см. лл. 88 а, 96 в, 114 б)[91].

Существительное *трапезница* появилось на Руси и образовано оно так же, как: *гридьница*, *житьница*, *поварьница*, *хлѣвьница* и т. д. Подобные существительные обычно образуются от основ прилагательных как *житьн-ица*, *хлѣвьн-ица* и т. п. Однако прилагательное *трапезьнъ* нигде не зафиксировано, поэтому следует допускать, что *трапезьница* образовано непосредственно от *трапеза* так же, как и *гридьница* от *гридь*. К имени *трапезьница* отсутствуют какие-либо соответствия в греческом, в котором имеется только τὸ τραπεζίτης 'менялa', оно в памятниках церк.-слав. письменности передается формой **трапезьникъ**, ср. **иде къ трапезьникоу. кже кстъ сребропродавьчи** (Син. пат., л. 132), в греч. εἰς τὸν τραπεζίτεν. От этого сущ. **трапезьникъ** не могло образоваться другое существительное **трапезьница** в значении 'столовая'.

Факт образования существительного *трапезьница* на древнерусской почве является дополнительным свидетельством того, что в монастырской среде слово *трапеза* было обычным. А это может быть при условии, если слово заимствовано изустно, но на этот раз не прямо из греческого, а через посредство болгарского языка.

Упоминается как особое монастырское помещение *поварьница*, ср. Исакии . . . по заоутрени идаше *в поварьницю*. и приготоваша (Ип. приготоваше) ѡгнъ. воду, дрова. и придаху прочии *повари* ѿ братьѣ (Л. 65 об., Ип. 72). По всей видимости, *поварьница* образовано от *поварьꙗ*, ср. князь Святоша пребꙑсть въ *поварни* г҃. лѣта (Киево-печ. пат.)[92].

Слово *поварня* и поныне встречается в отдельных говорах русского языка в значении 'кухня', 'избушка для отдыха путешественников'. В. Даль приводит поговорку: *Повар в поварне, что волк в овчарне* (делает, что хочет)[93]. Вполне понятно обозначение особого помещения для приготовления пищи словом *поварьница* по типу: *жертвьница*, *коумирьница*, *требьница* и т. д.

В целом, о монастыре под 6559 (1051) г. рассказывается: игумен же и брат(ь)ꙗ. заложиша црк҃вь велику. и манастꙑрь ѡгородиша. а съ столпьемь (Ип. ѡградиша столпъемь). кельѣ поставиша многꙑ. црк҃вь свершиша. и иконами оукрасиша (Ип. оукрасиша ю). и ѿтолѣ почаша Печерьскꙑи манастꙑрь. имьже бѣша жили черньци преже в печерѣ. а ѿ того прозвасѧ Печерьскꙑи манастꙑрь (Л. 53 об., Ип. 59 об.). Здесь перечислены в основном все монастырские здания, кроме *трапезницы* и поварницы. Из примера узнаем, что монастырь огорожен *столпьем*, или иначе —

---

[91] Другие примеры см. *Срезневский III*, стб. 985—987.
[92] *Срезневский II*, стб. 994.
[93] *Даль III*, стр. 141; *Подвысоцкий*, стр. 124; *Богораз*, стр. 109.

'тыном'. Что это было так, подтверждается местом из ЖФП, где читаем: оць же нашь Ѳеѡдосии бѣаше сице запрѣтилъ вратарю. да по отъѣдении обѣда не ѿврьзаѥть вратъ. никому-же, и никтоже пакъı да не въходитъ въ манастъıрь. дондеже боудıаше годъ вечерьнии (Усп. сб., л. 40 б., 6—13).

Ѡгородити и *ѡградити*, восходящие к **ogroditi*, независимы друг от друга в том смысле, что др.-рус. *ѡгородити* существовало наряду с ст.-слав. **оградити**. Употребление в Ип. ст.-слав. формы объясняется желаньем выражать мысль книжно. Возможно, что по-русски следовало сказать *ѡгородиша тъıнъмь*, как в другом случае: на ночь *ѡгородиша тъıном* ѡколо всего города Володимера (Л. 59 об.). Употребление в приведенном выше примере *столпьемь*, может быть обусловлено евангельским текстом Мф. XXI, 33 и Мк. XII, 1, где читаем: **человѣкъ нѣкъıи . . . насади виноградъ. и оплотъмь и огради. ископа въ немь точило. и съзъда столпъ** (Остр., л. 78 в—г). Правда, и в другом месте, относящемся к Киево-печерскому же монастырю, рассказывается: Михаль . . . давъ скочилъ (Ип. ѩко въıскочилъ ѥсть) *со столпьıа* (Ип. Р. и др.: *чресъ столпъе*) по заоутрени (Л. 64 об., Ип. 70 об.). Тут речь о том же *столпье* 'заборе'[94].

Итак, собирательное *столпье* употреблялось в значении 'тына'. В несобирательном значении *столпъ — столпи* употребляется в значнии 'столб', ср. примеры: аще кто оумраше творѧху тръıзно (Ип. тръıзну) надъ нимъ. и посемь творѧху кладу велику и възложахуть и на кладу мртвца. сожьжаху (Ип. съжигаху). и посемь собравше кости. вложаху. в судину малу. и поставѧху на *столпъ* на путех (Л. 5—5 об., Ип. 6) егда оудариша в било. видѣста г. *столпъı*. ѩко дугъı зарнъı (Л. 70, Ип. 78).

Другим словом, обозначающим 'стену, забор, тын', является *забороло*, которое в Пов. вр. л. зафиксировано всего один раз под 6606 (1097) г. идѧху стрѣлъı акъı дождь. Мстиславу же хотѧщю стрѣлити. внезапу оударенъ бъıс подъ пазуху стрѣлою. *на заборолѣхъ* сквозѣ дску скважнею. и сведоша и·и на ту нощь оумре (Л. 91 об., Ип. 93 об.).

Если *забороло* образовано, как полагают[95], от *бороться* * *zaborodlo*, точнее, видимо, от *боронь*, то этим словом первоначально обозначали 'защитную стену', 'укрепление населенного пункта'. В т. н. классических памятниках ст.-слав. письменности слова **забрало** нет. В ев. Л. XIX, 43 читаем: **ѩко приджтъ дьнье на тѧ. і обложатъ врази твои острогъ о тебѣ. и обиджтъ тѧ· і осаджтъ тѧ въсждж. і разбиjжтъ тѧ** (Мар.), греч. ὅτι ἥξουσιν ἡμέραι ἐπὶ σὲ καὶ παρεμβαλοῦσιν οἱ ἐχθροί σου χάρακά σοι καὶ περικυκλώσουσίν σε καὶ συνέξουσίν σε πάντοθεν, καὶ ἐδαφιοῦσίν σε. Здесь, как

[94] Другие примеры на употребление *столпье* 'забор, стена', см. *Срезневский III*, стб. 597.

[95] *Berneker I*, стр. 73; *Преображенский I*, стр. 240; *Фасмер II*, стр. 70 и др.

видно, χάραξ переведено словом **острогъ**, которое по значению близко к **забрало**. В Малых пророках по списку Упыря Лихого читается: и на забрала къстекѹтѣ (Иоиль II, 9), греч. ἐπὶ τῶν τειχέων. В памятниках же ст.-слав. письменности старших списков греч. τεῖχος переведено **стѣна**.

Таким образом, в древней Руси существовало *забороло*, по-видимому, как 'городская защитная стена, крепость'. Лишь в поздних памятниках церк.-слав. письменности в том же значении начинает употребляться забрало [96]. Поскольку болг. *забрало* — новое заимствование из церковных книг [97], то единственным источником слова является древнерусское *забороло*, которое в книжных оборотах речи искусственно переделывалось на неполногласную форму, что наблюдаем даже в Слове о Полку Игореве [98].

Из других видов построек в Пов. вр. л. упоминаются *одрина* и *голубьникъ* в повествовании о местях Ольги древлянам, ср.: голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своꙗ. ѡви въ *голубьники* врабьѣве же под стрѣхи. и тако възгарахусѧ *голубьници*. ѡво клѣти. ѡво вежѣ. ѡво ли ѡдринъı. и не бѣ двора идеже не горѧще (Л. 17, Ип. нет *ѡво вежѣ*, вм. *горѧще* употреблено *горѧше* (23 об.).

Одрина образовано от *одръ* 'скамья, ложе', ср. и помолившю сѧ ему. възлеже на ѡдрѣ своем (Л. 46, Ип. 50 об.); и посемь вземше и (Феодосия. — *А. Л.*) брат(ь)ꙗ несоша в кѣлью и положиша на ѡдрѣ (Л. 63, Ип. 69). По мнению В. Махека, первоначально *одръ* имело значение 'подмостки на 4-х столбиках', предназначенные для сушки (трав, рыбы, гончарных изделий и т. д.) [99]. Сущ. *одрина* образовано по типу: *хлѣвина*, *хоромина*, *хлѣзина* и т. п., со значением 'отдельное помещение', видимо, специального назначения, может быть, 'сеновал' или 'хлев'. *Одрина* известно в указанных значениях, например: **и въведи мѧ въ одрину твоѭ заблаждьшеѥ овьча** (Панд. Ант. сп. XI в.), в греч. ... εἰς τὴν μάνδρα σου — 'в стойло свое', или 'в хлев свой'. Употребление в греч. μάνδρα обусловлено словом πρόβατον — **овьча**[100]. *Одрина* зафиксирована и в значении 'сеновал'[101].

Голубьникъ 'голубятня' точно соответствует укр. *голубник* в том же значении [102].

---

[96] Slovník jaz. stsl. I. стр. 627; *Срезневский I*, стб. 896 и сл.
[97] *Berneker I*, стр. 73.
[98] *T. Čiževska.* Glossary of the Igor Tale. London—Paris, 1966, стр. 149 и сл.; *В. Л. Виноградова.* Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2. Л., 1967, стр. 94—96.
[99] *V. Machek.* O slovanskem *odru.* — Slavia, ročn. XVIII, s. 1—2, стр. 72 и сл. *Machek*, стр. 334.
[100] *Срезневский II*, стб. 621.
[101] *Срезневский II*, стб. 621.
[102] *Гринченко I*, стр. 306; Українсько-російський словник, т. I, Київ, 1953, стр. 347.

Необходимо еще упомянуть *мостъ* и *колодѧзь*, *кладѧзь*. Приведем примеры: бѧше чересъ гроблю (Ип. чресъ греблю) *мостъ* ко вра(то)мъ граднѣмъ (Ип. к воротом̄ городнѣм̄). тѣсначесѧ другъ друга. пихаху въ гроблю. спехнуша ѡльга с *мосту* в дебрь (Л. 23 — 23 об.. Ип. 29 об.); и рѣч̄ Володимеръ требите путь и мостите *мостѣ* (Ип. теребите путь и *мостѣ* мостите). хотѧшеть бо на ꙗрослава ити на сн̄а своєго. но разболѣсѧ (Л. 44 об., Ип. 48 об.); межю клѣтьми проимавше *помостъ* (Л. 45, Ип. 49); и рѣша поидем вѣ:садим̄ дружину свою ис погреба. и раздѣлишасѧ надвое половину (Ип. половина) ихъ иде к погребу. а половина ихъ иде по *мосту*. си (Ип. сии) придоша на кнѧжь дворъ (Л. 57 об., Ип. 63 об.); и бѣ:с̄ везому ему. сташа с ним̄ перешедше *мостъ*. движеньскѣи на торговиши (Ип. въздвиженьскѣ на торговищи) — Л. 88, Ип. 89 об.).

Как видно из примеров, *мостъ* и *помостъ* в том же значении, что и в современном русском языке. *Мостъ* — ‘сооружение для перехода через овраг, реку’ или ров перед городскими воротами’.

Слово *мостъ* общеславянское, из памятников ст.-слав. письменности оно встречается в Супр. напр.: **и кѣда прѣлезоша мостъ рекомъıи артемись. съвлѣкъ ризъı своѧ** (254, 12—14); **възбранıаѧхѫ имъ. ıакоже не прѣхѡдити моста** (53, 7—8); **сътвори кмоу клѣть дъвопомостиѫ и высѣчьскъı съврѣшивъ** (204, 17—19), греч. διστηγὴς ‘двойной крышей’, т. е. ‘с двойным покровом’.

В целом, *мостъ* значит ‘настил для перехода или переезда через ров, ручей, реку и т. д.’ Этимология слова бесспорно не выяснена [103]. Может быть, прав В. Махек, допускающий, что совр. слово *мостъ* отглагольное существительное от *мостити*, а первичным значением *мостъ* было так же, как и в нем. *mast* ‘жердь’; *мостити*, означало ‘гатить’ или ‘класть жердь (жерди) через (ров, речку и т. д.)’, при этом Махек приводит рус.: *мостят они мостики калиновые* [104].

Таким образом, вероятным является, что первичное значение слова *мостъ* было ‘жердь’ от герм. *mast*, от него образован глагол *мостити* ‘класть жерди, бревно, доски’, уже от последнего отыменного глагола образовалось существительное *мостъ* ‘настил’. Если вдуматься в различные значения слова *мост*, зафиксированные В. Далем [105], можно считать допущение В. Махека вполне вероятным.

В легенде о белгородском осадном сидении 6 раз упоминается слово *колодѧзь* — *кладѧзь*, причем в Л. 4 раза в полногласной форме и два раза в неполногласной, в Ип. все 6 раз — в неполногласной форме, ср. и повелѣ ископати *колодѧзь* (Ип. копати *кладѧзь*). и встави (Ип. вьставити) тамо кадь. и налıати (Ип.

[103] *Miklosich*, стр. 203; *Преображенский I*, стр. 560; *Brückner*, стр. 344; *Младенов*, стр. 305; *Holub-Kopečný*, стр. 230; *Фасмер II*, стр. 662 и др.
[104] *Machek*, стр. 305 и сл.
[105] *Даль II*, стр. 349 и сл.

налыꙗ) цѣжа кадь. и повелѣ дроугъı *колодѧзь* ископати (Ип. копати другии *клядѧзь*), и вставити тамо кадь (Ип. другую кадь)... и повелѣ росъıтити вельми (медъ — *А. Л.*) и вълыꙗти в кадь в друзѣмь *колодѧзи* (Ип. *клядѧзѣ*) — Л. 44, Ип. 48); приведоша ꙗ къ *кладѧзю* идѣже цѣжь ... поимше придоша с ними (Ип. поѥмъ ꙗ приведоша) к другому *кладѧзю* и почерпоша съıтъı ... людье же налыꙗша корчагу цѣжа и съıтъı ѿ *колодѧзѧ* (Ип. *кладѧзѧ*) — Л. 44 об., Ип. 48—48 об.).

В Похвале Борису и Глѣбу, написанной выдержанным книжным языком, также употреблена неполногласная форма *кладѧзь*, ср. радуитасѧ Борисе и Глѣбе бомдраꙗ. ꙗко потока точила ѿ *кладѧзѧ*. водъı живоноснъıꙗ. ицѣленьıꙗ истѣкають вѣрнъı̄м людемъ на ицѣленье (Л. 47, Ип. 52). Здесь *кладѧзь* — ‘источник’. В том же значении употреблено *кладѧзь* в. т. н. Корсунской легенде, где читаем: *кладѧзи* ѥже суть за тобою ѿ въстока, ис того вода идеть по трубѣ. копавъ переими (Л. 37 об., Ип. 41 об.); то же в древнерусской интерполяции в «Речь философа».: по дъıволю оученью (Ип. наоученью) ѡви рощенье (Ип. рощением) *кладеземъ* (Ип. и *кладѧзамъ*) и рѣкамъ жрах̄ (Ип. кладѧзамь жраху и рѣкамъ) — Л. 30, Ип. 36)[106].

В последних примерах *кладѧзь* употреблено в своем первичном значении ‘источник, родник.’ В таком значении *колодѧзь* было употребительно, в прошлом преимущественно в южнорусских говорах[107]. В памятниках ст.-слав. письменности первоначально различались по значению **кладязь** от **стоуденьць**, первым переводили πηγή, вторым — φρέαρ, но в дошедших до нас списках употребление этих слов в первичных значениях нарушено, поэтому они употреблены одно вместо другого или в обоих значениях оставлено одно из них, как в Зогр. — **кладязь**, а в Мар., Сав., Остр., — **стоуденьць**[108].

В связи со сказанным следует констатировать, что *кладѧзь* в значении ‘источник, родник’ в Похвале Борису и Глебу, Корсунской легенде и интерполяции в «Речи философа» не является церковнославянизмом, а представляет восточнославянское слово, употребленное в искусственно окниженной неполногласной форме.

Что касается слова *колодѧзь* — *кладѧзь* в легенде о белгородском осадном сидении, то оно употреблено в значении ‘копаный источник’, также известное в древнерусских памятниках письменности. В легенде слово *колодѧзь* — *кладѧзь* представлено именно в указанном значении, о чем свидетельствует место из легенды, где рассказывается, что белгородцы, приводя печенегов в город,

---

[106] Что это интерполяция в «Речи философа», см.: *А. С. Львов.* Исследование «Речи философа», стр. 387 и сл.

[107] *А. С. Львов.* К этимологии ст.-слав. **кладязь**.—ДСИЯ, X, стр. 45—56; *Он же.* Очерки по лексике..., стр. 137—146.

[108] Slovník jaz. stsl. II, стр. 24 и сл.; *А. С. Львов.* Очерки по лексике..., стр. 137 и сл.

говорят: что можете створити нам. имѣмъ бо кормлю ѿ землѣ. аще ли не вѣруѥте. да оузрите своими очима. и приведоша. и приведоша ѩ къ *кладязю*. идѣже цѣжь . . . (Л. 44 об., Ип. 48).

Мне представляется, что текст легенды Ип. ближе к первичному оригиналу, где читаем: повѣлѣ копати *кладязь*, т. е. ‘копать до родника’, а не ‘выкопать колодец’, как в Л. На основе этого следует склоняться к мысли, что в первичном тексте легенды всюду, как в Ип., было написано *кладязь*.

Таким образом, употребление неполногласной формы слова *кладязь* обусловлено не тем, что слово это старославянское, нет, оно восточнославянское, но по установившейся традиции письменного языка слово приспособлено по форме к книжным словам.

Слово *колодязь* — *кладязь*, как видно, имеет только косвенное отношение к рассматриваемой группе слов.

Выше привели пример, где речь идет о водопроводе: кладази ѥже суть за тобою ѿ въстока. ис того вода идеть по *трубѣ* ... (Л. 37 об., Ип. 41 об.). Здесь речь идет о корсунском водопроводе. О водопроводных трубах упоминается и в ряде других памятников письменности, ср.: **і ѥще же глѣть тѣлеси гню съвъше сънесеноу бъіти и ако сквозѣ троубоу вода ... прошьдъша** (Ефрем. кормчая, сп. XII в., л. 277а), греч. ... καὶ ὡς διὰ σωλῆνος ὕδωρ ... διεληλυνθέναι; ѡградивъ бо ѥго треми стѣнъі и гробли *въ троубахъ* текоущи водѣ всю створи ѩко истечениѥмь ветроградъі ихъ ѡбіло напаѩти (Хр. Г. Ам., л. 92) б.); и баня патриархова на палатахъ. Водъі же по *трубамъ* возведенъі. другаѩ. дождеваѩ (Хожд. Ант. Новг. в 1200 г.) и т. п.

Помимо того, в Пов. вр. л. один раз зафиксировано *труба*, как ‘оружие’. ср.: Фещфанъ же сустрѣте (Ип. оусрѣте) а въ ладехъ (Ип. въ ѡладѣхъ) со ѡгнемь. и пущати нача *трубами* ѡгнь на лодьѣ рускиѩ (Л. 10 об., Ип. 17 об.).

В памятниках ст.-слав. письменности употреблено слово **тржба** в переводе греч. σάλπιγξ, ср. **въстржбіте ... тржбож** (Син. пс. LXXX, 4), греч. σαλπίσατε ... σάλπιγγι; **вельгласънаѩ тржба тржбашти въставлѩѥтъ многъі. на въплъщениѥ рати** (Супр. 206, 22—24), греч. μεγαλόφωνος σάλπιγξ ἠχεῖν ... И в этом значении слово *труба* употреблено и в Пов. вр. л., ср.: дьіаволъ льстить ... пребавлѩѩ нъі ѿ ба *трубами* и скоморохъі (Ип. скомрахъі). гусльми и русальи (Л. 57 об., Ип. 63—63 об.). В последних примерах **тржба**, *труба* — ‘музыкальный инструмент, труба или рожок’.

В древней Руси *труба* использовалась как строительный материал, служащий для сооружения водопровода или дренажа. Археологи обнаружили в Новгороде водопроводные и дренажные трубы, датирующиеся не позднее XI в. Новгородские водопроводные трубы «изготовлялись из толстых круглых сосновых бревен, распиливавшихся вдоль пополам, затем выдалбливавшихся по длине внутри и, наконец, наглухо соединявшихся по линии распила . . . Колена труб для изоляции обматывались берестой.

Эти трубы снабжали Ярославов двор водой из ключей, бьющих и доныне» [109].

Таким образом, летописец знал, как из колодязей . . . вода идеть по *трубѣ*. Говоря иначе, в др.-рус. языке слово *труба* было известно в нескольких значениях независимо от памятников ст.-слав. письменности.

**Trǫba* считается общеславянским заимствованием из др.-в.-н. *trumba* ‘духовая труба’ или ср.-лат. *trumba*, итал. *tromba* в том же значении [110].

Остается упомянуть части строений, о которых до сих пор не говорилось. В рассказах о мести Ольги древлянам сообщается: голуби же и воробьеве полотѣша въ гнѣзда своꙗ. ѡви въ голубники. врабьѣве же подъ *стрѣхи* (Ип. подъ ѡ*стрѣхы*, в других — *застрѣхы*-) . . . — Л. 17, Ип. 23 об.). И. Срезневский зафиксировал *стрѣха*, *острѣха*, *застрѣха* в значениях ‘кровля, крыша, свес, нижний край кровли’ и др.[111] Те же формы и в тех же значениях приводит эти слова и В. Даль: *стрѣха* ‘кровля, крыша’; *стрѣха* и *застрѣха* ‘поток кровли’, нижний край; *острех* (вят.) ‘водосточный желоб под остряками’ и др.[112]; . . . полетѣша . . врабьѣве . . . подъ *стрѣхи* — можно понять ‘под крыши, под край крыши’ и т. д.

В Супр. один греч. στέγη переведено словом **стрѣха**, ср.: **нѣсмь достоинь да подъ стрѣхѫ подъидеши** (507, 2—3), приведенное представляет цитату Мф. VIII, 8 или Л. VII, 6, в первом это место читается: **нѣсмъ достоинъ да въ домъ мои вънидеши** (Ас., Зогр., Мар.), а Сав. и Остр. — **подъ кровъ** (**вънидеши**); Л. VII, 6 во всех упомянутых списках: **подъ кровъ мои вънидеші**, греч. οὐκ εἰμὶ ἱκανὸς ἵνα μου ὑπὸ τὴν στέγην εἰσέλθῃς. Поскольку в приведенных цитатах под στέγη понимается в целом ‘жилье’, то вполне понятно употребление вместо **кровъ** слова **домъ**. В Супр. **кровъ**, как отметил еще В. Ягич, заменено словом **стрѣхѫ**[113]. В примере же, приведенном выше из Пов. вр. л., речь идет только о кровле, крыше. В этом смысле невозможно наблюдать, какую-либо зависимость летописного *стрѣха*, *острѣха*, *застрѣха* от **стрѣхѫ** из Супр. Кроме того, *strěcha* — общеславянское слово [114].

Под 6579 (1071) г. читаем, что некий новгородец пришел в Чюдь к кудеснику: Новгородцю же сѣдящу *на порозѣ* (Р. *празѣ*) тоꙗ храминꙑ. кудесникъ же лежааше ѡцѣпъ. и шибе имъ бѣсъ (Л. 60, Ип. 66). Это единственный пример, в котором встречается слово *порогъ* — *прагъ*. Поскольку во всех списках читается *хра-*

---

[109] *Н. Н. Воронин.* Поселение. «История культуры древней Руси», т. I, стр. 196.
[110] *Vasmer III*, стр. 142.
[111] *Срезневский III*, стб. 572; II, стб. 744; I, стб. 949.
[112] *Даль IV*, стр. 339; II, стр. 706.
[113] *V. Jagić.* Указ. соч., стр. 356.
[114] *Преображенский II*, стр. 405; *Фасмер III*, стр. 776 и сл.

мина в неполногласной форме, видимо, и *порогъ* первоначально во всех списках как в Р. и А. было *прагъ*. Так как речь идет о деревянном брусе на полу под дверью, то позднее писцы *на празѣ* легко переосмыслили как *на порозѣ*. **Прагъ** зафиксирован и в памятниках ст.-слав. письменности, ср.: **помазаҳъ прагы двьрии** (Клоц. 6 б, 34), перевод греч. ἐπέχρισαν ταῖς φλιαῖς τῶν θυρῶν. Как видно, здесь **прагы** — 'дверные косяки'; **и оустъı акъı прагы назнаменаıжште. оубѣжатъ оржжиа** (Супр. 332, 24) и здесь в греч. φλιά 'косяки'.

Однако во всех славянских языках *порогъ—прагъ* известны в значении 'бруса под дверью'. В приведенных же примерах из Клоц. и Супр. **прагы-** 'косяки', возможно, какой-то диалектизм. В примере из Пов. вр. л., где употреблено *порогъ—прагъ* несомненно некнижное слово.

Кроме того, слово *порогъ* только в полногласной форме употреблено в Пов. вр. л. в значении 'каменистое возвышение речного дна', например: се печенизи (печенѣзи се), заступиша *пороги* (Ип. — гъı). и приде Свѫтославъ къ *порогомъ*. и не бѣ льзѣ проити *порогъ* (Ип. *пороговъ*) — Л. 23, Ип. 29); и поидоша на конихъ. и в лодьıхъ. и придоша ниже *порогъ*. и сташа в протолчех в Хортичем ѡстровѣ (Л. 93 об. Ип. 95 об.).

По происхождению *порогъ* (двери) и *порогъ* (реки) — одно и то же, но рано разошедшиеся в значениях. Думается, что в самом первичном тексте Пов. вр. л., когда упоминались Днепровские пороги, это слово передавалось в полногласной форме, потому что памятникам ст.-слав. письменности они не были известны под таким названием в форме **прагъ**.

Упоминается *приспа*, правда, не в значении 'завалина при избе, хате', ср. Володимеръ же ѩзрѧди воıа своѭ. и повелѣ *приспу* съıпати к град. Сим же спущимъ. корсунѧне. подкопавше стѣну градьскую. крадѧху съıпленую перьсть. и ношаху к собѣ в град. съıплюще посредѣ града. вои же присъıпаху боле (Ип. 41 об., Л. 37 об.,) в последнем нет: *приспу* съıпати); Володимеръ. постави же црквь в корсунѣнѣ (Ип. в Корсунѣ) на горѣ. иже съсъıпаша средѣ града кридуще (Ип. крадуще) *приспу* (Л. 40, Ип. 44).

Вероятно, укр. *приспа*, переосмысленное как *призьба*, южнорус. *призба* 'завалинка' восходят к др.-рус. *приспа* < *присъıпа*, потому что *завалинка* и есть *присыпка*. В приведенных же примерах из Пов. вр. л. речь идет не о завалинке, а о возведении насыпи, вала к городским стенам с целью преодолениях их. Правда, и *завалинка* — 'насыпь'.

В Пов. вр. л. строго различаются *двьри* и *врата — ворота*. Первым словом обозначается 'створ для закрытия входа в помещение' ср. и приде — Ѩрополкъ къ Володимеру. ѩко же полѣзе *въ двери*. и подъѩста и два варѧга мечьми подъ пазусѣ. Блудъ же затвори *двери* (Л. 24 об., Ип. нет); и поидоша по келıѭмъ вѣсѣ-

кающе *двери* ... придоша к цркви и зажгоша *двери* еже къ оугу оустроени (Л. 77 — 77 об., Ип. 85 об.); затворѧше *двери* печерѣ (Л. 62 об., Ип. 68 об.) и др. *Ворота — врата* употреблены в значении 'затвора проезда во двор, город' и т. д., ср. заложи црквь на *воротѣхъ* городнѣихъ. (Л. 70, Ип. 77 об.); и поставиша (половцы. — *А. Л.*) стѧга два пред *вратъı* (Ип. *воротъı*) манастъıрьскъıми... безбожныѣ же... въıсѣкоша *врата* манестъıрю (Л. 77, Ип. 85 — 85 об.); соступишасѧ ѡ нихъ горѣı полунощьнѣıѧ ... и створиша *врата* мѣденаѧ (Л. мѣдѧна) — Ип. 86 об., Л. 85 об.) — последний пример цитата из Откровения Мефодия Патарского; ѡтворим *врата* граду (Ип. *ворота* городу). — Л. 90, Ип. 92) и др.

В памятниках ст.-слав. письменности употребление **двьрь** и **врата** обусловлены греч. θύρα и πύλη. Так, Мф. XXVI, 71, читается: ἐξελθόντα δὲ εἰς τὸν πυλῶνα εἶδεν αὐτὸν ἄλλη, которое в переводе звучит: **ішьдъшоу же емоу въ врата. оузрѣ и дроугаѣ** (Мар., Зогр., Ас., Сав.; — **прѣдъ врата** Остр.); Л. XVI, 20: πτωχὸς δὲ τις ὀνόματι λάζαρος ἐβέβλητο πρὸς τὸν πυλῶνα αὐτοῦ εἱλκωμένος, перевод: **ніштѣ же бѣ етеръ именемъ лазоръ. іже лежѧше. при вратѣхъ его гноінъ** (Зогр., Мар., Ас., Сав., Остр.). Здесь, пожалуй, уместнее было бы **прн двьрьхъ**, так как дальше говорится: **і желѣıѧ насъıтити сѧ. отъ кроупиць падаѧштиіхъ. отъ трепезъı богатаѧго.** Разумеется, крохи не падают за ворота, но греч. πρὸς τὸν πυλῶνα требовало употребления **при вратѣхъ**. И. XVIII, 15—16: καὶ συνεισῆλθεν τῷ Ἰησοῦ εἰς τὴν αὐλὴν τοῦ ἀρχιερέως, ὁ δὲ Πέτρος εἱστήκει πρὸς τῇ θύρα ἔξω, перевод: **і ѥıниде съ ісомь. въ дворъ архиереовъ. Петръ же стоѣше при двьрехъ вънѣ** (Зогр., Ас., Остр., Сав.: **прѣдъ вратъı.** По смыслу во всех должно быть как в Сав.: **прн** или **прѣдъ вратъı.**

Как видно, летописец не следует за памятниками ст.-слав. письменности и поэтому *двьрь* и *ворота*, *врата* употребляет согласно их значению и роли.

Словом *оконьце* обозначается 'дыра, щель', и 'окошко': в горѣ тои просѣчено ѡконце мало. и тудѣ (Ип. туда) молвѧть. и есть не разумѣти ꙗзъıку ихъ (Л. 85, Ип. 86) — это пересказ из Откровения Мефодия Патарского; призвавше лестью к ѡконцю пронзуть и (Всеслава, сидящего в порубе. — *А. Л.*) мечемь (Л. 58, Ип. 63 об.), — здесь речь об окошке поруба; Исакии затворисѧ в печере ... та же чересъ днь водъı в мѣру пъıѧше. приносѧшеть же ему великъıи Антонии. и подаваше ѥму ѡконцемъ (Ип. ѡконьцемь). — Л. 64 об. — 65, Ип. 71) и др., но соответствуют примеры, в которых речь шла бы об окнах хорома, церкви. Археологи отмечают, что *оконьца* были малого размера, волоковые [115]. В более позднее время начинает употребляться и *окъно*, ср. под (1259) г. у церкви: ѡкъна .г. оукрашена. стеклъı

[115] *Н. Н. Воронин.* Жилище, стр. 216 и сл.

римьскими (Ип. 281 об.). В памятниках ст.-слав. письменности **окъньце** не зафиксирована. В церкв.-слав. апокрифическом Никод. ев.: **и затвориша и в темници еиже не бѣ оконца**[116], перевод лат. *fenestra*.

Окъно — образование от *око*, к которому присоединен суф. *-но*, перенос ударения *ôко* > *окънó* редуцировало *о* в слоге *-ко*. Такого же образования *дъно* < *дъ̀b-пó*, *роуно*, *сѣно* и т. д. Наличие *оконьце* < *окъньце* в ранних записях не позднее XI в. свидетельствует, что слово *окъно* существовало раньше слова *оконьце*, потому что последнее как уменьшительная форма могла образоваться только от первого *окъно*.

Составной частью *хорома* или *истъбы* является *печь*, *пещь*, но об этом слове сказано выше.

Упоминается *притворъ* как часть церкви, ср.: влѣзше *в притворъ* (Ип. *оу притворъ*) оу гроба Ѳеѡдосьева. емлюще иконы зажигаху двери (Л. 77 об., Ип. 85 об.); его же (Яня. — *А. Л.*) и гробъ ес(ть) в Печерьском манастыри *в притворѣ* идеже лежить тѣло ѥго положено (Л. 95, Ип. 96 об.).

Слово *притворъ*, как название части церкви, надо полагать, заимствовано из памятников ст.-слав. письменности, в которых этим словом переводили греч. στοά, ср. И. X, 23: **и хождаше и҃съ въ цр҃кви. въ прітворѣ соломони** (Ас., Сав., Остр., Зогр., Мар.), греч. ... ἐν τῇ στοᾷ τοῦ ϲολομῶνος; И. V, 2: **естъ же въ ерл҃мѣхъ на овчіи кѫпѣлі. ѣже наріцаеть вітезда. пѧть притворъ имѫщті** (Ас., Остр., Зогр., Мар.), греч. ...πέντε στοὰς ἔχουϲα. Словом *притворъ* позже стали передавать и греч. πραιτώριον, которое первые переводчики оставили непереведенным. Уже в Зогр. один раз И. XVIII, 28 вместо **прѣторъ** читается **притворъ**, ср. **вѣсѧ же і҃са отъ каіафы. въ прѣторъ. бѣ же заоутра. і ти не вънидѫ въ притворъ** (в Ас., Сав., Остр. **въ прѣторъ**, согласно греч. οὐκ εἰσῆλθον εἰς τὸ πραιτώριον. По поводу этого случая употребления **притворъ** вместо **прѣторъ** Ягич пишет, что «по-видимому, славянизирование заимствованного (чужого, *fremden*) слова»[117]. В значении πραιτώριον древнерусские книжники и духовенство усвоили слово *притворъ*, поэтому в древнерусских оригинальных памятниках письменности не встречается *преторъ*, хотя[118] последнее было известно, например, в евангелиях, см. Остр. лл. 179 б, 181 б, 187 г.

Слова *древѧнъ*, *каменъ* свидетельствуют, что основным строительным материалом были дерево и камень, ср. видѣхъ *банѣ древѧны* (Ип. 5, Л. 3 об.). Конечно, глагол *рубити* (что?) также свидетельствует о том, что строительным материалом являлось

---

[116] *A. Vaillant.* L'évangiel de Nicodime. Texte slave et text latin. Geneva—Paris, 1968, стр. 34.

[117] *V. Jagić.* Указ. соч., стр. 317; *Он же*: Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883, стр. 561.

[118] *Срезневский III*, стб. 1376 и 1477 и сл.

дерево, ср.: вѣı плотници суще. а приставимъ вѣı хоромомъ Ип. хоромъ) *рубити* (Л. 48 об., Ип. 53 об.); повелѣ *рубити* цр҃кви (Л. 41, Ип. 44 об.).

Далее ср.: бѣ бо ту теремъ *каменъ* (Л. 15, Ип. 22); заложи.. по семь церьк҃вь на златѣıхъ вратѣхъ *камену* (Ип. 56 об., Л. 51 об.); заложи... городъ *каменъ*. и строеино (Л. строюєные) банное *камѧно* (Ип. 77 об., Л. 70) и др.

Упоминается *мраморъ — мороморъ*, *злато*, *сьребро* в качестве строительного материала. *Мраморъ* — только по отношению к ракам, ср.: положиша и в рацѣ *мороморѧнѣ* (Л. 54 об., Ип. 66 об.), положиша тѣло его... в раку *мраморѧну* (Л. 68, Ип. 7б) и др. *Мороморъ* — мнимый восточнославянизм — признается заимствованным из греч. μάρμορος, однако это слово употребляли в неполногласной форме в подражание церковным книгам, хотя в памятниках ст.-слав. письменности оно не зафиксировано. Впоследствии полногласная форма, видимо, как искусственная, вышла из употребления[119]. Заложи... цр҃квь на *золотѣıхъ* воротѣхъ (Ип. *златѣıхъ* вратѣхъ) — Л. 51 об., Ип. 56 об.); цр҃кви юже созда самъ. оукраси ю *златомь* и *сребромь* (Л. 52, Ип. 57 об.); показати имъ ... полатѣı *златѣıѩ* (Ип. 15, Л. нет) и др.

Во всех примерах *злато — золото*, надо полагать, выступает как украшение. По отношению к церквям, полатам выдержанно употребляется неполногласная форма *злато*, по вполне понятным причинам — эти сооружения необычные. *Золотѣıѩ*, или *златѣıѩ ворота*, *врата*, возможно, также были украшены или покрашены золотой краской, так же как и «оукраси ю (церковь. — *А. Л.*) *златомь* и *сребромь*».

В цитате из Откровения Мефодия Патарского читается *врата мѣденаѩ* (Л. *мѣдѧна*). — Ип. 86 об., Л. 85 об.), однако это относится к фантастическим сообщениям. В Пов. вр. л., а также в Материалах для словаря древнерусского языка И. Срезневского отсутствуют примеры, свидетельствующие о применении меди и железа в строительстве зданий, хотя названия этих металлов и зафиксированы. Свинец применялся в украшении церквей [120], но в Пов. вр. л. название этого металла не встречается. Из деревянных изделий упоминается *доска*, ср.: внезапу оударенъ бѣı҃с подъ запаху стрѣлою. ѣа заборолѣхъ сквозѣ *дс҃ку* скважнею (Л. 91 об., Ип. 93 об.); и снемше *доску* с печи възложиша на перси ѥго (Л. 88, Ип. 89 об.). Доски применялись, как видно, в строительстве заборол и, видимо, еще в устройстве лежанки (?) над печью. **Дъска** в различных значениях много раз упоминается в памятниках ст.-слав. письменности [121]. Однако нет оснований

---

[119] *Преображенский I*, стр. 564 и сл.; *А. А. Шахматов.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915, стр. 152; *Фасмер II*, стр. 668.
[120] *Срезневский III*, стб. 273.
[121] Slovník jaz. stsl. I, стр. 535.

признавать, что в Пов. вр. л. это слово церковнославянизм. *Дъска* в древнерусском языке является праславянским наследием, как и в памятниках ст.-слав. письменности. Происхождение слова бесспорно не установлено, хотя почти все исследователи этого слова склоняются к тому, что оно заимствовано из лат. или греч. языка [122].

Для обозначения процесса строения, возведения чего-либо употребляются разные глаголы, так: *ископа* печеру (Л. 53 об., Ип. 59); *ископаша* печеру велику и црквь и кѣльи. ѣже суть и до сего дне (Л. 53, Ип. 59); и повелѣ *ископати* колодязь (Ип. *копати* кладязь) — Л. 44, Ип. 48); повелѣ *ископати* ѣмоу . . . на дворѣ (Л. 15 об., Ип. 22). Если первоначально в предпоследнем примере было *копати*, тогда позже глагол переделали на *ископати*, придав тем самым ему книжную форму вместо ожидаемого для восточнославянского *съкопати*.

Таким образом, *ископати* употребляется в книжной форме так же, как **ископаша ровъ** (Супр. 5, 12); **коренiе ископати** (Супр. 357, 14) и др.

Кельѣ *поставиша* многъı (Л. 53 об., Ип. 59 об.); инъı цркви *ставлаше* по градомъ и по мѣстомъ (Л. 52, Ип. 57 об.); *поставиша* црквьцю (Ип. церьквицю) малу надъ пещерою (Л. 53 об., Ип. 59); *постави* градъ (Ип. *городъ*) Юрьевъ (Л. 51, Ип. 56); ѡлегъ нача городъı *ставити* (Л. 8, Ип. 9) и т. п. По всей видимости, первоначально глагол *поставити* употреблялся по отношению к шатру, ср.: повелѣ *поставити* шаторъ свои [123], а затем *поставити* (городъ) в смысле ‘крепость’, а позже и церковь, келью и т. д.

В памятниках ст.-слав. письменности глагол **поставити, ставити** в значении ‘строить, воздвигать’ не зафиксирован.

Упоминается *строєньe* баньноє (Л. 70, Ип. 77 об.), сам глагол в том же значении зафиксирован позже, ср.: и присылаше к нему розирала нарадъ єго. и како *строить* городъ (Л. 110) [124]. В памятниках ст.-слав. письменности **строити, строєнiе** известно только в значении ‘управлять, управление’, ср.: **не възможеши бо къ томоу домоу строити** (Л. XVI, 2 Мар., Зогр.), греч. οὐ γὰρ δύνῃ ἔτι οἰκονομεῖν; **твоєѭ дръжавоѭ дръжиши тварь. і твоимь промъıшленiемь. строиши весь миръ** (Син. тр. 3 б., 22—25), греч... καὶ τῇ σῇ προνοίᾳ διοικεῖς τὸν κόσμον; **строити рамѣньскѫ власть** (Супр. 281, 22), греч. διέπειν; **рамѣньскѫ** — τῶν ἀρμενίων, т. е. армянскую, и др. Значение ‘привести в порядок’, отсюда и ‘управлять, управление’. Последние значения в словах *строити, строение* — первичные, а значение ‘въз-

---

[122] *Miklosich*, стр. 54 и сл.; *Преображенский I*, стр. 192; *Berneker I*, стр. 246 и сл.; *Brückner*, стр. 88; *Младенов*, стр. 157; БЕР, стр. 466; *Machek*, стр. 84; *Sławski I*, стр. 144 и сл.; *Фасмер I*, стр. 532 и сл.

[123] *Д. И. Абрамович.* Указ. соч., стр. 10; *Срезневский II*, стб. 1257.

[124] *Срезневский III*, стб. 554.

двигать' представляет дальнейшее развитие значения 'упорядочение, упорядочить'. Таким образом, *строити* и *строеньє*, несмотря на то, что последнее имеет книжную форму, в значении 'воздвигать' (здание) является восточнославянским словом.

Также восточнославянским является *рубити* в значении 'строить, воздвигать', ср. повелѣ *рубити* црькви. и поставлѧти по мѣстомъ. идеже стоѩху кумири (Л. 41, Ип. 44 об.); вѣ плотници суще. а приставимъ вѣ хоромомъ (Ип. хоромъ) *рубити* нашимъ (Ип. нашихъ) — Л. 48 об., Ип. 53 об.); Стополкъ же повелѣ *рубити* городъ на Вѣтечевѣ холму (Л. 76, Ип. 84) и др. Первичное значение *рубити* 'сечь'; *рубити* хоромъ 'строить из бревен, укладывая бревно на бревно, плотно сшивая сруб в углах'.

Памятники ст.-слав. письменности не фиксируют слова **ржбити**.

Более употребительны в значении 'строить, строение' слова с корнем *зьд-*, ср. примеры: Володимеръ помѣисли *создати* црьквь... и наченшю *здати* и ѩко сконча *зижа* оукраси ю иконами (Л. 42, Ип. 45 об.); аще бо ѡдолѣю сему *сзижю* црьквь... и пришедъ Тьмутороканю заложи црьквь... и *созда* ю ѩже стоить и до сего дне. Тьмуторокани (Л. 50, Ип. 55); престависѧ Володимеръ снъ Ирославль. старъ Новѣгородѣ. и положенъ бѣіс в стѣи Соѳьи юже бѣ самъ *создалъ* (Л. 54 об., Ип. 60); положиша и ... в црькви... юже самъ началъ *здати* (Л. 69 об., Ип. 76 об.); бѣ бо тогда многа *зданьѧ* въздвиже (Л. 70, Ип. 77 об.); оукраси городъ Переѧславьскѣіи *зданьи* црквнѣіми. и прочими *зданьи* (Ип. 77 об., Л. 70) и др.

Слова с корнем **зьд** — широко употребительны в памятниках ст.-слав. письменности, например: **на зъдѣ** (Син. пс. CI, 8), ἐπὶ δώματος; **каково зъданиє** (Мк. XIII, 1 Зогр., Мар.). ποταποὶ οἰκοδομοί; **сталъпъ съзъдати** (Л. XIV, 28 Зогр. Мар.), πύργου οἰκοδομῆσαι; **чкъ начѧтъ зъдати** (Л. XIV, 30 Зогр., Мар.), ὁ ἄνθρωπος ἤρξατο οἰκοδομεῖν; даже: **тъı своєѭ прѣмѫдростиѭ. созъдалъ єси чка** (Син. тр. 57 б, 18—19), σὺ τῇ σοφίᾳ ἔπλασας τὸν ἄνθρωπον; **отъ начѧла съзъданию** (Мк. X, 6 Мар., Зогр.), ἀπὸ δὲ ἀρχῆς κτίσεως; **нє чти мєнє бєчьствоуѧ съзъдателѧ** (Супр. (510, 12—13), ἀτιμαζωνκτίστης '(ваятель (создатель)' и т. п.

Все слова с корнем *зьд* — в Пов. вр. л. — книжные, заимствованные из памятников ст.-слав. письменности, поэтому они, эти слова, встречаются только в абстрагированном значении 'строить, строение' и никаких других конкретных значений, как например, слов. *zid*, с.-хорв. *zid*, чеш. *zed* 'стена', словн. *zidati* 'возводить стену', болг. *зидар*, с.-хорв. *zidar*, чеш. *zednik* 'каменщик', пол. *zdun* 'горшечник' [125] — в восточнославянских языках

[125] *Преображенский I*, стр. 246; *Фасмер II*, стр. 89; *Brückner*, стр. 650; *Machek* [2], стр. 714; *Младенов*, стр. 191.

отсутствуют. Этот факт является убедительным в пользу мнения, что все слова с корнем *zid-* в восточнославянских языках заимствованные, а не праславянское наследие.

Итак, дневнерусский язык обладал собственной лексикой, обозначающей процессы строительства. Кроме приведенной лексики, употреблялись и другие, обозначающие начало строительства, как: *заложи* цр҃квь (Л. 70, Ип. 77 об.); град *бѣ заложилъ* каменъ (Л. 70, Ип. 77 об.); то *єсть* ѡснова́лъ цр҃квь (Л. 70, Ип. 77 об.); *ѡснована* бы҃с҃ цр҃кы печерьскаа (Л. 61 об., Ип. 67 об.); *почата* бы҃с҃ церкы печерьскаѧ (Л. 66 об, Ип. 74) и т. п.

Однако на всю восточнославянскую лексику, характеризующую строительное дело, наслаивается книжная лексика с корнем *зьд-*, которая в основном терминологизировалась.

Из специалистов — строителей упоминаются *плотьникъ* и *мастеръ*, ср. вы *плотници* суще поставимъ вы хоромомъ (Ип. хоромъ) рубити нашимъ (Ип. нашихъ). — Л. 48 об., Ип. 53 об.); Володимеръ помы҃сли создати цр҃квь... послав приведе ѧ (в Ип. нет ѧ) мастеры ѿ грекъ (Л. 42, Ип. 45 об.).

Плотникъ — образование от корня *plet-ǫ / plot-ъ*. Первоначальная функция плотника, как видно, сводилась к плетению стены, забора. Как известно, древнейшим жильем славян была полуземлянка с плетеными и обмазанными глиной стенами [126]. Слово *плотьникъ* [127] — только восточнославянское. В памятниках ст.-слав. письменности первоначально греч. τέκτων было оставлено без перевода. См. Мф. XIII, 55; Мк. VI, 3 (Зогр., Мар.), I посл. коринф. III, 10 [128]. Уже в Супр. греч. τέκτων переведено словом **дрѣводѣлѧ**, ср.: **комоу же се. не семоу ли дрѣводѣли іѡсифоу** (246, 12—13) [129]. Так и поныне в болг. *дърводелец*, с.-хорв. *drvodjelja* 'плотник, столяр'.

По-видимому, слово *плотьникъ* было более употребительным в северно-русских областях, потому что этого слова ныне не знают укр. и белр. языки. В Новгороде был специально плотничий конец — *плотьникы* или *плотьници*, ср. загорѣ҃с Ондрѣшковъ дворъ *въ плотникѣхъ* (Новг. I лет., л. 166).

Приведенный выше пример, в котором зафиксировано слово *мастеръ* в значении 'искусный ремесленник', приведен под 6496 (989) г. Было ли уже в конце X в. в древнерусском языке это слово, мы не знаем. Поскольку *мастеръ* в устной речи переделан на *мастак*, которое одинаково известно всем трем восточнославянским языкам в диалектном употреблении, свидетельствует о раннем его заимствовании. Кроме того, *мастеръ* было широко

---

[126] *Н. Н. Воронин.* Указ. соч., стр. 205; *Л. Нидерле.* Указ. соч. стр. 248 и сл.
[127] Другие примеры см. *Срезневский II*, стб. 969.
[128] *V. Jagić.* Указ. соч., стр. 320.
[129] Другие примеры см. Slovník jaz. stsl. I, стр. 524.

употребительным словом в памятниках древнерусской письменности [130].

Едва ли подлежит сомнению существующее мнение, что слово *мастеръ* было восточнославянским заимствованием. В памятниках ст.-слав. письменности это слово не встречается. Однако, источник, или язык, из которого древнерусский язык заимствовал слово *мастеръ*, остается неясным [131].

Рассмотренный в данной главе лексический материал позволяет констатировать:

1. В названиях жилых и других помещений или сооружений преобладают восточнославянские слова, которые имеют себе соответствия и в южнославянских языках, как: *хоромъ — храмъ*, *колодѧзь — кладѧзь*, *порогъ — прагъ*, *ворота — врата*, *золото — злато*, *печь — пещь*, *печера — пещера* и т. д. В ряде случаев, по-видимому, наблюдается сознательное варьирование употребления народных восточнославянских форм с книжными. В таких случаях это варьирование, как *колодѧзь — кладѧзь*, *печь — пещь*, *печера — пещера* и т. д. — не объяснимо или не удается достичь причин, обусловивших это варьирование. В данном случае допустимо только предположение, что нормой письменного языка являлись книжные, старославянские формы, но книжники или писцы не всегда помнили это правило.

В других случаях употребление, например, *храмъ* и *хоромъ*, *порогъ — прагъ*, *забрало — забороло*, *злато — золото* можно объяснить тем, что когда речь шла об обычных житейских явлениях, то употреблялись полногласные формы, а когда же речь шла о религии, христианстве, летописец старался писать только книжными словами, в связи с чем исконно восточнославянские слова принимали книжную форму.

2. Т. н. чистых, бесспорных книжных слов употреблено немного, к ним относятся: *жилище*, *капище*, *келыа*, *манастъıрь*, *притворъ*, *трѧпезьница*, *церкъı*, вероятно, еще: *домъ*. Употребление большинства их обусловлено с такими названиями объектов, которых не было на Руси, как *церковь*, *монастырь*, *келья* и т. д. Употребление же *жилище*, *домъ* обусловлено влиянием книжного языка.

3. Большинство слов, обозначающих строителей и процесс строительства, восточнославянское. Однако по отношению воздвижения церквей и монастырей летописец предпочитает употреблять книжные слова с корнем *zid-*.

---

[130] *Срезневский II*, стб. 115 и сл.
[131] *Преображенский I*, стр. 515; *Фасмер II*, стр. 578.

Глава IV

ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ, ОХОТУ, РЫБОЛОВСТВО И ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ

Сюда прежде всего относится *орати* 'пахать', ср. примеры: инъ же законъ. Гилиѡмъ. женꙑ оу нихъ ѡрють. и хоромꙑ (Л. храми) зижють. и мужьскꙑꙗ (Л. мужьскаꙗ) дѣла творѧть (Ип. 7, Л. 5 об., — цитата из Хр. Г. Ам.); оже лошади жалуете (Ип. ѡже смердовъ жалуете и ихъ конии) еюже то ѡреть. а сего чему не промꙑслите ѡже то начнеть ѡрати смердъ. И приѣхавъ половчинъ оударить и стрѣлою. а лошадь ѥго поиметь ... (Л. 93 об., Ип. 99); се нѣкто землю разорить (Ип. разореть). другꙑи же насѣеть. ини же пожінають. и ꙗдать пищю бескудну. тако и сь. ѡщь бо сего Володимеръ взора (Ип. землю разора). и оумꙗчи (Ип. оумꙗгчи) рекше крщньемь просвѣтивъ. сь же (Ип. сии же Ꙗрославъ снъ Володимерь) насѣꙗ книжнꙑми словесꙑ сръдца вѣрнꙑхъ людии. а мꙑ пожинаемъ оученье приѥмлюще книжное (Л. 51 об., Ип. 57) и др. В последнем примере описание сельскохозяйственного процесса: *землю разореть — насѣеть — пожінають*, приведено для сравнения и популярного изложения хода распространения христианства на Руси.

Интересующий глагол *орати* относится к III классу, о чем свидетельствуют написания ѡрють, ѡреть. По-видимому, и в ст.-слав. он относился к тому же классу, о чем можно догадаться из написания Л. XVII, 7 **орѫшть** в Мар., хотя в остальных: Ас., Сав., Остр., Зогр. написано **орѫшть** или **орѫщꙋ**, что, надо полагать, отражает восточноболгарское неразличение ѫ и ѫ. Написание в Вук. ев. орѥцꙗ и пасоуцꙗ (л. 122 г.) показывает, что в южнославянских языках существовала форма *орити* (IV класса). И. Срезневский эту же форму в виде причастия **орѧн** приводит из Пандектов Антиоха сп. XI в. и Изборника 1076 г.[1] Написание в Л. *разорить* (Ип. *разореть*) возможно объяснить двояко: 1) это написание отражает книжную южнославянскую форму; 2) она, эта форма, образовалась в результате контаминации с глаголом *орити — разорити* 'разорять'. Укр. *розорити*[2] подкрепляет вторую догадку.

Глагол *орати* — общеславянский, представляющий индоевропейское наследие[3]. Поскольку **ort-* было с восходящим ударением,

[1] *Срезневский II*, стр. 704.
[2] *Гринченко IV*, стр. 54.
[3] *Преображенский I*, стр. 655 и сл.; *Фасмер III*, стр. 148 и сл.

то общеславянским же является и *рало* 'орудие для пахоты', восходящее к **ort-dlo*. В Пов. вр. л. это слово зафиксировано один раз в предложении: (Сѧтославъ) иде на Ѡку рѣку и на Волгу. и налѣзе вѧтичи. и рѣч вѧтичемъ. кому дань даете. ѡни же рѣша (Ип. рекоша) козаромъ по щьлагу. и ѿ *рала* даемъ (Л. 19, Ип. 25 об.). Несколько ниже читаем: В сем же лѣтѣ и вѧтичи побѣди (Володимеръ). и възложи на нь (Ип. на нѧ) дань. ѿ *нѧоуга* (Ип. Р. А. и Н. *плуга*) ꙗкоже ѡць его имаше (Ип. ималъ) — Л. 26, Ип. 32, Н. 45 об.). Слово *плоугъ* обычно и в Рус. Пр., ср. ст. 57: нъ ѥже далъ ѥмоу гснъ *плоугъ* и бороноу ... тъ погоубивъши емоу платити (л. 623 об.)[4].

Рало в памятниках др.-рус. письменности встречается мало, гораздо чаще вместо него употребляется слово *плоугъ*. По крайней мере, последнее слово обычно в памятниках XII —XIII вв.

Написание в Л. *нѧоуга* вместо *плоуга* не объяснено. Ф. П. Филин признает его появившимся в результате описки [5]. Не исключено и другое объяснение: слово в первоначальном тексте могло быть написано глаголицей ⱋⰰⱁⱁⱆⰳⰰ. При переписывании кириллицей писец глаголическое *п* принял за *н* (Р), а *л* за ѧ (Ѫ).

Происхождение слова *плоугъ* считается спорным. Одни признают его заимствованным из др.-в.-н. *Pflug* 'плуг' [6], а другие, наоборот, допускают, что германское *pflug* заимствовано из славянского [7]. По всей видимости, первоначально слово *плоугъ* было известно западнославянским языкам и части восточнославянских диалектов, преимущественно южных. В связи с этим не исключено, что правы первые, потому что считается установленным появление плуга и сохи в Средней Европе еще в эпоху бронзы [8], а по данным памятников письменности на Руси слово *плоугъ* стало употребляться едва ли ранее XI в. До этого, вероятно, употреблялось *рало*. По крайней мере, летописец в ответе вятичей Святославу употребил слово *рало*, а в ответе тех же вятичей Владимиру — *плоугъ* в одном и том же значении 'орудие пахоты'.

Заметим, что слово *соха* в Пов. вр. л. не зафиксировано. Кажется, впервые оно записано в виде *соши* в берст. гр. № 68, датируемой стратиграфически XIII в., в предложении: буть тамо ли в *соши*, которое А. В. Архицовский понимает: «будь там или в сохе». «*Соха*, вероятно, пахотный участок», — заключает автор [9].

---

[4] Другие примеры см. *Срезневский II*, стб. 971.
[5] *Ф. П. Филин.* Лексика рус. лит. яз., стр. 141.
[6] *Преображенский II*, стр. 78; *Фасмер III*, стр. 287.
[7] *Machek*, стр. 378 и сл.; *В. В. Мартынов.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры, стр. 175—178.
[8] *П. Н. Третьяков.* Сельское хозяйство и промыслы. «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 56.
[9] *А. В. Арциховский.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954, стр. 68—70.

Слово *ролыа* в Ип. зафиксировано дважды, а в Л. один раз и то, кажется, в испорченном тексте, ср. почаша думати и глти дружина Стополча. ꙗко негодно нꙁінѣ веснѣ ити хочем на смердꙑ и погубити ѣ и *ролью* ихъ (Л. 93 об.). Это место в Ип. читается так: нача глти брату своему Стополку. понужаꙗ его на поганꙁыꙗ на весну. Стополкъ же повѣда дружини своеи рѣчь Володимерю. ѡни же рекоша не веремѧ нꙁінѣ погубити смерьдꙁі ѿ *рольи* (Ип. 99), там же ниже: и рече Володимеръ. како ꙗ хочю молвити. а на мѧ хотѧть молвити твоꙗ дружина и моꙗ. рекуще. хощеть погубити смердꙁі и *ролью* смердомъ (Ип. 99). Здесь *ролыа* 'пашня, весенняя пахота'.

По мнению А. М. Селищева, при образовании с суффиксом *-lьia* **ort-* пережило изменение тона и вместо восходящей интонации появилась нисходящая, поэтому в восточно- и западнославянских языках **ort-* дало *rot-*, **ort-* + *lьia* > *rolьia*: *ролыа* [10], отсюда и прилагательное *ролеинꙁіи*, ср. аже межю перетнетъ борътьноую. или *ролѣиноую* розореть ... то .вї. грвнѣ (Рус. Пр., ст. 72, л. 621).

В Пов. вр. л. не зафиксировано слово *рольникъ* или *ральникъ* в значении 'земледелец', вместо него, как видели, употреблено слово *смердъ* (Об этом слове см. главу V). Правда, *ратаи* зафиксировано в «Речи философа»: бѣ каинъ *ратаи* (Л. 29 об., Ип. 35, Н. 50 об.). «Речь философа» — памятник церк.-слав. письменности, восходящий к старославянскому. Однако Сл. о п. Иг. читаем: тогда по рускои земли рѣтко *ратаевѣ* кикахуть, нъ часто врани граꙗахуть, трупиа себѣ дѣлѧче [11]. Кроме этого, прилагательное *ратаинꙁіи* зафиксировано в Рус. Пр.: а въ сельскомъ тиоунѣ в кнѧжи. или в *ратаинѣмь*. то .вї. грвнѣ (ст. 13, л. 616 об.). Видимо, слова *ратаи*, *ратаинꙁіи* в XII—XIII вв. выходили из употребления, поэтому эти слова, например, в Материалах для словаря древнерусского языка И. Срезневского в большинстве случаев приведены из памятников церк.-слав. письменности [12].

Обращает внимание факт упоминания слова *лошадь* как тягловой силы при пахоте у смердов. Под 6611 (1103) г. читаем: и рече Володимеръ. дивно имѧ (Ип. мѧ, Р. А. ми) дружино. ѡже *лошади* жалуете. ѥюже то (Ип. кто) ѡреть. а сего чему не промꙁіслите (Ип. расмотрите). ѡже то начнеть ѡрати смердъ. и приѣхавъ половчинъ оударить и (Ип. вдарить смерда) стрѣлою. а *лошадь* (Ип. кобꙑлу) ѥго поиметь. а в село ѥго ѣхавъ (Ип. въѣхавъ) иметь (Им. поиметь) жену ѥго. и дѣти ѥго и все ѥго имѣнье (Ип. имѣнье его возметь). то *лошади* жаль. самого не

---

[10] *А. М. Селищев.* Старославянский язык, ч. I. М., 1951, стр. 175; *С. Б. Бернштейн.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 221.

[11] *А. С. Орлов.* Слово о полку Игореве. М.—Л., 1964, стр. 69.

[12] *Срезневский III*, стб. 104.

жал ли (Ип. *лошади* его жалуешь. а самого чему не жалуешь) — Л. 93 об., Ип. 95 об.).

В других местах Пов. вр. л. употреблено только слово *конь*. Правда, в большинстве случаев здесь речь идет о боевых конях, а также о конях, пасущихся в стадах: се половци росулисѧ по земли. даи кнѧже ѡружье и *кони*. и еще бьемсѧ с ними (Л. 57 об., Ип. 63 об.); оудариша в *конѣ* и ѡдолѣ Стославъ в трех тъıсѧчахъ (Л. 58, Ип. 64); Ярополка вземше ѡтроци на *конь* ... несоша и Володимерю (Л. 69, Ип. 76 об.); преидемъ полѧ идеже пасоми бѣша стада *конь*. ѡвцѧ и волове все тоще (Л. 74 об., Ип. 82 об.); полониша скотъı и *конѣ*. вельблудъı и челѧдь (Л. 76, Ип. 84) и т. п.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в начале XII в. слово *лошадь* (в этом написании и форме) было в употреблении. Исследователи сходятся в мнении, что это слово в виде *лоша* восходит к тюрк. *лаша*, *алаша*. По мнению же Б. А. Серебренникова, слова *laša*, *alaša* не характерны и нетипичны для тюркских языков и они восходят к какому-то иранскому источнику, при этом автор не отрицает того, что *лошадь* заимствовано славянами от тюрков [13]. П. Я. Черных допускает возможность заимствования этого слова из печенежского языка [14]. Заимствованию из булгарского противоречат фонетические данные, поскольку в булгарском согласный *ш* в интервокальном положении озвончается, ср. чув. *laža*.

Наличие *лошевод* (ворнж.) ‘конокрад’ [15] свидетельствует о том, что в русском языке была известна форма *лоша*, от которого *лош-е-вод*. Поскольку этой же формой *лоша* обозначали и жеребенка, ср. укр. *лоша*, *лошати* (р. п.) ‘жеребенок’ [16], рус. *лоша* (южн.) тоже значение [17], то для обозначения взрослого животного, по всем данным, прибегали к образованиям на *-(а)къ*, -(а)-*га*, *-(ѣ)дь*, ср. укр. *лошак* ‘кастрированный 2-х или 3-х летний жеребенок’ [18], рус. *лошага* [19]. По мнению Э. Бернекера, форма *лошадь* получилась из **лошать* под воздействием слов с суф. *-jadь*, *-ädь*. Никакой формы *лошать* не могло быть, потому что склонение *лоша*, *лошате* (и), *лошати*, *лоша*, *лошатьмь*, *лошати* относится к существительным среднего рода типа *телѧ*, *порося*, *жеребѧ* и т. п. Образование же существительных на *-ѣдь* и *-дь* являлось продуктивным в XI—XII вв. и позже, о чем свидетельствуют такие примеры, как: *ослѣдь* < **osьl-ědь* ‘дикий

[13] *Berneker I*, стр. 734; *Преображенский I*, стр. 473; *Фасмер II*, стр. 525 и сл.; *О. Н. Трубачев.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 54; *Б. А. Серебренников.* Этимологические заметки. «Этимология 1968». М., 1971, стр. 210 и сл.

[14] *П. Я. Черных.* Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 44.

[15] ДОП, стр. 104; *Даль II*, стр. 270.

[16] *Гринченко II*, стр. 378.

[17] *Даль II*, стр. 270.

[18] *Гринченко II*, стр. 378.

[19] *О. Н. Трубачев.* Указ. соч., стр. 54.

осел' (XIII в.) [20], *старѧдь* <.*star-ědь* 'старец': **оучюша и старѧди**, перевод греч. νέοι καὶ πρεσβύτεροι (Син. пат. л. 56); *чернѧдь* < <*čьrn-ědь* 'утка особой породы' (Слово о п. Иг.), ср.: стрежаще е гоголемь на водѣ чаицами на струяхъ, *чрьнѧдьми* на ветрѣхъ; **оушидь** <*ušь-dь* 'беглец' (Супр. и др.), к этой же группе относятся по конечному согласному *иноходь*, *лебедь*, *медьвѣдь* и т. д. Показателен еще пример со словом *стерлядь* (впервые зафиксировано в грамоте 1460 г.[21], которое, по мнению М. Фасмера, восходит к др.-в.-н. Störling, в Домострое читается *стерляги* (мн. ч.) [22].

Все эти данные являются основанием для констатирования, что в слове *лошадъ* суф. — (*ě*)*dь* представляет славянским словообразовательным элементом, присоединенным к *лоша* так же, как напр. *площа* [23] — *площадь*, *осьлъ* — *ослѣдь*, *старъ* — *старѣдь* и т. п. Говоря иначе, тюрк. *лаша* в процессе ассимиляции на древнерусской почве приобрело формы *лошакъ*, *лошага*, *лошадь*, последняя форма, как видели, употреблялась в восточнославянской речи не позднее конца XI в. и начала XII в.

В Пов. вр. л. слово *лошадь* следует относить к восточнославянизмам, а *конь* — к праславянскому наследию.

В значении 'пашня, засеяное поле' употребляется слово *нива*, ср.: вси гради (Ип. городи) ваши прѣдашасѧ (Ип. передашасѧ) мнѣ. и ѣлисѧ по дань. и дѣлають *нивъı* своѣ и землѣ своѣ (Л. 16 об., Ип. 23); и бъıвшимъ имъ на мѣстѣ оу села на Нѣжатинѣ (Ип. на Нѣжатини) *нивѣ* и сступившимсѧ ѡбоимъ. бъı҃с сѣча зла (Л. 67 об., Ип. 75); городи (Ип. градѣ) вси ѡпустѣша. села ѡпустѣша. преидемъ (Ип. і переидѣмъ) полѧ идеже пасоми бѣша (Ип. бъıша) стада конь. ѡвца и волове все тоще понѣ (Ип. нъınѣ) видимъ *нивъı* поростьше (Ип. порожьше стъıть) звѣремъ жилища бъıша (Л. 74 об., Ип. 82 об.) и др.

В памятниках ст.-слав. письменности словом **нива** обычно передается греч. χώρα, ср. **И. IV. 35: вьзведѣте очи ваши і видите нивъı. ѣко плавъı сѫтъ къ жатвѣ юже** (Зогр.), греч. . . . θεάσασθε τὰς χώρας; **Да отъженѫтъ . . . все еже обидитъ вина. і нивъı. і врътоградъı** (Син. тр. 59 а, 10—14), греч. . . . ἀμπέλους καὶ τὰς χώρας . . .; **несѣта нива** (Супр. 243, 8), греч. ἄσπορος χώρα; **нивъı . . . не копанъı остаѫтъ** (там же 37, 32—23); **видѣвъ ниваѫ добрѫ и плодънѫ и съзрѣвъшѫ . . . потрьза** (там же 40, 26—29) и др.

Нива — общеславянское слово, восходящее к корню **pei̯o*, ср. греч. νεῖος(γῆ). Слово того же корня, что и **pei̯os* 'новый' [24]. Первоначально *нива* означала 'целину, обработанную под посев'.

---

[20] *Срезневский II*, стб. 727.
[21] *Срезневский III*, стб. 523.
[22] *Фасмер III*, стр. 758 и сл.
[23] В укр. и поныне: *площа* см. *Гринченко III*, стр. 197; Українсько-російский словник. Київ, 1964, 625.
[24] *Machek*[2], стр. 400.

В диалектах русского языка слово *нива* известно в разных значениях: ‘чищоба под пашню’, ‘пожня’, ‘луг, посевы’ и др.[25]

По-видимому, в др. рус. *ролы* обозначала ‘период пахоты’, а *нива* — ‘поле под посев’, а также ‘посевы’, если исходит из приведенных выше примеров, где: дѣлають *нивы* своѧ — ‘обрабатывают пашенные поля’, видимъ *нивы* поростъше (стоѧть) — ‘пашни заросли (кустарником)’; на Нѣжатинѣ *нивѣ* — видимо, ‘участок земли, принадлежавший Нѣжатѣ’.

Показательно, что в Пов. вр. л. слово *село* встречается только в значении ‘населенный пункт’, ср. ѡпустѣша *села* наша и городи наши (Л. 74, Ип. 82); Мстиславъ распусти дружину по *селѡмъ* (Л. 86, Ип. 87 об.), нача ... лиди (Ип. людье) на крщнье приводити по всѣмъ градѡмъ и *селомъ* (Л. 41, Ип. 44 об.); и есть *село* ее Ѳльжичи и доселе (Л. 17 об., Ип. 24); игрища межю *селы* схожахусѧ на игрища (Л. 5, Ип. 6 об.) и др.

В памятниках же ст.-слав. письменности слово **село** употреблено в основном для перевода греч. ἀγρός, ср. **не доброе ли сѣмѧ сѣалъ єсі на селѣ своемъ. и отъкждоу оубо иматъ плѣвелы** (Мф. XIII, 27 Ас. и др.), греч. οὐχὶ καλὸν σπέρμα ἔσπειρας ἐν τῷ σῷ ἀγρῷ; **бѣ же сн҃ъ его старѣи на селѣ** (Л. XV, 25 Ас. и др.), греч. Ἦν δὲ ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ πρεσβύτερος ἐν ἀγρῷ; **и насѣшѧ села и насадішѧ вінограды** (Син. пс. CVI, 37), греч. καὶ ἔσπειραν ἀγροὺς; но в псалтыри встречаются и такие примеры: **гласъ радости і спе҃нїѧ въ селѣхъ праведьникъ** (CXVII, 15) греч. ... ἐν σκηναῖς δικαίων, где, как видим, словом **село** переведено σκήνη ‘дом, обитель’. То же читаем в Син. тр.: **оучини дх҃ъ їхъ. в селѣхъ праведьничихъ** (64 б. 19—21), греч. ἐν σκηναῖς δικαίων. Однако здесь же читаем: **отидж ... на село свое** (106а 21). ἀπῆλθον ... εἰς τὸν ἴδιον ἀγρόν. Приведенный текст — цитата из Мф. XXII, 5.

Таким образом, в Пов. вр. л. слово *село* употреблено не в книжном, старославянском значении ‘обрабатываемое поле’ или ‘дом, обитель’, а в собственно русском значении — ‘населенный пункт’. Это значение, разумеется, развилось из более древнего ‘обитель, дом’.

Слово *поле* в Пов. вр. л. употреблено в значении ‘пустырь’: печенѣзи приступиша и почаша и сступишасѧ (Ип. соступ...) на мѣсто (Ип. на мѣстѣ) идеже стоить (Ип. есть) нын҃ѣ стаѧ Соѳыѧ митрополыѧ русьскаѧ. бѣ бо тогда *поле* внѣ града (Л. 51, Ип. 56 об.). Более расширено слово *поле* понимается как ‘степь’. (Сватославъ) собра вои. и прогна печенѣги в *поли* (Ип. в *поле*). — Л. 20, Ип. 26 об.); и всѣдоша на конѣ. и пѣши (Ип. пѣшьци) из лодеи вышше (Ип. вышедъше, Р. А. выседше) идоша *в поле* д҃. дни и придоша Сутѣнь (Л. 93 об., Ип. 95 об.). Не исключено, что первоначально жителей степных мест также называли *поле*, а позже — *полѧнинъ* < *полѣнинъ*. Об этом свидетельствует не

[25] *Даль II*, стр. 544.

только запись в Л.: *полем* (Ип. *полѧномъ*) же жившемъ ѡсобѣ и володѣющемъ и родъı своими... иже и до сее братьѣ бѧху *полѧне* (Л. 3 об., Ип. 5), но и образованное от него прилагательное *польскъıи*, по типу: *море — морьскъıи*, *село — сельскъıи*, *поле — польскъıи* и т. д.; ср. Аколъдо (Ип. Асколдъ) же и Диръ начаста владѣти *польскою* землею (Л. 7 об., Ип. 9). Из памятников ст.-слав. письменности старшего списка слово *поле* встречается в Син. пс. и Супр. В первом памятнике этим словом выдержанно передано πεδίον 'равнина'; может быть еще 'нива', ср.: **Ѣьсχдоѭтъ горъı ıизъχодѧтъ полѣ: въ мѣсто еже есі основалъ ımo** (Син. пс. CIII, 8); ... καταβαίνουσιν πεδία...; **Обрѣтомъ ıж въ полиχъ джбравъı** (там же CXXXI, 6), εὕρομεν αὐτὴν ἐν τοτς πεδίοις τοῦ δρυμοῦ; **ı полѣ твоѣ насъıтѧтъ сѧ тоука** (там же LXIV, 12), καὶ τὰ πεδία... В последнем примере **полѣ** можно понять как 'нива'. В Супр.: **се поле сътворено бѣ. конемъ тешти** (90, 5—6), в греч. на месте **поле** — πεδίον; **ı бъıстъ ıсχодашт҃ѧ кмоу** (**цѣсарю**. — *А. Л.*) **на поле. гладатъ вои своиχъ** (191, 23—24), в греч. κάμπος 'учебное поле' (?).

Из приведенных данных видно, что др.-рус. *поле*, зафиксированное в Пов. вр. л., по своему значению отличается от соответствующего старославянского слова. Поскольку *поле* по корню признается родственным с *полъ*, *полъıи* 'пустой, сторонний', то в Пов. вр. л. это слово представляет, значение 'пустырь', 'степь' как пустое, незаселенное место. Ст.-слав. же **поле** в значении 'равнина', видимо, представляет значение, развившееся у жителей гористых местностей.

Вернемся к словам, обозначающим сельскохозяйственное производство. В значении 'продовольствие' употреблены два слова *обилье* и *гобино*, ср. примеры: и реч̄ (Ян. — *А. Л.*) има (волхвам. — *А. Л.*) что ради погубиста толико чл̄вкъ. ѡнѣма же рекшема. ꙗко ти держать *ѡбилье* (Ип. *гобину*). да аще истребивѣ сихъ будеть *гобино* (Ип. *ѡбилье*). аще ли хощеши то пере (Ип. предъ) тобою вънемѣве жито. ли рꙑбу. ли ино что (Л. 59 об., Ип. 65 об.); Въсташа волъсви в Суждали (Ип. Суждалцих). избиваху старую чадь ... гл̄ще. ꙗко си держать *гобино* (Л. 5 о, Ип. 55 об.). *Обилье* встречается и в приставочном образовании, ср. и бꙑваше на ѡбѣдѣ томь множьство ѡ̃ масъ и ѡ̃ скота. и ѡ̃ звѣринꙑ и бѧше же *изобилью* (Л. по *изобилию*) всего (Л. ѡ̃ всего) — Ип. 47—47 об., Л. 43 об.), в форме глагола: аще бо бѣ и преже (Владимиръ. — *А. Л.*) на скверньную похоть желаѧ. но послѣже прилежа покаꙗнью. ꙗкоже апс̄лъ вѣщаваеть. идеже оумножитьсѧ грѣхъ. ту *изобильствуеть* бл̄гдть (Л. 45, Ип. 49, — начиная с «идеже» — цитата из Римл. V, 20). Зафиксирована и форма прилагательного *обильнъ*: тако и си рѣша. Русь. чюдь. словѣни — и кривичи. всѧ земля наша велика и *ѡбилна*. а нарада в неи нѣтъ (Л. 7, Ип. 8 об.).

Форма *изобилье*, являясь отглагольным существительным, надо полагать, книжного старославянского происхождения.

Все примеры, приведенные И. Срезневским в словарной статье *Изобилье*, — из памятников церк.-слав. письменности. То же следует сказать о глаголе *изобилити* [26], не говоря о форме глагола *изобильствовати*, которая фигурирует в приведенной цитате из апостола и, кроме того, этот глагол отыменный, образованный от книжного по форме имени *изобильство*.

В памятниках ст.-слав. письменности *обилье* зафиксировано в значении 'изобилие', т. е. 'большое количество, избыток', ср. **Оупиѫтъ сѧ отъ обіліѣ домоу твоего** (Син. пс. XXXV, 9), греч. ἀπὸ πιότητος; **брашьно посъла імъ д-о-обільѣ** (там же, LXXVII, 25), греч. ... εἰς πλησμονήν 'до пресыщения'; **имѣньꙗ обилиѥ бѣаше въ манастъıри** (Супр. 557, 24—25), греч. ἀφθονία 'в изобилии, во множестве' и т. п.

Как видно из примеров, в Пов. вр. л. словом *обилье* обозначено понятие 'продовольствие', 'съестные припасы: жито, рыба, мед' и т. д. Это слово в Новг. I лет. фигурирует в значении 'хлеб на корню', ср. поби мразъ *обилье* по волости (лл. 81, 111 и др.). В этом же значении слово *обилье* известно поныне северным говорам [27].

Эти данные позволяют констатировать, что зафиксированное в Пов. вр. л. *обилье* в значении 'продовольствие, съестные припасы' является природновосточнославянским, а не книжным словом. В том же значении *obilí* известно чеш. и словац. языкам [28]. По общераспространенному мнению, слово *обилье* в значении 'урожай, съестные припасы' образовано от *обилъ* из **obvilъ* [29]. В этом случае *-ие*, *-ье* представляет суффикс с собирательным значением. Говоря иначе, *обилье* является образованием типа: *вѣтвие*, *съсоудие*, *зелье*, *колье* и т. п. И. Срезневский фиксирует форму *обиль* на основании примера из Псков. I лет: Опустошиша около Юрьева *обили* [30].

По мнению В. Махека, ст.-слав. **обилье**, **изобилие** 'множество' родственно с греч. ὄλβιος 'богатый, большой достаток', но это сближение недостоверно из-за фонетических расхождений. Мнение же О. Н. Трубачева, что *обилье* — производное от *би-(ти)*, убедительно не аргументировано, так как при этом трудно объяснить происхождение названия растущего хлеба от глагола *бити*, *обити*, а также ст.-слав. **изобилье** и **избилие** [31].

---

[26] *Срезневский I*, стб. 1073.

[27] Опыт, стр. 132; *Подвысоцкий*, стр. 104; *Куликовский*, стр. 67; *Мельниченко*, стр. 126.

[28] *Machek*, стр. 331.

[29] *Фасмер III*, стр. 100 и сл.

[30] *Срезневский II*, стб. 507.

[31] Еликоведски изследвания в чест на С. Младенов. София, 1957, стр. 337; см. также: *А. И. Попов.* Русские народные говоры и влияние иноязычных соседей (этимологические этюды). «Вопросы изучения лексики русских народных говоров». Л., 1972, стр. 6 и сл.

А. Мейе считает, что *obilъ* из **ob-vi-lъ*[32]. Наличие в основе этого слова *v* свидетельствуется словом **извилие** 'изобилие', τὸ περισσόν в Еккл. XII, 12, ср. **извилье велико ѿ них**ъ[33]. По-видимому, сюда же и **възвитие**, τόκος, ср.: **подоба ти бѣ дати сребро мое прикоупъ творащимъ. и азъ пришъдъ оубо възалъ бых мое съ възвитиж** (Супр. 370, 1), эта цитата Мф. XXV, 27, которая в Ас., Мар., Зогр., и др. читается: ... **възмалъ оубо бимь свое съ лихвоиж.**

Все эти данные являются основанием для допущения, что корнемъ *obilъ*, *izvilъ*, *vъzvitь* является *vi-* < **vei-* / **voi-* в значении 'увеличиваться, увеличение', корень представлен также в глаголе *viti*. Отсюда понятна и форма прилагательного *обильнъ* в примере: земла наша велика и *ѡбилна* (Л. 7 об., Ип. 8 об.), т. е. 'земля плодородна'.

Примеры свидетельствуют и о том, что в древнерусском языке слово *обилье* употреблялось преимущественно по отношению к 'продуктам питания, хлебу', поэтому им обозначается 'хлеб на корню' и 'продукты питания', тогда как в памятниках ст.-слав. письменности оно употреблено в значении 'достаток, изобилие, пресыщение'. Собственно старославянское **обіліе** ближе к первичному значению корня *vi-*.

Приведенные примеры из Пов. вр. л. показывают, что по своему значению *обилье* и *гобино* — одно и то же. Принадлежность *гобино* или *гобина* к восточнославянскому словарному составу не ясна. Употребительность этого слова в др.-рус. оригинальных памятниках письменности незначительна; кроме приведенного примера, ссылаются еще на примеры из ЖФП и Домостроя. Из памятников ст.-слав. письменности это слово всего один раз зафиксировано в Супр. в примере: **ал'чжштиихъ въ поустыни. до сытости кръмити вѣахж. а они въ гобинѣ вѣры гладомь невѣрьствиа мьрѣахж** (398, 22—25), греч. εὐθηνία 'изобилие', т. е. здесь **гобино** в том же значении, что **обилье, изобилье**, при этом слово употреблено не по отношению к предметам, а по отношению к вере. И. Срезневский в том же значении 'изобилие' слово приводит из разных памятников церк.-слав. письменности[34].

Считают, что **гобино**, так же как и **гобьзие** (ср.: **Да имжще гобезие твое. подадатъ и нищимъ** (Син. тр. 13 а, 3—5) греч. εὐθηνίαν πλουσίαν заимствованы из готского языка[35]. Что касается *гобзить*, *угобзить*, в форме глагола, то оно значительно распространено в основном в севернорусских говорах[36], а *гобино* в говорах не фиксируется. Возможно, что *гобино* в Пов. вр. л. книжное слово.

---

[32] *A. Meillet.* Études, стр. 413.
[33] *Срезневский I*, стб. 1038.
[34] *Срезневский I*, стб. 529.
[35] *Berneker I*, стр. 316; *Преображенский I*, стр. 134; *Фасмер I*, стр. 423.
[36] *А. С. Львов.* Из наблюдений над лексикой старославянских памятников, стр. 156 и сл.

И это вполне вероятно, потому что в указанном значении древнерусскому языку было известно собственное слово *обилье*.

Из продуктов земледелия чаще всего упоминается *жито*: бѣ матежь и голодъ ... идоша по Волзѣ вси людье. вь Болгарѣхъ и привезоша *жито* и тако ѡжиша (Л. 50, Ип. 55 об.); в Ростовьстѣи ѡбласти. встаста два волъхва ... и поидоста по Волзѣ. кдѣ придуть в погостѣ. ту же нарицаху. лучьшиѣ женѣхъ гл҃ща. ꙗко си *жито* держить. а си медъ ... (Л. 59, Ип. 65); придоша прузи ... поѣдоша всѧку траву и многа *жита* (Л. 75 об., Ип. 83 об.); бѣше ... Ꙗпрополкъ ... нищелюбець. десѧтину даѧ ѿ всихъ скотъ ... и ѿ *жита* на лѣта (Ип. 76 об., Л.: десѧтину даѧ ... ѿ всего своего имѣниѧ по всѧ лѣта (69 об.) и т. п.

Жито от корня **gei-*, так же как и *жити*, *животъ*, *жизнь*[37] и т. п. В приведенных примерах жито употреблено в значении 'хлеб в зерне', 'хлеб на корню'.

В памятниках ст.-слав. письменности также употреблено это слово, ср. Л. XII, 18: **разорѭ житьницѧ моѭ. и большѧ съзиждѧ. и съберѭ тоу. кѣсѣ жита моѥ. и доброе мое** (Ас. л. 60 а), греч. συνάξω ἐκεῖ πάντα τὸν σῖτον (вар. τὸ γεννήματα), καὶ τὰ ἀγαθά μου; **бразды ѥѧ напои оумно-жи-та** (=**оумъножи жита**) **ѥѧ** (Син. пс. LXIV, 11), греч. πλήθυνον τὰ γεννήματα ...; Это же повторяется в Син. тр. і **оумножи жита земи** (12 б 14—15)[38].

Др.-рус. и ст.-слав. **жито** в значениях совпадают. По-видимому, таково же значение этого слова и в других славянских языках.

Из других названий злаков в Пов. вр. л. лишь по одному разу упомянуты *овьсъ* и *пьшеница* (в Сказании о белгородском осадном сидении), а также *просо*, ср. примеры: и рѣч имъ (старьць. — *А. Л.*) сберѣте аче по горсти ѡвса. или *пшеницѣ*. ли ѡтрубъ (Ип. ѡтробъ) — Л. 44, Ип. 48); придоша прузи ... идѧху к полунощнымъ странамъ (Ип. странахъ) ꙗдуща траву и (Ип. или) *проса* (Л. 76 об., Ип. 84 об.).

Овьсъ — общеславянское слово с не совсем ясной этимологией. В. Махек считает, что оно в славянских языках, возможно, праевропейское, т. е. субстратное слово[39]. В памятниках ст.-слав. письменности слово **овьсъ** не зафиксировано, а в памятниках др.-рус. письменности оно обычно[40].

Пьшеница также общеславянское слово. Показательно, что в памятниках ст.-слав. письменности **пъшеница** обычно на месте греч. σῖτος, которое, как видели, передается и словом **жито**. Всего один раз в Син. пс. прилагательное **пъшеничьнъ** на месте греч. πυρός 'пшеница', ср.: і **натроу ѩ отъ тоука пъшеничьна** (LXXX,

[37] *Преображенский I*, стр. 233; *Фасмер II*, стр. 57; *Machek* [2], стр. 728; *A. Meillet.* Études, стр. 298.

[38] Другие примеры: Slivník jaz. stsl. I, стр. 610.

[39] *Machek*, стр. 346; *Он же*: Česka a slovenská jména rostlin. Praha, 1954, стр. 286 и сл.; а также *Фасмер III*, стр. 113.

[40] *Срезневский II*, стб. 596.

17), греч. καὶ ἐφώμισεν αὐτοὺς ἐκ στέατος πυροῦ. Древнейшим славянским названием *пшеницы* в соответствии с греч. πυρός должно быть **пъıро** 'полба' (как род пшеницы). Это слово И. Срезневским приводится из различных памятников церк.-слав. письменности [41]. Наличие в прошлом этого слова в русском языке свидетельствует чув. *пăри* 'полба', восходящее к рус. *пъıро* [42]. Кроме того, по нашему мнению, прав А. Преображенский, считающий, что рус. *пирогъ* восходит к *пыр-огъ*, изменившееся в *пирогъ* под влиянием слова *пиръ* [43], потому что пироги пекутся обычно к пиру.

Слово же *пъшеница* из *пъшено*, последнее в русском языке известно с древних пор в значении 'зерно проса' или 'просяная крупа' [44]. Если не описка, то прилагательное от **пъшено** зафиксировано в Зогр. ев. И. XII, 24, где читаем: **аште зрънo пъшенъно не оумьретъ падъ въ земли. то единo прѣбъıваетъ** (л. 266), в других: в Ас. **пшеничное**, Мар. **пшеничьно**, Остр. **пъшеничьно**, Сав. нет, греч. . . . ὁ κόκκος τοῦ σίτου . . . По своему происхождению, слово *пъшено* не является названием растения, а представляет страдательное причастие от *pъchati* 'тереть, стирать, дергать', *pъch-eno* > *пъшено*, по типу *прѧдено* 'пряжа' от *прѧсти* < **pręd-ti*; **врѣтено**, *веретено* от **vert-ĕ-ti* и нек. др. [45]

Таким образом, *пъшено* буквально, надо полагать, 'ободранное, стертое', т. е. зерно, освобожденное от шелухи, кожуры. *Пъшеница* — такой сорт *пъıра*, зерно которого не имело кожуры, шелухи, суф. *-ица* в данном случае и показывает на носителя свойства, так же как *старица*, *чьрница*, *оученица*, *стьклѣница* и т. п. [46]

Просо также общеславянское слово, не имеющее надежных родственных связей за пределами славянских языков [47]. В. Махек предполагает, что и оно праевропейское [48]. Ободранные *просо* и *пыро*, надо полагать, стали называться *пъшено*, от которого присоединением суф. *-ица* пошло название хлебного злака *пъшеница*.

Наличие в Пов. вр. л. слова *ѡтрубъ* или *отрубь* показывает, что в эпоху составления летописи (XI в.) зерно подвергалось специальному очищению от шелухи, кожуры. Пол. *otrębi*, словен. *otrobi* указывают на праславянскую форму **otrǫbь* или **otrǫbi*. Это отглагольное существительное образовано от *otrǫbati* 'отбивать, отделять', причем слово **отржби — праславянское.

В Пов. вр. л. не получили отражения различные другие названия хлебных злаков, которые выращивались в Киевской Руси. Так, *рожь* < *ръжь* записано в Л. только под 6737 (1228) г.:

---

[41] *Срезневский II*, стб. 1759.
[42] *В. Г. Егоров.* Этимологический словарь чув. яз., стр. 48.
[43] *Преображенский II*, стр. 60.
[44] *Срезневский II*, стб. 1780.
[45] *W. Vondrák.* Указ. соч., стр. 416.
[46] *А. М. Селищев.* Старославянский язык, ч. II, М., 1952, стр. 61.
[47] *Преображенский II*, стр. 132; *Фасмер III*, стр. 378 и сл.
[48] *Machek*, стр. 394.

Рожь не родисѧ по всей нашей земли и дорого бꙑ́сѣ жито (Л. 156), в Рус. Пр. сл. 9 упомянут *горохъ*, в ЖФП *сочиво* . . . и *пьшено* (л. 50 в.), в Вопрошаниях Кирика — *сочевица*, и др.

Из других растений, употреблявшихся в пищу, упомянуты *овощи*, зелье, лукъ, хмѣль: приде Ѡлегъ къ Киеву несѧ золото и паволокы и *ѡвощи* и вина. и всѧко оузорочье (Ип. 12 об., Л. нет, Р. 16 об.); рѣ҃ч Сто҃славъ къ мт҃ри . . . хочю жити с (Ип. в) Переꙗславци в Дунаи . . . ту всѧ бл҃гаꙗ сходатся ѿ грекъ злато паволоки. вина *ѡвощеве* (Ип. *ѡвощи*) розноличнꙑꙗ . . . (Л. 20 об., Ип. 26 об.); повелѣ (Владимиръ. — *А. Л.*) пристроити кола въскладше хлѣбꙑ. мѧса, рꙑбꙑ. *ѡвощь* разноличнꙑи . . . возити по городу (Л. 43 об., Ип. 47); на пощенье . . . ини ꙗдуще хлѣбъ с водою. ини *зелье* варено. друзии сꙑро (Л. 63 об., Ип. 69 об.); посем же паки возропташа на Моисѣꙗ и на Арона. рькуще лущи (Ип. луче) нꙑ бѧше въ Еюптѣ (Ип. Егуптѣ). еже ꙗдахомъ мѧса *лукъ* (Ип. *тукъ*) и хлѣбъ до сꙑти (Л. 32, Ип. об., — из «Речи философа»); и рѣша болгаре, толи не будеть межю нами мира. елико (Ип. ѡли же) камень начнеть плавати, а *хмель* почнет тонути (Ип. а *хмель* грѧзнути) — Л. 27, Ип. 33).

Наличие *-щ-* в слове *овощь* указывает на невосточнославянское происхождение данного слова. Надежной этимологии слова нет, предположительно оно восходит или к **ovot-jo* или **ovokt-jo*[49], поскольку серб. *воће* 'фрукты', пол. *owoc* 'фрукты, плод', чеш. *ovoce*, то же значение, укр. *овоч* 'овощи, плоды, фрукты' и др. В Син. пс. греч. ὀπωροφυλάκιον переведено **овоштьное хранилиште** (LXXVIII, 1); в Супр.: **колѣбаше сѧ акꙑ овоште зꙑблемо отъ многа вѣтра** (570, 9—10); **цвѣтьцъ прѣдъваратъ прѣдъ овоштемъ** (284, 22—23), греч. καρποφορία.

Таким образом, ст.-слав. **овошть** было известно в значении 'фрукт, плод'. Судя по данным украинского языка, и в восточнославянских южных диалектах слово *овочь* было известно в этом же значении. На основании приведенных данных: приде Ѡлегъ . . . несѧ золото и паволокꙑ, и *ѡвощи* и *вина* . . . следует понимать, что несли 'фрукты и вина' . . .

Словом *зелье*, по-видимому, обозначается 'овощи' в современном значении, т. е. растения, употребляемые в пищу. В приведенном примере монахи в пост ели или хлеб с водой, или вареные, а также в сыром виде овощи. То же сообщается в ЖФП: бѣ же самъ ѣда хлѣбъ соухъ. и *зелие* варено, без масла (л. 50 в). — В памятниках ст.-слав. письменности словом **зелье** передано греч. τὸ λάχανον, например, Л. XI, 42: **нъ горе вамъ. фарисѣомъ. ѣко десѧтинѫ дѧете отъ мѧтꙑ. пиганъ. і вьсѣкого зельѣ** (Зогр. л, 176 об.), греч. . . . καὶ πᾶν λάχανον, т. е. 'и всякого огородного растения'; **и копавшоу ровъ съвратити водѫ и привести на напаꙗниѥ зелию** (Супр. 275, 12—13), греч. . . . λαχανίδες.

[49] *Преображенский I*, стр. 636; *Фасмер III*, стр. 115; *Brückner*, стр. 388; *Machek*, стр. 366; *Sadnik-Aitzetmüller*, стр. 279, и др.

Слово *зелье*, образованное от *зель-je* по типу: *бъıлье*, *обилье*, *стьблье* и т. п., является общеславянским, др.-рус. *зелье* в приведенных в значении примерах совпадает с ст.-слав. соответствующим словом.

Лукъ, упомянутый только в «Речи философа», зафиксирован и в Син. тр.: **или въ лоуцѣ съвѣщавъıи. или въ винѣ пиемѣ мнозѣ** (54 а, 9—11), греч. ἢ ἐν σκορόδοις ἐπιβουλεῦον..., т. е. 'или в чесноке в тайне замышляя, или во много выпиваемом вине'. Речь идет о том, когда могут быть приведения.

Полагают, что *лоукъ* в значении 'чеснок' или 'лук' — заимствованное слово[50]. Когда это слово вошло в русский язык, неясно. И. Срезневский приводит его только из памятников церк.-слав. письменности[51]. Правда, оно встречается в ряде памятников письменности, переведенных с греческого языка на Руси, как Устав студийский, Хр. Г. Ам. и др., ср. ѣсти брашна. .к. иедино съ зелиемъ и дроугоие съ сочивъıмъ. оустроено обоие съ дрѣванѣимъ маслома и съ лоукъıмъ доволно и съ зелиемъ. ꙗко съ кропъıмъ и чабръıмъ (л. 205)[52]; вълагаютъ въ кариво зели ... съ лоукъıмъ (л. 208 об.)[53]; чезновитъкоу и лоукоу (л. 41б)[54], греч. ἰκόροδα καὶ χρόμυα, и др.

Можно констатировать, что не позднее XII в. слово *лоукъ* восточным славянам было известно. Возможно, что это растение первоначально употреблялось в пищу в монастырях.

Хъмель, или *хъмѣль*, как видели, в написании *хмель* в Пов. вр. л. зафиксировано только один раз и то, в поговорке не то булгарской, не то русской. По мнению А. Шахматова, это место, в котором упоминается слово *хмель*, входило в Начальный свод Пов. вр. л., составленный в конце XI в.[55] Приведенная поговорка читается во всех дошедших до нас списках Пов. вр. л., при этом разночтения касаются только союза *елиже*, *олиже* и *елико* начнеть тонути, или начнеть грязнути. В Ип., видимо, читается первичный текст, потому что «ѡли же (из *ели же*. — *А. Л.*) камень начнеть плавати а хмель грязнути» представляет будущее время с двумя инфинитивами при одном *начнеть*, что обычно для др.-рус. литературного языка[56]. Все это позволяет констатировать, что в XI в. др.-рус. язык знал слово *хъмель*.

Памятники ст.-слав. письменности слово **хъмель** не зафиксировали, хотя это слово ныне известно всем славянским языкам.

---

[50] *Berneker I*, стр. 744; *Преображенский I*, стр. 477; *Фасмер II*, стр. 531; *Machek*, стр. 278, и др.

[51] *Срезневский II*, стб. 53.

[52] Устав студийский, сп. XII в. ГИМ, Син. № 330. — Материал СДР.

[53] Там же.

[54] Хроника Георгия Амартола сп. XIII—XIV вв. ГБЛ, ф. 178, № 100. — Материал ДРС.

[55] *А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших летописных сводах, стр. 94 и сл.

[56] *А. А. Потебня.* Из записок по русской грамматике. т. I—II. Харьков, 1889, стр. 370 и сл.

Источник слова *хъмель*, получившего весьма широкое распространение не только в славянских, но и тюркских финно-угорских, германских языках, считается неясным [57]. Другие полагают, что слово пришло с Востока [58]. Ф. П. Филин даже относит его к тюркизмам в славянских языках [59]. Др.-рус. *хъмель* невозможно вывести из булг. **xumlaγ*, откуда чув. *хăмла*, венг. *komló*, швед. *humle*, возможно и фин. *humala*, потому что нет случая в славянских языках, чтобы в заимствованных словах между *мл* вставлялся бы какой-либо гласный звук. Кроме того, при заимствовании не наблюдается отбрасывание конечного звука γ, ср. *жьнчоугъ*, *прологъ*, *стратигъ*, *харалоугъ*, *чьртогъ* и мн. др. Правда, венг. *komló*, кажется, свидетельствует о том, что в булг. отпадение конечных γ, *к* началось рано или же слово xumlaγ было заимствовано булгарами без конечного γ, что едва ли вероятно при наличии его в тат. *хомлак*, вогуль. (из тюрк.) *gumlix*.

Таким образом, при тюркском источнике др.-рус. *хъмель* звучало бы не [*хъмель*], а [*хъмлаг*] или [*хъмла*], чего нет.

Наличие начального *ch* в *хъмель* указывает на иранский источник слова. Осет. *xumællæg* 'хмель' содержит суф. *-læg*. Слово в осетинском зафиксировано без этого суф. в формах *k'oymel* / *k'umel* 'вид кваса или браги'. В. И. Абаев допускает вероятность чередования *x*|*k* в осетинском, в подтверждение приводит соответствующие данные [60]. Др.-рус. *хъмель*, или *хъмѣль* с точностью отражает бессуфиксальное иран. **xumæl*, а булг. *xumlaγ* из суффиксального *xumællæg*.

Говоря иначе, и слав. *хъмель* и тюрк., или булг. **xumlaγ* восходят к иранскому источнику в разных вариантах, при этом, как видно, заимствование славянского и тюркского слова произошло самостоятельно, независимо друг от друга.

Приведенными данными исчерпываются названия культурных растений, зафиксированных в Пов. вр. л. Для названия понятия 'пища' вообще здесь употреблен ряд слов: *потреба*, *пища*, *ꙗдь*, *ꙗденье*, *сънѣдь*, *брашьно*, *кърмꙗ*. Остановимся на каждом из перечисленных слов.

Потреба: (Владимир) повелѣ всѧкому нищему и оубогому приходити на дворъ кнѧжь и взимати всѧку *потробу* (Ип. *потребу*). питье и ꙗденье (Л. 43 об., Ип. 47); добрии чл҃вци. и приходѧху к нему (Антонию. — *А. Л.*). приносѧще же ему еже на *потребу* бѣ (Л. 53, Ип. 58 об.). Имеются случаи, когда в отдельных списках слово *потреба* употребляется вместо *треба* 'жертва' (θυδία), ср.: Володимеръ. иде Киеву. и творише *потребу* (Ип., Р. А. *требу*) кумиромъ (Л. 26, Ип. 32); створимъ *потребу* (Ип., Р. А. *требу*) бм҃ъ (Л. 26 об., Ип. 32 об.).

---

[57] *Machek* [2], стр. 201.
[58] *Berneker I*, стр. 411; *Sławski I*, стр. 71 и др.
[59] *Ф. П. Филин.* Образование языков восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 171.
[60] *Абаев I*, стр. 649.

Эти примеры свидетельствуют о том, что переписчик Л. на различал в значениях слова *потрѣба* и *трѣба*. В ев. слово **потрѣбе** зафиксировано дважды.: Л. X, 42: **Єдіно же єстъ на потрѣбѫ. маріѣ бо благѹю чѧсть избъра** (Ас., Остр., Зогр., Мар.), греч. ἑνὸς δέ ἐστιν χρεία... 'одно только и необходимо'...; Л. XXIII, 17: **потрѣбѫ же имѣаше на вьсѧ праздьникъı отъпоуштати имъ єдиного** (Мар. Зогр.), греч. ἀνάγκην δὲ εἶχεν 'необходимость (неизбежность) имел'...

В приведенных примерах отсутствует значение 'пища' в слове **потрѣба**. Приблизительно в указанном значении оно употребляется в Супр., ср.: **Видите пакъı въврѣжена невода. вьсе лı єже собереть на потрѣбѫ єстъ** (127, 27—29), греч. εὔχηστος. В этом значении и усвоено слово **потреба** древнерусскими книжниками, ср. еще: и по вьсѧ соуботъı посъıлааше въ *потребоу* возъ хлѣбъ соущиимъ въ оузахъ (ЖФП, л. 51 а, 28—31), и се въниде иконом҃ъ гл҃а блаженомоу. ѩко въ оутрии дн҃ь не имамъ коупити єже въ ѩдь братии. и на иноу *потребу* (там же, 44 г, 18—23) и др.

Таким образом, *потреба* — заимствованное слово из церковных книг с характерным *trèt*, а **потереба* нигде не зафиксировано[61].

Пища. Приносѧшеть же ємоу (Исакию. — *А. Л.*) великъıи Антонии. и подаваше ємѹ ѹконцемъ. ѩко сѧ вмѣсташе рука. тако принимаше *пищю* (Л. 65, Ип. 71); дажь ти (Владимиру. — *А. С.*) гс҃ь вѣнець с праведнъıми. в *пищи* раистѣи. веселье ликъствованье съ Аврамомъ (Л. 45, Ип. 49 об.); се нѣкто землю разорить. другъıи же насѣеть. ини же пожінають. и ѩдать *пищю* бескудну (Л. 51 об., Ип. 57) — речь про Ярослава; постивъсѧ Илья акъı на нб҃о взѧтъ бъıс. в *пищю* породную (Л. 62 об., Ип. 68) — речь об Илье пророке и др.

Примеры показывают, что слово *пища* употреблялось для обозначения 'духовной пищи', 'райской пищи', а также и 'монастырской пищи'. Говоря иначе, слово *пища* как церковно-славянизм употреблялось только в связи с описанием религиозных понятий и воззрений. Как мы уже писали[62], **пища** в передаче греч. τροβή является типично старославянским словом, поскольку в других южных и западных славянских языках оно известно в основном в значении 'корм для скота'. Восточнославянские диалекты не знали образования **pit-ja* > **piča*.

Показательно, еще то, что в Пов. вр. л. всего один раз употреблен глагол *напитати* под 6605 (1097) г.: Володимеръ бо такъ бѧше любезнівъ. любовь имѣѩ к митрополитом҃. и къ епс҃пмъ. и къ игуменом҃. паче же и чернечьскъıи чинъ любѧ. и черници любѧ. приходѧщаѩ к нему *напиташе*. (Р. А. *накормлѧше*) и напаѩше акъı мт҃и дѣти своѩ (Л. 89, Ип. 90 об.). В данной цитате на

---

[61] *Фасмер IV*, стр. 95 и сл.
[62] *А. С. Львов.* Очерки по лексике, стр. 187 и сл.

религиозную тему имперфект *напиташе* явно книжный, поэтому, надо полагать, в Р., А. он заменен на *кормлаше*.

Поскольку глагол *питѣти* деноминативный, то можно предполагать, что ввиду отсутствия в восточнославянских диалектах слова **piča*, в них не было и глагола **pitěti*. По этой причине он и не встречается в Пов. вр. л.

Обращает на себя внимание употребление глагола *вкусити — вкушати*. В евангелиях этот глагол употреблен в одном значении γεῦσις 'попробовать', ср. Л. XIV, 24: ... **не вкоуситъ моеѧ вечерѣ** (Мар., Зогр.) греч. γεύσεταί; И. II, 9: **вкоуси архитриклинъ вина бывъшаго отъ водѣ** (Мар.) греч. ἐγεύσατο ὁ ἀρχιτρίκλινος τὸ ὕδωρ οἶνον γεγενημένον и др. Однако в Син. тр., Супр. этот глагол употреблен в значении 'есть, кушать', ср. **и да вкоусит҃ брашьнъ мало. Потомъ же да не вкоуситъ ничесоже** (Син. тр. 47 б, 9—12); **сѣждѫ сѣде. патъıи дьнь не вкоушала** (Супр. 170, 7—9), и др.

В Пов. вр. л. этот глагол употребляется в последнем значении, ср. ни хлѣба *вкоуси* ни водъı (Ип. 71 об., Л. нет); и приспѣвшю *вкушению* хлѣба. приде Антонии по объıчаю к ѡконцю (Л. 65, Ип. 71 об.); этот же глагол употреблен по отношению к воде: ѣдъıи хлѣбъ сухъ... и водъı в мѣру *вкушаѧ* (Л. 53, Ип. 58 об.) и др. Правда, встречается, и такой пример, рѣша ѥму мужи смъıслени. не *кушаисѧ* противу имъ (половцев. — *А. Л.*). ѣко мало имаши вои (Л. 72 об., Ип. 80 об.). Имеется пример, где употребляется и *кусать*, и *кусить* ср.: и помалу огладавъ сѧ *кусаше* (Ип. *кушавше*) хлѣба. тако наоучисѧ ѣсти (Л. 65 об., Ип. 72).

Все приведенные примеры свидетельствуют, что глагол *вкусити — вкушати* — в Пов. вр. л. книжного происхождения.

Ѣдь, ѣденье: бѣ же ѣдь (Ип. ѣдение) его (Исакия. — *А. Л.*) проскура едина (Л. 64 об., Ип. 71); ѣди (и) питьıа. бесъ плища бъıти (Л. 79, — Поуч. Вл. Мон.); къ симъ же и ѣдь ихъ бѣ ръжанъ хлѣбъ тъкмо (ЖФП, л. 35 г); повелѣ всѧкому ... взимати всѧку потробу (Ип. потребу) питье и ѣденье (Л. 43 об., Ип. 47); Мьстиславъ ... имѣньıа не щадѧше ни питьıа ... ни ѣденьıа бранѧше (Л. 51, Ип. 56 об.); въ ѣденьи бо мнозѣ и питьи безмѣрнѣ. въздрастаютъ помъıсли лукавии (Л. 62, Ип. 68) и т. п.

Форма ѣденье представляет образование на *-енье*, первоначально — отпричастное имя, и этой формой обозначался 'процесс принимания пищи', ср.: **брашъно ѣданиѣ мѣсто соухоѣдець** (Син. тр. 70 а, 24—25); **въ ѣденьи. і въ питьи. і въ неправедьнѣмь съпаньи** (там же 72 а, 18—20).

Наличие начального ѣ вместо *ѣ* указывает на то, что слово это в т. н. церковнославянской, или восточноболгарской форме, ср. **Прочее же и ѣденье само пременно** (Панд. Ант. XI[63] в.). В целом, форма ѣденье книжная, заимствованная из церковных книг.

---

[63] *Срезневский III*, стб. 1679.

Форма ѣдь, как образование от основы глагола с суф. *-i*, является древнейшим, общеславянским. Однако написание ꙗ (*-ja* < *ě* (*-ä*) на месте ожидаемого *ѣ* указывает на книжную форму слова. Форма *ѣдь* существовала в восточнославянских диалектах, о чем свидетельствуют диалектные данные [64]. Наряду с формой *ѣдь* восточнославянским диалектам была известна еще *ѣжа* < **ѣd-ja* и *ѣда*, ср. рус. *ежа*, *еда*, укр. *іжа*, *іда*, белр. *ежа*, *яда*.

Таким образом, слово ѣдь в Пов. вр. л. и других памятниках др.-рус. письменности употреблено в книжной, старославянской форме, которая в передаче греч. βρῶμα зафиксирована, например, в Супр.: **принесоша кмоу ѣдь да кстъ** (154, 5—6); **даша вь ѣдь мою злъчь** (478, 19, — пс. LXVIII, 22; в Син. пс. написано **ѣдъ**); **тѣло же влѣкше ... повръгоша псомъ на ѣдь** (537, 23—25), и др.

Слово *сънѣдь* в самой Пов. вр. л. не зафиксировано, оно употреблено Владимиром Мономахом: лѣси и поля. все же оно далъ бъ на оугодье чловкомъ на *снѣдь* на веселье. Кроме этого примера, другие примеры в Словаре И. Срезневского — из памятников церк.-слав. письменности. В памятниках ст.-слав. слово **съньдь** обычно, ср. например: **хлѣбъ въ съньдь** (Син. тр. 12 б, 10), перевод греч. ἄρτον εἰς βρῶσιν; **Далъ есі ѣко овъцьмъ съньди** (Син. пс. XLIII, 12), греч. ἔδωκας ἡμᾶς ὡς πρόβατα βρώσεως; **оу горе мьнѣ ꙗко сьнѣдь ксмь огня вѣчнаго** (Супр. 517, 6—7) и др.

Теоретически слово *сънѣдь*, как и *ѣдь*, должно быть общеславянским, но в оригинальных памятниках др.-рус. письменности оно не встречается, хотя формы *сънѣдати*, *сънѣсти*, *сънѣдание*, *сънѣдьнъıи* не так редки. В современных говорах, так же как и в укр. языке, *снедать*, *снеданье* известны обычно в значении 'завтракать', отсюда в укр. *сніданок* 'завтрак'. Не исключено, что форма сущ. *сънѣдь* в восточнославянских диалектах отсутствовала.

В значении 'пища' в Пов. вр. л. употребляется еще слово *брашьно*. Приведем несколько примеров: и стави (вар. оустави) ѡлегъ вои. и вънесоша ему *брашна*. и вино. и не прия его бѣ бо оустроено съ ѡтравою. и оубоꙗшасѧ грѣцѣ (Ип. 12, Л. нет); и не бѣ оу них (Святослава с дружиной. — *А. Л.*) *брашна* оуже. и бѣ гладъ великъ. ꙗко по полугрівнѣ глава конѧча (Л. 23, Ип. 29); за двѣ лѣтѣ лежа сии. ни хлѣба вькуси ни водъı ни ѿ какого *брашна* ни ѿ воща (вар. ѡвоща). ни ꙗзъıкомъ прогла (Ип. 71 об., Л. нет); аще не пришлеши *брашна* предатисѧ имам (половцам. — *А. Л.*) — Л. 73 об., Ип. 81 об.); и покори *врагъı* наша ... и далъ ѥси сим *брашно* людем русьскъım. взѧша бо тогда скотъı и ѡвцѣ и конѣ. и вельблудъı и вежѣ с добъıтком (Л. 94, Ип. 96) и др.

В этом значении **брашьно** употребительно в памятниках ст.-слав. письменности, ср. Мф. XIV, 15: **отъпоусти. народъı. да шьдъше**

[64] Опыт, стр. 271; ДОП, стр. 311; *Богораз*, стр. 160; *Подвысоцкий*, стр. 195 и др.

въ ближьнѧѧ градьцѧ. коупатъ брашьна себѣ (Зогр.) греч. ... ἀγοράσωσιν ἑαυτοῖς βρώματα; **брашьно посъла імъ д-о-більѣ** (Син. пс. LXXVII, 25), греч. ἐπισιτισμὸν ἀπέστειλεν αὐτοῖς εἰς πλησμονήν 'съестные припасы'; **призьри гі... на си брашъна твоѣ** (Син. тр. 16б, 3—4), греч. ἐπίσκεψαι, κύριε... εἰς τὰ ἐδέσματα... 'на эту пищу' или 'на съестное это', и т. п.

Таким образом, ст.-слав. **брашьно** и *брашно* Пов. вр. л. совпадают в семантике. Кроме этого, сочетание *trat* является бесспорным показателем того, что *брашно* Пов. вр. л. является старославянским словом, др.-рус. *борошьно* было известно в значении 'мука', как об этом свидетельствуют данные южнорусских диалектов[65], особенно укр. *борошно* 'мука'[66].

В том же значении 'пища' употреблено еще слово *кърмла* и *кърмъ*: Что можете створити нам имѣмъ бо *кормлю* ѡ землѣ (Л. 44 об., Ип. 48); реч҃ Болеславъ разведѣте дружіну мою по городомъ на *покоръмъ* (Ип. на *кормъ*) и бꙋіс тако (Л. 49, Ип. 51); а самому ѥхати съ ѡтрокомъ на двоу коню. соути же на ротъ ѡвьсъ или полъть. а инемь *кормомь*. что има чрево възметь (Рус. Пр. ст. 74, л. 621 об.). От той же основы *кърм-*: *кърмити*, *кърмитель*, *кърмилець*: кде есть конь мои. егоже бѣхъ поставилъ *кормити* и блюсти его (Ип. 15 об.); и плакаша сѧ ... оубозии акꙋ заступника и *кормителѧ* (Л. 45, Ип. 49); и бѣ оу Ꙗрослава *кормилець* и воевода именемь Будꙋі (Л. 48 об., Ип. 53 об.).

В тех же значениях слова **кръмъ, кръмла, кръмити, кръмлєникє** употреблены, например, в Супр.[67] В более ранних памятниках ст.-слав. письменности эти слова не встречаются.

Зафиксированные в Пов. вр. л. *кормлѧ*, *кормъ*, *кормилець*, *кормити* едва ли относятся к книжным словам. Думается, что они были употребительны в живой речи восточных славян.

Далее идут названия отдельных видов кушанья. Так, слово *хлѣбъ* употреблено в двух значениях.

1. 'Печеный хлеб': и поча жити ту (в пещере. — *А. Л.*) молѧ ба. ꙗдꙋіи *хлѣбъ* сухъ и тоже чересъ дн҃ь (Л. 53, Ип. 58).; ѳеѡдосии же реч҃ положите *хлѣбъ* пред҃ ним҃ ... атъ (Ип. ать) самъ ѣсть ... и по малу огладавъсѧ кусаше *хлѣбъ* (Л. 65, Ип. 72); повелѣ пристроити кола (и) въскладше *хлѣба*. мѧса ... возити по городу (Л. 43 об., Ип. 47) и др.

2. 'Пропитание, пища': а тꙋі ли ми здѣ *хлѣба* моѥго же не хощеши дати (Л. 85 об., Ип. 86 об.); сѣдить. сн҃ь твои ... *хлѣбъ* ѣдучи дѣдень (Л. 84, — Поуч. Вл. Мон.); и приспѣвшю вкушению *хлѣба*. приіде Антонии по ѡбꙋічаю ко ѡконцю. и гл҃а. гс҃и блг҃ви ѡч҃е Исакие. и не бꙋіс ѡвѣта (Л. 65, Ип. 71 об.).

---

[65] Опыт, стр. 13; *Даль I*, стр. 118; Словарь говоров, 3 стр. 119.
[66] *Гринченко I*, стр. 88.
[67] *K. H. Meyer.* Altkirchenslavisch — griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt und Hamburg, 1935, стр. 106 и сл.

В памятниках ст.-слав. письменности слово **хлѣбъ** употреблено для передачи греч. ὁ ἄρτος ‘хлеб’, преимущественно ‘пшеничный хлеб’. Однако в контексте это слово выступает в тех же значениях, что и в Пов. вр. л. ср., примеры: **приімъ ис. хлѣбъ ... прѣломи і** (Мф. XXVI, 26 Зогр. и др.); **рьци каменію семоу да бѫдетъ хлѣбъ** (Л. IV, 3 Мар.); **хлѣбъ на ... трепезѣ положив’** (Супр. 396. 6) — в этих примерах, как видно, речь идет о ‘коровае, ковриге хлеба’. В следующих примерах словом **хлѣбъ** обозначается понятие ‘продовольствие, съестные припасы’: **хлѣбъ срдце члку оукрѣпитъ** (Син. пс. CIII, 15); **хлѣбъ нашь насѫщьнъі даждъ намъ дньс** (Мф. VI, 11 Ас.,); **ізвести хлѣбъ отъ земліѧ** (Син. пс. CIII, 14), греч. τοῦ ἐξαγαγεῖν ἄρτον ἐκ τῆς γῆς; **сѣдоста оба ѥсти хлѣбъ** (Супр. 524, 19) и др.

Несмотря на совпадение в значениях слова *хлѣбъ* в Пов. вр. л. и памятниках ст.-слав. письменности нет оснований считать, что в др.-рус. оригинальных памятниках письменности это слово является заимствованным из церковных книг. Дело в том, что *chlěbъ* — общеславянское слово [68]. Полагают, что слово это славянами заимствовано из германского и, по мнению В. В. Мартынова, первоначально в значении ‘хозяйство, добро, пища’ [69], а значение ‘коровай, коврига’ оно приобрело под воздействием славянского *kruchъ*. Это мнение, несомненно, требует проверки, так как значение ‘пропитание, пища’ слово *хлѣбъ* могло получить в результате расширения употребления слова в переносном значении. Вероятно, что слово было заимствовано в значении ‘пшеничный хлеб, коровай’ (в таком значении *hleb* сохранился в словен., поскольку в общем значении ‘хлеб’ в словен. употребляется слово *kruh*). Это вполне вероятно потому, что, как показывает сам состав слова *пьшеница* < **pьch-en-o*, **pьchen-ica*, эта культура у славян первоначально употреблялась в пищу в виде крупы *pьšena*. Хлебопечение, возможно, появилось позже, в частности, *chlěbъ* славяне могли первоначально заимствовать в значении ‘коровай, испеченный из пшеничной муки’. По-видимому, первоначально и слово *коровай* употреблялось только в специфическом значении ‘вид пирога’, преподносимого жениху и невесте [70]. Заимствование тюрк. **kəvrəγ* восточными славянами в виде *къвригъ* > *ковригъ*, — *га* [71], западными славянами *vochenze*, *vochenz*, *bochenek*, *bochnik* [72] и т. д. свидетельствует о том, что названия отдельных видов хлеба усваиваются без особого труда.

В целом можно констатировать, что слово *chlěbъ* действительно могло быть заимствовано славянами из германского первоначаль-

---

[68] *Berneker I*, стр. 389; *Vasmer III*, стр. 245; *Sławski I*, стр. 66; *Machek*, стр. 156 и сл.
[69] *В. В. Мартынов.* Указ. соч., стр. 85 и сл.
[70] *Фасмер II*, стр. 332.
[71] *А. С. Львов.* Об этимологии слова *ковригъ, -га*. «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 153—158.
[72] *Sławski I*, стр. 38.

но в значении ‘коровай (коврига, буханка) пшеничного хлеба’. Как показывают данные памятников ст.-слав. письменности, уже в IX—X вв. это слово стало общеупотребительным в основном в двух указанных выше значениях ‘пища, пропитание’ и ‘печеный хлеб’ (коровай).

Упомянутый *къвригъ* в Пов. вр. л. употреблен всего один раз в уменьшительной форме *коврижекъ*, *коврижець*: (Феодосий) пооучивъ братꙋ. цѣлова (Ип. братью цѣловавъ) въсѧ по имени. тако изидѧше. из манастꙑрѧ. взимѫ (Ип. возмѧ) мало ковріжекъ (Р. А. коврижець) вшедъ в печеру и затворѧше двери печерѣ и засꙑпаше перстью (Л. 62 об., Ип. 68 об.). Слово же *коврига* зафиксировано в Л. под 6738 (1230) г. в сообщении о затмении солнца: рано въсходѧщю слнцю: бꙑс на .г. оуглꙑ ꙗко и *коврига* (Л. 157). Однако наличие в записи под 6582 (1074) г. *коврижець* < < *коврижьць* — явное свидетельство употребления слова *къвригъ* или *коврига*, от которого и образована уменьшительная форма *коврижьць*. Что касается формы *коврижекъ*, то она, по всей видимости, типа *клѣтька* или *денёк* < *дьпькъ*, которые в памятниках ст.-слав. письменности зафиксированы как исключения, а в памятниках же др.-рус. письменности как обычные [73]. Таким образом, форма *коврижьць*, по-видимому, — книжная, старославянская, а *коврижькъ* — восточнославянская. А. Шахматов при реконструкции первичного текста Пов. вр. л. выбрал форму *коврижькъ* [74]. Если прав Шахматов, то летописец использовал живую восточнославянскую форму, не подвергая ее переделке под книжную. В таком случае форма *коврижьць* могла появиться в период 2-го южнославянского влияния.

Упоминается еще слово *проскура* в предложении: бѣ же ѩдъ ѥго (Исакия. — *А. Л.*) проскура ѥдина, и та же чересъ днь водꙑ в мѣру пꙑше (Л. 64 об. — 65, Ип. 71). Слово *проскура* было широко употребительно как ритуальный хлебец при церковной службе. Восходит это слово к греч. προσφορά. По мнению А. И. Соболевского, «древнерусское *проскура* или, как в Кормчей ок. ок. 1282 г. *просхура* 105=*просфора*, *просфура* (Житие Нифонта 1219 г. 167) — обязано своим *к*, *х* влиянию глагола *проскумисати* προσκομίζειν и производных и не находится ни в какой связи с случаями замены *ф* через *х*, срв. в старых южнославянских памятниках *проскура*, современное серб. *проскура*, новоболгарск. *проскур*» [75].

Такое видоизменение звукового состава слова под влиянием других форм происходит при изустном заимствовании. Широкое распространение формы *проскура* в древнерусской письменности свидетельствует об изустном заимствовании восточными славя-

[73] *Sadnik-Aizetmüller*, стр. 174 и 200; Index a tergo, стр. 23 и сл., 251 и сл.
[74] *А. А. Шахматов.* Повесть врем. лет. I, стр. 235.
[75] *А. И. Соболевский.* Лекции по истории русского языка, изд. 4. М., 1907, стр. 129. — Другие мнения см.: *Преображенский II*, стр. 131; *Фасмер III*, стр. 381.

нами греч. προσφορά.. Это мнение подтверждается и тем, что от *проскура* образованы производные: *проскурьнъıи*, *проскурьна*, *проскурьникъ*, *проскурьница* [76].

В «Речи философа» читаем: и реч̄ гс̄ь къ Моисѣеви. слъıшахъ гугнанье (Ип. хулнание, Н., Р., А. хухнанье) снвъ излвъ. и вдасть (Ип. дасть) имъ (Ип. и.) *ману* (Ин., Н. *манну*) ѣсти (Л. 32, Ип. 37 об., Н. 54). Слово *манна*, являющееся греч. μάννα, по данным И. Срезневского, было употребительно преимущественно в церк.-слав. текстах [77], поэтому оно едва ли было распространено в устной речи. Как полагает О. Н. Трубачев, совр. *манка*, *манная* [крупа] не имеет отношения к церковному слову *манна* (небесная) [78]. Однако предлагаемая им этимология *манки* от man-, встречающаяся в словах *манить*, *обман*, требует более убедительной аргументации.

В числе продуктов питания упомянуто *кисель*: и повелѣ женамъ створити цѣжь. в немьже варѧть *кисель* (Л. 44, Ип. 48); и приведоша ѣ (печенегов. = *А.* Л.) къ кладѧзю идѣже цѣжь. и почерпоша, вѣдромь и лыѣша в латки. ѣко свариша *кісель* (Л. 44 об., Ип. 48 об.). Памятники ст.-слав. письменности не зафиксировали слова **къıсѣль** в значении 'вид пищи'. В Син. тр. всего один раз зафиксировано прилагательное или причастие **къıсѣлъ** в заглавии: **мол<итва> начатью виноу̀ къıсѣлоу̀** (14 а, 22).

Обе формы **къıсѣль** и **къıсѣлъ** образованы присоединением суф. **-л-** к глагольной основе **къıсѣ(-ти)**. Различие существительного от прилагательного (первоначально от причастия) состоит в употреблении **-ь** и **ъ** так же, как и в **бѣль — бѣлъ**, **твьрдь — твьрдъ**, **чѧсть — чѧстъ** и т. д. Сам способ образования существительного и прилагательного путем присоединения **ь** или **ъ** к одной и той же основе относится к периоду начала дифференциации общего имени на существительное и прилагательное. Первоначально **къıсѣлъ** являлось причастием, так же как и **зьрѣлъ** [79]. Написание в Пов. вр. л. *кисель* вместо ожидаемого **къıсѣль** объясняется соотнесением формы с глагольной основой **къıснѫти** > *киснути* ввиду выхода из употребления формы **къıсѣти**. Даже в памятниках ст.-слав. письменности эти основы смешивались, ср. Мф. XIII, 33: **въскъıсѣ** (Зогр.), **вькъıсѣ** (Мар.), но Л. XIII, 21: **вькъıсѣ** (Мар.), **въкъıсѣ** (Зогр., Сав.), **въскъıсѫ** (Ас.), т. е. в Зогр., Сав., Ас. представлена форма аориста от основы глагола **въскъıснѫти** или **въкъıснѫти**, а о Мар. — от **въкъıсѣти**.

Наличие слова *кисель* и способ его образования свидетельствуют о том, что вид пищи, обозначаемый этим словом, был древним, по крайней мере, у восточных славян.

[76] *Срезневский II*, стб. 1569 и сл.
[77] *Срезневский II*, стб. 112.
[78] *О. Н. Трубачев.* Из истории названия к а ш в славянских языках. Slavia, roč. XXIX, s. 1, 1960, стр. 13 и сл.
[79] *P. Diels.* Указ. соч., стр. 263; *M. Brodowska-Honowska.* Słowotwórstwo przymiotnika, стр. 185.

Как сказано, кисель варили из *цѣжа*, ср.: и повелѣ женамъ створити *цѣжь*. в немьже варать кисель (Л. 44, Ип. 48); людье налыша корчагу *цѣжа* и сѣли ѿ колодаза (Ип. кладаза — Л. 44 об., Ип. 48 об.) и др.

Цѣжь от *цѣдити*, т. е. **cĕd-jo* > *цѣжь*. Глагол *cĕditi* — общеславянский, однако *цѣжь*, по-видимому, только восточнославянское слово, которое встречается в севернорусских говорах в виде *цежс* (псков.) ‘вода, налитая на овсяную насеянную муку, и потом по окиси ее, процеженная, из нее варят овсяный кисель’ [80], а также: *циж* (твер.) ‘отстойная вода от овсяного киселя, сулой’ [81]; *цѣжа* (псков.) ‘овсяный кисель’ [82]; *цѣжо* (арх.) ‘выпаренный из брусники и подслащенный патокою или медом сок, с которым едят толокно’ [83]; ‘сок черники’ [84]. Кроме того, слово известно в виде *кежс* в тех же значениях [85]. М. Фасмер полагает, что *кежс* из *цѣжь*, при этом он не приводит данных, свидетельствующих процесс замены *ц* на *к* [86]. В говорах русского языка, не говоря о литературном языке, не фиксируются случаи замены *ц* на *к*. Наличие *к* на месте ожидаемого *ц* в таком случае следует рассматривать появившимся или в результате контаминации или представляющим праславянское *к* без перехода в *ц* перед *ѣ* < *oi*. Корень глагола *цѣдити* восходит к *(s)keid(t)-; *цѣжь* из **cĕd-jo* [87]. Ссылаясь на то, что в псковских, новгородских, олонецких, архангельских говорах рядом с *кежс* зафиксированы *кевец* ‘било у цепа’, *кеп* ‘ручка цепа’, *кедить* ‘цедить’ и т. п., С. Глускина признает, что в этих и других подобных словах представлен праславянский *к*, не перешедший перед *ѣ* < *oi*, и < *ei* в *ц*. На этой основе она строит теорию о начале второй палатализации в VI—VII вв., поскольку восточные славяне заселили северо-западные районы в указанное время и притом, по ее мнению, эти районы остались вне процесса второй палатализации заднеязычных. К дополнительным доводам в пользу этого допущения автор относит ранние написания *-кѣ* в слове *Дъмъкѣ* (Новг. минея, 1096 г.), на *отроке* (берст. гр. № 241 XI—XII в.); *по великѣ* (берст. гр. № 380); *къ коулотъкѣ* (берст. гр. № 105 и т. п.) [88].

З. Штибер, анализируя материалы, опубликованные в Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку

---

[80] Опыт, стр. 263.
[81] Опыт, 252.
[82] Доп., стр. 296.
[83] *Подвысоцкий*, стр. 186.
[84] *М. К. Герасимов.* Словарь уездного Череповецкого говора. СПб., 1910.
[85] Опыт, стр. 81; *Куликовский*, стр. 75; *Подвысоцкий*, стр. 65.
[86] *Фасмер II*, стр. 221.
[87] *Berneker I*, стр. 122 и сл.
[88] *S. Gluskina.* O drugej palatalizacji spólglosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach pólnocno-zachodnych. «Slavia orientalis», 1906, XV, N 4, стр. 475—482; *С. М. Глускина.* О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров). «Псковские говоры», II. Псков, 1968, стр. 30—43.

от Москвы (М., 1957), обнаружил, что в рассматриваемых говорах зафиксированы *цепец — тепец — кепец; цепник — тепинка — кепинка; цвет — твет — квет* и т. п. В последнем примере преобладающей является форма *твет*. Допуская, что форма *цвет* в указанных говорах может быть книжной, Штибер полагает, что вторая палатализация в рассматриваемых говорах реализовалась как $к > т'$; $g > d'$ [89].

Если Штибер прав, то первоначальной формой, в частности, может быть *тѣжь*, а не *кежь*. Однако форма *тѣжь* не зафиксирована, хотя формы *теп-* и *кеп-* имеются. *Кежь* образовано от *кедить* (последнее зафиксировано), которое теоретически восходит к **tĕditi*. Форма **t'ĕditi* с самого начала могла звучать как **kĕditi* в результате диссимиляции *t-d* в *k-d*.

Поскольку в русских говорах замена *к* и *г* на *т* и *д* и, наоборот, *т* и *д* на *к* и *г* обычны [90], то вполне вероятно, что *кеж* из **tĕžъ*. Говоря иначе, для доказательства того что в *кеж* представлен праславянский звук *к* без перехода в *ц* или *т* перед *ѣ*, необходимо представить дополнительные данные, помимо тех, какие приведены С. Глускиной.

Из продуктов питания *мясо*, упоминаемое не так редко, как будто имеет обобщенное значение, ср. характерный пример: (Святослав) возъ по себе не возѧше. ни котьла ни *мясъ* варѧ. но потонку изрѣзавъ конину ли. звѣрину ли. или говѧдину на оуглех испекъ ѣдаху (Л. 19, Ип. 25 об.); бѣше (Ип. на ѡбѣдѣ томь) множество ѿ *мясъ* ѿ скота. и ѿ звѣринѣ бѣше по изобилию всего (Л. 43 об., Ип. 47—47 об.); (Владимир) ѡ неѣденьи *мясъ* свинѣихъ. а ѡ питьи ѡтинудь. рька. Руси есть веселье питье. не можемъ бес того бѣти (Л. 27 об., Ип. 33 об.); и похвати бѣка (Ип. вола) рукою за бокъ. и вѣна кожю съ мясы. елико ему рука зая (Л. 42 об., Ип. 46) и т. п.

Последний пример показывает, что мясом называли 'тело, мускулы животного', что совпадает с др.-прус. *mensā*; лит. *mesā*, латш. *mìesa* 'тело, живое тело' [91]. Как видно из предыдущих примеров, под мясом понимали вообще мускульную часть животного, которая конкретизировалась в зависимости от вида животного: *говѧдина, конина, свинина, звѣрина, заячина* и т. д., ср. приведенные выше примеры и следующие: Бохмитъ нѣ оучить гля... *свининѣ* не ѣсти (Л. 27, Ип. 33); ѡни же (жидове. — *А. Л.*) рѣша ... *свининѣ* не ѣсти ни *заячинѣ* (Л. 27 об. Ип. 33 об.) и т. п.

Мясо — общеславянское слово, которое употреблено в памятниках ст.-слав. письменности, ср. **Ѣда ѣмь мѧса юнъча. Ли кръвь**

[89] *Z. Stieber*. Druga palatalizacja tylnojęzykowych w świetle atłasu dialektów rosyjskich na wschód od Moskwy. «Rocznik slawistyczny», 1968, t. XXIX, cz. 1, стр. 3—7.

[90] Русская диалектология. М., 1964, стр. 75.

[91] *R. Trautmann*. Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen 1910, стр. 377; *Фасмер III*, стр. 30 и сл.

козьлиж пиж (Син. пс. XLIX, 13); **мо҃л на҃д ѣдъшіімь скврънъна маса** (Син. тр. 22 а, 1—2); **васъ насытатъ маса** (Супр. 19, 16—17) и др. Что же касается названия отдельных видов. мяса в зависимости от животного, то в памятниках ст.-слав. письменности зафиксированы **зайчина, свинина** (ЖК, гл. X)[92], **оудавленина** (Син. тр. 104 б, 19). Таким образом, в Пов. вр. л. названия *говадина, звѣрина, конина* оказались включенными из живой речи восточных славян без посредства влияния памятников ст.-слав. письменности.

Образование же имен на *-ина* от основ существительных в значении 'продукт' является общеславянским продолжением индоевропейского наследия[93]. По этой причине отсутствие, например, в памятниках ст.-слав. письменности слов **говадина, звѣрина, конина** не означает, что их не было в языке южных славян. Так, **говаждь** зафиксировано в Супр. (113, 7, 178, 6); **звѣрь** — в евангелиях, псалтыри, Супр. и др.; **конь** — в псалтыри, Супр.

Упоминается охота, именовавшаяся тогда *ловъı*, ср.: *Ловъ* дѣюще (Ип. дѣющю) Свѣналдичю (Ип. Свѣньгелдичю). именемъ Лютъ. ишедъ бо ис (Ип. изъ) Киева. гна по звѣри в лѣсѣ. и оузрѣ и Ѡлегъ ... и заѣхавъ уби и. бѣ бо ловъı дѣıа Ѡлегъ (Л. 23, Ип. 29 об.); Мьстиславъ приде на *ловъı*. разболѣсѧ и оумре (Л. 51, Ип. 56); Всеволоду *ловъı* дѣющю звѣринъııа за Въıшегородомъ. заметавшимъ тенета и кличаномъ (Ип. людемь) кликнувшимъ. спаде превеликъ змии отъ (Ип. змѣи с) нб҃се (Л. 71 об., Ип. 79).

Места, где охотятся, названы *ловища*: суть становища еѣ (Ольги. — *А. Л.*) и *ловища* (Л. 17, Ип. 24); *ловища* еıа суть по всем земли (Л. 17, Ип. 24).

Ловъ — общеславянское слово, из восточнославянских языков оно сохранилось в укр. *лови* 'ловля, охота'. В Пов. вр. л., как видно из приведенных примеров, *ловъ* употребляется в сочетании с книжными словами, как ловъı *дѣющю, дѣıа*; *изиде* на ловъı.

В памятниках ст.-слав. письменности употреблены и производные от основы **лов-**: **ловъ, ловьць, ловьчь** (прилаг.), **ловитва, ловити**. В Пов. вр. л., кроме *ловъı*, находим: ръıбъı *ловѧща*, — в договоре Игоря от 945 г.; бѧху *ловѧща* звѣрь (Л. 4, Ип. 5); *ловити* звѣрь (Л. 5 об. Ип. 7) — последнее — цитата из Хр. Г. Ам. Употребление формы *ловище*, не зафиксированной в памятниках ст.-слав. письменности — свидетельство того, что и *ловъ*, *ловъı* было обычным в древнерусской речи.

Тенето — общеславянское слово, однако памятниками ст.-слав. письменности не зафиксировано. Образовано оно присоединением суф. *-ета* к корню *тен-*, так же как *решето*, *клепето* и т. п.

---

[92] *П. А. Лавров.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 21 и 56; Slovník jaz stsl. I, стр. 665.
[93] *А. Мейе.* Общеславянский язык. стр. 294; *W. Vondrák.* Указ. соч., стр. 420; *А. М. Селищев.* Старославянский язык, ч. II, стр. 68.

В Супр. зафиксировано слово от той же основы **тативъ-** < *tentiva: **жзами ѩко тативожⷭ наладче** (462, 25—26).

Кроме того упомянута *сѣть*, но в переносном употреблении в оборотах речи из церковных книг: (Феодосий) бѣсовьскꙑ̀хъ козни (Ип. кознѣи) избѣгъ и ѿ *сѣти* ѥго (Л. 71, Ип. 78 об.); избавлену бꙑти ѿ *сѣти* непрїазнинꙑ (Л. 71 об., Ип. 79); избуду соуѥтнаго сего свѣта. и мѧтежа. *сѣти* вражии (Л. 69 об., Ип. 77) и др. Наличие слова сѣть в восточнославянской речи свидетельствуют многие примеры, в частности, ст. 70 Рус. Пр., которая читается: оже боудеть росѣчена земл҃а или земли знамение. имьже ловлено или *сѣть*. то по вьрви искати въ собѣ тат҃а (л. 621).

Кличанинъ, по-видимому, только восточнославянское слово: памятники ст.-слав. письменности и словари других славянских языков его не фиксируют. Образовано *кличанинъ* от *клик* — по типу: *ловьчанинъ* ‘ловчий’, *коньчанинъ* ‘житель конца селения’; *присельчанинъ* ‘житель приселка’; *пиранинъ* ‘участник пира’ и т. п.

Кроме диких животных, как известно, разводились домашние, о чем свидетельствует прежде всего слово *стадо*. Полагают, что слово это — праславянское заимствование из германских языков, поэтому в нем находится необычное *-do*, не зафиксированное как суффикс. Ср. примеры: аще с҃а въвадить волкъ в овцѣ. то вꙑносить (Ит. ѿ носить) по единои все *стадо* (Л. 14 об., Ип. 21 об.); преидемъ пол҃а идеже пасоми бѣша *стада* конь. ѡвца и волове все тоще (Л. 74 об., Ип. 82 об.) и др.

Слово *стадо* употребляется переносно по отношению к монахам: молѧ с҃а за порученоⷮ ему *стадо* и за люди хсы̀ньскꙑ̀ѧ за землю русьскую (Л. 71, Ип. 78 об.); ѳеѡдосью держащю в животѣ своⷮемь правѧщю *стадо* порученоⷮ ѥмоу бм҃ь черноризци (Л. 70 об., Ип. 78 об.) и др. Употребление слова *стадо* в значении ‘монахи, духовная паства’ заимствовано из церковных книг, в которых оно обычно, например: і **въꙁведе ѩ** (людей. — *А. Л.*) **ѩко стадо** въ **поⷭстꙑнѭ** (Син. пс. LXXVII, 52).

В числе продуктов питания упомянута *рꙑба*. Так, в договоре Олега от 907 г. читаем: а иже придуть гостье да емлють ... мѣс҃ачину. на г҃. мс҃ць. и хлѣбъ и вино и мꙗса и *рꙑбꙑ*. и ѡвощемъ (Ип. 12 об., Л. нет); (Владимир) повелѣ пристроити кола. въскладаше хлѣбы. мꙗса. *рꙑбꙑ* ... возити по городу (Л. 43 об., Ип. 47) и др. Упоминается и *рꙑболовъ*, в си же времена бꙑс҃ дѣтищь ввержень в. ꙁѣстомль. ѥго (Ип. сего) же дѣтища вꙁволокоша *рꙑболове* въ неводѣ (Л. 55 об. Ип. 61 об.).

Слово *рꙑба* — общеславянское, по мнению В. Махека, вышедшее в славянские языки из «праевропейского» [94]. В памятниках ст.-слав. письменности это слово встречается нередко в формах **рꙑба** и **рꙑбица** ср.: **Гл҃а имъ и҃съ коліко хлѣбъ имате. Они**

[94] *Machek*[2], стр. 526.

же рѣша седмъ и мало рыбіць (Мф. XV, 34 Ас. и др.); скотъı польскъıѧ: и пътцѧ нснъıѧ: и рыбъı морьскъıѧ (Син. пс. VIII, 9) и др. Однако в памятниках ст.-слав. письменности греч. ἁλιεύς передано словами рыбарь и рыбитвъ, ср. видѣ дъва братра ... въмѣтаѫшта мрѣжа въ море. бѣашете бо рыбарѣ (Мф. IV, 18 Зогр.; в Ас., Сав., Остр. — ловьца), греч. ... ἦσαν γὰρ ἁλεεῖς; тот же текст в Зогр. и Мар. повторяется Мк. I., 16 (это место в апракосы не входило); Л. V 2,: И видѣ дъва корабле стоѩща при езерѣ. рыбітві (Мар. рыбъıтвъı; Зогр. и Остр рыбари) же ошедъше от нею плакаахѫ мрѣжѧ (Ас.), греч. ... οἱ δὲ ἁλλεεῖς.

Пов. вр. л. не заимствовала ни одно из этих слов, она, как видели, употребила слово *рыболовъ*, которое, наряду с *рыбьникъ*, употребительно в оригинальных памятниках др.-рус. письменности.

В приведенном выше примере, в котором зафиксировано слово *рыболовъ*, упомянут еще *неводъ*. Этим словом в памятниках ст.-слав. письменности переведено греч. σαγήνη. Слово общеславянское, но его происхождение не имеет бесспорной трактовки. Так, М. Фасмер полагает, что слово от корня *vod-* и родственно с лит. *vadai* мн. 'сеть', лат. *vads* 'большой невод' и т. д., а *не-* признается отрицательной частицей, употребленной по мотивам табу, чтобы рыбы не узнали опасного для них приспособления [95]. Махек же допускает, что слово *неводъ* как и *рыба* — «праевропейское» [96].

Вопрос этот требует дальнейших разысканий.

Масло и *тукъ*. Первое слово упомянуто не в качестве продукта питания, а лекарства: чл҃вкъ кацѣ҃м любо недугомь ѡдержи҃м приходаше в манастырь ... Дамьянъ ... абье створаше молитву и *масломь* помазаше ... (Л. 64, Ип. 70). В ЖФП читаем: бѣ же самъ ѣда хлѣбъ соухъ и зелиѥ варено без *масла* (л. 50 в).

В памятниках ст.-слав. письменности словом масло передано греч. ἔλαιον, последнее в ев. употребляется без перевода в виде олѣи, лишь в Зогр. Л. X, 34 вместо олѣи читается масло: пристѫпль обваза строупъı его. вьзливаѧ масло і вино; в других: олѣи и вино.

По всей видимости, слово *масло* имело значение 'растительное масло'. Полагают, что масло из **maz-slo* от *mazati* [97]. В таком случае первоначальное назначение этого растительного по происхождению продукта сводилось к мазанию, т. е. вначале, видимо, оно не было продуктом питания. Однако в пору составления Пов. вр. л. *масло* несомненно употреблялось как продукт питания, о чем свидетельствует пример, приведенный выше из ЖФП.

Тукъ зафиксирован в Речи философа, и то только в Ип.: възропташа люде на Моисѣа. и на Арона ркущи (Л. рькуще).

---

[95] *Фасмер III*, стр. 55 и сл.
[96] *Machek*[2], стр. 398.
[97] *Фасмер II*, стр. 578.

луче нꙑ бѣше въ Египтѣ, ѥже ꙗдохо҃м мѧса и *тукъ* и хлѣбъ до сꙑтости (37 об.), в Л. и Н.: мѧса и лукъ. и хлѣбꙑ до сꙑти. Вероятно, что в первичном тексте Речи философа читалось все же *тоукъ*, а не *лоукъ*, потому что речь идет о мясе, жире и хлебе, поэтому не ясно, причем тут *лукъ*.

В памятниках ст.-слав. письменности словом **тоукъ** переведено греч. στέαρ 'сало' ср. **ѣко тоукꙋ и масти исплъни сѧ дш҃а моѣ** (Син. пс. LXII, 6), греч. ὡσεὶ στέατος καὶ πιότητος ἐμπλησθείη; **і натроу ѩ отъ тоукꙋ пъшенічьна** ... (Там же LXXX, 17), греч. ... ἐκ στέατος πυροῦ; **волꙑ ихъ тоучьнꙑ сътвори. Питѣниѣ ихъ оумъножи** (Син. тр. 15 б, 14—16), греч. τοὺς βόας αὐτῶν παχεῖς ποίησον ...; **юнъці тоучьні** (Син. пс. XXI, 13), греч. ταῦροι πίονες.

В приведенном примере из Речи философа *тукъ* — книжное слово, но оно не чуждо летописцу, потому что *тоукъ* является общеславянским[98]. Ныне в русском языке *тук* употребляется редко[99], однако прилагательное же *тучный* и поныне обычное слово.

Медъ, видимо относился к продуктам питания, а также к напиткам. Так, в примере: повелѣ пристроити кола. въскладавше хлѣбꙑ. мѧса рꙑбы. ѡвощь розноличнꙑи. *медъ* в бчелках ... возити, въпрашающе. кде болнии ... (Л. 43 об., Ип. 47), здесь '*медъ* в сотах' бесспорно фигурирует в числе продуктов питания. В примере: и створи праздник великъ вара .т. проваръ *меду* (Л. 43, Ип. 47), тут *медъ* является хмельным напитком. Кроме того, *медъ* является товаром, а также им платили дань, ср. рѣ҃ч Стославъ ... ту вса блгаꙗ сходатса ... из Руси же скора воскъ *медъ* и челад҃ (Л. 20 об., Ип. 27); рекоша же деревлане што (Ип. что) хощеши оу насъ ради даемъ *медомь* и скорою. ѡна же рече имъ. нꙑнѣ оу васъ нѣ҃с (Ип. нѣту) *меду* ни скорꙑ (Л. 16 об., Ип. 23 об.).

Приведенные и другие примеры свидетельствуют о том, что восточные славяне в XI—XII вв. производили много меду. Слово *медъ* — общеславянское, являющееся индоевропейским наследием[100].

В памятниках ст.-слав. письменности слово **медъ** употреблено только в значении 'продукт питания' ср. Мф. III, 4: **ѣдь же его бѣ҃ акріді и медъ дівіи** (Ас.), греч. ...καὶ μέλι ἄγριον; **Коль сладька грътани моемоу словеса твоѣ. Паче меда оустомъ моімъ** (Син. пс. CXVIII, 103); многъ медъ ꙗжъ (ЖК, гл. XI) и др.

Употребление слова *медъ* в Пов. вр. л. таким образом не обусловлено книжными традициями.

О времени приема пищи. В Пов. вр. л. упоминаются *заоутрокати*, *обѣдати*, *обѣдъ*, и *оужинати*: *заѫтрокавъше* (Ип: *завътрокавше*) оу Ратибора придѣте ко мнѣ (Л. 76, Ип. 83 об.); *заоут-*

[98] *Фасмер IV*, стр. 116; *Machek*[2], стр. 660.
[99] *Даль IV*, стр. 441; Опыт, стр. 233; ССРЛЯ 15, стб. 1111 и сл.
[100] *Преображенский I*, стр. 521; *Фасмер II*, стр. 588 и сл.; *Machek*[2], стр. 357.

рокаи брате. и ѡбѣщасѧ Василко *заоутрокати* (Л. 87 об., Ип. 89); онѣм *обѣдоующим* и плакати нача попадыа (Л. 88, Ип. 89 об.); Мьстиславу сѣдащю на ѡбѣдѣ. приде ему вѣсть. ꙗко Ѡлегъ на Клазмѣ (Л. 86, Ип. 87 об.); Василко... иде поклонитсѧ къ стму Михаилу в манастꙑрь. и *оужина* ту (Л. 87, Ип. 88 об.).

Судя по имеющимся данным, интересующие слова *заоутрокъ*, *заоутракати*, *обѣдъ*, *обѣдати*, *оужина*, *оужинати* были общеславянскими, хотя позже даже на восточнославянской почве *заоутрокъ*, *заоутрокати* в укр. и блр. заменились на *сніданок—снідати*, *снедание—снедаць*, *а оужина—оужинати*— на *вечеря—вечеряти*; *вячэра—вячэраць*.

Далее идут слова, обозначающие напитки. Ряд примеров свидетельствует о том, что слово *питье* употреблялось в значении 'процесс приема хмельного напитка' или 'хмельной напиток' ср.: Руси есть веселье *питье*. не можемъ бес того бꙑти (Л. 27 об., Ип. 33 об.); Мьстиславъ имѣныа не щадѧше ни *питыа*. ни ѣденыа брандше (Л. 51, Ип. 56 об.); ѿ многаго брашна. въ ѣденьи бо мнозѣ и *питьи* безмѣрнѣ. въздрастають помꙑсли лукавии (Л. 62, Ип. 68) и др. Лишь один раз зафиксировано слово *пьаньство*: (Всеволодъ) бѣ же и самъ въздержасѧ ѿ *пьаства* (Ип., Р., А. *пьаньства*) и ѿ похоти (Л. 72, Ип. 79 об.).

В памятниках ст.-слав. письменности употребительны оба слова, причем **питье** в значениях:

1. 'вода для питья': **иде попелъ ѣко хлѣбъ ѣсъ: и пітье мое съ плачемъ растворѣахъ** (Син. пс. CI, 10), греч... καὶ τὸ πόμα μου μετὰ κλαυθμοῦ ἐκίρνων; **се бо два десати нстъ днии. нѣ въкоусила ни ꙗта ни питиа** (Супр. 520, 1).

2. 'процесс приема хмельного напитка': **поустоши і блѧди ѣкоже азъ колижѣдо сътвориχъ. і всѣ из лиχа. Ѣ ѣденьи. і въ питьи. и непрадьнѣмь съпаньи** (Син. тр. 72 а, 16—20). В этом значении здесь чаще употребляется слово **пиѣньство**, ср. **Лиχоѫ ѣдиѫ. і пиѣнъствомь** (68 а, 18—19).

3. 'хмельной напиток': **противѫ силѣ питиа оучениоу почрьпѣмъ водѫ** (Супр. 312, 28—29).

Пьаньство, образованное присоединением к основе причастия суф. **-ьство**, является несомненно книжным словом, поскольку живой восточнославянской речи такие образования чужды.

Вероятно, и слово *питье*, относящееся к таким типам по образованию, как: *сънитие*, *възвитие*, *възлитие*, *прижитие*, *начатие* и т. п., является книжным, старославянским. Правда, образование типа *мꙑтьё*, *шитьё*, и т. п. известно, но они употребительны в значении 'процесс действия' так же, например, как: **готовити водѫ на питиѥ страннꙑимъ** (Супр. 550, 5—6). Это значение должно быть первичным, а в значениях *2* и *3* слова **питиѥ** являются переносными.

В Сказании о белгородском осадном сидении употреблено слово *сꙑта*, в примерах: придоша с ними к другому кладязю и почер-

поша *сѣтъі* (Л. 44 об., Ип. 48 об.); людье же налѣша корчагу цѣжа и сѣтъі ѿ колодазѧ (Ип. кладазѧ) — (Л. 44 об., Ип. 48 об). Здесь же рассказывается, как готовится *сѣта*: и повелѣ (старець. — *А. Л.*) искати меду. ѡни же шедше взяша меду лукно. бѣ бо погребено в кнажи медуши. и повелѣ росѣтити велми. и вълѧти в кадь в друзѣмь колодази (Л. 44, Ип. 48). Таким образом, *сѣта* — 'напиток', 'вода, сыченная медом'. Полагают, что по корню *сѣта* относится к *сѣтъ*, *сѣтѣіи*, откуда и *досѣть* 'достаточно' [101]. Кроме восточнославянских языков слово *syta* известно еще польскому языку, в котором оно означает woda miodem nasycona или woda miodowa [102].

Как показывает пример Пов. вр. л., с сытой ели кисель, ср. свариша кісель . . . и почерпоша сѣтъі. и почаша ѣсти (Л. 44 об., Ип. 48 об.) В. Даль иллюстрирует слово *сыта* примером: *с сытой кисель да кутью едят* [103]. Однако *сыта* была и хмельным напитком, о чем свидетельствует, например, Афанасий Никитин, который пишет: Индиѣяне . . . вина не пиють. ни *сыты* [104]; А жити в Гундустанѣ ино всѧ собина исхарчити, зань же у нихъ все дорого . . . по полутретиѧ алтына на день харчю идеть, а вина есми не півалъ, ни *сѣтъі* [105].

От того же корня *сѣт* — и глагол *насѣтитисѧ* 'поесть вдоволь по потребности' и *досѣти* 'досыта' ср.: слѣшю ѡже мѧ хоче (Ип. хочеть) дати лѧхом Двдъ. то се мало сѧ *насѣтилъ* крове моеѧ. а се хочеть более *насѣтити сѧ*. ѡже мѧ вдасть имъ (Л. 89 об., Ип. 91); доколѣ не *насѣтите сѧ* злобъ вашихъ (Л. 57, Ип. 62 об., — цитата из Хр. Г. Ам.); въ Еюптѣ. . . ѣдахомъ мѧса лукъ (Ип. и тукъ) и хлѣбъі *досѣти* (Ип. *до сѣтости*) — Л. 32, Ип. 37 об.) — последний пример из «Речи философа».

В первом примере перфект *сѧ насѣтилъ* (*ѥсть*) и инфинитив *насѣтити сѧ* употреблены в переносном значении. То же и во втором примере, являющемся цитатой из Хр. Г. Ам. Лишь в третьем примере наречие *досѣти* — в прямом значении, но и этот пример — цитата из «Речи философа».

Поскольку корень *syt-* общеславянский, причем, как показывает пример с наречием *досѣти*, сущ. имело форму *syть*, *досѣти* из формы р. п. с предлогом *до: до сѣти*, а форма *сѣтъ* — прилагательное.

Слово *квасъ* представлено всего двумя примерами: совлокутьсѧ (Ип. съвлекутсѧ) и будуть нази. и ѡблѣютсѧ (Ип. ѡбольютсѧ) *квасомъ* оусниѧнѣімъ (Ип. мѣтелью) и возмуть на сѧ прутье младое (Ип. возмуть вѣникѣі). бьють сѧ сами (Ип. начнуть хво-

[101] *Фасмер III*, стр. 820 и сл.
[102] *Brückner*, стр. 529.
[103] *В. Даль IV*, стр. 377.
[104] Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг. М.—Л., 1948, стр. 18.
[105] Там же, стр. 26.

статиса) Л. 3 об., Ип. 5); повелѣ пристроити кола. въскладше хлѣбъı маса рꙑбъı... медъ въ бчелкахъ. (Ип. бчкахъ, Р. А. въ бочкахъ). а въ другꙑіхъ *квасъ*. возити по городу ... (Л. 43 об., Ип. 47).

В первом примере не ясно, что такое *квасъ оусньıанъ*. Первичным, как отметили в главе II, был текст Ип. В последнем вместо *квасомъ оусньıанъıмь* находим ясное и понятное *мꙑтелью*, которое И. Срезневский объясняет как 'навар разных душистых трав' (мяты, левистика и т. п.), употребляемый для мытья головы [106]. Р. и А. сходных с Л., также читается: обольютса мꙑтелью.

Во втором приведенном примере *квасъ* развозится в бочках. Здесь уже речь идет о напитке, возможно, хмельном.

Квасъ — общеславянское слово [107]. Приготовление кваса как хмельного напитка, надо полагать, восходит к древности. Так, Л. I, 15 в Зогр. читается так: **бждетъ бо велиі прѣдъ бмь. і вина творена кваса не іматъ пити.** (Л. 132), в Ас., Остр., Мар.: **и вїна и сікера**, греч. καὶ οἶνον καὶ σίκερα...; В Ветхом завете в кн. Царств I, 11 читается: καὶ οἶνον καὶ μέθυσμα, но этот вариант не мог вызвать употребления **творена кваса**, последнее собственно является смысловым переводом греч. σίκερα 'хлебное вино'.

В памятниках ст.-слав. письменности слово **квасъ** встречается в двух значениях: 1) 'закваска' и 2) 'квас' σίκερα [108]. Хотя слово *квасъ* общеславянское, но в значении 'особый кислый напиток' более известно восточным славянам, у которых и поныне употребительно это слово, потому что с древних пор у них существует реалия, обозначаемая словом *квас* [109].

В связи с этим сообщение Пов. вр. л. о том, что развозили в бочках *квасъ*, надо полагать, соответствует действительности.

Вино упоминается редко, в основном, тогда, когда речь идет о чужестранных спиртных напитках, ср. примеры: Врахманеи ѡстровьници... мас не ѣдуще. ни *вина* не пьюще (Л. 5 об., Ип. 7); вꙑнесоша ему (Олегу — *А. Л.*) брашна и *вино*. и не прия (Ип. 12, Л. нет); а иже придуть гостье да емлють мѣсачину. на .мсць. и хлѣбъ и *вино* и маса и рꙑбъ и ѡвощемъ (Ип. 12 об.); и приде Ѻлегъ къ Киеву. неса золото и паволокꙑ. и Ѻвощи и *вина* и всако оузорочье (Ип. 12 об.) и т. д. Лишь один раз: «Лютѣ бо граду тому в немъ же кназь оунъ» любяи *вино* пити съ гусльми. и съ младꙑіми свѣтнікꙑ (Л. 48, Ип. 52 об.), где после цитаты из Еккл. X, 16 (заключена нами в кавычки) идет суждение летописца о Святополке, но и то сужде-

---

[106] *Срезневский II*, стб. 219.
[107] *Преображенский I*, стр. 303 и сл.; *Фасмер II*, стр. 218; *Machek* [2], стр. 311.
[108] Slovník jaz. stsl. II, стр. 19.
[109] *Даль II*, стр. 102; *Ушаков I*, стб. 1346; Словарь русского языка II, стр. 56; ССРЛЯ 5, стб. 912.

ние навеяно, надо полагать, следующим: къ смѣхъ творятъ хлѣбъ и вино ... еже веселитися живоущиимъ (Еккл. X, 19). Обычно о питии хмельного пишется: повелѣ штрокомъ своимъ *пити* на нѧ (Л. 16, Ип. 22 об.); Стополкъ ... всю нощь *пилъ бѣ* с дружиною своею (Л. 48 об., Ип. 53 об.); единою же *пьюще* (Ип. *пьющу*) Ростиславу с дружиною своею. рѣч котопанъ кнѧже на тѧ *хочю пити*. шному же рекши (Ип. рекшу) *пии*. шн же *испивъ* половину, а половину дасть кнѧзю *пити*... (Л. 56, Ип. 62) и др.

Приведенные данные наводят на мысли, что в Киевской Руси хорошо освоенного слова *вино*, кажется, не было, и употребление его навеяно памятниками ст.-слав. и церк.-слав. письменности, в которых оно обычно[110]. Как известно, слово *вино* признается заимствованным из латинского или германского языков[111]. В пользу последнего свидетельствует употребление уже в евангелиях слова **виноградъ**, поскольку в герм.-гот. *weingards*, крымско-гот. *wingart* 'растение виноград', греч. ἡ ἄμπελος, ср. **члкъ етеръ... насади винограда. и оплотомъ и огради** (Мф. XXI, 33 Ас. и др.), греч. ἄνθρωπος ἦν... ἐφύτευσεν ἀμπελῶνα... Однако уже в псалтыри наряду с **виноградъ** в значении ἄμπελος употреблено и **вино**, ср. **ізбі градомь вина іхъ і чрѣніцѣ іхъ сланомъ** (Син. пс. LXXVII, 47), греч. ἀπέκτεινεν ἐν χαλάζῃ τὴν ἄμπελον αὐτῶν...; то же в Син. тр. **гадовъ. і все еже обидитъ вина. і нивы**... (59 а, 12—13), греч... τὰς ἀμπέλους καὶ τὰς χώρας...

Помимо этого, в памятниках ст.-слав. письменности употреблены производные **винынъ, винарь, винопитие, винопивьца, виноградьнъ** и др.[112].

В Пов. вр. л., как видели, ничего этого нет. Если *вино* берут в качестве дани и подарка, то производство хмельного напитка из винограда на Руси едва ли существовало, хотя, правда, в ЖФП читаем: привезоша .г. возы полънъı соуще кърчагъ съ *винъмь* (Усп. сб., л. 51).

Словом, более вероятно, что слово *вино*, как и *виноградъ*, восточными славянами заимствовано или из южнославянских языков или из памятников ст.-слав. письменности, при этом не ранее X—XI в. в.

Остановимся еще на отдельных словах, связанных с процессом приготовления и потребления пищи и питья.

Глагол *варити* употреблен для обозначения процесса приготовления пищи или питья на огне, например: помогати поча (Ип. нача) поваромъ. *варѧ* (Ип. и *варити*) на братѣю (Ип. братью) — Л. 65 об., Ип. 72); Володимеръ... постави црквь. и створи праздник великъ. *варѧ* т. проваръ меду (Ип. переваръ меду). и

---

[110] Slovník jaz. stsl. I, стр. 192.
[111] *Преображенский I*, стр. 84 и сл.; *Фасмер II*, стр. 316 и сл.; *Machek*, стр. 567.
[112] Slovník jaz. stsl. I, стр. 190—192.

съзъıваше болѧръı (Ип. боıѧръı) своѧ. и посадникъı... ѥи люди многъı (Л. 43, Ип. 47).

Глагол *вьрѣти — варити* является общеславянским, употреблены они и в памятниках ст.-слав. письменности[113], но слово *поваръ* в них не зафиксировано. В Супр. греч. ὁ μάγειρος передано словом **сокачии**, ср.: **вънегда манастъръскаıа штоужде кръмьница зъдаıше сѧ. потом же постави и (Иоанна. — *А. Л.*) блаженъıи сава. сокачиѫ. варити и слоужити братии вьсеи** (Супр. 284, 4—8); **сокачиѧ чистѣıшѧ васъ сѫтъ. иже сѫтъ раби человѣчьсти. ıако въ дворѣхъ закалаıѫтъ чистѣ на сънѣдение человѣкомъ** (там же, 116, 2—5) и др. Наличие **-чии** допускает, что **сокачии** — тюркское слово, и это тем более вероятно, что в др.-тюрк. зафиксированы слова с корнем *soq-*, *soγ-* (γ < *q*) со значением 'приготовить съестное', ср. ol qojdan qurut soγdï 'он сделал себе курут (засушенный творог. — *А. Л.*) из овечьего (молока)'; *soγut* 'сыр из кислого молока'; *soqlu* 'колбаса — казы'[114], чув. *сукта* (из *сокта*) 'колбаса из полбенной крупы'[115] и т. д., отсюда **сокачии** 'повар' — вполне естественно.

Неубедительно сближение по корню **сокачии** и **сокъ**, греч. χύλος 'сок'[116], на что обратил внимание М. Фасмер[117].

Дело в том, что от *сок* — по аналогии **кръмъчии, къниıгъчии, шаръчии** и т. д. могла образоваться только форма ***сокъчии** (чего нет), а не **сокачии**. Последняя же форма представляет результат присоединения суф. **-чи(и)** к основе **сока-**, являющейся в тюркских языках первоначально формой причастия, т. е. *soq-* > *soqa* по типу *uv-* 'размельчать, крошить', *uva* 'вид кушанья'[118]. Эту же основу **сока-** находим в слове **сокалькъ** 'поварня, кухня', образованном присоединением суф. **-лькъ** к указанной основе, по типу *jemišlik* 'фруктовый сад'; tavarluq 'склад' *ayiliq* 'казнохранилище' от *ayi* 'драгоценность'[119]. Ср.: **къıдѧ къ сокалекъ гıти къ своемоу братоу; къниде сокалекъ рекше к повардню и шврѣте брата**[120]

В Пов. вр. л. в значении μάγειρος употреблено слово *поваръ*, образованное присоединением приставки *по-* к *варъ*, по типу: *подроугъ* 'ближний', *послоухъ* 'свидетель', *посълъ* 'посланный', *породъ* 'дитя', 'порождение' и т. д. Слово *поваръ* — восточнославянское, живое, и поныне. В Пов. вр. л. имеются такие примеры: *Поваръ* же Глѣбовъ именемь Торчинъ вънезъ ножь зарѣза Глѣба (Л. 46 об. Ип. 51 об.); и по заоутрени (Исакий. — *А. Л.*) идѧше

---

[113] Slovník jaz. stsl. I, стр. 363 и 166.
[114] Древнетюркский словарь, стр. 506—509.
[115] *Н. И. Ашмарин.* Указ. соч., вып. XI, стр. 166.
[116] *Miklosich*, стр. 313; *А. Meillet.* Études, стр. 352; Sadnik-Aitretmüller, стр. 306. Здесь ссылка на остальную литературу.
[117] *Фасмер III*, стр. 708.
[118] Древнетюркский словарь, стр. 619.
[119] Там же, стр. 657.
[120] Сборник к. XIV в. ГБЛ, ф. 304 (Тр.—Серг.), № 9, л. 170 об. — Материал СДР.

в *поварьницю* и приготоваша огнь. воду, дрова. и придаху прочии *повари* ѿ братьѣ. єдин(ъ) же *поваръ* бѣ. такоже бѣ именем тѣмже. Исакии. (Л. 65 об., Ип. 72) и др.

Поварьница, надо полагать, образовано от *поварьна*, последнее также употребительно в памятниках др.-рус. письменности [121].

Поваръ как специалист мог содержаться князем, боярином, монастырем. Правовое положение повара в обществе было такое же, как и у княжьего отрока, конюха. По ст. 11 Рус. Пр. за убийство их брали виру в 40 гривен, ср.: Аже въ кнѧжи отроцѣ. или конюсѣ. или въ *поварѣ* то м҃. грвнъ (л. 616 об.).

Выше отметили, что достаток в пище и питии обозначается словом *изобилие*, *изобиловати*. Противоположное понятие обозначается словом *оскоудѣвати* ср. аще ли по моей смрти (Ип. животе) *ѡскудѣвати* начне манастꙑрь. черноризци и потребами манастꙑрьскыми. то вѣдуще буди ꙗко не оугодилъ єсмь бу҃ (Л. 63, Ип. 69 об.); наша земля *ѡскудѣла єсть* ѿ рати и ѿ продажь (Л. 73, Ип. 80 об.).

Слова с корнем *skǫd-* употребительны и в памятниках ст.-слав. письменности: **аште ли да неврѣжетъ пшеница лежати ки въ житьници. и да не въсѣкѣтъ отъ нея. то оскѫдѣкѣтъ пшеница. не можѣтъ бо изъобиловати** (Супр. 266, 9—12); **вражьѣ оскѫдѣшѧ оржьѣ в конець** (Син. пс. IX, 7); **азъ же молюхъ сѧ о тебѣ. да не оскѫдѣетъ вѣра твоѣ** (Л. XXII, 32 Зогр. и др.).

Поскольку в восточнославянских языках слова с тем же корнем широко употребительны, то нет оснований признавать их по происхождению книжными. В южных и западных славянских языках слова с этим корнем или совсем не встречаются, или употребляются только как книжные.

Рядом с *оскоудѣти—оскоудѣвати* употребляется глагол *изнемагати*, например, *изнемагати* начаша людье в градѣ водною жажею и голодомъ (Ип. гладомъ). — Л. 73 об., Ип. 81 об.); *изнемогаша* людье в градѣ гладомь (Ип. ѿ глада) и предашасѧ ратнꙑмъ (Л. 75, Ип. 82 об.) и др. в которых *изнемагати* употреблено в значении ‘обесилеть, ослабеть’. Этот глагол широко употребителен в памятниках ст.-слав. письменности [122], ср. к примеру: **колѣнѣ мои изнеможете отъ поста** (Син. пс. СУШ, 24) греч. τὰ γόνατά μου ἠσθένησαν ἀπὸ νηστείας; **ізнемагаетъ крѣпость моѣ** (там же LXX, 9) ἐκλείπειν τὴν ἰσχύν μου; **боржштии сѧ съ нами врази наши ти изнемогоша и падоша** (Супр. 74, 16—18) и др.

По-видимому, в Пов. вр. л. этот глагол книжного происхождения. Вероятность такого допущения основывается на том, что др.-рус. *немочь* зафиксирована только в значении ‘болезнь, недуг’, а ст.-слав. **немошть** — и в значении ‘бессилие, слабость’, например: **паданьемь своѫ немошть намъ показаша** (Клоц. 5а, 21);

---

[121] *Срезневский II*, стб. 994.

[122] Slovník jaz. stsl. I, стр. 753 и сл.; *Sadnik-Aitzetmüller*, стр. 42.

отъвръгъши женьскыѫ немощь. въземъши же мужьскыѫ крѣпость ... идѣаше (Супр. 80, 16—20) и др.

Теоретически *изнемагати — изнемочи* могло появиться и на восточнославянской языковой основе, потому что образования на *изне-* в современном русском и украинском языках обычны, ср. рус. *изневага*, укр. *зневага*; рус. *изневолить*, укр. *зневолити*; рус. *изневажить*, укр. *зневажати*; и т. п. Приставка *из-* в этих образованиях употреблена в значении 'целиком, полностью', в таком значении она известна и восточнославянским языкам, ср. для примера рус. *измолотить*, *избить*, *изныватъ*, *изнежить*, *измять* и т. п.

К рассматриваемой группе относятся еще слова *алъчьба*, вар. *алъчь*, *жажа* и *гладъ — голодъ*. Первое слово зафиксировано в единственном примере под 6601 (1093) г., рассказывающем о том, что после сдачи Торцьска половцам последние запалили город и увели жителей, которые: стражюще печални мучими зимою ѡцѣпланеми. в *алчи* (Ип. *алъчбѣ*) и в жажи и в бѣдѣ ѡпустнѣвше лици ... нази ходаше (Л. 75, Ип. 83).

Как известно, формы алъкати, алъчь, алъчьба, алъчьнъ и др. широко употребительны в памятниках ст.-слав. письменности [123], корень которых в прибалтийских языках имеет форму *alk-* [124]. В русских народных говорах широко употребительны формы прилагательного *алошный*, *алишный*, *алочный*, и др.[125], реже: *алшоба*, *алшобничать* [126]. Полагают, что русские диалектные формы распространились из литературного языка, где *алкать*, *алчный* признаются церковнославянизмами. По-видимому, такое мнение соответствует действительности, так как в восточнославянском вместо начального *а-* следовало бы ожидать *о-*. Однако форма **олъкати* нигде не зафиксирована.

Кроме приведенного выше примера, слово *жажа* встречается еще в ряде примеров: изнемогаша (Ип. изнемогаху) водною *жажею* и предашас (Л. 37 об., Ип. 41 об.); изнемогати начаша людье в градѣ водного *жажею* и голодомъ (Л. 73 об., Ип. 81 об.) и др. По мнению М. Фасмера, *жажа* — исконное др.-рус. слово [127]. Думаем, что написание *жажа* отражает древнерусское упрощение ст.-слав. жажда. Дело в том, что русскому и украинскому языкам в этом значении известно слово *жадоба*, а употребление в них форм *жажа* неизвестно. Наоборот, памятники ст.-слав. письменности не фиксирует форму жадоба.

Что касается слова *гладъ — голодъ*, восходящего к праславянскому *gold- [128], в Пов. вр. л. преимущественно встречается

---

[123] Slovník jaz. stsl. I, стр. 27 и сл.
[124] *Преображенский I*, стр. 5; *Фасмер I*, стр. 73; *Sadnik-Aitzetmüller*, стр. 211.
[125] Словарь говоров 1, стр. 240 и сл.
[126] Там же, стр. 242.
[127] *Фасмер II*, стр. 33.
[128] *Berneker I*, стр. 320; *Sławski I*, стр. 294; *Machek*, стр. 129; *Преображенский I*, стр. 140; *Фасмер I*, стр. 430 и др.

книжная, старославянская форма *гладъ*, по крайней мере, в первой половине Пов. вр. л. выдержанно употреблена неполногласная форма. Лишь раз читаем: бѣ мѧтежь великъ и *голодъ* по всеи тои странѣ (Л. 50, Ип. 55 об.). Помимо этого, в отдельных примерах употребление полногласного и неполногласного перемежается: не стерпѧть людье *глада* (Ип. *голода*) — Л. 44, Ип. 48); изнемагати начаша людье в градѣ водною жажею а *голодомъ* (Ип. *гладомъ*) — Л. 73 об., Ип. 81 об.); се снъ твои оубьенъ., а мы изнемагаемъ *гладомъ* (Ип. *голодомъ*). да аще не придеши хотѧт людье предати. не могуще *глада* терпѣти (Л. 91 об., Ип. 93 об.).

Эти примеры свидетельствуют об одном: нормой др.-рус. литературного языка было употребление только неполногласных форм. Однако при поздних переписках, как отметил Л. П. Якубинский «у переписчиков» то здесь, то там срывались с пера древнерусские народные формы [129].

Изложенное позволяет констатировать:

1. Преобладающим в лексике данной главы является общеславянский словарь, к которому относятся: *орати*, *рало*, *ролыѧ*, *нива*, *землѧ*, *жито*, *овьсъ*, *пьшено*, *пьшеница*, *просо*, *отроубь*, *зелье*, *сьнѣдь*, *мѧсо*, *говѧдина*, *звѣрина*, *заѧчина*, *конина*, *свинина*, *рꙑба*, *масло*, *обѣдъ*, *обѣдати*, *оужинати*, *тоукъ*, *тучьнꙑи*, *медъ*, *питье*, *сꙑта*, *варити*, *оскоудѣвати*, *ловꙑ*, *сѣть*, *тенето*, *неводъ* и др.

Сюда же относятся заимствованные слова, распространившиеся почти во всех славянских языках: *лоукъ*, *проскоура*, *хлѣбъ*, *хъмель*.

Некоторые общеславянские слова употреблены в книжной, или южнославянской фонетике — графической оболочке, как *гладъ*, *ѣадь*, *ѣденье* и нек. др.

2. Только книжными, или старославянскими являются: *брашьно*, *вино*, *виноградъ*, *въкоусити — въкоушати*, *гобино*, *изобилье*, *изнемагати* (вероятно), *мана*, *овощь*, *пища*, *питѣти*, *потреба*, *пѣанство* и нек. др.

Как видно, количество их в сравнении с общеславянскими словами невелико.

3. В Пов. вр. л. по рассмотренной лексико-семантической группе находим целый ряд характерных только восточнославянской речи слов, как : *плоугъ*, *смердъ*, *цѣжь*, *кꙑсель*, *мꙑтель*, *вѣникъ*, *коврижькъ*, *поваръ*, *поварьнѧ*, *поварьница*, *оужинъ*, *оужинати*, *заоутрокъ*, *заоутрокати*, *кличанинъ*, *лошадь* и мн. др. Такие слова, как: *кърмъ*, *покърмъ*, *кърмлѧ*, *кърмити*, *кърмильць*, хотя и известны некоторым памятникам ст.-слав. письменности, но тем не менее в Пов. вр. л. они оказались из живой восточнославянской речи, а не из церковных книг. Об этом свидетельствует окружение слов, среди которых они употреблены, ср. имѣмъ . . . *кормлю* ѿ землѣ (Л. 44 об., Ип. 48); бѣ оу ꙗрослава *кормилець*

[129] *Л. П. Якубинский.* История древнерусского языка, стр. 103.

и воевода именемь Будъı (Л. 48 об., Ип. 53 об.); разведѣте дружіну мою по городомъ на *покоръмъ* (Ип. на *кормъ*) — Л. 49, Ип. 54) и т. п. Форм **кръмильць**, **покръмъ** классические памятники ст.-слав. письменности не знают. Летописец их мог взять только из речи восточных славян. Такие слова, как: *обилье*, *обильнъıи*, *село*, *поле*, *польскъıи*, *полѧнинъ*, одинаковы по звучанию с соответствующими старославянскими, но от последних они отличаются в семантике, в связи с чем и эти слова оказываются восточнославянизмами.

Говоря в целом, др.-рус. литературный язык, как видно в словарном отношении состоял главным образом из элементов общеславянских и восточнославянских. Поскольку основным условием письменного языка было то, чтобы писать так же, как и в церковных книгах, то летописец, разумеется, старался строго придерживаться этих требований и норм.

Глава V

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

Пов. вр. л. описывает события, охватывающие период более 250 лет, если исходить из первой даты в ней — 852 г. и последней — 1110 (по Л.), вернее, пожалуй, 1125 г. (по Л.); 1126 (по Ип.), когда: престависѧ ... великъıи кнзь всеıа Руси. Володимерь Мономахъ (Ип. 108, Л. 97 об.). После этого сама летопись становится областной — Киевской, Суздальской, Новгородской и т. д. В начале X в. Киев становится столицей древнерусского государства, и Русь, объединяясь в единое целое, доходит до своего расцвета при Ярославе Мудром (1016—1054 гг.), после смерти которого центробежные силы начинают брать вверх. Правда, при Владимире Мономахе центростремительные силы как будто начинают преобладать, но после его смерти в 1125 г. эти силы почти сходят на нет.

Более чем за 250-летний период развития древнерусского общества в языке не утвердился термин, обозначающий древнерусское государство в целом, так как слово *цѣсарьство* (перевод βασιλεία), как увидим ниже, в Пов. вр. л. употреблено только по отношению к другим государствам и ни разу по отношению к Руси. В значении 'государство' в Пов. вр. л. употребляются *земля* преимущественно с определением, и *страна*. Приведем примеры: ловища. еıа (Ольги. — *А. Л.*) суть по всеи земли (Л. 17, Ип. 24, Н. 34); хочю жити в Переıаславци в Дунаи, ıако то есть среда *земли* моеи... (Ип. 26 об.—27, Л. 20—20 об., Н. 38 об.), — говорит Святослав матери Ольге; реч̑ Володимеръ (хозарским евреям. — *А. Л.*) ... гдѣ есть *земл*ѧ ваша ѡни же рѣша въ Ерс̑лмѣ (Л. 27 об., Ип. 33 об., Н. 48); и рѣста ıеи (Анне. — *А. Л.*) братьıа (Василий и Константин. — *А. Л.*) еда како ѡбратить бъ̑ тобою рускую *землю* в покаıанье. а греческую *землю* избавишь ѿ лютъıа рати (Л. 38, Ип. 42, Н. 62 об.); и раздѣлиста по Днѣпръ Русьску *землю*. Ꙗрославъ прия сю сторону. а Мьстиславъ ину (Л. 50 об., Ип. 56); такъ же бѣ и другъıи брат̑. именемъ Еремиıа. иже помнѧше крщнье *землѣ* русьскъıа (Л. 64, Ип. 70); и снѧшасѧ на оустроенъıе мира и глаша к собѣ рекуще. почто губим̑. Русьскую *землю*. сами на сѧ котору дѣюще (Л. 86 об., Ип. 88); поиди Ꙗрополкъ на ѡлга брата своего. на деревьску *землю* (Л. 23, Ип. 29 об., Н. 41 об.); Олегъ же ... переıа всю *землю* Муромску и Ростовьску (Л. 85 об., Ип. 87); бъıс̑ маıежь в *земли* лядьскѣ (Л. 51, Ип. 56); идоша половци

на грькы с девгеневичемъ. воеваша по гречьстѣи *земли* (Л. 75 об., Ип. 83 об.); рѣч ему (Всеволоду. — *А. Л.*) Изаславъ ... не блудилъ ли бѣхъ по чюжимъ *землам*. имѣны лишенъ бых (Л. 67—67 об., Ип. 74 об.); и ѡтоле оувѣдать инꙑ *странꙑ* каку любовь имѣють грьци съ Русью (Л. 13 об., Ип. 20 об.); Игорь же нача кнажити въ Киевъ (Ип.: Киевѣ). миръ имѣа ко всѣмъ *странамъ* (Л. 14 об., Ип. 21); николиже помышлю на *страну* вашю, ни сбираю вои (Ип.: людии). ни языка. ни иного приведу на *страну* вашю . . . ни *страну* болгарьску (Л. 22 об., Ип. 29) и др. Однако, слово *страна* употребляется и в прямом значении, ср.: и ста Володимеръ на сей *сторонѣ* (Ип.: *странѣ*) — Трубежа. — *А. Л.*). а печенѣзи на ѡнои. и не смаху си на ѡну *страну*. ни ѡни на сю *страну* (Ип. *сторону*). — Л. 52, Ип. 46); бѣ бо раслабленъ тѣломь. яко не мощи ему обратитиса на другую *страну* ни встати ни сѣдѣти (Л. 65 об., Ип. 71 об.); позрѣ по братьи. иже стоꙗть поюще по ѡбѣма *странама* (Ип.: *сторонама*). — Л. 64, Ип. 70) и др.

В памятниках ст.-слав. письменности находим: **і исхождаше къ немоу вьсѣ июдеиска страна** (Мк. I, 5 Ас., Сав., Остр., Мар., Зогр.), греч. ... πᾶσα ἡ Ἰουδαία χώρα; **ис отиде въ странѫ тоурьскѫ и сѹдоньскѫ** (Мф. XV, 21 Мар., Зогр., Остр.), греч. ὁ Ἰησοῦς ἀνεχώρησεν εἰς τὰ μέρη Τύρου καὶ Σιδῶνος; **мьніи сѫ отиде на странѫ далече. и тоу съі расточи имѣние свое** (Л. XV, 13 Ас., Остр., Мар., Зогр.), греч. ... ἀπεδήμησεν εἰς χώραν μακράν ... и т. п.

Слово *страна* в значении 'государство' употребляется часто в договорах. По мнению Н. Лавровского, это слово употребляется для перевода греч. μέρος, которое весьма часто в греч. языке употреблялось вместо χώρα[1]. *Страна*, восходящее к *stor-na (ср. *просторъ*), первоначально обозначало 'направление', а также 'пространство', от последнего значения развилось понятие 'край', 'область', 'государство'. В евангелиях, как видно из приведенных примеров, **страна** употреблено как для перевода χώρα, так и μέρος. Понятие же 'сторона', 'бок' в евангелиях обычно передается словом **полъ**, ср.: **і пришедъшоу емоу исѹи на онъ полъ. въ странѫ ѣрѣсинскѫ. и сърѣтете дъва бѣсъна** (Мф. VIII, 28 Мар.), греч. καὶ ἐλθόντος αὐτοῦ εἰς τὸ πέραν εἰς τὴν χώραν Γεργεσηνῶν . . .; **ис. ізиде съ оученикы своими на онъ полъ потока кедрьска** (И. XVIII, 1 Мар.), греч. ὁ Ἰησοῦς ἐξῆλθε ... πέραν τοῦ χειμάῤῥου τοῦ κέδρων.

Употребление в Пов. вр. л. слова *страна — сторона* в значении 'сторона', 'бок' является русским народным, которое в ряде случаев искусственно подводится под книжное написание *страна*. Однако употребление в Пов. вр. л. *страна* 'государство', 'область', по всей видимости, представляет церковнославянизм. Этим следует объяснить и употребление в данном случае слова *страна* в неполногласной форме.

---

[1] *Н. Лавровский.* О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853, стр. 145.

В памятниках ст-слав. письменности слово **земля** встречается и в значении 'область', 'государство', ср.: **пр҃ѣѣвъше придѫ на землѭ ѣенисаретъскѫ и приставша** (Мк. VI, 53 Мар.), в Зогр.: **приѣхавъше придошѧ въ землѫ ...; тебѣ дамъ землѭ ханановѫ** (Син. пс. CIV, 11); **заключити имъ весь въходъ въ грѣчьскѫ земьѭ** (Супр. 566, 25 — 26); **въ то же вр҃ема гонениа. обр҃ѣтоша сѧ въ персьстѣ земи** (там же, 255, 10 — 11)[2].

Несмотря на это, нам кажется, что в Пов. вр. л. слово *земля* в значении 'область', 'государство' употреблено вне зависимости от памятников ст.-слав. письменности. В пользу высказанного мнения можно выдвинуть следующее, *первое*: в памятниках ст.-слав. письменности слово **земля** в приведенных значениях встречается редко, чаще в тех же значениях употребляется **страна**. *Второе*: как видели, в Пов. вр. л. слово *земля* зафиксировано со следующими определениями: *роуськаѧ, деревьска, ростовьска, муромьська, лядьска*, а так же: *чюжаѧ*, ср.: и послаша кияне къ Стославу глѣше тъı *чюжеѧ земли* ищеши и блюдеши. а своеѧ сѧ ѡхабивъ (Л. 20, Ип. 26 об., в последнем: *лишивъ* вм. *ѡхабивъ*; Н. 38), так же в Рус. Пр.: а и-своюго города *въ чюжю землю* свода нѣтоуть (ст. 39, л. 619) и т. п. *Третье*: наличие оборотов речи: *роуська земля, деревьска земля, моуромьска земля, лядьска земля* и др. — убеждает, что слово *земля* с соответствующими определениями употребляется больше в значении 'область', 'княжество', а не 'государство' восточных или других славян. Действительно, в Нов. I лет. в понятие *Русьскаѧ земля* никогда не включается ни Новгород, ни Псков, ни Смоленск и другие северные города и области, ср.: въ лѣт. 6643 (1136). ходи Мирославъ посадникъ из Новагорода. мирить кънѧнъ. съ черниговьци и приде не оуспевъ ничтоже. сильно бо възмала сѧ вса *земля роусскаѧ*. Ипропълкъ к себе зваже новъгородьце. а черниговьскъıи кнѧзь к собе. и биша сѧ (л. 16); идоша вса братиа. *роуськъıѧ земля* на половьцѣ. на соутѣнь и побѣдиша ѧ (л. 6 об.); пр҃ставис *въ роус* Всѣволодъ мсца июля (л. 24); приходиша ѣмь. и воюваша *область новгородьскоую* (л. 22 об.); на осень ходи Стопълкъ съ всѣю *областию новъгородьскою* на Гюргѧ. хотѧ на Соуждаль (л. 24 об.—25); ходиша вса *роусскаѧ земля*. на Галичь. и много попоустиша облас ихъ (л. 24) и т. п. Как видно, вса *роуськаѧ земля* такая же область, что и новгородская, галицкая и т. п. А. Н. Насонов, рассмотрев вопрос о территории Русской земли, пришел к выводу, что в нее входили всего 3 области: Киевская, Черниговская и Переяславская [3]. Автор пишет: «Устойчивость термина, как термина географического, показывает что «Русская земля» весьма древнего происхождения, и сложилась она, очевидно, не в IX в., когда из состава ее выделяются княже-

---

[2] Другие примеры см. Slovník jaz. stsl. I, стр. 670 и сл.

[3] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 29 и сл.

ства Киевское, Черниговское и Переяславское, а значительно раньше» [4]. Автор приводит достаточно данных, убеждающих в правоте своих утверждений.

Итак, термин *Роусьскаꙗ земля* в основном географический, территориальный. По-видимому, у всех славян слово *земля* было употребительно в значении ‘область’. Изредка летописец под словом *Роусь* объединяет всех восточных славян, ср.: се бо токмо словѣнескъ ꙗзыкъ *в Руси*. поляне деревляне. ноугородьци. полочане. дреговичи. сѣверъ бужане зане сѣдоша по Бугу. послѣже же велыняне (Л. 4. об., Ип. 5 об.) Но, как установил А. Шахматов [5], приведенное место и другие, где говорится о Руси как о целом восточнославянском государстве, в летописи появилось не ранее начала XII в., по всей видимости, при Владимире Мономахе, особенно старавшемся объединить все восточнославянские области в единое целое. Поскольку на территории восточнославянских областей не образовалось устойчивого государственного объединения строго централизованной властью, то этим, надо полагать, объясняется отсутствие единого термина, соответствующего по значению понятию ‘государство’, ‘цѣсарьство’. Этим же объясняется и то, что на территории восточнославянских областей, формально подчиненных Киеву, существовали, как увидим ниже, слова *каганъ* и *кнꙗзь*, которые правили в отдельных областях, но не было особого слова, выражающего понятие ‘правитель всех областей’. Все восточные славяне по языку, быту и нравам все же считали себя едиными, а так как восточнославянские области, если даже и не полностью, но все же признавали над собой власть Киева, то нередко киевский князь именуется *великыи*, ср.: престависѧ *великыи кнꙗзь* Ꙗрославъ (Л. 54 об., Ип. 60); престависѧ *великыи кнꙗзь Всеволодъ* снъ Ꙗрославль внукъ Володимерь (Л. 72, Ип. 79 об.); престависѧ блговѣрныи и *великыи кнꙗзь Русскыи Володимеръ*. снъ блговѣрна ѡца Всеволода. оукрашеныи нравы. прослуꙑи в побѣдах. Ѥго имене трепетаху всѧ страны (Л. 97 об., Ип. 108 более пространно). Однако называние Игоря (первого) великым едва ли оправдано (см. Л. 11 об., Ип. 18—18 об.). По мнению Н. Лавровского, *великыи кнꙗзь* по отношению к Игорю появилось в результате перевода его договора, где в греч. читалось ἄρχοντες [6]. Нельзя точно сказать, существовало ли определение *великыи* по отношению к киевскому князю или же этим словом наградил их летописец, заимствовав его из договоров с греками. В договоре Игоря *великыми* именуются и цесари византийские (см. Л. 11 об., Ип. 18 об.).

Под 6544 (1036) г. читаем: посемь же (т. е. после смерти Мстислава. — *А. Л.*) перея власть его всю Ꙗрославъ и бъıс *самовлас-*

[4] *А. Н. Насонов*. Указ. соч., стр. 30.
[5] *А. А. Шахматов*. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908, стр. 2 и сл.
[6] *Н. Лавровский*. Указ. соч., стр. 105.

тець Русьстѣи земли (Л. 51, Ип.: *единовластечь* (56 об.). По-видимому, такого титула Ярослав не носил, поэтому в разных списках он именуется по-разному. Не ранее XII в. летописец записал: И нача кнажити Володимеръ въ Киевѣ единъ (Л. 25, Ип. 31), видимо, не опираясь на наемников-варягов. В договоре Олега от 912 г. читаем: к вамъ Львови и Александру. и Костантину. великьмъ ѡ бзѣ *самодѣржьцем* цсремъ грѣцкъімъ (Ип. 13, Р. 16 об.). *Самодьржьць*, калька греч. αὐτοκράτωρ, был бы подходящим к Ярославу, а может быть и к Владимиру, отцу Ярослава, однако они едва ли носили названные выше титулы. В надгробной надписи Ярослава читается: **жсъп. ник цра нашго**[7]. Летописец умалчивает, что Ярослав именовался *цѣсаремь* (об этом еще ниже, см. 1). И. Срезневский в своих Материалах для словаря древнерусского языка не зафиксировал слова *единовластьць*, там имеется *единовластие* с одним примером из слов Григория Назианзина по списку XI в. и *едиповластьство* — из Богословия Иоанна экзарха Болгарского по сп. до 1200 г. **Самовластьци** один раз зафиксировано в Супр. (81, 23). В летописи, кроме приведенного выше из Л., под 6670 (1162) г. в Ип. читаем: вѣгна Андрѣи. епа Лѣѡна. исъ Суждала и братѹ свою погна. Мьстислава и Василка. и два Ростиславича снцва своа. мужи ѡца своего переднии. се же створи *хота самовластець* быти. всѣи Суждальскои земли (185 об.). Явно книжное слово *самовластьць* летописцами было усвоено из-за какого-то источника. При этом по отношению к Ярославу Мудрому летописец словом *самовластець* или *единовластець*, видимо, желает подчеркнуть, что после смерти Мстислава он один правил тремя областями, именуемыми в целом Русьская земла.

Слово *власть* в Пов. вр. л. встречается нередко. В текстах оригинальных, написанных летописцем от себя, это слово употребляется в значении 'управление', ср.: прна *власть* единъ (Н. 29 об., Л. без слова единъ (7об.), Ип.: и прна Рюрикъ *всласть* (описка. вм. *власть*. — *А. Л.*) всю ѡдинъ (8 об.); и вшедъ Ѩрополкъ в городъ ѡлговъ прна *волость* его (Ип. 29 об., Л.: перена *власть* (23 об.), Н.: прна власть (41 об.); преставлышюса великому кназю Ѩрославу прна *власть* снъ его Изаславъ (Л. 53, Ип. 58 об.). Слово *власть* — *волость* изредка употреблено в значении 'область', 'княжество': аще ти ѡидеть в свою *волость*. да оузришь аще ти не заиметь град да помнанешь мене (Л. 87, Ип. 88 об.); посем же приходящю Велику дни. поиде Двдъ хота перенати Василкову *волость* (Ип.: *власть*) — Л. 89 об., Ип. 91 об.), так же в послесловии Григория дьякона к Остр.: **изаславоу же къназоу тогда предрьжащоу обѣ власти. и оца своего ѩрослава. и брата своего володимира** (л. 294 об.). В договорах Руси с греками слово *власть*

---

[7] *С. А. Высоцкий.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв., вып. I. Киев, 1966, см. табл. IX и X, а также стр. 39 и сл.

употребляется в значении 'право', 'возможность': и да не имѣють *власти* Русь. зимовати въ оустьи Днѣпра (Л. 13, Ип. 20); не имѣють *власти* купити паволокъ (Ип. 19, Л.: *волости* (12); да не имать *волости* (Ип.: *власти*) кнѧзь рускии. да воюеть на тѣхъ странахъ (Л. 13, Ип. 20) и др. Все три значения слова *власть* известны памятникам ст.-слав. письменности[8]. Допустимо, что в значении 'область', 'территория, на которую распространяется управление князя', рассматриваемое слово было восточнославянским, поэтому, надо полагать, оно чаще других писалось с полногласным сочетанием: *волость* <**volod-tь*.

Власть князя опиралась, по имеющимся данным, на бояр и дружину; материально она обеспечивалась данью. Слово *дань*, образовавшееся присоединением к основе глагола *da-* суф. *-nь*, первоначально обозначало то, что отдают, поэтому в говорах оно зафиксировано в значениях: 'подарок'; 'приданное'[9]. Уже в памятниках ст.-слав. письменности дань зафиксировано для передачи греч. φόρος 'налог', 'подать' и τέλος 'пошлина'[10]. В этих значениях слово *danь* оказалось общеславянским, правда, в южнославянских языках оно ныне имеет форму болг. *данък*, с.-хорв. *danak*. В Пов. вр. л. *дань* зафиксировано в значении 'налог', 'подать', возможно, еще и 'поборы', ср.: и рѣ̀чь (Святослав. — *А. Л.*) вдтичемъ. кому *дань* даете. ѡни же рѣша козаромъ по щьлдгу. и ѿ рала даемъ (Л. 19, Ип. 25 об., Н. 36 об.); поча ѡлегъ воевати деревлдньı и примучи вои (Ип.: примучивъ ѣ) имаша на них *дань* по чернѣ кунѣ (Л. 8 об., Ип. 10). Мьстиславъ ... зарѣза Ределю шедъ в землю его. взд все имѣнье его ... и *дань* възложи на касогъı (Л. 50, Ип. 55); в се же врема приключисд прити ѿ Стослава *дань* ємлющю Їневи сну Вьıшатину (Л. 59, Ип. 65, Н. 91—91 об.) и др. Зафиксировано и слово *даньникъ* 'сборщик дани'. ѠЛегъ ... *дани* поча брати ... и посла ... Їрослава брата своего в сторожѣ ... Мьстиславъ же ... послаша Добрьıню Рагуиловича. передъ собою въ сторожѣ. Добрьıнд же первоѥ изъима *даньникъı*. оувѣдав же Їрославъ се ѣко изъимани *данници* ... и побѣже тои нощи (Л. 86, Ип. 87). Правда, здесь значение *даньникъı* не совсем ясно. Памятники ст.-слав. письменности слово дднѧникъ не зафиксировали, и оно, надо полагать, образовалось на восточнославянской почве.

На Руси, кажется, существовала *десдтина*, если основываться на следующих двух примерах: Володимеръ ... рекъ сице даю цркви сеи ... ѿ имѣньıя моего и ѿ градъ моихъ *десдтую* часть ... и вдасть *десдтину* Настасу Корсуднину (Л. 43, Ип. 46 об., Н. 72 об.); бдше ... се кнѧзь (Ярополк. — *А. Л.*) тихъ ... *десдтину* дала стѣи бци и всего своего имѣньıя по всд лѣта (Л. 69 об., Ип.

---

[8] *А. С. Львов.* Очерки по лексике, стр. 69 и сл.
[9] *Даль*[4] *I*, стб. 1030; *Подвысоцкий*, стр. 36 и 138; ССРЛЯ, 3, стб. 555.
[10] Slovník jaz. stsl., стр. 463.

76 об.). Судя по примерам, *десѧтина* давалась той или иной церкви князем. Не исключено, что слово это заимствовано из памятников ст.-слав. письменности [11], поскольку оно употребляется только по отношению к церквям, а также к религиозным ритуалам, ср.: постъ ... далъ ѥсть намъ. м. днии. Сию на ѡчищеныѥ дши. се бо ѥсть *десѧтина* даѥма ѿ тѣла бу. днии бо есть ѿ года до года т. и .е. А ѿ сихъ днии десѧтыи днь. въздаѧти бгови *десѧтину* (Л. 62, Ип. 68, Н. 96 об.) — в рассуждениях по поводу преставления Феодосия, игумена Печерского.

Слово **десѧтина** употреблено в евангелиях, ср.: **поѭ сѧ дьва кратъı въ сѫботъ. десѧтинѫ даѭ ѿ вьсего єліко прітѫѭ** (Л. XVIII, 12 Ас., в других нет предлога **отъ**, в последних также читается: а не **въ сѫботъ**, а **въ сѫботѫ**), греч. νηστεύω δὶς τοῦ σαββάτου, ἀποδεκατῶ πάντα ὅσα κτῶμαι. **Десѧтина** по типу **година**, в которых **-ина** придает основе значение ‘часть от чего-то’ [12]. В значении, в котором употреблено в приведенных примерах из Пов. вр. л., слово *десѧтина* в точности соответствует ст.-слав. **десѧтина**. В других же случаях понятие *десѧтина* обозначается словосочетанием *десѧтаѧ часть* или *десѧтъıи* [13].

Не ясно, кто такие были *десѧтьникъ* или *десѧтьскъıи* и *сотьскъıи* или *сътьникъ*, зафиксированные в примере: оустави ... пиръ творити и приходити боꙗромъ. и гридьмъ и *соцькимъ* и *десѧтникомъ* (Л. *съцьскъıмъ*, Р. *сотникомъ*; *десѧцьскъıм*, Р. *десѧтьскимъ*; Н.: *сочкъıмъ и десѧчьскъıм* (Ип. 47, Л. 43 об., Н. 73 об.). В памятниках церк.-слав. письменности зафиксировано только **десѧтинѧникъ** [14] и **сътьникъ** [15], которыми в евангелиях переданы греч. ἑκατόνταρχος и κεντουρίων. Не исключено, что в период составления Пов. вр. л. у нас были должностные лица в дружине: *сътьскъıи* и *десѧтьскъıи*, которых позже переписчики перепутали с книжными **сътьникъ** и **десѧтьникъ**. В Новг. I лет. нередки употребляемые слова *тъıсѧчьскъıи*, в Пов. вр. л. это слово не зафиксировано.

Один раз в Пов. вр. л. встречается слово *старостꙗ*, ср.: начаша (новгородцы. — *А. Л.*) скотъ събирати ѿ мужа по .д. гривнъı. а ѿ *старостъ* по .л. грив. а ѿ боꙗръ по .и. грив (Л. 49, Ип. 54). Что такое должностное лицо существовало на Руси, свидетельствуют многие памятники, в том числе и Рус. Пр. где ст. 24 читается: а в сельскомъ *старостѣ* кнажи и въ ратаинѣмъ .в. гривнѣ (ст. 24 Краткой Рус. Пр.). Это древнейшее слово с архаическим суф.-*st* [16]

---

[11] Там же, стр. 476.
[12] *А. А. Потебня.* Из записок по русской грамматике, III. Харьков, 1899, стр. 33 и сл.
[13] *Срезневский I*, стб. 660.
[14] Slovník jaz. stsl. I, стр. 476.
[15] *Sadnik-Aitzetmüller*, стр. 131.
[16] *О. Н. Трубачев.* История славянских терминов родства. М., 1959, стр. 179 и сл.

широко было употребительно в древнерусском языке в самых различных значениях[17], но оно ни одного разу не встречается в памятниках ст.-слав. письменности, в которых в близком значении употреблены два слова: **старьци людьсции,** οἱ πρεσβύτεροι τοῦ λαοῦ и **старѣишина,** ὁ πρῶτος, ср.: **егда ѥродъ рождъствоу своемоу вечерѣ творѣаше. кнѧземъ своимъ и тъиснѣникомъ. и старѣишинамъ галилеискъиимъ** (Мк. VI, 21 Ас.), греч. ὅτε Ἡρῴδης τοῖς γενεσίοις αὐτοῦ δεῖπνον ἐποίησεν τοῖς μεγιστᾶσιν αὐτοῦ καὶ τοῖς χιλιάρχοις καὶ τοῖς πρώτοις τῆς Γαλιλαίας.

Позже *староста* заменяют словом *тиунъ*, так в Рус. Пр. читаем: кнѧжь моужь. или *тивоуна* кнѧжѧ (ст. 1, л. 615 об.), слово *тивоунъ*, как установлено, заимствовано из скандинавских языков[18]. В Пов. вр. л. это слово зафиксировано только один раз: і начаша *тивунѣ* его грабите (Л.: *ти оуниі* грабити) люди и продаѧти (Л.: продавати) — Ип. 80, Л, 72 об.), помимо этого, в Л. в Поучении Владимура Мономаха: в дому своемь не лѣнитесѧ но все видите. не зрите на *тивуна*, ни на ѡтрока. да не посмѣютсѧ приходѧщии к вам҃ (Л. 80 об.).

Слово *старьць* в Пов. вр. л., если не брать во внимание употребление его в цитатах из церковных книг, фиксируется в значении 'почетный старик', ср.: созва Володимеръ болѧрꙑ и старции градскиѣ (Л. 36 об., Н. 60); и створи (Владимир. — *А. Л.*) праздникъ великъ въ тъ дн҃ь болѧромъ и старцемъ людьским҃ (Ип. и Н.: градьскꙑм҃) — Л. 43, Ип. 46 об., Н. 72 об.); бѣ же единъ *старець* не былъ на вѣчи томъ (Л. 44, Ип. 48); свѣтъ створше братьꙗ идоша к *старцю* Антонью и рекоша постави намъ игумена (Л. 54, Ип. 59 об.); престависѧ Ѳ҃нь *старець* добрꙑи живъ лѣт҃ .ч. в старостѣ маститѣ (Л. 94 об., Ип. 96 об.) и т. п.

По всей видимости, в ряде случаев в Пов. вр. л. слово *старѣишина* употреблено в подражание книжным оборотам, ср.: съзꙑваше болѧрꙑ своѧ посадникꙑ *старѣишинꙑ* по всѣм҃ градомъ (Л. 43, Ип. 47, Н. 73); взѧ градъ и пожьже и *старѣишинꙑ* же града изънима (Л. 17, Ип. 23 об., — про дрѣвлян при мщении Ольги); призва *старѣишину* конюхомъ рка҃ кдѣ҃ есть конь мои (Ип. 15 об., Л. нет листов). Если у Олега большая группа конюхов, тогда естественно могло быть назначение из них *старѣишинꙑ*, но было ли так, мы не знаем; ѥлмаже тꙑ брате мои показа ко мнѣ любовь введе мѧ на столъ мои. и нарек҃ мѧ *старѣишину* собѣ. се азъ не помѧну злобы первꙑѧ (Л. 68), Ип.: нарекъ мѧ *старѣиши* себе. се азъ ... (75 об.). Надо полагать, Ип. ближе к живой восточнославянской речи.

Анализ примеров, в которых встречаются слова *старьць* и *старѣишина*, склоняет к мысли, что они большей частью употреблены в подражение книжным оборотам речи.

---

[17] *Срезневский III*, стб. 496 и сл.
[18] *Miklosich*, стр. 356; *Vasmer III*, стр. 108 и сл.

В Пов. вр. л. находим *соудии* и *соудыа*, *соудьнъıи*, *соудъ* и *соудити*, все они употреблены в цитатах из церковных книг или в книжных оборотах речи, ср.; аще бо ка҃а землѧ оуправитсѧ пред҃ бмь. поставлѧеть еи цр҃ѧ или кнѧза праведна. любѧща *судъ* и правду и властелѧ оустраѧеть. и *судью* правѧщаго *судъ* (Л. 47 об. — 48, Ип. 52 об.) — цитата из Паремейника [19]; по сих҃ же *судѧше* Илии жрець (Л. 32 об., Ип.: служаше (38), Н. нет ни *судѧше* и ни *служаше* (54 об.), — цитата из «Речи философа»; да достоѧнье имам҃ в днь суднъıи (Л. 68, Ип. 75 об.) — 1-ое посл. Ио. IV, 17, и т. д. Примеры свидетельствуют, что такие общественные институты, как: *соудъ*, ст.-слав. **сѫдъ**; *соудии*, *соудыа*, ст.-слав. **сѫдии**; *соудьнъıи*, ст.-слав. **сѫдьнъıи**; *соудити*, ст.-слав. **сѫдити** в Пов. вр. л. употреблены только как книжные слова. Таким образом, на основании данных Пов. вр. л. мы не можем судить о том, существовали ли на Руси упомянутые правовые институты. В Рус. Пр. имеются статьи, в которых упоминаются *соудиа* (л. 620 об.), *соудъ* (л. 615 об.), *соудити* (л. 615 об.), однако *соудити* здесь означает ‘определять’, ср.: а ино все ѥкоже Ꙗрославъ *соудилъ*. такоже и сн҃ы его оуставиша (л. 615 об; 37—40), а *соудъ* — ‘устав’.

Употребительно и слово *оуставъ*, которое весьма многозначно [20]. В большинстве примеров это слово употребляется по отношению к церкви, к ее распорядкам и службе, ср.: и заповѣда еи ѡ црквнмъ *оуставѣ*. ѡ млтвѣ и ѡ҃ постѣ (Л. 17 об., Ип. 24, Н. об.); и бѣ Ꙗрославъ любѧ црквнъıа *оуставъı*. попъı любѧше по велику (Л. 51 об., Ип. 57); и того же манастъıрѧ переѧша вси манастъıреве *оуставъ*. тѣмьже почтенъ есть манастъıрь Печерьскъıи старѣе всего (Ип.: всихъ — Л. 54, Ип. 60) и т. д. Лишь в двух примерах словом *оуставъ* обозначено ‘совокупность гражданских правил’: и тъ показненъ будеть по закону гречьскому по *оуставу* (Ип.: ставу) и по закону рускому (Л. 12 об., Ип. 19 об.); и иде Вольга по дерьвьстѣи земли ... оуставлѧющи *оуставъı* и оурокъı (Л. 17, Ип. 24, Н. 34). *Оуставъ* — отглагольное имя от *оуставити* ‘определить’ (порядок выполнения). Вероятнее всего, слово заимствовано из памятников ст.-слав. письменности, ср.: **тъгда оубо оуставъ оуставиша да и къснѧтинѣ града єпископѹпъ, тоже старѣишинство да иматъ** (Супр. 202, 22—25); **да иматъ оубо и око оуставъ и мѣрж. да не безоума наскачетъ на вьсе ѥже видитъ** (там же, 497, 14—15), греч. в обоих примерах на месте **оуставъ** — ὅρος; **такъ бо оуставъ естъ ... да подобъно очищьше сѧ. достоини бѫдемъ. причѧстити сѧ** (Син. тр. 69а, 7—12, греч. текст не найден).

Редко встречающееся в Пов. вр. л. *оурокъ* весьма употребительно в древнерусской письменности, особенно в договорах и грамотах. В приведенном выше примере, в котором сообщается, как

[19] *А. А. Шахматов.* Повесть временных лет I, стр. 177 и сл., примечания.
[20] *Срезневский III*, стб., 1277 и сл.

Ольга уставляла оуставъı и *оурокъı*, последнее слово означает 'подати'. В том же значении *оурокъ* и в последующем примере: Ꙗрославу же сущю Новѣгородѣ. и *урокомъ* дающю Кꙑеву двѣ тысачѣ гривнѣ... (Л. 44 об., Ип. 48 об., Н. 74), ср. еще: и инъı цркви ставлаше по градомъ и по мѣстомъ. поставлꙗ попъı и даꙗ имъ ѿ имѣньıꙗ своего *ѵрокъ* (Л. 52, Ип. 57 Ип. 57) — в этом примере *оурокъ* 'плата', 'вознаграждение'. *Оурокъ* — отглагольное существительное от *оуречи*, по типу *оуводъ* от *оувести*, *оувозъ* от *оувести*, *оуволокъ* от *оуволочи* и т. п.

В памятниках ст.-слав. письменности слово **оурокъ** не зафиксировано, в оригинальных памятниках др.-рус. письменности оно, несомненно, восточнославянизм.

В памятниках ст.-слав. письменности словом **рѧдъ** переведены греч. καθεξῆς, διαδοχή, τάξις, ср.: **изволисѧ и мънѣ хоуждъшоу. по въсѣхъ въ истинѫ. по рѧдоу пісаті тебѣ** (Л. I, 3 Ас., в других: **хождъшю**); греч. καθεξῆς σοι γράψαι; **по рѧдоу изглаголѫ** (Супр. 7, 29—30); **въ рѧдоу стати** (там же, 333, 15—16); **прѣкмлета по рѧдоу епископꙋпъскъıи столъ** (там же, 187, 21—23), греч. διαδοχῆ; **съподобитъ сѧ рѧдоу стъıхъ твоихъ** (Син. тр. 81б, 22—23), греч. καταxοσμεῖσθαι.

В Пов. вр. л. слово *рѧдъ* употреблено в значении 'соглашение', 'договор', ср.: посла Олегъ мужи свои построити мира. и положити *рѧдъı* межи грѣкъı и Русью (Ип. 13, 16 об.); Стополкъ с Володимером *рѧдъ* имѣлѣ. ꙗко Новогороду бꙑти Стополчю. и посадити снъ свои в немь. а Володимеру посадити снъ свои в Володимери (Л. 93, Ип. 94 об.). В отдельных случаях вместо *рѧдъ* употребляются *порѧдъ* и *оурѧдъ*, ср.: Стополкъ и Володимеръ посла (Ип. и Р.: посласта) къ Ѡлгови глща сице. поиду (Ип. поиди) да *порѧдъ* положимъ ѡ Русьстѣи земли (Ип.: ать *рѧдъ* оучинимъ, Р.: *оурѧдъ*). пред епспъı и пре (Ип. предъ) игуменъı. и пред мужи ѡць нашихъ... да бꙑхом ѡборонили Русьскую землю ѿ поганъıх (Л. об., Ип. 84 об.); ту достоино снатисѧ. и *порѧдъ* положити. Олегъ же ѡбѣщасѧ се створити (Л. 76 об., Ип. 84 об.); послании же Ольгомъ сли. придоша къ Ольгови и повѣдаша... како створиша миръ. и *оурѧдъ* положиша межю грѣцькою землею и рускою (Ип. 15, Р. 19). В значении 'порядок' употреблено *нарѧдъ*: всѧ земла наша велика и ѡбилна. а *нарѧда* в неи нѣтъ (Л. 7, Ип. 8 об., Н.: *нарѧда* у насъ нѣту (29 об.); на посадника не зрѧ ні биричи сам творилъ что бꙑло. надобѣ весь *нарѧдъ* (Л. 83 — Поуч. Вл. Мон.).

Таким образом, употребленные в Пов. вр. л. *рѧдъ*, *порѧдъ*, *оурѧдъ* в значениях: 'соглашение', 'договор' не зависят от **рѧдъ** памятников ст.-слав. письменности, и, по всем данным, являются собственно восточнославянскими словами, хотя по происхождению они одного общеславянского корня * *ręd-*. В памятниках ст.-слав.

письменности рѧдъ употреблено, так сказать, в первичном значении, а в Пов. вр. л. оно встречается в переносном значении, причем слово, кажется, уже термин; то же в Рус. Пр., ср.: аже кто оумираѧ роздѣлить домъ. на томь же стоѧти. пакъı ли без *рѧдоу* оумреть тъ все дѣтемъ (ст. 92, л. 621 об.); второе холопьство поиметь робоу. безъ *рѧдоу*. поиметь ли сѧ съ рѧдомъ. то како будеть рѧдилъ на том же стоить (ст. 110, л. 626 об.).

Слово *законъ*, являющееся общеславянским, образовано, как полагает В. Махек, от вышедшего из употребления глагола *zakonati* в смысле 'устроить', 'установить'[21]; Э. Бернекер, как и Махек, *za-* признает приставкой в значении 'начало действия или поступка', в целом *zakonъ*, по его мнению, означало 'первоначальное, исходное решение'[22]. Мнение Э. Бернекера подтверждается укр. *законити*, *законяти* 'зародить', 'зарождать'[23]. Таким образом, *законъ* такого же типа образование как: *завѣтъ*, *закровъ*, *закладъ*, *залогъ* и т. п. В Пов. вр. л. *законъ* в основном употребляется в значении 'обычай', 'правило общежития', ср.: како азъ хочю инъ *законъ* приѧти единъ. а дружина смѣѧтисѧ начнуть (Л. 18 об., Ип. 25, Н. 36), — отвечает Святослав матери на предложение стать христианином; рече Володимеръ. что есть *законъ* вашь. ѡни же (болгары. — *А. Л.*) рѣша ѡбрѣзатисѧ. свининъı не ѣсти (Л. 27 об., Ип. 33 об., Н. 48); се и нн҃ѣ при насъ половци *законъ* дѣржать ѡц҃ь своихъ. кровь проливати. а хвалѧщесѧ ѡ семъ (Ип. 7 об., Л. 6); а Ольга водиша и мужии его на роту. по Рускому *закону* (Ип. 12 об., Р. 16). Обычаи воспринимались и как 'исповедание веры', а также 'правопорядок', ср.: нѣс҃ добро *законъ* ихъ (имеется в виду религия волжских болгар. — *А. Л.*) болѧре рекша. аще бы лихъ *законъ* гречьскии. то не бъı баба твоѧ приѧла Ѡльга (Л. 37 об., Ип. 41 об., Н. 61 об.); Володимеръ живѧше. въ *законѣ* хсъ҃ıанстѣ (Л. 42, Ип. 45 об.); (половцы) укараху ба҃ и *законъ* нашь (Л. 77 об., Ип. 85 об.); да будеть повиненъ *закону* руску и гречьску (Л. 13, Ип. 20); заплатить сребра литръ .е. по *закону* рускому (Л. 13 об., Ип. 20 об.) и др. По всей видимости, *законъ* в значении 'правопорядок', встречающийся в основном в договорах, — церковнославянизм, передающий, как и в памятниках ст.-слав. письменности греч. νόμος, τὸ νομικόν и т. д.[24]

Первоначально 'правопорядок', надо полагать, воспринимался как 'справедливость', поэтому и то и другое понятие в Пов. вр. л. выражается словом *правьда*, ср.: и почаша сами в собѣ володѣти. и не бѣ в них *правдъı* и въста родъ на род҃ (Ип. 8 об., Л. 7); бѣ же Изѧславъ... криваго ненавидѣ. любѧ *правду* (Л. 68, Ип. 75); аще ти подасть бъ҃ приѧти власть стола моего... с *правдою* а не

[21] *Machek*, стр. 581.
[22] *Berneker I*, стр. 560.
[23] *Гринченко II*, стр. 52.
[24] Slovník jaz. stsl. I, стр. 643 и сл.

насильемь. то... лѧжеши идеже азъ лагу оу гроба моего (Л. 72, Ип. 79 об. — 80), в последнем примере *правьда* понимается ‘правопорядок, закон’. Как известно, в этом же значении *Правьда роусьскаꙗ*.

Правьда есть образование от *прав-* так же, как: *кривьда*, *вражьда*, *стражьда* и т. п.; все они обозначают ‘состояние, выражаемое той основой, к которой присоединяется суф. *-ьда*’. *Право* в Пов. вр. л. встречается сравнительно редко в значениях ‘истино’, ‘справедливо’, ср.: пославши Ольга къ деревлѧномъ. рѣ҃ имъ да аще мѧ просите *право* то пришлите мужа нарочитꙑ. да в велицѣ чти приду (Ип.: поиду) за вашь кнѧзь (Л. 15 об., Ип. 22 об., Н. 33); Сто҃полкъ же смѧтесѧ оумо҃м. река еда *право* будет. или лжа не вѣдѣ. и рѣ҃ Сто҃полкъ к Двдви да аще *право* глеши бъ ти буди послу҃х (Л. 87, Ип. 88 об.); Ѡлегъ же надѣꙗсѧ на правду ꙗко *правъ* бѣ в семь Ѡлегъ (Л. 85 об., Ип., 86 об.) и нек. др.

Рассмотренные восточнославянские слова: *оурокъ*, *рѧдъ*, *правьда*, *законъ*, *право* — свидетельствуют о том, что обозначение правовых понятий основывается на словах, обозначающих обычное право. Эти же слова встречаются и в книжных значениях или к ним присоединяются еще дублетные книжные слова.

Для решения того или иного вопроса, касающегося общей политики, князья *снимались*, т. е. ‘собирались вместе’, ср.: Сто҃полкъ ... Двдъ и Василко ... *снѧшасѧ* Любѧчи на оустроеныѥ мира (Л. 85, Ип. 88); русскꙑ кнази ... *снѧшасѧ* оу Сакова. и створиша миръ с половци (Л. 92 об., Ип. 94 об.); и посем *снѧшасѧ* братꙑ всѧ и рѣ҃ Володимеръ сь ... възрадуемсѧ и възвеселимсѧ ... ꙗко гсь избавилъ нꙁ҃ѣ е҃ѡ҃ врагъ нашихъ (Л. 94, Ип. 96) и др.

Снѧтисѧ восходит к **sъn-ę-ti-sę* букально в значении ‘вместе браться’. От основы этого глагола образовано существительное *съньмъ* ‘совещание’ (?): се вабит (Ип.: вадить) нꙁ҃ѣ Сто҃полкъ на *снем҃* (Ип.: *снемъ*) и ту оумиримсѧ с Сто҃полком҃ (Л. 90 об., Ип. 92). *Сънемъ* не был постоянно действующим законадательным органом. Изредка вместо *съньмъ* употребляется *съвѣтъ*: Сто҃полкъ же и Володимеръ. и Ростиславъ созваша дружину свою на *свѣтъ* ... и пристоꙗху *совѣту* сему смыслении мужи. Ѩнь и прочие (Л. 73, Ип. 81), но чаще это слово встречается в книжных оборотах речи: Игуменъ и черноризци *свѣтъ* створше рѣша. не добро лежати ѡ҆ц҃ю нашему Ѳеѡдосьеви кромѣ манастꙑрѧ (Л. 70, Ип. 77 об.); *свѣтъ* створше братꙑ идоша к старцю Антонию и рекоша постави намъ игумена (Л. 54, Ип. 59 об.) и др. Ср.: **Фарисѣи же ишедъше съвѣтъ сътвориша на нь·како и погоубатъ** (Мф. XII, 14 Мар.). Возможно, что *свѣтникъ* < *съвѣтьникъ* также книжное слово, ср.: Ѩпрополкъ же хотѧше ити на Всеволода. послушавъ злꙑхъ свѣтникъ (Л. 69, Ип. 76); Ѡлегъ ... не въсхотѣ

ити к братома своима. послушавъ злꙑ҃хъ *свѣтникъ* (Л. 76 об., Ип. 84 об.) и др.

Фиксируется и слово *мѧтежь* в значении ‘волнение’ и ‘ссора’: и бꙑс *мѧтежь* в земли лядьскѣ. всташа людье избиша епископꙑ и попꙑ и боꙗрꙑ своꙗ. и бꙑс҃ в нихъ *мѧтежь* (Л. 51, Ип. 56 об.); и бꙑс҃ *мѧтежьъ* в градѣ и вси ꙗша ему (волхву. — *А. Л.*) вѣру и хотѧху погубити епископа (Л. 61, Ип. 66 об., Н. 94, — в последнем: епископа Феодора); и оуста оусобица и *мѧтежь* (когда Ярослав и Мстислав поделили Русь между собою по Днепру. — Л. 50 об., Ип. 56); кнѧзь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа оу епископа. а людье вси идоша за волхва. и бꙑс҃ *мѧтежь* великъ межи ими (Л. 61, Ип. 66 об., Н. 94 об.) — в последних двух примерах рассматриваемое слово можно понимать как ‘ссора’.

По мнению А. Преображенского, *мѧтежь* в русском языке — церковнославянизм[25]. Возможно, и прав он, поскольку в Новг. I лет., например, наряду с *мѧтежь* употребляется в том же значении *въстань*, ср.: и бꙑс҃ *въстань* велика въ людьхъ (л. 14); *въстань* бꙑс҃ Смольньске промежи кнꙁомь Двдмь. и смолнанꙁи (л. 47), а также: бꙑс҃ *котора* зда (по описке вм. зла) въ людьхъ. и *въсташа* на кнꙁа Мьстислава (л. 29 об.). Употребление *въстань*, *котора*, *въстати* вм. *мѧтежь*, *възмѧсти*, по-видимому, представляют «описки» в пользу живой речи.

Состав слова *мѧтежь* не свидетельствует о том, что это не восточнославянское образование. поскольку образований с суф.-*ежь* от гагольных основ достаточно, ср.: *вьртежь*, *грабежь*, *платежь*, *правежь*, *рубежь*, *чьртежь* и т. п. Правда, основа *мѧт-* < * *mętь-* в восточнослав. языках рано стала неустойчивой[26]. С этой точки зрения вероятно, что *мѧтежь* в Пов. вр. л. — книжное слово еще и потому, что у нас нигде не зафиксировано первичное значение этого слова ‘буря’ или ‘пурга’.

В период, когда составлялась Пов. вр. л., участие народа в государственном устройстве и правлении было исключено. Этим, думаем, объясняется то, что *вѣче* < * *vět-jo* (причем * *vět-* тот же, что и в словах *съвѣтъ*, *отъвѣтъ*; *завѣтъ* и т. д.) — лишь изредка проходит по инициативе князя. В Пов. вр. л. отсутствуют примеры, когда князь созывает *вѣче*. Случаи созыва *вѣче* князем зафиксированы в Новг. I лет. В Пов. вр. л.: и створиша *вѣче* в городѣ... бѣ же единъ старець не былъ на *вѣчи* томь и впраша. что ради *вече* было (Л. 44, Ип. 48, — в Сказании о Белгородском осадном сидении); и людье кꙁievстии прибѣгоша Кꙁеву и створиша *вѣче* на торговищи. и рѣша послався ко кнꙁю. се половци росулися по земли. даи кнѧже ѡружье и кони. и еще

---

[25] *А. Преображенский I*, стр. 584.

[26] *А. С. Львов.* К истории слова *мятусить*, (*-ся*). «Лексикографический сборник», вып. IV. М., 1960, стр. 163 и сл.

бьемсѧ с ними (л. 57 об., Ип. 63 об., Н. об.); гражане же се слъıшавъ созваша *вѣче*. и рѣша Двдови . людье въıдаи мужи сиѧ. не бьемъсѧ за сихъ. а за тѧ битисѧ можем (л. 90, Ип. 92) и др. Слово **vět-jo* было общеславянским[27] и при первобытно-общинном строе, надо полагать, оно употреблялось широко, потому что тогда общественно-политические вопросы решались коллективно[28]. Один раз и в Супр. читаем: **на владъıкѫ вѣште творѧтъ рабі** (424, 25). Как отметили, в Новг. I лет. слово *вѣче* встречается чаще. Объясняется это тем, что в Новгороде, как установлено историками, участие народа в решении политических вопросов не удалось устранить. По этой причине там нередко сами князья созывали *вѣче*, ср.: ... Мьстиславъ ... створи *вѣцѣ* на Їрославли дворѣ (л. 80); Їрослав же въ бързѣ приде въ Новъгородъ ... и створи *вѣцѣ* ... (л. 112 об.) и др. В Киеве же, как свидетельствуют об этом данные Пов. вр. л., *вѣче* созывалось в критические моменты самим народом, помимо воли князя.

Провинившегося князя сажали въ *пороубъ*. Как место изоляции противника *порубъ* несомненно относится к рассматриваемой группе лексики: Всади Їрославъ Судислава в *порупъ* (Ип.: *порубь*) брата своего (Л. 51, Ип. 56 об.); Изѧславъ и Стославъ и Всеволодъ въıсадиша стръıѧ своего *ис пороуба*. сѣдѣвша .к. и .д. лѣт (Ип. 60 об., л. 55, Н. 84); Изѧславъ же приведъ Всеслава Къıеву. всади и *в порубъ* съ двѣма сномá (Л. 56 об., Ип. 62. об. Н. 87) и др.

Порубъ в Словаре В. Даля зафиксировано в разных значениях, в том числе 'сруб', 'яма со срубом', 'погреб'[29]. В Ип. рассказывается: и тогда послав повелѣ над ним *пороубъ* розоимати. и тако вънѧша (его) ис *пороба*. вельми больнаго (л. 124), ср. еще: людье же кликнуша и идоша *к порубу* Всеславлю ... и въıсѣкоша Всеслава ис *пороуба* (Л. 58, Ип. 63 об., Н. 89). *Пороубъ розоимати* — 'разобрать' (сруб); *въıсѣкати из пороуба* — 'прорубить'. Говоря иначе, примеры свидетельствуют о том, что *пороубъ* — 'сруб с оконцем', ср.: посли ко Всеславу. атъ призвавше лестью *ко ѡконцю* пронзуть и мечемь (л. 57 об., Ип. несколько иначе (63 об.).

Таким образом, *пороубъ* — отглагольное существительное, образованное от *пороубати*, так же как *погребъ* от *погребати*.

Правонарушение каралось *продажей*. В Пов. вр. л. всего один пример, в котором находится это слово: наша земла ѡскудѣла есть ѿ рати (Ип.: ратии) и ѿ *продажь* (Л. 73, Ип. 80 об.). В Рус. Пр. перечислены многие случаи наложения штрафа (продажи) за драку, за воровство и т. п. Продажа **pro-dad-ja*

[27] *Фасмер I*, стр. 308; *Sadnik-Aitzetmüller*, стр. 330.
[28] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953, стр. 107 и 148.
[29] *Даль*[4] *III*, стб. 843.

по своему образованию — древнейшее слово, в котором приставка *про-* употреблена в значении 'за' или 'для', а основа — редуплицированная, которой уже нет в глаголе *продати, продавати* 'накладывать пеню', 'штраф', ср.: і начаша тивунѣ его (князя Всеволода Ярославича. — *А. Л.*) грабите (Л.: грабити) люди и *продатѣти* (А.: *продавати*) — Ип. 80, Л. 72 об.). Буквально *продажа* — 'отдавание, дача за (что-то) или для (чего-то)'.

Убийство же наказывалось *вирой*, ср.: Володимеръ же отвергъ *вирѣ* нача казнити разбойникѣ. и рѣша епископи и старци. рать многа ѡже *вира* то на ѡружьи. и на коних буди (Л. 43 об. — 44, Ип. 47 об., Н. 74). Приведенное место единственное, где встречается слово *вира*. В Рус. Пр., кроме слова *вира*, зафиксировано еще и *вирьникъ* 'сборщик виры'. Слово неясного происхождения. Ф. Миклошич и другие сопоставляли его др.-в.-н. *werr* [30]. М. Фасмер признает, что при возведении к др.-в.-н. *wërgelt* затруднительно объяснение в др.-рус. *вир-* и на месте герм. *е*, поэтому он склонен считать, что в др.-рус. *вира* — праславянское наследие, соответствующее лит. *výras*, лат. *vir*, др.-инд. *virás* 'мужчина' [31]. *Вира*, по мнению Фасмера, первоначально *вирьна* означало 'штраф за убийство мужчины'.

При первобытно-общинном строе убийство наказывалось ответным убийством, или кровной местью (см. ст. 1 Рус. Пр.). Как известно, после смерти Ярослава его сыновья Изяслав, Святослав и Всеволод решили заменить кровную месть вирой. При этих условиях слово *вира* могло войти в употребление не ранее середины XI в. Каким образом при указанных условиях сохранилось в др.-рус. речи это слово как праславянское наследие, неясно.

Дальнейшее изложение, уже более подробное, касается слов, обозначеных отдельных лиц из древнерусского общества по данным Пов. вр. л.

1. О СЛОВАХ С ОСНОВОЙ *ЦѢСАР-*

Группа слов, образованных от основы *цѣсар-*: *цсрь, цсрца, црсвичь, цсревъ, цсртво, цсртвие, цсрьствовати, Цсрьградъ* (зафиксированы только в приведенных начертаниях, но с выносным над строкой *с*, которую мы внесли в строку, оставив титло), — в Пов. вр. л. употреблена исключительно по отношению к другим государствам и их правителям. В подтверждение сказанного приведем примеры: Леѡнъ *цсрь* наѣ оугрѣ на болгарѣ (Ип. 11 об., Л. нет листа); си бо оугри почаша бѣти при—Раклии *цсри*. иже ходиша на Хоздроѣ *цсра* пѣрьскаѓ (Ип. 6, Л. 4 об.); хочю имѣти

[30] *Miklosich*, стр. 392.
[31] *Фасмер I*, стр. 318 и сл.

миръ ... съ ... великимь *цр҃мь* (Ип. *цсрмь*) гречьскимъ. съ Васильемъ и Констѧнтиномъ ... (Л. 22 об., Ип. 29); и рѣша волъстви Егупетьстии *цсрю* (Ип. 36 об., Н. 53); бѣ же рѣчно имѧ еи (Ольге. — *А. Л.*) во крщньи Ѡлена. ꙗкоже и древнаꙗ *црцѧ* (Л. 17 об., Ип. 24 об., Н. 35 об.); ѿ Всеволода родисѧ снъ нарече имѧ ему Володимеръ ѿ *цсрцѣ* грькꙑнѣ (Л. 54 об., Ип. 60); ведена дщи Володарева за *цревичь* за Ѡлексиничь. *Цсрюгороду* (Л. 94 об., Ип. 96 об.); да входѧть в городъ ѡдінꙑми воротꙑ. съ *цсревꙑмъ* мужемъ безъ ѡружьꙗ (Ип. 12 об.); Игорь... повѣда рѣчь *црву* (Л. 11, Ип. 18); и до начала *цсртва* Соломонѧ (Ип. 8, Л. 6 об.); при семь (Ровоамѣ. — *А. Л.*) раздѣлис *цсрство* на двое (Л. 32 об., Ип. 38, Н. 55); В лѣт 6360 (852 г.) индикта 15. наченшю Михаилу *цсрьствовати* нача сѧ прозꙑвати Рускаꙗ землѧ (Ип. 7 об., Л. 6 об.); поча кнѧжити Игорь по Ользѣ. в се же времѧ поча *цсртвовати* Костѧнтинъ (Ип. 16 об.); и рекъ еи (Ольге — *А. Л.*) подобна еси *цсртвовати* в городѣ семь с нами (Ип. 24, Л. 17 об., Н. 34 об.); дꙑволъ стенѧ глше... не имам оуже *цсртвовати* в странах сихъ (Л. 41, Ип. 44 об., Н. 66 об.); при семь *цри* (Михаиле. — *А. Л.*) приходиша Русь на *Црьгородъ* (Л. 6 об., Ип. 8, Н. 29); иде Асколдъ и Диръ на греки ... и двою сотъ корабль *Црсградъ* ѡступиша (Л. 7 об., Ип. 9); иде Игорь на греки. ꙗко послаша болгаре вѣсть ко *црю*. ꙗко идуть Русь на *Црьградъ* (Л. 10, Ип. 17, Н. 30 об.); (бояре и старцы русские) придоша *Црюгороду* (Ип. *Црюграду*) и внидоша. ко *црю* (Ип. *цсрю*) (Л. 37, Ип. 41, Н. 60 об.); посла Ꙗрославъ сна своего Володимера. на грькꙑ ... и поиде Володимеръ... к *Цсрюграду* (Л. 52, Ип. 57 об.) и т. п.

Все формы приведенных слов с основой *цѣсар-* находятся и в памятниках старославянской письменности: в евангелиях, псалтыри и т. д., откуда, надо полагать, они и заимствованы летописцем. Происхождение слов с указанной основой в памятниках ст.-слав. письменности не ясно в том отношении, являются ли они принадлежностью языка самых первых переводов, или же все они введены в эти памятники только в Моравии, поскольку несомненно употребление их с древних пор в западнославянских языках. Как полагают, *цѣсарь* восходит через гот. *kaisar*, лат. *caesar* [32]. П. Скок допускает, что слово *цѣсарь* заимствовано непосредственно из лат. *caesaris* [33], но это утверждение пока бесспорно не подкреплено. Примечательно, что в Пов. вр. л. название столицы Византии Κωνσταντινούπολις, как это видно из приведенных выше примеров, именуется *Цсрьградъ*. Лишь всего один раз под 9496

[32] *Berneker I*, стр. 127; *Фасмер IV*, стр. 291.
[33] *Skok I*, стр. 258 и сл.; *Sławski I*, стр. 56.

(988 г.) в цитате из Исповедания веры читаем: Вторыи сборъ в *Константинѣ град.* стхъ ѡць. р. и н. (Л. 39 об., Ип. 43, Н. 64), но в той же цитате далее 8 раз употреблено: *во Црѣград*, ѡ *Црагород* и т. д. (см. там же). И позже под 6612 (1104 г.) летописец сообщает: Ведена дщи Володарева за *цсрвичь*. за Ѡлеѯиничь *Цсрюграду* (Ип. 96, Л. 94 об.). Речь тут, как видно, об известном летописцу факте из русской жизни, по-видимому, происшедшем на его глазах. Все-таки, несмотря на это, *Константинополь* именуется *Цѣсарьградъ*. Употребляет последнее слово не только летописец, но и другие древнерусские авторы, в частности, Антоний, архиепископ Новгородский, путешествовавший около 1200 г.[34] Таким образом, можно констатировать, что на Руси *Константинополь* знали под названием *Цѣсарьградъ* или *Цѣсарьгородъ*. Об употреблении слова **Цѣсарьградъ** памятниками ст.-слав. письменности располагаем такими данными: в евангелиях-тетрах этого слова нет; в апракосах: в календаре Ас. употреблено только **црьградъ** — всего 7 раз, ср.: **мітрофана архпа црѣграда** (л. 146, 13—14); **ѻца нашго Ѳеодора архіепа цриградѣ** (135 в, 12—13), см. еще: 113 г. 27; 122 в. 13; 127 а, 27; 145 в, 20; 146 в, 12.

В календаре Сав. нет упоминаний городов. В Остр. 5 раз упоминается **цра града**, ср.: **митрофана. архіепа цра града** (л. 274 в, также в Ас. 145 в.), см. еще 228 в, 269 б, 286 в., 288 б. Наряду с **црьградъ** в Остр. трижды употреблено **костантинъ градъ**, ср.: **памат стомоу проклоу єпспоу костантина града** (л. 234 в,); в Ас.: ...**архпъ бъившихъ цриградѣ максимиана прокла** ... (л. 127 а); в Остр.: **покои іоана златооустаго. архєпсп костантина града** (л. 242 б), в Ас. тот же текст, но без названия города; В Остр.: **єутухіа. архіепспа костатина града** (л. 270 г.), в Ас.: ...**цриграда** (145б, 20).

Супр. знает только **Костантинь градъ**, ср.: **тоу авик арию отъ алеѯандриа въ костантинь градъ прити повелѣ** (188, 21—24); **архіеппа бъівша костантинѣ града. іѡанна златооустаго. слово** (486, 19—20). Также в Клоц.: **стго іоана хръсостома архіепскоупа. констатинѣ града** (л. 3 а, 24—25). Такой памятник как Сборник Михановича знает только **константинь градъ**[35].

В ЖФП по списку Усп. сб. XII в. читаем: **болгаринъ** же идъіи *къ константиню градоу* обрѣте островъ средѣ морѣ и тоу въселисѧ (л. 35 б, 12—15). Троицкий список Хр. Г. Ам. также знает только *Костантинь градъ*, ср.: и в дожда мѣсто иде попел на *Коньстантинѣ градѣ* и паде пади възвыше (л. 16); троусъ бжіс

[34] «Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия». С предисловием и примечаниями П. Савваитова. Спб., 1872.

[35] *Mihanović*. Homiliar. Graz. 1957, л. 175 в, 182 в, 217 а и др.

велик и страшенъ въ *Костантинѣ градѣ* (л. 399); (Феодосии) приде къ етероу мнихоу, сѣдящю въ кельи искрь соущимъ *Костантина града* (л. 400) и т. п.

Костантинь градъ, как видно из приведенных данных, употреблялся в памятниках старославянской письменности восточноболгарской редакции, в таких, как Остр., Супр. Сб. Мих. и др. Употребление **цр҃ьградъ**, по имеющимся данным, относится к памятникам ст.-слав. письменности довосточноболгарской редакции. Это положение можно подкрепить не только данными Ас., не знающего систематически проведенных черт восточноболгарской редакции, но такими оригинальными памятниками ст.-слав. письменности, составленными в Моравии, как ЖК и ЖМ., ср. в последнем: **Дамасъ же и Θеологъ Григории съ сътъмь и патию десатъ оц҃ь и съ великыимь ц҃рьмь Θеѡдосиемь въ Ц҃ригради потвьрди(ша) ст҃ыи соумболъ** (69)[36]; в ЖК: єгда же пр҃иде къ Ц҃ригрaдоу вѣдаша и оучителемъ, да ѥа оучитъ (42); Филосѡфъ же иде ѥа Цар-градъ (26), но в ряде списков в последнем примере читается: въ Конастантинаградъ (там же, см. сноску). Как известно, в ЖК много восточноболгарских слов, введенных взамен тех, которые были употреблены автором Жития [37].

Возникает вопрос: чем обусловлено употребление в Пов. вр. л. слова Цсрьградъ для обозначения столицы Византии Κωνσταντινούπολις? По мнению А. Шахматова, первый, или древнейший летописный свод на Руси был составлен в 1039 г.[38]. В этот период русская церковь не зависела еще от Константинопольской церковной администрации, поскольку митрополия во главе с греком в Киеве утвердилась только в середине XI в. По-видимому, этим же объясняется то, что до середины XI в. христианство на Руси носило характер торжества и веселия, лишь со 2-й половины XI в. оно, разумеется, не без влияния митрополии получает так же, как в Византии, направление аскетизма и проповеди мрачной доктрины [39]. На основании приведенных данных возможны предположения, что названия столицы Византии *Цсрьградъ* к нам проникло не из Болгарии, а из западнославянских земель.

Как свидетельствуют данные Остр., в середине XI в. к нам проникло и слово *Костантиньградъ*, но в Пов. вр. л., дошедшей

---

[36] *П. А. Лавров.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. — Цифра после цитаты в скобках — стр. данного издания.

[37] Об этом см. *А. С. Львов.* Някои вопроси от кирило-методиевската проблематика. «Български език», год. X, кн. 4, 1960, стр. 297 и сл.

[38] *А. А. Шахматов.* Разыскания о. . . сводах, стр. 399 и сл.

[39] *М. Д. Приселков.* Русско-византийские отношения в X—XII вв. «Вестник древней истории», 1939, № 3, стр. 98 и сл.; *В. М. Истрин.* Замечания о начале русского летописания. — Изв. ОРЯС, т. XXVI. Пг, 1923, стр. 91 и сл.

до нас в редакции начала XII в. и в списках XIV и XV вв. мы не находим этого слова, за исключением упомянутого выше одного случая и то встречающегося в цитате из Исповедания веры (см. выше). Если правы В. М. Истрин [40] и Н. Н. Дурново [41] о переводе Хр. Г. Ам. на Руси в середине XI в., то можно утверждать, что во 2-й пол. XI в. русские книжники стали пользоваться словом *Костѧнтиньградъ* для обозначения названия столицы Византии. Это положение вытекает из того, что и в ЖФП, а также и в Троицком списке Хр. Г. Ам. XIII в. выдержанно употребляется слово *Костѧнтиньградъ*. Если бы это слово было введено в названный памятник при переписке его позже, мы неизбежно натолкнулись бы и на чтение *Црсьградъ*, как не до конца вытесненного слова, чего не наблюдаем. По-видимому, и автор ЖФП так же употребил *Костѧнтиньградъ*, как оно читается в списке XII в. Однако в Новг. I лет. при описании событий, происшедших в Константинополе в XIII в., употребляется слово *Цр҃ьградъ*, ср.: Въ лѣт҃ 6712 (1204 г.) — цр҃твьующю. Ольксе. *въ Цр҃иградѣ*. въ цр҃твѣ Исаковѣ (л. 64); и такое оувѣчаста ꙗко нѣ воевати на *Цр҃ьгрдъ*. нъ ꙗкоже реч҃. Исаковиць. всь *град Костѧнтинъ* хотѧть моего цр҃ства. (л. 65 об.); стоꙗныꙗ же фражьска оу *Цр҃ѧграда*. ѿ декѧб҃. до април҃ (л. 71 об.) и др.

П. Савваитов допускал, что *Цѣсарьградъ* первоначально могло появиться как перевод греч. Βασιλίευς πόλις или Βασιλεύσα πόλις [42]. Мнение П. Савваитова разделяет М. Фасмер [43]. Если утверждение П. Савваитова соответствует действительности, то *Цѣсарьградъ* в западнославянском крае стали употреблять и для передачи Κωνσταντινούπολις.

Едва ли подлежит сомнению факт заимствования русскими книжниками слова *Цѣсарьградъ* либо изустно из западнославянского языка, либо через церковные книги доболгарской редакции, если они проникали к нам непосредственно из Чехо-Моравии. Как бы то ни было, но выдержанное употребление в Пов. вр. л. слова *Цѣсарьградъ* весьма примечательно, что косвенно свидетельствует о ранних связях Руси с Чехо-Моравией.

2. СЛОВА С ОСНОВОЙ *КНѦЗ-*

Слово *кнѧзь* в значении ‘правитель’ в Пов. вр. л. встречается 167 раз, при этом оно чаще употребляется в первой части рукописи,

[40] *В. М. Истрин.* Хроника Георгия Амартола. . ., т. II. Пг. 1922, стр. 275 и сл.

[41] *Н. Дурново.* К вопросу о национальности славянского перевода Хроники Георгия Амартола. — Slavia, roč. IV, S. 3, 1925, стр. 446—460; *Он же*: [Рец.] В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. III. — Slavia, — roč. IV, S. 4, стр. 815.

[42] *П. Савваитов.* Указ. соч., стр. 176.

[43] *Фасмер* IV, стр. 191.

т. е. до 1054 г., до начала княжения Изяслава, сына Ярослава. Примечательно еще то, что глагол *кнажити*, встречающийся 20 раз, в первой части употреблен 17 раз; также и слово *кнаженье*, встречающее 10 раз, в первой части употреблено 8 раз. Помимо указанных форм, зарегистрированы еще сущ. *кнагыни* (5 раз), *кнажичь* (1 раз), *кнажье* (2 раза; по одному в договорах Олега и Игоря с греками) и прилаг. *кнажь* (9 раз).

Слово *князь* вошло в Пов. вр. л. четыре раза в составе цитат: ис тебе бо изидеть старѣишина бъıти *въ кназемъ* во Изли (Л. 34, Ип. 39, — цитата: Мих. V, 2) в «Речи философа»; поставлаеть еи цсрА или *кназа* праведна. — (Л. 47 об., Ип. 52 об., — Дан. V, 21); лютѣ бо граду тому в немь же *князь* оунъ (Л. 48. Ип. 52 об., — Еккл. X, 16); поставлю оуношю *кназа* имъ (Л. 48, Ип. 53, — Ис. III, 4).

В договорах Игоря и Олега слово *князь* встречается, в первом — 6 раз, во втором — 17 раз. Поскольку считается доказанным, что договоры были переведены с греческого языка, можно допустить, что переводчики греч. ἄρχων всюду передали словом *князь*, так же как это сделано в памятниках ст.-слав. письменности.

Затем в таких примерах, как: *кназемъ* ихъ Ростиславъ и Спкъ и Коцелъ (Л. 9, Ип. 10 об.); Коцелъ *князь* (Л. 9 об., Ип. 11) и т. п. слово *князь* употребляется под влиянием таких памятников ст.-слав. письменности, как ЖМ, Похвальное слово Кириллу и Мефодию и др.

Таким образом, можно констатировать, что в ряде случаев интересующее слово вошло в Пов. вр. л. из памятников старо- и церк.-слав. письменности или под их влиянием. Обращает на себя внимание факт названия правителей задунайских болгар князьями, ср.: Въ лѣт ≠ѕ. т. ξ. ς. Михаилъ црь изиде с вои... на болгарꙑ. Болгарꙑ же не могоша стати противу. крститисА просиша... црь же крти *кназа* ихъ. и боларꙑ всА ... (Л. 7, Ип. 8); Семеѡнъ... оумре ѡставивъ Петра *кназа* сна своего болъгаромъ (Л. 10 об.), в Ип.: ѡставивъ Петра сна своего *кнажит* (17 об.). Между тем, в надгробной надписи на могиле Мостича чрьгоубъıли, сделанной где-то в середине или во 2-й пол. X в., читаем: **пр(и) сгмеонѣ цри и при Петрѣ цри**[44].

Также все правители тюркских и других неславянских племен и народностей в Пов. вр. л. именуются князьями, ср.: несоша козари (мечь. — *А. Л.*) ко *кназю* своему (Л. 6, Ип. 7 об.); *князь* печенѣжьский (Л. 23, Ип. 29 об.); *князь* ихъ Искалъ (Л. 55), в Ип.: *князь* ихъ Сокалъ (61) и т. п. Как видно, летописец не именует названных правителей теми титулами, какие они носили сами.

---

[44] *М. Янакиев, С. Стоянов.* Старобългарски език. Текстове и речник. София, 1956, VI снимок; *И. Гошев.* Старобългарски глаголически и кирилски надписи от XI и X в. София, 1961, стр. 96 и сл.

Так, правитель козар, по ЖК, именовался каганъ, ср.: Късѣдъ же къ кораблѧ, поути сѧ ѥтъ козарьскаго ... Дошедшю же емоу тамо, егда хотахоу на обѣдъ сѣсти оу кагана, къпросиша и ...[45] И в Пов. вр. л. читаем: Иде Стославъ на козары. слышавше же козари изидоша противу съ *княземъ* своимъ *каганомъ* (Л. 19, Ип. 25 об.). Надо полагать, что слово *княземъ* здесь вставлено позже, а в первичном тексте читалось ... изидоша противоу съ своимь *каганьмь*.

Таким образом, летописец в ряде случаев слово *князь* употребляет взамен *цѣсарь* и *каганъ*.

Поставленный в 1051 г. митрополитом Иларион в своем Слове о законе и благодати, дошедшем, правда, до нас целиком только в списке середины XV в., и Владимира и Ярослава именует только *каганами*, ср.: воликаго *кагана* нашей земли Володимера (л. 184 об., 16); владѣчествжющж блговѣрномж *каганж* Ꙗрославж. Снж Владимирю (л. 203 а, 14—15)[46] и др.

Едва ли допустимо тут мнение, что кто-нибудь, помимо автора, осмелился заменять официальный титул *князь* словом *каганъ*. Что русские правители именовались *каганами*, свидетельствует и ЖК, где не только хазарский правитель, но также и русский (гл. XI) именуется *каганом*, тогда как там же Ростислав моравский, Коцел паннонский именуется *князьями*. В ЖК рассказывается, как он убеждает *кагана* креститься, но, не добившись этого, он все же получает его разрешение крестить жителей, если того они сами пожелают. Тогда Константин и крестил 200 чадей, этим фактом позже в Окружном послании после 864 г. особенно гордился патриарх Фотий[47]. В ЖК читаем: Написа же къ цароу книгы каганъ сицевыи: ꙗко послалъ еси, владыкѡ моужа таковаго, иже намъ сказа христианьскоую вѣроу словомъ и вещьми ... и оувѣдѣхомъ, ꙗко то ѥсть истинная вѣра, и повелѣхомъ кръстити сѧ своею волею, надѣющеѥсѧ и мы доспѣти того же ... Провожала же философа каганъ, нача емоу дары многы дати, и не прiатъ ихъ глагола: даждь ми, елико имаши плѣненыихъ грекъ зде...[48]. Вполне понятно просить пленных, поскольку миссия Константина состоялась тут же после нападения русских в 860 г. на Константинополь; и надо полагать, что после удачного похода русских на греческую столицу из нее было уведено немало пленных.

В одной надписи на стенах Киевского Софийского собора читается: изоуѕ ги каг. на нашего[49] (на месте буквы, обозначен-

[45] *И. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 13.

[46] Цитируем по изданию *Н. Н. Розова* «Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в.» — Slavia, roč. XXXII, s. 2. Praha, 1963, стр. 141—175. Цифры в скобках — листы и строки рукописи Синодальной библиотеки № 591 списка середины XV в.

[47] Об этом *А. С. Львов.* Исследование *Речи философа.* — «Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология». 1968, стр. 337.

[48] *И. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 24.

[49] *С. А. Высоцкий.* Указ. соч., табл. XVIII.

ной нами точкой, выпала штукатурка). Как установил С. А. Высоцкий, эта надпись относится к Святославу Ярославичу, княжившему с 1073 по 1076 г. [50].

В Слове о п. Иг.: Рекъ Боянъ и ходѣ на Святославля, пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова *коганя* [51]. К сожалению, процитированное место испорчено. По всей видимости, *коганя* как прилагательное относится либо к слову *пѣснотворца*, либо *времени*. И в том и другом случае смысл сводится к тому, что «песнотворец княжеский старых времен» или «песнотворец старых каганьих времен».

Словом, по приведенным данным русские правители действительно носили титул *каганъ*, но летописец исключил это наименование, заменив его словом *князь* не только по отношению к русским правителям, но и по отношению к правителям даже тюркских народностей.

Более того, в надписи на столбе среднего нефа Киевского Софийского собора читаем: въ ѧS Ф ѯ К мца ѳ҃ѳврарі .к. жсъпеніе цр҃а нашего къ къскрѣсенѣ к ѣдѣ ѳеѡдора [52], ср. В Ип.: Ярославу же приспѣ конѣць житыа и предасть. дшю свою. мца февраля въ .к. в суботу а нед поста вь стго Федора. днь (60 об.), в Л. текст несколько короче (54 об.).

По этим данным жспеніе цр҃а относится к Ярославу.

В записи на Мстиславовом ев. от 1125 г. читаем: азъ рабъ бжии недостоинъіи хоудъіи грѣшьнъіи. съпьсахъ памати дѣла. цр҃ж нашемоу и лжемъ о съконьчаноси еу҃а. иеже башета казалъ мьстиславъ къназа хоудомоу наслакоу (л. 213) [53].

По приведенным данным, великие киевские князья именовались *цесарями* или *царями*, и этот факт остался не отраженным в летописи.

Как отметили выше, глагол *княжити* встречается преимущественно в первой части Пов. вр. л. Вот несколько примеров: Сии Кии *княжаше* в роду своем (Ип. 5 об., Л. 4); оувидѣ Ѡлегъ. яко Ѡсколдъ. и Диръ *княжита*. похорони вои въ лодьіах (Л. 8, Ип. 9 об.); сѣде Ѡлегъ *княжа* въ Киевѣ (Л. 8, Ип. 9 об.); Стославъ... сѣде княжа ту въ переяславци (Л. 19 об., Ип. 26); и нача *княжити* Володимеръ въ Киевѣ (Л. 25, Ип. 31) и т. п. Однако

---

[50] *С. А. Высоцкий.* Указ. соч., стр. 52. Другие примеры см.: *T. Čiževska.* Указ. соч., стр. 179.

[51] Историческая пѣснь о походѣ на половцевъ удельнаго князя Новагорода-Сѣверского Игоря Святославича, писанная стариным русским в исходѣ XII столетия съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. М., 1800, стр. 44. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2. Л., 1967, стр. 196 и сл.

[52] *Б. А. Рыбаков.* Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964, стр. 14 и сл., а также таблица XVII, 3 и 4.

[53] Из картотеки СДР — XI—XIV вв.

с самого начала вместо *кнажити* употребляется еще *володѣти*, ср.: Полем же жившемъ ѡсобѣ и *володѣющемъ* и родъı своими... полане и живаху кождо съ своимъ родомъ. и на своихъ мѣстѣхъ. *володѣюще* кождо родомъ своимъ (Л. 3 об. Ип. 5); изъгнаша варагъı за море... и почаша сами в собѣ *володѣти*. И не бѣ в них правдъı... и рькоша поищемъ сами в собѣ кназа. иже *бы володѣлъ* нами и радилъ (Ип. 8 об., Л. 7); идоша за море к Русi... рѣша ... поидѣте *кнажитъ* и *володѣти* нами (Л. 7, Ип. 8 об.); и многи вараги скуписта и начаста *владѣт* польскою землею (Л. 7 об., Ип. 9); Ꙗрополкъ... *бѣ володѣıı* единъ в Руси (Л. 23 об., Ип. 30) и т. д. По всему видно, что в 4-м примере слово *кнажитъ* тавтологическое и, по всей видимости, вставлено позже. Кроме того, во многих случаях, особенно во 2-й части Пов. вр. л. вместо *кнажи* употребляется *сѣде*, ср.: Володимиръ... *сѣде* в Новѣгородѣ (Л. 23 об., Ип. 30); посемь же представлъшюсѧ великому кназю Ꙗрославу. прия власть снъ его Изѧславъ, и *сѣде* Кıевѣ (Л. 53, Ип. 58 об.); Стослав же и Всеволодъ внидоста въ Кıевъ ... и *сѣдоста* на столѣ (Л. 61 об., Ип. 67 об.); Всеволодъ же *сѣде* Кıевѣ. на столѣ ѡца своего и брата своего. переима власть руськую всю. и посади сна своего Володимира Черниговѣ (Л. 68 об., Ип. 76); *сѣде* Василко Теребовли (Л. 90, Ип. 91 об.) и т. д.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что понятие 'княжить' выражалось словом *сѣдѣти*, а также в необходимых случаях — *володѣти*. Создается впечатление, что слово *кнажити* включено в Пов. вр. л. поздно. Обращает при этом внимание следующее: после глагола *сѣдѣ* местный падеж обычно употребляется без предлога, тогда как после *кнажа*, *кнажаше* местный падеж встречается только с предлогом *въ*, что также указывает на поздний характер возникновения сочетания слов типа: *кнажаше въ роду*; *кнажа въ Киевѣ*.

Все сказанное наводит на мысль, что в первоначальной редакции Пов. вр. л. не было глагола *кнажити*, который введен в данный исторический древнерусский труд поздно, по-видимому, не ранее XII—XIII вв. Показательно при этом еще то, что внимания летописца хватило только на первую часть, где он, правда, не совсем последовательно глаголы *сѣдѣти* или *володѣти* заменил на *кнажити*. Во второй же части, т. е. после л. 50 в Л. и л. 60 в Ип. глагол *кнажити* собственно в тексте летописи встречается один раз: сему (Всеволоду. — *А. Л.*). приимшю послѣже всеıı брата столъ ѡца своего по смерти брата своего се же (в Ип.: *сѣде*) Кıевѣ *кнажа* (л. 72, Ип. 80). Далее в Л. этот глагол находим в записи Сильвестра: Игуменъ Сильвестръ стаг Михаила. написах книгъı си лѣтописець. надѣꙗсѧ ѿ ба млсть прияти. при кнази Володимерѣ. *кнажащю* ему Кıевѣ (Л. 96). Сильвестр употреблял глагол *кнажити*. Если заглавие «Се повѣсти времань-

ных лѣт. Откуду есть пошла руская земля. Кто въ Киевѣ нача первѣе *княжит*(и)...» принадлежит перу Сильвестра, тогда можно утверждать, что глагол *княжити* в Пов. вр. л. внес в начале XII в. игумен Сильвестр. Показательно, что дьякон Григорий в послесловии к Остр. не употребил этого глагола, ср.: **самъ ж изъславъ къняжь. правляаше столъ отца своего Ярослава Кыевѣ. а брата своего столъ поржчи правити. близокоу своемоу Остромироу Новѣгородѣ** (л. 294 в).

Возможно, что в середине XI в. глагол *княжити* еще не употреблялся. Поскольку памятники ст.-слав. письменности не знают этого глагола, допустимо, что он образовался у нас на древнерусской почве в то время, когда слово *князь* стало употребительным. Это, по-видимому, произошло не ранее начала XII в.

Еще реже, как отметили, в Пов. вр. л. встречается сущ. *княженье* по своему типу образования — явно книжного происхождения. Данное существительное два раза зафиксировано ЖМ: **оувѣдѣвъ бъıстрость ıго княженик ємоу дасть дьржати словѣньско; избъıсть княженıа и шьдъ въ олимбь**[54]. В Пов. вр. л.: Оумѣршю же Рюрикова предасть *княжение* свое Ольгови (Ип. 9 об., Л. 8); начало *княженья* Стослава (Ип. 23, Л. 16); аще не имевѣ Василка то ни тобѣ *княженыа* Кыевѣ. ни мнѣ в Володимери (Л. 87, Ип. 88 об.) и др. В последнем примере *княженыа*, вероятно, на месте первичного *сѣдѣти*, если исходить из примеров, приведенных выше, а также и из следующих: то ес волость отца моюго. да хочю ту *сѣда* порадъ створити со отцмь твоим (Л. 85 об., Ип. 86 об.); да то ти *сѣдить*. снъ твои хрьстнъıи с малъıм братомъ своимъ хлѣбъ ѣдучи дѣдень. а тъı *сѣдиши* в своемъ (Л. 84 — из письма Вл. Мономаха); аще *сяду* на столѣ отца своюго, то имам рать съ Стополком взати (Л. 72 об., Ип. 80) и т. п. Примеры дают основание предполагать, что в языке летописца не было и слова *княженье*, и он обходился без него. Лишь позже, когда решили отмечать заголовками начало, в какое время приступал править столом князь, стали писать: Начало *княженыа* Ярославла Кыевѣ (Л. 48 об., Ип. — нет); начало *княженыа* Всеволожа в Киеви (Ип. 75 об., Л — нет) и т. д. Что эти заголовки появились поздно, указывает непоследовательное употребление их в разных списках, как это видно из только что приведенных примеров. **Сѣдѣти** в значении 'править' известно и памятникам ст.-слав. письменности, ср.: **Сѣдıа** (в других точнее: **Сѣде**, в греч. ἐκάθισας) **на прѣс(то)лѣ сждıı правьдж** (Син. пс. IX, 5); **и сѣдıтъ гь цръ вь вѣкъ** (там же XXVIII, 10). По всей видимости, **сѣдѣти** в значении 'править' чисто славянское, поскольку греч. κάθημαι, переводом которого является **сѣдѣти**, такого специфического значения не имеет.

[54] *П. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 70 и 71.

Кнагъıни, по-видимому, представляет древнерусское образование: это слово не зафиксировано в памятниках ст.-слав. письменности. Впервые слово находим в надписи на миниатюре «Святославово семейство» в Изборнике 1073 г. Образование слова по типу книжных: **самарѣнъıни, сжсѣдъıни, рабъıни** и т. п.[55] Как отметили, слово *кнагъıни* в Пов. вр. л. встречается всего 5 раз.

Прилагательное *кнажь*, встречающееся в Пов. вр. л. также мало, употребляется в той же нечленной форме, что и в памятниках ст.-слав. письменности, ср.: дворъ *кнажь* бѣше в городѣ (Л. 15, Ип. 22); *кнажь* корабль (Л. 52, Ип. 57 об.); в ѡтрока *кнажа* (Л. 88 об., 89 об.) и нек. др.

В памятниках ст.-слав. письменности старших списков интересующее нас слово фигурирует в различных написаниях, представление о чем дает следующая таблица:

Название	Написания									Всего
	къназ-	кназ-	кънаʒ-	кнаʒ-	кнʒ-	кназ-	кнʒ-	кънаж-	кнаж-	
Ас.	—	10	—	—	—	1	1 (кирилицей)	—	1	13
Сав.	—	—	10	—	—	—	2		—	12
Остр.	—	—	16 *	—	—	—	—	1	—	17
Мар.	11	2	4	3	—	1	—	1	—	22
Зогр.	1	—	16	—	1	—	—	1	—	19
Син. пс.	18	—	—	—	—	—	—	—	—	18
Син. тр.	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Клоц.	—	—	1	—	—	—	1	—	—	2
Супр.	—	—	7	3	—	—	83 из них: 4 (кнаж)-	—	—	93
Енин.	1 **(?)	—	—	—	—	5	—	—	—	6
Итого:	31	12	55	6	1	7	85	5	1	203

* Сюда не включены 3 написания слова в послесловии дьякона Григория.

** Сохранилось написание Наан в начале 3-й строки л. 21а. Поскольку къ — находилось в конце 2-й строки, то допустимо, что было приведенное написание. См. К. Мирчев, Хр. Кодов. Енински апостол старобългарски памятник от XI в. София, 1965, стр. 86—87.

Слово *кнаʒь* < **къназь**, восходящее к др.-в.-н. *kuning*, признается праславянским заимствованием[56]. С точки зрения социологической

[55] *Berneker I*, стр. 663; *Machek*², стр. 262; *Фасмер II*, стр. 266 и др.
[56] *Sadnik-Aitzetmüller*, стр. 181.

сомнительно, чтобы рассматриваемое слово являлось праславянским наследием. В ев. словом **кънѧзь, кънязь** передано греч. ἄρχων 'правитель', 'начальник' ср.: **бѣ же ѵ҃лвкъ отъ фарисѣи. никодимъ имѧ емоу. кънязъ июдеискъ** (И. III, 1 Мар.); **вгда бо градѣши съ сѫпѣремь твоимь къ кънязоу. на пѫти даждь дѣланиѥ извъıти отъ него. да не пр(и)влечетъ тебе къ сѫдии. і сѫдии та прѣдастъ слоугѣ. и слоуга та въсадитъ въ темьницѫ** (Л. XII, 58 Мар.); **і приде мѫжь къ исоу... і тъ кънязъ сънѣмиштю бѣ** (Л. VIII, 41 Мар.). Значение 'правитель' в слове **кънязь** является общеславянским. Такое значение у слова могло развиться только в классовом обществе, а классовое же общество у славян стало развиваться в период после VI—VII вв., когда славяне в процессе распада родового строя, расселившись на огромной территории в Европе, уже не представляли единого общества. Вот почему нам кажется, что слово **кънязь** в др.-рус. языке заимствовано из памятников ст.-слав. письменности или из болгарского языка изустно.

Приведенные в таблице данные показывают, что в Восточной Болгарии в XI в. слово **кънязь** произносили как *knęzъ* или даже *knez*, о чем свидетельствуют написания в Супр.: **кнадъ рєѵє** (102, 11—12); **изидоша противѫ кмоу кнадъ** (117, 2—3); **кнадъ повелѣ привести и** (155, 2); **Ѣıı ѵакте видѣти кнада** (19, 22—23); **нарицаѭтъ кнада** (56, 7—8); **къ кнадоу** (174, 22); **рєкоша... къ... кнадоу** (180, 18—19) и т. п. При этом, как показывают приведенные же данные, это слово в Восточной Болгарии произносилось без ъ между к и н в начале слова. Оставшиеся 7 написаний **кън-** и 3 **-кън-** из 93 указывают только на то, что писец в отдельных случаях, надо полагать, скопировал то написание оригинала, с которого делал дошедший до нас список.

На восточнославянской почве впервые мы встречаем интересующее нас слово в послесловии дьякона Григория к Остр., где читаем **изслѵоу кънязоу** (2 раза) и **изслѵ кънязь**. Написание в дат. п. ед. ч. — **зоу** свидетельствует о влиянии орфографии текста евангелия, переписанного дьяконом Григорьем. В берст. гр. № 109, палеографически и стратиграфически датируемой А. В. Арциховским 2-й пол. XI в., а В. И. Борковским — XII в., читаем: кънагъıни, кънажъ моужъ. Здесь необычным для XI в. является написание ъ после ж, также и после ч, ср.: не ємли ничътоже. Чтение ничътоже вместо ожидаемого ничєгоже, надо полагать, — болгаризм. Помимо этого, в данной грамоте читается Плѣскове вместо ожидаемого Плъсковѣ, как например, в Новг. I лет.: *пльсковѣ* (л. 19,) и *пльскове* (л. 14 об., 1; 29, 7—8; 51, 11) и т. д. Таким образом, написания в берст. гр. № 109 — жъ, чъ, чоу (хочоу) явно свидетельствуют о том, что автор грамоты находился под сильным влиянием книжных образцов написаний слов и слогов. Если же прав В. И. Борковский в вопросе датировки грамоты, то в этом случае написание ъ между к и н. кън(ажъ),

кънѧгънии) представляется искусственным, потому что рядом находим начертание плѣскове с вокализированным ѧ.

В записи на стене Киевского Софийского собора о раке от 1093 г. читается кънѧзѧ[57]. Судя по употреблению слова четвьрг, можно, допустить, что писец был русский, так как другие славянские языки употребляют, как и в памятниках ст.-слав. письменности, четвръткъ. Однако писец в слове дѧмитръ путает буквы, а также пишет: анъдрѣѧ роусъкъıи кънѧзѧ, т. е. в первом слове вместо ѧ или ıа употребляет ѧ, во втором слове после с находим ъ вместо ѧ, в том же слове буква ı пишется не через ъ, а через ѧ. Затем читаем: дѧмитръ ѱ҃лъ отрочѧкѧ его. Начертание дѧмитръ на месте ожидаемого дімітріи, как это находим в Ас. (л. 124в); Остр. (л. 235г.); в ЖМ, ср.: **сътвори памать сто Димитриѧ**, греч. Δημήτριος и т. д.[58] Такое написание обнаруживается в Охр., Шиш. и Христ. списках Апостола, а написание **Дьмитръ** в Сав. (л. 133 об.)[59], а также один раз в Л.: *Дьмитръ* конюх Двдвъ (л. 88). Говоря иначе, написание **Дъмитръ** и **Дьмитръ** появляется в памятниках ст.-слав. письменности восточноболгарской редакции.

Начертание *отрочька* для др.-рус. языка совсем странное, поскольку оно обнаруживается впервые с уменьшительным суф. *-ьк* и окончанием *-а* в им. п. ед. ч. муж. р. Может быть, тут описка вместо *отрочькъ*?

Как видно, писец, подражая каким-то образцам, не умеет употреблять нужные буквы там, где они должны быть. В связи с этим и написание кънѧзѧ, видимо, появилось в подражание тоже каким-то образцам.

В записи о княжении Святослава читаем: д҃лѣта кънѧжилъ сватославъ, ... вѧ памѣтие сватославѣ[60].

По-видимому, писец был западным славянином, так как русский едва ли мог бы написать дважды свѧ- вм. сѧ- или свıа- в имени Сватославъ, памѣ.тие вместо памѧ...тие. С. Высоцкий отмечает, что начертания букв ж, ъ, ѧ «находят соответствия в балканских рукописях (Супр., Хиландарской)», а также полагает, что запись сделана в 1078 г.[61]

Выходит, что и здесь написание кънѧжилъ с ъ после к не основано на живом произношении, так как нерусское происхождение писца едва ли подлежит сомнению.

В записи об Олисаве, вдове Изяслава Ярославича, относящейся, по мнению С. Высоцкого, к концу XI или началу XII вв., читаем: гн҃ помози рѧ|вѣ своеи олисавѣ|стоплъчи мѧ. єри|роусъскъıи кънѧгънии[62]. Книжное начертание стоплъчи вместо ожидаемого

[57] *С. А. Высоцкий.* Указ. соч., стр. 18, табл. V, VI.
[58] *П. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 77.
[59] Slovník jaz. stsl. I, стр. 481.
[60] *С. А. Высоцкий.* Указ. соч., стр. 42, табл. XI, XII.
[61] Там же, стр. 73, табл. XXIX, XXXX.
[62] Там же, стр. 73, табл. XXIX, XXX.

ѣтопълъи, рꙋсьскъıı вместо ожидаемого рꙋсьскои свидетельствуют о подражании старославянским начертаниям слов, а также путание род. и дат. п. п. в слове рꙋсьскъıı. Все это, по-видимому, свидетельствует, что написание кънагъıни с ъ после к — книжное.

В записи о княжеском мечнике находим искусственно книжное написание къ(н)ажоу в дат. п. ед. ч. — жоу вместо ожидаемого — жю. Видимо, и написание ъ после к также книжное.

В записи: придѣ | кназа | ѣтопълкъ, — мы находим написание кназа без ъ после к, хотя ѣтопълкъ сохраняет написания ъ. Запись, по мнению С. Высоцкого, выполнена в 1093 г. Левее приведенной записи читается кназа (остаток другой записи) и опять без ъ после к[63]. В записи о Бояновой земле, выполненной, по мнению С. Высоцкого, во 2-ой пол. XII в., дважды читается: кнагъıни[64].

Такии образом, в записях на стенах Софии Киевской написания къназа, кънажилъ кънагъıни наблюдаются там, где орфография и язык письма явно книжные.

В других памятниках XI—XII вв. мы встречаемся только с написанием кназа (без ъ между к и н). Приведем примеры: В надписи на Тмутороканском камне от 1068 г.: глѣбъ кназа, но рядом же: ѡ тъмоу̀тороканѣ до къръчека, свидетельствующее о наличии редуцированных в языке писца. В послесловии Иоанна дьяка к Изборнику Святослава 1073 г.: написа... великоуоумоу кназю ѣтославоу: Великъıи къ кназѣхъ кназ ѣватославъ; кнагъıни в надписи на миниатюре «Семейство Святослава». Между тем все другие написания слов в послесловии свидетельствуют о наличии в языке дьяка Иоанна редуцированных: кънигъ (стрк. 17), правда и книгамъ (1—2); бъıела (26); събърък акъı къ ѥдинъ (29—30); съть сладък (33—34); вѣсѣмъ (I); съ вѣсакого (28) и т. п. В послесловии к Изборнику 1076 г.: из мъногъ книгъ кнаж(иѫъ); при ѣтославѣ кнази, хотя в тексте памятника и встречаются написания: къназа (л. 173), къназѣмъ (53 об.), къназѣма (73 об.), правда, в последних двух примерах написание къ- находится в конце строки. В записи писца Мстиславова ев. до 1117 г. на л. 212 об. — 213 редуцированные употребляются правильно во всех положениях, ср. Мьстислава, мънога, къноукоу, вѣсѣволожю, съвърши, чьстимоомоу, мирьскъı, мьстислъкоу и т. д., но: кназю ѳеѡдороу, кназю новъгородьскоумоу. В записи Наслава на л. 213 того же евангелия от 1125 г. дважды написано: къназа, къназа[65], но оба раза слог къ- находится в конце строки, и это написание, видимо, отражает традицию не оканчивать строку на согласную букву. То же наблюдаем, например, в Новг. 1 лет., где пишется: Ѵропълъ | къ (58 об.); арь | хиепъ (л. 46 об.—47); соужь | дальци

[63] *С. А. Высоцкий.* Указ. соч., стр. 35, табл. VIII.
[64] Там же, стр. 61, табл. XXVII, XXVIII.
[65] Примеры, относящиеся к Мстиславову евангелию списка до 1117 г., извлечены из картотеки СДР XI—XIV вв.

(л. 19); къ|нязь (л. 43); къ къ|нязю (л. 118—118 об.); къ|нязѧ (л. 116 об.), тогда как в других местах этих ъ и ь в приведенных местах не обнаруживается. В грамоте Мстислава Володимировича около 1130 г. строго выдерживается употребление редуцированных и при этих условиях читаем: кнѧжєнию (строка 2), кнѧжєнии (5—6), кнѧзѧ (5 (5) и еще: Кєєколодъ (15), Кєєколодꙋ (3). Заметим, что фонетические условия произношения кнѧ- и кєє- не одинаковы, в последнем случае скорее можно ожидать выпадение редуцированного звука сравнительно со слогом кнѧ-.

На основании приведенных данных можно констатировать, что в XI—XII вв. слово *кънязь* на Руси писалось с ъ после *к* редко и только в примерах, когда подражали книжным образцам; в остальных случаях ъ в этом слове после *к* опускался, так же как и в восточноболгарских написаниях слова того же периода. Этот факт наводит на мысль, что слово *князь* в древнерусском литературно-письменном языке было заимствованным словом, а не праславянским наследием.

Показательно, что в Л. нет ни одного случая написания *кънязь* (с ъ после *к*), между тем как в других случаях в этом памятнике достаточно примеров, свидетельствующих о том, что в языке составителя Пов. вр. л. редуцированные были еще звуками [66]. В Ип. всего один раз: *дворъ кънѧжь* (л. 22), но это написание, видимо, обозначает мягкость *к* в языке писца XV в.

Изложенное позволяет констатировать:

1. В восточнославянских диалектах слово *кънязь*, по всей видимости, не являлось праславянским наследием, да и вообще оно едва ли было усвоено в праславянскую эпоху. Вероятным представляется его заимствование из др.-в.-н. не ранее VII—VIII вв. первоначально каким-то одним из славянских диалектов того времени.

2. Массовые случаи написания *князь* (без ъ между *к* и *н*) в памятниках XI—XII вв., составленных или переписанных на Руси, вероятнее всего, свидетельствуют о заимствовании этого слова из болгарского языка изустно в указанное время.

3. Факты склоняют к тому мнению, что в Пов. вр. л. слово *князь* введено при перередакции и переписывании этого исторического труда едва ли не ранее начала XII в. До этого времени, по имеющимся данным, по крайней мере, в Киеве, в том же значении, по-видимому, было употребительно тюркское по происхождению слово *каганъ*.

Достойно упоминания слово *посадьникъ*, кому, по выражению Григория дьякона, переписчика Остр., князь поручал править той или иной областью. Слово это произошло от глагола *посадити*, имевшего значение ‘поручить правление’, ср.: Стославъ же при-

---

[66] *Н. П. Некрасов.* Заметки о языке «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку летописи. «Известия ОРЯС», т. I, кн. 4. СПб., 1896, стр. 846 и сл.

шедъ Тмутороканю *посади* сна своего пакы Глѣба (Л. 55, Ип. 61); Всеволодъ... *посади* сна своего Володимера Черниговѣ (Л. 68 об., Ип. 76); Всеволодъ же *посади посадника* Ратибора Тмуторокани (Л. 68 об., Ип. 76); Ꙗпрополкъ *посадники* своꙗ *посади* в Новѣгородѣ (Л. 23 об., Ип. 30, Н. 42); Олегъ . . . перея всю землю Муромску и Ростовску и *посажа посадникы* по городом (Л. 85 об., Ип. 87).

Отсутствие прилагательного *посадьнъ* допускает считать, что слово *посадьникъ*, образовалось присоединением суф. *-ьникъ* к основе *посад-*, и оно имело свои производные: *посадьничити*, ср.: приде Борисъ *посадницитъ* въ Новъгородъ (Новг. I лет., л. 10); прѣстависѧ дъмитръ завидиц. *посадникъ* новъгородьскыи. иоулѧ .ѳ. ... *посадницѧвъ* .з. мсць единоу (там же, л. 9 об.); *посадничьство*: въдаша *посадницьство* Новѣгородѣ. Завидоу Дмитровицю (там же, л. 12); *посадьничь*: сноу *посадничю* (там же, л. 137) и т. п.

Видимо, особенно употребительны были приведенные слова в Новгороде. Поскольку в Киеве не было посадничества, этим, надо полагать, объясняется то, что в Пов. вр. л. производные от *посадьникъ* не встречаются.

3. *БОЙР-*, *БОЛѢР-*

Между вариантами основ *боꙗр-* и *болѣр-* никакой разницы в значениях нет (о происхождении их специально ниже). С этими основами в Пов. вр. л. зафиксированы следующие формы:

боꙗринъ: и бѧста оу него (Рюрика. — *А. Л.*) два мужа не племени его. но *боꙗрина* (Ип. 9, также в Р., в Л.: ни *боꙗрина* (7); великии кнѧзь роускии и *болѧре* его (Л. 11 об., Ип.: *боꙗрѣ* (18 об.); ре(ч) Стославъ къ мтри своеи. и къ *болѧромъ* своимъ (Л. 20 об., Ип. и Н. *боꙗром* (26 об., 38 об.); и ѡпѣвше литургию. ѡбѣдаша братыа на скупь кождо *с боꙗры* своими. с любовью великою (Л. 61 об., Ип. 67, Н. 95); Стополкъ созва *болѧръ* и къıанъ и повѣда имъ. еже ему повѣдалъ Двдъ... хотѧть тѧ оубити... и рѣша *болѧре* (Ип.: *боꙗре*) и людье. тобѣ кнѧ(же) достоить блюсти головы своее (Л. 87 об., Ип. 89); и созва кнзь *болѧры* своꙗ и старца (Л. 37, Ип.: *боꙗры* (41) Н.: *боѧръи* (61).

боꙗрьць: Стополкъ же приде ночью Вышегороду. ѡтаи призва Путшю. и Вышегородьскыѣ *болѧрьцѣ*, (Ип.: *боꙗрьцѣ*, Н.: *боꙗрьци*) и реч имъ приıете ли ми всѣмъ срдцмь (Л. 45 об., Ип. 50, Н. 75 об.). Хотя других примеров на образование от этих основ с помощью суф. *-ьць* нет, но повторение этой формы во многих списках приведенного места едва ли является случайным. Позд-

нее *боярченокъ*[67] (откуда стяженная: *барченок*), по этому типу: *китаец — китайченок; заяц — зайченок*, также указывает на то, что в прошлом форма *бо҃ларьць* существовала.

Бо҃ларьство: и рк҃оша цс҃рл и *бо҃ларьство* все. аще приидуть Русь бес купли. да не взимают мѣсл҃чинꙋ (Ип. 12 об., Л. нет), в Р.: и рѣста цр҃л и *бо҃ларьство* все... (16); послаша нꙋ... створити любовь съ самѣми цр҃и. со всѣмь *бо҃лларьствомъ*. и со всѣми людьми гречьскими (Л. 11 об., Ип.: *бо҃ларьствомъ* (18 об.). Оба примера извлечены из договоров 912 г. и 945 г., в других же местах Пов. вр. л. образований на *-ьство* от рассматриваемой основы не встречаются. Допустимо предположение, что в указанных примерах *бо҃ларьство* представляет перевод греч. σύγκλητος; по мнению И. Срезневского, *вьсе бо҃ларьство* является переводом греч. πᾶσα ἡ σύγκλητος [68]. Форма *бо҃лларьство*, встречается и в памятниках церковнославянской письменности [69].

Бо҃ларьскꙋіи: Феодоръ же стратилатъ съ фраки. с ними же и сановьници *бо҃ларьстіи*. ѡбидоша Русь ѡколо (Л. 10, Ип. 17 об.). Хотя в Пов. вр. л. это единственный пример на форму прилагательного, но данная форма достаточно известна по другим памятникам письменности, ср.: **мѫжа именита... отъ болѣръска рода сѫшта** (Супр. 202, 13—15); навелъ б҃ъ за грѣхꙋі наша. іс поустꙋіна звѣри дивна. ꙗсти силнꙋіхъ плъти. і пити кровь *бо҃ларьскоую* (Новг. I лет. л. 138) и т. п.

В диалектах зафиксированы формы: *бояр*. То же, что *боярин* (пенз.) [70], т. е.: ‘барин, дворянин’; *бояр, боляр* ‘участник свадебного обряда’, ‘гость на свадьбе’ (томск.) [71] *бояр*: 1. Песня в свадебном обряде (поется поезжанами, отправляющимися за невестой); 2. Свадебный чин (ярсл.) [72]; *боярок* ‘человек, происшедший из господского рода, по причине бедности живущий у какого-нибудь помещика вместо компаньона’ (псков.) [73]; *боярка*. Так называется одна из четырех подружек невесты (псков.) [74]; *бояричь, боярышня*. Дети боярина [75]. И. Срезневский зафиксировал из Златоструя форму: *бо҃ларꙋічна* [76].

---

[67] «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. I, изд. 2. СПб., 1867, стб. 164; *Даль*[4] *I*, стб. 297.
[68] *Срезневский I*, стб. 163 и сл.
[69] Там же, стб. 163.
[70] Опыт, стр. 14.
[71] «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби». т. I. Томск, 1964, стр. 44, 48.
[72] *Мельниченко*, стр. 35.
[73] ДОП, стр. 12; *Даль*[4] *I*, стб. 297.
[74] *Даль*[4] *I*, стб. 297; *П. С. Богословский*. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов. (По этнографической литературе и рукописным материалам Русского Географического общества). «Пермский краеведческий сборник», вып. III. Пермь, 1927, стр. 33.
[75] *Даль*[4] *I*, стб. 297.
[76] *Срезневский I*, стб. 151.

Общеизвестное наименование жениха князем, невесту княгиней, а участников свадьбы — боярами, тысяцкими и т. д., как установлено, перешло в народный быт из высших классов, и крепко еще держалось в обычаях дореволюционной деревни [77]. Вследствие сказанного, употребление слов: *князь*, *княгиня*, *бояр*, *боярин*, *боярка* в значениях чинов, принятых для свадебного ритуала, не свидетельствуют об исконно народном происхождении этих слов.

Итак, в русском языке с древних пор до наших дней была известна широко развлетвленная деривация от основы *болар-*.

На основании данных можно определить, кто такой *боларинъ*, это — 'феодал, землевладелец', игравший определенную роль в правлении того или иного князя, ср.: оумре же Володимиръ кнѧзь великии. . .и плакаша сѧ по немь *боларе* (Л.: *болѧре*). аки заступника. земли ихъ (Ип. 49, Л. 45); посадникъ Костѧнтинъ. . . с новъгородци. . . начаша скотъ брати ѿ мужа четꙑри кунꙁи. а ѿ старостъ. по .л. гривенъ. а ѿ *боларъ* по ѡсмидесѧть гривенъ (Ип. 54), в Л.: а ѿ *боларъ* по .ѵи. гривъ (49), но тут, видимо, ошибка писца, поскольку в Р.: по п. В сравнении с мужами и старостами бояре — наиболее богатые люди: изиде противу ѥму (убитого Ярополка. — *А. Л.*) блговѣрный кнѧзь Всеволодъ. с своима снѣма. с Володимеромъ. и Ростиславомь. и вси *болѧре* (Ип.: *болрѣ*). и блжнꙁии митрополитъ Іѡан. с черноризци. и с прозвутерꙁи (Р.: превзитерꙁи). и вси киѩне (Л. 69, Ип. 76 об.). В данном предложении, как видно, бояре упомянуты сразу после князя до митрополита. В Рус. Пр. ст. 91 утверждает, что князь не имеет права наследовать боярское имение; если не будет сыновей, имение получают дочери.

Какую роль играли бояре в определении политики, иллюстрирует такой пример: В лѣт ѕ·ѱ·ѯ·ꙁ (=6767 (1255 г.). . . і бꙁіс заоутра съѣха кнꙁь с городища. і оканьнии татарове с нимъ. і злꙁıхъ свѣтомь ѩшасѧ по число. творѧхоу бо *боларе* собѣ легко. а меншимъ зло (Новг. I лет. л. 137 об.).

Весьма примечательно, что в Краткой Рус. Пр. (она, как известно, признается первичной, на основе которой позже была составлена Пространная Рус. Пр.) слов *боларинъ*, *боларе*, *боларъскъ* нет. Там идет речь о мужах и огнищанах, причем за убийство мужа накладывается вира в 40 гривен, а огнищанина — в 80 гривен.

Огнищанинъ образовано от основы сущ. *огнище* в значении места, потому что суффикс *-ѣнинъ*|*-анинъ* присоединился к основам имен, обозначающих место, ср. ст.-слав.: **галилѣанинъ**, **иероусалимлѣнинъ**, **самарѣнинъ** и т. п. Надо думать, что *огнищанинъ* первоначально мог означать 'хозяин подсеки'. Поскольку

---

[77] *П. С. Богословский.* Указ. соч., стр. 52 и сл.

убийство огнищанина Рус. Пр. оценила таким большим штрафом, то хозяин подсеки, надо полагать, был крупным землевладельцем. Отмечено, что *огнищанинъ* — термин новгородский, которому на юге соответствовало слово *боꙗринъ*. Кстати сказать, в Пов. вр. л. не встречается слово *огнищанинъ*.

По всей видимости, в период составления Краткой Рус. Пр. слова: *боꙗринъ*, *боꙗре*, *боꙗрьскъ*, как особые общественно-политические наименования, еще не были в употреблении.

Поскольку в договоре Олега от 907 и 912 гг. несколько раз делается ссылка на *законъ* или *поконъ роусьскꙑи*, то надо полагать, в начале X в. Рус. Пр., как юридический документ, существовал, ср.: а Ѳльга водиша и мужии его на роту. по *русскому закону* (Ип. 12 об.) за то оударение или оубьение да вдасть литръ е. сребра по *покону рускому* (Ип. 13 об.); Мы же клѧхомсѧ къ цр҃рю вашему... по *закону* и по *покону* ꙗзꙑка нашего (Ип. 15). В договоре 912 г. по Ип. сп. читаем: и ѿ всѣхъ... *свѣтълꙗихъ* боꙗръ (Р. великих боꙗръ) (13); под рукою нашихъ кнѧзь *свѣтлꙗихъ* (13); храните таку же любовь. къ кнѧземъ же *свѣтлꙗимъ* нашим рускꙑмъ (13 об.) и др. В приведенных и других примерах *свѣтълꙗии* как обозначение титула князя, боярина появилось, как полагает Н. Лавровский, в результате перевода греческих титулов λαμπρότατος или περιφανέτατος [78]. Почему не *свѣтьлѣишихъ*, как это должно быть, неясно. В связи со сказанным имеются основания считать, что написание ѿ всѣх... *свѣтълꙗихъ* боꙗръ — было в самом начальном переводе договора, позже, например, в Р. *свѣтлꙗихъ* заменили на *великих* (боꙗръ), л. 16). В договоре от 907 г. читается: и ркоша цр҃ѧ и боꙗрьство все (Ип. 12 об.), в Р.: и рѣста цр҃ѧ и боꙗрьство все (16). Чтение Р.: рѣста цр҃ѧ... несомненно древнее и первичнее в сравнении с Ип.-ркоша цр҃ѧ, нарушившим дв. ч. и заменившим старый сигматический аорист *рѣста* на позднюю форму *ркоша*.

На основании этих данных можно констатировать, что слова *боꙗръ* и *боꙗрьство* (может быть: *болѧръ* и *болѧрьство*) могли быть употреблены переводчиком договора при его подписании в 912 г. Таким образом, допустимо, что слово *боꙗринъ* могло быть в употреблении в др.-рус. языке уже в начале X в. Показательно то, что из 405 опубликованных берст. гр. ни в одной не встретилось слово от основ *боꙗр-* или *болѧр-*, вместе с тем тут зафиксированы: кнѧзь (гр. №№ 286, 318, 332, 309, 404); кнѧжь (222); моужь (109, 150, 160, 296); посадникъ (106, 154, 301, 310, 339, 352, 358, 385); дворѧнинъ (5, 19, 67, 289, 345), господарь (247), староста (102); колбѧгъ (222), господинъ (15, 17, 49, 55, 67, 84, 94, 97, 98, 102) и т. д.

---

[78] *Н. Лавровский.* Указ. соч., стр. 104 и сл.

В Новг. I лет. лишь 22 раза встречается слово *бо҃аре* и 2 раза *бо҃арьскъ* и, причем из них слово *бо҃аре* 7 раз употреблено в Повести о взятии крестоносцами Цѣсарьграда (л. 64—72), один раз по отношению к литовскому князю (л. 140). Между тем слово *моужь*, употребленное здесь 104 раза, из них 48 раз несомненно в значении *бо҃аринъ*, ср.: приде кнзь ... Всѣволодъ пльсковоу. хота сѣсти опать на столѣ своемъ Новѣгородѣ. позванъ отаи новгородьскыми и пльсковьскыми *моуж*. приатели его (л. 18); приславъ Всѣволодъ взведе Ꙗрослава из Новагорода. и веде и къ собе. и из Новагорода позвавъ влдкоу. и посадьника Мирошкоу. и вачьшии *моуж* по снъ (л. 61); баше же новгородьцевъ мало. ано тамо измано вачьшиѥ *моуж* (л. 83) и т. д. Создается впечатление, что в Новг. I лет. *бо҃аре* употребляется взамен более обычного для речи летописцев слова *моужи*, поэтому мы находим тут употребление сочетаний слов: *лоучшии бо҃арѣ* (л. 140 об.) (оубиша ... мног) *добрѣихъ бо҃аръ* (л. 144 об.) и другие по аналогии *лоучьшии моужи*, *добрѣи моужи*. Дело в том, что для Новг. I лет. характерно употребление определений при слове *моужь*: *вачьшии* (8 раз), *лоучьшии* (2 раза), *добрѣи* (16 раз), *старѣишии* (4 раза) и т. д. Заслуживают внимания наблюдения историка Б. Д. Грекова, заметившего, что чтению в Новг. I лет.: *огнищане*, *гридь*, *купце*... (см. лл. 33 об., 56, 118), в Л. соответствует: *бо҃аре*, *гридь*...[79]

Таким образом, само собою напрашивается вывод, что слово *бо҃аринъ* распространялось на Руси с юга на север, т. е. из Киева в Смоленск, Новгород, Псков и т. д., и оно стало употребляться вместо слова *моужь* и, возможно, *огнищанинъ* в значении ‘княжий человек’, наделенный привилегированными правами. Как видно, *кнажии моужь*, разбогатевший и получивший в свое владение земельный участок, превратился в феодала, которого в Киеве стали именовать *бо҃аринъ* или *бо҃арьць*. Не исключено, что первоначально слово *бо҃аринъ* на Руси употреблялось по отношению к сановникам и вельможам или приближенным к властителю богатых людей других народов. Это мнение естественно напрашивается в процессе чтения летописей, в которых слово *бо҃аринъ* более выдержанно употребляется по отношению к другим народам, ср.: црь же крсти кназа ихъ и *болгарѣ* (Ип.: *бо҃арѣ*) вса... и миръ створи с болгарѣ (л. 7, Ип. 8) — речь о болгарах, у которых бояре именовались *бѣли*, а не *бо҃аре* (об этом специально ниже). Это место летописец написал на основании сообщения Хр. Г. Ам., где вместо *бо҃арѣ* читается *велможа*. В сказании об Аполлонии Тианском, цитируемом по Хр. Г. Ам.: ꙗрость коньскую ѡбуздавъ. егда схожахуса *бо҃арѣ* (Ип. 15 об., Л. нет, Р. 49 об.), в Троицком сп. Хр. Г. Ам. тоже *болгарѣ*; и созва црь (греческий. — *А. Л.*)

---

[79] *Б. Д. Греков.* Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 69.

болѧре (Ип. *боꙗръı*) своꙗ в полату (Л. 21, Ип. 28, Н. 40) и т. д. Словом, в подобных приведенных примерах нет случаев употребления слова *моужь* вместо *боꙗринъ*, тогда как по отношению к русским подобные смешения не единичны.

Ф. П. Филин отмечает, что в поздних списках словом *боꙗринъ* заменяется не только *моужь*, но и *дроужина* [80].

В Пов. вр. л. слово *боꙗринъ* — *боꙗре* встречается сравнительно немного, всего около 30 раз в Ип. списке, а в Л. и того меньше ввиду отсутствия в ней договоров от 907 и 912 гг. Помимо этого, в Пов. вр. л. 2 раза встречается слово *боꙗрьство* и один раз *боꙗрьстии*. В Л. интересующие слова встречаются преимущественно в написании *болѧр-*, а в Ип. и Н. — *боꙗр-*. И. Срезневский заметил: «Выговор этого слова с *л* есть южнославянский, употреблявшийся на Руси в списках нерусских произведений и в слоге высоком». В другом месте: «Выговор этого слова с ꙗ, а не с *ля* (т. е. *боꙗринъ*, а не *болꙗринъ*. — *А. Л.*) можно считать преимущественно русским; встречается, впрочем, и в списках переводов греческих писателей» [81]. Действительно, в тех памятниках старославянской письменности, в которых употреблено рассматриваемое слово, оно всюду встречается в написании болѣр-, болѧр-, см. Супр. в издании С. Северьянова: стр. 58, 2; 61, 4; 101, 29; 104, 17—18; 195, 18 и другие [82]; Ен. ап. л. 21б и др. Язык Л. во многом подведен под книжное звучание. Этим, думаем, объясняется написание здесь *болѧр-* вместо *боꙗр-*. В других оригинальных памятниках древнерусской письменности более обычно написание *боꙗр-* [83]. Звучание основы *боꙗр-* не могло появиться из *болѣр-*, потому что не наблюдаются случаи замены *л* на *j* между гласными на восточнославянской почве. Ясно, таким образом, что древнерусское *боꙗр-* не зависит от ст.-слав. болѣр-. Но вполне вероятно, что из *боꙗр-* могло получиться *болѣр-* в результате контаминации основы с *болии*, как полагали Э. Бернекер, А. Преображенский и др.[84] Однако в этимологической литературе имеет место и обратное мнение, что *боꙗр-* от *болѣр-* в результате влияния на основу слова *бои* [85]. Необоснованность такого мнения очевидна, во-первых, потому что образование от *болии* с помощью суф. *-ѣр* (а) представляло бы единичное явление, во-вторых, неясно, по какой причине *болии*, т. е. ‘большой, великий’, должен подвергаться влиянию слова *бой*? Исходя из распространенного мнения, что ст.-слав. в древнерусском должно быть первичным, и появилось только что приведенное объяснение происхождения русской

---

[80] *Ф. П. Филин.* Лексика рус. литер. яз. др.-киев. эпохи, стр. 23.
[81] *Срезневский I*, стб. 150 и 160.
[82] *K. H. Meyer.* Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt und Hamburg, 1935, стр. 16; Slovnik jaz. stsl. I, стр. 136 и сл.
[83] *Срезневский I*, стб. 160 и сл.
[84] *Berneker I*, стр. 72; *Преображенский I*, стр. 40 и сл.
[85] *Фасмер I*, стр. 203 и сл. Здесь учет всей литературы.

формы *богар-*. В свое время И. Срезневский признавал, что *богар-* представляет образование от корня *бои* с прибавлением суффикса *-арь* [86]. Н. М. Шанский, не ссылаясь на автора, полагает, что «более вероятным объяснение сущ. *богарь* как общеслав. суффиксального производного от *бои* 'битва—сражение'» [87]. Как известно, многочисленные образования на *-арь* от основ имен существительных обозначают лиц по роду их занятий, вроде ст.-слав. **винарь**, **братарь**, **ключарь**, **мытарь**, **рыбарь** и т. п. Как отмечает А. Лескин, старославянский язык «еще избегал употребления **-арь** для производства nomina agentis от глаголов; в некоторых славянских языках оно с течением времени становится более частым, например, **пекж — пекарь**, **зьдати** 'формовать' — **зьдарь** 'горшечник', **писати — писарь** 'писец'» [88].

На основании приведенных данных следует признать, что т. н. *богарь* (если такая форма в написании с *-рь* существовала: она нигде не зафиксирована) должно быть поздним образованием в значении 'тот, род занятий которого является сражение'. В древности на восточнославянской почве от глагольных основ решительно преобладало образование на *-ьць*, а не на *-арь*, ср.: *водьць*, *гудьць*, *гребьць*, *лечьць*, *пивьць*, *письць*, *сродьць*, *чьтьць*, *ѣдьць*, *хромьць* и т. п. [89] Помимо этого, слово *боларинъ*, сколько можем судить на основании имеющихся данных, не имеет отношения к значению 'боец', поскольку оно является носителем другого значения 'богатый вельможа, феодал', и в памятниках ст.-слав. письменности словом **болѣринъ — болѣре** переведено греч. ὁ σύγκλητος 'сенатор' или οἱ μεγιστᾶνες 'вельможи'.

Что касается слова *боець*, оно по данным картотеки ДРС, зафиксировано впервые в Геннадиевой библии списка 1499 г.: ... бѣхѫ крѣпчаиши и избранніи воицъı напрязающіе лѹкъ ... (Парал. XII, 2), в современной канонизированной библии: ѿ силныхъ помогающіе ко брани, напрязающіе лѹкъ ..-, согласно греч. ... Βοηθοῦντες ἐν πόλεμῳ. Только начиная с XVI—XVII вв. слово *боець* фиксируется в его современном значении. Таким образом, *богарь* в данной форме в значении 'боец' не зафиксировано, а *боець* в русской письменности появляется поздно, только с XV в. По этой причине приведенная выше этимология *богарь* от *бой* выглядит особенно беспочвенной.

Таким образом, основа *богар-* или *болѣр-* является носителем понятия 'богатый и знатный'. В этом значении употребляют еще, как отметили: *вачьшии моужь*, *лоучьшии моужь*, *нарочитъıи моужь*, *добръıи моужь* и т. д. не только в Новг. I лет., но и в Пов. вр. л.,

---

[86] *И. Срезневский.* Мысли об истории русского языка и других славянских языков. СПб., 1887, стр. 104.

[87] Этимологический словарь русского языка, т. I, вып. 2. Изд-во МГУ, 1965, стр. 182.

[88] *А. Лескин.* Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915, стр. 121.

[89] Index a tergo, стр. 294—300.

ср.: и поча нарубати (вар.: порубати) *мужѣ лучьшиѣ* ѿ Словень и ѿ Кривичь и ѿ сихъ насели градъı (Л. 42, Ип. 45 об., Н. 68 об.); пришлите *мужа нарочитъı*. да в велицѣ чти приду за вашь кнѧзь (Л. 15 об., Ип. 22 об., Н. 33); да не застанеть вас̄ слн̄це на постели. тако бо ѡц̄ь мои дѣаше ... и вси *добрии мужи* (Л. 80 об. — Поуч. Вл. Мон.); и послаша *лѣпшиѣ мужи* ко пр̄ви (Л. 22, Ип. 28 об.); пр̄ь посла к Игорю *лучиѣ болѧре* (Л. 10 об., Ип.: *боꙗръı* (18) и т. п. Все эти данные и склоняют к мысли, что слово *боꙗръ*, *боꙗринъ*, вытеснявшее слово *мужь* в определенных значениях, действительно вторичное, и оно удовлетворительно не этимологизируется на славянской почве. Поэтому, думается, правы те, которые в основе *боꙗр* — видят тюрк. **baj-är*, подкрепляемое словом *пайар* 'богатый' желтых уйгуров [90]. По мнению С. Е. Малова, русское произношение *бояр* объясняется на почве булгарского языка. По И. Г. Добродомову, начальное *б* рассматриваемого слова может свидетельствовать о заимствовании слова из хазарского языка [91]. На тюркской почве слов состоит из *pai-/baj-är* буквально 'богатый человек', причем *är*, как отмечает С. Е. Малов, в тюркских языках «часто применялось и в древности, судя по памятникам письменности, и в современных тюркских языках — в титулах и в личных именах» [92]. Произношение *-är* как *-ар* С. Е. Малов объясняет происшедшим на булгарской основе. Произношение *är* после *j* как *ар* является специфической чертой славянских языков, — и это общеизвестно [93]. Помимо этого, безударный гласный *а* в заимствованных словах в древнерусском обычно передается как *о*, ср. др.-рус. *боранъ* из др.-тюрк. *baran* [94], *товаръ* из *tavar*; *колпакъ* из *kalpak* и др., а также *грамота* из греч. γράμματα [95] и т. п., соответственно: *bajär* > боꙗръ > боꙗринъ.

Однако Н. К. Дмитриев заметил, что «тюркская этимология этого слова (боꙗринъ. — *А. Л.*) не доказана, но иной нет. В древнейших памятниках тюркских языков это слово не засвидетельствовано» [96]. С. Е. Малов, как отметили, зафиксировал слова *пайар*

[90] *С. Е. Малов.* Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 86.

[91] *И. Г. Добродомов.* История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1966, стр. 9.

[92] *С. Е. Малов.* Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». — Известия ОЛЯ АН СССР, 1946, т. V, вып. 2, стр. 138; см. еще: «Древнетюркский словарь», стр. 175.

[93] *А. Мейе.* Общеславянский язык. М., 1951, стр. 47 и т. п. *С. Б. Бернштейн.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 173 и сл.

[94] *О. Н. Трубачев.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1961, стр. 173 и сл.

[95] *А. С. Львов.* К истории слова *грамота* в древнерусской письменности. «Исследования источников по истории русского языка и письменности». М., 1966, стр. 88 и сл.

[96] *Н. К. Дмитриев.* О тюркских элементах русского словаря. «Лексикографический сборник», вып. III. М., 1958, стр. 39.

(с начальным глухим *п*, по мнению многих тюркологов, являющимся древнейшим) в языке желтых уйгуров, проживших изолированно от других тюрков в окружении китайского населения, по утверждению автора, не менее тысячи лет. Далее автор указывал на то, что в языке желтых уйгуров дошло до нас древнейшее т. н. безличное спряжение (*мен пылты, сен пылты, ол пылты. . .*), С. Е. Малов резюмирует: «язык желтых уйгуров является восточным тюркским языком, одним из самых древнейших» [97].

Словом, древность тюркского слова *пайар* как будто не вызывает сомнений, причем оно зафиксировано, так сказать, в прямом, первичном значении 'богатый'. Таким образом, существует два предположения о языке, из которого заимствовано слово *боꙗръ* — булгарский и печенежский. В булг., как и в языке желтых уйгуров, это слово должно быть с начальным глухим *п*. Как заметил Н. И. Ашмарин, при заимствовании из булгарского начальный глухой воспринимается как звонкий, как например, в венг. *borju* 'теленок' считается бесспорным булгарским словом, которое у потомков булгар—чуваш оно и поныне с начальным *п*: *пăру* 'теленок'; венг. *guot* (*d'ot*) 'сорная трава' в чув. соответствует *çом, çум* в том же значении. Такое озвончение начальных глухих в заимствованных из чув. яз. слов наблюдается и в других языках, например установлено, что удм. *бус'оно* восходит к чув. *пуçана* 'свояк', тат. диал. *биляш* — к чув. *пилеш* 'рябина' и т. д.[98] Говоря иначе, др.-рус. *боꙗръ* может быть из булг. *пайар*.

Камнем преткновения в истории рассматриваемого слова является наличие двух основ: *боꙗр-* и *болꙗр-*. При тюркском происхождении слова первичной из них бесспорно является основа *боꙗр-*, а не *болꙗр-* (ст.-слав. **болѣр-**), последняя может быть только вторичной, образовавшейся из первичной формы под воздействием какого-либо близкого по значению и звучанию слова. Поскольку в памятниках ст.-слав. письменности слова с основой **болѣр-** появляются только в рукописях восточноболгарской редакции, то следует полагать, что такая форма основы произошла в Восточной Болгарии. Нам известно, что в Болгарии в значении 'боярин, вельможа' употреблялось **бꙑлꙗ**, как это зафиксировано в Супр. рук., ср.: **слꙑшавъ же комисъ гласъ звѣрии. оубоꙗ сѧ. и хотѣаше бѣжати. и глагола мⷭченикъ. не бои сѧ бꙑлꙗ. се бо оуже измьржтъ** (229, 28—30 — 230, I), в греч. πατρίκιος; см. еще 230, 7; 233, 20. *Бꙑлꙗ* один раз употреблено в Слове о п. Иг.: А уже не вижду ... брата моего Ярослава съ черниговьскими *бꙑлꙗми* (стр. 26—27). В надписи на могильной плите Мостича от X в. читается **чрьгоубꙑлꙗ**[99], греки изображали слово **бꙑлꙗ** как βοελᾶς, βοηλᾶς[100]. И. Срезневский, обнаружив в написании VIII в. в род. п.

---

[97] *С. Е. Малов.* Язык желтых уйгуров, стр. 7.
[98] *Н. И. Ашмарин.* Болгары и чуваши. Казань, 1902, стр. 124 и сл.
[99] *М. Янакаев, С. Стоянов.* Указ. соч., снимок VI.
[100] Slovník jaz. stsl. I, стр. 152.

мн. ч. τῶν βοιλάδων принял его как испорченное написание **болѣр-** в виде **болад-**[101], тогда как в отдельных случаях греч. βοιλᾶς, видимо, склонялось так же, как и λαμπάς.

В болгарский язык слово *боꙗринъ* едва ли проникло ранее конца X в., и это слово там стали употреблять в церковных книгах для передачи οἱ μεγιστᾶνες, οἱ τὰ πρῶτα φέροντες, οἱ σύγκλετος. т. е. в значениях, в основном совпадающих со словом **бꙑлꙗ**, οἱ πατρίκιοι. Однако здесь была и разница в значениях между **болѣринъ** и **бꙑлꙗ**, поскольку первым обозначали οἱ τὰ πρῶτα φέροντες или οἱ μεγιστᾶνες. В связи с этим, думается, под влиянием **бꙑлꙗ** слово *боꙗринъ* на болгарской почве с самого начала стало произноситься как **болѣр-**, **болꙗр-**.

Допущение О. Н. Трубачева, что **болѣр-** восходит к древнетюркскому этнониму *bulγar* с передним вокализмом **bölγär* / **bülγär*, несмотря на остроумные выкладки автора, нам представляется все же неубедительным[102]. Дело в том, что дошедшие до нас написания этого слова в виде: **бориса кнꙗза блъгарскаго** (Черноризец Храбр)[103]; **въ бльгарꙑ бѣжаше** (житие Наума)[104]; **въ бльгарскоу землю** (там же)[105]; **книгами ... блъгарскꙑми**[106] и т. д. (написание **-ль-**) свидетельствуют о том, что рукопись сербского списка. Древнерусские написания *болгаре*, *-рꙑ*, совр. болг. *българин*, греч. βούλγαροι — свидетельствуют о произношении первого слога или как *bł̯-* или *bъ-*, т. е. с непередним вокализмом. После начального *bъ-* в тюркском по закону сингармонизма в дальнейших слогах произносятся только твердые согласные: *-łgar*. Если бы мягкое произношение и было, то из него не может получиться **бол'-ѣръ**. Появление на почве болгарского языка из *бъл-* > *бол-* мало вероятно. Каким образом, из *бол-* получилось *бол'-*? Все эти вопросы О. Н. Трубачевым обойдены.

Кажется, не исключено то, что слово *боꙗринъ* проникло в болгарский язык из древнерусского языка, сразу приняв форму произношения **болꙗринъ** под воздействием слов **бꙑлꙗ**. Заимствование этого слова болгарами, по всей вероятности, произошло в то время, когда связи Руси и Болгарии стали более тесными и дружественными. Такие связи едва ли установились ранее конца X в., т. е. раньше объявления на Руси христианства официальной религией. Поскольку литературно-письменным языком на Руси, так же как и в других славянских краях, стал церковнославянский, то и наши книжники в подражание правописанию церковных книг стали писать *болꙗр-*, но при этом нередко «описываясь» по живому выговору слова писали и *боꙗр-*.

---

[101] *И. Срезневский.* Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб., 1887, стр. 105 и сл.

[102] *О. Н. Трубачев.* Заметки по старославянской этимологии. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. IV. М., 1963, стр. 160 и сл.

[103] *П. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 164; Slovník jaz. stsl. I, стр. 115.

[104] *П. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 182; Slovník jaz. stsl. I, стр. 115.

[105] *П. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 181; Slovník jaz. stsl. I, стр. 115.

[106] *И. Гошев.* Указ. соч., стр. 20. Сноска.

Из изложенного следует:

1. Восточнославянское заимствование из тюрк. *pajär* или *bajär* > *боларъ*, *боларинъ* (*-инъ* присоединился на славянской почве под влиянием слов типа: *горожанинъ*, *египтянинъ*, *сарацинъ* и т. п.), видимо, в начале употреблялось по отношению к вельможам других народов как их собственное наименование.

2. В X—XII вв. слово *боларинъ* постепенно начинает употребляться как наименование русских богатых феодалов, приближенных к властителям сначала в Киеве, а потом из Киева стало распространяться и на север.

3. На основании имеющихся данных, можно допустить, что ст.-слав. **болѣринъ** представляет видоизменение заимствованного болгарами из др.-рус. яз. слова *боларинъ* под влиянием слова **бѣлии**, известного в основном в том же значении, что и *боларинъ*. Слово же **бѣлии** в болгарском языке бытует не позднее VII—VIII вв.

Под 6545 (1037) г. летописец в славословии цитирует из Притч Соломона: мною (т. е. книгами — *А. Л.*) *вельможа* (в Ип.: *вель-можи*) величаютсѧ. и мнтли держать (в Ип. оудержать) землю (Л. 51 об., Ип. 57. — Притчи VIII, 16). Так вместе с цитатой вошло в Пов. вр. л. слово *вельможи*, которым в Супр. передано греч. οἱ δυνάστης. Хотя слово вельможи в памятниках церк.-слав. письменности встречается нередко, но тем не менее в период составления Пов. вр. л. оно в древнерусском литературно-письменном языке употреблялось только по отношению к другим народам. Предполагаемый автор Пов. вр. л. монах Киево-Печорского монастыря Нестор пользуется словом *вельможи* в других своих сочинениях — в ЖФП и Сказ. БГ[107]. Позже в Суздальской лет. под 6694 (1186) г. читаем: наши ... кнѧзи вси изъимани бѣша. а болѧре и *вельможа* и всѧ дружина избита (Л. 135); под 6719 (1211) г.: Великыи кнѧзь Всеволодъ wжени сна своєго Гєѡргиѧ. Всеволожною Кыєвьского кнѧзѧ. и вѣнчанъ бы҃с в стѣи бц҃и в Володимери. епс҃пмь Іѡанмь. и ту сущю великоу кнѧзю Всеволоду. и всѣм҃ благороднымь дѣтемъ. и всѣм҃ *велможам҃*. и бы҃с радос҃ велика в Володимери градѣ (Л. 148).

Слово *вельможи* начинает употребляться по отношению к русским, по-видимому, взамен и в значении *нарочитые мужи* не ранее конца XII в.

В Пов. вр. л. три раза встречается слово *сановьникъ*, ср. Фєѡдоръ же стратилатъ. съ фракы, и с ними же и *сановьници* боларьстии. wбидоша Русь. (Л. 10 об., Ип. 17 об.) Заметим, что это — цитата из жития Василия Нового; Романъ же созва болѧре и *сановники*. приведоша рускиѧ слы и велѣша гл҃ти (и) пс҃ати wбоихъ рѣчи на харатьѣ (в Ип. на харотью). — Л. 11, Ип. 18); пр҃а посласта сестру свою. *сановники* нѣкиѧ и прозвутеры (Л. 38, Ип. 42, Н. 62 об.) — это под 6496 (988) г. в рассказе об отправлении цеса-

[107] *Срезневский I*, стб. 240 и сл.; II, стб. 585. Статья о б ѣ д ъ.

рями Василием и Константином своей сестры к Владимиру в качестве невесты. Как видно из приведенных примеров, летописец употребил слово *сановьникъ* только по отношению к другим народам, в приведенных цитатах — к грекам. В Ефремовской кормчей сп. XII в. читаем **о иноцѣхъ любы дѣяштихъ причьтьницѣхъ и бѣльцихъ сановьницѣхъ** (титул XI, гл. 11) греч. περὶ μοναχῶν, γινομένων κληρικῶν, λαϊκῶν ἀξιωματικῶν[108]; в Хр. Г. Ам.: призвавшю братью свою, *сановникъı* створи[109], в греч. ... ἀξιωματικούς ἐποίησε; из Рима бо достославникъ собравъ рекъше *сановникъı*, **и ѿ** инѣхъ странъ събравъ...[110], греч. ἀπότε Ῥώμης τοὺς ἀξιολογοτέρους ἐκλεξαμενος, ἀπὸ τόπων ἑτερῶν συναθροίσας... В последнем случае переведенное дословно ἀξιολογοτέρους словом *достославникъ*, последнее пояснено глоссой: рекъше *сановникъı*.

Таким образом, греч. ἀξίωματικός передано словом *сановьникъ*, образованный присоединением суф. *-икъ* к основе прилаг. *сановьн-*, по типу: *длъжьнъ — длъжьникъ*, *грѣшьнъ — грѣшьникъ*, *хоульнъ — хоульникъ* и т. п. В конечном счете первичным оказывается сущ. **санъ**, ср.: **аще которъı причетьникъ блжд҃ сътворитъ ... аще ли есть єп҃скъ. то да извръжетъ сана** (Син. тр. 102б, 9—15), т. е.: 'лишиться духовного звания епископа'; **алєѯандръ глагола. крьстианъ ѥсмъ и санъ мои презвутерьскъıи** (Супр. 155, 8—9); **възокъ же саномъ. богатъ зѣло** (там же, 63, 8—9) и т. п. В Супр. словом **санъ** передано многие греч. слова: ἀξία, προκοπή, τάξις, ἀρχή и др.[111] В целом, словом **санъ** передавалось значение 'честь', 'выдвинутый вперед' (по социальной иерархии): 'служебный чин' или 'звание'. **Сановьникъ** в памятниках ст.-слав. письменности старшего списка не зафиксировано; в Супр. греч. ἀξιωματικός передается словом **сановитъ**, образованным непосредственно от **санъ** по типу: **домовитъ** от **домъ**, **плодовитъ** от **плодъ**, **трждовитъ** от **трждъ** и т. д. Позже, как видно, **сановитъ** заменили словом **сановьникъ**, последнее, по всей видимости, в сравнении с первым — более позднего образования.

Слово **санъ** тюркского происхождения, восходит к *san* 'число', 'почет'[112]. Надо думать, что в пору перевода минеи еще не было слова **сановьникъ**, которое образовалось позже. По крайней мере, в пору перевода Кормчей и Хр. Г. Ам. оно уже существовало.

В древнерусском литературно-письменном языке, если согласиться с мнением, что Пов. вр. л. составлена в 1116 г.[113], то в начале XII в. слово *сановьникъ* бытовало, но оно употреблялось как книжное слово по отношению к высокопоставленным

---

[108] *В. Н. Бенешевич.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований, т. I. СПб., 1906, стр. 41.
[109] *В. М. Истрин.* Указ. соч., т. I, стр. 401.
[110] Там же.
[111] *К. Н. Meyer.* Указ. соч., стр. 222.
[112] *Фасмер III*, стр. 555; *В. Г. Егоров.* Этимолог. словарь чув. яз., стр. 195; Древнетюркский словарь, стр. 483.
[113] *А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших летописных сводах, стр. 97.

лицам чужих народов, в частности, греков. По-видимому, слова *сановьнъіи* и *сановьникъ* возникли в среде книжников-переводчиков для перевода греч. ἀξιωματικός. По этой причине эти слова не являются обычными ни в южных, ни в восточных славянских языках, а западнославянские языки не знают даже слова *san*. Приведем примеры: тако и без милости то сътвори Флоръ. емъ бо 100 мужь *сановных*, и посрами их біеніемь пред судилищем и распѧ а[114]; не послѣдоують тогда помощници. ни величьство *сановною*[115].

В первом примере, в летописях обычно написали бы: р. *моужь нарочитъіхъ* или *вачьшихъ моужь*, ср.: поемъ съ собою. вь. *моуж. вачьшихъ* и иде... исѣкоша ѥ (Новг. I лет., л. 53); тоу оубиш. .і. моужь. Феда Микоуновича. тисячьског. Гаврила щитника... (Новг. I лет., л. 119) — здесь в списке указан сан каждого мужа. Что же касается второго примера, то в нем сочетание слов: *величьство сановною* — является книжным, совершенно не свойственным обычной разговорной речи.

Трудно сказать, где возникли слова *сановьнъіи* и *сановьникъ* — в среде болгарских или русских книжников.

4. МОУЖЬ, ЛЮДЬЕ И ДР.

От первого слова в Пов. вр. л. зафиксированы следующие формы:

Моужь: *мужь* корсунянинъ стрѣли (Л. 37 об., Ип. 41 об., Н. 61 об.); бѣаху Кіевѣ *мужи* Ярославли (Л. 50 об., Ип. 56); да входать... съ црвмъ *мужемъ* безъ оружьꙗ. *мужь* н. (Л. 12, Ип. 19); начаша скотъ събирати ѿ *мужа* по .д. кунъı (Л. 49, Ип. 54) и т. п.

Моужьство (всего 2 раза): прислалъ ко мнѣ *мужьство* и грамоту. река ладимсѧ и смѣримсѧ (Л. 83 об.): и послаша пред собою в сторонѣ. Алтунопу. иже словаше в них *мужьством* (Л. 94, Ип. 95 об.);

Моужьскъ (всего 1 раз): (Владимир) привода к собѣ *мужьски* женъı и двцѣ растьлаꙗ (Л. 25 об., Ип. 31 об., Н. 45).

Все эти формы, а также **мѫжати сѧ, мѫжьствьнъ** употребительны в памятниках ст.-слав. письменности, ср.: **мѫжь именемь иосифъ** (Л. XXIII, 50 Мар.); **ізводьꙗ оковануıꙗ мѫжьствомъ** (Син. пс. LXVII, 7); **мѫжескъ полъ и женескъ** (Мф. XIX, 4 Ас.); **потрѣпі гⷭ мѫжаі сѧ** (Син. пс. XXVI, 13); **слабо и не мѫжьствьно исправıꙗ** (Супр. 316, 12—13).

---

[114] *Н. А. Мещерский.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 271.

[115] Пролог сп. XIII в., рук. БАН 4.9.31, л. 8 — Материал ДРС.

Основа рассматриваемого слова произошла от и/е. **manu-s* или **monu-s* в значениях 'мужчина', 'человек'[116], при этом в славянских языках к корню mon- присоединился детерминатив *-g*: **mon-g-jo*> ст.-слав. мѫжь, пол. *mąż*, др.-рус. *моужь*, болг. *мъж*, словн. *mož* и др. При этом в славянских языках *mǫž-* стало непроизводной основой.

В Пов. вр. л. слово *моужь* употреблено в таких значениях:

1. 'Супруг': рече же имъ Ѡльга... оуже мнѣ *мужа* своего не крѣсити (в Н.: въскресити) — Л. 15, Ип. 22, Н. 32 об.); да пристроите медъı многи въ градѣ идеже оубисте *мужа* моего да поплачюсѧ надъ гробомъ его и створю трызну *мужю* своему... плакасѧ по *мужи* своемъ (Л. 16, Ип. 22 об., Н. 33 об.); жена... вземши снѣсть и вдасть *мужу* своѥму и ѣста, — из «Речи философа» (Л. 29, Ип. 35, Н. 50).

2. 'Человек, мужчина': Володимеръ... посла бирічи по товаромъ глѧ. нѣту лі такого *мужа*. иже бы сѧ ѣлъ с печенѣжиномь... (Л. 42, об., Ип. 46); Перуна же повелѣ... влещи с горъı по Боричеву на Ручаи .ві. *мужа* прістави тети жезлыѥмъ (Л. 40 об., Ип. 44, Н. 65 об.) бѣ презвутеръ. именемь Ларионъ *мужь* блгъ. книженъ и постникъ (Л. 52 об., Ип. 50).

Эти два значения являются общеславянскими, по этой причине слово *моужь* в приведенной семантике в древнерусском языке следует признать праславянским наследием.

3. В таких предложениях, как: Рюрикъ... раздаѧ *мужемь* своимъ градъı (Л. 7 об., в Ип.: вместо градъı читается: *волости* (8 об.); и ѿ тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть да показъıваеть цр҃ву *мужю* (Л. 12 об., Ип. 19 об.); собраша сѧ *лучьшиѣ мужи*. иже дерьжаху деревьску землю (Л. 15 об., Ип. 22 об., Н. 33); Ꙗрославъ... позва к собѣ *нарочитъıѣ мужи*. иже бѧху иссѣкли варѧгъı (Л. 48, Ип. 53); и рѣша има (Святополку, Всеволоду и Владимиру. — *А. Л.*) *мужи* смъıслени почто въı распрѧ имате межи собою. а погании губѧть землю русьскую (Л. 73, Ип. 80 об.); Володимеръ же *великимь мужемь* створи того (который единоборствовал с печенежским мужем и победил его. — *А. Л.*) и ѿца его (Л. 42 об.—43, Ип. 46 об.); и избра (Владимир. — *А. Л.*) ѿ нихъ (варягов. — *А. Л.*) *мужи добръı*. смысленъı и храбръı и раздаѧ имъ градъı (Л. 25, Ип. 31, Н. 44); тъı кнѧзь ли еси. онъ же рече. азъ есмь *мужь* его (Л. 20, Ип. 26 об., Н. 38); Изѧславъ... посла *мужь* свои и вда имь (монахам Киево-Печерского монастыря. — *А. Л.*) гору ту (Л. 53 об., Ип. 59 об.), — слово *мужь* употреблено в особом, отличном от предыдущих примеров значении. Здесь *мужь*, как видно из примеров, приближенный к князю, выполняющий его поручения, ему даются города и т. д. Такого

[116] *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern, 1954, стр. 700.

мужа не отличают от самого князя. В приведенном примере мужем князя именует себя воевода Претичь. Во втором примере из договора Игоря от 945 г., по мнению Н. Лавровского, сочетание слов *црвъ мужь* является переводом греч. ἄνθρωπος βασιλέως, где под ἄνθρωπος следует понимать царского чиновника, облеченного правом осматривать купленные иностранцем товары[117].

Словом, в последней группе предложений слово *моужь* выступает в общественно-политическом значении, поскольку *мужь* здесь то является воеводой, то послом особых поручений князя. Надо полагать, что статья 1 Рус. Пр. имеет в виду этих самых мужей, когда констатирует: «оубьють *моужь моужа*, то мьстити братоу брата...; ѡже ли не боудеть кто ѥго мьста, то положити за голову м. грвнъ (л. 615 об). Позже штраф этот был увеличен до 80 гривен.

Примечательно тут то, что эти *мужи* существовали с глубокой древности, когда на Руси господствовала кровная месть; по всей видимости, это относится к периоду строя военной демократии. Чтобы отличить этих *мужей* от всех *мужей* (обыкновенных мужчин), как видно, применялись различные определения: *кънажь моужь* (Берст. грам. № 109; Рус. Пр., ст. 1 и др.); *великыи моужь*, *вачьшии моужь*, *лоучьшии моужь*, *добрыи моужь* и т. д. Постепенно эти *мужи* с различными эпитетами стали именоваться *боѥарами*. Мы можем констатировать, что в эпоху составления Пространной Рус. Пр. слова *боѥринъ*, *боѥрьскыи* были употребительны вместо *моужь*, *моужьскъ*, по этой причине они вошли в Пространную Рус. Пр. В Новгороде замена слова *мужь* словом *боѥринъ* началась позже. По крайней мере, как видели в Новг. I лет. все еще преобладает употребление *вачьшии моужь*, *лоучьшии моужь*, *добрыи моужь* и т. д. вместо слова *боѥринъ*.

Слово *моужь* в общественно-политическом значении, по имеющимся данным, стало употребляться на восточнославянской почве. Памятники ст.-слав. письменности словом **мжжь** предают только греч. ἀνήρ, реже — ἄνθρωπος. Правда, в одном примере: **оуготовивъ же коня и мжжа. поустивъ въскорѣ къ видѣнѣвьси** (Супр. 47, 20—22) слово **мжжь** на месте греч. ἐπιβάτες ‘всадник’, но такое употребление слова **мжжь**, думается, объясняется тем, что в языке не было особого слова, обозначающего понятие ‘всадник’.

В Пов. вр. л. на ряду с словом *моужь*, *моужи* в 2-м значении употребляется *человѣкъ*, *человѣци*. Приведем несколько примеров: бѣ нѣкыи *члвкъ* именемь мирьскымь (Р.: нѣкоторыи человѣкъ мирьскыи) ѿ града Любча (Л. 52 об.—53, Ип. 58 об.); прободенъ бы҃с (Ярополк — *А. Л.*) ѿ проклатаго Нерадьца и дыволя наоученыа. ѿ злыихъ *члвкъ* (Л. 69, Ип. 76 об.); *члвка* не минѣте не привѣчавше (Поуч. Вл. Мон. Л. 83 об.); и спехнуша ѠЛьга с мосту в дебрь падаху людье мнози и оудавиша кони *члвци*

[117] *Н. Лавровский.* Указ. соч., стр. 141 и сл.

(Л. 23 об., Ип. 29 об., Н. 41 об.,); рѣша варязи Володимеру се ... хочемъ имати ѡкупь на них по в. гривнѣ ѿ *члвка* (Л. 25, Ип. 31, Н. 44); ѠОльга. ꙗже бѣ мдрѣшии всѣх *члвкъ* (Л. 37 об., Ип. 41 об., Н. 61 об.) и т. д.

В последних примерах слово *человѣкъ* употребляется в значении ‘особь человеческая’, поэтому оно в значении ‘много особей’ встречается и во множественном числе. В том же значении обнаруживается слово чловѣкъ и в памятниках ст.-слав. письменности, в которых этим словом выдержанно передается греч. ἄνθρωπος. Характерно еще то, что во всех примерах под человеком негласно понимается взрослый, так сказать, совершеннолетний. По всей видимости, это и обусловило то, что в ряде славянских языков слово *человек*, *чоловік*, *човек* известно в значениях: ‘мужчина’ и ‘супруг’ (укр., болг., с.-хорв. и нек. др.). Показательно, что уменьшительная форма почти во всех славянских языках употребляется в значениях о человеке маленького роста; о малосильном или шутливо по отношению к детям, ср.: рус. *человечек*, болг. *човече*, *човечец*, с.-ховр. *човечуљак*, словн. *človeček*, чеш. *človíček*, слвц. *človiečik*. Все эти данные склоняют к мысли, что в праславянском *čelo-vĕkъ* вторая часть слова *vĕkъ* не обозначала, как допускают многие, ‘дитя’, а вероятнее всего она употреблялась в значении ‘сила’. Только в этом случае становятся понятными вышеприведенные семантические оттенки рассматриваемого слова [118], т. е. *čelovĕkъ* первоначально ‘сила рода’, иначе: ‘взрослый, вошедший в полную силу’; а *čelovĕčьkъ* ‘не обладающий силою взрослого’.

Слово *человѣкъ* в Пов. вр. л. не зарегистрировано в общественно-политическом значении, а употребляется в общеславянском нейтральном плане. Сказанным можно ограничиться в рассуждениях об этом слове.

Людьѥ: бꙑ҆с матежь в земли ладьскѣ. вставше *людье* избиша епспꙑ и попꙑ и боꙗрꙑ своꙗ (Л. 51, Ип. 56); постави црквь стго Василыа ... идѣже стоꙗше кумирꙑ ... идеже требꙑ твораху кнѧзь и *людье* (Ип. 44 об., Л. 41, Н. 66 об.); заутра же видѣша *людье* кнѧза бѣжавша. възвратишасѧ Кꙑеву и створиша вѣче (Л. 58 об., Ип. 64, Н. 90); въ ... Киевѣ ... изнемогаху же *людье* гладомъ и водою ... (Л. 19 об., Ип. 26, Н. 37—37 об.); сего же котопана побиша каменьемь Корсуньстии *людье* (Л. 56, Ип. 62, Н. 86); и пришедъ Добрꙑна Нооугороду постави кумира надъ рѣкою Волховомъ и жраху ему *людье* нооугородьстии. аки бу (Л. 25 об., Ип. 31 об., Н. 44 об.); да въ величе чсти поиду за вашь кнѧзь еда не пустѧть мене *люде* киевьсции (Ип. 22 об., Л. 15 об., Н. 33), списаша книгꙑ многꙑ. и списка ими же поꙋчаще сѧ вѣрнии *людье*

---

[118] *Фасмер IV*, стр. 328 и сл.; *О. Н. Трубачев.* История славянских терминов родства, стр. 173 и сл.; *В. В. Мартынов.* Славянские этимологические версии. «Русское и славянское языкознание». М., 1972, стр. 185 и сл.

наслажаютсѧ (Л. 51 об., Ип. 57); игумени ѿ всѣхъ манастꙑревъ с черноризци придоша. и *людье* блговѣрнии и взѧша мощѣ ѳеѡдосьевꙑ (Л. 70 об., Ип. 78); и собрашасѧ епспи... и боляре и простии *людье* вземша тѣло его (Всеволода Ярославича. — *А. Л.*) ... и положиша въ стѣи Соѳьи (Л. 72 об., Ип. 80) и т. п.

В приведенных и других примерах слово *людье* употреблено в значении: 'население', 'народ', поэтому и понятны употребление этого слова в сочетаниях: ѿ всѣхъ *людии* рускиѧ землѧ (Л. 11 об., Ип. 18 об.); со всѣми *людьми* гречьскими (Л. 11 об., Ип. 18 об.); *людье* жидовьстии (Л. 31, Ип. 36 об., Н. 53); поѧ своꙗ *люди* ростовци (Л. 86 об., Ип. 87 об.), ср. еще примеры, цитированные выше.

В памятниках ст.-слав. письменности словом **людье** передается греч. λαός, однако в ряде примеров оно по значению равно слову **человѣци**, ср.: **есть писано. сии людие оустънами мѧ чтѫтъ** (Мк. VII, 6 Мар.); **оучі люді моꙗ подъ мꙗ** (Син. пс. XVII, 48); **сего ради исповѣдѧтъ сѧ тебѣ людіе** (Ен. ап. 26а, 16—17); **обніштаѭтъ же грѣхъмі и неправъдами людье** (Клоц. л. 3а, 4—5) и др. Этим, видимо, объясняется наличие в памятниках ст.-слав. письменности прилагательного **людьскъıи**, в ев. обычно в сочетании слов: **старьци людьсции** (Мф. XXVII, 1), по-видимому, дословный перевод греч. πρεσβύτεροι τοῦ λαοῦ.

В Пов. вр. л. прилагательное *людьскъıи* встречается редко, так один раз в «Речи философа» читаем: (Ирод) призвавъ книжникі и *старци людьскиѧ* и въпраша ѩ (Ип., Н. въпрашааше) — Л. 34 об., Ип. 40, Н. 57 об.). Собственно, здесь пересказывается содержание Мф. II, 4; и створи (Владимир. — *А. Л.*) праздникъ великъ въ тъ дн҃ь боляромъ и *старцемъ людьскъı́м* (Л. 43, в Ип.: *старчемь градьскъı́м* (46 об., тоже в Н. 72 об.), да и в Л. выше: созва Володимеръ боларъı и *старци градскиѣ* (36 об.). Встречающееся в Пов. вр. л. слово *старьць* более 10 раз, кажется, не имеет какого-либо общественно-политического значения, поскольку оно в большинстве случаев зафиксировано в смысле 'старый человек', ср.: бѣ же единъ *старець* не былъ на вѣѵи томь (Л. 44, Ип. 48); престависѧ Ѩнь *старець* добрꙑи живъ лѣт. ч҃. (Л. 94, Ип. 96 об.); свѣтъ створше братꙑ идоша к *старцю* Антонью. и рекоша поставн намъ игумена (Л. 54, Ип. 59 об.). В таких предложениях, как: и рѣша *старци* и боляре... мечемъ жребии на ѿтрока (Л. 26 об., Ип. 32. Н. 46); созва кнѧзь боларъı своꙗ и *старца*. реч҃. Володимеръ (Л. 37, Ип. 41, Н. 61) и других слово *старьць*, по всей видимости, употребляется под влиянием евангельских текстов.

В памятниках ст.-слав. письменности нередко употребляется слово **народъ**, в ев. им переведено греч. ὄχλος в смысле 'толпа', ср.: **і пришедъ ис҃ъ въ домъ кънѧжь. і видѣвъ сопьцѧ и народъ млъвящъ гл҃а имъ** (Мф. IX, 23 Мар.), греч. καὶ τὸν ὄχλον; **его же**

вьсеѣмъ тварі народъ проповѣдаетъ (Клоц. л. 10а, 23—24), греч. δῆμος 'простой народ'; и народъ съѣзра сѧ къ немоу (Супр. 18, 12—13), греч. ὄχλος и т. д. По-видимому, в южнославянских языках слово *народъ* рано употреблялось не только в значении 'толпа', но и в значении δῆμος.

В Пов. вр. л. 3 раза встречается слово *народъ*: и възвращашѐть сѧ на оуспенье стꙋѭ оца̀. и ту пакꙑ стваращѐ праздник великъ. сзꙑваѭ бещисленое мно̀жство *народа* (Л. 43, Ип.: праздникъ свѣтель. съзꙑваше, 47), в Н. видимо, по описке: *нарадъ* (73). В данном предложении не выявляется специфическое значение слова *народъ*, отличающее его от *людье*; и ѭко бꙑша въ дверех ста рака и не иде и повелѣша *народу* възвати гси помилуи (Л. 61 об., Ип. 67, Н. 95), тут интересующее нас слово употреблено в значении 'толпа'; ѡвогда же ли пакꙑ в нощи прихожаху к нему и страхъ ему твораше. ѡво вь мечтѣ ѭко сѐ многъ *народъ* с мотꙑками и с лꙗскари глщѐ. раскопаемꙑ пещеру сию и се здѣ загребемь (Ип. 72 об., Л. 66) и тут, видимо, *народъ* 'толпа'. Не исключено̀, что в приведенных примерах слово *народъ* является книжным, заимствованным из церковной литературы.

Как известно, в памятниках ст.-слав. письменности греч. ἔθνος 'народность', 'народ' выдержанно передано словом ѩзꙑкъ, ср.: въстанетъ бо ѩзꙑкъ на ѩзꙑкъ. і цр̀ство на цр̀ство (Мк. XIII, 8 Мар.), греч. ἔθνος ἐπ' ἔθνος; и прѣідѫ отъ ѩзꙑка вь ѩзꙑкъ (Син. пс. CIV, 13), греч. ἐξ ἔθνους εἰς ἔθνος. В Пов. вр. л. слово ѩзꙑкъ употреблено до 15 раз в этом значении, ср.: і се суть инии ѩзꙑцѣ иже дань даю̀т Руси (Ип. 5 об., Л. 4 об.); тѣмь же словѣньску ѩзꙑку оучитель есть Павелъ. ѿ негоже ѩзꙑка и мꙑ есме Русь (Ип. 11 об.); мꙑ же клѧхомсѧ... по закону и по покону ѩзꙑка нашег̀ (Ип. 15 об.); размѣси ѩзꙑки на .о. и .в. ѩзꙑка (Л. 30, Ип. 35 об., Н. 51 об., «Речь философа»); възвѣстите во ѩзꙑцѣ̀х славоу его... въ всѣ̀х ѩзꙑцѣ̀х чюдеса его (Л. 41 об., Ип. и Н.: въ всѣхъ *людехъ* (45, 67 об., цитата: пс. XIV, 4); проповѣдающи наитье ѩзꙑка еже и бꙑс (Л. 56, Ип. 64 об., Н. 86, — цитата из Хронографа); подобаше бо намъ в руцѣ преданꙑмъ бꙑти. ѩзꙑку страньну (Ип. 82, Л. 74 об., — цитата Дан. III, 32).

Словом, в большинстве случаев ѩзꙑкъ в указанном значении встречается в цитатах из церковных книг, а 1—2 примера, касающиеся непосредственно русских, могли быть написаны под сильным влиянием книжного языка. Говоря иначе, данные склоняют к мысли, что в древнерусском литературно-письменном языке слово ѩзꙑкъ в значении 'народность', 'народ' не было восточнославянским по происхождению, а являлось словом заимствованным из церковных книг.

Всего один раз в Пов. вр. л. зафиксировано слово *толпа* в следующем предложении: бѣ бо келью его (Матфея. — *А. Л.*) подале

цркве. видѣ се ѥако *толпа* поиде ѿ воротъ. възведъ ѡчи свои видѣ единого сѣдаща на свиньи. а другъıѩ текуща ѡколо ѥго (Л. 64 об., Ип. 70 об.). Всего один раз находим его в Супр.: **и тлъпы бѣсъ вь свиниѧ посылаашє** (467, 20), греч. соответствие отсутствует. И. Срезневский приводит это слово из Минеи 1097 г., л. 88; Минеи праздничной сп. XII в., л. 40 и Киево-Печ. патерика [119].

Признается, что **tъlpa* праславянское слово, сохранившееся до сих пор почти во всех славянских языках. В связи с этим нет нужды останавливаться на вопросе о том, является ли в приведенном выше из Пов. вр. л. примере *толпа* — восточнославянским или старославянским словом.

5. ОТРОКЪ, ДѢТЬСКЫИ, СЛОУГА

В памятниках ст.-слав. письменности словом **отрокъ** передается греч. ὁ παῖς в двух значениях:

1. 'Мальчик, ребенок': **тогда ироднъ вiдѣвъ ѣко поржганъ бъıс отъ влъхвъ. изби всѧ отрокъı сжщıѧ въ виѳлеемi... wтъ твою лѣтоу и ниже** (Мф. II, 16 Ас.); **wста отрокъ нс̃ въ iлмѣ** (Л. II, 43 Зогр.) и т. п. Однако в значении παιδίον чаще употребляется **отроча и дѣтѧ, дѣтиштъ.**

2. 'Слуга, раб': **сътъникоу же етероу рабъ болѧ зълѣ оумираашє ... слъıшавъ же о нс̃ѣ. посъла къ немоу старъцѧ ... нсъ же идѣаше ... еште же емоу недалече сжщоу отъ домоу. посъла къ немоу дроугъı сътъникъ гла ... ръци словомъ и исцѣлѣетъ отрокъ мои** (Л. VII, 2—7 Мар.); **въ ермѧ оно оуслъıшавъ иродъ тетрархъ слоухъ нсвъ. і рече отрокомъ своимъ. сь естъ иоанъ кръститель** (Мф. XIV, 1—2 Мар.); **даждь дръжавж твоиж отрокоу твоемоу... спсі сна рабъı твоеѧ** (Син. пс. LXXXV, 16) и т. п. В первом примере больной **рабъ** ниже именуется **отрокъ.** Ср. еще: **і призъвавъ единого отъ рабъ. въпрашаашє что оубо си сжтъ** (Л. XV, 26 Мар.), а в Ас. ... **единого ѿ отрокъ.** Словом, в памятниках ст.-слав. письменности наблюдаются случаи употребления одного из следующих слов вместо другого: **отрокъ** и **рабъ; отроча** и **дѣтиштъ, дѣти; отроковица** и **дѣвица** [120]. Р. Нахтигаль заметил, что в Син. тр. **отроча** три раза употреблено вместо **дѣтиштъ,** а два раза вместо **чѧдо** [121]. Какое-то из замещаемых слов должно быть вторичным. Говоря иначе, возникает вопрос: когда вошли слова **отрокъ, отроча, отрочиштъ** в памятники ст.-слав. письменности — при первичном

---

[119] *Срезневский III*, стб. 1046.

[120] *V. Jagić.* Entstehungsgeschichte der krichenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 342, 374 и сл.

[121] Euchologium sinaiticum . . .d. II, стр. 324. Примечания.

южнославянском переводе их или в моравскую редакцию этих памятников?

В Пов. вр. л. слово *отрокъ* (другие формы от основы этого слова здесь не зафиксированы) употребляется в основном в значении 'слуга', ср.: и прободоша Бориса и слугу его. падша на нем прободоша с нимъ. бѣ бо се любимъ Борисомь. бѧше ѡтрокъ сь родомь снъ оугърескъ именемь Геѡрги ... и избиша же и инъı ѡтрокъı Борисовъı многъı (Л. 46, Ип. 50 об., Н. 76). Как свидетельствует приведенный пример, *слуга* по другому именуется словом ѡтрокъ; и рече Столавъ кромѣ зрѧ ѡтрокомъ своимъ схороните (Л. 21 об., Н. 40 об., Ип. несколько иначе, см. 28); Стополкъ ... глше. побѣгнѣте со мною. женуть по насъ. ѡтроци же его всъıлаху противу. еда кто женеть по насъ. и не бѣ никогоже вслѣдъ гонѧщаго (Л. 49 об., Ип. 54 об.); Ињь ... повелѣ ѡтрокомъ сѣчи ıѣ. (смердов-волхвов. — *А. Л.*) ѡни же бѣжаша въ лѣсъ (Л. 59 об., Ип. 65, Н. 91 об.): еже бъıло творити *отроку* моему то сам есмь творилъ (Л. 83, — Поуч. Влад. Мон.); вдале стомоу спсоу ... *отрокъ* съ женою (Вкладная Варлама Хут. мон. после 1192 г.) и т. п.

Этот *отрокъ* 'слуга', по-видимому, одновременно являлся и дружинником князя, но у боярина Яня едва ли могла быть своя дружина. В цитированном месте читаем: Ињь же поиде сам безъ ѡружьıа ... повелѣ взѧти ѡружьıа ѡтрокомъ. и бѣста .вı. ѡтрока с нимь (Л. 59, Ип. 65). А уж у чернца Варлаама, по-мирски: Алексы Михалевича (см. Новг. I лет., л. 51—51 об.), разумеется, не могло быть никакой дружины, но, как видно из примера, его *отрокъ* был уже женатым человеком.

Таким образом, не подлежит сомнению, что в Пов. вр. л. и в других древнерусских памятниках письменности слово *отрокъ* употреблялось в значении 'слуга'. При этом в Пов. вр. л. единичны примеры подобно этому: и рѣша старци и болѧре ... мечемъ жребии на ѡтрока и дѣвицю на него же падеть. того зарѣжемъ бмъ (Л. 26 об., Ип. 32, Н. 46).

Слово *отрокъ* в значении 'слуга' употреблено и в ряде берст. гр. Так, в гр. № 225, датируемой рубежом XII—XIII в. читаем: ѿ *отроцина* ко гю ..., т. е. 'от слуги к господину'; берст. гр. № 241, датируемой рубежом XI—XII в.: на *отроке* ... въда; в свинцовой грамоте — рубежа XI—XII в.: заожеричъ *отрокъ* лони крили соужъдалъцъ ходоутиничь.

Примеры показывают, что слово *отрокъ* в древнерусской письменности было обычным в приведенном значении. В современном русском литературном языке оно фиксируется в значении ст.-слав. **отроча** 'мальчик, подросток' и, по-видимому, является книжным словом. М. Фасмер приводит укр. *отрік* 'работник' [122]. Это слово находим в виде *отрок* с пометой «устар.»

[122] *Фасмер III*, стр. 172 и сл.; *Фасмер III*, стр. 172.

в Українсько-російському словнике (т. III, Київ, 1961, стр. 182), а не *отрік*, как у М. Фасмера. Не может быть сомнения в том, что укр. *отрок* не является общевосточнославянским наследием, так как в противном случае оно должно было бы звучать: *відрік, відроку*, по типу: *відліт, відльоту*; *відліг, відлогу*; *відповідь* и т. п., но слова *відрік, відроку* — в укр. нет.

Эти и другие данные показывают, что слово *отрокъ* в восточнославянских языках с древних пор не свое, а заимствованное. Большинство исследователей [123] придерживается мнения, что оно является сложением приставки *otъ* и отглагольного имени *-rokъ*, причем в значении ‘не говорящий’ или ‘тот, кому отказано в праве говорить’ [124]. С древних пор *otrok* — живое слов в чеш. и словц. языках в значении в прошлом ‘слуга, батрак’; ‘наемник’, а ныне ‘раб’ [125]. Поскольку и в памятниках ст.-слав. письменности старших списков и древнерусских памятниках письменности списков XI—XII вв. отрокъ последовательно пишется без ъ после т, то, по всей видимости, в рассматриваемом слове от- не является приставкой. Исторически у славян так называемого полного рабовладельческого строя не было. Старочешские значения слова *otrokъ* указывают на то, что первоначально отроком называли наемного работника, батрака, которого едва ли когда-либо в прошлом лишали права голоса. По этой причине, кажется более вероятным, что *otrokъ* — образование такого же типа, как: ст.-слав. инокъ, др.-рус. *видокъ*, церк.-слав. *съкѣдокъ*, пол. *widok*, чеш. *živok* ‘живое существо’ [126] и т. п., в которых суф. *-окъ* обозначает ‘лицо’. Если *otrokъ* состоит из *otr-окъ*, то и основа *otr-*, естественно, состоит из приставки о- и корня *-tr-* восточнославянскому -тър-. В этом убеждает нас словен. *otrok*, известное в двух значениях ‘ребенок’ и ‘побочный стебель’ (побег), а также наличие в нем слов. *trta, trš*. Последние значения должны быть первичными, поскольку слова, имеющие значение ‘отросток, отрасль, ветвь’, с давних пор обозначают понятия ‘отродие, порождение, поколение’.

В акцентированных памятниках церковнославянской письменности, бывших в употреблении на Руси, вплоть до XVIII в. отро́къ фиксируется с южнославянским ударением на втором слоге [127]. Но начиная с Треязычного Лексикона Ф. Поликарпова (М., 1704) и поныне *о́трок* фиксируется только с ударением на первом слоге: *о́трок, о́трока, о́троку* и т. д. При этом слово

---

[123] *Miklosich*, стр. 274; *A. Meillet.* Études, стр. 233; *Преображенский* 1, стр. 669 и сл.; *Brückner*, стр. 387; *Фасмер III*, стр. 172; *Machek*[2], стр. 423; *Ф. Копечный.* К этимологии слав. *otrokъ*. «Этимология. 1966». М., 1968, стр. 54—61, и сл.

[124] *О. Н. Трубачев.* История слав. терминов родства, стр. 47.

[125] *Ф. Копечный.* К этимологии слав. *otrokъ*. «Этимология. 1966», стр. 54.

[126] W. *Vondrák.* Указ. соч., стр. 459 и сл.

[127] *V. Kyparski.* Der Wortakzent der russischen Schriftsprache. Heidelberg, 1962, стр. 163.

с таким ударением явно не входит в систему других образований от *рок-/рек-*, ср.: *пророк*, *зарок*, *урок*, *оброк* и т. д.

Итак, по приведенным данным, слово *otrokъ* в значениях: 'батрак, работник, слуга' с явно невосточнославянским корнем -tŗ- (-tъr-), видимо, западнославянского происхождения, образовавшийся присоединением суф. *-окъ* к основе глагола otr-ti, otr-ě-ti так же, как видскъ от вид- (ѣ-ти), сѣкѣдскъ от сѣкѣд- (-ѣ-ти) и прочее [128]. Поскольку в древнерусских памятниках письменности слово *отрокъ* преимущественно встречается в значении 'слуга', причем, видимо, постоянно сопровождающий князя, боярина и т. д., с правом носить оружие, то указанное выше о происхождении слова в древнерусском литературно-письменном языке является наиболее вероятным; о том же свидетельствует и ударение слова на первом слоге.

В Пов. вр. л. читаем: Василко же всѣдъ на конь поѣха. и оусрѣте и *дѣтьскыи* его. и повѣда ему гл҃а. не ходи кнаже хотать та ѥти (Л. 87 об., Ип. 88 об.), Р. и некоторых других списках вместо *дѣтьскыи* в этом тексте читается *отрокъ*. *Дѣтьскыи* здесь субстантивировавшееся прилагательное употреблено в значении 'слуга'. Далее это слово в том же значении встречается в Сузд. лет.: дроужинѣ же не вѣдущим его токмо ѿ менших его *дѣтьскыих*. в. видѣв же кназа своего в велику бѣду впадша (Л. 108, Ип. 142); *дѣтьцкыѣ* и мечникы избиша (Л. 125, Ип. 209); сѣдащема Ростиславичема в кнажении земла ростовьскыи роздала баста по городомъ посадничьство русьскым дѣдьцкимъ (Л. 126 об., Ип. 211). Один раз это слово находим и в Киев. лет.: В то же верема прибѣгоша из Руси *дѣцкы* и повѣдаша емоу (Святославу) Володимира в Черниговѣ а Изаслава оу Стародоубѣ (Ип. 125 об.). Слово фиксируется в Смол. гр. 1129 г., ср.: аже дасть наѥмъ *дѣтьскомоу*. а не исправить за .и. днии товара оу роусина. то ть дати ѥмоу по събѣ пороука [129], в Рус. Пр.: Аже братья ростажютьсѧ передъ кназемъ. ѡ задницю. то которыи *дѣчьскыи*. дѣтии ихъ дѣлитъ. то томоу взати гр҃вна коунъ (л. 622 об.); в Новг. I лет.: оубиш .і. моужь Феда Микоуновича тысѧчьског... Федора оума. кнѫжь *дѣцкои* (л. 119) и др.

Поскольку слово *дѣтьскыи* чаще всего встречается в северно-русских памятниках письменности, то допустимо, что оно в значении 'слуга' сначала появилось на севере, где и стало употребляться взамен слова *отрокъ*. Доказательством тому служит употребление в Л. на л. 87 об. *дѣтьскыи*, тогда как в других списках в том месте читается *отрокъ*. Полагают, что слово *дѣтьскыи* в значении 'слуга' такого же происхождения, что и польск.

---

[128] Подробнее об этимологии *отрокъ* см. *А. С. Львов.* Об учете вспомогательных приемов при этимологизировании. «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 182—186.

[129] Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963, стр. 22.

dziecki, *dziecski* 'судебный исполнитель, княжеский прислужник' (фиксируется с XIV в.)[130], нем. *knappe* 'паж, оруженосец'[131] и т. д.

По имеющимся данным, слово *дѣтьскъı* в одинаковом значении с *отрокъ* исторически появилось позже последнего. По крайней мере, по данным памятников, слово *дѣтьскъıи* в начале XIII в. уже бытовало и стало заменять употреблявшийся до этого термин *отрокъ*.

Памятники ст.-слав. письменности знают прилаг. **дѣтьскъıи** для передачи греч. τῶν παιδίων в значении 'относящееся к детям', ср.: **пси подъ трепезоѫ. ѣдѧтъ отъ кроѹпиць дѣтьскъ** (Мк. VII, 28 Зогр., Мар.); **и да пріиметъ мѧ... михаилъ иже приведе мѧ на разоѹмъ твои и познати мѧ сътвори таинѫ твоѫ из дѣтъска въздраста** (Супр. 31, 21—25; см. еще: 326, 4; 340, 21)[132].

Ясно, что *дѣтьскъıи* в значении 'слуга' памятников др.-рус. письменности не может быть словом, заимствованным из памятников ст.-слав. письменности, не знавших его в этом значении, а также в роли субстантивировавшегося прилагательного.

В Пов. вр. л. 6 раз употреблено слово *слоуга*. В повествовании об убийстве Бориса рассказывается: прободоша Бориса и *слугу* его... бѧше ѿтрокъ сь родомь сн҃ъ оугорескъ. именемь Геѡргии... избиша же и ины ѿтрокъı Борисовъı многи (Л. 46, Ип. 50 об.). Здесь, как уж отметили, летописец вместо *ѿтрокъ* употребил слово *слуга*; и реч҃ ми Василко, посѣди мало. и повелѣ *слузѣ* своему ити вонъ (Л. 89 об., Ип. 91). Тут поп Василко *отрока* князя Василка называет *слугой*.

В двух случаях интересующее нас слово употреблено в цитатах: 1) из Хр. Г. Ам. в повествовании об Аполлонии Тиянском (см. Ип. 16 об., Л. нет листа и 2) и пс. CIII, 4:, реч҃ Дв҃дъ . твора англ҃ъı своıа дх҃ъı и *слугъı* своıа ѫгнь полащь (Л. 95 об., Ип. 98).

Далее, убиицы князя Бориса именуются: *слугъı* бѣси (Л. 46, Ип. 50 об.). Волхвы рассказывают Яну Вышатичу: *ѥгда* придеть б҃ъ с нб҃се антихс҃та свѧжеть оузами. и посадить и емъ ѥго с *слугами* своими (Л. 59 об., Ип. 65 об.).

В приведенных примерах слово *слоуга* употреблено в основном для обозначения понятий, связанных с религией. Лишь в единичных случаях слово *слоуга* употребляется взамен *отрокъ*.

Также глагол *слоужити* из 13 раз всего три раза употреблено не в связи с богослужением, ср.: посемь сѣдоша деревлѧне пити. и повелѣ ѡльга ѿтрокомъ своимъ *служити* пред ними (Л. 16, Ип. 22 об.); ѳеѡдосии... шедъ с братьею взѧ Исакиѩ. и принесе и к с(о)бѣ в кѣлью. и *служаше* ѡколо ѥго. бѣ бо раслабленъ.

---

[130] Słownik staropolski, t. 2, zesz. 4 (10). Warszawa—Kraków, 1957, стр. 273; *J. Karłowicz, A. Kr*ą*n'ski, W. Niedźwiedzki.* Słownik języka polskiego, t. I. Warszawa, 1900, стр. 638; *Sławski I*, стр. 193.

[131] *Berneker*, стр. 196; *Фасмер I*, стр. 508 и др.

[132] Примеры из других памятников см. Slovník jaz. stsl. I, стр. 552.

тѣломь (Л. 65 об., Ип. 71 об.); и положиша и (Исакия — *А. Л.*) на ѡдрѣ. *служаше* ѡколо ѥго Антонии (Л. 65, Ип. 71 об.). В остальных случаях: *служать бу* (Л. 37, Ип. 41 об.); начаша *служити бѣсомъ* (Л. 32 об., Ип. 38) — «Речь философа»; начаша ѡбличати ꙗ ѡ... *служеньи кумиромъ* (Л. 33, Ип. 38) — «Речь философы»; *службъı архиерѣиски* (Л. 37, Ип. 41); въ храмѣхъ многи *службъı* творѧща (Л. 37, Ип. 41) и т. п.

Говоря иначе, слово *слоуга* и производные от него: *слоужьба, слоужити, слоуженье* в Пов. вр. л. явно книжные слова, которые иногда летописец вводит в обычную речь.

Обычно *слоуга* признается общеславянским словом [133], которое кроме славянских имеет, соответствие еще в литовском языке. Однако приведенные примеры требуют специальной проверки, действительно ли в древнерусском языке слово *слоуга* и производные от него — праславянское наследие или слова, заимствованные из церковных книг.

6. ЧѦДЬ, ЧЕЛѢДЬ

Судя по примерам, в Пов. вр. л. словом *чѧдь* обозначается либо 'дружина', либо вообще 'близкие к князю люди'. Так под 6577 (1069) г. рассказывается, что Изяслав с Болеславом пошли на Всеслава, который ночью скрытно убежал к Полоцку, далее читаем: то слꙑшавъ Изѧславъ. ѡстави лѧхꙑ. иде с Болеславомъ. мало лѧховъ поемь. посла же предъ собою сна своего Мьстислава. Кꙑеву. и пришедъ Мьстиславъ исьсѣче кꙑпанꙑ. иже бѧху вꙑсѣкли Вьсеслава числомь .о. *чади*. а другꙑ исьслѣпиша... Изѧславу же идущю кь град. и изидоша людье противу с поклономъ и приѧша кнѧзь свои кꙑпанѣ и сѣде Изѧславъ на столѣ своемь (Ип. 64 об., Л. 58 об., Н. 90 об.). Как видно из примера *людье* — то более широкое понятие 'население', а *чадь* — те, которые освободили Всеслава из поруба, т. е. его сторонники, приближенные. В связи со сказанным понятно употребление слова *чѧдь* большей частью с определением, означающим: чья она, ср.: и оу *Глѣбови чѧди* пошахом дружину свою всю (Л. 82. — Поуч. Вл. Мон.); и начаша думати дружина Ратибора со кнѧземъ Володимеромъ о погубленьи *(И)тларевꙑ чади* (Л. 75 об., Ип. 83 об.); Ср. также в берст. гр. № 69, палеографически датируемой XII в., а стратиграфически XIII в.: шьлить лошакъ съ ѧковьцемь поедуть дружина *савина чадь*; в Новг. I лет.; *борисове чад* показаша поут съ женам. они ж идоша въ мѣдвежю голову (л. 116).

---

[133] *Miklosich*, стр. 308; *A. Meillet*. Études, стр. 258; *Преображенский II*, стр. 325 и сл.; *Brückner*, стр. 502; *Младенов*, стр. 591; *Фасмер III*, стр. 676; *Machek*[2], стр. 557 и сл.

Приведенные и другие примеры показывают, что окружение, свита или дружина социально разделялась на группы, ср.: Послалъ (Володимеръ. — *А. Л.*) нача поимати оу *нарочитое чади* дѣти и даяти нача на оученье книжное (Л. 41, Ип. 44 об., Н. 66 об.). Здесь *нарочитаꙗ чѧдь* особо выделяющаяся чадь, вероятно: 'бояре'; въсташа волъсви в суждали. избиваху *старую чадь* (Л. 50, Ип. 55 об.), — *стараꙗ чѧдь*, надо полагать, в значении 'почтенная, наиболее опытная'; сташа *простаꙗ чадь* на архимандрита Іосифа (Новг. I лет. л. 167 об.) и т. д.

В памятниках ст.-слав. письменности слово **чѧдь** встречается редко. Собственно, оно всего один раз зафиксировано в Супр.: **оувѣдѣша стрѣгѫштии тъмницѫ. ако приносимааго отъ вѣрънѣıхъ не възимаѭтъ пiѡниїна чѧдь** (133, 29—30 — 134, 1), греч. οἱ περί. Помимо этого, слово находим в Македонском (Рыльском) глаголическом отрывке текста Ефрема Сирина сп. XI в.: **и за многа мало чѧди приходитъ**[134]. И. Гошев читает: **из многа мало чѧди приходитъ**[135], греч. καὶ ἐκ τῶν πολλῶν ὀλίγοι προσέχουσι. Как видно, в греч. нет специального слова, соответствующего слову **чѧдь**. В памятниках же церк.-слав. письменности интересующее слово встречается не так уж редко, причем им переведены разные греч. слова. Например, в Изборнике 1076 г. ἄνδρες πονηροί переведено зълаꙗ чѧдь (л. 125 об.); πτωχοὺς λοιπόν — оубозѣи чѧди (л. 125); ἑτέρων πολλῶν ἀνδρῶν — инъ ч(ѧ)дь многа (192 об.). По вопросу о происхождении слова *чѧдь* существуют две точки зрения: 1) слово старое заимствование из германского, ср. др.-исл. *kind* 'порода, племя'; 2) слово того же корня, что *-čęti*, *-čęti* ср. на-чѧн-ѫ, на-чѧ-ти[136].

С точки зрения географического распространения слова, возможно, истине соответствует вторая точка зрения, поскольку оно оказывается наиболее употребительным в прошлом в южных и восточных славянских языках, т. е. в краях, где заимствование из германского менее вероятно. Вызывает затруднения решение вопроса о том, являлось ли слово *чѧдь* в древнерусских памятниках письменности собственным, восточнославянским словом или же оно заимствовано из памятников церк.-слав. письменности. В Пов. вр. л. слово *чѧдь* встречается редко, всего 8 раз. Кроме того, выражение *простаꙗ чѧдь* собственно представляет дублет к *простии людье*, а *нарочитаꙗ чѧдь* — дублет к *нарочитии моужи*, и т. д. Слово *чѧдь* не оставило какого-либо следа о себе в диалектах восточнославянских языков. Встречающееся редко в диалектах *чадо*, *чадушка* 'дитя', 'сын', 'дочь' едва ли может подкрепить наличие в прошлом в восточнославянских языках слова *чѧдь*.

---

[134] *Г. А. Ильинский.* Македонский глаголический листок. Отрывок глаголического текста Ефрема Сирина XI в. СПб., 1909, стр. 8.

[135] *И. Гошев.* Рилски глаголически листове. София, 1956, стр. 26.

[136] *О. Н. Трубачев.* История славянских терминов родства, стр. 41 и сл. Здесь ссылка на всю предыдущую литературу.

Показательно, что Рус. Пр. не упоминает слова *чадь*, так как в ст. 6 речь идет о *чадах* 'детях', а не о *чади* в приведенных выше значениях, хотя генетически *чадо* и *чадь*, как полагают, восходят к одному корню.

В Пов. вр. л. и слова *челадь*, *челадинъ* встречается не так часто, всего до 13 раз, но тем не менее нет оснований сомневаться в том, что этих слов не было в восточнославянских диалектах (об этом ниже). В Пов. вр. л. *челадь* встречается в одном значении 'несвободный человек', 'лишенный прав', ср.: оускочить *челадинъ* нашь къ вамъ. да въспатать и ѿпать (Л. 12 об., Ип. 19 об.) — читаем в договоре Игоря от 945 г. В Рус. Пр.: аже *челадинъ* съкръиеть са. а закличють и на търгоу. а за три дни не въведоуть его. а познаеть и третии дн҃ь. тъ свои *челадинъ* поѿти (ст. 32, л. 617 об.). В Пов. вр. л.: Игорь. . . ѿпусти слы ѡдаривъ скорою и *челадью* (Л. 14 об., Ип. 21); Стополкъ же и Володимеръ идоста на веже (половецкие. — *А. Л.*) и взаста вежѣ (и) полониша скоты и конѣ. вельблудъı и *челадь*. и приведоста и в землю свою (Л. 76, Ип. 84); идоша на дворъı ихъ грабежьмь. а мирошкинъ дворъ и дмитровъ зажьгоша, а житие ихъ поимаша а села ихъ распродаша и *челадь* (Новг. I лет., л. 74 об.) и т. п.

Из старших списков памятников ст.-слав. письменности всего один раз находим интересующее нас слово в Мар. ев.: **рече же гъ къто оубо есть вѣрънъı приставьникъ и мѫдръı. его же поставитъ гъ надъ челѣдиѭ своеѭ. дѣати вь врѣмѧ житомѣрение** (Л. XII, 42), также читается это место в Никол. и Юрьев, евангелиях, но в Зогр. вместо **надъ челѣдиѭ** обнаруживаем: **надъ домомъ**, в греч. θεραπεία 'слуги'.

Др.-рус. *челадь* и ст.-слав. *челѣдь* в значении совпадают. Однако в Супр. θεράπων один раз переведено словом **рабъ** (42, 5), а θεραπεία — **слоужение** (329, 21), θεραπεύειν — **слоужити** (284, 10). Помимо этого, передача одного греч. слова в одном и том же предложении двумя славянскими словами — свидетельство замены одного другим. Поскольку Л. XII, 42 читается в церкви во вторник 24-й недели всех святых, то это место не могло быть в первоначальном кратком апракосе, рассчитанном на чтения только по субботам и воскресеньям. Говоря иначе, Л. XII, 42 могли перевести при составлении тетра в Моравии, где предположительно для передачи греч. θεραπεία могли употребить слово **челѣдь**, замененное при переписывании Зогр. ев. в Восточной Болгарии другим словом — **домъ**.

Конечно, сказанное о замене **челѣдь** словом **домъ** пока является предположительным на том основании, что в Зогр. ев. имеется порядочное количество восточноболгарских лексических и других замен [137]. Одно все же неоспоримо: на Руси слово *челѣдь*, если не в IX, то в X—XI вв. уже употреблялось в значении 'слуга'.

[137] *А. С. Львов.* Очерки по лексике, стр. 281 и сл.

Если договор от 912 г. не подвергся лексическим изменениям, то из данных этого документа вытекает, что на русской почве в слово *челѣдь* было известно в указанном значении уже в начале X в., но в оригинальном документе, а не в позднем списке его конца XII в. в Вкладной Варлаама Хутынскому монастырю, где написано: вхоу же тоу землю хоутин(ь)скоую въдале стому спсоу и съ *челѧдию* и съ скотиною[138]. Ср. еще в Поучении Владимира Мономаха: идохомъ ... к Мѣньску. изъѣхахомъ городъ. и не ѡставихомъ оу него ни *челѧдина*. ни скотины (Л. 81 об.). Как видно, бесправный *челѧдинъ* находится рядом со скотиной.

Очень важно установить, откуда такое значение слова *челядь*. В русском языке на основании главным образом диалектной лексики можно установить следующие значения слов *челядин*, *челядь*, *челедня*.

1. ‘Мальчики, дети малолетние’ (олнц.)[139], ‘ребятишки, малые дети[140]; *Челядь*. Так обзывают детей (бранное слово)[141]; ‘беспокойное дитя’ (казан.)[142]; ‘дети’ (перм.)[143]; ‘дети школьного возраста’ (вост. сиб.)[144] и др., ср. также укр. *челядь* ‘молодежь, молодые люди и девушки’[145]; *челядин*, *челядина* ‘взрослый сын, взрослая дочь’[146].

2. *Челядин*, *челядина* ‘член семьи’ (смл.)[147]; *челядь* ‘большая семья’ (новг., твер., костр., нижегор. и др.)[148].

3. *Челядник* ‘работник на мельнице’ (ворнж.)[149]; укр. ‘слуга’, ‘наемный работник’[150].

4. *Челядь* ‘домочадцы, работники, слуги, прислуга, дворовые люди’[151], то же в укр.[152].

Если обратиться к словарю И. Срезневского, то там обнаруживается значительное количество примеров в словарных статьях *челѧдинъ*, *челѧдь* только с одним значением ‘раб, рабы, слуги’[153].

---

[138] *С. П. Обнорский* и *С. Г. Бархударов*. Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. Л.—М., 1938, стр. 29.

[139] *Куликовский*, стр. 132.

[140] *П. Дилакторский*. Словарь Вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Рукопись Института русского языка АН СССР, № 27 б, л. 82 об.

[141] *Н. М. Васнецов*, стр. 341.

[142] Архив Русского географического общества, разр. XIV, № 98, л. 6.

[143] *А. Луканин*. Сборник простонародных слов, употребляемых в. . . Пермской губернии. Рукопись Института русского языка АН СССР, л. 267 об.

[144] *П. С. Пахомов*. До 470 слов, употребляемых в речи крестьян, живущих по среднему и нижнему течению р. Ангары. — Рукопись Института русского языка АН СССР, № 33, л. 79.

[145] *Гринченко*, стр. 450.

[146] Там же.

[147] *Добровольский*, стр. 980.

[148] Опыт, стр. 256; Архив РГО, XXIII, 78, л. 4.

[149] Архив РГО, IX, 57, л. 7; Опыт, стр. 256.

[150] *Гринченко IV*, стр. 450.

[151] *Даль*[4] *IV*, стб. 1303; ССРЛЯ 17, стб. 837 и сл.

[152] *Гринченко IV*, стр. 450.

[153] *Срезневский III*, стб. 1496 и сл.

Данные других славянских языков таковы. Словари болгарского языка фиксируют: *челядь*, *челяд* 'дети'; 'семья'; 'семейная задруга' (историч.); 'слуги или прислужники царского или боярского двора' (историч.)[154]; *челядник*, *-ница* 'лицо, имеющее детей'[155]; макед. *челад* (собир.) 'дети' (обычно о своих детях), *челадија* 'детвора' (о своих детях)[156]; с.-хорв. *čeljad* 'семья, прислуга'; 'люди, народ'; *čeljadija* 'прислуга'; 'семья'[157]; *čeljad* (фиксируется в памятниках письменности с XIII в.) 'люди вообще, мужчины и женщины, взрослые и дети'; 'домочадцы', к числу которых причисляются слуги и прислуга[158]; чеш. *čeled*, ныне: *'čeled'* 'семья, род; дети, члены семьи, кроме родителей'; 'дети и прислуга, слуги, принадлежащие семье'. Приводя данные определения значения, Я. Гебауер подчеркивает: «когда какое значение в приведенном примере следует разуметь, невсегда бывает ясно»[159]; в современных словарях: *čeledin* 'домашний работник в хозяйстве'; 'батрак'; *'čeled'* 'лица, служащие в хозяйстве за плату, пищу и жилье; прислуга'[160]; пол. *czeladzin*, *czaladzin*, *czeledzin* (с XV в.) 'домашний слуга'; *czeladź*, *czaladź*, *czeledź* (с XIV в.), 'прислуга'[161], в совр. *czeladnik* 'подмастерье у ремесленника', *czeladź* 'слуги и домочадцы'; работники у помещика'[162].

Все значения, обозначающие зависимое положение челядина от хозяина, несомненно вторичные развившиеся уже в классовом обществе. Корнем рассматриваемых слов признается *čel-* < **kel-* одного происхождения с лит. *keltis*, *kiltis* 'род, поколение, потомство'; сюда же в огласовке с *o* относится *kol-ěno* в том же значении[163]. В памятниках ст.-слав. письменности словом **колѣно** переведено греч. φυλή 'потомство, род', ср.: **и бѣ анна ... дъшти фаноуилева wтъ колѣна асѵрова** (Л. II, 36 Ас., Сав., Зогр., Мар.); **и не бѣ вь колѣнѣхъ іхъ болѣзні** (Син. пс. CIV, 37), грѣч. καὶ οὐκ ἦνέν ταῖς φυλαῖς αὐτῶν ἀσθενῶν и др.

Čel-ědь — образование с суффиксом *-ědь*, *-jadь* с собирательным значением и обозначение им 'дети', 'члены семьи', 'большая семья' является естественным и первичным, древнейшим. Этим следует объяснять сохранение во многих славянских языках в слове *čeljadь* значения 'дети' в смысле 'потомки, потомство'.

---

[154] *А. Дювернуа.* Словарь болгарского языка. М., 1885, стр. 2532; Речник на съвременния български книжовен език, т. III. София, 1959, стр. 608.
[155] Там же.
[156] Македонско-руски речник. М., 1963, стр. 526.
[157] *J. Jurančič.* Указ. соч., стр. 76; *И. И. Толстой.* Сербско-хорватский словарь. М., 1957, стр. 1062.
[158] Rječnik hrvatskoga ili srpskoga, jezika. dio I. Zagreb, 1880—1882; стр. 930 и сл.
[159] *J. Gebauer.* Slovník staročeský, t. I. Praha, 1903, стр. 163 и сл.
[160] Příruční slovník jazyka českého, d. I. Praha, 1935—1937, стр. 299; Slovník spisovného jazyka českého, 3. Praha, 1958, стр. 243; F. Trávníček, стр. 174.
[161] Słownik staropolski, t. I, zesz. 5. Warszawa, 1955, стр. 365 и сл.
[162] Podręczny słownik języka polskiego. Warszawa, 1957, стр. 33.
[163] *Sławski I*, стр. 168; *Фасмер IV*, стр. 330, и др.

Появление в классовом обществе значений ‘прислуга, батрак’ и т. д., первоначально входившие в состав семьи, также понятно и естественно.

Однако особняком стоит др.-рус. *челѧдинъ*, *челѧдь*, которые, как люди, не имеют собственно никаких прав и являются предметами торговли — и все это к тому же не позже начала X в. закреплено законодательством (ср. ст. 11 и 16 Кр. Рус. Пр., не говоря о Пространной, где повторяются упомянутые статьи о челядях, а также имеются и другие). В договоре от 912 г. записано: аще полонѧникъ ѡбою страну дѣржим̾ есть. или ѿ Руси̾ или ѿ грѣкъ. проданъ въ ину страну. ѡже ибращетьс̾ или русинъ или грѣчинъ. да не купѧть и възвратѧть и. скупленое (в Р.: искупное) лице въ свою̾ страну. и възмуть чѣну его купѧщии. Или мниться̾ въ куплю на дань (вар. не данъ) *челѧдинаꙗ* цѣна (Ип. 14—14 об., Р. 18); и еще же и ѿ хр̾стиѧнъ полоннꙑхъ мьногаждꙑ ѿ коеѧ любо странꙑ приходѧщимъ в Русь. се продаеми бываю̾т по .к. золота. и да придуть в грѣкꙑ том̾. аще оукраденъ будеть челѧдинъ рускꙑи. или въскочить (Р.: оускочить). или по нужи проданъ будет̾. и жаловати начнуть Русь. да покажетьс̾ таковое ѿ *челѧдина*. да имуть и въ Русь (Ип. 14 об., Р. 18). Как видно, под *челядином* в обоих приведенных местах подразумевается ‘полонѧникъ’. В связи с этим становится понятным утверждение историка, что древнерусский *челѧдинъ* был ‘пленником’, который, надо полагать, входил в состав семьи, но без прав [164]. Отголоском этого, по-видимому, является чеш. *čeled'* (стар.) ‘лица, работающие в земледелии за плату, и жилье’; *čeladka* — ‘прислуга’ [165]. Употребление слово *челядин*, *челядь* в говорах в иных, собственно, в первичных значениях свидетельствует только о том, что *челядин*, *челядь* в значениях ‘бесправный слуга, пленники’ употреблялись в господствующих классах. По этой же причине в Словаре И. Срезневского, как отметили, нашли примеры, в которых *челѧдинъ* и *челѧдь* встречаются только в значениях ‘раб, рабы’.

В приведенном выше примере из Л. XII, 42 слово **надъ чел҃ѣдиⷦ**, замененное в Зогр. **надъ домомь**, видимо, надо понимать, в смысле над семьей, включая сюда и прислугу и слуг. Древнерусское *челѧдь*, ставимая рядом с скотиной и являющаяся предметом купли-продажи, в семантике не совпадает с словом **чел҃ѣдь** из Л. XII, 42. Говоря иначе, слова *челѧдинъ*, *челѧдь* в древнерусский литературно-письменный язык не переняты из памятников ст.-слав. письменности, а они представляют собственно восточнославянское явление. Не исключено, что рассматриваемое слово в значении ‘слуга, прислуга, батрак’ западнославянскими языками перенято из древнерусского языка. Это допущение основы-

---

[164] *Б. Д. Греков.* Указ. соч., стр. 93 и сл.
[165] Slovník spisovného jazyka českého 3, стр. 243.

вается на том, что, как видели выше, слово *отрокъ* в тех же значениях вероятнее всего западнославянское слово.

В Пов. вр. л. в значении ст.-слав. **колѣно**, φυλή употребляется слово *родъ*, ср.: бѣша же радимичи ѡ *рода* лѧховъ (Л. 27, Ип. 33, Н. 47); полѧномъ живущимъ ѡ себѣ. ꙗко рькохомъ. сущии ѡ *рода* словѣньска (Ип. 6, Л. 4 об.); Давꙑдъ и Олегъ... плакастасѧ (по поводу ослепления Василька. — *А. Л.*) рекуще. ꙗко сего не было *в родѣ* нашемь (Л. 88 об., Ип. 90) и др. Социальное же понятие *родъ* 'родственники от одних родителей' в этом слове, если ощущается, то только пережиточно, ср.: и въста *родъ* на *родъ* бѣша в них усобицѣ (Л. 7, Ип. 8 об.); бѧху полѧне и живѧху кождо съ своимъ *родомъ* на своихъ мѣстѣхъ (Л. 3 об., Ип. 5) и нек. др. В таком примере как: азъ бѣхъ сего города а другꙑ а азъ сеꙗ вси. тако сѫпрашаютсѧ (в Ип.: съвъспрашахусѧ) со слезами *родъ* свои повѣдающе (Л. 75, Ип. 83) — слово *родъ* употреблено в значении 'родина, место проживания'.

По приведенным данным, в период составления Пов. вр. л. у восточных славян не осталось конкретного представления о бывшем родовом строе. Лишь при упоминании далеко прошлых состояний слово *родъ* употребляется в старом значении. Не говорим тут о том, что в Пов. вр. л. слово *родъ* встречается в значительном количестве в цитатах из церковных книг. Если исключить последние, то во всей Пов. вр. л. слово *родъ* встречается не более 10 раз.

Еще меньше употреблено в Пов. вр. л. слово *племѧ*, всего 8 раз, из них 6 раз оно встречается в цитатах из церковных книг. Приведем 2 примера, в которых слово *племѧ* употреблено в предложениях, написанных летописцем от себя: бѧху бо ѡбри. тѣломъ велицѣ. а оумомъ горди. и потреби ꙗ бъ. и помроша вси. и не ѡста ни единъ ѡбринъ. и есть притча в Руси и до сего дни. погибоша аки ѡбри. ихъ же нѣс ни *племене*. ни наслѣдка (Ип. 6, Л. 4 об.); и бѧста оу него (Рюрика. — *А. Л.*) два мужа не *племени* его. но боꙗрина. и та испросистасѧ къ Цсрюграду. с родом своимъ (Ип. 9, Л. 7 об.). В обоих предложениях слово *племѧ* употреблено в значении 'род' или 'колено'. В цитатах слово *племѧ* также употребляется в разных значениях, ср.: възлюби бъ Аврама и *племѧ* его (Л. 31, Ип. 36 об., Н. 52 об.), здесь уместнее было бы *колѣно* или *родъ*; Ісъ Навгинъ... приде в землю ѡбѣтованую. и изби хананѣско *племѧ* (Л. 32, об., Ип. 38 Н., 54 об.) — тут, возможно, *племѧ* в собственном значении 'союз родов'; сему Двду клѧсѧ бъ ꙗко ѡ *племене* его родитис бу (Л. 32 об., Ип. 38, Н. 55) — тут явно уместно бы было ѡ *колѣна*.

Изложенное позволяет констатировать, что в языке летописца или летописцев слово *родъ* и *племѧ* не имели своих первоначальных значений. Значит, что ко 2-й пол. XI в. на Руси не осталось ничего от разделений восточных славян по племенам в прошлом.

7. ХОЛОПЪ, РОБА

Первое слово в Пов. вр. л. встречается всего два раза, причем из них один раз в «Речи философа», ср.: в Самарии же прьствова Иеровамъ *холопъ* Соломань (Л. 33, Ип. 38, Н. 55) в Толковой Палее также: о ѻолвамѣ холопѣ соломани[166]; в Хр. Г. Ам.: *рабъ* Соломоновъ.[167]. Правда, в Хр. Г. Ам. один раз встречается слово *холопъ*, ср.: избра пакъı и постави каженика Никиту и *холопа* в него мѣсто в греч. ὁ δὲ τύραννος χειροτονεῖ ἀντ' αὐτοῦ Νικήταν εὐοῦχου σκλάβον. Второй пример в Пов. вр. л.: и тогда послаша слъı своıа к Володареви и к Василкови поими брата своего Василка к собѣ ... аще ли ни да пусти Василка сѣмо да его кормим сдѣ. а *холопъı* наша въıдаите и смердъı (Л.92 об., Ип.94 об.). Из этого примера не совсем ясно, кто такое *холопъ*. В Суздл. лет. под 1175 г. читаем: Володимерци... молвѧхуть. пожьжемъ и (ростовцев. — *А. Л.*) пакъı ли посадника в немь посадим. то суть наши *холопи* каменьнци (Л. 126 об., Ип. 210). Здесь речь идет о холопах-каменщиках.

В другой литературе слово *холопъ* встречается чаще. Так, в Кр. Рус. Пр. в ст. 17 указывается, что если *холоп*, ударивший свободного мужа, убегает в хоромы хозяина, а последний при этом отказывается его выдавать, то в этом случае хозяин платит 12 гривен продажи. В Пр. Рус. Пр., ст. 17, упоминается о смердьем *холопе*. В берст. гр. № 98, датируемой серединой XIV в., адресованной, по мнению А. В. Арциховского, новгородскому посаднику Ониципору Лукиничу (был посадником в 1350—1354 гг.) читается: поклоно ѿ нуфрѣѧ ко пос. . . і смену. господине. . . роба і *холопо* твоі дѣтѣ моі. . . К сожалению, эта грамота не дошла до нас целиком, но все же ясно одно: дети Нуфрея (видимо, Онуфрия) являтся холопами посадника. Онуфрий, по-видимому, человек, свободный и грамотный, обращается к посаднику с письмом. Из этого, кажется, следует то, что дети Онуфрия не более как наемные работники. В одной поговорке в сборнике XVII в. говорится: не рожден — не сын, не окуплен — не *холоп* [168]. В Рус. Пр. ст. 110 (л. 126 об.) специально обусловлено, при каких условиях купленный (=нанятый?) *холоп* становится обельным (полным).

Словом, *холопа*, как видно, покупают на определенных условиях (по ряду). Из всего этого можно заключить, что нанятый работник (холоп) становился собственностью того, кто его купил на определенный срок или полностью.

---

[166] Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. М., 1892, л. 314.

[167] *В. М. Истрин.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I. Текст. Пг., 1922, стр. 177.

[168] *П. Симони.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX ст., вып. I. Спб., 1899, стр. 124.

Памятники ст.-слав. письменности, за исключением одного примера, не знают слова *χлапъ*, вместо него греч. ὁ δοῦλος они передают словом **рабъ**, а ἡ δοῦλη или ἡ παιδίσκη-**рабыни** или **раба**. В Слове Епифания Кипрского **о погребении тѣлесѣ гн̄и нашего** в Супр. читаем: **и вра|гомъ затвореномъ кгда велитъ въходити.|нъ владычьскы вамъ ꙗко оубогомъ *χлапом*'.** (465, 9—11), в некоторых списках этого сочинения читается: **оушьдшимь рабомь** или **ѕвѣгомъ** и **ѡстѧпнымъ**. А. Вайан полагает, что в оригинале, с которого список Супр., видимо, читалось: **оуѣ(ѣ)гомь *χлапомь*** согласно греч. δραπετοδούλως [169].

Др.-рус. *холопъ* едва ли зависит, или точнее — едва ли заимствовано из памятников ст.-слав. письменности.

В памятниках др.-рус. письменности, как видели, *холопъ* употребляется с одним основным, причем исторически не первичным значением 'наемный; несвободный работник', позже — 'слуга'. При этом фиксируется явно книжное производное *холопьство*, а также прилаг. *холопий*. В диалектных словарях весьма редко фиксируется *холоп* (яросл.) как прозвище [170], *холопега*, *холопыга*, *холопюга* (пск., твер.) 'невежа', 'наглец' [171] и нек. др. Эти значения могли развиться среди дворян, пренебрежительно относившихся к трудящимся крестьянам. Приведенные древнерусские слова в значениях и формах одинаковы с чеш. *chlap*, *chlapьstvo*, *chlapí*, фиксируемых, например, в известном словаре Гебауэра [172]. Видимо, здесь какая-то взаимозависимость, требующая объяснения.

В евангелиях греч. ὁ μισθωτός последовательно передано словом **наимьникъ** (см. И. X, 12, 13 и Л. XV, 17, 19 Ас., Сав., Зогр., Мар., а также Мк I. 20 Зогр., Мар). В Пов. вр. л. это слово встречается всего один раз и то в цитате из Малахии III, 5: сего ради буду свѣдѣтель скоръ ... на лишающаꙗ мьздꙑ *наимнику*. насильствующаꙗ сиротѣ и вдовици... (Л. 57, Ип. 62 об., Н. 87 об.). И. Срезневский в своем словаре это слово иллюстрирует примерами только из церковных книг. В оригинальных памятниках др.-рус. письменности в значении греч. ὁ μισθωτός употребляется *наимитъ*, ср.: наꙗша *наимитъı* возити мьртвьцѧ из города (Новг. I лет. л. 12 об.); один раз слово *наимитъ* зафиксировано в ст. 61 Рус. Пр.: продасть ли гн̄ъ закоупа ѡбьль. то *наиметоу* (в других: *наимиту*. — *А. Л.*) свобода въ всехъ коунахъ (л. 623 об.) Правда, в ряде поздних списков вместо *наимитъ* в этой статье читается *закоупъ* [173]. Наличие этого слова в восточно-славянских языках, кроме укр. *наймит*, подкрепля-

---

[169] *A. Vaillant.* Z. Homélie d'Epiphane sur l'ensevelissement du Christ. «Radovi staroslovenskog Instituta», knj 3. Zagreb, 1958, стр. 3 и сл.
[170] *Мельниченко*, стр. 21.
[171] ДОП, стр. 293.
[172] *Gebauer I*, стр. 533 и сл.
[173] Другие примеры на слово *наимитъ* см. Срезневский II, стб. 287.

ется и *наймита* (арх.) ‘наемник наемный работник’ [174]; *наймит* ‘наемный рабочий’ (олнц., псков., твер. и др.) [175]; *наимиты* ‘попопойка при найме кого или чего-нибудь’ [176] и т. п.

Образовано слово *наимитъ* от основы глагола *на ѭти* < *наѭти, наимовати* присоединением суф. *-(и)тъ*. Полагают, что *наимитъ* представляет субстантивировавшееся причастие. По этой причине по времени образования оно старше формы *наимьникъ*, образованной от прилагательного *наимьнъ*.

В Пов. вр. л. лишь один раз находим употребление *робичичь*, образованного от *роба*, ср.: не хочю разути *робичича* (в Ип. вместо последнего слова: *Володимира*). но ѭрополка хочю (Л. 23 об., Ип. 30, Н. 42 об.). Слово же *рабъ* в цитатах из церковных книг в Пов. вр. л. встречается не так уже редко. Древнерусское *роба* с теми же значениями, что и *холопъ*, в других памятниках письменности встречается также часто. Так, это слово зафиксировано в Рус. Пр. В берст. гр. № 98 сообщается, что *роба* і холопо твоі дѣтѣ моі; в берст. гр. № 109, датируемой XI—XII в., читаем: коупилъ еси *робоу* Плѣскове; в берст. гр. № 335, датируемой началом XII в., сказано: за тобою .в̄. коунѣ *робьихъ*; в ст. 98 Рус. Пр.: аже боудоуть *робьѥ* дѣти оу моужа. то задницѣ имъ не имати (л. 626) и т. д. При этом *роба* не путается ни с *рабъ*, ни *раба* и *рабыни*. Восточнославянское *роба* — отглагольное имя, образовано оно от *робити*, так же как: *хвала* от *хвалити*, *слава* от *славити*, *мълва* от *мълвити* и т. д.; ср. укр. *робити* ‘делать’, ‘работать’ и *роба* ‘трудолюбивая, работящая’ [177]; рус. *робить*, тж. и *роба* ‘дело’, ‘работа’ [178], и эта *работяга*, как видно, продавалась в наем, при этом она теряла некоторые права свободы.

8. СМЬРДЬ, -ДЪ

В Пов. вр. л., если не брать во внимание сочинение Вл. Мономаха, слово *смьрдъ* встречается только 5 раз; значение его ясно: это — ‘крестьянин-земледелец’, что подтверждается такими примерами: и начаша гл̄ти дружина Стополча. не верема веснѣ воевати. хочемъ погубити *смердъı* и ролью имъ (Ип. 95, Л. 93 об.); и реч̄ Володимеръ ... а сего чему не промыслите ѡже то начнеть ѡрати *смердъ*. и приѣхавъ половчинъ оударить и стрѣлою. а лошадь ѥго поиметь. а в село ѥго ѥхавъ иметь жену ѥго. и дѣти ѥго (Л. 93 об., Ип. 95); и худаго *смерда*. и оубогъıѣ вдовицѣ не далъ ѥсмъ силным ѡбидѣти (Л. 83, — Поуч. Вл. Мон.). Приведем еще несколько примеров из других памят-

[174] *Подвысоцкий*, стр. 97.
[175] *Куликовский*, стр. 61; Опыт, стр. 122; *Даль II*, стб. 1093.
[176] ДОП, стр. 129; *Даль*[4] *II*, стб. 1093.
[177] *Гринченко IV*, стр. 25.
[178] *Даль*[4] *III*, стб. 1689.

ников письменности: а *смердъ* дѣла помолвихъ. иже по селомъ живоуть (Вопросы Кирика)[179]; Новгородьци и опать воротивъше са възаша всю дань. а на соуждальскѣхъ *смьрдѣхъ* дроугоую (Новг. I лет., л. 36—36 об.); приде кнзь Михаилъ... и вда свободоу *смьрдомъ* на .е. лѣт дани не платити (там же, л. 108); за *смердии* холопъ .е. грвнъ (разумеется, вирѣ). — Рус. Пр., ст. 16, л. 616) и т. д.

Примеры свидетельствуют, что *смьрдѣ* как класс мелких производителей не представляли однородную массу, из них одни были худѣе (= бедные), а другие могли иметь даже холопов (= работников). С точки зрения грамматической, как это показывают приведенные примеры, сущ. *смьрдъ* относилось к основам на *-ŏ(ъ)*. Прилагательное же от рассматриваемого существительного *смьрдии* или *смьрдьи* (ср.: два безаконьника ѿ племени *смердьа* (Ип. 266) несколько необычно, поскольку от имен на *-о(ъ)* притяжательные прилагательные имеют, как правило, формы: *говажии*, ср. ст.-слав. **говажда** (Супр. 133, 7); *вельблоужь*[180]; ст.-слав. **вельбѫжда** (Мф. III, 4 Сав.) и т. д. Более того, в Супр. зафиксировано относительное прилагательное **смрѣдъ**, ср.: **аноупатъ рече. не прѣлыштаи себе кодрате. о вьсѣкомъ бо крьстіанѣ казнь цѣсарьска лежитъ. любо оубогъ ѥстъ любо богатъ. любо сановитъ любо смрѣдъ. то ни того поштадитъ сждъ** (101, 20—24). Обе формы прилагательных — относительное **смѣрдъ** и притяжательное *смьрдии* — указывают на то, что интересующее нас существительное относилось к основам на *-i(ъ)*, от которых относительное прилагательное и образуется на *-ъ*, ср. ст.-слав. **часть** и **частъ** ср.: **часть лица** (Супр. 561, 29) и **лѣсъ частъ** (Супр. 193, 14); **сыть** и **сытъ** ср.: **до сыти накрѣми** (Супр. 344, 19) и **нѣста сыта** (там же 172, 19); **вѣсть** и **вѣстъ**, ср.: **изиде вѣсть си по вьсеи земи тои** (Мф. IX, 26 Мар.) и **извѣстъ са сътвори** (Супр. 363, 3—4) и т. п. По этой же модели должно быть: **смьрдь** — **смьрдъ**. Как видели, последняя форма зафиксирована в Супр. В берст. гр. № 247, датируемой XI в., читается: *смьрьди* побити клеветьника. От последней буквы слова клеветьник (.) осталась только верхняя головка, которая вполне тождественна с головками букв данной грамоты *а*, *д*, *л*; это и послужило для А. В. Арциховского основанием грамоту прочитать так, как мы процитировали. По поводу смысла процитированного автор пишет: «Выражение «смьрьди побити клеветника» является дополнением к какому-то глаголу, стоявшему в оторванной части грамоты. Вероятно, смердам было приказано побить клеветника». В. И. Борковский приведенное место читает *смьрьди* побити клеветьник(ъ), при этом *смьрьди* принимается за форму им. п. мн. ч., а побити — за причастие прошедшего вре-

[179] Новгородская кормчая сп. 1282 г. (Син. 132), л. 531. — Материал картотеки СДР XI—XIV вв.

[180] *Срезневский I*, стб. 238.

мени страдательного залога. Такое истолкование форм, разумеется, требует, чтобы в конце слова клеветник (.) была буква ѣ, как окончание тв. п. мн. ч. для того, чтобы фразу понимать: «смерды побиты клеветниками». Как отметили, головку от оставшейся буквы в конце слова клеветьник (.) можно принять только за головку или *а*, или *д*, или *л*, но никак за ѣ или даже ъ. Поскольку в данной грамоте читается: . . . а продаи клеветьника того . . . *смьрьди* побити клеветьник (.), то вполне логично допустить, что в последней фразе изложено право смерда побить клеветника. Говоря иначе, здесь зафиксирована старая форма дат. п. ед. ч. от *смьрдь* (последняя изредка встречается в памятниках древнерусской письменности), ср.: а за *смердь* и холопъ .е. гр҃внъ (Соф. I лет. под 1019 г.); ѡже *смердь* моучить *смьрда*[181].

Форма прилагательного *смьрдии* подкрепляет высказанный довод в пользу того, что существительное *смьрдь* относилось к основам на *-ĭ(ъ)*. Прилагательные этого типа редки даже в памятниках ст.-слав. письменности, сюда относятся: **велии**, интенсивно вытесняемое формой **великъ**; **питии** (Супр. 549, 12); **рабии** (Син. тр. 3а, 15; 3б, 3); **скотии** (там же 104б, 20); **третии** — все они по форме являются реликтами, сохранившими древнейшую индоевропейскую структуру прилагательного[182]. Помимо приведенных данных, отношение существительного *смьрдь* к основам на *-ĭ(ь)* подкрепляется и такими фактами, как блр. *смердзь* в значении ‘простой человек, мужик’, ср.: не дзелай *смердзи* добра, не люби его жонки (посл.)[183] и пол. *smierdź* в значении ‘chlop prosty’[184]. Переход же ряда существительных др. рус. языка из основ на *-ĭ(ь)* — непосредственно к основам на *-ŏ(ъ)* известен[185].

Начиная с Ф. Миклошича[186] наиболее распространенным является мнение, что слово *смьрдь* < **smr̥dь* генетически представляет производное от *смрѣдѣти* < **smrděti* ‘вонять, дурно пахнуть’: «Таким казался земледелец кочевнику», — пишет по этому поводу А. Преображенский[187]. Поскольку отглагольное имя от **smrděti* зафиксировано в форме южнослав. *smrad*, пол. *smród*, вост.-слав. *smorodъ*, то болг. *смръдъ* ‘вонь’, приводимое А. Преображенским, при наличии общераспространенного *смрад* следует признать за позднюю, современную форму. Собственно пока отсутствуют данные, подкрепляющие, что общеслав. **smr̥dь* ‘земледелец’ было бы отглагольным именем от *smrděti* ‘вонять’. Это заставляло ряду исследователей сомневаться в действитель-

[181] *Ф. Буслаев.* Историческая христоматия. М., 1861, стб. 398.
[182] *М. Brodowska-Honowska.* Słowotwórstwo przymiotnika, стр. 50 и сл.
[183] *Носович*, стр. 594.
[184] *I. Karłowicz.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1907, стр. 350.
[185] *А. А. Шахматов.* Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 89.
[186] *Miklosich*, стр. 310; *Vasmer III*, стр. 671; в последней полная библиография.
[187] *Преображенский II*, стр. 334; см. также *R. Aitzetmüller.* Abg. смрьдъ Vertdeutlichung einer Etymologie, «Studia polaeoslovemica», Praha, 1971, стр. 17 и сл.

ности возведения **smŕdь* к основе глагола *smrděti* с указанным значением.

Думаем, что прав Г. А. Ильинский, возводивший *смьрдь* в корне к **(s)mer-d-*, **(s)mŕ-d-* с первичным значением 'дробить, двигать, вертеть' [188], к которому имеются и индоевропейские соответствия [189].

Таким образом, наличие форм сущ. *смьрдь*, относительного прилагательного *смрѣдъ*, притяж. прил. *смьрдии* указывает, что эта группа слов по своему образованию — древнейшая, восходящая в корне к **(s)-mьr-d-*. В группе «*s* — носовой согласный» чаще всего отпадает начальный *s*, ср. *смрѣчь* и арм. *mair* 'кедр'; *снѣгъ*, лат. *nix*; др.-инд. *snusa*, лат. *nurus* 'сноха', ст.-слав. **смъкати сѧ** и **мъчати** и т. д.

Нет сомнения в том, что др.-рус. *смьрдь*, *-дъ*; *смьрьдии* — праславянское наследие, а не книжные слова, вошедшие в древнерусский литературно-письменный язык из церковных книг.

Заметим мимоходом, что в Пов. вр. л. дважды встречается *кметь* в не совсем ясном значении, ср.: придоша сли из нѣмець къ Стославу. Стославъ же величашесѧ показа имъ батьство свое. ѡни же видѣвше бещисленое множьство злато и сребро и паволокъ и рѣша се ни въ что же ѥсть. се бо лежить мертво. сего суть *кметье* луче. мужи бо сѧ доищють и больше сего (Л. 66 об., Ип. вместо *кметье* читается: *смѣтье* (74); пустилъ есмъ половеческих кнѧзь лѣпших изъ ѡковъ ... инѣхъ *кметии* молодых .ѥі. то тѣхъ живы ведъ исѣкъ вметахъ в ту рѣчку. въ Славлии (Л. 82 об. — Поуч. Влад. мон.). Ср. еще: Кияне же дивѧхутсѧ оугромъ множеству и *кметьства* ихъ. и комьнемъ ихъ (Ип. 151), въ тож врем избьени бъша печерскеи. и югърьскии въ печере. а другии за волокомь и паде головъ о сте *къметьства* (Новг. I лет. л. 48).

В целом, речь идет как будто о военных, поэтому это слово лучше рассмотреть вместе с древнерусской военной лексикой. По всей видимости, *къметь* — заимствованное слово [190].

9. ИМОВИТЪ, БОГАТЪ, ОУБОГЪ, НИЩЬ

Первое слово зафиксировано только в договорах Руси от 912 до 945 гг. Приведем примеры, в которых встречается интересующее нас слово: аще ли оубѣжить створивъи оубийство аще есть *имовитъ* да часть его. сирѣчь иже его будеть по закону да возметь ближнии оубьенаго... аще ли есть *неимовит* створивъи оубои.

---

[188] *Г. Ильинский.* К вопросу о *смердах.* — Slavia occidentalis, t. 11. Poznań, 1932, стр. 18 и сл.
[189] *J. Pokorny.* Указ. соч., стр. 137.
[190] *Фасмер II*, стр. 261; *Sławski II*, стр. 279 и сл.

и оубѣжавъ да дѣржитсѧ тажи доньдеже ѡбращетсѧ ѩко да оумреть. аще ли оударить мечемь или бьеть кацѣмь любо съсудомъ. за то оударение или оубьение да вдасть литръ. е. сребра по покону рускому. аще ли будеть *неимовитъ* тако створивъıи. да вдасть елико можетъ (Ип. 13 об., Л. нет, Р. в первом случае читается: аще ес *домовит* вм. *имовитъ*; затем вм: по покону рускому — по закону рускому. (л. 17).

В договоре 945 г.: аще оубьеть хсѣнинъ русина ... или русинъ хсѣнина. и да держимъ будеть створивъıи оубиство ... аще ли оускочить створивъıи оубои. . . и оубѣжить. аще будеть *имовітъ*. да возьмуть имѣнье его ближьнии оубьенаго. аще ли *неимовитъ* и оускочить же. да ищють его дондеже ѡбращетьсѧ. . . ци аще оударить мечемь или копьемъ. или или кацѣмь любо ѡружьемъ (Ип., Р.: съсудомъ) русинъ гръчина или гръчінъ русина. да того дѣлѧ грѣха заплатить сребра литръ .е. по закону рускому. аще ли есть *неимовитъ* да како можетъ (Л. 13—13 об., Ип. 20 об.)

В так называемых классических памятниках ст.-слав. письменности слово **имовитъ** не встречается. Однако в памятниках церк.-слав. письменности оно находится, ср.: имовита мѧ творитъ съмѣрена. и ницıаго вєлѧдшıна, греч. εὐποροῦτά με ποιεῖ (Слова Григория Назианзина сп. XI в., л. 237); Боурю прѣшıдѫ тихоıе... пристанице постиже ѩко имовитъıца (Путятина Минея сп. XI в., л. 90; в сп. XIII в.: коупъıца добръıи [191]; там же); в слове Иоанна Златоуста о расслабленном: ли. лѣтъ ıесть лежащѹ ми оу коупѣли. и никъто же мѧне помилоуıетъ... паче имовитъıи почѣтетъ сѧ (Усп. сб. л. 254а, 8—19); в Слове того же И. Златоуста о пророке Ильи и вдове по сборнику Михановича XIII в. нє бо послѧ ıего ... к женѣ имовитѣ. нѧ к женѣ вдовици ... хлоупающи (л. 1366) [192].

В Мериле Праведном: примѣсивъıи сѧ къ двѣ. ıзволениемѧ двцѧ. невѣдниемѧ же родителю ıего. послѣди же сима оувѣдшемѧ. и аще хощетъ поѧти. и хощета и родителѧ ıего да будетъ совкупление. ли ıедина частъ ѿ нихъ нє хощетъ. аще ıесть имовитъ растлѣвъıи да вдастъ растлѣнѣи двѣ злата литру ıедину. аще ли ıесть неимовитъ. тепенъ да затѫченъ будетъ (л. 191) [193]; на л. 128 в Кратком Законе Судного Людем приведенное место читается несколько иначе причем, вместо будетъ совкупление читается да будетъ свадьба; вместо «ıесть имовитъ» — «чтенъ съı бѧтьствомѧ».

В другом месте: крада на иномѧ мѣстѣ града. вперъıхъ творѧи сє аще свободенъ ıесть и мѫжетъ. на оустроение оукраденаго. посемѧ оукраденаго цѣну да подастъ. ли неімовитъ ıесть да биенъ

---

[191] *Срезневский I*, стб. 1094.
[192] *Mihanović*. Homiliar. Graz. 1957, стр. 218.
[193] Мерило Праведное по рукописи XIV в., М., 1961, стр. 385.

и затворенъ будетъ. второе же [аще створитъ. вины да отъкнутъ ему руцѣ (л. 193 об.).

Из приведенных примеров видно, что словом [имовитъ передано понятие 'богатый, состоятельный человек', и, кроме договоров, оно встречается только в памятниках церк.-слав. письменности. В памятниках же ст.-слав. письменности во всех старших списках вместо интересующего слова встречается только слово **богатъ**, ср.: **не оудобь вънидетъ богатъ въ цр҃ство нб҃сьное** (Мф. XIX, 23 Ас.); **богати обнищашѧ** (Син. пс. XXXVIII, 11); **богатъ же зѣло** (Супр. 63, 9) и т. п.

Таким образом, *имовитъ* стало употребляться только в памятниках церк.-слав. письменности, по-видимому, не ранее X в., если признать, что договор Олега от 912 г. переведен в период его заключения. Слово имовитъ вошло в памятники церк.-слав. письменности списков XI в., как свидетельствуют сочинения Григория Назианзина, Путятина Минея и др. Э. Бернекер за ним и К. Буга [194] признают *имовитъ* сложным словом, состоящим из *im-o-vitъ*, при этом последняя часть сближается с *vit(-a-ti)*, лит. *vietà*, *viètos* 'место, двор, усадьба', латш. vieta 'место, постель' и т. д. Еще Г. Павский считал, что *им-* в рассматриваемом слове основа существительного, а не глагола [195]. В целом, имовитъ такого же типа образование, как ст.-слав.: **домовитъ**, передающее греч. οἰκοδεσποτης; **сановитъ**, греч. ἀξιωματικός; **ядовитъ**, **плодовитъ**, греч. καρποφόρος или εὐθηνῶν; **трждовитъ** и нек. др., ср.: **чкъ бѣ домовитъ** (Мф. XXI, 33 Мар.); **мжжа жоупанъı и сановитъı** (Супр. 561, 7); **попираашє страсти гадънъıѧ и ядовитъıѧ** (там же 556, 15—16); **масліна плодовіта** (Син. пс. LI, 10); **жена твоѣ ѣко лоза плодовита** (там же CXXVII, 3); **мло над трждовитомь** (Син. тр. 31а, 17). Первые три из приведенных существительных несомненно относились к основам на *-ŭ(ъ)*, поэтому их суффиксом, образующим прилагательное, является *-itъ*. В дошедших до нас старших списках памятников ст.-слав. письменности **плодъ** и **трждъ** относится к основам на *-ŏ(ъ)*. По своим значениям все приведенные существительные близки друг к другу. Так, **домовитъ** значит 'обладающий и заботящийся о доме'; **ядовитъ** 'обладающий ядом'; **трждовитъ** 'обладающий болезнью'; **плодовитъ** 'обладающий и приносящий плоды'. Кроме этого, каждое из приведенных прилагательных имеет дополнительный оттенок в значении 'в достаточной степени или в изобилии'. Имовитъ 'обладающий (в достаточной степени) имуществом', т. е. 'состоятельный, богатый'. Думаем, что соединение основ имени -im- с глагольной основой vit- (последняя, надо по-

[194] *Berneker I*, стр. 429; *К. Буга.* Славяно-балтийские этимологии. — РФВ, т. 67, № 1 и 2. Варшава, 1912, стр. 246 и сл.; РФВ, т. 75, № 1—2. М., 1916, стр. 153.

[195] *Г. Павский.* Филологические наблюдения над составом русского. Рассуждение второе. Б. Отделение 2. СПб., 1850, стр. 114.

лагать, в том же значении, что и лат. *vita*) не дает приведенного значения слова имовитъ. На наш взгляд, справедливы сомнения М. Фасмера в действительности этимологии имовитъ, предложенной Е. Бернекером и К. Бугой [196].

Благодаря старшим спискам памятников ст.-слав. письменности мы располагаем данными, свидетельствующими о том, что вследствие взаимодействия основ на *-ŭ(ъ)* и *-ǫ(ъ)* [197] по образцу **домовитъ** могло образоваться прилагательное и типа **плодовитъ**, т. е., говоря иначе, выработался новый суффикс -ovitъ, идентичный с *-itъ*. Мы не располагаем бесспорными данными, говорящими о том, что сущ. *imъ* относилось к основам на *-ŭ(ъ)*, хотя с.-хорв. и словн. *imovina* 'имущество, состояние' склоняют к мысли, что *imъ* относилось к этой основе. Но как бы то ни было, ясно одно, что имовитъ — не сложное слово, а такого же типа образование, как: *domov-itъ* или *plod-ovitъ*.

По современным данным, сущ. *имовитъ* имеет соответствия в следующих славянских языках: с.-хорв. и слов. *imovina* 'имущество'; *imovit* 'состоятельный, богатый' [198]; чеш. *movitý* (из **jmovitý*) с первичным значением 'зажиточный, богатый', movitost 'движимое имущество', словц. movitosť то же значение, что и чеш.; movitý 'движимый' (об имуществе) [199]. В одном рукописном словаре XVII в. читаем: *имовитъ* dives, locuples opulentus [200], т. е. 'богатый', 'зажиточный', но тут же замечено: пол.(ьском) нет; П. Берында приводит: *имовитъ*, объясняя его значение: 'маетный' [201], т. е. 'зажиточный'. Словари болг. языка фиксируют: *имот* 'имущество', *имотник* 'зажиточный' [202]. Болг. *имотъ* едва ли какое-либо новообразование, по-видимому, оно того же типа, что *животъ*, лит. *gyvata*, греч. βιοτή, т. е. с праславянским суффиксом, отличающимся от тех *-otъ*, *-ьtъ*, которые присоединялись к звукоподражательным основам [203].

В классических памятниках ст.-слав. письменности понятие 'имущество', 'состояние' выдержанно передано словом **имѣниѥ** не смотря на то, какое слово находилось в переводимых греческих текстах τὰ ὑπάρχοντα, χρήματα, πράγματα, βιός и т. д. [204] В Пов. вр. л. *имѣнье* в этом значении встречается как обычное слово, ср.:

---

[196] *Фасмер I*, стр. 324.

[197] *Н. Ван-Вейк.* История старославянского языка. М., 1957, стр. 241 и сл.

[198] Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, t. I, стр. 825 и сл.; *В. Караџић.* Српски рјечник. Београд, 1898, стр. 240, причем здесь нет слова *имовит*; *F. Iveković, J. Broz.* Rječnik hrvatskoga jezika, t. I, стр. 400; *M. Pleteršnik.* Slovensko-nemški slovar, d. I, стр. 186.

[199] *F. Trávníček*, стр. 953; Slovník spisovného jazyka, 14, стр. 1285; Slovník slovenského jazyka, t. II, стр. 183; *V. Machek*, стр. 308.

[200] Словарь западно-русский (словяно-латинский). Рукопись ГИМ № 2313, из собрания Барсова, XVII в., л. 72 об. — Материал Картотеки ДРС.

[201] Лексикон словенороський Памви Беринди. Київ, 1961, стр. 480.

[202] *А. Дювернуа.* Словарь болгарского языка. М., 1885; Речник на съвременния български книжовен език, т. I. София, 1955, стр. 554.

[203] *W. Vondrák.* Указ. соч., стр. 450.

[204] Slovník jaz. stsl. I, стр. 766.

имѣныа немало ... взаша (Л. 10, Ип. 17 об.); аще будетъ имовітъ да возьмуть *имѣнье* его. ближьнии оубьенаго (Л. 13 об., Ип. 20 об.); лютъ се мужь хоче быти. ꙗко *имѣныа* не бережеть (Л. 22, Ип. 28 об.); и оубогим раздаꙗ *имѣнье* много (Л. 43, Ип. 47); поимъ Новгородѣ *именье* ихъ (Л. 49 об., Ип. 55) и т. п. Образованное по типу отглагольных имен: **одѣние, тимѣние, питѣние, зьдание** и т. д. —**имѣние** оказалось понятным и пригодным словом для передачи понятия 'имущество, состояние', поэтому оно и распространилось почти во всех славянских языках, ср.: болг. наряду с народным *имот* книжное *имение*, с.-хорв. наряду с *imovina*, *imetek* — *imanje*; чеш. наряду *statek*, *majetek* — *jmení*; рус. наряду *добро*, *достаток* — *именье*; укр. *майно*, *добро*, и т. п. Слово *имовитъ*, имеющее соответствия, как отметили, в чеш. и словц., с.-хорв. и словен. языках, едва ли могло быть праславянским наследием; оно, видимо, возникло в ту пору, когда в процессе классового расслоения общества особенно резко отделились друг от друга имущие и неимущие.

Поскольку слово *имовитъ* не встречается в восточнославянских памятниках письменности и наличие его в прошлом не подтверждается данными диалектных словарей, можно констатировать, что в договорах 912 и 945 гг. это слово также невосточнославянское, а заимствованное из памятников церк.-слав. письменности.

Слова *богатъ* и *богатьство* в Пов. вр. л. тоже встречается редко. Первое здесь зафиксировано всего два раза в предложениях, написанных явно книжным языком. Приведем эти примеры: аще не ѡбрѧщетьсѧ кто заоутра на рѣцѣ. *бат҃ъ* ли оубогъ. или нищь. или работенъ. противникъ мнѣ да будеть (Ип. 44, Л. 40 об.); быс҃ другыи черноризець. именемь Исакии. ꙗко ж҃ и ѥще сущю в мирѣ в житьи мирьстѣмь и бга҃ту сущю ѥму. бѣ бо купець родом Торопечанинъ (Л. 64 об., Ип. 70 об.). В первом примере, кроме книжных *аще*, ѡбрѧщетьсѧ, *нищь*, находим и явно книжный оборот речи: противникъ (в Л., противенъ) мнѣ да будеть, ср.: **нѣмъı да бѫдѫтъ оустънъи** (Син. пс. XXX, 19); **Да бѫдетъ на веселие и съдрѧвие** (Син. тр. 21а, 7). Все второе предложение составлено из книжных оборотов речи, в том числе с оборотом дательным самостоятельным; *а черноризець именемь* ..., по типу: **се мѫжь іменемь иосифъ** (Л. XXIII, 50 Мар.) и т. п.

Что касается формы *богатьство*, встречающейся в Пов. вр. л. до 5 раз, она по модели образования является книжным, старославянским словом, в памятниках которого суф. **-ьство** употребляется для передачи отвлеченных понятий или собирательных значений. Полагают, что данный суффикс образовался из соединения суф. прил. *ьskъ* и суф. сущ. *-tvo*[205], типа žnitvo, šitvo и другие. По этой причине в русском литературном языке до сих пор, как

[205] *W. Vondrák.* Указ. соч., стр. 446.

книжная традиция, ощущается соотносительность существительных на *-ство* с прилагательными на *-ский*, ср.: *учительский — учительство, дружеский — дружество, соседский — соседство* и т. д.[206] Приведем примеры: цр҃рь же Лєѡнъ слъı рускаѣıа почстивъ ... пристави къ мужи свои. показати црквную красоту и полатъı златъıѣıа и въ нихъ сущаѣıа *батьства* (Ип. 15, Л.нет, Р. 18 об.); Изаславъ же иде в лахъı со имѣниемь многимъ. и сь женою. оуповаѣıа *батьством* многъıмъ. гла симь налѣзу воıа (Ип. 67 об., Н. 95 об., Л. нет *батьствомъ*); придоша сли из нѣмець ... Стославъ же величаѣıсѧ показа имъ *батьство* своє. ѡни же видѣвше бещисленое множьство. злато и сребро и поволокъ (Л. 66 об., Ип. 74) и др.

По данным областных словарей можно составить вполне реальную обстановку распространения слов от корня *bog-* в значении 'довольство, достояние', ср.: *збожье* (зап.) 'добро, достаток' особенно 'зерновой хлеб'[207]; укр. *збіжжа* 'зерновой хлеб, имущество'; пол. *zboże* 'хлеб в зерне', чеш. *zboží* 'состояние', — все восходят к **sъ-bog-ьje* в собирательном значении; рус. *богатый* (ярсл.) 'очень хороший'[208], *богатейный* (дон.) 'весьма хороший'[209]; богато (ряз., тул.) 'хорошо, прекрасно'[210] — все они от *богато* или *богатъ* 'много, достаточно, изобильно'; укр. *багато* 'много', 'очень сильно' и т. п.; рус. *богатье* 'имение, имущество, достояние'; *богачь* < **bog-ak-jo*[211] 'состоятельный, имущий достаточно продуктов питания и другого достатка'; *небог, небогии, небога* 'бедняк, несостоятельный'[212], переносно 'насчастный', ср.: слнче помьрце. маиа въ .дi. ... и бъı акъı въ е. ноции мсць и опат наполнисѧ. и ради бъıхомъ *небози* (Новг. I лет, л. 110); **и тоу҃ ѧвик҃ небогоу҃ трепетати сътвори** (Супр. 389, 11—12), греч. ἄθλιος 'несчастный'.

В целом, ясно, что субстантивировавшееся прилагательное, употребляющееся в памятниках древнерусской письменности, как и *богатьство*, представляют книжное, старославянское наследство. Фиксируемые *богасьво* (олнц.)[213], *богачество, богатество* (арх.)[214] представляют проникшее в народную речь книжное слово *богатьство*, приспособившееся к привычному произношению или доступной словообразовательной модели.

Слово *оубогъ* в значеини 'лишенный достатка, бедный' в Пов. вр. л. встречается до 10 раз, не включая сюда сочинения

---

[206] Грамматика русского языка, т. I. Фонетика и морфология. М., 1952, стр. 257.
[207] *Даль I*, стб. 1674.
[208] *Мельниченко*, стр. 33.
[209] *Даль I*, стб. 250.
[210] *Миртов*, стр. 11.
[211] *W. Vondrák.* Указ. соч., стр. 459.
[212] Опыт, стр. 126.
[213] *Куликовский*, стр. 4.
[214] *Подвысоцкий*, стр. 8.

Владимира Мономаха, ср.: (Владимир) створи праздникъ великъ въ тъ дн҃ь. болѧромъ и старцемъ людьским҃. и *оубогим҃* раздаѧ имѣнье много (Л. 43, Ип. 47, Н. 73 об.); бѣ бо Глѣбъ мл҃стивъ *оубогъı҃мъ* (Ип.: на *вбогиѧ*) и страннолюбивъ (Л. 67. Ип. 74): кнѧзь Всеволодъ. бѣ ... люба правду. набда *оубогъıѧ* (Л. 72, Ип. 79 об.); русскиѣ же кнѧзи ... ѡбѣтъı вздаѧху б҃у ... мл҃стнею *оубогъı҃м* (Л. 93 об., Ип. 95 об.) и др. В Пов. вр. л., кроме приведенных в примерах форм, других образований от *оубог-* не встречается. Лишь в Суздл. лет. под 6677 (1169) г. читаем: тъı всемощенъ ѥси. *оубожа* и бат҃а. оумерщвлѧѧ и ѡживлѧѧ (Л. 120), но это пересказ следующего: г҃сдь мертвитъ и живитъ ... оубожитъ и богатитъ ... (I. кн. Царств. II, 6—7).

По мнению М. Фасмера, др.-рус. *оубогъıи* — церковнославянизм[215], синонимом которого является *небогъıи*. По своему образованию *оубогъ* представляет либо отглагольное имя, или в нем *оу-* именная приставка (последняя, по-видимому, менее вероятна). Значение приставки *оу-* 'лишать, лишение' равно приставке *ѫ-*, например, в словах **ѫродъ**, **ѫтьлъ**, в которых *ѫ* $<$ **ъn* $<$ **ū* является остатком древнейшей приставки. В *оубогъ*, по имеющимся данным, *оу-* не из *ѫ*, а восходит к **au-* первоначальным значением 'удаление', а также 'завершение'; в значении 'лишение' приставка *и-* ныне фиксируется только в западнославянских языках. Является ли по своему значению *и-* в слове *оубогъ* западнославянским, без специальных разысканий едва ли возможно решить. В памятниках ст.-слав. письменности словами **оубогъ** и **нищь** в основном передается греч. πτωχός. В Мар., например, **нищть** употреблено 21 раз, а **оубога** всего 4 раза. Наблюдаются отдельные случаи замены одного слова другим. Так. Л. XVI, 20 Мар., Зогр., Сав. читается **нищть**, а в Ас. **оубогъ**; там же 22 во всех: **нищоуоумоу**; Л. XXI, 4 Ас. Мар., Зогр. **отъ лишенiѣ** (греч. ἐκ τοῦ ὑστερήματος), а в Сав.: **отъ ѕбожьства**. В Син. пс. **оубогъ** употреблено 27 раз, а **нищть** — 44 раза и **нищтета** 5 раз; в Син. тр. **оубогъ** не зафиксировано, а **нищ** — дважды в сложных словах **нищелюбие** (69б, 25—26), **нищелюбьць** (70б, 12—13); в Супр. **оубогъ** — 38 раз., **оубожьство** — 4 раза, **нищть** — 25 раз, **нищтета** — 6 раз, **нищтелюбие** — один раз.

Оставляя в стороне дальнейшие наблюдения, можно констатировать, что мнение М. Фасмера, о слове *оубогъıи*, являющемся в др.-рус. литературно-письменном языке книжным элементом, заимствованным из памятников ст.-слав. письменности, оправдано. Поскольку понятия 'бедный, богатый' утверждаются только в классовом обществе, то слово *оубогъ* по своему происхождению едва ли старше VII—VIII вв. По этой причине не исключено его диалектное, а не общеславянское происхождение. Хотя слово *ubogъ* фиксируется во всех славянских языках, кроме сербо-лу-

[215] *Фасмер IV*, стр. 143.

жицких, но в южных и восточных славянских языках оно может быть церковнославянизмом, а в пол. из чеш.

Слово *нищии* в Пов. вр. л. встречается всего 4 раза, причем в повествовании о крещении Руси, ср.: аще не ѡбращеться кто заоутра на рѣцѣ. бат҃ъ ли оубогъ. или *нищь*. или работенъ. противникъ мнѣ да будеть (Ип. 44, Л. 40 об., Н. 66); Соломона же слꙑша глща. вдаѧи *нищему* (в Ип.: *нищю*, Н.: *нищу*) бу҃ взаимъ даетъ. си слꙑшавъ повелѣ всѣкому *нищему* (в Ип.: *нищю*) и оубогому приходити на дворъ кнѧжь. и взимати всѣку потробу (в Ип.: потребу). питье и ѣденье (Л. 43 об., Ип. 47, Н. 73 об.), вдаѧи *нищю* ... — цитата из Притч. XIX, 17; повеле ... возити. по градомъ. выпрашающе. кде болнии. *нищии* не могꙑ ходити и тѣмь раздаваху на потребу (Ип. 47, Л. 43 об., Н. 43 об.). Кроме приведенных примеров, в Л. т. н. в молитвенном обращении Владимира Мономаха цитируется из Триоди Постной недели сыропустной кондак: Прм҃дрсти наставниче и смыслу давче. несмысленым казателю. и *нищим* заступниче ... (Л. 84 об.).

Все приведенные примеры, включая и цитаты, написаны в стиле церковной литературы, поэтому употребление в них слова *нищь* или *нищии* обусловлено влиянием на речь летописца языка церковных книг.

Происхождение слова *нищь* до сих пор спорно, и по этому вопросу имеются различные взгляды. Ф. Миклошич в процессе составления своего этимологического словаря высказав, что интересующее слово восходит к **ni-tjъ*, а в дополненных заметках отказался от этого мнения и высказался в пользу взгляда, что *нищь* восходит к **niz-tjй*[216]; этого же мнения придерживается С. Младенов[217]. Ф. Миклошич считал, что укр. *знищати* от той же основы, что и *нищь*, то же повторяет и М. Фасмер[218], причем последний за А. Брюкнером[219] *niszczotny* из псалтыри приводит в параллель к польскому *niszczyć*. Основываясь на этих данных, Фасмер признает неубедительным выведение А. Мейе слова *нищь* из **nītio* и признает, что оно восходит к праславянскому **nīstio* исконнородственному с др.-инд. *nišṭyas* ‘посторонний, наружный’, *niḥ* ‘вон, наружу’[220].

Думается, что укр. и пол. *нищити*, *niszczyć* и ст.-слав. **ништь** разного происхождения. Укр. *нищити* является глаголом, образованным от сравнительной степени прилагательного *нижчий*, так же как *вищати* от *вищий*, *тяжчати* от *тяжчий*, *товщати* от *товщий* и т. д. — все они относятся к основам на *-i*. *Нищити*, *-щу*, *-щии* ‘уничтожать’, (реже) ‘губить; истреблять’, (только о растениях, животных) разг. ‘изводить, переводить’; (о птичьих

[216] *Miklosich*, стр. 215 и 430.
[217] *Младенов*, стр. 358.
[218] *Фасмер III*, стр. 77.
[219] *Brückner*, стр. 364.
[220] *Фасмер III*, стр. 77.

гнездах — обычно) 'разорять', (реже) 'разрушать' [221]. Едва ли можно сомневаться в том, что первоначально *нищити* могло употребляться только по отношению к растениям 'делать низкими', т. е. или 'срезать' или 'ломая, пригибать к земле', что и в том и в другом случаях означает 'губить, истреблять'. Отсюда дальнейшее расширение употребления слова по отношению к другим объектам и специализация его в значении 'уничтожить, губить', т. е. 'превращать в ничто'.

Судя по фонетическим признакам, слово *нищити* могло появиться не ранее как после падения редуцированных, только в тех восточнославянских диалектах, из которых сложился украинский язык. Пол. *niszczyć*, по-видимому, из укр. языка.

Таким образом, ни пол. *niszczyć* и ни укр. *нищити* не могут служить основанием для подкрепления мнения, что **ништь** из **nīstjo*. Неизвестно, как могут быть сближены, как родственные, ст.-слав. **ништь** и др.-инд. *nīṣṭyas?* В первом основном значении является 'лишенный' (имеется в виду средства существования), то же в греч. πτωχός и πένης, переводами которых является ст.-слав. **ништь**. Во втором, как видно, отсутствует значение 'лишенный', а оно обозначает 'посторонний, наружный', или иначе — 'внешний' греч. ἔξωθεν. По всей видимости, это разные слова и различного происхождения, а не исконнородственные. А Мейе допускал, что **ништь** такого же типа образование, что и **обьштъ** 'всем принадлежащий', или 'ко всем относящийся' из **ob-tjo*. При этом *обь* 'около', 'кругом' и суф. *-tjo* 'относящийся к тому, что обозначает основа, к которой присоединяется', ср.: **ѡ горе мьнѣ. что сътворѫ азъ... аште обличѫ мариѫ. срамъ обьштъ** (Супр. 240, 10—16); **аште хоштеши чрьнецъ бъти. вьлѣзи въ обьштии манастъирь** (там же 170, 3—4). По мнению же А. Мейе, слово **ништь** должно состоять из **nī-* < **nei-* усиленное отрицание, или полное отсутствие и *-tjo*, в целом: **nī-tjo* 'не имущий' или 'лишенный всего' [222].

Изложенное позволяет констатировать, что в древнерусском литературно-письменном языке *нищь*, *нищии* было не восточнославянским словом, а заимствованным из памятников ст.-слав. письменности. Этим, думаем, объясняется то, что в Пов. вр. л. это слово употребляется редко и только в книжных оборотах речи.

Для возведения слова *ništь* к **niz-tjo* необходимо, чтобы в обществе, уже выделявшем так называемую аристократию, полностью оторванную от физического труда, на трудящихся смотрели в «верхах» как на чернь, подлых и т. д. В период возникновения слова **ништь** (оно могло возникнуть не ранее VII—VIII вв., когда только началась и продолжалась на первой стадии классовая дифференциация славян) таких понятий, как *верхи* и *низы* общества, еще не могло быть. По указанной причине единственно вероятной

[221] Українсько-російський словник. Київ, 1964, стр. 479.
[222] *A. Meillet.* Études, стр. 380 и сл.

этимологией слова нищть < *nītьjь может быть возведение его к *nī-tjo.

Изложенный в данном очерке материал свидетельствует:

1. В период составления Пов. вр. л. на Руси еще не было твердо установившихся терминов для выражения понятий 'имущий' и 'неимущий', хотя в самом обществе, как видно, такие реалии существовали.

2. Для обозначения указанных понятий использовались слова из памятников старо- и церк.-слав. письменности. Ввиду отсутствия закрепившихся терминов для выражения понятий 'имущий', 'неимущий' использовались по два и больше слов, как *имовитъıи* и *богатъıи*; *нищь*, *оубогъ* и *небогъ*.

Словарный материал, рассмотренный в данной главе, в преобладающей части состоит из восточнославянских элементов, если сюда же отнести и общеславянские слова.

1. Только книжными, или старославянскими следует признать в составе Пов. вр. л. такие слова: *богатъ*, *богатьство*, *болѧринъ*, *власть*, *десѧтьникъ*, *единовластьць*, *имовитъ*, *кнѧзь*, *моужьство*, *моужатисѧ*, *мѧтежь*, *наимьникъ*, *народъ* (?), *нищь*, *нищий*, *отрокъ* 'дитя', *рабъ*, *рабъıни*, *самовластьць*, *самодержьць*, *сановьникъ*, *слоуга*, *слоужьба*, *слоужити*, *слоуженыѥ*, *старьць*, *старѣишина*, *страна* 'государство', *съвѣтъ*, *сътьникъ*, *тъıсоущьникъ*, *оубогъ*, *оуставъ*, *цѣсарь*, *цѣсарьство*; *Цѣсарьградъ*, *ıѕъıкъ* ἔθνος и некоторые другие.

2. Только восточнославянскими, или древнерусскими являются слова (не обращая внимания на происхождение): *болѧринъ*, *вира*, *вирьникъ*, *володѣти*, *волость*, *даньникъ*, *дѣтьскъıи*, *земля* 'княжество', 'область', *моужь* 'вельможа', *наимитъ*, *отрокъ* 'дружинник, слуга', *пороубъ*, *порѧдъ*, *право*, *правьда*, *продажа*, *продати* 'штрафовать', *роба*, *роусь*, *роусьскъıи*, *рѧдъ*, *сторона* (страна) 'направление', *староста*, *сотьскъıи*, *соудъ* 'устав', *соудити* 'устанавливать', *тиоунъ*, *оурѧдъ*, *оурокъ*, *оурѧдити*, *холопъ*, *челѧдинъ* и др.

3. Общеславянскими являются: *vět-jo(=вѣче), *дань*, *законъ*, *земля*, *колѣно*, *кънѧзь* (?), *кънѧжити* (?), *людье*, *моужь* 'мужчина', *моужьскъı*, *народъ*, *небогъ*, *племѧ*, *родъ*, *рѧдъ* 'порядок, ряд', *смьрдь*, *старъ*, *съıнатисѧ*, *съньмъ*, *тълпа*, *челѧдь* (?), *чловѣкъ*, *чѧдь* и некоторые другие.

Глава VI

ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ ТОРГОВЛЮ

На основании археологических данных, свидетельств арабских и других авторов, а также памятников древнерусской письменности историки пришли к заключению о развитой системе ремесел и торговли в древней Руси IX—XIII вв.[1] Однако, Пов. вр. л. слабо отразила древнерусскую торговлю, вероятно, потому, что в задачу авторов этого исторического сочинения входили две основные задачи. П е р в а я — освещение распространения и укрепления христианства на Руси. В т о р а я — отражение борьбы Руси с другими народами, а также междоусобной борьбы княжеств, как она разрушает единство Руси, достигнутое при княжении Владимира I и Ярослава Мудрого, ослабляет Русь перед лицом половецкого натиска на русские земли.

Поэтому, показательно, что широко употребляемые в различных значениях, во многих, особенно в деловых памятниках древнерусской письменности, слов с общеславянской основой **tr̥gъ-*[2] в Пов. вр. л. очень мало находим только случайно упоминаемые слова *торгъ* и *торговище*, ср.: и есть црки та стоѧщи въ Корсунѣ градѣ на мѣстѣ посреди град. идѣже *торгъ* дѣють корсунѧне (Л. 38 об., Ип. 42—42 об., Р. 63); Изѧславъ же възгна *торгъ* на гору (Л. 58 об., Ип. 64 об., Н.: Изяслав же взя *торогъ* на гору (90 об.); людье кꙑевстии прибѣгоша Кꙑеву. и створиша вѣче на *торговищи* (Л. 57 об., Ип. 63 об., Н. 88 об.); и бꙑс везома ему сташа с ним (с ослепленным Васильком — *А. Л.*) перешедше мостъ звиженьскꙑи (Ип. Вьздвиженьскꙑ) на *торговищи* (Л. 88, Ип. 89 об.) — вот все примеры, которые, как видно, оказались в Пов. вр. л. как обозначение или уточнение названия местности или указание процесса торговли.

Понятие 'торговля' передано словом *коупля*, и это слово зафиксировано только в договорах и цитатах из церковных книг; ср.: аще приидуть Руть бес *купли*. да не взимаютъ мѣсачинꙑ

[1] *Н. Я. Аристов.* Промышленность древней Руси. СПб., 1866; *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948; *Он же.* Ремесло. «История древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 78—181; *Б. Д. Греков.* Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 249 и сл.; *Б. А. Рыбаков.* Торговля и торговые пути. «История древней Руси», т. I, стр. 315—369; *Б. А. Романов.* Деньги и денежное обращение (там же, стр. 370—396).

[2] *Срезневский III*, стб. 1051—1056.

(Ип. 12 об., договор Олега от 911 г.*); и да творать *куплю*, ꙗкоже имъ надобѣ (Л. 12, Ип. 19, договор Игоря от 945 г.); бꙑс҃ ꙗко корабль *куплю* дѣющь, издалѣча събираеть себѣ батьство (Ип. 31 об. — 32, Л. 26, — Притчи XXXI, 14); ѡпонꙑ створи и ѡдасть *въ куплю* (Л. 26, Ип. 32, — Притчи XXXI, 28) и др. В этих значениях слово употребительно в памятниках ст.-слав. письменности; Ср.: **они же не рождъше отидѫ. овъ на село свое овъ на коуплиж своиж** (Мф. XXII, 5 Мар., Ас., Остр.), греч. ὃς δὲ εἰς τὴν ἐμπορίαν αὐτοῦ; **і дастъ имъ десать мънасъ и рече къ нимъ коуплиж дѣите** (Л. XIX, 13 Мар., Ас.), греч. πραγματεύσασθε; **о неі же тъı съвѣтъ твориıı. і вестоудъниж коуплиж** (Клоц. л. 5б, 36), греч. τοῦ συναλλάγματος τούτου; **(коинъ) бꙑвала обѫ(з)аетъ сѧ коупѣмї житиискаı. да воевод(ѣ) годѣ бѫдетъ** (Ен. ап., л. Iа, 1—3), греч. πραγματείαις; **коуплиж сътвориша** (Супр. 55, 9), греч. πραγματύσθαι и т. д.

В оригинальных памятниках древнерусской письменности слово *куплꙗ* фиксируется исключительно редко. Мы его находим, например, в ст. 48 Рус. Пр.: аже кто коупьць кущю дасть *въ коупьлю* коунꙑ или въ гостьбоу. то коупьцю передъ послоухꙑ коунъ не имати (л. 620). В грамотах и договорах это слово фиксируется обычно в значении ‘покупка’ [3]. Слово *куплꙗ*, образованное от *куп-(ити)*, так же, как *кръмлꙗ* от *кръмити*, *пишта* от *пит-ѣти* и т. д., по своему значению является церковнославянизмом.

В значении ‘торговец’ в Пов. вр. л. находим два слова: *коупьць* и *гость*, причем первое из них зафиксировано всего два раза: в числе послов Игоря упоминается или Оутинъ *купець*, или *купець* Адунь (Л. 11 об., Ип. 18 об.). Перед перечислением послов указывается: мꙑ ѡ рода рускаго. съли и *гостье* (Л. 11, Ип. 18), и другой раз в тексте: бꙑс҃ другꙑи черноризець Исакии... бѣ бо *купець* родом торопечанинъ и помꙑсли бꙑти мнихъ (Л. 64 об., Ип. 70 об.). Слово же *гость* употреблено более 10 раз, причем два раза в современном значении ‘гость’: повѣдаша Ѡлзѣ. ꙗко деревлꙗни придоша. и възва Ѡльга к собѣ и рѣч҃ имъ добрѣ *гостье* приидоша (Ип. 21 об., Л. 15); заоутра Волга сѣдящи в теремѣ посла *по гости* (Л. 15 об., Ип. 22), в остальных примерах *гость*, за исключением одного раза, встречается только в текстах договоров, ср.: Ѡлегъ... присла ко Асколду и Дирови гл҃ѧ. ꙗко *гость* есмь (Ип.: *гостье* есмꙑ) идемъ въ греки ѡ Ѡлга и ѡ Игоря кнѧжича (Л. 8., Ип. 9 об.). В этом примере *гость*, точнее, видимо, — *гостье* употреблено в значении ‘торговец’. В этом же значении данное слово употребляется и в договорах, ср.: да посꙑлають въ греки... корабли. елико хотать со слꙑ и с *гостьми*... ношаху сли печати злати. а *гостье*

* Как известно, в Л. ввиду утери листов этого договора нет.
[3] *Срезневский II*, стб. 1371.

сребрени (Л. 12., Ип. 19); възьмуть... *гостье* мѣсѧчное (Л. 12, Ип. 19) и т. д.

В памятниках ст.-слав. письменности слово **гость** встречается только в современном значении 'гость' в переводе с греч. φίλος [4]. По этим данным отсутствуют основания признавать, что *гость* в значении 'купец' в Пов. вр. л. употреблено под влиянием языка церковных книг. Наличие в прошлом в русском языке слов *гостиный* (двор) 'торговый ряд', *гостинец* 'большая, проезжая дорога, по которой ездят чужане' (В. Даль) и т. д., по-видимому, свидетельствуют о том, что и *гость* в значении 'купец' употреблялось в древнерусской речи независимо от языка памятников старославянской письменности. В последних греч. ἔμπορος переведено словом **коупьць** (см. Мф. XIII, 45 Ас., Сав., Остр., Мар., Зогр. Клоц. 11б, 13; Супр. 217, 25).

Слово *коупьць* наряду с *гость* является обычным в Новг. I лет. Здесь уже определилась некоторая семантическая дифференциация между этими словами: *гость* употребляется в значении 'купец-иноземец' или 'приезжий купец', а *коупьць* — 'новгородский торговец', ср.: тоуга бѣда на всѣхъ оц҃ь и мт҃и чада своꙗ сажаше въ лодыꙗ даромъ *гостьмъ*. ово ихъ измьроша. а дроузии разидоша сѧ по чюжимъ землѧмъ (Новг I лет., 12 об.); Всеволодъ поус҃ *гость* съ товарꙑ (там же, л. 72 об.); и даѧхѫ оц҃и и мт҃ри дѣт҃ своꙗ одерень ис хлѣба. *гостьмъ* (там же, 114 об.); еп҃спъ и *коупьце* и слꙑ новгородьскꙑꙗ не поущахоу из Роуси (там же, л. 22) приде Ростиславъ ис Кꙑꙗева... и позва новгородьце на порѧдъ. огнищане. гридь. *коупьце* вачьшее (там же, л. 33 об.); идоша съ кн҃земъ Ꙗрославъмь. огнищане и грідь и *коупци* (там же, л. 56); новгородьци ... створиша вѣче ... и повѣлѣша на новгородьцихъ сребро имати. а по волости коурꙑ брати. по *коупцемъ* вироу дикоую (там же, л. 74 об.) и т. п.

Глагол *коупити* в Пов. вр. л. зафиксирован только в договорах и цитате из церковных книг, ср.: Русь... не имѣють волости *купити* паволокъ лише по .н҃. золотникъ (Л. 12, Ип. 19 об.); аще ли суть плѣньници. да *ископаютъ* (Р. А. и Ип.: *искупаютъ*) е Русь. по .і҃. златникъ. аще ли *купилъ* буде грьчинъ... достоить ему да возьметь цѣну свою (Л. 13, Ип. 20); аще полоняникъ... проданъ в ину страну... да не *купѧть* и възвратѧть и скупленое лице ... и възмуть чѣну его *купѧщии* (Ип. 14—14 об., — договор Олега); видѣвши стѧжанье (Ип. тѧжание) *куповаше* (Л. 26, Ип. 32, — Притчи XXXI, 15).

В договоре Игоря читается: Русь... не имѣють волости (Ип.: власти) *купити*. паволокъ лише по н҃ золотникъ и ѿ тѣхъ паволокъ аще кто *крьнеть* (Ип.: *купить*) да показываеть цр҃ву мужу (Л. 12, Ип. 19 об.) Слово *крьнеть* зафиксировано в ст. 118 Рус.

[4] Slovník jaz. stsl. I, стр. 428.

Пр.: Аже кто *крьнеть* чюжь холопъ не вѣдаѧ то пьрвомоу гсноу холопъ нонати (л. 627). Находим этот глагол в Смоленской грамоте списка 1270—1277 гг.: аже немчичь *крьнеть* грвноу золота. платити емоу ногата вѣсцю [5].

Глагол *крьноути*, являющийся индоевропейским наследием [6], совсем не зафиксирован в старших памятниках ст.-слав. письменности. Поскольку этот глагол употребляется в таких оригинальных памятниках древнерусской письменности, как Смоленская грамота 1270—1277 гг., Рус. Пр. и в других, то нет сомнения, что употребление вместо него *коупити* — вторично. Быстрое распространение глагола *коупити* взамен *крьноути* следует, нам кажется, объяснять тем, что по звучанию в основе он совпадал с *коупъ*, *коупа*, *коупьно*, а также имелись между ними некоторые, хотя и отдаленные семантические точки соприкосновения. Не исключено, что слова *коупити*, *коупла* и *коупьць* стали распространяться в древнерусском языке из памятников ст.-слав. письменности. Начало их проникновения в древнерусский язык, видимо, относится к периоду не ранее конца X в. Представление, что *коупити* заимствовано славянами изустно гот. *каирон* [7] или герм. *каирјап*, [8] едва ли соответствует действительности. По крайней мере, в памятниках древнерусской письменности эти слова более всего зависимы от памятников ст.-слав. письменности, так как не подлежит сомнению, что *коупьць* — явно заменило *гость*, а *коупити* — *крьноути*, а *коупла* — семантически полностью зависимо от того же слова памятников ст.-слав. письменности, поскольку оно встречается только в значении ‘торговля’, а *коупити* вместе с тем только в значении ‘приобрести за что’. *Крьноути* известно не только в значении ‘купить’, но и ‘взять’ [9], последнее должно быть первичным, а *купити* — представляет расширение значения ‘взять (за что)’, а затем и — ‘приобрести (за что)’, т. е. ‘в обмен (чего-то)’.

Продати общеславянское слово от корня *dad-* и *da-* с приставкой *pro-*/*pre-*, ср. рус., чеш., с.-хорв. *prodati*, словц. *predat*, пол. *sprzedać*. *Pro-*/*pre-* в данном случае в значении ‘за’ и ‘взамен’, отсюда и понятен ‘штраф’ или ‘пеня за преступление’, ср. наша земла ѡскудѣла ѥсть ѿ рати и ѿ *продажь* (Л. 73, Ип. 80 об.); аже кто оударить мечемь. не вꙁнезъ ѥго или роукоꙗтью. то .вı. грвне *продаже* за обиду (Рус. Пр. ст. 23, л. 617) и др. Глагол *продати* в древнерусском языке употребителен в основном в двух значениях: ‘штрафовать’ и ‘продать’, или ‘отдать за деньги’: Аже которꙑи куньць шедъ кдѣ любо съ чюжими

---

[5] Смоленские грамоты XIII—XIV вв., стр. 38. Другие примеры см. *Срезневский I*, стб. 1341.
[6] *Фасмер II*, стр. 371 и сл.
[7] Там же, стр. 420.
[8] *Machek*, стр. 248.
[9] *Срезневский I*, стб. 1341.

коунами. и истопитьсѧ. любо рат(ь) і възметь. любо ѡгнь. то не насилити ѥмоу. ни *продати* ѥго (Рус. Пр. ст. 54, л. 623); аще оударить мечемь или копьемъ. или кацѣмъ любо ѡружьемъ ... да того дѣлѧ грѣха заплатить сребра литръ .е. ... аще ли неимовитъ да како можеть. в только (Р. толико) же *проданъ будетъ*. ꙗко да и портꙑ в нихъже ходѧть (Ип. ходить). да и то с него снѧти (Л. 13 об., Ип. 20 об.). В приведенных примерах: *продати, проданъ будеть* — 'оштрафовать, будет оштрафован'. В следующих примерах *продати* — 'отдать за деньги': аще ли ключитсѧ тако же проказа лодьи рустѣи. да проводимъ ю в рускую землю. и да *продаютъ* рухло тоѩ лодьꙗ. и аще что можеть *продати* ѿ лодьꙗ (Ип. 14, — договор Олега); аще полонѧникъ .. *проданъ* въ ину страну да не купѧть и възвратѧть и (Ип. 14, — договор Олега) и др. Так же, как и другие слова, относящиеся к торговле, *продати* в Пов. вр. л. встречается редко.

Как известно, общее название предмета торговли выражается словом *товаръ*. Слово это тюркского происхождения, как и в тюркских языках, в древнерусском было многозначным [10]. В Пов. вр. л. рассматриваемое слово встречается всего 6 раз в таких значениях:

1. 'Стан': Володимеръ же приде *въ товарꙑ*. посла бирічи *по товаромъ* гл҃ѧ. нѣту лі такого мужа. иже бꙑ сѧ ꙗлъ с печенѣжиномь (Л. 42, Ип. 46); Шаруканъ едва оутече. ѿбѣгоша же *товара* своего. еже взѧша русскии вои (Л. 95, Ип. нет).

2. 'Обоз': Прииде Василко ... и оужина ту. а *товарꙑ* своѩ (постави) на Рудици. вечеру же бꙑвшю приде *в товаръ* свои (Л. 87, Ип. 88 об.); реч҃ Василко ... оуже есмъ повелѣлъ *товаромъ* поити переди (Л. 87 об., Ип. 89).

В Новг. I лет. слово *товаръ* зафиксировано в значении 'предмет торговли', ср.: Рюрикъ съ Ольговици. и съ погаными половци... взѧша градъ Кꙑєвъ на щитъ... а что гости иноземьцѧ ... затворишасѧ въ цр҃квахъ... а *товарꙑ* съ ними розделиша на полꙑ (л. 63 об.); Всеволодъ поу҃с гость съ *товарꙑ* (л. 76 об.) и др.

Отсутствие в Пов. вр. л. слова *товаръ* в значении 'предмет торговли', объясняется тем, что в данном памятнике, как отметили, не обращается внимание на торговые отношения. О предметах, которыми торговали на Руси, можно делать только догадки по косвенным данным. Так, Святослав говорит: не любо ми есть в Киевѣ бꙑти (Ип.: жити). хочю жити с (Ип.: в) Переꙗславци в (Р. А.: на) Дунаи. ꙗко есть середа в (Ип. нет «в»)

---

[10] *Срезневский III*, стб. 969 и сл. — Этимологию слова на основе существующей литературы см. *Н. М. Елкина*. К этимологии слова *товар*. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. М., 1962, стр. 116—129; *В. Г. Егоров*. Указ. соч., стр. 227.

земли моеи. ꙗко ту вса блгаꙗ сходатса. ѿ грекъ злато паволоки вина ѡвощеве (Ип.: и овощи) розноличьнꙑꙗ (Ип. разноличьнии Н. различнии). и щехъ же из Урогъ (Ип. Угоръ) сребро и комони. из Руси же скора и воскъ медъ и челад (Л. 20 об., Ип. 26 об. — 27, Н. 38 об.). Как видно, в данном примере вместо товаръ или товари употреблено ст.-слав. **блага**, которым в памятниках ст.-слав. письменности переведено греч. τὸ ἀγαθόν, ср. **оць вашь... дастъ благаѣ просѧштиімъ оу него** (Мф. VII, 11 Зогр., Мар.); **въспріѧлъ єсі благаꙗ твоѣ въ животѣ твоемъ** (Л. XVI, 25 Ас., Сав., Остр., Мар., Зогр.); **томоу же блаженык благааго дастъ сѧ. им' же благаꙗ приходатъ** (Супр. 544, 18—19). В приведенном отрывке из Пов. вр. л. и другие слова передаются в старославянском начертании, ср.: *злато, сребро, овощеве разноличнꙑꙗ*, последнее в памятниках ст.-слав. письменности старшего списка не зафиксировано, И. Срезневским оно приводится из памятников церк.-слав. письменности списков XII—XV вв.[11] Лишь *комонь* не фиксируется в памятниках ст.-слав. письменности и вообще в южнославянских языках. Из памятников ст.-слав. письменности только Супр. фиксирует **коньнъ, коньскъ**, эти же прилагательные находятся в поздних списках псалтыри и апокалипсиса[12]. Восточнославянским по звуковым признакам (полногласие) является *паволока* в значении 'какая-то дорогая ткань' в таком же начертании это слово зафиксировано и в договорах. Полагают, что в числе предметов торговли фигурировали различного вида меха: *скора, корьзно, куна, бѣла* или *бѣль, вѣверица* и др., не говоря об оружии.

Заслуживает особого внимания слово *цѣна*, которое в Пов. вр. л. встречается только в текстах договоров. Приведем примеры: аще полонѧникъ ѡбою страну дѣржим есть. или ѿ Руси или ѿт грѣкъ. проданъ в ину страну. ѡже ѡбращетьс или русинъ или грѣчинъ. да не купѧть и възвратѧть и скупленое (Р.: искупное) лице въ свою страну. и възмут *цѣну* его купѧщии. или ѧмниться въ куплю на дань (Р. надню, А. не данъ) челадинаꙗ *цѣна*. тако же аще ѿ рати ꙗтъ будеть. да ѿ тѣхъ грѣкъ тако же да възвратитса въ свою страну и ѡдана будеть *цѣна* его. ꙗко же рѣчно есть. ꙗко же есть купла (Ип. 14—14 об., Л. нет).

В этом примере речь идет об установленной стоимости, или выкупной цене пленника. Пленные рассматриваются как предмет торговли и ниже упоминается, что пленники «продаемы бывают по .к. золота» (Ип. 14 об.). В договоре Игоря читаем: аще оускочить челадинъ... аще ли не ѡбращетса. да на роту идуть... ти тогда взимають ѿ насъ *цѣну* свою. ꙗкоже оустановлено есть

[11] *Срезневский III*, стб. 60.
[12] Slovník jaz. stsl. II, стр. 47.

преже. .в. паволоцѣ за чаладинъ (Ип.: челадинъ) — Л. 12 об., Ип. 19 об.); аще ли оукраденое ѡбращетьсѧ предаемо (Ип.: продаемо). да вдасть *цѣну* его сугубо (Л. 12 об., Ип. 19). Здесь речь опять о стоимости украденной вещи: вор, продавший вещь, должен заплатить цену вещи вдвойне. Еще пример: аще ли купилъ и (т. е. пленника. — *А. Л.*) (в Л. нет *и*) буде (Ип. буд(ед)-ет) грьчинъ подъ хсмь (Ип. крстомъ). достоить ему да возьметь *цѣну* свою (последнего слова нет Ип.). елико же далъ будеть на немь (Л. 13, Ип. 20). Здесь о том, за какую цену купил пленника, такую же и должен получить купивший.

Как видно, в договорах речь идет только о выкупной цене пленника, причем в договоре Олега установлено за него 20 золотников, а Игоря 10 золотников, а челядин — в две паволоки.

По всей видимости, в договорах словом *цѣна*, как и в памятниках ст.-слав. письменности, переведено греч. ἡ τιμῆ. В евангелиях Мф. XXVII, 6 и 9 речь идет о 30 сребрениках, за что Иуда продал Христа, и эта сумма называется там **цѣна кръве**. Любопытно, в Сав. в отличие от других Мф. XX, 1—2 читается: **нѧтъ дѣлатель винограду своемоу. съвѣщавъ же цѣнѫ по сребрьникоу**; а Ас., Остр., Мар. Зогр.: **съвѣштавъ же съ дѣлатѣлъı. по пѣнѧсоу на день**; там же 7 Сав. **идѣте и въı въ виноградъ мои. и еже бѫдетъ цѣна приметѣ**; в других: **еже бѫдетъ правьда**; да и в Сав. там же 4: **еже бѫдетъ правьда**, греч. 4 и 7: ὅ ἐὰν ᾖ δίκαιον. Перевод приведенного греческого текста как: **еже бѫдетъ цѣна** является вольным, а не дословным, как в других упомянутых евангелиях. Текст Сав.: **съвѣщавъ же цѣнѫ по сребрьникоу** в сравнении **съвѣштавъ же... по пѣнѧсоу** кажется первичным, но так ли это, пока неизвестно.

В других памятниках словом **цѣна** переведено греч. ἡ τιμή. При этом во всех примерах, кроме приведенных из Сав., Мф. XX, 1—2 и 7 слово **цѣна** употреблено по отношению к человеку, ср.: **Продастъ людı своѭ бес цѣнъı** (Син. пс. XLIII, 13, см. также: XLVIII, 9, LXI, 5; Син. тр. 49а, 22; Клоц. 5б, 30, 31; 6а, 10—11, то же Супр. 415, 11; Ен. ап. 3а, 4).

Как отметили, в других частях Пов. вр. л. кроме договоров, слово *цѣна* ни разу не встречается, также в Рус. Пр. лишь в отдельных списках XI—XVI вв. появляется слово *цѣна*. Так, ст. 59 в списке 1282 г. читается: Аже гснъ переѡбидить закоупа. а оувѣдить вражду (вар.: оуверединть *копу* (*купу*), оуверединть *цѣну*) ѥго ... то ѥмоу воротити (вар. все воротити) (л. 623 об.). Ст. 111 в списке 1282 г. читается: [В] *даче* (вар: а въда *цѣну*) не холопъ, ни по хлѣбѣ роботать. ни по придатьцѣ нъ ѡже не доходать года. то ворочати ѥмоу мсть (л. 62 об.).

Как видно, в XV—XVI вв. древнерусское слово *копа* ‘размер условленного заработка’ стало непонятным, поэтому оно заменилось словом *цѣна*. Таким же образом и *дача* ‘плата’ в указанное время заменяется тем же словом *цѣна*. Отметим еще то, что

в отличие от Пов. вр. л. Новг. I лет. много раз обращается к теме продажи и покупок, тем не менее в этой летописи ни разу не употреблено слово *цѣна*, ср.: и въздорожиша все по търгоу. и хлѣбъ и мѧса. и рꙑбꙑ и ѿтолѣ ста дороговь. коуплѧхоу хлѣбъ по в. коунѣ. а кадь ржи по .г. грвнѣ. а пшеницю по .е. грвнъ. а пшена по .з. грвнъ. и так ста по .г. лѣт (л. 104 об); осминъка ръжи по грвнѣ бѧше (л. 12); на тоуж зимоу бꙑс дорогъвь оже коуплѧхоу по двѣ ногатѣ хлѣбъ. а кадь ръжи по .г. грвнъ (л. 49) и т. п.

В древнерусских оригинальных сочинениях слово *цѣна* употребляется у авторов, пишущих преимущественно на религиозно-христианскую тему. Приведем примеры: *цѣноу* же евангелиꙗ сего ѥдинъ бъ вѣдаѥ (Запись Наслава на Мстисл. ев. до 1117 г. — Материал ДРС); повелѣша лихомъ бꙑти *цѣнꙑ* тоѣ ... (Сказ. БГ. л. 21 г.); начатъ бо пещи проскоурꙑ и продаꙗти. и ѥже аще прибоудѧше ѥмоу *къ цѣнѣ* то дадѧше нищимъ. *цѣною* же пакꙑ коушаше жито. и своими роукама измълъ пакꙑ проскоурꙑ твораше (ЖФП. л. 29б); приде же и Никодимъ, несꙑи съмѣшенꙋ измюрно и алоино достоино *цѣнꙑ* литръ. .р. (Кирилл Туровский, — Материал ДРС); *цѣноу* многоу соли да ѿѥм оу черньца продавеⷰ... (Киево-Печер. пат. сп. 1406 г., л. 174б — Материал СДР). Встречается слово *цѣна* в двух берст. гр. № 227 XII—XIII в., где читаем А торогоуи не вь тамо по *цене* шити ро...; № 235 XII в.: А ѧ... о... о *цене* жѧдко[13]. В первом примере из грамоты № 227 ясно: търгоуи... по *цѣнѣ*; а во втором примере непонятно, о какой цене идет речь.

Итак, в оригинальных памятниках древнерусской письменности, в которых в той или иной степени отражается восточнославянская разговорная речь, слово *цѣна* не употребляется. Наоборот, в сочинениях на религиозно-христианскую тему это слово употребительно. Установлено, что слово *цѣна* того же корня, что и *каꙗти* ‘порицать, осуждать’. *Цѣна* < **kaі-na* признается древнейшим образованием, находящим точные соответствия в лит. *kaina* ‘награда’, ‘цена, стоимость’, греч. ποινή ‘выкуп’, ‘награда’; ‘возмездие, наказание, кара’, др.-иран. *kaena* ‘отплата, месть, кара’ и т. п.[14] Глагол же *цѣнити* — отыменный, которому в русском языке соответствует ‘каять, порицать, осуждать’, ср.: ту нѣмци и вѣнедици, ту греци и морава поють славу Святославлю, *кають* князя Игоря (Сл. и Иг.); ста-

---

[13] *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, стр. 49 и сл.; 56 и сл.

[14] *A. Meillet*. Études, стр. 442; *Berneker I*, стр. 124; *Sławski I*, стр. 55; *Machek*, стр. 56; *Vasmer* IV, стр. 298; *Ж. Ж. Варбот*. О некоторых характеристиках суффиксального именного отглагольного словообразования в праславянском языке (на материале древнерусского языка). «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 109.

рого не бьют, мертвого не *кают* [15]. В диалектах зафиксировано *ценить* (псков., твер.) ‘осуждать, осмеивать’ [16]; *ценить, расценить* (псков., сарат.) ‘бранить, ругать’ [17], ср. еще: Уж он яво *цанил, цанил*, а он таво беднава жалко стало [18], т. е. ‘бранил, бранил’. Трудно сказать, является слово *ценить* в приведенных примерах древним наследием или местным переосмыслением литературного *ценить* ‘давать оценку’. Показательно, что в памятниках ст.-слав. письменности глагол **каити** не зафиксирован [19], а приставочный **окаити** по значению ‘сожалеть’ — не первичный, ср.: **кгда бо оузѣритъ богатаго оубогыи. въ многоцѣннѫ одеждѫ одѣна. оустрѣленъ бъıстъ печалыѫ. окаялъ себе** (Супр. 492, 27—30), греч. ταλαντίζειν.

Считается установленным, что развитие семантики слова *цѣна* шло таким образом: первоначально оно обозначало: ‘осуждение’; ‘наказание, месть’, потом — ‘искупление злодеяния установленным размером выкупа’ и наконец ‘стоимость’ вообще [20]. В Рус. Пр., как известно, зафиксирована как правовая порма кровная месть, которую во 2-й пол. XI в. сыновья Ярослава Владимировича, как сказано: **Ѡложиша оубиениѥ** за головоу. нъ коунами **сѧ** вькоупати (л. 615 об.). Этот выкуп, или штраф именовался *вира*, если преступлением было убийство, и *продажа*, если нанесены только увечья или оскорблена честь сана. Таким образом, при обозначении упомянутых преступлений и соответствующего ему наказания в древнерусской действительности слово *цѣна* отсутствовало. Не употреблялось оно и для обозначения размера условленного для наемного работника заработка, который обозначался, как могли убедиться, словом *копа*, а также для определения размера платы за что-либо, которая обозначалась словом *дача*. Всем этим, думаем, объясняется отсутствие слова *цѣна* в древнерусских оригинальных памятниках письменности, непосредственно не связанных с христианской тематикой. Как видели, памятники ст.-слав. письменности употребляют слово **цѣна** как для обозначения стоимости человека, так и вещи, в тех же значениях это слово фигурирует и в договорах Олега и Игоря, а также в оригинальных древнерусских памятниках письменности церковного содержания. По данным картотек Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (СДР) и Краткого словаря древнерусского языка XI—XVII вв., лишь с XV в. слово *цѣна* начинает употребляться в памятниках деловой письменности, в связи с этим оно вводится и в списки Рус. Пр. взамен ставшего непонят-

---

[15] Другие примеры см. *В. Л. Виноградова.* Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2. Л., 1967, стр. 180 и сл.
[16] ДОП, стр. 297.
[17] Опыт, стр. 253.
[18] *В. Василевский.* Этнографическая заметка о Курской губернии. 1849 г. РГО, XIX, № 13, л. 15 об.
[19] Slovník jaz. stsl. II, стр. 18 и сл.
[20] *Berneker I*, стр. 124; *Vasmer III*, стр. 288 и сл.

ным слова *копа*. Вопреки установившемуся мнению, что слово *цѣна* общеславянское, поэтому оно может рассматриваться в любом из современных славянских языков как праславянское наследие, мы должны констатировать, что по отношению к древнерусской действительности такое мнение трудно подкрепить фактами. Создается впечатление, что в памятниках древнерусской письменности слово *цѣна* — церковнославянизм.

Платити должно относиться к словам, связанным с торговой лексикой. Однако в Пов. вр. л. и других оригинальных памятниках древнерусской письменности этот глагол употребляется большей частью по отношению к дани, ср.: рѣша козари *платите* намъ дань (Л. 6, Ип. 7 об.); и мы сѣдимъ. *платѧче* дань . . . козаромъ (Л. 7 об., Ип. 9); (Олегъ) . . . не дастъ имъ козаромъ дани *платити* (Ип. даѧти) (Л. 8об., Ип. 10); а прокъ их (т. е. древлян — *А. Л.*) (о)стави *платити* дань (Л. 17, Ип. 23 об.); Радимичи. . . *платѧть* дань Руси (Л. 27, Ип. 33). В договоре Олега читаем: и да творѧт куплю ѣкоже имъ надобѣ. не *платѧче* мѧта ни в чемь же (Ип. 12, Л. нет); в договоре Игоря: аще ли кто покуситсѧ ѿ Руси взѧти что. ѿ людии црства вашего. иже то створить. покажненъ будеть вельми. аще ли взѧлъ будеть. да *заплатить* сугубо (Л. 12 об., Ип. 19 об.); аще оударить мечемъ или копьемъ или кацѣмъ любо ѡружьемъ. русинъ грьчина. или грьчинъ русина. да того дѣла грѣха *заплатить* сребра литръ. е. по закону рускому (Л. 13 об., Ип. 20 об.). В Рус. Пр. (к)отораѧ ли вьрвь начнеть *платити* дикоую вироу. колико лѣт *заплатѧть* тоу вироу. зане безъ головника имъ *платити* (ст. 4, л. 616). В берст. гр. № 115 XII в.: шьсть гр. . . *плати*. а вире *не плати*.

Таким образом, глаголом *платити*, *заплатити* обозначается определенный установленный законом взнос (дань), штраф за преступление и т. д. Кроме этого, словом *платить* обозначается и возврат занятой суммы, взятой взаймы; ср.: Аже латининъ дасть кнѧжю хълопоу. въ заѥмъ . . . а оумрете не *заплативъ*. а кто ѥмльть ѥго ѡстатъкъ. томоу *платити* немчиноу (Смол. гр. 1229 г.).

Употребительно и существительное *платежь* в значении ‘пеня’ [21].

В этимологической литературе преобладает мнение, что *платити* от *платъ*, имеющего свои производные *платъкъ*, *платьно* и т. д. Развитие значения *платити* первоначально восходит к оценке продаваемого куском полотна. В таком случае основа *плат-* должна быть южнославянской или чехо-моравской. К *платъ* отсутствует восточнославянская форма **polotъ*, а имеется только форма *полотьно* притом фиксирующаяся только в значении ‘ткань’, ‘кусок полотна’, не говоря о том, что в восточнославянских языках отсутствуют формы глагола от основы polot-.

---

[21] *Срезневский II*, стб. 954 и сл.

Памятники ст.-слав. письменности не фиксируют глагола **платити, заплатити, отъплатити** и т. д., в евангелиях всего два раза и то только в тетрах употреблено **платъ** в значении 'заплатка', ср.: **никтоже бо не приставлѣатъ. приставлениѣ. плата не бѣлена ризѣ вѣтъсѣ** (Мф. IX, 16 Мар., Зогр. нет.); то же Мк. II, 21 (Мар., Зогр.); **опона цръкъвьнаа на платъı раздъра сѧ** (Супр. 475, 15—16), в евангелиях и Супр. словом **платъ** переведено греч. ῥάκος 'тряпье, лоскут'.

В Киев. л. читается: **бжди тебѣ въ хвалж: а намъ молітвамі іхъ достоіное отъплати** (л. 7 б, 1—4), перевод лат. reddantur; в Син. тр.: **вѣчьнъıхъ твоихъ благъ. въсплащение даѭ имъ** (13б, 6—8), греч. τὴν ἀντάμειψιν 'возмещение'. Помимо этого, **въсплатити, въсплачение, въсплатъ, отъплащение** зафиксировано в Беседах папы Григория (Двоеслова) на евангелие [22], а **заплатити**— в Никодим. ев.[23]

В евангелиях, псалтыри и других памятниках ст.-слав. письменности старших списков, за исключением Киев. лл., глагол от основы **плат-** не зафиксирован, вместо него всюду и выдержанно употребляется **въздати, въздаѭти, въздание** [24]. В такие памятники письменности, как Киев. лл., Беседы папы Григория, Никодим ев. **отъплатити, въсплатити, въсплачение** и другие могли быть включены во время перевода их в Моравии или Чехо-Моравии. Возможно, что на той же территории в Син. тр. могло войти **въсплащение**, образованное от **въсплатити** так же, как **въздание** от **въздати**. При этом остается открытым вопрос: каким образом на Руси стали употребляться так широко и как обычные слова *платити, заплатити, отъплатити* и т. д., если корень их восходит к **pelt-* / **polt-*? Почему в таком случае на восточнославянской почве от этого корня имеется только *полотьно*? Если в памятниках древнерусской письменности *платити, платъ, платъкъ* и другие представляют формулу *tlatъ*, то в этом случае следует признать их изустным заимствованием из чехо-моравского языка, а не из памятников старо- и церк.-слав. письменности.

По свидетельству Ибрагима Ибн-Якуба, побывавшего в г. Праге в середине X в., немецкого хрониста XII в. Гельмольда (Helmold), описавшего жизнь славян на о. Руяна, по р. Фульда и др., в указанное время, в западнославянских краях широко применялись куски ткани, полотна как платежное средство [25]. В латинских текстах при описании славянской торговли наряду с *sindon, lodix, pannus* в тех же значениях употребляются и славянские *palta, paltena, phalta, phaltena, phaltina*, которые означают либо 'кусок полотна, ткани', либо 'стоимость товара' [26].

[22] Slovník jaz. stsl. I, стр. 331.
[23] Там же, стр. 652; *A. Vaillant.* L'évangile de Nicodème. Genéve—Paris, 1968, стр. 34.
[24] Slovník jaz. stsl. I, стр. 262—264.
[25] *Л. Нидерле.* Славянские древности. М., 1956, стр. 363; *J. Pošvař.* Planto jako platidlo u slovanů. Slavia, 1962, roč. XXXI, s. 3, стр. 456—459.
[26] *J. Pošvař.* Указ. соч., стр. 456 и сл.

Эти данные свидетельствуют о том, что глагол *platiti*, являясь отыменным, действительно содержит в своем составе *plat-* < **polt-* 'полотно', 'кусок полотна'. В этом нет ничего удивительного, поскольку первоначальная торговля сводилась к натуральному товарообмену. В этом обмене, как показывают факты, полотно и меха имели преимущество, постепенно превращаясь в общее платежное средство.

Написание *phalt-* наряду с *palt-* отражает немецкую аспирацию в произношении славянского слова.

Приведенные факты показывают, что пол. и в.-луж. *płacić* и н.-луж. *płaśić* являются не собственными, а заимствованными из чехо-моравского, поскольку они отражают фонетическую черту последнего *tlat* вместо ожидаемого *tlot*.

Таким же образом и др.-рус. *платъ*, *платъкъ*, *платити* следует считать восходящими к тому же источнику, что и соответствующие пол. и луж. слова. Терминологизацией глагола *платити* объясняются сочетания слов: *платити дань*, *платити мѣ|то*, *платити виру*, *заплатити литръ серебра*, *платити шесть гривьнъ*, *платити сугубо* и т. п.

Ф. Копечный, исходя из русского произношения *плачу́* — *пло́тишь*, *пло́тит*, полагает, что такое произношение указывает на то, что *пло́тишь* произошло из **полотишь*. Это мнение ошибочное, потому что произношение *плачу́* — *пло́тишь* возникло аналогически под влиянием таких соотношений: *кашу́* — *ко́сишь* (орфогр. *кошу* — *косишь*), *нашу́* — *но́сишь*, *посажу́* — *посо́дишь*, *хажу́* — *хо́дишь* и т. п.[27]

Мѣ|то в значении 'торговая пошлина' является словом, характеризующим торговые отношения. В Пов. вр. л. это слово представлено единственным примером в договоре Олега, где читаем: приходѧщии Русь ... да входать в городъ ѡдинѣ|ми воротѣ|. съ ц҃ревѣ|мь мужемъ безъ ѡружьꙗ ... и да творѧ҇т куплю ꙗкоже имъ надобѣ. не платѧче *мѣ|та* ни. в чемъ же (Ип. 12 об., Р.: не платит҇ 16, Л. нет). Сборщик мыта, в отличие от памятников ст.-слав. письменности, в которых он назывался **мѣ|тарь** или **мѣ|тоимьць**, в древнерусской деловой литературе назывался *мѣ|тьникъ*. Оба слова *мѣ|то* и *мѣ|тьникъ* широко употребительны в древнерусской правовой и деловой литературе[28], употребление их не зависит от памятников старо- и церк.-славянской письменности. В памятниках же ст.-слав. письменности весьма неустойчиво употребление слов **мѣ|то** и **мѣ|тарь**, поскольку они часто заменяются другими. Кроме того, слово **мѣ|то** встречается только два раза в Син. пс. **Мѣ|то** признается заимствованным из др.-в.-н.

---

[27] Примечание Ф. Копечного к указанной статье Я. Пошваржа. — См. Slavia ročn. XXXI, s. 3, стр. 459; *Machek*[2], стр. 455; *А. А. Шахматов.* Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925, стр. 82.

[28] *Срезневский II*, стб. 219—221.

совр. нем. *taut*[29]. Может быть и *мѣто* на Русь пришло из западнославянских языков?

Из названия денежных единиц в Пов. вр. л. встречается *гривьна*, *скотъ*, *куна*, *щьлагъ*, не зафиксирована *ногата*, встречающаяся в Рус. Пр., Новг. I лет и др. В договорах записаны: *золото*, *золотьникъ*, *златьникъ*, *сьребро*, *литръ*. Помимо того, в качестве денежных единиц фигурировали еще *вѣкъша*, *вѣверица*, *бѣль*, *рѣзана*.

Многие из перечисленных слов свидетельствуют о том, что упомянутая денежная система восходит к так называемому натуральному товарообмену. В договоре Игоря так и записано: взимають ѿ насъ цѣну свою такоже оустановлено есть преже. *в. паволоцѣ* за челядинъ (Л. 12 об., Ип. 19 об.); аще оударить мечемъ или копьемъ. или кацѣмъ любо оружьемъ... да того дѣла грѣха заплатить *сребра литръ е.* по закону русскому (Л. 13 об., Ип. 20 об.) и т. д.

Остановимся на каждом слове отдельно.

Гривьна: оустави варагом дань дати ѿ Новагорода *гривенъ .т.* на лѣт (Ип. 9., Л. 8 об.); начаша скотъ събирати ѿ мужа по .д. куны а ѿ старостъ по .і. *грив.* а ѿ бояръ по .ри. *грив.* (Л. 49, Ип. 54). Помимо этого, интересующее слово употребляется в значении украшение ср.: Борисъ бѣ бо възложилъ на нь (отрока Георгия. — *А. Л.*) *гривну* злату велику ... Георгеві же сему не могуще вборзѣ снати *гривнъі* съ шиѣ. оусѣкнуша главу его. и тако снаша (гривну). (Л. 46, Ип. 54). Установлено, что первоначальным значением слова было 'ожерелье, украшение', а 'монета' — вторичное[30]. Встречающееся в Рус. Пр. *гривьна* имеет значение денежной единицы, развившейся из *гривьнъі* как меры веса, равного — в Киеве 72 золотникам, а в Новгороде — 96[31].

Памятники ст.-слав. письменности этого слова не знают, в старославянском словаре оно приведено только из бесед папы Григория (Двоеслова) на евангелие списка XIII в.[32] Не может быть сомнения в том, что *гривьна* в Пов. вр. л. — восточнославянское слово. На Руси *гривьна* как денежная единица употреблялась почти до наших дней. *Золото* и *сьребро* в Пов. вр. л. зафиксировано как денежная единица только в договорах, где указывается на определенный их вес при оплате, ср.: и еще же и ѿ хрстиан полонныхъ ... продаеми бывают. по *.к. золота* (Ип. 14 об.); за то оударение или оубьение да вдасть *литръ .е. сребра* (Ип. 13 об.), а в договоре Игоря заплатить *сребра литръ .е.* (Л. 13 об., Ип. 20 об.).

[29] *Фасмер III*, стр. 26; *Machek*[2], стр. 38, и др.
[30] *Berneker I*, стр. 352; *Sławski I*, стр. 374 и сл.; *Фасмер I*, стр. 368; *Machek*, стр. 149, и др.
[31] *Е. Ф. Карский.* Русская Правда по древнейшему списку. Л. 1930, стр. 149 и др.
[32] Slovník jaz. stsl. I, стр. 434.

Златьникъ, золотьникъ как название денежной единицы употреблено в договорах, ср.: не имѣють волости купити паволокъ лише по *.н. золотникъ* (Л. 12, Ип. 19 об.); елико хсѣланъ ... плѣнена приведуть Русь ту. аще будеть оуноша или дѣвица добра да вдадать *златникъ .і.* и поимуть и... аще ли будеть старъ или дѣтець. да вдасть *златникъ .е.* (Л. 12 об. — 13, Ип. 20) и т. п.

Супр. знает **златикъ** и **златица**, которыми переведены греч. νομίσμα 'монета' и ὀχρύσινος 'золотая монета'; в этих же значениях в ЖК зафиксировано **златникъ**[33]; в Словаре И. Срезневского последнее слово приведено из ряда памятников церк.-слав. письменности[34]. Это слово в тексте договоров следует рассматривать как церковнославянизм, а ее полногласная форма не может служить доказательством того, что оно восточнославянское: полногласная форма появилась тут в результате приспособления слова писцом к родному произношению. Такие случаи не единичны[35]. Правда, встречаются сочетания слов *гривьна золота*[36]. Слово *золотникъ* как мера зафиксировано в берст. гр. № 288, датируемой XIV в., где читаем: *золотнике* зелоного шолкоу.

Что же касается серебра, то оно в качестве денежной единицы зафиксировано у нас не позднее начала XII в.[37], а в памятниках ст.-слав. письменности в переводе греч. ἀργύριον наряду с **сѣребрьникъ** употребляется и **сѣребро**, ср.: **а приемъı єдинъ (таланътъ. — *А. Л.*). шѣдъ раскопа землѫ і сѣкрътı сѣребро гна своєго** (Мф. XXV, 18 Мар.); **сѣребра своєго не дастъ вь лiхвѫ** (Син. пс. XIV, 4); **Помани кънижъникъı не съмѣвъшаѧ възати. сѣребра цѣнъı єго** (Син. тр. 49 а, 21—22) и т. п.

Нет оснований относить *сѣребро* в значении денежной единицы к церковнославянизмам в древнерусской деловой письменности, в том числе и в берст. гр., в которых оно встречается часто. По всей видимости *сѣребро* в значении денежной единицы было общеславянским.

Щьлѧгъ как название денежной единицы в Пов. вр. л. зафиксировано дважды: посла къ радимичемъ. рька камо (Ип.: кому) дань даете. ѡни же рѣша козаромъ. и реч имъ Ѡлегъ не даите (Ип.: даваите) козаромъ. но мнѣ даите. и вѣдаша Ѡльгови по *щьлѧгу* (Ип.: *щелѧгу*). ꙗкоже козаромъ даху (Ип. даꙗху). (Л. 8 об., Ип. 10); и реч (Святослав — *А. Л.*). вѧтичемъ. кому дань даете. ѡни же рѣша козаромъ по *щьлѧгу* (Ип.: *щелѧгу*). и ѿ рала даемъ (Л. 19, Ип. 25 об., Н. 37). Это слово зафиксировано и в других памятниках письменности[38]. Думается прав М. Фасмер, признающий

[33] Slovník jaz. stsl. I, стр. 674 и сл.
[34] *Срезневский I*, стб. 984.
[35] Там же, стб. 996.
[36] Там же, стб. 590.
[37] *Срезневский III*, стб. 335 и сл.
[38] Там же, стб. 1615 и сл.

щьлѧгъ словом, заимствованным из др.-сканд. *skillingr*[39]. Позже, видимо, под влиянием пол. *szeląg* слово пишется *шелѧгъ*.

Показательно, что слово *щьлѧгъ* употребляется по отношению радимичам и вятичам, т. е. к бывшим северо-западным и северо-восточным племенам по отношению к Киеву. В указанных местах действительно могло быть в употреблении скандинавский *skillingr*.

Скотъ: начаша *скотъ* събирати. ѿ мужа по .д. кунꙑ. а ѿ старость по .л. грив. а ѿ боꙗръ по .ис. грив. и приведоша варѧгꙑ. (и) вдаша имъ *скотъ* (Л. 49, Ип. 54). Перед этой цитатой рассказывается о новгородских событиях 1018 г., когда Ярослав, потерпев поражение от Святополка с Болеславом, хотел из Новгорода убежать за море, но новгородцы не пустили его. В Пов. вр. л. нет более места, где употреблялось бы слово *скотъ* в значении денежной единицы или вообще денег. Видимо, в следующей цитате из Поучения Вл. Мономаха *скотъ* употреблен в значении денежной единицы: мировъ есмъ створилъ с половечьскꙑми кнꙗзи. безъ ѡдиного .к. ... даꙗ *скота* многа. и многꙑ порты своѥ (л. 82 об.). В Рус. Пр. в ст. 15, 16, 18, 47 слово *скотъ* употреблено в значении денежной единицы. Нет ничего удивительного в том, что *скотъ*, бывший предметом натурального товарообмена, стал названием денег.

В памятниках ст.-слав. письменности отсутствуют примеры, в которых слово **скотъ** было бы употреблено в значении деньги; в них этим словом переведены греч. τὸ κτῆνος, τὰ θρέματα, τὸ ζῶον, τὸ ποίμνιον.

Таким образом не вызывает сомнения то, что древнерусское *скотъ* в значении ‘деньги’ независимо от памятников ст.-слав. письменности. Вообще происхождение слова *скотъ* до сих пор бесспорно не выяснено, потому что невозможно бесспорно обосновать ни заимствование этого слова славянами из германского, ни заимствование германцами — из славянского[40]. В. Махек, допускавший, что не исключено, что и германцы и славяне заимствовали слово из третьего языка, носители которого обитали в Европе до поселения там германцев и славян, во втором издании своего словаря уже признает, что поскольку не удалось доказать собственно германское происхождение слова *skatta*, то собственно славянское происхождение *скотъ* из *stok-* < **tek-* ‘добыть, приобрести’ несомненно, о чем свидетельствует с.-хорв. *stoka* ‘имущество, собственность, богатство, скот, стада домашних животных’[41].

Однако вопрос этот ожидает дальнейших разысканий, так как с.-хорв. *stokъ* может быть из *skotъ*.

[39] *Фасмер IV*, стр. 508.

[40] *Преображенский II*, стр. 310; *Фасмер III*, стр. 655; *В. В. Мартынов.* Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963, стр. 183 и сл. — Упомянутые авторы учитывают всю существующую по данному вопросу литературу.

[41] *Machek*[2], стр. 548.

Далее, по мнению В. Махека, древнерусское значение этого слова 'деньги' является вторичным заимствованием русскими из северогерманских языков [42]. При наличии в древнерусском языке *щьлагъ* из *skillingr* вполне вероятно и вторичное заимствование из скандинавских языков слова *скотъ* в значении 'деньги'.

Куна в Пов. вр. л. употреблено в 3-х значениях:

1. 'мех'. поча Олегъ воевати деревлѧнѣ и примучи вои (Ип.: и примучив ѣ) имаша на них дань по *чернѣ кунѣ* (Л. 8 об., Ип. 10).

2. 'название денежной единицы', как установлено, равной 1/25 гривны: начаша скотъ събирати. ѿ мужа по .д. *кунѣ*. а ѿ старость по .л. грив. (Л. 49, Ип. 54); дворъ же кнѧжь разграбиша бесчисленоѥ множьство злата и сребра *кунами* и бѣлью (Ип. скарою. — Л. 58, Ип. 63 об.), здесь, возможно, злато и сребро-денежными знаками, называемыми кунами и бѣлью. Писец Ип., видимо, не поняв текста, заменил бѣлью словом скарою, т. е. скорою мехом.

3. 'деньги вообще': рѣша варѧзи Володимеру ... хочемъ имати ѡкупъ ... по .в. гривнѣ ѿ чл҃вка. и рече Володимеръ пождѣте даже вы *кунѣ* сберуть за мсць (Л. 25, Ип. 31); Стополкъ же ѡканнѣи нача кнѧжити Кѣевѣ созвалъ люди нача даѧти ѡвѣмъ корзна а другѣм *кунами* (Л. 48, Ип. 53) и т. д. Последнее значение было известно уже в XI в., о чем свидетельствует запись в Рус. Пр.: (П)о Ирославѣ же пакѣ съвъкоупивъшесѧ сне҃ве ѥго. Изѧславъ. Стославъ. Всеволодъ. .. ѡложиша оубиѥние за головоу. нъ *коунами* сѧ вѣкоупати (л. 615 об. То же читаем в берст. гр. № 109, датируемой стратиграфически 2-й пол. XI в.: а тѣ атче еси не възалъ. *коунъ* техъ. а не емли ничътоже оу него; ср. еще: вьдале есмь гюрьгевичоу без девѧти *коунъ*. .в. гривнѣ (берст. гр. № 119, датируемая рубежом XI—XII вв.). Здесь, как видно, *коуна* употреблено как название монеты.

Памятники ст.-слав. письменности не знают слова **коуна**, оно встречается лишь в отдельных памятниках церк.-слав. письменности, притом большей частью как название куницы. И. Срезневский приводит цитату из Пандектов Антиоха (неизвестно, списка какого века?): **куѫнѣı твои не даси въ лиχвѣ** [43] ср.: **сребра твоего да не дастъ въ лиχвѣ** (Левит XXV, 36); **сѫребра своего не дастъ въ лiχвѫ** (Син. пс. XIV, 4). По-видимому, **куѫнѣı** вместо **сѫребра** в приведенной цитате — поздняя замена второго первым на русской почве. В целом, едва ли может вызвать сомнение такой вывод: *коуна* — 'монета' и *коунѣ* — 'деньги' получили свои значения на восточнославянской почве.

Коуна более чем убедительно указывает: то, что когда-то являлось предметом натурального обмена, в дальнейшем превра-

---

[42] *Machek*, стр. 448; *Machek*[2], стр. 548.
[43] *Срезневский III*, стб. 1365.

тилось не только в название отдельной денежной единицы (монеты), но и денег вообще. Рядом с *гривьна* слово *кoуна* было весьма употребительным [44].

Единичны в Пов. вр. л. слова *вѣверица* и *бѣль*, также являвшиеся названием мелкой монеты, ср.: а козари имаху на полѧнѣх, и на сѣверѣх и на вѧтичѣхъ имаху по *бѣлѣ* и *вѣверицѣ* (Ип.: по бѣлѣ. и вѣверищѣ) ѿ дыма (Л. 7, Ип. 8 об.); дворъ же кнѧжь разграбиша бесчисленное множьство злата и сребра кунами и *бѣлью* (Ип.: скарою. — Л. 58, Ип. 63 об.). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что писцы XIV—XV вв. не понимали, что значит слово *бѣль*, поэтому в Л. в первом примере оно превращено в определение к *вѣверицѣ*, а во втором примере в Ип. *бѣлью* заменено *скарою*.

Словарная статья *бѣль* И. Срезневским иллюстрируется немногими примерами без определения значения этого слова. Более ясно значение *вѣверица* ‘денежная единица’, восходящая к названию белки. В Рус. Пр. не употреблены ни *бѣль*, ни *вѣверица*, но там в значении денежной единицы находим *вѣкъша*, ср.: а метелникоу .*вi*. *векши* (ст. 9 л. 616 об.); а метелникоу .*в*. *вѣкошь* (ст. 107, л. 622 об.).

Происхождение слова *вѣкъша* бесспорно не выяснено. О. Н. Трубачев допускает, что слово могло быть заимствовано из финно-угорского или чувашского [45]. В. Г. Егоров, наоборот, считает, что чув. *вакша* ‘белка’ «заимствовано верховыми чувашами в древнее время из русского языка: *векша* ‘белка’; низовые чуваши губно-зубной звук *в* заменили зубно-губным *п*» [46].

Чув. *вакша* нетрудно объяснить из рус. *вѣкъша*, так как по закону сингармонизма последнее в чувашском будет звучать как *вакша*, но из последнего вывести рус. *вѣкъша* невозможно. Против чувашского источника слова свидетельствует и ударение: *вéкша*.

Рядом с общеславянским *вѣверица* только др.-рус. *вѣкъша* похоже на заимствованное слово, однако язык, из которого оно перенято, пока остается неясным. Случайным нужно считать отсутствие в Пов. вр. л. названий монет *ногата* и *рѣзана*. Примеры на употребление слова *ногата*, равного 1/20 гривны: вирьникоу взѧти .з. вѣдеръ солодоу на недлю. оже ѡвьнъ. любо полоть. или .*в*. *ногатѣ* (Рус. Пр., ст. 9, л. 616 об.); коуплѧхоу по *ногатѣ* хлѣбъ (Новг. I лет. л. 10 об.); коуплѧхоу кадь ръжи по .д. грвнѣ. а хлѣбъ по .в. *ногатѣ* а медъ по .і. коунъ поудъ (там же, л. 37) и т. п.

---

[44] *Срезневский III*, стб. 1364—1367.
[45] *Фасмер I*, стр. 287.
[46] *В. Г. Егоров*. Указ. соч., стр. 142.

Полагают, что *ногата* восходит к половц. *nagat*, в Codex Cumanicus зафиксировано, видимо, в неточной передаче *nagt* 'pecunia' [47].

Рѣзана: и стоꙗ всѣ лѣт. осмьнъка великаꙗ по .з. *рѣзан* (Новг. I лет. л. 19 об.). [48] Поскольку в поздних списках Рус. Пр. *ногата* заменяют словом *рѣзана*, по-видимому, последнее и появилось на русской почве как отглагольное имя от *рѣзати — рѣзана*, по типу: *таити — таина*, **poi-ti — пѣна*, *kai-a-ti — цѣна* и т. п.

Проведенные наблюдения позволяют констатировать:

1. Древнерусская торговая лексика, отраженная в Пов. вр. л., мало зависима от словарного состава памятников ст.-слав. письменности. К бесспорным церковнославянизмам можно отнести *коуплꙗ* 'торговля', *коупьць* 'торговец', по-видимому, еще *цѣна* и *коупити*. По фонетическим признакам сюда же можно отнести *платити*, *заплатити*, но памятники ст.-слав. письменности этих слов не знают, и употребление их связано с памятниками, возникновение которых на территории Моравии или Чехо-Моравии едва ли подлежит сомнению.

2. В кругу торговой лексики имеются заимствованные слова — из скандинавских языков *щьлꙗгъ*, возможно и *скотъ* в значении 'деньги'; тюркские: *товаръ*, *ногата*, возможно, сюда же и *вѣкъша*.

Наличие этих слов в древнерусском языке свидетельствует о том, что древняя Русь, ведя широкую торговлю со скандинавцами и тюрками, усвоила отдельные названия денег и вещей из указанных языков.

3. Большинство рассмотренных слов являются восточнославянскими, представляющими по исходным данным общеславянское наследие: *търгъ*, *търговище*, *гость*, *крьноути*, *продати*, *мꙑто*, *мꙑтьникъ*, *золото*, *сѣребро*, *гривьна*, *куна*, *вѣверица*, *бѣль*, *рѣзана* и др.

---

[47] *K. Grønbech.* Komanisches Wörterbuch. Türkisches Wortindex zu Codex Cumanicus. København, 1942; *Фасмер III*, стр. 79; *Е. Ф. Карский.* Указ. соч., стр. 90.

[48] Другие примеры: *Срезневский III*, стб. 217.

Глава VII

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА

Организация военного дела и войска в Киевской Руси, а также древнерусское оружие рассмотрено историками [1]. Благодаря трудам историков и археологов, нам известны не только названия древнерусского оружия, но конкретно и все виды этого оружья. В исследованиях историков представлена и организация войска, состоящего из дружины как постоянно существующей при князе и собранных из разных мест *воев* на время того или иного ратного похода. По истечении военных действий *вои* получали соответствующую оплату, после чего они распускались по местам их постоянного жительства. Дружина — наиболее древний вид военной организации, про которую летописец рассказывает: како бѣша древнии кнѧзи и мужие ихъ, и како отбарахоу (Ру)скиѭ землѣ, инѣ странѣ придаѧхоу подъ сѧ: тѣи бо кнѧзи не збирахоу много имѣниѧ. ни творимѣихъ виръ. ни продаж въскладахоу (на) люди, но ѡже будаше праваѧ вира. а тоу возмѧ даше дружинѣ на ороужье. А дроужина его кормѧхоусѧ, воююще инѣ странѣ и бьющесѧ и ркуще: братие, потѧгнемъ по своемъ князѣ и по рускои землѣ. глаголюще: мало есть намъ, кнѧже, двоусотъ гривенъ. Они бо не складахоу на своѭ женѣ златѣихъ обручеи, но хожаху женѣ ихъ в сребрѧнѣихъ. и росплодили бѣили землю Руськую (Н. 1 — 1 об.). Описанные в цитате факты, по-видимому, относятся к строю военной демократии, точнее к периоду перехода к классовому обществу. В это время содержание дружины не ложилось еще тяжелым бременем на народ.

Период же, о котором пишет автор Пов. вр. л., в основном отражает время, когда князья собрали уже «мъного имѣниѧ», когда «на люди вскладали и творимѣіе вирѣ, дани и продажи» и т. д.

Хотя о древнерусской военной лексике написано немало [2],

[1] *Б. Д. Греков.* Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 187—222; *Б. А. Рыбаков.* Военное дело (стратегия и тактика). «История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948; *А. В. Арциховский.* Оружие. — Там же.

[2] *С. Д. Ледяева.* Русская военная лексика XI—XIII вв. (по материалам летописей). Автореф. канд. дисс. М., 1955; *Она же.* К вопросу о некоторых названиях войсковых соединений в древнерусском языке (по материалам летописей XI—XIII вв.). «Вестник МГУ. Историко-филологическая серия». М., 1959; *Она же.* К вопросу о словообразовании в системе древнерусской военной лексики. «Ученые записки Кишиневского пединститута, т. VII. (серия гуманитарных наук)». Кишинев, 1958; *Ф. П. Сороколетов.*

мы тем не менее находим нужным описать эту лексику Пов. вр. л., потому что работ, специально рассматривающих только военную лексику исследуемого памятника, нет.

1

Самыми древними, праславянскими словами из круга рассматриваемой лексики являются *вои*, *воєвати* с первоначальным значением ‘гонщики, гнать, преследовать’ [3]. Древность этих слов доказывается прежде всего тем, что в указанном значении они праславянские. Кроме того, глагол *воєвати* по типу образования является дославянским, сходным по модели с древнегреческими глаголами на -εύω, а также, с лит. *-áuti* [4]. Существительное *вои*, употреблявшееся только как pluralia tantum, так же как и греч. имена на -ηυ, в основе имел дифтонг *-ēu*. Такие имена в историческую пору славянским языкам были уже неизвестны. Только наличие этого дифтонга в основе имени *вои* объясняет форму отыменного глагола *воєвати* < **voiēu-a-ti*. Правда, в памятниках ст.-слав. письменности зафиксированы еще такие глаголы: **врачевати** от **врачь**, **гобьзевати** от **гобьзие**, **пользевати** от **пользѣ**, но эти глаголы образованы по аналогии, как мягкий вариант к глаголам на **-овати**: **ковати**, **образовати**, **совати** и т. п. Глагол же *воєвати* не подходит под категорию этих вторичных глаголов.

Сама первичная семантика слова *воєвати* ‘гнать’, ‘преследовать’; связанная, как можно догадаться, с охотой, свидетельствует об исключительной архаичности этого глагола. С течение времени произошла спецификация употребления слов *вои* — *воєвати*, сужение их значений до ‘те, кто призван сражаться’ — ‘сражаться с врагами’. В таких значениях находим их Пов. вр. л., где по списку Л. *вои* зафиксировано до 60 раз, *воєвати* свыше 25 раз, *воини* — два раза, *воина* — 3 раза, *воєвода* — 8 раз, *воєводьство* — два раза.

В Пов. вр. л., как это видно из приведенных цифровых данных, *вои* употребляется только как pluralia tantum, за исключением примеров: корсунѧне . . . крадуще сѣплемую перьсть . . . *воини* же (Ип. Р. *вои* же) присѣпаху боле (Л. 37 об., Ип. 41 об.); видиши колько *воин* (Ип., Р., А. *вои*) у брата твоего (Л. 24 об., Ип. 30 об.). Поскольку форма *воини* употреблено только в Л., то можно смело утверждать, что данная форма отсутствовала в др.-рус. речи в то время, когда составлялась Пов. вр. л. В этом отношении Пов. вр. л.

История военной лексики в русском языке. Л., 1970. — В последней работе — ссылка на остальную литературу.

[3] *Преображенский I*, стр. 90 и сл.; *Фасмер I*, стр. 334 и сл.; БЕР, стр. 172; *Brückner*, стр. 629; *Machek*[2], стр. 696.

[4] *А. Мейе.* Общеславянский язык, стр. 183; *V. Georgiev.* Die griechischen Nomina auf — ευς und baltischslavischen Verba auf — auju / -ujǫ. «Lingua poznansiensis». VIII, 1960, стр. 17—29.

не испытала влияния памятников ст.-слав. письменности, в которых употребление форм **воинъ — воини** обычно. Так, в Мар. **вои** употреблено 4 раза, а **воинъ — воини** — 13 раз. Сав. — только **воіни**, Остр. всего один раз **воꙗ** и 15 раз **воини**. Супр. — 12 раз **вои** и более 70 раз **воинъ — воини**, причем только в формах мн. ч. 64 раза.

Таким образом, в языке памятников ст.-слав. письменности зафиксирована форма сингулятива **воинъ**, от которого образованы и формы множественного числа. Говоря иначе, форма **вои** там оказалась почти вытесненной, тогда как в Пов. вр. л. форма *вои* является нормальной.

Когда речь идет о накоплении воев, употребляется два глагола *събърати* и *съвъкоуплѧти*: Ѡльга съ сы҃номъ своимъ Стославомъ. *собра* вои много (Ип. многы҃) и храбры҃. и иде на Дерьвьску (Ип. Деревьскую) землю (Л. 16, Ип. 23); Стославъ ... *собра* вои (Ип. воꙗ) и прогна печенѣги в поли (Л. 20, Ип. 26 об.); ни *сбираю* вои (Ип. людии) ни ꙗзы҃ка ни (Ип. нет) иного приведу на страну вашю (Л. 22 об. Ип. 29); Ꙗрославъ *собра* множьство вои. и взы҃де противу ємy (Сватополка. — *А. Л.*) — (Л. 49, Ип. 54) и др.; Игорь ... нача *совкуплѧти* (Ип. *съвокупити*) воѣ (Ип. вои) многи. и посла по варѧги за море вабѧ е (Ип. и) на греки (Л. 10 об., Ип. 17 об.); (Святославъ) нача вои *совкуплѧти* (Ип. *съвокуплѧти*) многи и храбры҃ (Л. 19, Ип. 25 об.); да изнова из Руси *совкупивше* (Ип. *съвокупивше*) вои (Ип. воꙗ) оумноживши (Ип. множайша). поидемъ (Ип. придемъ) Цр҃югороду (Ип. къ Цр҃юград — Л. 22. Ип. 28 об.); Ꙗрославъ *совокупи* (Ип. *совькупи*) воꙗ многи (Л. 50 об., Ип. 54) и др.

В Новг. I лет. употребляется еще один глагол: *копити, съкопити*: почѧста воє *копити* Всѣволодъ (л. 56 об.); *скопиша* воє (л. 53); и вы҃слы҃лахоу ... рекоуще ... не гоубите своихъ смьрдъ и своеи дани. а льстѧще ими. а воє *копѧче*. и ꙗко *скопиша* воє. и вы҃слаша из города ... (л. 52 об. — 53) и др.

Събърати и *копити*, как глаголы общеславянского происхождения вошли в летопись из восточнославянской речи. Возможно, что на Юге, в Киеве говорили преимущественно: *събърати* (вои), а на севере, в Новгороде — *копити, съкопити* (вои). Что касается глагола *съвъкоупити*, то он образован от основы имени *коупа*, весьма редко фиксирующегося в значении 'куча'[5], но эта основа обычна в памятниках ст.-слав. и церк.-слав. письменности в таких наречиях, как **коупьно, въкоупѣ, въкоупъ** и т. п., в Пов. вр. л. всего один раз: сънемъшемъсѧ Ѡбѣма полкома на *скупь* (в Ип. *накупь*). (Л. 16, Ип. 23). Памятники ст.-слав. письменности фиксируют ряд глаголов и отглагольных имен, в которых имеется две приставки **съ-въ-, съ-въз-**, как: **съвъкоупити, съвъкоуплѧти, съвъкоупленье, съвъпрашати, съвъставити, съвъсхы-**

[5] Slovnîk jaz. stsl. II, стр. 84; *Срезневский I*, стб. 1368.

тити, съвъскрѣснѫти, съвъздвигнѫти, съвъплъчение, съвъздрѣжьникъ[6], в которых, по мнению А. Вайана, приставка съ- появилась в результате калькирования соответствующих греческих слов с приставкой συν-[7], ср. примеры: і обрѣте(с)та съвъкоупльшѧ сѧ единого на десате (Л. XXIV, 33 Мар., Ас., Остр.), греч. συνηθροισμένους τοὺς ἑνδεκα; съвѧзомь любовънъимь совъкоупльѥшите (Клоц. 9 б., 11—12), греч. τῷ τὴς ἀγάπησ συνδεσμῷ συνάπτοντες; гъ ... съвъкоупитъ ѣ (Син. тр. 9 б, 4); о семь ли съвъпрашаете сѧ междю собоѭ (И. XVI, 9 Сав.), в других: сътѧзаете сѧ; съвъздвигни тѣлеса наша въ день въ ньже ... повѣдалъ еси (Син. тр. 64 б., 9—12), греч. συνέιρον; въсталъ бо и въселенѭѭ съвьставилъ (Супр. 493, 23—24), греч. συνανιστάναι и др.

Таким образом, в случаях, когда летописец писал: Ꙗраславъ *собра* ... вои, — он передавал живую речь, а когда писал: *совокупи* Ꙗрославъ вои, то глагол был употреблен книжный, старославянский, чтобы выражать мысль так же, как в церковных книгах.

При *воювати* наблюдается употребление прямого дополнения в вин. п. без предлога: Поча Ѡлегъ *воевати деревлѧнъı* (Ип. *на деревлѧнъı*). (Л. 8 об., Ип. 10); Игорь ... повелѣ печенѣгомъ *воевати болъгарьску землю* (Л. II, Ип. 18); *повоюваста лядьскую землю* (Л. 51, Ип. 56) и др. Одновременно встречаются; Игорь же воеваши *на печенѣгъı* (Ип. 17, Л. нет, но в А.: *воюваша печенѣги*); Ѡбри воеваху *на словѣнѣх* (Ип. *на словѣнъı*) (Л. 4 об., Ип. 6); варѧжько ... много воева *с печенѣгъı* на Володимера (Р. много *воева Володимера* с печенѣгы). (Ип. 31, Л. нет).

Эти примеры свидетельствуют о том, что оборот речи: *воевати на* (кого) — вторичный, развившийся из первичного: *воевати кого*, в котором значение глагола *воювати* 'гнать, преследовать' еще ощутимо.

В Пов. вр. л. совсем нет слов, указывающих из кого собирали, или копили вои. Лишь в Новг. I лет рассказывается, что после того, как Ярослав, одолев Святополка, сел на столе отца своего в Киеве: нача воѭ своѭ дѣлити. старостамъ по .і. грвнъ. а смердомъ по грвнѣ. а новгородьчемъ. по .і. всѣмъ. и Ѡпѫсти домовъ всѧ (л. 1 об.). Из этого текста ясно, что вои копились из смердов, под водительством своих старост, а также из горожан, и после выполнения боевых действий их распускали по домам.

Нет слов, обозначающих обучение воев. Лишь по одному разу зафиксированы: *пристроити*, *изрѧдити*, *исполчити* вои: слъıшавше се Стополкъ идуща Ꙗрослава. *пристрои* бе-щисла *вои* (Л. 48 об., Ип. 53—53 об.); Володимеръ же *изрѧди* воѣ своѣ. и повелѣ приступити къ граду (Ип. повелѣ приспу съıпати к град). — Л. 37 об.,

---

[6] *Sadnik-Aitzetmüller*, стр. 132 и сл.
[7] *A. Vaillant.* Manuel, стр. 336; *А.Вайан.* Руководство, стр. 371 и сл.

Ип. 41 об.) Бонакъ *исполчи вои* своѣ ... и поиде къ Ѯгро҃м (Л. 91, Ип. 93). Глагол *пристроити* в значении 'снарядить' в Пов. вр. л. употреблено еще один раз: *пристроиша* грьци .р. тысѧщь на Сто҃слава (Л. 21 об.); Ип. 27 об.). Кроме этого, глагол *пристроити* употребляется в значении 'приготовить, -ся', ср.: се оуже иду к вамъ. да *пристроите* медꙑ многи в градѣ (Ип. оу града) идеже оубисте мужа моего (Л. 15 об. — 16, Ип. 22 об.); пр҃веду к тобѣ Ирополка. и *пристрои* оубити и (Л. 24 об., Ип. 30 об.). Как видно, глагол *пристроити* не развил своего значения специфически в военном отношении. Объясняется это, видимо, тем, что в специально военном значении вместо него стал употребляться *испълчити* (о чем см. ниже).

Изрѧдити, -сѧ 'установить определенный порядок' встречается и в таком предложении: иде Вольга (Ип. Ѳлга) Новугороду. и оустави по Мьстѣ повостꙑ (Ип. погостꙑ) и дани. и по Лузѣ ѡброки и дани ... и *изрѧдивши* възвратисѧ къ сн҃у своему Киеву (Ип. въ Киевъ). — Л. 17, Ип. 24). Однако в значении 'устроить вои в боевом порядке' *изрѧдитисѧ* встречается и позже, ср.: Литва же бѣше стала при ѡзерѣ и видивше (Х. П. — видѣвше) полкꙑ *изрѧдишасѧ* и сѣдоша во три рѧдꙑ. за щитꙑ по своему норовоу. Василко же *изрѧдивъ* своѧ полкꙑ. поиде противоу имъ (Ип. 285)[8].

Памятники ст.-слав. письменности не зафиксировали глагола **изрѧдити, -сѧ**. Нет оснований относить его к книжным глаголам, так как приставка *из-* в нем не в выделительном значении, а обозначает 'предел действия' так же, как в *избити, -сѧ, извити, извꙑкноути, изрѣзати* и т. п.

Таким же образом нельзя считать книжным и глагол *пристроити*, хотя последний зафиксирован, например в Супр.: **дїа-кониса оубо много творѣаше спѣшенїе. того вѣрѫ прѣложити. и пристроити къ вьсѣчьстѣи и цркъви** (298, 3—6). Здесь **пристроити** переведено греч. ἑνοῦν 'присоединить'. Как видно, единственный раз употребление в Супр. **пристронти** по значению отличается от того же глагола, приведенного выше из Пов. вр. л.

Как отметили, в Пов. вр. л. три раза зафиксировано слово *воина*. Приведем примеры: егда же требуеть на *воину* ити ... своею волею да будуть (Ип. 14 об., Р. 18), — из договора Олега); пришедшю ему с *воинꙑ* хорватьскꙑѧ (Ип. хорватьскои) и се печенѣзи придоша (Л. 42, Ип. 46); ѡбꙑчаи имѣаше Сто҃полкъ коли идѧше на *воину*. или инамо, ноли поклонивьсѧ оу гроба Ѳеѡдосьева (Л. 95, Ип. 97). В Новг. I лет. слово *воина* встречается уже чаще, ср.: идоша въ Ладогоу на *воиноу* (л. 7); Ирослв ... пришьдъ съ *воинꙑ*. по дъчерь Мьстиславлю (л. 8); почаша мълъвити. о сужьдальстѣи *воинѣ* новъгородьци (л. 14 об.); ходиша новгородци *воіною* на нѣмецьскоую землю (л. 156) и т. д. Тут же

[8] Другие примеры: *Срезневский I*, стб. 1080.

почѧ Всѣславъ *рать* дрьжѧти (л. 3 об.); иде Всѣволодъ на Суждаль *ратью* (л. 15 об.); иде кнзь Стославъ ... на Суждаль *ратью* (л. 43 об.); ходи Ꙗрославъ *ратью* на Цьрниговьскоую волость (л. 115) и т. п. В сочинении Владимира Мономаха: на *воину* вышедъ не лѣнитесѧ (л. 80 об.); ходихом в *воину* с Стополком (л. 82 об.) В Смоленской гр. 1229 г.: латинскому не ѥхати на *въиноу* съ кнѧземъ ... тако роусиноу не ѣхати съ латинескъıмь на *въиноу* (стрк. 64—65)[9].

В классических памятниках ст.-слав. письменности слово **воина** не зафиксировано. В «Slovník'e jaz. stsl.» словарная статья **Воина** иллюстрируется двумя примерами из ЖК по рукописи XV в. Московской Духовной Академии, но в южнославянском списке 1469 г. на месте их читается **воиска**. Поскольку в том же значении в Син. тр. употреблено так же **воиска**, ср.: **мол на воискѫ иджште** (19 а, 1), то вероятно, что в первоначальном тексте ЖК читалось также **воиска**. Далее в «Slovník'e jaz. stsl». приводится пример из Похвального слова Кириллу и Мефодию по списку Усп. сб. XII в.: **и на воинѣ ꙗко и Самъсонъ ... страшьнъ ꙗвлѧшеса**[10] и, наконец, еще один пример из Устюжской кормчей. Говоря иначе, все примеры из памятников русского списка. Существительное *воина* <**voj-na* нельзя относить к каким-либо поздним образованиям, поскольку оно относится к таким же типам присоединения к корню суф. -ina или -ьna, как: *обьштина*, *тишина*, *таина*, *дроужина* и т. п.[11]

Таким образом, слово *воина* не являлось книжным, постепенно входило в употребление взамен *рать* (о чем ниже). По всей вероятности, слово *воина* распространилось с севера, из Новгорода, Смоленска и других городов на юг.

Как указали выше, в Пов. вр. л. 8 раз употреблено слово *воевода*, ср.: реч же *воевода* ихъ имѧнемъ Прѣтичь. подъступимъ заоутра в лодьıх (Л. 19 об., Ип. 26 об.); бѣ оу него (Владимира. — *А. Л.*) *воевода* Волъчии Хвостъ (Л. 27, Ип. 33); и взѧ кнѧза в корабль Иванъ Творимиричь. *воєводъı* Ꙗрославля (Л. 52, Ип. 57 об.); Стополкъ посла Путяту *воеводу* своего (Л. 91 об., Ип. 93 об.) и др. Слово известно и памятникам ст.-слав. письменности, причем в апракосах это слово не зафиксировано, а в тетрах (Мар. и Зогр.) его находим Мк. XIII, 9 и Л. XX, 20 в передаче греч. ἡγεμών; Л. XXII, 4 — στρατηγός; в Супр. словом **воєвода** переданы греч. ἡγεμών, ἄρχων, δορυφόρος, ἡγούμενος[12]. Слово проникло и в греческий язык[13]. Происхождение слова

---

[9] Другие примеры: *Срезневский I*, стб. 285 и сл.
[10] *П. А. Лавров.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, стр. 81.
[11] *А. Лескин.* Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка, стр. 135 и сл.
[12] Slovník jaz. stsl. I, стр. 217 и сл.
[13] *Срезневский I*, стб. 281.

бесспорно не выяснено. Произойти оно могло уже в то время, когда в обычай вошел собирание или копление вои, т. е. уже в период, когда развитие общества от строя военной демократии перешло к классовому обществу. В это время понадобились специалисты по вождению войска, а военные походы могли совершаться без участия князя и его дружины. Рассматриваемое слово могло быть и заимствованным, поскольку в образовании сложных слов с второй частью *-водъ* и *-вода* представлено только данным словом. Если слово в древнерусском языке и заимствованное, однако едва ли оно из памятников ст.-слав. письменности. В существующей литературе слово это одни признают калькой с нем. Herizogo, Herzog, а другие — самобытным славянским сложным словом [14], но последнее едва ли верно, потому что, как отметил А. Мейе, образование типа **воєвода** в ст.-слав. представляет изолированное явление [15]. Явно книжным является *воеводьство*, встречающееся в Пов. вр. л. всего два раза, ср.: посла Ꙗрославъ сна своего Володимера. на грькы и вда ему вои многъ. а *воевотьство* (Ип.: *воеводьство*) поручи Вышатѣ (Л. 52, Ип. 57 об.); при блгородьнѣмь кнази. Всеволодѣ ... *воеводьство* держащю кыевьскы тысаща Ꙗневи ... (Л. 69 об., Ип. 77). Из памятников ст.-слав. письменности слово всего один раз зафиксировано в Супр. (278, 23) [16].

О способах передвижения воев говорится мало, ср.: и всѣдоша на *конѣ*. *пѣши* (Ип.: *пѣшьци*) из людей вызше (Ип.: вызсѣдавше) идоша в поле .д. дни (Л. 93 об., Ип. 95); наши же с весельем *на конѣх* и *пѣши* поидоша (Ип.: потекоша) к ним (Л. 94, Ип. 96). Тот, кто передвигался пешим, именовался *пѣшьць*, ср.: и вдавъ ємy *пѣшьцѣ* и постави и на правѣмь крилѣ. и заведъ Куныи (Ип.: Куманъ) *пѣшьцѣ* напа стагѣ Володимерь (Л. 86 об., Ип. 87 об.). Тот же, кто передвигался на коне, никак не именуется, кроме как: *на конѣ* или *на конѣхъ*. Упомянуты передвижение на кораблях и лодьях, ср.: іде Ѡлег(л)ъ на грькы ... на конѣхъ и *в кораблѣх* (Ип. II об., Л. нет); Игорь же совкупивъ вои многи ... поиде на греки *въ лодыах* и на конихъ (Л. 10 об., Ип. 18) и др. не говоря об упоминании греч. *скедии*, σχεδία; *олядии*, χελάνδιον.

По-видимому, в период, когда составлялась Пов. вр. л., в др.-рус. языке не было слова, обозначающего общее понятие 'войско'. Правда, находится несколько примеров, в которых в этом значении употреблено слово *сила*: Приде Семевонъ (Ип. Семѡнъ) ... ко Црюграду *въ силѣ* въ велицѣ в гордости (Л. 10, Ип. 17); придоша печенѣзи ... и ѡступиша градъ *в силѣ* велицѣ (Ип. тажьцѣ). — Л. 19 об., Ип. 26). Однако это слово в Пов. вр. л.

---

[14] *Miklosich*, стр. 376 и сл.; *Младенов*, стр. 74; БЕР, стр. 172 и сл.; *Brückner*, стр. 629; *Machek*, стр. 565; *Преображенский I*, стр. 90; *Фасмер I*, стр. 332.
[15] *A. Meillet*. Études, стр. 259.
[16] Slovník jaz. stsl. I, стр. 218; *Срезневский I*, стб. 281.

употребляется, можно сказать, случайно. Кроме того, оно, хотя и встречается нередко в других памятниках письменности[17], все же не стало военным термином.

По имеющимся данным, *рать* является древнейшим словом, развившимся от корня **ortь* / **retь* в первичном значении 'спор, состязание, ссора'. Эти значения зафиксированы в памятниках церк.-слав. письменности, ср.: **Рече пакы аще идеши въ градъ или въ весь долѣ имѣи очи на земли. да въздвигнеши себѣ рать въ клѣти своеи** (Син. пат., л. 179); **на рать бо благоу дш҃ж подвизаютъ** (Изб. 1076 г., л. 71 об.) греч. εἰς ζῆλον; нанесе нам (гсь. — *А. Л.*) сущюю *рать* и скорбь (Л. 74 об., Ип. 82 об.) и т. п. И. Срезневский привел большой фактический материал на разные значения слова *рать* в памятниках церк.-слав. и др.-рус. письменности[18].

В Пов. вр. л. слово *рать* в основном встречается в значении 'война' или 'военные действия', ср.: аще ѿ *рати* їатъ будеть ... (речь о пленнике. — *А. Л.*) да възвратитсѧ въ свою страну (Ип. 14 об., Л. нет — договор Олега): еда како wбратить бъ тобою рускую землю в покаанье. а гречьскую землю избавить ѿ лютъıѧ *рати* (Л. 38, Ип. 42); бѣ же Мьстиславъ ... храборъ на *рати*. мл҃ствъ. любѧше дружину по велику (Л. 51, Ип. 56 об.): все же лѣт (1064 г. — *А. Л.*). Всеславъ *рать* почалъ (Л. 55, Ип. 61); поидите противу имъ (половцев — *А. Л.*) любо с миромъ любо *ратью*. Володимеръ хотѧше мира. Стополкъ же хотѧше *рати* (Л. 73 об., Ип. 80 об.) и т. п. В ходе междоусобной борьбы сложился термин *оусобьнаѧ рать*, ср.: *оусобнаѧ же рать* бываеть. ѿ соблажненыѧ (Ип.: сваженыѧ) дыѧволѧ (Л. 56 об., Ип. 62 об.); мирно пребъıвати в совокуплении и въ сдравии. избавѧща ѿ *оусобнъıѧ рати* (Л. 47 об., Ип. 52 об.).

В ряде примеров *рать* можно понять и в значении 'войско', ср.: аще поидеть на вы с лахы губити васъ. то въ противу ѥму *ратью* (Л. 58 об., Ип. 64 об.); и рѣша епс҃пи и старци *рать* многа wже вира то на wружьи. и на коних буди (Л. 43 об. — 44, Ип. 47 об.) и др.

Но в этом же значении употребляется и слово *пълкъ* (об этом особо ниже). Прилагательное *ратьнъıи* встречается в значении 'воюющий', или 'находящийся в войне', ср.: їина многа зла твораху Русь грѣком҃ елико же *ратнии* творѧть (Ип. 12); половци воеваша много и възвратишасѧ к Торцьскому. изнемогаша людье в градѣ гладомь. и предашасѧ *ратнъıмъ* (Л. 75, Ип. 82 об.); наши погнаша въ слѣдъ *ратнъıх* сѣкуще противнъıѧ (Л. 77, Ип. 85); побѣгоша людье не стерпѧче *ратнъıх* противленыѧ

---

[17] *Срезневский III*, стб. 350 и сл.; *С. Д. Ледяева*. К вопросу о некоторых названиях войсковых соединений в древнерусском языке, стр. 165.
[18] *Срезневский III*, стб. 105—108.

(Л. 73 об., Ип. 81) и т. д. Это относительное прилагательное, образованное присоединением суф. *-ьпъ* к основе *rat'-* употребляется в смысле 'относящееся к рати', например: печенѣзи с нами *ратьни* (Л. 22, Ип. 28 об.), т. е. 'в состоянии войны'; бъ кажеть (Ип.: казнить) рабы своѧ. напастьми *ратнъıми* (Ип.: *ратьми*) — (Л. 77 об., Ип. 85 об.) и др.

Таким образом, прил. *ратьнъıи* воспринималось в значении 'военный', поэтому для обозначения лица, которое является в данный момент вояком, оно, т. е. слово *ратьнъıи*, не было точным. В Л. читаем: и не бѣ лзѣ вкрастисѧ в градъ множьством вои *ратнъıхъ* (Л. 73 об., Ип. без *вои* — 81 об.) Из-за неопределенности значения *ратьнъıи* в Л., как видно, добавлено *вои*.

Глагол *заратитисѧ* употребляется в значении 'начать войну', 'приготовиться к бою': *заратисѧ* Всеславъ ... и заѧ Новъгородъ (Л. 56, Ип. 62); *заратишасѧ* торци ... на Русь (Л. 68 об., Ип. 76); *заратишасѧ* вѧтичи и иде на нѧ Володимеръ (Л. 26, Ип. 32). В одном примере в Л. читаем: *ратившемасѧ* (Ип. *сразившимасѧ*) полкома. побѣди Ирополкъ Ѡльга (Л. 23, Ип. 29 об.); однако вместо *ратитисѧ*, как видно, уже Ип. имеет *сразитисѧ*, но в других местах чаще *битисѧ*, *братисѧ*. Один раз в Р. читаем: Семиѡнъ же оувидѣвъ (= оувѣ ... — *А. Л.*) на оугръı *взратисѧ* (Ип. *възвратисѧ*). и оугре противѹ поидоша. и побѣдиша болгаръı (Р. 14, Ип. II об.).

По всей видимости, форма глагола с приставкой *въз-* в значении 'начать' — книжная, по типу: **възлаголати, възгарати, възгнѣтити** и т. п. Переписчик Ип. не понял значения книжного *възрати сѧ*, переделал его на *възвратисѧ*, от чего предложение по смыслу стало неясным.

Из памятников ст.-слав. письменности только в Супр. употреблены **рать** (около 30 раз), **безъратии** (один раз), **ратьнъıи** (три раза), **ратьникъ** (более 10 раз), **ратьничьскъ** (три раза). Пов. вр. л. не знает последних двух форм, а Супр. не употребляет глагола от основы *рат'-*. Уже эти факты показывают, что Пов. вр. л. в употреблении слов от основы *рат'-* независима от памятников ст.-слав. письменности.

Древнейшие *рать*, *ратьнъıи*, *ратитисѧ*, *заратитисѧ* заменяются другими: *пълкъ*, *испълчитисѧ*, *битисѧ*, *братисѧ*. Несмотря на это существительное *рать* еще долго употреблялось в русском языке. Характерно, что *рать* фигурирует в составе многих собственных имен, ср.: у *Ратше* в четверти (берст. гр. № 348, XIII в.); оубиша ... *Ратшю* (Новг. I лет. л. 144 об. — 145); ѿ Мирослава ко *Ратмироу* (берст. гр. № 334, XII—XIII в.); оубиша ... новгородьць .еі ... *Ратьмира* Нѣжатицѧ (Новг. I лет. л. 62); тысѧчьскъıи *Ратиборъ* (Новг. I лет., л. 148); молови *Ратемирѹ* (берст. гр. № 346, XIII—XIV в.) и т. п. Как видно, здесь мы обнаруживаем простое суффиксальное образование: *Ратьша* (тип образования для древности весьма редкий). Слож-

ные слова с соединительным гласным *-е-*: *Ратемиръ*, форма род. п. в первой части: *Ратиборъ* и соединение двух слов в формах имен. п. *Ратьмиръ*.

Рать и все производные от него в древнерусском языке являются праславянским наследием [19].

В Пов. вр. л. слово *дроужина* встречается 70 раз.

Дружиной называли 'постоянное воинское соединение, находящееся при князе', с которой князь обычно советовался при решении тех или иных вопросов, касающихся военных действий, ср.: Игорь же дошед Дунаꙗ созва *дружину* и нача думати (Л. 10 об., — 11. Ип. 18); Столславъ же прия дары. и поча думати съ *дружиною* своею рька. сице аще не створимъ мира со цр҃мь. а увѣсть цр҃ь ꙗко мало насъ есть. пришедше ѡступать ны въ градѣ ... створимъ миръ ... люба бы҃с рѣчь си *дружинѣ* (Л. 22, Ип. 28 об.); Стополкъ же и Володимеръ и Ростиславъ созваша *дружину* свою на свѣтъ (Л. 73, Ип. 81); и начаша думати *дружина* Ратибора со княземъ Володимером ѡ погубленьи (И)тларевы чади (Л. 75 об., Ип. 83 об.) и др. С той же дружиной князь пировал, веселился, стр.: Стополкъ ... всю нощь пилъ бѣ с *дружиною* своею (Л. 48 об. Ип. 53 об.); ѥдиною пьющо(у) Ростиславу с *дружиною* своею. рѣч котопанъ (Л. 56, Ип. 62) егда подъпыхутъсѧ начьнахуть роптати на князь глюще. зло есть нашим головамъ. да намъ ꙗсти деревѧными лъжицами. а не сребрѧными. се слышавъ Володимеръ. повелѣ исковати лжицѣ сребрены ꙗсти *дружинѣ* (Л. 43 об., Ип. 47 об.) и др. Нередки случаи, когда инициаторами того или иного действия являются дружинники, припомним, как дружинники заставили Игоря идти к древлянам за данью; как дружинники советуют Борису идти в Киев и занять стол отца и как после отказа «вои разидошасѧ ѿ него» (Л. 45, Об., Ип. 50) и т. п.

Надо полагать, что *дроужина*, как 'войсковая единица', весьма раннего происхождения, возможно, восходящая к эпохе строя военной демократии. В невоенном значении слово *дроужина* обозначало 'ватага, артель, спутники'. В памятниках ст.-слав. письменности: слово **дроужина** употреблено в этом значении: **възвращаѭштемъ сѧ имъ. оста отрокъ и҃с въ и҃мѣ. і не чю иосифъ и мати его мънѣвъша же и въ дроужинѣ** (Л. II, 43—44, Мар.), греч. ... νομίσαντες δὲ αὐτὸν ἐν τῇ συνοδίᾳ εἶναι; **чьто приде братре припадаѭ къ стоумоу олътарю. і къ стѣи дроужинѣ** (Син. тр. 86 б., 19—21), греч. ... καὶ τῇ ἁγίᾳ συνοδίᾳ ταύτῃ; **и благослови сѧ манастъырь. и оумножиша сѧ дроужина при строительствѣ кго** (Супр. 285, 24—26), греч. συνοδία. Один раз в Супр. словом **дроужина** переведено греч. στρατόπεδον 'отряд', ср.: **нача же воєвода**

[19] *Miklosich*, стр. 273; *Преображенский II*, стр. 185 и сл.; *Фасмер III*, стр. 448; *Младенов*, стр. 557.

глаголати имь. иже оуспѣшьно вамъ въ ратехъ показасте. и добыкесть дроужинѣ своеи. покажате и нынѣ кдногласье ваше и покорите са вькоупѣ цроу законоу (69, 19—23). Тем не менее и в последнем примере *дроужина* в значении далеко от древнерусского соответствующего слова, употреблявшегося в значении 'воинский отряд'. Дружина была настолько близка и единодушна с князем, так что при наказании, например, князя соответствующую кару получали и его дружинники, ср.: приѣша новъгородьци Ростиславица Стослав. и поправиша и въ Ладогоу ... и *дроужиноу* иего въ погрѣбъ въсажаша (Новг. I лет. л. 30); Алеѯандра и *дроужину* иего казни. овомоу носа оурѣзаша. а іномоу очи вѣимаша (там же, л. 136); и рѣша поидем. вѣсадим *дроужину* (свою) ис погреба (Л. 57 об., Ип. 63 об.).

Таким образом, слово *дроужина*, образовавшееся присоединением к слову *дроугъ* суффикса *-ина* в абстрактном и собирательном значении[20] вначале обозначало 'товарищество, артель, компания', а затем на Руси стало употребляться в значении 'постоянно сопровождающий князя воинский отряд', обязательно состоящий из единомышленников. Можно только предполагать, что *дроужина* состояла из привилегированных в разной степени воинов, которые именовались: *мужи*, *отрокъ*, *мечьникъ*, *гридь*, возможно и другие.

О *мужах* сказано в главе «Общественно-политическая лексика», там же и о слове *отрокъ*. Если предложенная нами этимология слова *отрокъ*[21] верна, тогда следует считать, что название *отрокъ* древнерусским языком заимствовано, вероятно, из какого-то западнославянского языка. *Мечьникъ*, по существующим данным, древнерусское слово, впервые его находим Мк. VI, 27 Остр., где читается: посъла црь мечьника... онъ же шьдъ оусѣкнѫ и (т. е. Иоанна крестителя. — *А. Л.*), в Ас.: посълавъ црь спекоулатора..., греч. ἀποστείλας ὁ βασιλεὺς σπεκουλάτορα... В Рус. Пр. *мечьникъ* в правах приравнен княжьему мужу, тиѣуну княжьему (см. ст. 1). Встречающееся нередко в летописях и других памятниках др.-рус. письменности слово *мечьникъ*[22] в Пов. вр. л. отсутствует.

Гридь в Пов. вр. л. упомянута дважды: (Володимерь) оустави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити. и приходити болѧром (Ип. боѧромъ) и *гридем* (Ип. *гридьмъ*). и съцьскъімъ. и десѧцьскъім (Ип. десѧтникомъ). и нарочитъімъ мужем (Л. 43 об., Ип. 47); Ꙗрославу сущю Новѣгородѣ. и оурокомь дающю Кыѥву двѣ тъісѧчѣ гривнѣ ѿ года до года. а тъісѧчю Новѣгородѣ *гридемъ* (Ип. *гривенъ*, Р. *людемъ*) раздаваху (Л. 44 об., Ип. 48 об.). *Гридь* — 'княжеский телохранитель'. Надо полагать, что было

[20] *А. А. Потебня.* Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 33 и сл.; *А. Лескин.* Указ. соч., стр. 133.

[21] «Этимология, 1967». М., 1969, стр. 182—186.

[22] *Срезневский II*, стб. 131; см. также *А. С. Львов.* Старославянское ли слово мечьникъ?. «Русское и славянское языкознание». М., 1972, стр. 180 и сл.

их много, поскольку на княжеском дворе находилось специальное здание — *гридьница*. Это древнерусское слово признают заимствованным из др.-сканд. *gridi* 'товарищ, телохранитель' [23].

Встречающееся изредка *сѣчьць*, не является военным термином, ср.: Изѧславъ ... не вздаѧ зло за зло. колико бо ѥмоу створиша киѧне. самого вꙑгнаша. а дом ѥго разграбиша. и не вздаѧ. противу тому зла. аще ли кто дѣѥть вꙑ. *сѣчець* исѣче. то не сь то створи. но снъ ѥго (Л. 68), Ип. иначе: аще ли кто дѣеть киѧнѣ исѣклъ которѣи же вꙑсадили Всеслава ис поруба. то сь того не створѣ ни снъ его (75). На основании данных многих списков А. Шахматов реконструировал это место так: «не въздаѧ зъла за зъло. колико бо ему зъла сътвориша кꙑяне: самого вꙑгнаша, а домъ его разграбиша, и не въздаѧ противу тому зъла аще ли къто дѣеть вꙑ: «*сѣчьць* исѣче, иже высѣкли Вьсеслава ис поруба», то не сь то сътвори, нъ сꙑнъ его» [24].

Как показывают данные Пов. вр. л., позже, когда для больших военных походов понадобилось с этой целью собранные вои, слово *дроужина* стало применяться и к этому войску. ср.: Мьстиславъ же с вечера исполчивъ *дружину*. и постави сѣверъ в чело противу варагомъ. а сам ста с *дроужиною* своею по крилома (Л. 50 об., Ип. 55 об.). В первом случае, как видно, это собранные вои из северян, а во втором — собственная, постоянная дружина князя Мстислава. Ср. также: и видѣвъ же мало *дружинꙑ* своѧ реч ... изъбьють *дружину* мою ... поиду в Русь приведу более *дружинъ* (Л. 22, Ип. 28 об.), здесь более уместно, особенно в первом и третьем случае, употребление *вои*, а не *дружинꙑ*, *дружинъ*; Мстислав ... распусти *дружину* по селом (Л. 86, Ип. 87 об.) — и тут речь о воях и т. п.

Обращает внимание оборот речи *съ малъмь дроужинꙑ*, ср.: (Игорь) размꙑсливъ реч дружинѣ своеи. идѣте съ данью домови ... пусти *дружину* свою домови. *съ маломъ же дружинꙑ* возвратиса. желаѧ больша имѣныѧ (Л. 14 об., Ип. 21 об.); Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на конѣ *с малою дружиною* (Ип. *с маломъ дружинꙑ*) поиде (Л. 46 об., Ип. 51); Володимеръ же пебредъ (Ип. пребредъ) рѣку *с малою дружиною* (Ип. *с маломь дружинꙑ*) (Л. 78 об., Ип. 81); (Василко) приѣха *въ малѣ дружинѣ* на кнѧжь дворъ (Л. 87 об. Ип. 88 об.) и др.

Съ малъмь дроужинꙑ равно современному 'с частью дружины'. Говоря иначе, если не было особого названия для части дружины, которая именовалась *малъ*, то здесь наблюдаем случай, когда *малъ* воспринимается как существительное. Так же, например, и в «Речи философа»: ихъ же вѣра *маломь* (Ип. мало) с нами разъвращена (Л. 28, Ип. 34, Н. 48 об.). Как видно, в отдельных списках *малъ*, восприняв как прилагательное, согла-

[23] *Berneker I*, стр. 352; *Преображенский I*, стр. 158 и сл.; *Фасмер I*, стр. 458.
[24] *А. А. Шахматов.* Повесть временных лет, т. I, стр. 256 и сл.

совали его с дружиной. По-видимому, первоначально было написано не: *въ малѣ дружинѣ*, а *въ малѣ дружинъı*, так же как: посла великъıи кнаѕь Андрѣи кнаѕа Романа Глѣбовича и Юрьıа Мишинича. Андрѣана тъıсачкого *въ малѣ новгородцовъ* к городу свѣискому (Н. 189 об.)

Дружина делилась на какие-то части, о чем свидетельствуют такие примеры: Стополкъ же не здумавъ. *с болшею дружиною* ѡтнею. и строıа (Р. стръıа) своıего. но свѣтъ (Р. совѣтъ) створи с пришедшими с нимъ. изъимавъ слъı всажа и въıстобку (Ип. вь погрѣбъ). слъıшавше же се половци почаша воıевати (Л. 72 об., Ип. 80 об.). Видимо, соединение собственной дружины с отцовской и дядиной именуется большею. (Всесволодъ Ярославичь) нача любити смъıслъ оунъıх. свѣтъ твора (Ип. твораше) с ними. си же начаша заводити и негодовати *дружинъı своıа первъıа* (Л. 72 об., Ип. 80). Возможно, что здесь *перьваıа* противопоставлена к *молодьшеи*: реку брату своıему Володареви и Двдви. даита ми дружину свою *молошюю* (Ип. *моложьшюю*, Х. *молодшоую*), а сама пиита и веселита сѧ (Л. 89 об., Ип. 91).

По мнению И. Срезневского, *молодьшаıа дроужина* — ‘молодая, состоящая из молодежи’ [25]. Итларь бъıс въ градѣ с *лѣпшею* (Ип. *лучшею*) *друженою* (Ип. *дружиною*) — (Л. 75 об., Ип. 83 об.).

Таким образом, дружина делилась на какие-то части, которые также именовались дружиной, но с определением. Все это указывает на то, что словом *дроужина* обозначали и то, что постоянно находилось при князе и то, что присоединялось в виде собранных воев на время военного похода, в целом, слово *дроужина* употреблялось в широком значении ‘воиско’ и в узком значении ‘постоянная охрана князя’, последняя в свою очередь делилась на *первую*, *лѣпьшую*, *молодьшюю* и т. д.

Эта полисемия явилась причиной того, что позже слово *дроужина* стало заменяться на другие, особенно на *полкъ* [26].

Достойно упоминания слово *заступъ* ‘отряд’, ср.: оугри же исполчишасѧ *на заступъı*. бѣ бо ѵгръ числом .р. тъıсѧщь. Алтунопа же пригна къ а-му *заступу* (Л. 91, Ип. 93). Данное слово является отглагольным существительным: *застоупъ* от *застоупити*, *застоупати*. В памятниках ст.-слав. письменности зафиксированы глагол и существительное в значении ‘защищать, защита’, ср.: **егда застѫпаетъ и** (Син. пс. XLVII, 4), греч. ἀντιλαμβάνηται; **гъ застѫпитъ мѧ** (там же, III, 6), греч. ἀντιλήμφεται; **не застѫпающа дроугъ дроуга** (Син. тр. 7б., 9) греч. παρεμποδιζούσας; **застѫпи спи** (там же, 9б. 19), греч. ἀντιλαβοῦ; **тъı бо еси помощь і застѫпъ** (там же, 79б., 16—17); **ништелюбиѥ застѫпало** (Супр. 207, 18—19); **не никтоже ли насъ тамо можетъ застѫпити** (там же, 373, 13); **не имѣѫ ... помошти. ни застѫпа** (там же, 365, 3—4) и др.

[25] *Срезневский II*, стб. 169.
[26] *Ф. П. Сороколетов.* Указ. соч., стр. 139 и сл.

Таким образом, в значении 'отряд' слово **застжпъ** в памятниках ст.-слав. письменности не встречается [27]. Кроме Пов. вр. л., *застоупъ* в значении 'отряд' зафиксирован в Хр. Г. Ам.[28] В споре с В. М. Истриным по вопросу о месте перевода и переводчиках Хр. Г. Ам. Лавров П. А. отнес слово *застоупъ* в значении 'отряд войска' к чехизмам [29]. В Хр. Г. Ам. имеются ряд слов, вроде *гъдовабль, женатьць, крижьма, прапроудъ* и др., которые можно объяснить только как чехоморавизмы [30]. В Пов. вр. л. слова *заступъ* в указанном значении употреблено по отношению к угорскому войску. Называли ли сами угры этим словом отряд войска, требует специальных разысканий.

Др.-рус. *пълкъ* (такое написание засвидетельствовано в Новг. I лет, ср. присла Андрѣи *пълкъ* свои (л. 36); и постави Всѣволодъ... противоу ѥго *пълкъ* (л. 40 об.), и др. — в Пов. вр. л. употреблено в значении 'боевой порядок'. В подтверждение сказанного приведем примеры: половци. ... налегша первоѥ на Стополка и взломиша *полкъ* ѥго (Л. 73, Ип. 81); и ставшема ѡбѣма *полкома* противу собѣ и рече Редедѧ къ Мьстиславу, что ради губивѣ дружину межи собою (Л. 50, Ип. 55); размѣривше межи ѡбѣма *полкома*. пустиша ѩ (печенежского богатыря и мужа Владимира. — *А. Л.*) к собѣ и ѩстасѧ ...(Л. 42 об., Ип. 46 об.); Ѡльга съ сыномъ своимъ Стаславомъ собра вои много и храбры и иде на деревьску землю. изидоша деревлане противу. съ(не)мъшемъсѧ ѡбѣма *полкома* на скупь. суну копьемъ Стославъ ... (Л. 16, Ип. 23); и поидоша к собѣ к боеви. и сотпупиша сѧ *полци* ... (Л. 91, Ип. 92 об.) и др.

В этом же значении употреблено слово **плъкъ** и в памятниках ст.-слав. письменности, ср.: **ѣште оуплъчітъ сѧ на мѧ плъкъ не оубоітъ сѧ срѣдьце мое** (Син. пс. XXVI, 3). в других **оплъчитъ сѧ**, греч. 'ἐὰν παρατάξηται 'επ' 'εμὲ παρεμβολή ..., т. е. 'если выстроится против меня боевой порядок' ...; **кръстъ на лици показаѧ оустрашаѥтъ ратьничьскъ плъкъ** (Супр. 105, 14—15), греч. ... τῶν 'εχπρῶν φάλαγξ, т. е. ... 'устрашает вражеский боевой порядок'. В Супр. зафиксирован и такой пример: **оузрѣ издалече плъкъ великъ народа граджштъ** (146, 10—11), греч. ... φάλαγξ πολύς ὄχλος, т. е. 'увидел издалека большую колонну (или толпу) идущего народа'. В этом в невоенном значении слово *полкъ* в Пов. вр. л. не встречается.

Кроме этого, в Пов. вр. л. слово *полкъ* употреблено взамен других слов: ѡнъ же (воевода Претичь. — *А. Л.*) рече. азъ есмь мужь его и пришелъ есмь въ сторожѣх. по мнѣ идеть

[27] Slovník jaz. stsl., стр. 658 и сл.
[28] *Срезневский I*, стб. 950.
[29] *П. А. Лавров.* Георгий Амартол в издании В. М. Истрина. — Slavia 1925, roč. IV, s. 3, стр. 476.
[30] *А. С. Львов.* Чехо-моравские слова в памятниках др.-рус. письменности, «Славянское языкознание», М., 1968, стр. 337.

полкъ (Ип. Р. и др. идуть *вои* многи) со кнѧземъ бещисла множьство (Л. 20, Ип. 26 об.) Нет сомнения, что в первичном тексте и в Л., как и в других, было *вои*, потому что про *полкъ* нельзя говорить *бещисла множьство*; оузрѣша половци идущь *полкъ* (Ип. идуща *въıа*, Р. идучи *воıа*) пристроишасѧ противу (Л. 58, Ип. 64); мнози бо падоша ѿ *полка* ıего (Л. 73 об., Ип. 81) — исчисление должно быть от воинов, а не от боевого порядка; (Сто̀славъ) видѣвъ же мало дружинъı своıеı. речѐ в собѣ. еда како прельстивше изъбьють дружину мою. и мене. бѣша бо многи погибли на *полку* (Л. 22, Ип. 28 об.) — тут должно быть: погъıбли на *рати*; и оубиша ту *в полку* кнѧзии к̀. (Л. 94, Ип. 96), и здесь должно быть: *на рати*; ср.: оубиша Изѧслава *на рати*[31]; *на ратѣ̀х* бо и пр̀и и мужи погъıбають (Л. 86, Ип. 87) и др. Володимеръ же хотѣ нарѧдити *полкъ* (Ип. Р. — порѧдити *дружины*). — (Л. 77, Ип. 85). Конечно *порѧдити*, или *нарѧдити* можно *дружину* или *воѣ*, в результате и получится *полкъ* — ‘боевой порядок’, ср. приведенный выше пример: Володимеръ же изрѧди *воѣ* своѣ (Л. 37 об., Ип. 41 об.)

Таким образом, слово *полкъ* начинает, так сказать, вытеснять исконные: *вои*, *рать*, *дружина*. В целом, в Пов. вр. л. слово *полкъ* употреблено 16 раз, не включая в это число цитаты из Хронографа, в которой имеется это слово (см. Л. 55 об., Ип. 61 об.), при этом 9 раз оно употреблено в значении ‘боевой порядок’ и 7 раз — взамен других слов.

Обратим внимание на то, что в западнославянских языках издревле слово **pl̨ъкъ* известно в двух основных значениях: 1) ‘множество, толпа, люди’; 2) ‘боевой порядок войска’[32]. В Пов. вр. л. слово *полкъ* употреблено только во втором значении.

Рассмотрим глагольные формы. Если сущ. *пълкъ* фиксируется во всех славянских языках, то глагольные формы находим только в памятниках ст.-слав. и др.-рус. письменности. Правда, Загребский словарь зарегистрировал глаголы *ispručiti* и *opručiti* и оба с оговоркой, что они зафиксированы в памятниках XIII в., писанных церковным языком. В частности, глагол *opručiti* иллюстрируется единственным примером из пс. XXVI, 3. Говоря иначе, нет сомнения, что в с.-хорв. произошла адаптация книжных **оплъчити** и **испълчити**[33]. Варшавский словарь приводит *pułkować*, *półkować* в значении ‘формировать полк’[34]. Этот глагол

---

[31] *Срезневский III*, стб. 107.

[32] *J. Jungmann.* Słovník česko-německý, d. III, Praha, 1837, стр. 129; *F. Kott.* Slovník česko-německý, d. II. Praha, 1880, стр. 600; *M. Linde.* Słownik języka polskiego, t. III, cz. 2. Warszawa, 1811, стр. 874; *J. Karłowicz, A. Kryn'ski, W. Niedźwiedzki.* Słownik języka polskiego, t. V. Warszawa, 1912, стр. 433.

[33] Rječnik hrwatskoga ili srpskoga jezika, sv. 13, Zagreb, 1892, стр. 11; sv. 39, 1924, стр. 148.

[34] *J. Karławicz, A. Kryn'ski, W. Niedźwiedzki.* Указ. соч., V, стр. 433.

явно позднего образования. Он мог оформиться в военной среде лишь после того, как сущ. *pulk* приобрело значение 'отдельная войсковая единица'.

В памятниках ст.-слав. письменности зафиксированы следующие формы глагола: **плъчити сѧ, ополъчити сѧ, оуплъчити сѧ, въплъчити,** ср. примеры: **да оуже врѣмѧ оубо противѣ онѣмъ плъчити сѧ** (Супр. 306, 7—8), греч. παρατάττεσθαι 'развернуть боевой порядок'; **реченъıи ѧмемоурмни. нача на градъ плъчити сѧ** (там же 56, 19—21), греч. 'εκπολεμεῖν 'воевать'. Указ. греч. слово следовало, как в других местах, перевести глаголом **воевати; се при цр҃и хрⷭабърѣ. цѣсарьскъı ополъчаѭшти сѧ. и побѣждаѭшти** (там же 464, 23—25), греч. παράττειν; **зълодѣи завидѧ диаволъ. и на тъıѧ въплъчи** (там же 538, 20—21), греч. παρεμβολὴν παρεμβάλλειν 'расположил боевые порядки'; пример на **оуплъчити сѧ** из Син. пс. XXVI, 3 см. выше.

В Пов. вр. л. глагольные формы зафиксированы 15 раз, не считая ошибочного употребления *ѡполчать* вместо *ѡплачеть* в цитате из Хр. Г. Ам., где на месте *ѡполчать* в греч. читается κλαύσεται (см. Ип. 16, л. нет). В примере: поиди (Ип. поиде) Ꙗрополкъ на Ѳлга брата своего на деревьску землю. и изиде противу его (Ип. ему) Ѳлегъ и *вполчитасѧ* (Ип. *ѡполчитасѧ*) ративъшемасѧ (Ип. и сразившимасѧ) полкома. побѣди Ꙗрополкъ Ѳльга (Л. 23, Ип. 29 об.), — *вполчитасѧ* несомненно из *оупполчитасѧ*. В остальных примерах глагол только с приставкой *ис-*: Ꙗрославъ же с вечера *исполчивъ* (Ип. *исполчи*) дружину и постави сѣверъ в чело противу варѧгомъ, а сам ста с дружиною своею по крилома (Л. 50 об., Ип. 55 об); кроме этого, *исполчи* дружину зарегистрировано еще 4 раза (см. Л. 48, Ип. 53 об.; Л. 51, Ип. 56 об.; Л. 73, Ип. 81; Л. 86, Ип. 87). Лишь один раз: Бонѧкъ *исполчи* вои своѣ (Л. 91, Ип. 93). Возвратная форма употребляется без прямого дополнения: Ꙗрославъ же не оутѧгну *исполчитисѧ*. и побѣди Болеславъ Ꙗрослава (Л. 48 об., Ип. 54); оугрꙑ же *исполчишасѧ* на заступꙑ (Л. 91, Ип. 93); приде Ѳлегъ *исполчивъсѧ* к городу. а Мстиславъ поиде противу ѥму (Л. 86 об., Ип. 87 об.) и др.

Таким образом, в Пов. вр. л. отсутствуют бесприставочные глаголы от *пълкъ*, а приставочные же формы в большинстве отличаются от старославянских, потому что в памятниках ст.-слав. письменности отсутствуют глагол **плъчити, -сѧ** с префиксом **ис-**. По семантике эта приставка не книжная, не старославянская, а восточнославянская, обозначающая 'полноту совершенного действия', как и в глаголах: *изболѣти* 'изнемочь, переболеть'; *избити* 'перебить', *извинитисѧ* 'провиниться' и т. п. Др.-рус. глагол *испълчити, -сѧ* может быть собственным образованием от сущ. *пълкъ* по аналогии *изрѧдити* (вои, дроужиноу); *изрѧдитисѧ*. Такое допущение вполне вероятно, потому что, во-первых, *изрѧдити, -сѧ* или *порѧдити, -сѧ* в Пов. вр. л. встречаются как

реликтовые, во-вторых, др.-рус. *испълчити*,-сѧ не копирует ст.-слав. **оплъчити, -сѧ** и **оуплъчити, -сѧ**.

Нам кажется вполне убедительным мнение о заимствовании слова **pl̥kъ* из др.-герм. *fulkaz*, ср. др.в.-н. *folk* 'толпа, войско, отряд', потому что оба значения фиксируются в ст.-чеш. *pluk*, ст.-пол. *pułk* и нек. др. Относительно мнения некоторых ученых об исконности **pl̥kъ* в славянских языках М. Фасмер справедливо заметил: «Исконно славянское происхождение слова *pъlkъ* (Brückner 448, Фортунатов. Лекции 160) менее вероятно, потому что ни один и./е. язык не знает расширителя *-k-*. Лит. *pulkas* 'толпа, стая', *pùlks*, *pul̃ks* являются заимствованными из славянских языков». Др.-герм. *fulkaz* др.-в.-н. *folk*, англос. *folc* должно быть из **plgo*, т. е. того же корня, что и ст.-слав. **плънъ** < **plьnъ*. Показательно, что *-g-* зафиксирован в алб. *pl'ogu* 'куча, груда' при *pl'ot* 'полный'. В славянских языках образования на *-go* от корня **pl̥-* не фиксируются. Едва ли прав В. Махек, который во втором издании своего этимологического словаря утверждает, что слав. *pъlkъ* из герм. **folg-*, от которого совр. нем. *Folge*, *folgen*. Дело в том, что герм. *folg-* из и/е. *polgh-*, а *-gh-* на германской почве не дает *-k-*[35].

Не совсем ясно, каким образом проникло слово *пълкъ* в др.-рус. язык. Считать, что весьма редко встречающееся в памятниках ст.-слав. письменности **плъкъ** (В Син. пс. один раз, Супр. — 7 раз) могло повлиять на язык наших книжников так, что они собственные *вои*, *рать*, *дружина* стали заменять книжным словом **плъкъ**, — все же мало вероятно. Кроме того, как видели, др.-рус. *испълчити*, *-сѧ* не коопирует ст.-слав. **оплъчити, -сѧ** и **оуплъчити.-сѧ**.

Помимо всего этого, в др.-рус. слово *пълкъ* не фиксируется в значениях 'толпа, множество, люди', оно употребляется только в военном значении, за исключением церковной литературы, где, как и в памятниках ст.- и церк.-слав. письменности, встречаются — *полкъı бѣсавскиѧ* (Киево-печ. патерик); мъножьство *полковъ* невидимъıхъ бѣсовъ (ЖФП, л. 38а) и т. п.

Вытеснение исконных *вои*, *рать*, *дроужина* новым словом *пълкъ* возможно при условии, если последнее стало обычным в речи, по крайней мере, военных, дружинников. Но каким образом слово *пълкъ* стало обычным в устной речи, повлекшим к образованию глагола *испълчити*, *-сѧ*, пока не выяснено. Заметим, что впервые глагол *исполчити* в Пов. вр. л. употреблен под 6524 (1016) г.: Ꙗрослав же заоутра *исполчивъ* дружину свою противу свѣту перевезесѧ (Л. 48 об., Ип. 53 об.); тут же под 6526 (1018) г.: Ꙗрослав не оутагну *исполчитисѧ* и побѣди Болеславъ Ꙗрослава

[35] *Преображенский II*, стр. 94; *Фасмер III*, стр. 311; *F. Kluge*, *A. Götze*. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, Berlin, 1951, стр. 841 и 219; *В. В. Мартынов*. Славяно-германские лексические взаимодействия древнейшей поры. Минск, 1963, стр. 223 и сл.; *Machek* [2], стр. 464; *M. Brodowska—Honowska*. Słowotwórstwo przimiotnika, стр. 133 и сл.

(Л. 48 об. — 49, Ип. 54, в П. и Х. *сполчитисѧ*); ѡни же (волхвы. — *А. Л.*) сташа *исполчившесѧ* (Ип. *сполчившесѧ*) — (Л. 59, Ип. 65). Может быть, *испълчитисѧ* есть видоизменение *спълчитисѧ*? Последняя форма в этом случае, видимо, следует признать западнославянизмом. Слово же *полкъ* впервые зафиксировано под 6454 (946) г. в предложении: и снемъшемасѧ ѡбѣма *полкома* на купь (Л. на скупь). суну копьемъ Стославъ (Ип. 23, Л. 16). По мнению А. Шахматова, только что приведенное предложение было в начальном своде летописи, составленном в конце XI в.[36] Допустимо, что в указанное время слово *пълкъ* уже употреблялось в древнерусской речи. Интересующее слово встречается еще в составе имен *Свѧтопълкъ* и *Яропълкъ*. Последний, ставший князем в 973 г., был сыном Святослава Игоревича; Свѧтопълкъ же был сыном Владимира Святославича от жены грекыни. Имена *Jaropełk*, *Swiętopełk* были особенно употребительны у поляков. Возможно, что на Руси эти имена пришли из Польши.

Показательно, что в Новг. I лет слово *пълкъ* употребляется чаще сравнительно с Пов. вр. л., так как в первом оно зафиксировано 31 раз, а во втором, как видели, — 17 раз. Далее в Пов. вр. л. *вои* употреблено 60 раз, а в Новг. I лет. только 13 раз; соответственно *дружина* — 70 и 12 раз.

Все это свидетельствует о том, что вошедшее в др.-рус. язык, вероятнее всего, изустно слово *пълкъ* стало, как отметили, вытеснять исконные праславянские по происхождению *вои*, *дружина* и *рать*. Источником заимствования слова *пълкъ* могут быть западнославянские языки. Утверждение же В. П. Петруся, что слово *пълкъ* — только мнимый германизм и что пол. *półk* из русского языка [37], едва ли возможно подкрепить убедительными фактическими данными. В. Петрусь полагается на ст.-пол. написание, по его мнению, в пол. *ъ* должен был дать *e*, ср. *Świętopełk*. Однако в пол. *ъ* в слове *pułkъ* рефлексировался двояко, как [e], так и [u], о чем, кроме собственных написаний *Świętopełk*, *Jaropełk*, свидетельствуют и написания *pułk*, а также лит. *pulkas*, лтш. *pùlks*, которые, вероятнее всего, из польского языка.

Все изложенное позволяет констатировать:

1. *Вои — воѥвати* — древнейшие слова до праславянского происхождения — первоначально, как указали, обозначали 'гонщики — гнать, преследовать' (и зверя, и неприятеля). В Пов. вр. л. эти слова употребляются в значениях: *вои* — 'те, кто призван воевать'; *воѥвати* — 'сражаться в бою'. Характерно, что слова *вои — воѥвати* не претерпели книжного влияния, потому что они собственно *вои* в Пов. вр. л. выдержанно употребляется как pluralia tantum, а в памятниках же ст.-слав. письменности преобладает употребление форм **воинъ — воини**, а **вои** встречается редко.

[36] *А. А. Шахматов.* Повесть временных лет, т. I, стр. XVI и 66.

[37] *В. П. Петрусь.* К вопросу о происхождении фонетической формы лексем *polk* и *mowa* в польском языке. «Известия ОЛЯ АН СССР», 1947, т. VI, вып. 1, стр. 51 и сл.

2. Древнейший военный термин *дроужина*, по имеющимся данным, возник из того же слова с первоначальным значением ‘товарищество, ватага, компания’. Эта организация собиралась с определенной целью выполнить тот или иной вид работы. *Дроужина*, как военная организация или войсковая единица, первоначально могла быть собираема для того или иного наступательного похода или обороны. В классовом обществе, каким представляется древняя Русь, описываемая в Пов. вр. л., такая *дроужина* превратилась в постоянную воинскую единицу при князе, участвовавшая вместе с князем в управлении и военных походах.

Поскольку отсутствовал какой-либо термин, означающий ‘войско’, образованное из призванных для крупного похода *воев*, то и эту организацию обозначали тем же словом *дроужина*. Руководителя же *воев* именовали *воеводой*. В связи с этим слово *дроужина* стала терять свое терминологическое значение, что и послужило основой для замены его другим словом — *пълкъ*.

3. Ввиду того, что позже обороты речи: *ходити ратью* и *ходити воиною* употребляются с одинаковым значением, то вполне естественно допущение, что первоначальное значение слова *рать* было ‘война’, а *ратьнꙑи* либо ‘относящееся к войне’, либо ‘участвующий в войне’. И это слово, ставшее со временем полисемантичным, заменилось другим — *воина*.

4. Слова *пълкъ*, *испълчити*, *-сѧ* включились в древнерусскую военную лексику откуда-то извне, но едва ли из памятников ст.-слав. письменности. Выше высказано предположение, что *пълкъ*, вероятно, заимствовано из западнославянских языков, последние его усвоили из др.-в.-нем. языка. Глагол *испълчити*, *-сѧ*, по нашему мнению, образовался на Руси по типу *изрѧдити*, *-сѧ* *порѧдити*, *-сѧ*, *пристроити* и др.

5. Употребление в Пов. вр. л. слова *воевода* свидетельствует о том, что в XI—XII вв. военное дело потребовало особого руководителя. В Пов. вр. л. зафиксирован ряд исторически существовавших имен воевод. Однако остается неясным происхождение слова *воевода* из-за изолированного употребления формы — *вода*, а также из какого источника внедрилось оно в древнерусский литературный язык. То же следует сказать о слове *застоупъ*.

2

Рассмотрим лексику, обозначающую вооружение древнерусского войска. Слово *оружье* употребляется в основном в обобщенном значении ‘вооружение’, ср.: аще оударить мечемъ или копьемъ или кацѣмъ любо ѡружьемъ. заплатить сребра литръ .е. (Л. 13 об., Ип. 20 об., — договор Игоря); посли ему ѡружье ... и послаша ему мечь. и ино ѡружье (Л. 21 об., Ип. 28); Ростиславъ ѡступи ... не хотѧ противу строеви ѡружьꙗ взѧти (Л. 55, Ип. 61) и др. Правда, встречаются и такие примеры: мы сѧ доискахомъ ѡружьемъ ѡдиною стороною (Ип.: ѡружьемъ

ѡдиноѧ страны). рекоша (Ип.: рѣкше) саблѧми. а сихъ ѡружьѥ ѡбоиду (Ип.: ѡбоюдо) ѡстро рекше мечь (Л. 6, Ип. 7 об.); послании ѥша корабль Глѣбовъ. и ѡбнажиша ѡружье (Л. 46 об., Ип. 51) и нек. др., но и в последних примерах слово *оружье* воспринимается и как обобщенное обозначение вооружения.

В памятниках же ст.-слав. письменности **оржие** употребляется для перевода греч. ‘ρομφαία ‘мечь’, μαχαίρα, видимо, тот же ‘мечь’, τὰ ὅπλα ‘вооружение’, ἡ πανοπλία ‘полное вооружение’, последнее один раз в Син. тр. переведено **оржие вьсе**, ср.: **і облѣци и въ оржие все** (93б, 20), греч. καὶ ἔνδυσον αὐτὸν τὴν πανοπλίαν. Приведем другие примеры: **исоуни оржіе і цитъ** (Син. пс. XXXIV, 3), греч. ‘ρομφαία; **и тебѣ же самои проидетъ дшѫ оржие** (Л. II, 35 Ас.), греч. τὴν ψυχὴν διελεύσεται ‘ρομφαία; **ѣко на разбоиника ли придете съ оржьемъ и дрьколми ѥтъ мене** (Мф. XXVI, 55 Ас.). греч. ... μετὰ μαχαιρῶν καὶ ξύλον; **къде народи ... і оржьѣ і дрьколи** (Клоц. 12б 13—14), греч. ποῦ οἱ δῆμοι ... καὶ τὰ ὅπλα καὶ δόρατα; **възъмѣмъ оржие... сътъримъ противънъіѧ силы** (Син. тр. 98а, 7—9), греч. λάβωμεν πανοπλίαν ... и т. п.

Таким образом, в памятниках ст.-слав. письменности слово **оржие** употребляется в двух значениях: 1) ‘меч’ и 2) ‘вооружение вообще’. Корень слова **оржие** восходит к ***rong***-, который в виде *ръгам* ‘ударить чем-либо острым’, если это не от *рогъ*, дошло до нас в болгарском языке[38]. Слово **оржие** по корню сближают с лит. *reñgtis* ‘снаряжаться, готовиться к работе’, *ãpranga* ‘снаряжение всех видов’ (вооружение, конская сбруя и т. д.)[39]. Обобщенное значение слова **оржие** стало развиваться после того, как вошло в обиход новое, заимствованное название этого оружья — **мечь**.

В этимологической литературе утвердилось мнение, что в др.-рус. языке слово *оружье* — церковнославянизм. Поскольку это слово в памятниках др.-рус. письменности употребляется только в обобщенном значении, то такое предположение имеет свои основания. В Пов. вр. л. встречаются такие обороты речи, как ѡблѣщисѧ въ ѡружье (Ип. 46, л. 42 об.); изодѣлисѧ суть ѡружьемъ и портъі (Л. 21 об., Ип. 28) — последнее изодѣлисѧ в том же значении, что и ѡблѣщисѧ, являются книжным, ср.: **облѣци и въ оржие** (Син. тр. 93 об., 20) **облѣцамъ же сѧ въ оржие** (Ен. ап., л. 5а, 17); **облѣцѣте сѧ вь оржье** (Рыл. гл. лл. 2в, 29) и др.

Зарегистрированный в Пов. вр. л. всего один раз глагол *въоружити сѧ*, надо полагать, — церковнославянизм, ср.: съвѣщаша Русь изидоша *въружившесѧ* (Ип. *въѡружившесѧ*) на греки. и брани межю ими бывша зьли (Ип. злѣ) ѡдва ѡдолѣша грьци

---

[38] *Младенов*, 387; Речник на съвременния български книжовен език, т. III. София, 1959, стр. 128.
[39] *Machek*, стр. 341; *Фасмер III*, стр. 154.

(Л. 10, Ип. 17 об.). Интересующее слово употреблено в окружении церковнославянизмов: **съвѣщаша. изидоша, брани.** По крайней мере, в памятниках ст.-слав. письменности **въоружити сѧ** употребительно[40], причем не только в прямом смысле, но и переносно, ср.: **въоружи сѧ вѣроѭ** (Син. тр. 84а, 22—23); **крс̄томь въоружь сѧ** (там же, 84б, 2—3).

Мечь, как установлено археологами, было обоюдоострым оружием (см. пример, приведенный выше), в основом привозимым из других стран, и он «являлся своего рода военной эмблемой Руси»[41]. В Пов. вр. л. слово *мечь* встречается в небольшом количестве — 12 раз, ср. некоторые примеры: аще оударить *мечемъ* или копьемъ или кацѣмъ любо ѡружьемъ ... заплатить сребра литръ .е̄. (Л. 13 об., Ип. 20 об.); а не крѣщении Русь да полагають щиты своѧ и *мечѣ* своѣ наги (Ип. 21, л. 14) — при клятве; и подъıста и (Ярополка. — *А. Л.*) два варѧга *мечьми* подъ пазусѣ (Л. 24 об., Ип. 31); извлекъ *мечь* пронъзе и (Бориса. — *А. Л.*) къ ср̄дцю. и тако скончасѧ блжнъıи Борисъ (Л. 46, Ип. 50 об.) и др.

Примеры указывают на то, что *мечь* был ударным (секущим), а также и колющим оружьем, поэтому он, видимо, и ценился. Начиная с Миклошича, полагают, что слово *мечь* заимствовано из гот. *mēkeis*[42]. Это мнение справедливо подвергается критике и допускается, что славянское и готское слово из какого-то неизвестного источника[43]. Как видели выше, собственно славянским названием *меча* было слово *оружье*. Поскольку слово общеславянское, то заимствование его могло произойти очень рано. По археологическим данным, мечь, как предмет, известен в IX в.[44] Как было отмечено, в дружине князя была особая категория воинов, носящих название *мечьникъ*. По Рус. Пр. за убийство мечника возлагали виру в 40 гривен (ст. 1). Ліюбопытно, что Л. XXII, 52 Зогр. и Мар. читается: **ѩко на разбо ника** (Мар. **на разбоиникъ ли**) **придете. съ оржьемь і дрекольми. ıати мене** (таков же текст Мф. XXVI, 55, но там: **изидете**, причем это место есть и в апракосах), в Остр. Л. XXII, 52 читается: **на разбоиника ли изидосте съ мечи и дрьколъми** (л. 293 б), но Мф. XXVI, 55 здесь: **съ оржии и дрьколъми** (л. 161 в); Л. XXII, 52 нет в Ас., Сав. Вероятно, что замена **изидете съ оржии** в Остр. на **изидосте съ мечи**, так же как и замена Мк. VI, 27 **спекулатора** на **мечьника** (л. 288 а) принадлежит дьякону Григорию. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что на Руси *ороужие* в значении ‘мечь’ в XI в. еще не было известно.

---

[40] Slovník jaz. stsl. I, стр. 313.
[41] *А. А. Арциховский.* Оружье. «История культуры древней Руси», т. I, стр. 420.
[42] *Miklosich*, стр. 208; *Фасмер II*, стр. 612 и сл.
[43] *Преображенский I*, стр. 533; *Machek*[2], стр. 357.
[44] *А. В. Арциховский.* Указ. соч., стр. 417 и сл.

В Пов. вр. л. вначале подчеркивается, что *саблѧ* не является русским оружьем, ср.: рѣша старцѣ козарьстии. не добра дань кнѧже мы доискахомсѧ ѡружьемь ѡдиноѧ странъı. рѣкше *саблѧми*. а сихъ (т. е. полян. — *А. Л.*) ѡружье ѡбоюдо остро. рекше мечи (Ип. 7 об., Л. 6, Н. 28 об. — 29); реч̀ же кнѧзь печенѣжьскии къ Прѣтичю. буди ми другъ. ѡнъ же реч̀ тако створю. и подаста руку межю собою. и въдасть печенѣжьскии кнѧзь Прѣтичю. конь. *саблю*. стрѣлы. ѡнъ же дасть ему. бронѣ. щитъ. *мечь*. (Л. 20, Ип. 26 об., Н. 38). В первом примере *саблѧ* признается оружьем козар, а во втором — печенегов. В Пов. вр. л. еще позже под 6594 (1086) г. читаем: лежащю и ту на возѣ (Ип.: Ѩрополку лежащю на санках; Р. и А.: лежащю ему) *саблею* с конѧ прободе и ... И тогда въздвигнувъсѧ Ѩрополкъ. вьıторгну изъ себе *саблю* (Л. 69, Ип. 76 об.).

Приведенными исчерпывается количество примеров в Пов. вр. л., в которых употреблено слово *саблѧ*. В таких памятниках др.-рус. письменности, как Рус. Пр., Новг. I лет. и др., этого слова нет. По археологическим данным, на территории Руси в могилах X в. обнаружена сабля [45]. Судя по материалу, приведенному И. Срезневским в XII—XIII вв. слово *саблѧ* вошло в широкое употребление [46], а затем, по мнению, например, В. Махека, в XIV—XV вв. из Руси слово распространилось не только по всем славянским языкам, но и широко в других западнославянских странах [47]. Считают, что слово *саблѧ* вместе с *оружьем*, носящим это название, внедрилось в древней Руси с Востока, но и из какого языка оно пришло к нам, вопрос остается открытым. По мнению Ф. Корша, слово *саблѧ* заимствовано из камско-булгарского **sabja*, последнее от фин. *sab* ‘резать’ [48]. Ошибочность этого мнения очевидна, так как булг. **sabja*, если оно существовало, в древнерусском звучало бы как **sobl'a*, по типу: *колпакъ* из *kalpak*, *товаръ* из *tavar*, *хозяинъ* из **chadzá* и т. п., т. е. предударное *а* обычно передалось бы как *о*, чего в слове *саблѧ* нет, да и ударение здесь на первом слоге. Собственно к мнению Ф. Корша присоединился С. Младенов, объявив слово *саблѧ* праболгарским, т. е. словом, принесенным на Балканский полуостров Аспаруховыми болгарами [49]. В. Георгиев зафиксированные в некоторых памятниках церк.-слав. письменности слова *сабль* ‘петух’, *саблица* ‘курица’ так же признает праболгарскими и сравнивает их с тюрк. *сабан* ‘дикий петух’, ‘глухарь’ [50]. С. Младенов и В. Георгиев были бы правы, если бы они доказали, что

[45] *А. В. Арциховский.* Указ. соч., стр. 422.
[46] *Срезневский III*, стб. 238 и сл.
[47] *Machek*, стр. 495.
[48] *Преображенский II*, стр. 243.
[49] *Младенов*, стр. 566.
[50] *В. Георгиев.* Опит за периодизация на историята на българския език. «Известия на Института за български език», кн. II. София, 1952, стр. 87; *Он же.* Въпроси на българската етимология. София, 1958, стр. 48.

в каком-либо из тюркских языков существовало слово *sab* в значении 'резать', от которого на славянской почве присоединением *-ja* и *jo* могли образоваться *sabl'a* и *sabl̥*, по типам: *капля*, *коупля*, *земля* и т. д.; *въпль*, *плачь*, *вождь* и прочее. Помимо этого, необходимо также доказать, что **sabъ* или **sabiti* употребляли и сами славяне. Без этих условий, думается, неправильно предполагать, что при заимствовании **sab* стали произносить как *sabl'a*, *sabl̥*. Едва ли подлежит сомнению, что *sabl'a*, как перенятое название вместе с оружьем в том языке, откуда оно заимствовано, звучало как **sabia* или **sabie*, но такие слова пока не обнаружены в каком-либо из языков народностей и племен, соседничавших с древней Русью.

Происхождение названия оружья, называемого *копье*, считается ясным: оно образовано присоединением суф. *-ьje* к корню *kop-(a-ti)*.

Как полагал А. Мейе [51], такое образование должно быть древнейшим, возможно даже дославянским, поскольку оно представлено только рассматриваемым словом. Первичное значение этого слова, конечно, было не названием вида оружья, а названием орудия труда, так же как, например, лит. *kaplỹs* 'мотыга, топор'. Слово *копье* — общеславянское и в диалектах отдельных языков встречается в виде названия бытовых вещей [52].

Приведем примеры: аще оударить мечемъ или *копьемъ* или кацѣмъ любо ѡружьемъ ... заплатить сребра литръ .е. (Л. 13 об.; Ип. 20 об., — из договора Игоря); и насунуша ... *копьи* ... и прободоша Бориса (Л. 46, Ип. 50.); къ вечеру ѡдолѣ Стославъ и взѧ градъ *копьемъ* (Л. 21, Ип. 27 об.); и взѧста *копьем* град. и зажгоста ѡгнем (Л. 90, Ип. 91 об.); ꙗвисѧ звѣзда велика на западѣ. *копѣинꙑмъ* ѡбразомъ (Ип. 13 об.) и др. Как видно из примеров, прилагательное *копиинꙑи* употреблялось переносно, для сравнений. В памятниках ст.-слав. письменности указанное прилагательное не зафиксировано, хотя существительное, образованное от основы этого прилагательного, имеется, ср. **єтєри оржьници. такожде и копиници** (Супр. 463, 26—27) греч. τινες δορυφόροι, οπλῖται καὶ σκηπτοδχοι. Помимо того, взѧти градъ *копьемъ*, надо полагать, означает 'штурмом'.

Хотя в Пов. вр. л. слово *копье* встречается редко, не более 10 раз, тем не менее это слово у нас — праславянское наследие.

Вероятно, *лоукъ* < *лжкъ* с самого начала было названием оружья, хотя в пол. *łęk* 'дуга, арка, лука'. Наверное случайно оказалось это слово всего один раз в Пов. вр. л.: ѠЛЬБЕГЪ (Ип. Ельбѣгѣ) Ратиборичь приима *лукъ* свои и наложивъ стрѣлу. оудари Итларѧ в сръдце (Л. 76, Ип. 84). В значении же 'кривизна' обычно употребляется *лука*, ср. суть горы заидуче (в) *луку* морѧ

[51] *A. Meillet*. Études, стр. 385.
[52] *Sławski* II, стр. 459 и сл.

(Л. 85, Ип. 86). Слово *лоукъ* < *лѫкъ* как название оружья — общеславянское и, надо полагать, древнейшее.

Стрѣла зафиксирована несколько раз, ср.: и въдасть печенѣжьскии кнѧзь Прѣтичю конь. саблю, *стрѣлꙑ* (Л. 20, Ип. 26 об.); мужь корсунѧнинъ стрѣли . . . напсавъ сице на *стрѣлѣ* (л. 37 об., Ип. 41 об.); и растрѣлѧша *стрѣлами* Василковичи (Л. 90 об., Ип. 92); начнеть ѡрати смердъ. и приѣхавъ половчинъ оударить и *стрѣлою* (Л. 93 об., Ип. 95 об.) и др. Производными от него являются: *стрѣлити*, *растрѣлѧти*, *стрѣлище* 'мера длины', *стрѣльць*, ср.: Мьстиславу же хотящю *стрѣлити* внезапу оударенъ бꙑс подъ пазуху *стрѣлою* (Л. 91 об., Ип. 93 об.); ѡвѣхъ посѣкаху . . . инꙑѧ же *растрѣлѧху* (Ип. 12); и ста Володимеръ ѡб онъ полъ города в лимени. дали града *ст(р)ѣлище* едино (Л. 37 об., Ип. 41 об.); и се половци идѧху противу. и *стрѣлци* предъ ними (Л. 73, Ип. 81) и др. Такие памятники ст.-слав. письменности зафиксировали слова: **стрѣла** — Син. пс. XVII, 15; XXXVII, 3; XLIV, 6 и др.; Син. тр. 76 а, 4; 94 а, 7; Супр. 88, 10; 112, 11 и др.; **стрѣлѣти** — Син. пс. LXXVII, 9; **състрѣлѣти** — Син. пс. X, 3; XXXVI, 14; LXIII, 5; Син. тр. 88 б, 11—12; **оустрѣлѣти** — Супр. 381, 13; 471, 28 и др.

Стрѣла — общеславянское слово, оно же имеет соответствия в лит. лтш., а также в германских языках [53]. До сих пор не установлена бесспорная этимология слова. В. Махек допускает, что оно из праевропейского субстрата, по-видимому, с первичным значением названия оружия [54]. Для нас важно то, что оружие, носящее название *стрѣла*, является древнейшим. Вообще это оружие представляется принадлежностью всех родов и племен, находящихся на определенной ступени развития.

По всей видимости, *лукъ* и *стрѣла* были массовым оружьем, которым вооружается каждый воин. Помимо этого, воин, надо полагать, имел еще *щитъ*. Слово это также является общеславянским [55]. Приведем несколько примеров: и повѣсиша *щитꙑ* своѧ въ вратѣхъ показующе побѣду (Ип. 12 об.) — в данном примере *щитъ* является символом побѣды; исѣкоша мужѣ. а жены и дѣти вдаша (Ип.: взѧша) на *щитꙑ* (Л. 56, Ип. 62) — тут вдати (взати) *на щитъ* — 'стать военной добычей' [56]; и приде на холъмꙑ иде стоꙗше Перунъ и покладоша ѡружьꙗ своѧ и *щитꙑ*. и золото. и ходи Игорь ротѣ (Ип. 21, Л. 14. — из договора Игоря); здесь на оружии и щите дают клятву; ѡнъ же (Прѣтичь.— *А. Л.*) дасть ему (печенежскому князю.— *А. Л.*) бронѣ. *щитъ*. мечь (Л. 20, Ип. 26 об.) — оружие, в том числе и *щитъ* отдается в обмен в знак дружбы.

---

[53] *Miklosich*, стр. 325; *Преображенский II*, стр. 404 и сл.; *Brückner*, стр. 522; *Младенов*, стр. 612; *Holub—Kopečný*, стр. 356 и сл.

[54] *Machek*, стр. 479.

[55] *Преображенский III*, стр. 119 и сл.; *Фасмер IV*, стр. 508.

[56] Другие примеры: *Срезневский III*, стб. 1610.

Глагол *защитити* в Пов. вр. л. зафиксирован всего два раза в славословии Ольге, притом один раз в цитате, а другой в книжном обороте речи, ср.: и мышцею *защитить* ѩ (Премудрости V, 16 — *А. Л.*); защитить бо есть сию блжну Вольгу. ѿ противника и супостата дыавола (Л. 21, Ип. 27 об.). Срезневский в словарной статье *защитити, -сѧ* иллюстрирует примерами из церковных книг или книжными оборотами речи, взятыми из летописи [57]. Отсутствие формы *защичати*, по-видимому, является основанием для признания, что глагольные образования от *щитъ* в древнерусском языке заимствованы из памятников ст.-слав. письменности, в которых мы находим: **Да прииметь и. і похѫпитъ. и защититъ** (Син. тр. 92 б, 12—14), греч. ὑπερασπίσαι; **ничесоже паче заштиштати** (Супр. 407, 29—30); **заштітітель животоу моемоу** (Син. пс. XXVI, 1); **заштітънікъ мои** (там же XVII, 3); **далъ мі єсі заштіщенье** (там же XVII, 36) и др.

Памятники ст.-слав. письменности словом **ножь** передают греч. μάχαιρα и φαλίς, ср.: **извлѣче ножь свои и оударь раба архіереова. оурѣза емоу оухо десное** (Мф. XXVI, 51 Ас.), греч. ἀπέσπασεν τὴν μάχαιραν αὐτοῦ...; **вънѣзи ножь въ ножьницѧ** (Ас.: — іцѫ) — И. XVIII, 11 Зогр., греч. βάλε τήν μάχαιράν σου εἰς την θήκην; **оубикнию ножь наостри** (Супр. 389, 10), греч. ... τὴν μάχαιραν; **възъми нѫжѧ** (вместо **ножѧ**) **и єгда въдастъ емоу ножѧ** (Син. тр. 96 а, 17—19), греч. λάβε τὸ φαλίδιον... καὶ ἐπιδιδόντος αὐτοῦ τὸ φαλίδιον.

Таким образом, **ножь**, передающий греч. μάχαιρα, носится **въ ножньницѧ**, εἰς τὴν θήκην. Это, по всей видимости, — кинжал. Другое слово **ножи**, употребляемое во мн. ч. и передающее греч. φαλίς, не что иное как 'ножницы', ср.: **И приемъ ѿнъ ножѧ... и стрижетъ власы** (Син. тр. 96а, 24—96б, 1—9). В первом значении употреблено слово *ножь* в Пов. вр. л., ср.: Поваръ же Глѣбовъ вънезъ *ножь* зарѣза Глѣба (Л. 46 об., Ип. 61 об.); Мьстиславъ ... вънзе *ножь* и зарѣза Ределю (Л. 50, Ип. 55); оузрѣ Василко Торчина остра (Ип.: острѫща) *ножь*. и разумѣ ꙗко хотѧт и слѣпити (Л. 88, Ип. 89); послаша мужѣ свои глще к Стополку. что се ... вверглъ єси *ножь* в нъı. чему єси слѣпилъ брат свои (Л. 88 об., Ип. 90). Этот ножь не путается с мечом, ср.; ранить *мечемь* или *ножемь* [58]. К сожалению, этот *ножь* археологами не обнаружен. Нет сомнения в том, что древнерусский *ножь* 'кинжал' был праславянским наследием. И это слово стало употребляться и в переносных значениях, ср. приведенный выше пример ... вверглъ єси *ножь* в нъı, т. е. 'посеял между нами распрю'.

Вид оружья, носящего названия *топоръ* и *топорьць*, совсем неизвестен памятникам ст.-слав. письменности, ср. Глѣбъ же возма *топоръ* подъ скутом. приде к волхву... Глѣбъ же вънемъ

[57] *Срезневский I*, стб. 959.
[58] Смоленские грамоты XIII—XIV вв., стр. 11.

топоръ роста и паде мертвъ (Л. 61, Ип. 67); Ѡневи же идущю с *топорцем*... ѡни же сунушася на Ѡна ... *топором*. Ѡнь же оборота оудари и тъльемъ. повелѣ ѡтроком сѣчи и (Л. 59 об., Ип. 65). *Toporъ* — общеславянское слово. Из восточнославянских наречий оно заимствовано финским и др.-сканд. языками, из последнего оно попало и в англосакс. *taper* [59].

Таким образом, древнерусское оружие — *топоръ* представляет, как полагают, праславянское наследие. Однако происхождение слова бесспорно не установлено. Фасмер допускает две возможности происхождения этого слова: 1): от *tep-ǫ*, *te(p)-ti* присоединением суф. *-orъ*, по типу *govorъ*, **stoborъ*, **nosorъ* и т. д.; 2) заимствование древнеиранского *tapar*. Последнее вызывает затруднения в фонетическом объяснении. Если исходить из совр. *топо́р*, то мы должны ожидать **toparъ*, чего нет. Если с.-хорв. *kȍsor* ‘род ножа’ от *kos-(i-ti)*, *govor* от *gou-*, чеш. *sochor* ‘лом’ от *soch-*, то образование от *tep-(ti)* формы *toporъ* вполне естественно (чередование *e/o* такое же, как и в *nes-ti* — *nos-i-ti*; *vez-ti* — *voz-i-ti* и т. д.). Такое объяснение происхождения слова, кажется правильным, поскольку до сих пор *топор* остается бытовым орудием, которым в основном бьют при рубке и колке.

В договоре 945 г. читаем: а не крѣщении Русь да полагають щиты своа и мечи наги. ѡбручи свои. и прочаа ѡружьа (Ип. 21, Л. 14). Это единственный пример в Пов. вр. л., где употреблено слово *обручь*, причем оно перечисляется в числе оружья. И. Срезневский определяет его значение так: ‘запястье, как часть воинского доспеха’ и приводит, кроме известного уже нам, еще один пример из Шестоднева Иоанна экзарха болгарского [60].

В памятниках письменности слово *обручь* < **obrǫčь* более известно как название украшения, ср.: они бо не складаху на своя жены златых *обручеи* (Н. 1 об.) [61]. Какое значение имело *обручь* как воинский доспех, установить трудно. А. В. Арциховский в своей работе «Оружие» не упоминает *обручь* [62]. Слово это общеславянское, являющееся отглагольным именем от **обрѫчити**—**обрѫчь** [63]. Возможно, что его значение ‘запястье, как часть воинского доспеха’ — вторичное, первичным могло быть ‘запястье’, употреблявшееся при определенных видах труда.

Также всего один раз в Пов. вр. л. зафиксировано слово *брьни* (pluralia tantum), ср.: ѡнъ же (воевода Прѣтичь. — *А. Л.*) дасть ему. *бронѣ*. щитъ. мечь (Л. 20, Ип. 26 об., Н. 38). Это слово широко известно по другим памятникам письменности, ср.: людье на конихъ одени въ *брьне* и коне ихъ (Новг. I лет., л. 69); и поиде кнзь Всеволодъ съ городища съ всѣмъ дворомъ

---

[59] *Фасмер IV*, стр. 79 и сл.
[60] *Срезневский II*, стб. 550 и сл.
[61] Другие примеры: *Срезневский II*, стб. 550.
[62] История культуры древней Руси, т. I, стр. 417—438.
[63] *Vasmer II*, стр. 245.

своимъ. и скрутасѧ въ *брънe*. акъı на рать (там же, л. 93) и др.[64] Слово это зафиксировано и в памятниках ст.-слав. письменности, ср.: **і облѣци и вь брьнꙗ правъдъı** (Син. тр. 94а, 1—2), греч. καὶ ἔνδυσον αὐτὸν θώρακα δικαιοσύνης; **одѣетъ сѧ въ маньтиницѫ нєзълъбью. ѣко въ брънꙗ правъдъı** (там же, 97 а, 17—19)[65]. В языке переводчика, приведенных частей Син. тр., по всей видимости, **брънии** было обычным словом, поэтому возможно было употребить его в сочетании со словом **правьда**. *Брънии* ‘кольчуга, панцирь’ — наряду со щитом являлась обычным видом защитного оружия, предохраняющего воина от поражения стрелой, копьем и др. Кольчуги, состоящие из переплетенных металлических колечек, на Руси существовали уже в X в. Слово *брънии* было распространено у восточных и западных славян. Не исключено при этом, что пол. *brnia* из чешского языка. Убедительных данных, подтверждающих, что слово *брънии* как название оружья было в употреблении и у южных славян, нет. В Син. тр. это слово могло быть включенным при переводе этого памятника в Моравии; болг. *броня* — из русского языка[66]. Считается достоверным, что слово *брънии* — заимствование из германского *brunia* ‘броня, панцирь, латы’[67]. Однако, если исходить из реалии, то кольчуга, состоящая из переплетенных металлических колечек, на западе не была известна до XII в.[68] В связи с этим существующее мнение о заимствовании слова *брънии* из германских языков, по крайней мере, требует лучшего обоснования. А это тем более необходимо, что в болг. имеется слово *брънка* ‘маленький обруч’[69], с.-хорв. *brnjica* ‘кольцо, надеваемое животным в ноздрю’; ‘серьга’[70]. Поскольку ‘кольчуга’, или ‘панцирь’, представляла сплетение металлических колечек, то вполне естественно его название в языке обозначалось тем же существительным во множ. числе **brъni*. В русском языке зафиксировано слово *бронникъ*[71], представляющее образование от прилагательных *брънинъ*. Названия населенных пунктов *Бронничи*, *Бронницы*[72], видимо, образованы от *бронникъ*.

Таким образом, в звуковом отношении, а также в общем значении ‘панцирь’ герм. *brunia* и слав. **brъna* совпадают. Объяснимы

---

[64] Другие примеры: *Срезневский I*, стб. 183.
[65] Другие примеры: Slovník jaz. stsl. I, стр. 145.
[66] БЕР, стр. 81.
[67] *Miklosich*, стр. 23; *Berneker I*, стр. 90; *Преображенский I*, стр. 46; *Machek*, стр. 44; *Фасмер I*, стр. 217 и сл.; Этимологический словарь русского языка, т. I, вып. 2. М., 1965, стр. 201; *F. Kluge/ A. Götze*. Указ. соч., стр. 107.
[68] *А. В. Арциховский*. Указ. соч., стр. 424.
[69] Речник на съвременния български книжовен език, т. I. София, 1951—1955, стр. 85.
[70] *Berneker I*, стр. 90; *J. Jurančič*. Srbohrvatski-slovenski slovar. Ljubljana, 1955, стр. 48.
[71] Словарь церковнославянского и русского языка, т. I. Изд. 2. Спб., 1867, стб. 174.
[72] *Фасмер I*, стр. 218; *В. А. Никонов*. Краткий топонимический словарь. М., 1966, стр. 65 и сл.

при этом. чеш. *brň*, *brně*, словц. *brná*, с.-хорв. *bŕnjica*, поскольку в последних языках праслав. *tr̥t* переходило в *tŕt* [73]. Приведенный материал свидетельствует о том, что слова с основой *brъn-* в славянских языках имели значение 'кольцо' или 'колечко', герм. *brun-* в этом значении как будто неизвестно. Это расхождение в значениях между слав. и герм. словами с основой *brъn-* и *brun-* пока не объяснено.

Приведенными исчерпывается названия оружий, зафиксированные в Пов. вр. л. В перечне отсутствуют *шлѣмъ*, или *шеломъ*. Отсутствие этого слова случайно, поскольку в Суздальской летописи по Л. под 6659 (1152) г. читаем: конь же начатъ соватисѧ подъ нимъ и *шеломъ* с него слетѣ. и щитъ ѿторже (л. 111 об.). В Пов. вр. л. отсутствуют названия: *рогатина*, *оскѣпъ* — виды копья; *сулица*, впервые зафиксирована в Сл. о п. Иг., возможно, поэтому, в начале XII в. могло еще не существовать; так же *засапожникъ*, вероятно, — 'вид кинжала' — тоже зафиксирован только в Сл. о п. Иг.; *булава*, видимо, также отсутствовала в начале XII в.

Приведенный материал дает основания для констатации:

1. Такие названия оружья, как: *копьe*, *лукъ*, *мечь*, *ножь*, *стрѣла*, *топоръ*, *щитъ* — являются общеславянскими и в древнерусском языке представляют праславянское наследие. *Сабля*, по-видимому, заимствовано в древней Руси из какого-то восточного языка, в котором слово произносилось с ударением на первом слоге. Слово *брънѣ*, получившее распространение в восточных и западных славянских языках, неизвестно из какого оно языка, поскольку герм. *brunia* неизвестно в значении 'кольцо, колечко'.

2. Церковнославянизмами являются *оружие*, усвоенное в древней Руси в обобщающем значении, а также: *въоружитисѧ* и *защитити — защищати*.

Таким образом, влияние языка церковных книг на названия оружия древней Руси минимально.

3

Остается рассмотреть лексику, характеризующую действия древнерусского войска, или дружины. Выступление в военный поход передается обычным словом *ити* и *прити*, ср.: *иде* Асколдъ и Диръ на греки (Л. 7 об., Ип. 9); *иде* Игорь на древлѧнъı (Ип. 16 об.); Ꙗрославъ *иде* на ꙗтвагъı (Л. 52, Ип. 57 об.); *поиде* Ѡлегъ поимъ воꙗ многи и приде къ Смоленьску (Л. 8, Ип. 9 об.); се времѧ *поидоша* половци на Руськую землю (Л. 72 об., Ип. 80 об.) и др. В том же значении, что *ити* — *поити* употребляется еще

[3] *А. М. Селищев.* Славянское языкознание, т. I. Западнославянские языки. М., 1941, стр. 87; *М. Павловић.* Примери историског развитка српскохрватског језика. Београд, 1956, стр. 17.

прити, ср.: *приде* Семеѡнъ болгарскыи на Цр҃градъ. и створивъ миръ. *иде* въ своѧ си (Ип. 16 об.); *придоша* половци Итларь и Кытанъ к Володимеру на миръ (Л. 75 об., Ип. 83 об.); *Придоша* иноплеменьници. на Русьскую землю. половци мнози (Л. 56 об., Ип. 62 об.) и др.

Разница в употреблении глагола *ити* с приставками *по-* и *при-*, видимо, такая: первая обозначает 'направления действия от себя', а вторая — 'приближение к'; *ити* без приставки — 'двигаться', а далее направление означается дополнением с предлогом *на*: *иде на* хорватꙑ (Л. 42, Ип. 46); *иде на* ѣтвагꙑ (Л. 52, Ип. 57 об.); *иде на* мазовшанꙑ (Л. 52 об., Ип. 58) и т. д., однако *приде* Брѧчиславъ . . . *на* Новъгородъ (Л. 49, Ип. 55), но и: *приде* Ꙗрославъ *къ* Берестию (Л. 50, Ип. 55); *приде* къ Смоленьску (Л. 8, Ип. 9 об.), что невозможно при *иде*.

Вместо указанных глаголов в тех же значениях встречается еще *находити*, ср.: Волхомъ (Ип.: Волохомъ) бо *нашедшимъ* на словѣни на Дунаискиѣ и насилѧщимъ имъ (Л. 2 об., Ип. 4); оугре же *нашедше* всю землю болгарьскую плѣноваху (Ип. 11), отсюда: посемь бо быша оусобицѣ много. и *нашествие* поганꙑхъ на Русьскую землю (Л. 55 об. Ип. 61—61 об.); се же прокꙑлѧше *нахоженье* Антиѡхово *нашествие* (Ип. добавлено: рати) на Иер҃слмъ (Л. 55 об., Ип. 61 об., — цитата из Хронографа). По всей вероятности, *находити* и *нашествие* в приведенных значениях и оборотах речи — книжные слова, заимствованные из церковных книг. Так, у Срезневского примеры на *находити* преимущественно из церковных книг[74]. Что касается слова *нашествие*, то его книжное происхождение очевидно, поскольку др.-рус. языку едва ли было свойственно суф.- *(е)ствие*, ср.: **нашествиѣ ратьнꙑихъ** (Супр. 94, 22); **нашествие непрїѣзнино** (Син. тр. 25 б, 5—6) и др.

Глагол *воѥвати*, как отмечено выше, означает 'сражаться', 'наступать' с целью покорения или приобретения. В этом смысле *воѥвати* имеет обобщенное значение.

Ряд военных понятий обозначается глаголами *наступати*, *отступити* — оба от основы *стоуп-* < **stǫp-* так, же, как и: *съступитисѧ*, *оступити*, *подъступити*, *приступити*.

В Супр. читаем: **видѣвъше море растѫпивъше сѧ. и пакꙑ състѫпивъше** (417, 5—7), то же в «Речи философа»: и *раступисѧ* вода надвое и *съступисѧ* море (Л. 32, Ип. 37 об., Н. 54). **Състѫпитисѧ** из* *sъnstǫpiti sę* 'сомкнуться'. Весьма редко встречающийся в памятниках ст.-слав. письменности, этот глагол употребляется по отношению к явлениям природы. В Пов. вр. л. глагол употреблен для обозначения сближений двух полков для битвы, ср.: болгаре съ грѣкꙑ *съступишасѧ* и посѣчени бѣша грѣци (Ип. 17): Ꙗрослав же заоутра исполчивъ дружину свою. противу свѣту перевезесѧ... и поидоша противу собѣ. и *сступи-*

[74] *Срезневский II*, стб. 347.

шасѧ (Ип.: *сьвькоупившесѧ*) на мѣстѣ. бы҃с сѣча зла (Л. 48 об., Ип. 53 об.); и *сступишасѧ* (Ип. совокупишасѧ) ѡбои. бы҃с сѣча зла. ꙗка же не бы҃ла в Руси. и за рукы҃ емлюче сѣцахусѧ. и *сступашасѧ* (Ип.: *соступишас*) триждꙑ. ꙗко по ѯдольемь крови тещи (Л. 49, Ип. 54 об.); Изѧславъ же исполчисѧ пред градом на поли. ѠОлег же поиде к нему полком и *сступишасѧ* (Ип.: *снѧшасѧ*) обои (и) бы҃с брань люта (Л. 85 об., Ип. 86 об.); и *срѣтошасѧ* (Ип.: *съсъступишасѧ*) на поли на Рожни (Л. 91, Ип. 92 об.) и др.

Позже, к XV в. *съступитисѧ* стало заменяться либо книжным *съвъкоупити сѧ*, либо *сънѧти сѧ* и *срѣтитисѧ*. *Състоупитисѧ* в указанном военном значении является восточнославянским словом, которое вне военного употребления означает ‘сомкнуться’.

Оступити в Пов. вр. л. встречается немного, но в определенном значении ‘окружить, осадить’, ср.: а увѣсть цр҃ь ꙗко мало насъ есть. пришедше ѡступѧть нꙑ въ градѣ (Л. 22, Ип. 28 об.); и *ѡступиша* (печенѣзи) градъ в силѣ велицѣ (Л. 19 об., Ип. 26); Стопо҃лкъ же и Володимеръ *ѡступиста* и (Олега — *А. Л.*) в градѣ (Л. 76 об., Ип. 84 об.)[75]. В приведенных примерах приставка *о-* < **ob-* в значении ‘кругом’.

Приставкой *от-* глагол *ступити* употребляется в значении ‘отходить’, ср.: ѡлегъ же мало ѿ*ступивъ* ѿ града. нача миръ творити с цр҃ремa грѣцькꙑма (Ип. 12); ѿ*ступиша* печенѣзи ѿ града (Л. 20, Ип. 26 об.); Ростиславъ же ѿ*ступи* кромѣ (Ип.: прочь) из гра(да) не оубоꙗвъсѧ ѥго. но не хотѧ противу строеви своѥму ѡружꙑа взѧти (Л. 55, Ип. 61).

В памятниках же ст.-слав. письменности **остѫпити** и **отъстѫпити** в семантике не различаются и употребляются в значении второго глагола, ср.: **остѫпи отъ нихъ** (Л. XXII, 41, Мар.), в Зогр. и Остр. **отъстѫпи**; **іже въ врѣмѧ вѣрѫ емлѭтъ. і въ врѣмѧ напасті остѫпаѭтъ** (Л. VIII, 13 Ас., Мар., Зогр.), в Сав. **отъстѫпатъ**; **не остѫпі въспѣѧть** (Син. пс. XLIII, 19); **не отъстѫпі отъ мене** (там же XXI, 11) **чѧдо... хочеши ... възискати пръвааго отечества ... ѥго же остѫпилъ бѣ прѣстѫпленіемь** (Син. тр. 66 б, 4—9); **отъстѫпитъ отъ васъ** (там же 91 б, 12) и др.

Таким образом, употребление в Пов. вр. л. *оступити* и *отступити* в разных значениях свидетельствует о том, что они независимы от соответствующих глаголов памятников ст.-слав. письменности. *Наступити* употреблено в значении ‘напасть, нападать’, ср.: и по семь *наступи* Мьстиславъ с дружиною своею и нача сѣчи варѧгꙑ (Ип. 55 об.); потомъ (половци. — *А. Л.*) *наступиша* (Ип. *налегоша*) на Володимера и бы҃с брань люта (Л. 73

---

[75] Другие примеры: *Срезневский II*, стб. 748.

об. Ип. 81). В том же значении зафиксирован этот глагол и в памятниках ст.-слав. письменности ср.: **на аспідж і васільскаа настжпіші** (Син. пс. XC, 13); **настжпити на всіж силж вражіж** (Син. тр. 51 б, 19—20); **се дахъ вам власть настжпаті ... на вс'ж сілж вражіж** (Л. X, 19 Ас.) и др.

Из примеров неясно, является ли редко употребляемое в Пов. вр. л. *наступити* — книжным или восточнославянским разговорным словом. Правда, если учесть то, что наряду с ним в том же значении *налечи — налегати*, то можно подумать, что последнее восточнославянское, а первое книжное, ср.: половци... *налегша* первоє на Стополка ... потомъ *наступиша* (Ип., Р. и А.: *налегоша*) на Володимера (Л. 73—73 об., Ип. 81). Помимо этого, в том же значении употребляется еще третий глагол *напасти*, ср.: поиде Стославъ в пороги. и *нападе* на нь Кура кназь печенѣжьскыи и оубиша Стослава (Л. 23, Ип. 29 об.). Не исключено, что *наступити* — книжный глагол, вместо него в древнерусской речи употребляли *налечи — налегати* и *напасти — нападати*.

Подъступити употребляется в значении 'подойти' с целью прорвать осаду извне: аще не путе (Ип.: *подъступите*) заоутра рано къ городу (Ип.: подъ город) предатис хотать людье печенѣгомъ. реч же воевода ихъ. имянемъ Прѣтичь *подъступимъ* заоутра в лодыах и попадше кнагиню и кнажичѣ оумчимъ на сю страну (Л. 19 об., Ип. 26 об.); и ста Двдъ ѡступивъ град. и и чсто приступаше. единою *поступиша* (Р. *подступиша*) к граду под вежеми (Ип.: вежами) — Л. 91 об., Ип. 93).

Приступати 'начать приступ', иначе: атаку, ср.: вела ему *приступати* къ городу бранью (Ип. 30 об., Л. 24 об.); быахутса из города крѣпко. а си *приступаху* к граду. и ѣзвени бъіваху мнози. ѿ ѡбоихъ (Л. 76 об., Ип. 84 об.); кияне слютса къ Володимеру. глюще. *приступаи* къ граду (Л. 24 об., Ип. 30 об.), Володимеръ же изради воѣ своѣ. и повелѣ *приступити* къ граду (Л. 37 об., Ип. 41 об. и др).

Одним из способов защиты было запереться в городе. Для обозначения этого понятия и употребляется глагол *затворитиса*, ср.: деревляне *затворишаса* въ градѣ и борахуса крѣпко изъ града (Л. 16, Ип. 23); Стополкъ же вбѣже в Треполь и *затворися* ту (Л. 73 об., Ип. 81); Двдъ ... *затворися* в Бужьскѣ. и Володарь ѡступи и в городѣ (Л. 90, Ип. 91 об.) и т. п.

В памятниках ст.-слав. письменности в значительном количестве зафиксирован глагол **затворити-затварѣти**, но в них он ни разу не встречается в возвратной форме, а также не обозначает способа защиты [76]. Таким образом, в Пов. вр. л. глагол

[76] Slovník jaz. stsl. I, стр. 660 и сл.

затворитисѧ выступает как древнерусский военный термин, образовавшийся от общеславянского *zatvoriti* 'закрыть, запереть'.

Как известно, затворившийся город осаждали, чтобы вынудить его сдаться, точнее — *предатисѧ*, ср.: аще кто не приступить с утра. *предатисѧ* имамъ печенѣгомъ (Л. 19 об., Ип. 26); слышахъ ꙗко хочете сѧ *передати* печенѣгом (Л. 44. Ип. 48); прислаша торци къ Стополку глще. аще не пришлеши брашна *предатисѧ* имам (Л. 73 об. Ип. 81 об.); послушаите мене. не *передаитесѧ* за .г. дни (Л. 44, Ип. 48) и др. По-видимому, *передатисѧ* / *предатисѧ* было не единственным словом, обозначающим понятие 'сдаться, прекратив затворничество'. Так, в Сказании о белгородском осадном сидении, откуда привели два последних примера, читаем: *вдаимъı сѧ* (Ип. *вдадимсѧ*) печенѣгомъ ... ауже помираем ѿ глада (Л. 44, Ип. 48). По данным Словаря Срезневского, *передатисѧ* и *въдатисѧ* употреблялись в одном и том же значении [77].

'Осада города' обозначается разными словами: *осѣсти* или *сѣдѣти — осада; остоꙗти — остоꙗ, объстоꙗ; престоꙗти; облежати*, ср. примеры: Володимеръ ... ѡсѣде (Ип.: ѡсѣдѧху) Ярополка в Роднѣ (Л. 24 об., Ип. 30 об.); половцемъ же *осѣдащемъ* Торцьскыи ... оубиваху многъı ѿ противных (Л. 73 об., Ип. 31); изнемогли бо сѧ (древляне. — *А. Л.*) есте *въ ѡсадѣ* (Ип. 23 об., Л. 16 об.); вѣсть приде. ꙗко печенѣзи *ѡстоꙗть* Кыевъ (Л. 51, Ип. 56 об.); оудолжисѧ *ѡстоꙗ* в городѣ (Л. 44, Ип. 47 об.); Володимеръ же *ѡбъстоꙗ* (Р. *остоꙗ*) градъ (Л. 37 об., 41 об.); аще не вдасте имамъ *стоꙗти* и за .г. лѣт (Л. 37 об., Ип. 41 об.); коли можете *престоꙗти* нас. аще стоите за .г. лѣт (Л. 44 об., Ип. 48); Двдовым воемъ *ѡблежащим* град. в полуднье Ддви спщю. и нападоша на нь (Л. 91 об., Ип. 93 об.) и др.

Приведенный материал показывает, что в древнерусском литературном языке XI в. отсутствовал единый термин, обозначающий понятие 'осадить—осада', и это понятие обозначалось разными словами. При этом, **осѣсти** в том же значении встречается в памятниках ст.-слав. письменности, ср.: і **обложатъ врази твои острогъ о тебѣ. и обиджтъ тѧ. і осаджтъ тѧ въсѫдж** (Л. XIX, 43 Мар.), в Зогр. **окрочатъ**, в апракосы не входило это место; **сънемъ зълобівыихъ осѣде мѧ** (Син. пс. XXI, 16). Приведенными исчерпывается количество примеров, встречающихся с указанным словом в памятниках ст.-слав. письменности, в которых совсем не зафиксировано существительное **осада**. Эти данные свидетельствуют о том, что др.-рус. *осѣсти — осада* независимы от памятников ст.-слав. письменности. Помимо этого, ст.-слав. **осѣсти** — слово неустойчивое [78].

---

[77] *Срезневский I*, стб. 331; III, стб. 903.
[78] *А. С. Львов.* Очерки по лексике, стр. 202 и сл.

В Син. пс. дважды употреблено **градъ остоѣньѣ**, ср. **оудивілъ естъ мілость своѭ въ градѣ остоѣнъѣ** (XXX, 22); **както ведетъ мѧ въ градъ остоѣньѣ** (LIX, 11). **Остоѣньѣ** из **obstoěnьě* в Венской псалтыри глаголического списка XV в. так и читается: **об'стоѣніѣ** [79]. Таким образом, *объстоѧти*, *остоѧти* было известно и южнославянским языкам. Там, как видно, существительное образовано из причастия **остоѣнъ**, а в древнерусском непосредственно от глагольной основы *остоѧ-(ти)*. Как показывают приведенные выше примеры, в др.-рус. языке глагол употреблялся и без приставки *о(б)-*. Хотя глагол *престоѧти* употреблен с книжной, или старославянской приставкой *пре-*, но последняя по значению явно восточнославянская, обозначающая 'преодолеть какой-нибудь промежуток времени', в этом значении ст.-слав. приставка **прѣ-** не зафиксирована [80]. В памятниках ст.-слав. письменности имеется глагол **прѣстоѣти**, но он известен либо в значении русского *при-*, либо в значении **прѣдъ-**, ср. **прѣстоѧ прѣдъ бм҃ъ** (Л. I, 19 Мар.); **единъ отъ прѣстоѧштихъ слоугъ. оудари въ ланитѫ** (И. XVIII, 22 Зогр.); **въ отишьи прѣстоитъ** (Син. тр. 84 б, 3); **невидимо прѣстоѧтъ** (там же 84 а, 18) и др. Сочетание слов *облежати градъ* в памятниках ст.-слав. письменности отсутствует, в Супр. **облежати** употреблено в значении 'облегать', ср. **жзъі облежашта на немъ** (105, 18); **прикоснѫ сѧ веригах'. облежаштихъ о въіи кю** (182, 6—7). В ев. **облєшти** употреблено в значении 'переночевать' ср., **облазі съ нама ѣко при вечерѣ естъ і прѣклонилъ сѧ естъ юже денъ. і вьниде съ нима облєштъ** (Л. XXIV, 29 Мар.).

В целом, хотя понятие 'осадить—осада' в Пов. вр. л. обозначается разными словами, но все они восточнославянские, несмотря на то что внешне, например, *престоѧти* по начертанию подведена под старославянское написание. Пов. вр. л. писалось в то время, когда еще не выработался один военный термин, обозначающий понятие 'осадить—осада'. Достойны внимания соприкасающиеся по функции с рассмотренной только что группой слово еще два: *засада* и *обрѣсти сѧ*, ср. примеры: Мстиславъ затворисѧ в грѣдѣ (Ип.: градѣ) с *засадою* (Л. 91 об., Ип. 93); стояше Володимеръ ѡбрѣвсѧ на Дорогожичи межю Дорогожичемъ и Каничемъ. и есть ровъ и до сего дне (Л. 24, Ип. 30). *Засада* в разных значениях с достаточным количеством примеров зафиксирована И. Срезневским [81]. В нашем примере, по определению Срезневского, *засада* — 'отряд войска, находящийся в городе для его защиты'. К сожалению, словарная статья *Обрѣтисѧ* у Срезневского иллюстрируется только тем же примером, который привели выше. Но у него есть еще статья *Обрѣтиє* 'окоп'

---

[79] *J. Hamm.* Psalterium Vindobonense. Wien, 1967, стр. 118.
[80] *А. Вайан.* Руководство, стр. 375; *A. Vaillant.* Manuel, стр. 339 и сл.
[81] *Срезневский I*, стб. 946.

(?) [82]. Видимо, прием *обрѣтисѧ* 'окопаться' в древнерусских военных действиях существовал. По образованию *об-рѣ-ти-сѧ* ясно и не требует пояснений; то же слудет сказать и о слове *засад-а*, являющемся отглагольным от *за-сад-и-ти*.

Тех, с кем воюют, в Пов. вр. л. называют в основном двумя словами: *противьнѣи* и *врагъ*. Один раз употреблено и *противникъ*, ср.: защитить бо есть сию блжну Вольгу. ѿ *противника* и супостата дыавола (Л. 20 об., Ип. 27 об.). Как видно, все предложение написано по-книжному, или по-старославянски. В памятниках же ст.-слав. письменности зафиксированы **противьникъ** (см. Супр. 460, 9) и **противьничѧ** (Син. тр. 56 а, 17), под которыми обычно понимается 'дьявол, нечистая сила'. Приведем другие примеры: въ бранех крстмъ ... побѣжають супостатꙑ *противнѣиа* (Л. 58, Ип. 64) — здесь дословно повторяется книжный оборот речи, ср. **постꙑдите сѧ противьнии сѫпостати** (Супр. 464, 21—22); не воді лѧховъ Кыеву. *противна* бо ти нѣту (Л. 58 об., Ип. 64 об.); противѧщимъ сѧ торкомъ и крѣпко борющимъсѧ из града оубиваху многꙑ ѿ *противнѣих* (Л. 73 об., Ип. 81 об.); Володимеръ же хотѣ нарадити полкъ. ѡни же не послушаша но оудариша в конѣ к *противнѣмъ*. се видѣвше половци и побѣгоша. а наши погнаша въ слѣдъ ратных сѣкуще *противнѣиа* (Л. 77, Ип. 85). Последние три примера не могут быть отнесены к книжным по языку, и в них *противьнѣи* употребляется в значении 'противостоящий в бою'. В этом значении слово *противьнѣи*, думаем, является восточнославянским, представляющим праславянское наследие. *Врагъ* часто встречается в цитатах, ср.: погна *врагъ* дшю мою (Л. 45 об., Ип. 50, — пс. CXLII, 3); ѡпустѣша села наша и городи наши бꙑхом бѣгаючи пред врагꙑ вашими. ꙗкож прркъ глше падете пред *врагꙑ* вашими. поженуть вꙑ (Л. 74, Ип. 82, — Левит XXVI; 17); реч прркъ. и вздам месть *врагом* и ненавидѧщим мѧ вздам. ꙗко кровь снвъ своихъ мщаѥть и мстить. и вздаеть месть *врагом* и ненавидѧщим ѥго (Л. 90 об. Ип. 92, — Второзак. XXII, 41 и 43) и др.

По-видимому, и в тех предложениях, которые не являются цитатами из церковных книг и в которых находится слово *врагъ*, употреблено под влиянием церковных книг, ср.: а се оу тобе есть Итларевичь. любо убии любо и даи нама. то есть *ворогъ* (нама и — Ип.) русьстѣи земли. ѡлегъ же сего не послуша (Л. 76, Ип. 84), это единственный пример в Л., где слово употреблено в полногласной форме; на заоутрье же налѣзоша Тугоркана мертвого. и взѧша и Стополкъ. акꙑ тьстѧ своего и *врага* привезше и г Кꙑеву погребоша (Л. 77, Ип. 85); Стополкъ же приде в Печерьскꙑи манастꙑрь на заоутреню ... с радостью ... ꙗко *врази* наша побѣжени бꙑша (Л. 95, Ип. 97) и др.

[82] *Срезневский II*, стб. 552.

Не исключено, что существовавшее в языке восточных славян слово *ворогъ* не имело значения ‘неприятель’, поэтому оно и не включилось в Пов. вр. л. для называния неприятеля. В диалектах слово *ворог* известно в значениях: ‘знахарь’ (кур. орл.); ‘леший’ (орл.); *ворогуха*, *ворогуша* ‘лихорадка’ (кур. орл., тул., влад., твер., псков, новг.); ‘изнурительная болезнь’ (псков., твер.); *ворожея* ‘лекарка’ (ворнж.) и т. п., что согласуется с лит. *vargs* ‘болезненный, хилый’ и т. д.[83] В том южнославянском наречии, на который переводились впервые греческие церковные книги, греч. ἔχθρος, как свидетельствуют об этом апракосы, псалтырь и апостол, выдержанно передавали словом **врагъ**. Это значит, что в упомянутом диалекте данное слово имело основное значение ‘неприятель, враг’. Восточнославянское *ворогъ* это значение, видимо, получило позже, как об этом свидетельствуют данные укр., блр. языков, а также данные отдельных говоров русского языка. В последнем оно не получило всеобщего распространения, поэтому в литературном языке утвердилось книжное слово *врагъ*.

В значении ‘неприятель’ употребляется еще изредка слово *супостатъ*: въ бранех крстмъ сограждаѥми вѣрнии людье. побѣжають *супостатꙑ* противꙑѧ (Л. 58, Ип. 64); англъ вожь бꙑс на иноплеменникꙑ и *супостатꙑ* (Л. 96, Ип. 98); тако побѣженꙑ женꙑ бꙑша иноплеменьници. И падоша мнози врази наши *супостати* предъ рускꙑми кнѧзи и вои на потоци Дегѣѧ (Ип. 99 об.).

Обращает внимание на себя факт. что *супостатъ* употребляется в окружении книжных слов: в первом примере: *брань*, *крьстъ*, *съграж(д)аеми*, *супостатꙑ* *противꙑѧ*, последнее ср.: **постꙑдите сѧ противьнии сжпостатꙑ** (Супр. 464, 2); во втором: англъ, вож(д)ь, *иноплеменьникъ*; в третьем: *врази* наши супостати, ср. **покори емоу всѧ врагꙑ і сжпостатꙑ** (Син. тр. 5 б, 24).

Все это дает основание предполагать, что *супостатъ* — книжное слово, заимствованное из церковных книг. Помимо того, состав **сж-постатъ** не объясняется на славянской почве ввиду отсутствия глагола **постати**, от которого могло образоваться сущ. **постатъ**. Допустимо, что ст.-слав. **сжпостатъ** — калька греч. ὑπεναντίος; ср.: **да бѫдетъ ти страшенъ сжпостатомъ** (Син. тр. 99 а, 15—16) греч. ὅπος γένηταί σοι φοβερὸς τοῖς ὑπεναντίοις; **сжпостати наши попрашѧ стꙑню твоѭ** (Ис. LXIII, 18), греч. οἱ ὑπεναντίοι ἡμῶν καταπάτησαν τὸ ἁγίασμά σου.

‘Бой’ или ‘битва’ именуется *сѣча* и *брань*, ср.: излѣзоща болгаре на *сѣчю* противу Стославу. и бꙑс *сѣча* велика (Л. 21, Ип. 27 об.); бꙑс *сѣча* зла. ꙗка же не бꙑша в Руси. и за рукꙑ емлюче сѣцахусѧ, и сступиша сѧ триждꙑ (Л. 49, Ип. 54 об.); и бꙑс *сѣча* зла и ѡдва ѡдолѣ к вечеру Ꙗрославъ (Л. 51, Ип. 56 об.); продолженѣ ж бꙑвъшѣ сѣчѣ. побѣже Ѡлегъ в малѣ дружинѣ

[83] *Даль I*, стб. 595 и сл.; Опыт, стр. 28; ДОП, стр. 25; *Подвысоцкий*, стр. 22; *Фасмер I*, стр. 352 и др.

(Ип. 75, Л. 67 об.) и др. В связи с этим сами военные действия обозначаются глаголом *сѣчи, исѣчи, посѣчи*, ср.: по семь наступи Мьстиславъ. с дружиною своею и нача *сѣчи* варѧгы (Ип. 55 об., Л. нет); повелѣ Василко *исѣчі* (Ип.: *исѣщи*) всѧ и створи мщенье на людех неповинныхъ (Л. 90, Ип. 91 об.); и пришедъ Мьстиславъ *исѣче* (кыѧнѣ) иже бѣша вꙑсѣкли Всеслава (Л. :л об., Ип. 64 об.): погнаша въ слѣдъ ратныхъ *сѣкуще* противнꙑѧ (Л. 77, Ип. 85) и др.

Брани межю има бꙑвши злѣ. ѡдва ѡдолѣша грьци (Л. 10, Ип. 17 об); вела ему приступати къ городу *бранью* (Ип. 30 об., Л. 24 об.) и бꙑсть межю ими *брань* люта. и стояше ѡколо града днии. .л. и .г. (Л. 76 об., Ип. 84 об.); и сступиласѧ на Кулачьцѣ. и бꙑсть *брань* крѣпка и нача ѡдолати Мстиславъ (Л. 86 об., Ип. 87 об.) и др. С корнем слова *брань* <**bor-* связано *бороти сѧ*, ср.: и затворишасѧ корсунѧне въ градѣ ... и *борѧхусѧ* крѣпко из град (Л. 37 об., Ип. 41); аще кнѧже братиа наша исѣчена суть можемъ по тобѣ *бороти* (Л. 48, Ип. 53); противѧщимъ сѧ торкомъ и крѣпко *борющимъсѧ* ... оубиваху многꙑ (Л. 73 об., Ип. 81 об.); сташа оу града рать *борюще* (Л. 73 об., Ип. 81 об.) и др.

Наконец, понятие ‘бои’ обозначается глаголом *бити сѧ*, ср.: *бившемъ сѧ* ѡбоимъ. ѡдолѣ Стославъ болгаромъ (Л. 19 об., Ип. 26); Володимеръ идеть на тѧ. пристраиваисѧ противу *битсѧ* (Л.: бить сѧ) — Ип. 30, Л. 23 об.); и рѣша Двдви людье вꙑдаи мужи сиа, не *бьемъсѧ* за сихъ. а за тѧ *битисѧ* можемъ (Л. 90, Ип. 92); того ж лѣт *бисѧ* Ꙗрославъ с мордвою (Л. 94 об., Ип. 96) и др. Один раз: и поидоша к собѣ к *боеви* и сступишасѧ полци (Л. 91, Ип. 92 об.).

В памятниках ст.-слав. письменности старших списков не зафиксировано слово сѣча в значении ‘битва, бой’. И. Срезневский приводит один пример из Изборника 1073 г. и множество примеров из русских памятников письменности [84], в которых употреблено упоминаемое слово. В связи с этим уверенно можно констатировать, что *сѣча* в Пов. вр. л. не заимствовано из церковных книг. Корень слова **sěk-* общеславянский. Как свидетельствуют глагольные формы *сѣчи, исѣчи, вꙑсѣчи*, ими обозначался ‘бой’, надо полагать, преимущественно мечами, может быть, еще и топорами. Противовес этому *бороти сѧ*, вероятно, обозначал ‘бой преимущественно копьями’, то же возможно и *бити сѧ*. Правда, последним глаголом обозначается ‘боевая схватка’. Употребление форм *бороти сѧ, борѧху сѧ, борюще сѧ*, нам кажется, свидетельствует о том, что этот глагол не заимствован из церковных книг, хотя причастия и употребляются с книжным суффиксом *-ющ-*. Последний один из показателей, что нормой литературного языка был книжный, церковнославянский язык.

Употребление слова *брань* вместо *сѣча* появилось из-за желания писать так же, как и в церковных книгах, в которых *брань* ‘битва,

[84] *Срезневский III*, стб. 903.

бой'; *брати сѧ* 'воевать' — обычны[85]. Встречающееся изредка *оборонити*, а также *обранити* едва ли является переделкой не зафиксированного в памятниках ст.-слав. письменности **обранити**, ср.: аще не поидеши ни ѡбраниши (Ип.: ѡборониши) насъ. да пакы ны возмуть (Л. 20, Ип. 26 об.); Стополкъ и Володімеръ посла къ Ѡлгови глще. сице поиду (Ип.: поиди); Кыеву да порѧдъ положимъ ѡ Русьстѣи земли ... да бѣхом ѡборонили русьскую землю ѿ погань (Л. 76 об., Ип. 84 об.). В памятниках ст.-слав. письменности имеется только **бранити** 'запрещать', ср.: **останѣте дѣтии и не браните имъ. прити къ мнѣ** (Мф. XIX, 14 Мар.). В Пов. вр. л. *оборонити*, *обранити* употреблены в значении 'защитить'. Это значение не может вытекать из **бранити** 'запрещать'. Теоретически *оборонити* должно быть образованным от глагола **oboroti*, однако наличие такого глагола в восточнославянских языках никакими данными не подтверждается, хотя, как видели, глагол *боротн*, *-сѧ* и известен (см. выше). Вероятно, что *оборонити* представляет заимствование пол. *obronić* 'защитить, избавить, уберечь', фиксируемое с первых памятников польской письменности и доныне[86]. Пол. *obronić* образовалось от *broń* 'оружие', obronić первоначально 'отстоять оружьем'. Кажется, другим образом невозможно объяснить происхождение глагола *оборонити* в древнерусской письменности. Если это объяснение происхождения др.-рус. *оборонити* соответствует действительности, то при заимствовании пол. *obronić* фонетически приспособлено к восточнославянскому полногласному произношению; приведенное выше написание *обраниши* в этом случае представляет искусственное окнижнение слова.

В значении 'одержать боевой успех в сражении' передано двумя словами *одолѣти* и *побѣдити*, последний глагол от имени *побѣда*, ср. примеры: иде Стославъ ... на болгары. бившемъсѧ ѡбоимъ ѡдолѣ Стославъ болгаромъ (Л. 19, Ип. 26); и бысѣ сѣча зла. и ѡдва ѡдолѣ (Ип.: ѡдолѣвъ) к вечеру Ꙗрославъ. и побѣгша (Ип.: побѣгоша) печенѣзи разно (Л. 51, Ип. 56 об.); половци же видѣвше *сдолѣвше* (Р.: *одолѣвшее*). пустиша по земли воююче (Л. 73 об., Ип. 81 об.); и сступишасѧ на Кулачьцѣ. и бысѣ брань крѣпка и нача ѡдолати Мстиславъ (Л. 86 об., Ип. 87 об.) и др.; ѣсы *побѣди* и касогы. вѧтичи *побѣди* Стославъ (Л. 19, Ип. 25 об. — 26); *побѣди* радимичѣ Волъчии Хвостъ (Л. 27, Ип. 33); иде Ꙗрославъ на чюдь и *побѣди* ѣ (Л. 51, Ип. 56); Семеѡнъ иде на храватъı (Ип.: хорватъı) и *побѣженъ* бысѣ храватъı (Л. 10 об., Ип. 17 об.); видѣвъ же Ꙗрославъ ѣко *побѣженъ* ѥсть. побѣже

---

[85] Slovník jaz. stsl. I, стр. 140.

[86] *Brückner*, стр. 41 сл.; *Sławski*, I, стр. 43 сл.; *J. Karłowicz, A. Kryn'ski, W. Niedźwiedzki*. Указ. соч., стр. 507 и сл.

(Л. 50 об., Ип. 55 об.); Володимеръ же възвратишасѧ въ Кꙑєвъ. с *побѣдою* и съ славою великою (Л. 43, Ип. 46 об.) и др.

Одолѣти ‘осилить, переборотъ’ восходит к понятию обычной борьбы, и это слово принадлежит бытовой речи. В Пов. вр. л. этот глагол употреблен, так сказать, и в первичном значении, ср.: и рече Редедѧ къ Мьстиславу, что ради губивѣ дружину межи собою. но сꙑ. идевѣ (Ип.: снидевѣ) сѧ сама боротъ. да аще ѡдолѣеши тꙑ то возмеши имѣнье мое и жену мою. и дѣти моѣ. і землю мою. аще ли азъ ѡдолѣю. то възму твое. и рече Мьстиславъ тако буди ... и ѩста сѧ бороти крѣпко (Л. 50, Ип. 55). Глагол *одолѣти* известен и памятникам ст.-слав. письменности, ср.: **одолѣкши врагомъ твоимъ. и възвратиши сѧ съ миромъ** (Супр. 192, 9—10); **одолѣкши рати на нѭже идеши** (там же 194, 15—16).

Несмотря на это, глагол *одолѣти — одолѣвати* нет оснований признавать только старославянским, потому что он являлся общеславянским.

Побѣдити — побѣждати, побѣда — не общеславянские слова, их не знают западнославянские языки (чеш. *poběda* из русского языка)[87]. Совр. *побеждать* указывает на старославянский источник слова, что в древнерусском ст.-слав. **-жд-** передавали чарез *-ж-* общеизвестно. В памятниках же ст.-слав. письменности широко употребительны **побѣда, побѣдитель, побѣдити — побѣждати, побѣдьливъ, побѣдьникъ, побѣдьнъ, побѣдотворьць**[88].

Во всех существующих этимологических словарях *побѣда, побѣдити—побѣждати* считают производными от *бѣда*. В этом случае *побѣдити* следует понимать ‘принести беду’. Думаем, что такое представление ошибочно. *Побѣдити* значит ‘одолеть в бою’, и едва ли можно сомневаться, что *побѣда* восходит к ***po-boj-da***, являясь образованием типа *jazda, ogyzda* и др. Это древнейшее образование, поэтому часть слов с этим суффиксом находится в числе наречий [89].

По всей видимости, все слова с основой *побѣд-* в Пов. вр. л. являются книжными, вошедшими в древнерусский литературный язык из церковных книг.

Покорити ‘подчинить’ зафиксировано всего два раза; ср.: Ꙗрославъ иде на мазовшанꙑ. и побѣди е. и кнѧзѧ ихъ оуби Моислава (Л.: Моиславъ). и покори ѩ Казимиру (Ип. 58, Л. 52 об.); да аще будете в любви межи собою ... и покорить (Л.: покоривꙑть) вꙑ противнꙑѩ подъ вꙑ (Ип. 60, Л. 54 об.). В таком же значении употребляется этот глагол в памятниках ст.-слав. письменности, ср.: **покори людиѧмъ: ѩзꙑкꙑ подъ ногꙑ нашꙗ** (Син. пс. XLVI, 4), греч. ὑπέταξεν λαούς; **покори ємоу всѧ врагꙑ. і сѫпостатꙑ** (Син. тр. 5б, 23—24), греч. ὑπόταξον αὐτοῖς ...; **покори ми сѧ чловѣче** (Супр. 60, 25), греч. πείθεσθαι..., и т. п.

---

[87] *F. Trávníček*, стр. 1177.
[88] *Sadnik—Aitzetmüller*, стр. 87—88.
[89] *W. Vondrák*. Указ. соч., стр. 454.

Поскольку основным и общеславянским в семантике *корити* является ‘хулить, упрекать’, то нормальным представляется в значении *покорити* ‘попрекать, укорять’, ср.: *Покорил* он меня напрасно; не *покоря* не купить; не похваля, не продать и др.[90] Значение же ‘подчинить, повиноваться’ в *покорити, -сѧ*, по имеющимся данным, развилось в языке, на который впервые переведены были церковные книги, вероятно, под влиянием греч. ὑπό-ταξις. В связи с этим, видимо, записанное в Пов. вр. л. *покорити* в приведенных примерах является словом с книжной семантикой.

Всего три раза зафиксирован глагол *разбити* в значении ‘разрушить’, причем из них один раз в «Речи философа»: Римлѧнꙑ. градꙑ ихъ *разбиша* (Л. 28 об., Ип. 34—34 об., Н. 49); и поиде Стославъ ко граду воюꙗ и градꙑ *разбиваꙗ* (Ип.: и другꙑꙗ городꙑ *разбиваꙗ* (Л. 21 об., Ип. 28); ѡлегъ ... повоева ѡколо (так! — *А. Л.*) города. и много оубииство створи грѣком. и полатꙑ многꙑ *разбиша* (Ип. 12, Л. нет, Р. 14 об.)[91].

По имеющимся данным, написание *разбити* — искусственное окнижнение слова, поскольку *розбитисѧ* ‘разрушиться’ зафиксировано в древнерусских памятниках письменности[92], а также в Поучении Владимира Мономаха читаем: голову си *розбих* дважды. и рукѣ и нозѣ свои вередих (Л. 83). В памятниках ст.-слав. письменности в евангелиях-тетр читается один раз: **врази твои... разбиѭтъ тѧ** (Л. XIX, 43—44 Мар., Зогр.), другой раз: **гради... дивавола разбивъ** (Супр. 438, 9—10, в остальных случаях этот глагол употреблен по отношению к камню (Син. тр. 5б, 6), корчаге (Супр. 52, 19—21) и другим вещам.

Таким образом, можно констатировать, что в древнерусском языке, так же как и в памятниках ст.-слав. письменности, был один глагол *розбити* / **разбити**, употреблявшийся в военном деле в значении ‘разрушить’.

В Пов. вр. л., так сказать, на равных правах употреблены *полонъ*, *полонити* и *плѣнити*, *полонѧникъ* и *плѣньникъ*, *полоненье* и *плѣненье*. Рассмотрим каждое из них. Ср. примеры: вземъ имѣнье много оу грекъ и *полонъ* бещисленъ (Л. 23, Ип. 29); взѧша бо тогда скотꙑ и овцѣ. и конѣ и вельблудꙑ. и вѣжѣ с добꙑтком и с челѧдью и заꙗша печенѣгꙑ. и торкꙑ с вежами. и придоша Русь с *полоном* великꙑм. и с славою и с побѣдою великою (Л. 94—94 об., Ип. 96); воеваша половци ѡколо Зарѣчьска. и посла по них Стополкъ. Ѩна и Иванка Захарыча козарина. и оугониша половцѣ и *полонъ* отѧша (Л. 94 об., Ип. 96 об.) и др. Как видно из примеров, *полонъ* употребляется в двух значениях: 1) ‘пленники’, ‘взятые в плен’ 2) ‘военная добыча’ (трофеи). Не-

[90] *Даль*[4] *III*, стб. 628.
[91] Другие примеры: *Срезневский III*, стб. 20 и 147.
[92] *Срезневский III*, стб. 147.

полногласная форма *плѣнъ* в Пов. вр. л. не встречается. В памятниках же ст.-слав. письменности *плѣнъ* зафиксирован в указанных двух значениях, ср.: **не обрати насъ въ плѣнъ народомъ поганьскъимъ** (Киев. лл., 4б, 10—12); **приноса намъ побѣдьнаа. и плѣнъ многъ и различенъ** (Супр. 56, 10—12); **цѣсарь ... плѣнъ разграбитъ** (Супр. 329, 3—7) и др. В примере из Киев. лл. речь идет о людях, во втором и третьем примерах — о военной добыче (трофеях).

Се оуже третье наведе поганъıа на землю Русьскую ... много хсы҃нъ изгублено бы҃с. а друзии *полонени* и расточени по земла҃м (Л. 75 об., Ип. 83); *полониша* скотъı и конѣ. вельблудъı и челадь. и приведоста и в землю свою (Л. 76, Ип. 84); оугре же нашедше всю землю болгарьскоу. *плѣновахоу* (Ип. 11 об., 14); в си же времена приде Семе҃ѡнъ *плѣнаа* Фракию (Ип. 16 об.); иде Игорь на греки... и всю страну Никомидиискую. *поплѣнивше* и судъ весь пожьгоша (Л. 10, Ип. 17); елико хсе҃анъ ѿ власти нашеа. *плѣнена* приведуть Русь ту ... (Л. 12 об., Ип. 20) и др.

Основное значение *полонити — плѣнити* ‘захватить’ не только пленных, но и скот, вещи, даже целую страну или область. В значении ‘захвата’ страны или области больше употребляется неполногласная форма. Также и в памятниках ст.-слав. письменности, ср.: **і сі органъı вьзаша. егда ѭ плѣниша да имѫтъ памать домашънѣго жітьѣ** (Клоц. 7а, 35—37); **плѣнаахѫ ѳракиѭ** (Супр. 191, 19) и др.

Слово *полоньаникъ* употреблено только в договоре Олега, ср.: имаху *полоньаникъı* (Ип. 12); аще *полоньаникъ* ѡбою страну дѣржим есть. да ... възвратать и (Ип. 14), но тут же рядом: и еще же и ѿ хр҃стиа҃нъ *полоннъıхъ* ....се продаеми бъıвають ... (Ип. 14 об.). Как видели’ употребляется еще в том же значении ‘пленник’, слово *полонъ*. По-видимому, последнее было для древнерусского языка обычным, а *полоньаникъ* — следует считать превращением в восточнославянскую форму книжного **плѣньникъ**, ср.: аще ли суть плѣньници (Ип.: полоници) да ископають (Ип.: да искупають) е Русь (Л. 13, Ип. 20). В памятниках ст.-слав. письменности: **проповѣдѣтъ** (-ти Ас.) **плѣньникомъ отъıоуштение** (Л. IV, 19 Мар., Ас., Сав.); **иде... на грькъı всѫдоу плѣнаа и несьвѣдами покмла плѣнникъı** (Супр. 291, 27—29) и др.; да будуть и Руси ѡ *полонѣньи* (Ип. 14 об.) — этот единственный пример из договора Олега, по всей видимости, представляет переделку на восточнославянский лад ст.-слав. **плѣнение**, ср.: **възвратілъ бъ плѣненье людеі своіхъ** (Син. пс. LII, 7); **ѡврати плѣнение дшъ нашихъ** (Син. тр. 62а, 16—17); **вь плѣненик вьзаша** (Супр. 418, 26) и др.

Поскольку *полонъ* / **плѣнъ** восходят к праславянскому **peln-*[93],

[93] *Преображенский II*, 80 и сл.; *Brückner*, стр. 418 сл.; *Machek*, стр. 374; *Фасмер III*, стр. 314.

то следует считать, что ст.-слав. **плѣнъ, плѣнити** и др.-рус. *полонъ*, *полонити* сосуществовали одновременно. Вызывает сомнения наличие в др.-рус. языке таких форм, как *полоняникъ*, *полоненье*, хотя укр. и фиксирует первую форму: *полоняник*, *полонянка*, но едва ли они древнерусское наследие, потому что в укр. *полон* 'плен' и 'пленный' [94].

В значении 'пленник' употреблено и слово *колодьникъ*: рѣч Добрꙑна (Ип. Добрꙑня) Володимеру. съгладахъ *колодьникъ*. ѡже суть вси в сапозѣх. симъ дани намъ не даꙗти поидемъ искать лапотниковъ (Ип. поидевѣ искать лапотникъ). — Л. 27, Ип. 33); Стополкъ же и Володимеръ и Дѣвдъ ... взяша полона много. и скотꙑ и кони. и ѡвцѣ. и *колодников* много ... и въпросиша *колодникъ* глще. како васъ толка (= толика. — *А. Л.*) сила и многое множество. не могосте сѧ противитисѧ (Ип. 100, Л. нет); и поидоша галичане подъ своѣ стагꙑ. и изъимаша множьство *колодникъ* ... Изяславъ ... повелѣ избити *колодникꙑ*. а лутшиѣ ихъ мужи веде с собою г Кꙑєву (Л. 114, Ип. нет) и др.

Слово *колодьникъ* в значении 'пленник', позже — 'узник, заключенный в тюрьму' только восточнославянское, поэтому оно не имеет себе соответствий в южных и западных славянских языках, хотя основа его колод-, klad-, kłod- и восходит к праславянскому *kold- [95].

Слово *храбръ* зафиксировано несколько раз в таких примерах: ѡльга ... собра вои много (Ип.: многꙑ) и *храбрꙑ* (Л. 16, Ип. 23); кнѧзю Стославу възрастъшю ... нача вои совкуплѧти многи и *храбрꙑ* (Л. 19; Ип. 25 об. добавлено: бѣ бо и самъ *хоробръ* и легокъ; Х. и П.: *храбръ*); ѡиметь гь ѡ Иерслма крѣпкаго исполина и члвка *храбра* (Л. 48, Ип. 53 — цитата из Ис. III, 1—2); бѣ же Мьстиславъ ... *храборъ* на рати (Л. 51, Ип. 56 об.); погании ... возмуть землю нашю иже бѣша стѧжали ѡци ваши и дѣди ваши. трудом великим и *храбрьствомь* (Ип.: *хоробрьствомъ*). — Л. 89, Ип. 90 об.).

Приведенными исчерпывается количество примеров, в которых зафиксировано слово *храбръ*. Как видно, примеры с полногласным сочетанием в Ип.: бѣ бо самъ *хоробръ*, а также: *хоробрьствомъ* — являются поздней переделкой книжного *храбръ* и *храбрьство*, ср.: Помѧни пьрвꙑѩ прослоувъша ѩ въ *храбърьствѣ* [96]. Показательно, что Срезневский на *хоробрꙑи* зафиксировал всего 5 примеров, причем самый ранний из них относится к XIII в., а на *храбръ*, *храбрꙑи* — десятки примеров [97]. Объяснить это

---

[94] *Гринченко III*, стр. 287.
[95] *A. Meillet.* Études, стр. 249; *Berneker I*, стр. 543; *Фасмер II*, стр. 293; *Sławski II*, стр. 258 и сл.; *Machek*[2], стр. 250; *Младенов*, стр. 239.
[96] *С. Д. Ледяева.* К вопросу о некоторых названиях войсковых соединений в древнерусском языке, стр. 165.
[97] *Срезневский III*, стб. 1386 и 1395 и сл.

можно не отсутствием в восточнославянских диалектах XI—XII вв. слова *хоробръ*, а, видимо, тем, что оно еще не было известно в значении ст.-слав. χрабръ, πολεμικός [98]. Наиболее правдоподобным считается сближение храбръ с лтш. *skarbs* 'острый, суровый', др.-исл. *skarpr* 'острый' [99] и т. д. В диалектах слова с основой *хоробр* фиксируются в самых различных значениях: 'задорливый', 'пустомеля', 'тщеславный', 'вкусное кушанье' и т. д.[100] Эти данные подкрепляют допущение, что первоначально слова с основой *хоробр-* не были известны в значении книжного χрабр-, поэтому они не могли употребляться в этом значении. Не исключено, что *хоробрьıи* в значении πολεμικός стало употребляться под влиянием книжного χрабръ. Помимо этого, в значении 'храбрый' употребляются, возможно, такие книжные слова: *моужьскъı* и *моужьство* [101], ср.: и рече Стославъ воемъ своимъ ouже намъ сде пасти. потѧгнемъ *мужьскы* братıа и дружино (Л. 21, Ип. 27 об.); и послаша пред собою ... Алтунопу иже словѧше в них *мужествомъ* (Л. 94, Ип. 93 об.) и др.

По поводу гибели Изяслава Ярославича в бою летописец, превознося его заслуги, пишет: се же погıбе не ѿ брата но за брата своюго. положи главу свою (Л. 68, Ип. 75), далее говорится, что когда побежденный Всеволодъ пришел к Изяславу, последний сказал первому: тıı ми юси братъ. а ıа тобѣ. и положю главу свою за тѧ (Л. 68, Ип. 75 об.), затем летописец заключает: аще что створилъ юсть в свѣтѣ семь. етеро съгрѣшеные. ѿдастьсѧ юму. занеже положи главу за брата своюго. (Л. 68, Ип. 75 об.). Встретившееся сочетание слов: *положи главу свою* — только в данном месте едва ли не сочинено летописцем ad hoc под влияние евангельского кто дшж своюж положıтъ за дроугъı своѧ (И. XV, 13 Ас., Сав., Мар., Зогр. и др.), которое тут же и цитируется (см. Л. 68, Ип. 75 об.). Такое допущение вероятно, потому что все это место летописцем написано под сильным влиянием языка церковных книг, в связи с чем цитируются не только евангелия, но еще Притчи III, 34, Иеремия IX, 23, I посл. к фес. V, 14 и др.

Летописец влагает в уста Изяслава, обращенные к тому же Всеволоду слова: аще будеть причастье в русскѣи земли. то ѡбѣма. аще лишена будевѣ то ѡба. азъ сложю главу свою за тѧ (Л. 67 об., Ип. 74 об.). Сочетание слов: *складıвати головıı* — употребительно; *сложить голову* известно и современному русскому литературному языку [102].

Под 6601 (1093) г. рассказывается, что половцы осадили Торческ, далее читаем; и прислаша торци къ Стополку глще. аще

---

[98] Изборник 1076 г. М., 1965, стр. 225.
[99] *Sławski I*, стр. 79; *Vasmer III*, стр. 262 и 269.
[100] *Даль*[4] *IV*, стб. 1220; Опыт, стр. 249; ДОП, стр. 293; *Куликовский*, стр. 129 и сл.
[101] *Срезневский II*, стб. 192 и сл.
[102] *Срезневский III*, стб. 716; ССРЛЯ 3, стб. 215.

не пришлеши брашна предатисѧ имам. Стополкъ же посла имѣ и не бѣ лзѣ вкрастисѧ в градъ множьствомь вои ратных (и) стоꙗше ѡколо града. недѣль. ѳ. И раздѣлишасѧ на двоѥ. ѡдина сташа оу града рать борюще. а друзии поидоша Кꙑѥву. пустиша на *воропъ* межи Киевъ. и Вꙑшегородъ (Л. 73 об., Ип. 81 об.); Бондкъ исполчи вои своѣ ... и раздѣли на .г. полкы. и поиде къ ѳгром. и пусти на *воропъ* Алтунапу въ .н. чади (Л. 91 об., Ип. 93). В приведенных примерах употребляется слово *воропъ*, означающее ‘натиск, нападение’, отсюда: *наворопити* ‘напасть’[103]. М. Фасмер считает, что *воропъ* от *вьрпу*, *вьрпсти* ‘рвать, грабить’[104]. В этом случае *пусти на воропъ* следует понимать ‘пустил на прорыв’. Глагол в инфинитиве должен быть *вьрпати*[105]. ср. словен. vrpati[106]. В памятниках ст.-слав. письменности слово **врапъ** не зафиксировано, имеется оно в Изборнике 1073 г. Др.-рус. *воропъ* едва ли переделка церк.-слав. **врапъ**, возможно, наоборот, **врапъ** — окнижение др.-рус. *воропъ*.

В предложениях: *наводить* бо бъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю (Л. 56 об., Ип. 62 об.); земли же съгрѣшивши которѣи любо. то казнить бъ смертью или гладомъ или *наведеньемъ* поганꙑхъ (Ип. 62 об. Л. 56 об.) — слова *наводити* и *наведеньемъ* не имеют отношения к древнерусской военной лексике, потому что приведенные примеры являются цитатами из церк.-слав. памятника «Поучение о казнях божиихъ».

Словом *сторожи* обозначается ‘отряд войска, высланный вперед как охранение’, ср.: азъ есть мужь его, — говорит воевода Прѣтичь печенежскому князю, — и пришелъ есмь *въ сторожѣх* и по мнѣ идеть полкъ (Ип.: вои) со кназемъ (Л. 20, Ип. 26 об.); и посла Ѡлегъ Ꙗрослава брата своѥго *в сторожѣ*. а сам стоꙗше на поли оу Ростова (Л. 86, Ип. 87); Мьстиславъ же сдумавъ с новъгородци. и послаша Добрꙑню Рагуиловича. передъ собою *въ сторожѣ* ... Ꙗрославъ же стоꙗше на Медвѣдици *в сторожих*. и побѣже тои нощи. и прибѣже к Ѡлгови и повѣда ѥму ꙗко идет Мстиславъ. а *сторожѣ* изъимани (Л. 86, Ип. 87) и др. *Сторожи* употребляется и в более узком значении ‘охрана’, ср.: и ѡковаша и (Василка. — *А. Л.*) въ двои ѡковы. и приставиша к нему *сторожѣ* на ночь (Л. 87 об., Ип. 89); и приставиша .л. мужь *стеречи* (Ип.: стрѣщи) и .в. ѡтрока кнажа Оуланъ. и Колчко (Л. 88 об., Ип. 89 об.); *сторожь* от *стерег*-(оу), так же как *возъ* от *вез*-(ти); *ложе* (**log-jo*) от **лег-ти* и т. д.

---

[103] *Срезневский II*, стб. 271 и I, стб. 303.
[104] *Фасмер I*, стр. 354.
[105] *А. С. Львов.* [Рец.] «Изборник 1076 г.». — «Советское славяноведение», 1966, № 6, стр. 86.
[106] *Ф. Безлай.* Опыт работы над словенским этимологическим словарем. — ВЯ, 1967, № 4, стр. 52.

Словом тылъ обозначается понятие 'задняя часть войска', по-современному 'арьергард', ср.: и видѣ Олегъ яко поиде стягъ Володимерь нача заходити в *тылъ* его и оубоявъсѧ побѣже (Л. 86, Ип. 87 об.); Бонякъ погнаше сѣка в тылъ (Л. 91, Ип. 93).

**Tylъ* в значении 'задняя часть' (отсюда *затылок*) — общеславянское слово[107]. По отношению к ружью это слово обозначает не острую часть, а тупую, ср.: Инь же оборота оудари и *тылъемь* (Л. 59, Ип. 65). Как военный термин *тылъ* употребляем и поныне. В памятниках ст.-слав. письменности слово это не зафиксировано.

Боевое знамя именовалось *стягъ*, ср.: и вдасть Мстиславъ *стягъ* Володимерь половчину именем Куную (Ип.: Куману) и вдавъ ему пѣщьцѣ (Ип.: пѣшьцѣ) и постави и на правѣмь крилѣ. и заведъ Куную пѣшьцѣ напя *стягъ* Володимерь. и оузрѣ Олегъ *стягъ* Володимерь... и видѣ Олегъ яко поиде *стягъ* Володимерь. нача заходити в тылъ его и оубоявъсѧ побѣже (Л. 86 об., Ип. 87 об.). Переносно, возможно, *стягъ* употреблялся в значении 'отряд', ср.: половци прищедше к валови. поставиша *стягы* своя (Л. 73, Ип. 81); половци... поставиша *стяга* два пред враты манастырьскыми (Л. 77, Ип. 85). Слово **стягъ** в памятниках ст.-слав. письменности не зафиксировано. М. Фасмер признает это слово заимствованным из древнескандинавского *stong*, мн. *stengr*[108]. Если бы это было так, то мы ожидали бы и *стоугъ*, и *стягъ*. По-видимому, в др.-рус. слове *стягъ* не было носового гласного *ę*, а написание я представляет восточнославянскую передачу *ѣ* как *а* так же, как в словах: *прямо* из прѣмо; имяхоу из имѣхоу; *идяхоу* из *идѣхоу*; *самъ* из *сѣмъ* и т. п. В этом случае др.-рус. *стягъ* то же самое, что и с.-хорв. *stieg*, *steg* 'знамя'. Как бы то ни было принадлежность слова *стягъ* преимущественно древнерусскому языку неоспорима, в связи с чем оно не может считаться книжным. Слово это было употребительным широко[109]. В памятниках ст.-слав. письменности слово **стягъ** или **стѧгъ** не зафиксировано. В Супр. в значении 'стяг' употреблено **хоржыі**. Слово *стягъ* искони фиксируется только как восточнославянское.

Таль 'заложник': горожане же рѣша шедше к печенѣгом. поимѣте к собѣ *таль* нашь. а вы поидѣте до .І. мужь. в градъ да видите что ся дѣеть в градѣ нашем (Л. 44, Ип. 48); и вда Володимеръ Кытанови сна своего Стослава *въ тали* (Л. 75 об., Ип. 83 об.); и снящася оу Сакова. и створиша миръ с половци и пояша *тали* межю собою (Л. 92 об., Ип. 94 об.) и др. Происхождение слова *таль* и его генетические связи не совсем ясны. Нам кажется, что генетическое сближение рассматриваемого слова

---

[107] *Machek*, стр. 545; *Фасмер* IV, стр. 131.
[108] *Преображенский II*, стр. 411 и сл.; *Фасмер* III, стр. 790.
[109] *Срезневский III*, стб. 590 и сл.

с лат. *tālea* 'молодая веточка, саженец', греч. τᾰ̃λος 'взрослая девушка', др.-инд. *tali* 'определенное дерево' [110] остается неубедительным прежде всего с точки зрения семантики. По всей видимости, в своем значении наше слово заключает понятие 'часть'. Поскольку от основы *tal'*- в значении 'заложник' имеются только именные формы: *talь*, *talьba*, *talec*, ср. с.-хорв. *talac*; словн. *talek* 'заложник'; рус. оренб. *талец* 'свидетель' [111], не исключено, что слова эти в основе могут быть заимствованными. Эти слова, широко употребительные в памятниках древнерусской письменности [112], не являлись книжными: памятники ст.-слав. письменности их не знают.

Может быть не исключена генетическая связь основы рассматриваемых слов с областным ярославским *талька* 'моток ниток, пряжи' [113], сюда же, кажется, чув. *тал*, *таль* 'прядь, пучок' [114]. Первичным у этих слов должно быть 'часть' (чего-то). В этом случае *таль* 'заложник' возможно объяснить, как 'часть (от войска), отдаваемая противнику на определенных условиях'. В целом этимология *таль* еще ожидает специальных разысканий.

Оусобица представляет приставочно-суффиксальное образование от *sobь*, в котором *оу-* < ж- имеет отрицательное значение. Такие образования древние, их немного, вроде: *оуродъ* < **жродъ**; *оусобица* < **жсобица** и т. п. Суф. *-ица* здесь придает основе значение состояния. В памятниках ст.-слав. письменности, как и в других славянских языках, существительные на *-iса* образованы преимущественно от основ прилагательных, как: **трѫславица**, **вифлиица** и нек. др. Такие, как: **ждица**, **палица**, **дьньница**, **тьмьница**, **блждьница**, **домлица** и т. п., являются названиями предметов или лиц. Всего один раз зафиксирована **жсобица** в Супр. в примере: **и жсобица мъıшлѧѧше бъıти** (434, 4—4), греч. στάσις 'раздор или восстание'.

В Пов. вр. л., так же как и в других памятниках др.-рус. письменности, *оусобица*, *оусобнъıи* встречается не (редко в значении 'междоусобный', 'раздоры и несогласья между родственниками', ср. примеры: въста родъ на родъ. бъıша в них *оусобицѣ*. и воевати почаша сами на сѧ (Л. 7, Ип. 8 об.); се же прокѧлѧше (знаменья — *А. Л.*) не на добро посѣмь же бъıша *оусобицѣ* много и нашествие поганъıхъ на Русьскую землю (Л. 55 об., Ип. 61—61 об.); и начаша жити мирно. и в братолюбьствѣ. и оуста *оусобица* и мѧтежь. и бъıс тишина велика в земли (Л. 50 об., Ип. 56); мирно пребывати в совокуплении и в сдравии. избаваша (Ип.: избавлѧюща) ѿ *оусобнъıѧ* рати. и ѿ пронъıрьства

[110] *Vasmer*, III, стр. 73.
[111] ДОП, стр. 264.
[112] *Срезневский III*, стб. 992.
[113] *Мельниченко*, стр. 198.
[114] *Н. И. Ашмарин.* Словарь чувашского языка, вып. XIII, Чебоксары, 1937, стр. 164 и 172. — Может быть сюда же др.-тюрк. *talu* 'избранный, особенный, отборный'. См. Древнетюркский словарь, стр. 529.

дъıаволѧ (Л. 47 об., Ип. 52 об., — цитата из Похвалы Борису и Глебу); *оусобнаıа* же рать бъıваеть. ѡ соблажненыıа (Ип.: сваженыıа) диѧволѧ (Л. 56 об., Ип. 62 об.) и др.

В памятниках старо- и церк.-слав. письменности жсобица встречается редко. По этой причине оно в памятниках др.-рус. письменности едва ли заимствованное слово, хотя, например, летописец его часто употребляет в соседстве с книжными словами *дъıаволъ*, *съблажнение*, *нашествие* и др. Объясняется это тем, что, не умея выявлять причины возникновения *усобицы*, она приписывается действию нечистой силы. Слово известно и диалектам, ср.: *усобица* (смол.) 'семейное несогласие, раздор между членами семейства'; *усобник* (иркут.) 'ссорящийся[115], ср. еще укр. *усобитися*, *усобиця*, *усобник*[116]. Все эти данные позволяют утверждать, что др.-рус. *оусобица*, *оусобьнъıи* — праславянское наследие в восточнославянских диалектах.

Антонимом *рать* является *миръ*, ср.: поидита противу имъ (половцев. — *А. Л.*) любо с *миромъ* любо ратью. Володимеръ хотѧше *мира*. Стополкъ же хотѧше рати (Л. 73, Ип. 80 об.). Единственный раз в Пов. вр. л. употреблено сочетание слов *на строенье мира* в значении, видимо, 'на выработку условий мирного договора', ср.: Приидоша Стополкъ. и Володимеръ. И Двдъ Игоревичь. и Василко Ростиславичь. і Двдъ Стославичь. и братъ его Ѳлегъ. и снѧшас *на строенье мира* (Ип. 88, Л. 86 об.). От основы же *строи* — редко употребляется глагол *построити*, ср.: посла Ѳлегъ мужи свои *построити* мира и положити рады межи грѣкы и Русью (Ип. 13); присла Романъ и Костантинъ. и Степанъ слы к Игореви. построити мира первого. Игорь же гла с ними ѡ *мирѣ* (Л. 11, Ип. 18). Оба приведенных примера из договоров, поэтому не исключено то, что сочетание слов *построити мира* появилось под влиянием какого-то греческого оборота речи. При этом не совсем обычным является употребление формы род. п. *мира* при инфинитиве. Показательно еще то, что в словаре И. Срезневского статья *Построити* иллюстрируется только приведенными примерами[117]. Также мало примеров, в которых встречается глагол, образованный от *мир-*, ср.: азъ пошлю молитисѧ з дружиною своею къ ѡцю своему. и *смирю* тѧ со ѡцмь моимь (Ип.: *смирю* сѧ с нимь) — Л. 86, Ип. 87) — здесь, как видно из примера, речь идет о примирении; кнагини... повѣда всю рѣчь (Л.: всѧ рѣчи) Стополку и Киıаномъ ıако миръ будеть... и *вмиришасѧ* (Л.: *оумиришас*) Ип. 90 об., Л. 89), да *оумиримсѧ* с вами грѣкы (Ип. 13, — из договора Олега); Ѳлегъ

---

[115] Опыт, стр. 240; см. также: ССРЛЯ 16, стб. 927.
[116] *Гринченко IV*, стр. 357; Українсько-російский словник, Київ, 1964, стр. 979.
[117] *Срезневский II*, стб. 1268.

же ѡмиривъ городъ. овы изъима. другыѧ расточи. и имѣныѧ ихъ ѡтъıѧ. иде Ростову (Л. 85 об., Ип. 87).

В приведенных примерах глаголы *смирю сѧ*, *оумиришасѧ*, ѡмиривъ (Х. и П.: *оумиривъ*) имеют значение или 'примириться', или 'успокоить'. В значении 'заключить мир' весьма употребительно сочетание слов: *сътворити*, реже: *творити миръ*, ср.: приидоша печенѣзи пѣрвоѥ на рускую землю и *створивше миръ* с Игоремъ (Ип. 16 об.); паки придоша оугри на Цр҃ьградь *миръ створивше* съ Рамономъ (Ип.: с Романомъ) возъвратишасѧ въ своѧ си (Л. 10 об., Ип. 17 об.); *створи миръ* Володимеръ съ болгарьı (Л. 27, Ип. 33); *створи миръ* Ст҃ополкъ с половци (Л. 75, Ип. 83); Мстиславъ пришед *створи миръ* с рѧзанци (Л. 86 об., Ип. 88); *твори миръ* съ братомъ своимъ (Л. 24 об., Ип. 30 об.); и повѣдаста молбу кнѧнь. ꙗко *творити* (Ип. *створити*) *миръ*. и блюсти землѣ русьскиѣ (Л. 89, Ип. 90 об.) и т. д.

Глагол **сътворити** широко употребителен и в памятниках ст.-слав. письменности, вот несколько примеров: **коуплиж сѫтъ сътворили** (Л. XIX, 15 Мар., Зогр., Ас. и др.); **съвѣтъ. сътвориша на нь** (Мф. XII, 14, Мар., Зогр.); **сътворихъ сѫдъ і правъдѫ** (Син. пс. CXVIII, 121); **сътвори добро** (там же XXXVI, 27); **хоцѣж сътворити вечерѣ** (Син. тр. 46б, 2—3); **обычаи сътворити** (там же 82а, 7—8) и др.

Возможно, что глагол *сътворити*, будучи общеславянским, был широко употребителен и у восточных славян. По крайней мере И. Срезневский приводит достаточно материала, убеждающего в этом[118]. Кроме того, употребляются такие сочетания слов: *хотѣти*, *просити*, *вдати миръ*, ср.: Мстиславъ приде Суждалю и сѣдѧ ту посылаше к Ѡлгови *мира просѧ* (Л. 86, Ип. 87 об.); и вълъзе (Ип.; вънде) Ѡлегъ из града *хотѧ мира*. и *вдаста* ѥму *миръ* рекъше сице. иди к брату своему Дв҃дви (Л. 76 об., Ип. 84 об.); цр҃ь радъ есть миру. *хощеть миръ* имѣти со кнѧземъ рускимъ (Л. 14, Ип. 21) и др.

Изложенное позволяет констатировать:

1. Абсолютное большинство слов, характеризующих действия древнерусских воев, или рати, является исконной принадлежностью восточных славян и восходит к обычной бытовой речи.

2. Наряду с восточнославянской лексикой употребляется и книжная *брань*, *врагъ*, *супостатъ*, *нашествие*, *побѣда* и производные от него, *храбръ* и другие. Употребление одних из них при наличии восточнославянских соответствий к ним объяснимо желанием летописца излагать мысль так же, как и в церковных книгах, а в других — отсутствием тех же восточнославянских слов в значениях, в которых известна книжная лексика, как это наблюдается в употреблении, например, слов *врагъ*, *храбръ*. Желание излагать мысль так же, как и в церковных книгах,

[118] *Срезневский III*, стб. 841 и сл.

привело к переделке некоторых слов на южнославянский лад, ср. употребление *престоꙗти* вместо ожидаемого *перестоꙗти*, *обранити* ‘защитить’ вместо *оборонити* и др.

3. Редко встречающееся *оборонити — обранити* в значении ‘защитить’, по-видимому, восходит к польскому *obronić*.

В целом военная лексика Пов. вр. л. в абсолютном большинстве случаев является восточнославянской, восходящей к праславянскому наследию.

Как могли убедиться, эта восточнославянская лексика количественно увеличена книжной, по происхождению южнославянской лексикой, часть которой обогатила военную лексику новыми понятиями, сюда относятся: *оружие* в обобщающем понятии, *въоружити сѧ*, *защитити*, *нашествие* и др. Другая часть, употребленная из-за желания излагать мысль так же, как и в церковных книгах, на первых порах являлась дублетной по отношению к имеющейся восточнославянской лексике с тем же значением, к таким относятся *брань* к вост.-слав. *сѣча*, *побѣдити* к *одолѣти*, *врагъ* к *противьникъ* и т. п.

По имеющимся данным слова *пълкъ*, *оборонити*, позже ставшие широко употребительными, заимствованы из западнославянских языков. Слово *застоупъ* ‘отряд’, не получившее распространения, а также не закрепившееся в языке, видимо, — чешское. *Сабля*, видимо, заимствовано из какого-то восточного языка.

Наблюдения свидетельствуют о том, что древнерусская военная лексика была весьма развитой как по обозначению понятий наступления, обороны и битвы, так и по названию войсковых соединений и оружия. Как видно, ряд названий стали заменяться новыми терминологическими названиями, как: *построити*, *порѧдити*, *изрѧдити — испълчити*; *сѣча — брань*, *битва*; *одолѣти — побѣдити* и др.

Глава VIII

ЛЕКСИКА, СВЯЗАННАЯ С ОБОЗНАЧЕНИЕМ ПОНЯТИЙ ГРАМОТНОСТЬ И КНИЖНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Умение читать и писать издавна является признаком, характеризующим грамотного человека. В Пов. вр. л. совсем мало случаев, когда слова с корнем *чьт-/чит-* употреблены в значении 'читать написанное'. Первый пример, в котором зафиксировано причастие *чтомо*, находим в тексте под 6504(996)г. Приведем этот текст, в скобках отметив источники цитат: (Володимеръ) бѣ бо любѧ словеса книжнаѩ. Слъıша бо ѥдиною еуг҃лье *чтомо*. бл҃жни млс҃тивни ıако помиловани буд҃ет (Ип. будуть) — Мф. V, 7). и пакъı продаите имѣныı ваша и дадите нищим҃ (Л. XII, 33). и пакъı. не скръıваите собѣ скровищъ на земли. идеже тлѧ тлить. и татье подъкопаваю҃т. но скръıваите собѣ скровище на нбсѣх. идеже ни тлѧ тлить ни татие крадуть (Мф. VI, 19—20). и дв҃да гл҃ща. бл҃жнъ мужь милуıı и даıı (пс. CXI, 5). Соломона же слъıша гл҃ща. вдаıı нищему бу҃ взаимъ дает҃ (Притч. XIX, 17). си слъıшавъ повелѣ всѧкому нищему и оубогому приходити на дворъ кнѧжь. и взимати всѧку потробу (Ип. потребу). питье и ıадение (Л. 43—43 об., Ип. 47).

По свидетельству летописца, Владимир однажды обратил внимание на эти слова, надо полагать, в церкви во время службы. Когда это могло быть? Мф. V, 7 читается в сентябре в память Симеону (см. Остр., л. 212б); Л. XII, 33 читается в 11-ю неделю всех святых, т. е. где-то в июне или в июле. Обращает внимание неправильное цитирование: Л. XII, 33 вместо: **и дадите нищим҃** читается **и дадите милостъıню** согласно греч. καὶ δότε ἐλεημοσύνην; **и дажды ништиимъ** читается Мф. XIX, 21, как и греч. καὶ δὸς πτωχοῖς; но оно не входило в апракосы. Таким образом, летописец произвольно Л. XII, 33 **милостъıнѫ** заменил на **нищим҃**, заимствовав последнее из Мф. XIX, 21. Далее Мф. VI, 19—20 читается в сыропустную неделю, т. е. в первую неделю великого поста, а она бывает или где-то в конце февраля или начале марта (см. Остр., л. 124б—г).

Не продолжая далее разбора текста приведенной цитаты, можно констатировать, что цитированный выше текст является сочинением летописца с нарочито подобранными цитатами на тему о том, что следует быть милостивым и обращать внимание на нищих и убогих. Все это преподносится так, что однажды

Владимир вник в содержание читаемого и после этого как настоящий христианин стал заботиться о бедных и обездоленных. Для убедительности летописец все это преподносит как очевидец, утверждая, что Владимир: слъша бо єдиною еуглье *чтомо*.

Под 6545 (1037) г. читаем: Ꙗрославъ люба цркъвнꙑа оуставꙑ. попꙑ любаше по велику. излиха же черноризьцѣ. и книгамъ прилежа и *почитаа* е (последнего нет Ип.) часто в нощи и въ дне (Ип. в днь и вь нощи). — Л. 51об. Ип. 57); иже бо книгꙑ часто *чтеть*. то бесѣдуеть с бомь. или стъıми мужи *почитаа* прꙑчскъıа бесѣдꙑ. и еуагльскаа оученыа и апслкаа. (и) житыа стхъ ѡцъ (Л. 51об.—52, Ип. 57). Из приведенных примеров узнаем круг чтений древнерусского грамотея. По-видимому, соответствует действительности утверждение летописца о том, что Ꙗрославъ ... книгамъ прилежа и *почитаа* е часто, хотя книгамъ прилежа, видимо, навеяно словами ЖМ, что он, на Олимпе **книгаχъ прилежа** (гл. III)[1] или под влиянием Изборника 1076 г., где говорится: прилежаахоу стъхъ книгъ (л. 4)[2]. Как известно, даже дочь Ярослава Анна была грамотной, поскольку, будучи женой французского короля Генриха I, оставила свою подпись кириллицей на латинской грамоте от 1063 г.[3] Забота Ярослава о распространении грамотности на Руси соответствует действительности.

Под 6559 (1061) г. рассказывается, что Феодосий, игумен Печерского монастыря: оустави въ монастꙑри своемь. како пѣти пѣныа манастꙑрьскаа. и поклонъ како держати. и *чтеныа почитати* и стоанье в цркви (Л. 54, Ип, 60). Из данной цитаты узнаем, что Феодосий Печерский организовал, так сказать, школу, где, кроме всего прочего, учили читать церковные книги соответственно дням службы. О том же в основном свидетельствует и следующее: ѳеѡдосии ... поꙋчивъ ихъ (братью. — *А. Л.*) ... блюстисѧ ѿ лѣности и ѿ многаго сна. бодру бꙑти на пѣнье цркъвное. и на прѣданыа ѡчьскаа. и *почитанꙑа* книжнаа (Л. 62, Ип. 68).

Вот, собственно, все случаи употребления в Пов. вр. л. слов от корня *чьт-/чит-* в значении 'читать написанное', если не принимать во внимание Поучение Владимира Мономаха в Л. и приписки Силивестра: а иже *чтеть* книгꙑ сиа. то буди ми въ млтвахъ (Л. 96). При этом от корня *чьт-* зафиксированы формы: *чтеть*, *чьтеныа*, *чтомо*, а от *чит- почитати*, *почитаа*, *почитанꙑа*.

---

[1] *П. А. Лавров.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности, стр. 71.

[2] Изборник 1076 г., М., 1965, стр. 157.

[3] *П. Я. Черных.* К вопросу о подписи французской королевы Анны Ярославовны. «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ». М., 1947, стр. 27—31; *Е. И. Мельников.* О языке и графике подписи Анны Ярославны 1063 г. «Славянское языкознание. Сборник статей». М., 1959, стр. 113—119.

В значении 'почет, честить' употребляются образования от корня *чьт* — ср. примеры: хочю вы *почтити* наоутриа предъ людьми своими (Л. 15, Ип. 22); и оувѣданъ бы͂с всѣми великыи. Антонии *чтимъ* (Ип. *честимъ*) и начаша приходити к нему брат(ь)а (Л. 53, Ип. 69); тѣмьже *почтенъ* есть манастырь печерьскыи старѣе всего (Ип. всихъ). — Л. 54; Ип. 60) и др.

Чем же объясняется то, что в Пов. вр. л. так малочисленны слова с корнем *чьт-/чит-* в значении 'читать написанное'? Объясняется это способом изложения летописца, который любой факт преподносит читателю как сообщение очевидца. По этой причине в Пов. вр. л. изобилует прямая речь, на что обратил внимание Д. С. Лихачев[4]. Преподносить слушателю все факты как очевидные свойственно языку сказок. Думается, что этот род фольклорных произведений был образцом для летописца. Такой способ повествования не требует указаний на то, что тут и там читается то или иное место из литературных, книжных источников. По этой же причине летописцу не требуются слова с корнем *чьт-/чит-* с значением 'читать написанное', вместо этого он употребляет: *реч͂и* бо Соломанъ желанье. блг͂врнхъ наслаженьи дшю (Притч. XIII, 20) — Л. 18, Ип. 25); *гл͂ть* Геѡргии в лѣтописаньи (Л. 5 об., Ип. 6 об.); се суть людье заклѣпленѣ ѳлександромъ Македоньскомъ цр͂мъ. такоже *сказа* ѡ нихъ Мефодий Патариискъ *гл͂а* (Ип. 86, Л. 85) и т. д., т. е. при приведении цитат употребляются слова, характерные для устной передачи: *рече*, *глаголеть*, *сказа* и т. д.

Чаще встречаются слова с корнем *пьс-/пис-*, которые в Пов. вр. л. фиксируются более 40 раз. Как видели, слова же с корнем *чьт-/чит-* в значении 'читать написанное' в ней находятся всего 6 раз. Отметим, что слова с корнем *пьс-* встречаются только в Л., которым в Ип. всегда соответствует слово с корнем *пис-*, например: мы свѣщахомъ *напсахомъ* харатью (Ип. *написахомъ* на харотью) сию. на неи же суть имена наша *написана* (Л. 13 об., Ип. 20 об.); Романъ же созва боларе (Ип. събра болгры) и сановникы. приведоша рускиа слы и велѣша (Ип. повелѣша) гл͂ти. *пс͂ати* (Ип. и *писати*) ѡбоихъ рѣчи на харатьѣ (Ип. на харотью) — Л. 11, Ип. 18); Лука бо еуг͂листъ первое *напсавъ* (Ип. *написавъ*) посла въ Римъ. такоже гл͂ть Василии (Л. 39 об., Ип., 43 об.) и др.

Пьсати — писати когда-то являлись отдельными формами дуратива и итератива. Таких различий в рассматриваемых текстах невозможно установить.

В памятниках ст.-слав. письменности, как полагают, *пьсати* является отражением моравского влияния, а *писати* — южно-

[4] *Д. С. Лихачев.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 114.

славянского[5]. По-видимому, употребление в Л. форм глагола с корнем *пьс-* обусловлено влиянием тех памятников ст.-слав. письменности, в которых преобладает написание пьс-. Употребление же глагола с корнем *пис-*, надо полагать, относилось к первооригиналу Пов. вр. л., так как Силивестр употребил не *напсахъ*, а *написахъ*, ср. Игуменъ Силивестръ стаг Михаила. *написах* книгы си лѣтописець (Л. 96).

В ЖФП по списку XII в. Усп. сб. читаем: бѣше бо и книгамъ хытръ *псати* (л. 44 г., 8—9). Поскольку автором Пов. вр. л. и ЖФП считают Нестора, то, по-видимому, последний и употреблял глагол *пьсати*.

В преобладающем большинстве случаев *писати* употреблено в значении 'передавать посредством букв речь'. Имеются несколько примеров, в которых *писати* употреблено в значении 'рисовать' или 'начертать какую-либо фигуру', ср. и се рекъ показа Володимеру запону. на неиже бѣ *написно* судище гсне (Л. 36 об., Ип. нет листа); (латыняне) влѣзъше бо въ црквь ... *напишеть* крть на земли цѣлуеть. въставъ простъ станеть на немь ногама... попираеть (Л. 39 об., Ип. 43) и др. Это первичное значение глагола *пьсати — писати*. Судя по данным памятников др.-рус. письменности, этот глагол в указанном значении был широко употребителен[6]. Переход от значения 'рисовать, изображать' к значению 'передавать посредством букв речь' не представлял трудностей, поскольку первоначальное древнерусское письмо мало чем отличалось от рисования, так как каждая буква тщательно вычерчивалась.

Самое большое количество употребления глагола *писати* относится к договорам Руси с Византией. Здесь употребляются не только глагольные формы от основы *пис-*, но и формы имен. Приведем примеры: Тавъи (Р. таковъи) възметь оураженое кому *будеть писалъ* наслѣдити имѣнье (Ип. 14 об., Л. нет лл. — дог. Олега 911 г.). Этот пример можно истолковать в том смысле, что уже в начале X в. на Руси были грамотные люди, которые могли писать завещания; И таково *написание* дахомъ црства вашего на оутвержение (Ип. 15, — дог. Олега); но потщимсѧ елико по силѣ на схранение прочих и вьсегда лѣтъ с вами грѣкы. исповѣданиемь и *написанием* съ клѧтвою (Ип. 13, — дог. Олега). *Написание* может быть переводом греч. ἐπιγραφή, как и в памятниках ст.-слав. письменности; Приведоша рускиа слы и велѣша (Ип. повелѣша) глти *псати* (Ип. и *писати*) ѡбоихъ речи на харатьѣ (Ип. харотью). Л. 11, Ип. 18, — дог. Игоря от 945 г.); и гостье да приносѧть грамоту *пишюче* (Ип. *пишюще*) сице. ꙗко

[5] *V. Jagić*. Указ. соч., стр. 294 и сл.; *A. Dostál*. Studie o vidovém systému v staroslověnštině. Praha, 1954, стр. 181 и сл.; *Н. Ван-Вейк*. История старославянского языка. М., 1957, стр. 345 и сл.

[6] Примеры см. *Срезневский I*, стб. 308, 1141.

послахъ корабль селько (Ип. селико). и ѿ тѣхъ да оувѣмъı и мъı ѡже съ миромь приходить (Ип. приходат). — Л. 12, Ип. 19); да *испишеть* (Р. *испишють*) имена ваша. тогда возьмуть мѣсячное свое съли слебное. а гостье мѣсячное (Л. 12, Ип. 19); аще ли кто ... преступить се еже есть *писано* на харатью (Ип. еже *написано* на харотьи) сеи. будеть достоинъ своимъ ѡружьемъ оумрети (Л. 14, Ип. 21) и др.

В приведенных примерах из договора Игоря обращает внимание слова *грамота* и *испишеть*. Первое слово бесспорно древнерусское изустное заимствование греч. γράμματα, как видно, было употребительно уже в 40-х гг. X столетия[7]. Второе слово — глагол *исписати* неизвестен классическим памятникам ст.-слав. письменности. В Словаре старославянского языка имеются статьи **Исписати** и **Испьсати**. В первой статье приведен единственный пример, извлеченный из рукописи XIV в. «Написание о правой вере» Константина философа: и ѡлкъ по своемоу кромѣ грѣха взыкъ. къ мрътвьное естьство и истлѣваемое и исписаемое ѡблакася[8]; во второй статье также приведен единственный пример из рукописи XVI в. Соловецкого монастыря из минейного житья Вячеслава (Вацлава) чешского: ... къ книгах исписанъ[9]. Последнее исписанъ могло появиться на русской почве, потому что для др.- рус. языка глагол *исписати* в значениях ‘написать и украсить живописью’ был обычным[10]. Исписаемое в предложении: ѡлкъ ... къ мрътвьное естьство и истлѣваемое и исписаемое ѡблакъ ся — не ясно, что оно означает. Словарь старославянского языка толкует это слово как ‘описывать, изображать’, но что значит: ‘в мертвое естество ... изображаемое облечься’?

Таким образом, в договоре Игоря слова *грамота*, *испишють* относятся к восточнославянизмам. С. П. Обнорский, опираясь на многие данные, не без основания считал, что договор Игоря переведен с греческого языка русским книжником. При этом глагол *испишють* он ошибочно относил к южнославянским глаголам «в значении выделения из чего-либо»[11]. Тогда как *испишють* в приведенном контексте в том же значении, что и в предложении: къ кнзю послаша на городище. *исписавше* на грамотоу всю виноу его (Новг. I лет, л. 148); *исписавше* ‘написавши или описавши’; да *испишють* имена ваша — ‘пусть напишут или опишут) ваши имена’, по-современному — ‘составят список’.

---

[7] *А. С. Львов.* К истории слова *грамота* в древнерусской письменности. «Исследования источников по истории русского языка и письменности». М., 1966, стр. 88—103.

[8] *П. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 177; Slovník jaz. stsl. I, стр. 800.

[9] Slovník jaz. stsl. I, стр. 813.

[10] *Срезневский I*, стб. 1126 и сл.

[11] *С. П. Обнорский.* Язык договоров русских с греками. «Язык и мышление». VI—VII. М.—Л., 1936, стр. 98; Перепечатано: Избранные работы по русскому языку. М., 1960, стр. 116.

Говоря иначе, приставку *из-/ис-* в значении ‘обозначения полноты, завершенности действия’ нельзя истолковать южнославянской, поэтому ошибочно считать *исписати* в указанном значении южнославянизмом[12]. Так, в подобных примерах, как: томьж. лѣт *испьсаша* божницю антоновоу (Новг. I лет., л. 11); въ т(о) же лѣт. *испьсаша* чстно притворы вса въ стѣи Софии Новѣгородѣ (там же, л. 23 об.), — глагол *испьсаша* невозможно заменить на *въпьсаша*, потому что здесь *ис-* не относится к приставкам в выделительном значении. То же следует сказать о следующих примерах: всь оуставъ манастырьскыи *исписавъ* и посъла ... Θеѡдосию (ЖФП, л. 37 об.); кнзь ... *изби* татаръ мног во Тфѣри (Новг. I лет л. 164 об.); і ... гость хопыльскыи *исѣче* (там же, л. 164 об.) и др.

В Сказании О преложении книгъ на словѣньскыи языкъ употреблено слово *писмена* в следующем контексте: сима же (т. е. Константин и Мефодии. — *А. Л.*) пришедъшема (въ Моравию. — *А. Л.*) начаста съставливати *писмена*. азъбуковьна словѣньски. и преложиста апслъ и еуглье (Л. 9 об., Ип. 11). Кроме того, в другом месте: (Ꙗрославъ) собра *писцѣ* многы и прекладаше ѿ грекъ на словѣньское *писмо* (Ип. на словѣньскыи языкъ и *писма*). и списаша книгы многы (Л. 51 об., Ип. 57).

Источником первой приведенной цитаты могут быть такие памятники, как Похвальное слово Кирилу и Мефодию, в котором читается: **законъ же бжии соуговъно прѣложьша, въ новъıи языкъ прѣдаста, писмена сътворьша кмȣ**[13], или Прологъ къ богословию Ианна экзарха болгарского, где написано: **Кстатинъ, философъ рекл, мьногы троудъı прия, строи писмена словѣньскъıхъ кънигъ, и отъ евангелиа и апсла прѣлагаа изборъ**[14].

Основным источником, по-видимому, было Похвальное слово, при этом не исключено, что названия апостолъ и евангелие взято из Пролога Иоанна экзарха болгарского.

Мы уже писали, что русский книжник южнославянское слово *писмена* в значении ‘алфавит’ пояснил словом *азъбоуковьна*[15]. Объясняется это тем, что в древнерусском языке *писмо* — *писмена* были употребительны преимущественно в значении ‘живопись, картина, изображение’. В Материалах для словаря древнерусского языка эти значения иллюстрируются только из оригинальных памятников древнерусской письменности, а значения ‘буква, текст, написание’ — из памятников церк.-слав. письменности[16].

[12] *М. Б. Ляпунов.* Семасиологические и этимологические заметки в области славянских языков, приставка *из-*. «Slavia», ročn. VII, s. 4, стр. 454 и сл.
[13] *П. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 83.
[14] *К Калайдович.* Иоанн екзарх болгарский. М., 1824, стр. 129; *A. Vaillant.* Textes vieux-slaves. Premiѐre partie. Paris, 1968, стр. 72.
[15] *А. С. Львов.* «Сказание о предложении кънигъ на словѣньскыи языкъ» — сочинение русского книжника, стр. 36 и сл.
[16] *Срезневский II*, стб. 939 и сл.

Вот почему древнерусский книжник для ясности к слову *писмена* привел определение *азъбоуковьна*.

Во втором примере слово *писмо, писмѧ* И. Срезневский объяснил как 'письмена, написание'[17], т. е.: и прекладаше ѿ грекъ на словѣньское *писмо* (вар. *писмѧ*) следует понимать: 'и переводили с греческого на славянское написание'. При таком понимании *писмѧ* (*писмо*) оказывается и способом написания и книгой, или текстом. В этом значении **писмѧ** должно быть ст.-слав. словом, таким же, что и в следующем примере: **кокго въı имѣниѧ или притѧжанига лихоуѥтъ истиньноѥ писмѧ** (Супр. 404, 3—5), где **писмѧ** передает греч. γραφή в значении 'письменное изложение', ср. еще пример: **начьнъ же отъ Мосеа. дроуга бжиѥго връха пророкъ. прѣвоуоумоу начрѣтавьшоу писмѧ. испрѣва сътворилъ бъ нбо и землѭ** (Супр. 478, 5—7). И в этом примере **писмѧ** означает и 'начертание букв', и 'письменное изложение'.

Таким образом, в приведенных примерах **писмена** и **писмѧ** по своим значениям оказываются книжными, или старославянскими словами. Древнерусский язык знал эти слова, как указали, в других значениях.

Во втором примере имеется еще слово *писцѣ*: собра *писцѣ* многъı. Это слово фиксируется и в других примерах: цр҃ь ... повелѣ *писцю* (Ип. *письцю*) писати вса рѣчи Сто҃славлѣ на харатью. нача глти солъ вса рѣчи. и нача *писець писець* (так в Л. — *А. Л.*) писати (Л. 22—22 об., Ип. 28 об.); Мефодии же посади в. попа *скорописца* зѣло (Ип. *борзописца* велми) и преложи вса книги исполнь, ѿ гречьска ꙗзыка въ словѣнескъ (Л. 9 об., Ип. 11). Последнее *скорописьць* из ЖМ, где читается: **ѿ оученикъ своихъ посажь дъва попъı скорописьцѧ зѣло, прѣложі въ бръзѣ вьсѧ книгъı испълнъ ... ѿ грьчьска ꙗзъıка въ словѣньскъ**[18]. По-видимому, **борзописьць велми** — поздняя переделка первичного **скорописьць зѣло.**

Что касается слова *писцѣ* в сочетании слов *собра писцѣ*, то оно должно быть не книжным, а восточнославянским словом, потому что в памятниках ст.-слав. письменности греч. καὶ συναγαγὼν πάντας τοὺς ἀρχιερεῖς καὶ γραμματεῖς переведены и **събра вса архиерѣа и кънижьникъı** (Мф. II, 4 Сав.). Возможно, что слово **кънижьникъ** не было подходящим в примере *собра писцѣ*, потому что евангельский **кънижьникъ** воспринимается как 'определенная каста людей' рядом с архиереями. В Син. пс. ὀξύγραφος переведено **ꙗдропишьць**, ср.: **ꙗзъıкъ мои тръстъ кънижъника ꙗдропишьца** (XLIV, 2), в Погод. пс. — **скорописьца.** Однако **кънижьникъ, ꙗдропишьць,** или **скорописьць** не включают значения (собра) *писцѣ*, потому что в последнем *писцѣ*, это — 'грамотеи,

[17] Там же, стб. 939.
[18] *П. А. Лавров.* Указ соч., стр. 77.

умеющие переводить с языка на язык'. В оригинальных памятниках др.-рус. письменности *письць* в различных значениях широкоупотребительное слово[19] и, по всем данным, оно является восточнославянским словом, образовавшимся по типу: *борьць, видьць, гудьць, коузньць, тъкальць, шьвьць* и т. п.

Примечательно то, что в Пов. вр. л. не зафиксировано слово *писание* в значении 'священное писание', как это наблюдаем в памятниках ст.-слав. письменности восточноболгарской редакции, ср. к примеру: **рече бжие писание въскыи величаша са страны** (Супр. 102, 26—27); **стаго писания въземи оуказания** (там же, 356, 22—23) и др. В Пов. вр. л. находим только такие примеры: многажды право судихом. но точью простословесенъ и *писаниемь* ... (Ип. 13, — дог. Олега); не достоить никоторому же языку имѣти буковъ своихъ. развѣ еврѣи и грекъ (и) латинъ по пилатову *писанью*. еже на крстѣ гсни напис(а) — Л. 9 об., Ип. 11) — последняя цитата из ЖМ, гл. XVI). В обоих примерах *писание* употреблено в значении 'написание, начертание'.

Употребляются слова *лѣтописанье, лѣтописьць*, представляющие кальки с греч. χρονογραφία и χρονογράφος. Приведем примеры: глть Геѡргии въ *лѣтописаньи* (Ип. *лѣтописьцѣ*) ибо комуждо языку ѡвѣмъ исписанъ законъ есть. другимъ же обычаи (Л. 5 об., Ип. 6 об.); Въ лѣт 6360 (852). индикта 15 днъ наченшю Михаилу црствовати ... при семь три приходиша Русь на Црьгородъ. яко пишетсѧ *в лѣтописаньи* гречьстѣмь (Ип. грѣцком). — Л. 6 об., Ип. 8); ѿ него же (Яня. — *А. Л.*) и азъ многа словеса слышах. еже и вписах *в лѣтописаньи* (Ип. *лѣтописиць*) семь (Л. 94 об., Ип. 96 об.). Кроме этого, а Ип. читается в заголовке: *Лѣтописец* Рускии (л. 3) и в Л.: игуменъ Силивестръ стаг Михаила. написах книгы си *лѣтописець* (л. 96).

В приведенных примерах наблюдаются употребление слова *лѣтописьць* вместо *лѣтописанье*. Это смешение, видимо, обусловлено восприятием слова *лѣтопись* как книгу, именуемую *лѣтописьць*.

Оба слова *лѣтописанье* и *лѣтописьць* возникли на древнерусской почве так же, как и *азъбоукы, азъбоуковьникъ, азъбоуковьныи*[20]. В памятниках ст.-слав. письменности не зафиксированы ни **лѣтописанье, лѣтописьць** и ни **азъбоукы** с производными. Да и само летописанье среди славянских народов прежде всего получило начало и развитие на Руси, как полагает А. Шахматов, в первой половине XI в. А. Шахматов считает, что древнейший свод древнерусской летописи был составлен в 1039 г.[21] На пер-

[19] *Срезневский II*, стб. 940.

[20] *А. С. Львов.* «Сказание о преложении книгъ на словѣньскыи языкъ» — сочинение русского книжника, стр. 34 и сл.

[21] *А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших летописных сводах, стр. VI, 2 и сл.

вых порах древнерусские летописи составлялись по образцам греческих хроник.

На основании изучения многих списков летописей А. Шахматов восстанавливает заголовок начального свода 1039 г. в таком чтении: Временьникъ, иже нарицаетьсѧ лѣтописание роусьскꙑхъ кънѧзь и землѣ роусьскꙑѣ ...[22]

Как бы то ни было, но происхождение слов *лѣтописанье* и *лѣтописьць* на древнерусской почве как калек греч. ἡ χρονογραφία и ὁ χρονογράφος едва ли подлежит сомнению. Позже вошло в употребление слово χρονίκα в западнославянском произношении *кроника*, ср. кънига *кроника*. на многихъ улика[23].

Прием изложения летописца — все передавать как сообщение очевидца — сказывается и на употреблении *глаголати* вместо *писати*, ср.: *глть* Геѡргии в лѣтописании (Ип. в лѣтописьць) Л. 5 об., Ип. 6 об.); и присла к неи (Ольге. — *А. Л.*) црь греческꙑи *глѧ*. много дарихъ тѧ. тꙑ же бо *глше* ко мнѣ. ꙗко возъвращюсѧ в Русь. многи дарꙑ пришлю (Ип. послю). — Л. 18, Ип. 25); и посла (Владимиръ. — *А. Л.*) пред ними слꙑ. *глѧ*. сице црю се идуть к тебе варѧзи ... (Л. 25, Ип. 31) и т. п.

Заметим попутно, что *глаголати* — старославянский глагол, введенный летописцем в написаниях под титлом так же, как и в церковных книгах: **глѧ, глше, глѧше, глть, глеть, глѧхѹ** и т. д. Наблюдения свидетельствуют, что *глаголати* в указанных написаниях стали употреблять взамен восточнославянского *речи*. В результате в ряде мест остались такие написания: Посла Ѳлегъ к радимичем *рка* (Л. *рька*). кому дань даете (Ип. 10, Л. 8 об.); *рекоша* дружина Игорева (Л. 14 об., Ип. 21 об.); и въстужиша люде в городѣ. и *ркоша* (Х. П. *рекоша*, а в Л. уже *рѣша*). — Ип. 26, Л. 19 об.) и др.

Чтобы изложение выглядело вполне по-книжному, летописцы стали употреблять архаические формы аориста: *рѣша* вместо *рекоша*, *начатъ* вместо *нача*, *дасть* вм. *да*, а также *бѣ* вместо *бѧше* и т. д.

В качестве обозначения материала письма употребляется слово *харатꙑа* (Л.) и *харотꙑа* (Ип.), восходящая к греч. мн. ч. χαρτιά от ед. χαρτί или χάρτη, χάρτης. Примеры, иллюстрирующие употребление этого слова в Пов. вр. л.: бꙑвши миръ съствориxом. Ивановомъ[24] написанием. на двою *харотью* цсрѧ вашего. и своею рукою (Ип. 15, л. нет, Р. 18 об.); Романъ же созва бо-

---

[22] *А. Шахматов.* Повесть временных лет, т. I, стр. 361.

[23] *П. Симони.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий, вып. I. СПб., 1899, стр. 114.

[24] А. Шахматов, основываясь на мнении акад. Крупа, признает, что в греч. тексте читалось διὰ κινναβάρεως — *киноваревъмь написаниемь*, которое было ошибочно прочитано как *Ивановъмь*. — См. *А. Шахматов.* Указ. соч., стр. 378.

ларе (Ип. собра боꙗры) и сановники. приведоша рускиѥ слы и велѣша глти. псати (Ип. и писати) ѡбоихъ рѣчи на *харатьѣ* (Ип. на *харотью*) — Л. 11, Ип. 18); мы же свѣщание все положимъ (Л. свѣщаньемъ все написахомъ) на двою *харатью*. и едина *харотыа* есть оу цр҃тва нашег҃. на неи же есть кр҃стъ. и имена наша написана. а на другои сли ваши и гостье ваши (Ип. 20 об., Л. 13 об. — дефектный); се же имѣите во истину. ꙗкоже створих҃ (Р. сотворихомъ) нꙑнѣ къ вамъ. написахомъ (Ип. и написахъ) *на харатьи* (Ип. *на харотьи*) сеи. и своими печатьми запечатахомъ (Л. 22 об., Ип. 29) и др.

Следует заметить, что *харатыа* или *харотыа* в Пов. вр. л. встречается только в текстах договоров русских с греками, но на широкое распространение этого слова в древней Руси подтверждается употреблением его во многих других, особенно деловых памятниках письменности[25].

В памятниках ст.-слав. письменности в значении **харотыа** употребляется **листъ**, ср. **ищи зади перегнѫвъ листа дъва** (Остр. 265 г.); **вьздаше книгы на листъ написани** (Деян. XV, 30 Гильф.), греч. τὴν ’επιστολήν; **проси оу него боукъви на листъ написани** (Деян. IX, 2 Слепч. Шишат и др.), греч. ᾐτήσατο παρ’ αὐτοῦ ’επιστολὰς; **вземше листокъ книжьнъ п(ис)аше к немꙋ** (Никод. ев. XV в., изд. А. Вайана) перевод с лат. tollentes folium chartae scripserunt ad Joseph[26] и др. Лишь в Супр. дважды зафиксировано **хартиѫ**, ср. **и іспросивъ хартиѫ написа тако** (152, 14—15); **и просивъ хартиѫ написа сице въ неи** (558, 7—8).

Независимость др.-рус. *харатыа*, *харотыа* от ст.-слав. **хартиа** очевидна. Написание слова в Супр. буквально передает греч. χάρτῃ, а др.-рус. *харотиа*, *харатиа* — χαρτιά[27].

Др.-рус. *харотиа* из *харътиа*. Последнее написание находится, например, в Син. пат.; **ищѧ харътиа въ домѫ моемь. обрѣтохъ к҃нижица сиа** (л. 140 об.); **харътиѫ въı нъı нѣкакѫ дасть** (л. 144) и др. В слове *харътиа*, как отметили, восходящем к греч. χαρτιά при устном заимствовании между -рт-, появился так называемый вставной **-ъ** так же, как и в словах: **олътарь** из *altare*; **Варътоломѣи** — Βαρθολομαῖος; **иоръданъ** — ’Ιορδάνος и т. п.[28]. Говоря иначе, др.-рус. написания: *харътиа*, *харотиа*, *харатиа* (последняя по ассимиляции из *харотиа* < *харътиа* — свидетельствуют об изустном заимствовании др.-рус. книжниками греч. τὰ χαρτιά.

Таким образом, заимствованными изустно являются слова *грамота* и *харътиа*, а *лѣтописанье* и *лѣтописьць*, а также *азъбоукы* — восточнославянские кальки греч. χρονογραφία, χρονογράφος,

---

[25] *Срезневский III*, стб. 1361 и сл.
[26] *A. Vaillant.* L’évangile de Nicodime, стр. 44—45.
[27] *М. Р. Фасмер.* Греко-славянские этюды. III, СПб. 1909, стр. 218.
[28] *Н. Ван-Вейк.* Указ. соч., стр. 93 и сл.; *А. М. Селищев.* Старославянский язык, ч. I, стр. 98 и сл.

ἀλφάβητος. При этом не исключено, что *лѣтописьць* в значении 'книга' появилось на древнерусской почве по типу слов, образовавшихся на *-ьць*, вроде: *сажьць*, *тълъць*, *чепьць* и т. п. Если бы форма *лѣтописьць* являлась, так сказать, чистой, или полной калькой, то оно должно было бы обозначать 'лицо', а не 'книга'. Вот почему возникает предположение, что форма *лѣтописьць* создалась на древнерусской почве.

Заметим, что в приведенном выше примере читается *печатьми запечатахомъ*, а не *запечатьлѣхомъ*, как в памятниках ст.-слав. письменности[29]. *Запечатахомъ* от *печать* образовано независимо от формы *запечатьлѣти*, употребляемой в памятниках ст.-слав. письменности. По своему значению *запечатати* 'приложить печать' отличается от ст.-слав. **запечатьлѣти** 'заклепать, заделать наглухо'. Говоря иначе, *запечатати* следует рассмотреть древнерусской глагольной формой, образованной от заимствованного *печать*, тогда как ст.-слав. **запечатьлѣти** в основе **печатьлѣ**— является тюркским суперстратом.

Пов. вр. л. по Л. начинается так: Се повѣсть временьныхъ лѣт. ѿкуду есть пошла рускаꙗ земла ... Се начнемъ повѣсть сию (Л. 1 об.). В Ип. сначала перечисляются имена киевских князей, лишь на л. 3 написано: Повѣсть временныхъ лѣт. черноризца Федосьева манастыра Печерскаго. ѿкуду есть пошла Рускаꙗ земла стала есть ... се начнемь повѣсть сию (Ип. 3).

Нас интересует здесь слово *повѣсть*, употребленное в значении 'рассказ, сказание, повествование'. В этом же значении слово **повѣсть** фиксируется Л. I, 1—2: **понеже оубо. мънози нача сѧ чинити повѣсть о ꙁвѣстованыихъ въ насъ вештехъ. ѥкоже прѣдаша намъ бывъшеи искони** (Ас. **испръва**) **самовидьци і слоугы словесе** (Мар. Зогр. Ас. и др.), причем словом **повѣсть** передано греч. διήγησις 'повествование'. В Син. тр. этим же словом передано греч. ὑποδῆκαι 'наставление, назидание', ср.: **исповѣданиѥ. таинъı ср҃цю. ѥкоже б҃жиѧ повѣсти съказаютъ** (л. 99а, 19—11). В Супр. слово **повѣсть** встречается 10 раз., из них 7 раз им передано греч. ἱστορία и три раза διήγημα, ср.: **слъıша словесъı дѣаниꙗ и повѣсти** (Супр. 343, 8—9), πρᾶξις καὶ ἱστορία; **съпръва повѣсти насъıштеникъ сътворѫ** (Супр. 278, 27—28), ἐκ προοιμίων κόρον τῷ διηγήματι ἐμποιήσῳ.

В памятниках церк.-слав. письменности слово **повѣсть** зафиксировано в разных значениях[30]. По своему образованию *повѣсть* должно быть отглагольным именем от *повѣдати* или *повѣдѣти*: **povědь-tь* > *повѣсть*. Не исключено, что в приведенных выше из Пов. вр. л. цитатах слово *повѣсть* в своем значении книжное. Но тем не менее, кажется, нельзя утверждать, что в восточно-

[29] Slovník jaz. stsl. I, стр. 651 и сл.; *А. С. Львов.* Старославянское **печать** — **печатьлѣти**. «Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. М., 1962, стр. 93—103.

[30] *Срезневский II*, стб. 1008 и сл.

славянском не было этого слова, потому что в памятниках др.-рус. письменности оно встречается в иных значениях, например: присла влдку Митрофана съ всѣми добрꙑми *повѣстьми* (Новг. I лет. л. 93 об.)[31], т. е. 'вестьми'. В. Даль зафиксировал такие поговорки: ходят в народе вести *повести* 'молва, слухи, толки', ни вести, ни *повести* — 'ни слуху, ни духу'[32]. Кроме того, *повѣсть* образовано по типу: *невѣсть* < **nevěd-tь*; *почесть* < **počьt-tь* зависть < **zavid-tь* и т. п., которые обычны и в восточнославянских языках. Тем не менее в приведенных выше примерах из Пов. вр. л. *повѣсть* в семантике относится к группе книжных старославянских слов, восточнославянским же диалектам оно было известно в иных значениях.

Рассмотрим слова: *боукꙑ* и *кънигꙑ*. Первое слово зафиксировано всего один раз в цитате из ЖМ: нѣчии же начша хулити словеньскꙑа книгꙑ. глще. ꙗко не достоить никоторому же ꙗзꙑку имѣти *букъвъ*, развѣ еврѣи и грекъ. (и) латинъ по пилатоу (Ип. Пилатову) писанию. еже на крстѣ гсни. написа (Ип. 11, Л. 9 об.), ср. в ЖМ: **вллхоу же ѥтера многа чадь, ꙗже гоужахоу** (вар. хѕллх8) **словѣньскꙑа книгꙑ, глюще, ꙗко не достоить никоторому же ꙗзꙑкоу имѣти боукъвъ своихъ, развѣ евреи и грькъ и латинъ, по Пилатовоу писанию. еже на крьстѣ гни написа**[33].

При цитировании летописец вначале место **вллхоу же ѥтера многа чадь ꙗже гоужахоу** упростил: нѣции же начаша хоулити, далее опущено только местоимение своихъ после *боукъвъ*. Словарь старославянского языка слово **боукъвъ** в приведенной цитате объясняет: litera, *буква*[34]. Видимо, это так, потому что приведенное в Л. XXIII, 38 читается: **бѣ же і написанѣ напсано. надъ нимъ. кънигами елинъсками. і римьсками. і еврѣйсками. сь естъ цр҃ь іюдѣскъ** (Зогр., Мар., Ас. и др.), греч. Ἦν δὲ καὶ ἐπιγραφὴ ἐπ' αὐτῷ γράμμασιν ἑλληνικοῖς καὶ ῥωμαϊκοῖς καὶ ἑβραϊκοῖς, где γράμμασιν употреблено в значении 'буквами'.

По-видимому, слово **боукъі** в древней Руси не вошло еще в употребление. Этим следует объяснять то, что в Материалах для словаря древнерусского языка И. Срезневского в статье Бꙋкꙑ приведено всего два примера на значение 'буква' — из рассуждения Черноризца Храбра О писменехъ и ЖМ; остальные 6 примеров на значение 'письмо, эпистолия' — из разных памятников церк.-слав. письменности[35].

Слово *книгꙑ* и производное от него *книжнꙑи* встречается как в цитатах, так и в изложении (в речи) летописца. Как уста-

---

[31] Другие примеры см. *Срезневский II*, стб. 1008 и сл.
[32] *Даль III*, стр. 151.
[33] *П. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 72.
[34] Slovník jaz. stsl. I, стр. 148.
[35] *Срезневский I*, стб. 192.

новлено, слово **кънигъı** было единственным, которым первые переводчики греческих церковных книг на славянский язык передавали греч. ἡ γραφή, τὸ γράμμα, τὰ γράμματα, ἡ ἐπιστολή, ἡ βίβλος[36]. Позже, вероятнее всего, в Моравии были введены **боукъви** для передачи греч. τὰ γράμματα в значении 'письменный документ' (см. Л. XVI, 6, 7 Зогр., Мар.).

В Христинопольском и Шишатоватском списках апостола начинает употребляться **епистолиа**[37]. Это же слово имеется в ЖК (гл. XIV). В восточноболгарских списках и переводах церковных книг вводятся **писмо — писмена** для передачи греч. τὸ γράμμα, τὰ γράμματα. Таким образом, слово **кънигъı** в Восточной Болгарии специализируется для передачи только греч. ἡ βίβλος[38].

В Пов. вр. л. нет примеров, в которых слово *книгъı* употреблялось бы бесспорно в значении 'буквы', так как в цитате из ЖМ: нѣции начаша хулити словѣньскъıа *книги* глше. ıако не достоить никоторому ıазыку имѣти буковъ ... (Л. 9 об., Ип. 11) слово *книгъı* можно истолковать и в значении βίβλος, и в значении τὰ γράμματα; так же в изложении летописца: Сим же раздаıномъ на оученье *книгамъ* (Ип. *книжное*) събъıсса прчство на Русьстѣи земли (Ип. землѣ) глщее. во wнъı днии (Ип. дни) оуслъıшать глусии словеса книжнаıа. и ıаснъ будеть ıазъıкъ гугнивъıх (Л. 41, Ип. 44 об.), начиная: во wнъı днии ... до гугнивъıх — цитата, из Исаии XXIX, 18, 24 — известный прием летописца преподносить цитату, что она якобы относится к русским. Здесь *книгамъ* можно истолковать, как 'обучение алфавиту' и како 'обучение грамоте' в более широком смысле, поэтому обычное ст.-слав. **оучение кънигамъ** заменено на *оученье книжное*.

В цитатах и в речи самого летописца слово *книгъı* употреблено преимущественно в значении 'церковные книги', ср. посем приложиста (Ип. переложиста) пслтрь и wхтаикъ и прочаıа *книги* (Л. 9 об., Ип. 11); папежь римьскии. похули тѣх. иже ропщуть на *книги* словеньскиıа (Л. 9 об., Ип. 11); Ярославъ *книгамъ* прилежа и почитаıа е часто в нощи и въ дне (Л. 51 об., Ип. 57); аще бо поищеши *въ книгахъ* мдрости прилѣжно. то обращеши велику ползу дши своеи. иже бо *книгъı* часто чтеть. то бесѣдуеть с бомь (Л. 51 об., Ип. 57) и т. д. В записи летописца: игуменъ Силивестръ стаг Михаила написах *книгъı* си лѣтописець ... а иже чтеть *книгъı* сиıа. то буди ми въ млтвахъ (Л. 96). Здесь словом *книгъı* обозначено «Пов. вр. л.».

---

[36] Slovník jaz. stsl. II, стр. 91 и сл.
[37] *V. Jagić*. Указ. соч., стр. 307.
[38] *А. С. Львов*. Старославянское кънигъı—боукъви. КСИС 28, стр. 61—69; *Он же*. Очерки по лексике. . ., стр. 153—163; *Он же*. По поводу упоминания о Мефодии в календаре Охридского апостола. «Изучение русского языка и источниковедение». М., 1969, стр. 40—54.

В «Речи философа» дважды встречается слово *книжникъ*, ср. (Ирод) призвавъ *книжникы* и старци людьскиѧ и въпраша их (Л. 34 об., Ип. 40, это — цитата Мф. II, 4); архиереи (и) *книжници* исполнишасѧ зависти. искаху оубити и (Л. 35, Ип. 40 об.) — вольная передача Мф. XXVII, 18, 1).

Характерно, что по отношению к русским ни разу не употреблено слово *книжьникъ*, вместо него читаем: престависѧ Ѡанъ митрополитъ. бꙑс ж Ѡан мужь хꙑтръ *книгамъ* (Л. 69 об., Ип. 77); бѣ презвутеръ. именемь Лариѡнъ мужь блгъ *книженъ* и постникъ (Л. 52 об., Ип. 58); бѣ же се мужь *некниженъ*. и оумомъ простъ (Ип. 77 об., Л. 69 об.). Правда, в приведенных примерах *хꙑтръ книгамъ*, *книженъ* употреблены в значении ‘образованный, начитанный книг’: хотя в более поздних памятниках древнерусской письменности в этом значении начинает употребляться слово *книжникъ*[39], но наряду с ним встречаются и другие в этом же значении, образованные на восточнославянской почве, это *грамотикъ*[40], *грамотьникъ* и *грамотей*[41]. В Пов. вр. л., как отметили, *кънижьникъ* употреблено *письць*.

Прил. *книжнꙑи* употребляется в значении ‘относящееся к церковным книгам’, ср.: не разумѣемъ *книжнаго* ѡбраза ни силꙑ ихъ. и послѣте нꙑ оучителѧ — иже могуть сказати *книжнаѧ* словеса и разумъ их (Л. 9, Ип. 10 об.); в приведенной цитате пересказывается содержание обращения Ростислава к византийскому императору Михаилу III, по житию Константина (гл. XIV); сь (Ярослав. — *А. Л.*) же насѣѧ *книжнꙑми* словесꙑ срдца вѣрнꙑ́х людии. а мы пожинаемъ оученье приемлюще *книжное*. вѣлика бо бꙑваѥть полза ѿ оученыѧ *книжного* ... мдрстъ бо ѡбрѣтаѥмъ и въздержанье. ѿ словесъ *книжнꙑ́хъ* (Л. 51 об., Ип. 57), — это цитата из панегирика Ярославу, в нем все прилагательные с основой *книжн-* обозначают ‘священное писание’. Лишь в предложении: послав нача поимати оу нарочитое. чади. дѣти и даѧти нача на оученье *книжное* (Л. 41, Ип. 44 об.) — прил. *книжное* употреблено в значении ‘грамотныи’.

Таким образом, прил. *книжнꙑи*, употребленное по отношению к лицу, означает ‘грамотный, образованный’ (примеры см. выше). В этом же значении прил. *книжьнъ* зафиксировано в ЖК. ср. **послаχомъ того, ємꙋже сѥ (боꙋкъви. — *А. Л.*) богъ ꙗви, мꙋжа чѥстна и благовѣрна, книжна зѣло и философа**[42].

В значении относящееся к церковным книгам прил. *книжьнъ* также взято из церковной литературы, ср.: **слово же книжьноѥ. ѥже чтѣше, сѥ бѣ** ... (Деян. VIII, 32 Слепч., Шишат. и др.), греч. ἡ δὲ περιοχὴ τῆς γραφῆς ἣν ἀνεγίνωσκεν ἦν αὕτη; **на мъши пьр-**

[39] *Срезневский I*, стб. 1396.
[40] Син. пат., стр. 331; *Срезневский I*, стб. 584.
[41] *Срезневский I*, стб. 584.
[42] *П. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 27.

вѣкѣ чьтоуть а҃пслъ и е҃вангліе римьскъı, тачє словѣньскъı, да сѧ испълнить книжноє слово (ЖМ, гл. VIII)[43].

Таким образом, зависимость прил. *книжнъıи* Пов. вр. л. от соответствующего слова памятников ст.-слав. письменности не подлежит сомнению. Однако в отличие от классических памятников ст.-слав. письменности в Пов. вр. л. слова *книгъı* употребляется в суженном значении βίβλος и то преимущественно — 'священное писание'. По-видимому, в таком значении слово *книгъı* проникло из Восточной Болгарии. На это же косвенно, видимо, указывает то, что в Пов. вр. л. ни разу это слово не встречается в написании *кънигъı*, т. е. с ъ между *к* и *н*. Показательно, что в Супр. лишь один раз употреблено **кънигъı** (274, 27—28) и то **къ-** находится в конце строки, во всех остальных случаях, более 30 раз, в этом памятнике пишется **книгъı, книжица книжънъıихъ, книжьникъ, книхчии**.

Такое же написание является нормой для Пов. вр. л. Между тем для таких памятников, как Мар., Зогр., Остр., Сав., Син. пс. и тр. и др., нормой является написание **къниг-, кънижн-**.

В оригинальных записях XI в. находим следующее: в послесловии Изборника Святослава 1073 г. дважды употреблено слово **книгъı**, один раз: **а коньць вьсѣмъ книгамъ**, другой — **многострѣпътьнъıхъ сихъ кънигъ**[44]. В послесловии Изборника 1076 г. **коньчаша сѧ книгъı сиѧ ... избьрано из мъногъ книгъ ... коньчахъ книжькъı сиѧ**[45], т. е. трижды в написании **кн-**. В приписках на полях Новгородских служебных миней 1095—1097 гг: **дъмъка написахъ кънигъı сиѧ**[46].

В оригинальных памятниках XII в. В Сказании о Борисе и Глебе дважды: отъ *книгъ* (13а); *въ книгахъ* ... исписа (186). В ЖФП из 8 два раза в написано *кън-*, ср. въ отьчьскъıихъ *кънигахъ* (л. 26с.); начьнъшю глти томоу отъ ст҃ъıихъ *кънигъ* (59в), в остальных 6 примерах — *кн-*: послоушаѧ бжствьнъıхъ *книгъ* (27г); датисѧ на оучение ... *книгъ* (28а); Никоноу сѣдѧщю и дѣлающю *книгъı* (42г); бѣше бо и *книгамъ* хъıтръ псати сии по всѣ дни и нощи писааше *книгъı* въ келии (44г); ст҃ъıѣ *книгъı* (45г) — примеры по Усп. сб. В записи к Житию Нифонта 1219 г.: кончанъı бъıша *книгъı* сиѧ. В Новг. I лет., в основном сохраняющей написания ъ, ь в сильном и слабом положениях и несмотря на это здесь ни разу не встречается написание кънигъı, а только *кн-*[47], см. например: л. л. 96, 127 об., 141 об., 151 об. и др.[48] Правда, все примеры относятся к части, написанной вторым почерком.

[43] Там же, стр. 74, см. также Slovník jaz. stsl. II, стр. 93.
[44] *С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов.* Хрестоматия по истории русского языка, ч. I. М., 1952, стр. 25 и сл.
[45] Изборник 1076 г., стр. 700 и сл.
[46] *С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов.* Указ. соч., стр. 30.
[47] *Б. М. Ляпунов.* Исследование о языке Синодального списка I, Новгородской летописи. СПб., 1899.
[48] Новгородская харатейная летопись (фототипическое издание). М., 1964.

Те немногие примеры написания *кънигы* в указанных памятниках свидетельствуют о том, что древнерусским книжникам было известно такое написание, но нормой для них все же, надо полагать, являлось написание *кн-*. К примеру, в Остр. из более чем 35 раз употребления слов **къниг-**, **къниж-** лишь два раза находится начертание **кн-** (см. л. 9в и 15б). Наоборот, в Изборнике 1076 г. из 28 случаев употребления слов с теми же основами лишь один раз находим написание **къ(нигамъ)** (л. 8 об. 12—13) и то употребление **ъ** в данном случае обусловлено концом строки. В Син. пат. XI в. написание **къниг-/къниж-** зафиксировано только дважды, **к'ниг-/к'ниж-** 39 раз, **книг-** 4 раза[49].

По всей видимости, начертания многостръпътьнꙑихъ сихъ *кънигъ*; дъмъка написахъ *кънигы* сиѫ; въ отьчоскꙑихъ *кънигахъ*; отъ стꙑихъ *кънигъ* — искусственны, зафиксированы в подражание написаниям, например, таких рукописей, как Остр. Во всех остальных случаях написания *кн-* обычные, по всей видимости, усвоены от болгарских книжников. Это тем более вероятно, поскольку и сама семантика слов с основой *книг-* сужена до обозначения им только βίβλος. Кроме всего прочего, памятники восточноболгарской письменности, как Супр., Ен. ап. и др., — выдержанно пишут **книг-**, **книж-** без **ъ** между **к** и **н**.

Пов. вр. л. свидетельствует, что Ꙗрославъ ... собра писцѣ многы. и *прекладаше* (Р. *прелагаше*) ѿ грекь на словѣньское писмо (Ип. писмѧ) и списаша книгы многы. (Л. 51 об., Ип. 57). Этот пример является единственным в словарной статье *Прѣкладати* в Материалах для словаря др.-рус. языка в значении 'переводить с одного языка на другой'[50]. Слово это явно книжное, на что указывает приставка *прѣ-*. *Перекладꙑвати* в др.-рус. встречается в конкретном значении 'переместить предметы с места на место'.

В памятниках ст.-слав. письменности глагол **прѣкладати** не зафиксирован. В ЖК и ЖМ понятие 'переводить с языкка на язык' передано глаголом **прѣложити**, ср.: **а иже хощете съвръшенꙑхъ бесѣдъ сихъ сватꙑхъ искати, въ книгахъ его обрѧщете ѧ, еже прѣложи оучитель нашь и архиепископъ Меѳодии**[51]; **посажь дъва попꙑ скорописьца зѣло, прѣложі въ бръзѣ вьсѧ книгы испълнь, развѣ Макавѣи, ѿ грьчьска ꙗзыка въ словѣньскъ**[52], и др. Глагол **прѣложити** в указанном значении, по-видимому, западнославянское слово, потому что в чеш. *přeložiti* и *překladati*, отсюда *překlad* и *přeložení* — 'перевод с языка на язык'; словц. *preložit'* (сов.), *prekladat'* (несов.) — 'перевести, переводить с языка на язык', пол. *przełożyć* (сов.), *przetłumaczyć* (несов.), тж.

---

[49] По изданию: Синайский патерик. М., 1967. — Почему здесь пишется к'н-, а не кън-, требует специального исследования.
[50] *Срезневский II*, стб. 1653.
[51] *П. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 21.
[52] Там же, стр. 77.

Преложити в Пов. вр. л. употреблено в том же значении, ср.: симъ бо первое *преложены* (Ип. положены) книги моравѣ (Л. 9, Ип. 10 об.); *преложиста* апслъ и еуглье ... посем же *приложиста* (Ип. *переложиста*) пслтрь и wхтаикъ и прочаꙗ книги (Л. 9 об., Ип. II); Мефодии ... *преложи* всѧ книги исполнь ѿ гречьска ꙗзыка въ словѣнескъ (Л. 9 об., Ип. 11).

Вероятно, что *прекладати* усвоено древнерусскими книжниками либо изустно из западнославянских языков, либо из каких-то книг западнославянского происхождения. При этом неизвестно, какого происхождения укр. *перекладати, перекласти, переклад, перекладання, перекладач* и белр. *перакладаць, пераклад, перакладчык*, но едва ли они древнерусское наследие.

Позже, по данным Материалов для словаря древнерусского языка И. Срезневского, с XVI в. начинают употребляться обычные и в современном русском языке *переводити, переводъ*. Показательно, в рассуждении О писменехъ Черноризца Храбра в списке 1348 г. читается: прѣложишѧ ѿ жидовъскаꙗ на грѣчьскыи ѧзыкъ (л. 104); кwнстантинъ нарицаемыи кирилъ. и писмена сътвори и книгы прѣложи (л. 104—104 об.)[53] и др. В Хиландарском списке XVI в. читаем: приложиша ѿ жидwвскыѣ на грѣчьскыи ѧзыкъ; кwнстантінѧ ... писмена сътвори и книгы прѣведе[54], ниже опять: кнігы — прѣвел. Совр. болг. *превеждам, преведа, превод, преводач* и др., видимо, восходят к ст.-болг. прѣводити — прѣвести.

В Супр. греч. ἑρμηνεύειν и παρερμηνεύειν передано **протлъковати**, ср. **прѣписахъ протлъковахъ отъ роумьска ѧзыка ... на гръческъ** (Супр. 144, 24—26); **аште бы добрѣ изискалъ. не бы тако зьлѣ протлъковалъ** (там же 512, 14—15), в последнем примере — речь о Фоме, не поверившем в воскресение Христа, поэтому тут речь — об истолковании, а не переводе с языка на язык. Кажется, в значении же 'истолковать' употреблен тот же глагол в Сказании о преложении книгъ на словѣньскыи ꙗзыкъ, ср.: нѣс(ть) оу насъ оучителѧ, иже бы нꙋ наказалъ и поучалъ насъ. и *протолковалъ* стыѧ книги. не разумѣемъ ни гречьску ꙗзыку. ни латꙑньску (Л. 9, Ип. 10 об.); се присласа ко мнѣ словѣньска землѧ. просѧщи оучителѧ собѣ иже бы могль имъ *протолковати* (Ип. *истолковати*) стыѧ книги (Ип. книгы). — Л. 9, Ип. 10 об.).

Заслуживает внимания следующий факт. Под 6415 (907) г. читаем: Іде Wлег(л)ъ на грѣкы ... поꙗ множьство варѧгъ. и словѣнъ. и чюди ... и тиверци. ꙗже суть *толковинꙑ* (Ип. 11 об., Л. нет, Р. 14 об.). По составу слова *толковинъ* <*тълковинъ* < < * *tъlkъ-inъ*- 'лицо, которое, видимо, умеет объяснять, возможно, и переводить'. Это же слово находится и в Сл. о п. Иг.: сѫпахуть ми тъщими тулы поганыихъ *тльковинъ* (Екатер. сп. — *тлъковинъ*)

---

[53] *К. М. Куев.* Черноризец Храбър. София. 1967, стр. 426 и сл.
[54] *M. Weingart, J. Kurz.* Texty ke studiu jazyka a písmenictví staroslovenského. Praha, 1949, стр. 191 и сл.

великꙑи женчюгь на лоно, и нѣгують мя[55]. По мнению А. С. Орлова, это название «представляет собою искаженное слово «тлъкование», которое с полей рукописи ошибочно переписано в текст. Эта маргинальная заметка писца первоначально относилась к толкованию Святославова сна боярами»[56].

По мнению А. С. Орлова, первоначальпо текст Сл. о п. Иг. в этом месте читался так: сѫпахуть ми тѫщими тулꙑ поганꙑхъ великꙑи женчюгъ.

В существующей литературе считают, что слово *тълковинꙑ* представляет перевод тюрк. *tilmačï* 'переводчик'[57].

В значении 'переводить с языка на язык' летописец не имел устоявшегося общеупотребительного слова, поэтому он, собственно, в этом значении употребляет книжные слова *преложити — прекладати*, причем первое встречается только в цитатах. Современные *переводить — перевести*, *перевод* и др., по-видимому, выработались после XIV в. в Московской Руси.

Глагол *просвѣтити — просвѣщати* употребляется в одном значении 'стать христианином', буквально, видимо: 'озариться христианством', ср. и крⷭти ю (Ольгу. — *А. Л.*) цр҃ь съ птр҃хомъ. *просвѣщена* же бꙑвши радовашесѧ (Л. 17 об., Ип. 24); Володимеръ *просвѣщенъ* самъ и сн҃ве ѥго. и землѧ ѥго (Ип. 45 об., Л. 42); Володимеръ (землю) взора (Ип. разора), и оумѧчи (Ип. оумѧгчи) рекше крщ҃ньемъ *просвѣтивъ*. сь же (Ярослав.— *А. Л.*) насѣꙗ книжнꙑми словесꙑ срдца вѣрнꙑхъ людии. а мꙑ пожинаемъ оученье приемлюще книжное (Л. 51 об., Ип. 57); ꙗко паче всѣх҃ почтени бꙑвше. горѣѥ всѣх҃ сдѣꙗхом҃ грѣхꙑ. ꙗкоже паче всѣхъ *просвѣщени* бꙑвше ... паче инѣхъ казними ѥсмꙑ (Л. 75, Ип. 83).

Сама форма с *щ* на месте **tj* свидетельствует о том, что *просвѣтити — просвѣщати* в указанном значении являются словами, заимствованными из церковных книг, в которых они обычны. Например: **посѣти насъ. въстокъ съвъıше просвѣтити сѣдѧштаѩ въ тьмѣ** (Л. I, 78—79 Зогр., Мар.), греч. ἐπισκέψεται ἡμᾶς ἀνατολὴ ἐξ ὕψους ἐπιφᾶναι τοῖς ἐν σκότει; **Заповѣди** (Болон. **Заповѣдъ**) **гн҃ѣ издалече просвѣшташтꙑ** (Болон. **просвѣштажштꙑ**) **очі** (Син. пс. XVIII. 9) греч. ... φωτίζου; **тꙑ ѥси, свѣтъ. просвѣщаѩи в сего чка** (Син. тр. 93б., 2—3), греч.... φῶς τὸ φωτίζον...; **дх҃а стаго печать боле просвѣщаѥтъ сѧ въ срци ѥго** (там же, 23б., 9—10), греч.... ἐκτυπώτερον (вар. ἐπιφαίνεσθαι) ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ, и др.

---

[55] Героическая пѣснь о походѣ на половцовъ удѣльнаго князя Новагорода — Сѣверского Игоря Святославича, писанная старинным̃ русским языком̃ въ исходѣ XII столетия с переложенем̃ на употребляемое нынѣ наречіе. М., 1800, стр. 23.

[56] *А. С. Орлов.* Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, стр. 116.

[57] *Фасмер IV*, стр. 71 и сл.; *Т. Ciževska.* Указ. соч., стр. 360; Древнетюркский словарь, стр. 566.

Таким образом, греч. ἐπιφαίνω, φωτίζω в памятниках ст.-слав. письменности переведены **просвѣтити — просвѣщати**. Из церковных книг эти слова в тех же значениях усвоили древнерусские книжники. Восточнославянские * *просвѣчати*, * *просвѣчение* неизвестны.

Противоположным по семантике к *просвѣщенъ*, *просвѣщение* является *невѣгласъ / невѣголосъ*, которое в Пов. вр. л. зафиксировано 6 раз: и прозваша ѠЛьга вѣщии. бѧху бо людие погани и *невѣголос* (Р. *невігласи*, Х. *невѣгласи*). — Ип. 12 об., Л. нет); се же (Володимеръ. — А. Л.) бѣ *невѣголосъ* (Ип. *невѣглас*). а наконець ѡбрѣте спсньe (Л. 25 об., Ип. 31 об.); и посѣкоша сѣни под нима. и тако побиша ѩ (варяга — христианина из Греции вместе с сыном, чтобы принести последнего в требу кумирам. — *А. Л.*) ... бѧху бо тогда чл҃вци *невѣголоси* (Ип. *невегласи*) и погани (Л. 26 об., Ип. 32 об.); дьѧволъ стенѧ глше ... и се оуже побѣженъ (Ип. побѣжаемъ) ѿ *невѣглас* (Ип. ѿ *невѣглас* сего)· а не ѿ апслъ (Л. 41, Ип. 44 об.); прд симь же временемь и слнце премѣнисѧ. и не бы҃с свѣтло. но акы҃ мсць бъс. ѥгоже *невѣгласи* (Ип. *невегласи*). глють. снѣдаѥмоу сущю (Л. 55 об., Ип. 61 об.); приде волхвъ ... глше сице ... ꙗко Днѣпру потещи вспѧть. и (Ип. а) землѧмъ преступити (Ип. переступити) на иныі мѣста, ... ѥгоже *невѣгласи* (Ип. *невегласии*) послушаху. вѣрнии насмѣхаютсѧ, глще ѥму. бѣсъ тобою играеть на пагубу тобѣ (Л. 59, Ип. 64 об.—65).

Во всех примерах слово *невѣгласъ / невѣголосъ* употреблено в значении ‘невежественный, не просвещенный божественным словом’. Это слово один раз встречается в Супр.: **ѥлма оубо сице вѣша непочоуѣшѧте и невѣгласи о праздьницѣхъ** (417, 10—12), греч. ἀγνώμων (это греч. слово обычно передается словом **невѣдомъ**)[58]. В памятниках же церк.-слав. и др.-рус. письменности слово зафиксировано и без отрицательной частицы *не-*: *вѣгласъ*, *вѣгласиѥ*, *вѣгласьство*[59].

Если еще можно допустить, что слово *невѣгласъ* древнерусскими книжниками заимствовано из памятников ст.-слав. письменности, то формы без *не-*, поскольку они не встречаются в этих памятниках, невозможно признать старославянизмами. *Věhlas*, *věhlasný*, *věhlasnost*, *věhlasiti* и т. п. известны чешскому языку с самых первых памятников письменности в значениях ‘мудрость, слава, просвещенный, проповедовать’[60].

Слово *вѣгласъ* состоит из глагола *вѣ-* в форме аориста 3 л. ед. ч. от *вѣмь*, *вѣдѣти* и имени *гласъ*, тип образования весьма

[58] Slovník jaz. stsl. II, стр. 342.
[59] *Срезневский I*, стб. 478.
[60] *J. Jungmann*. Slovník česko-německý, d. V. Praha, 1839, стр. 54 и сл. *F. Kott*. Česko-německý slovník, d. IV. Praha, 1884, стр. 593 и сл.; d. VII, стр. 1009; Příruční slovník jazyka českého, d. VI. Praha, 1951—1953, стр. 856.

редкий[61]. Формы вѣ / вѣстъ закономерны так же, как да / дастъ; пѣ / пѣтъ; бъı / бъıстъ; нача / начатъ и т. п. обе формы вѣ / вѣстъ зафиксированы памятниками ст.-слав. письменности. Правда, вѣ только три раза: чл҃вкъ и повѣ июдеомъ (И. V, 15 Мар., в Ас. и Остр. повѣда, Зогр. повѣдѣ — явно вторичные от повѣдахъ. повѣдѣхъ); проповѣ сѧ на кровѣхъ (Л. XII, 3 Ас., Зогр. и Мар, проповѣстъ сѧ); не вѣ никтоже сице глаголати (Супр. 382, 17—18); никтоже не вѣстъ (Мф. XXIV, 36 Зогр.). Формы аориста типа вѣ / вѣстъ закономерны и такие же явления фиксируются и в других индоевропейских языках, например, в др.-прус. и хеттском[62].

Вѣгласъ по происхождению вернее всего является калькой нем. *Weissager*, *weissagen* возможно еще и *Weisheit*. Передача *Weis* славянским вѣ- не вызывает сомнений. В условиях Чехо-Моравии передача нем. *sagen*, *sager* как будто было невозможно иным словом, как только гласъ, гласити, потому что в западнославянских языках *rěčь* известно в основном значении *res* (в этом значении рѣчь зафиксировано в ЖМ.); *hlaholъ* и *govorъ*, как показывают данные, употреблялись в звукоподражательном значении, лишь *гласъ* передавал не только значение 'голос', но и 'речь, говор'[63].

Приведенные выше невѣгласи в Супр. думаем — моравизм. Дело в том, что эта лексема находится в Слове Иоанна Златоуста (Супр. 405—424), где и имя Иоанна в заглавии записано в западнославянской форме іѡна ... златооустаго слово (405). Помимо этого, там же находим комъканиѥ (405, 23, 421, 6); рачити (413, 8, 24 и др.); заштицаѧ (417, 17), вратка (410, 4) в переводе греч. εὐπερίτρεπτος 'неустойчивый, шаткий', ср. чеш. *vrátký* 'неустойчивый' и другие моравизмы, так что имеются основания причислить к ним и невѣгласи.

Поскольку в восточнославянских языках *вѣгласъ* и *невѣгласъ* употребляются и позже, даже и поныне, то, видимо, следует предполагать, что они др.-рус. языком заимствованы изустно из чешского языка независимо от памятников ст.- и церк.-слав. письменности[64].

Остаются слова с корнем uk- / uč-, имеющие отношение к рассматриваемой теме. Корень *ūk-* зафиксирован в единственном примере и то в «Речи философа». Фара твори кумиры *навъкъ* оу ѡца своего (Л. 30 об., Ип. 36). И. Срезневский не учел этот пример, и у него в статьях *Навъкнѫти*, *Навъкѫ* и *навъчи*, *на-*

[61] *А. Мейе.* Общеславянский язык, стр. 302.
[62] *Ф. Фортунатов.* Избранные труды, т. 2. М., 1957, стр. 208 и сл.; *В. Н. Топоров.* К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола. — ВСЯ, 5, стр. 68 и сл.
[63] *J. Gebauer I*, стр. 420 и сл.; Slovník jaz. stsl. I, стр. 401. — Сомнительны суждения В. Махека об этимологии *věhlas*, см. Machek², стр. 681.
[64] *П. Берында.* Лексикон словенороський, стр. 72; *Гринченко II*, стр. 539; *Даль I*, стр. 329; II, стр. 330.

вꙑкꙋ весь иллюстративный материал из церковных книг [65]. В памятниках ст.-слав. письменности слова с основой **навꙑк** — не так редки, ср. некоторые примеры: **вьсѣкъ слꙑшавꙑ отъ оц҃а. і навꙑкъ придетъ къ мьнѣ** (И. VI, 45 Зогр., Мар.), греч. πᾶς ὁ ἀκούσας παρὰ τοῦ πατρὸς καὶ μαθὼν ἔρχεται πρὸς ἐμέ; **и навꙑкж дѣла іхъ** (Син. пс. CV, 35), греч. καὶ ἔμαθον τὰ ἔργα αὐτῶν; **нъ да навꙑкнемь разньствье. прѣдаⷣітелєво** (Клоц. 5б, 37—39), греч. ἀλλ' ἵνα μάθωμεν τὴν διαφορὰν τοῦ προδότου.

Таким образом, ст.-слав. слова с основой **навꙑк** — передают греч. μανθάνω 'учиться, привыкать'. В Пов. вр. л. вместо *навꙑкноути* употребляется *наоучити, -сѧ*, ср.: ѡнъ же (игумен. — *А. Л.*) послушавъ его постриже и. нарекъ имѧ ему Антонии. — наказавъ его и *наоучивъ* чернечьскому ѡбразу (Л. 53, Ип. 58 об.); и помалу огладавъсѧ кусаше хлѣба. тако *наоучисѧ* ꙗсти (Л. 65 об., Ип. 72). И *навꙑкноути* и *наоучити,-сѧ* не имеют отношения к обучению грамоте. В последнем значении употребляется словосочетание *на оученье книжное*, ср.: послав нача поимати оу нарочитое чади. дѣти и даѭти нача *на оученье книжное* (Л. 41, Ип. 44 об.); сим же раздаѭномъ (Ип. раздаѭнꙑмъ). *на оученье книгамъ* (Ип. *книжное*). и събꙑсѧ пророчство на русьстѣи земли глщее. во ѡнꙑ днии (Ип. дни) оуслꙑшать глусии словеса книжнаѧ. и ꙗснъ будеть ꙗзꙑкъ гугнивꙑх (Л. 41, Ип. 44 об., начиная: во ѡнꙑ ... цитата из Ис. XXIX, 18, 24); мꙑ пожинаемъ *оученье* приемлюще *книжное*. велика бо бꙑваѥть полза ѿ *оученьꙗ книжного* (Л. 51 об., Ип. 57). В последнем примере *оученье книжное* употреблено в значении 'обученье церковным книгам', а не 'обучение грамоте'. Сочетание слов *оученье книгамъ* и *оученье книжное* в значении 'обучение грамоте' летописцем усвоено из памятников ст.-слав. письменности, ср. **въдаста и въ оученіе книжное** (ЖК, гл. III [66]); **і дивлѣахж сѧ іюдѣи глѣжште. како сь кънигꙑ оумѣетъ не оучь сѧ** (И. VII, 15 Зогр.); **наоучисѧ тоу жидовьстѣи бесѣдѣ и кнігамъ** (ЖК, гл. VIII) [67]; **прихожаше же апелинанъ старьць оучитель кѫ книгамъ** (Усп. сб., л. 68г.). Не позднее XII—XIII вв. на Руси вместо книжных *оучити кънигамъ*, *оученье кънижьное* начинает употребляться: *оучити грамотѣ*, *оученье грамотѣ* [68].

Глагол *оучити* в основном употребляется в значении 'проповедовать ту или иную религию', ср.: Костантинъ же възвративсѧ въспꙗть — и иде *оучить* болгарьскаго ꙗзꙑка. а Мефодии ѡста в Моравѣ (Л. 9 об., Ип. 11); словѣньскоу ꙗзꙑку оучитель есть Павелъ ... понеже *оучилъ есть* ꙗзꙑкъ словѣнескъ (Ип. 11

---

[65] *Срезневский II*, стб. 271 и сл.
[66] *П. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 3.
[67] *П. А. Лавров.* Указ. соч., стр. 11.
[68] *А. С. Львов.* К истории слова *грамота* в древнерусской письменности, стр. 98 и сл.

об., Л. нет листа); приходили суть болгаре, *оучѧще* тѧ прилати вѣру свою (Л. 28, Ип. 34); и инꙑ црькви ставлѧше по градомъ и по мѣстомъ поставлѧꙗ попꙑ и ... вела имъ *оучити* люди (Л. 52, Ип. 57 об.), и др.

Отглагольное имя *оученье* употребляется в значении 'догматы той или иной религии', ср. примеры: аще и тѣломъ апсли не суть бꙑли. но *оученьꙗ* ихъ аки трубꙑ гласѧть по вселенѣи в црквахъ имьже *оученьемь* побѣжаемь противнаго врага (Л. 27, Ип. 32 об.); не преимати же *оученьꙗ* ѿ латꙑнъ ихъже оученье развращено (Л. 39 об., Ип. 43); Петръ Гугнивꙑи со инѣми шедъ в Римъ ... возмутиша Италию всю. сѣюще *оученье* свое разно. ѡви бо попове ѡдиною женою ѡженѣвъсѧ служать. а друзии до семьѥ женꙑ (Ип. до семи женъ) поимаючи служать ихъ же блюстисѧ (Ип. блюдисѧ) *оученьꙗ* (Л. 40, Ип. 43 об.); постомь апсли искориша (Ип. искорениша) бѣсовьское *оученье* (Л. 62 об., Ип. 68 об.); престависѧ Іѡанъ митрополитъ. бꙑс же Іѡан. мужь хꙑтръ книгамъ. и *оученью* (Л. 69 об., Ип. 77), и др.

По своему образованию *оучение* является существительным, образованным присоединением суф. *-ije* к основе страд. причастия *оучен-*. Такие образования весьма характерны для языка памятников ст.-слав. письменности [69]. Кроме того, в памятниках ст.-слав. письменности сущ. **оученье** в передаче греч. διδαχή встречается почти во всех рукописях. Приведем несколько примеров: **тъгда разоумѣша ѩко рече храните сѧ не отъ кваса хлѣбънаго. нъ отъ оучениѣ фарисеиска и садукеиска** (Мф. XVI, 13 Мар., Зогр.), греч. ἀπὸ τῆς διδαχῆς τῶν φαρισαίων καὶ σαδδουκαίων; **ѡтъвѣщавъ исъ рече имъ. мое оученіе нѣстъ мое нъ посълавъшаго мѧ** (И. VII, 16 Ас., Остр., Зогр., Мар.), греч. ... ἡ ἐμὴ διδαχὴ οὐκ ἔστιν ἐμὴ ...; **велико оубо естъ притѧжание правовѣрънъıхъ. оученьѥ навъıченьѥ** (Хил. лл. II, Вб, 17—20), греч. μέγιστον τοίνυν κτῆμά ἐστι τὸ τῶν δογμάτων μάθημα; **събирала и оутвръждала народъ оучениимъ своимъ. о правои вѣрѣ** (Супр. 198, 5—7), греч. διδαχή и т. п.

Едва ли подлежит сомнению, что в языке летописца слово *оученье* из церковных книг, поэтому в своем значении совпадает с соответствующим словом памятников ст.-слав. письменности.

Оучитель и *оученикъ* также являются словами, заимствованными из церковных книг. Основанием для такого заключения является то, что слово *оучитель* употребляется в значении 'проповедник, наставник', ср. послѣте нꙑ *оучителѧ*. иже могуть сказати книжнаꙗ словеса (Л. 9, Ип. 10 об.); вꙑ же чада ... послушаите оученьꙗ и не ѡрините наказаньꙗ црквнго. ѩко же вꙑ наказалъ Мефодии *оучитель* вашь (Л. 9 об., Ип. 11); и намъ Руси *оучитель* есть. Павелъ апслъ. понеже оучилъ есть ѩзꙑкъ

---

[69] *А. Лескин.* Указ. соч., стр. 126 и сл.; *Sadnik—Aitzetmüller*, стр. 176 и сл.

словѣнескъ (Ип. 11 об., Л. нет) и др. В памятниках ст.-слав. письменности словом **оучитель** передается греч. διδάσκαλος, но в большинстве случаев оно относится к Христу, ср. **единъ бо есть вашъ оучитель хъ** (Мф. XXIII, 8 Мар., Зогр., Ас. и др.); **призъва мариж ... рекъши оучитель се есть и зоветъ тѧ** (И. XI, 28) — речь об Иисусе; **оучітелѣ своего прѣдастъ** (Клоц. 4б, 9—10) — речь об Иисусе же, и т. д. Затем словом **оучитель** называют проповедника христианства. В последнем значении и употребляется слово *оучитель* и в Пов. вр. л., как это видно из примеров, приведенных выше.

Сущ. же *оученикъ* в Пов. вр. л. употреблено всего несколько раз, ср. примеры: люди жидовьстии стражи поставиша. рькуще еда оукрадуть и *оучници*. ѥго. ѡнъ же ... ꙗвисѧ *оучникмъ* вскрсъ из мр҃твхъ (Л. 35 об., Ип. 40 об. — из «Речи философов»); по ѡшествии твоѥмь ѿ сего жизни. молишисѧ за люди вѣрнꙑѧ. и за своѧ *оучникы*. иже взирающе на раку твою. поминають оученье твоѥ ... азъ же грѣшнꙑи твои рабъ и *оучникъ*. недоꙋмью чимь похвалити добраго твоѥго житьꙗ и въздержаньꙗ (Л. 71, Ип. 78 об.). Так пишет автор летописи о Феодосии Печерском.

В памятниках ст.-слав. письменности словом **оученикъ** передано греч. μαθητής в значении 'последователь какого-либо учения'. В евангелиях в основном это — последователи учения Христа, но в других памятниках возможны и такие: **человѣкъ бѣ оученикъ сотонинъ. навыкъ зѣло хытрость вльшебънѫж** (Супр. 7, 14—16); **Ишси нѣкто отъ тоу сѫштиихъ чрьньцъ ... моли сѧ игоуменоу. да и бы приялъ іѡан' къ себѣ. да кмоу би былъ оученикъ** (там же 275, 6—7); **и въшедшемъ въше мѫжа того стаго. видѣша и стомшть съ дъвѣма оученикома ѥго** (там же 216, 8—11) и др. В «Речи философа» говорится об учениках (= последователях) Христа. В последнем примере из Пов. вр. л. речь идет о последователях Феодосия Печерского, поскольку он был канонизирован в лике святых, т. е. в этом примере *оученикъ* в том же значении, что и в последнем примере, приведенном выше из Супр.

Говоря иначе, в Пов. вр. л. существительные *оучитель* и *оученикъ* несомненные книжные слова.

В целом все слова с корнем uk-/uč- в Пов. вр. л. — книжные, заимствованные из памятников ст.-слав. письменности. Поскольку упомянутый корень общеславянский, разумеется, в восточнославянской речи были слова *оучити,-сѧ*, но они означали 'привыкать к определенным навыкам', вроде: его же оумѣючи, того не забꙑваите доброго, а ѥго не оумѣючи, а тому *сѧ оучите* (Л. 80 об. — Поуч. Вл. Мон.); лѣность бо всему мти. еже оумѣеть то забудеть. а ѥго же не оумѣють а тому *сѧ* не *оучить* (Л. 80 об. — оттуда же); гроубъ сꙑ и неразоумиченъ, къ симъ же ꙗко

и не *бѣхъ оученъ* никоюи хитрости (ЖФП, л. 26б) и др. несомненно являются восточнославянскими.

Однако слова *оучениѥ*, *оучитель* и *оученикъ*, по-видимому, отсутствовали в древнерусском языке.

Изложенное позволяет констатировать:

1. Безусловно ряд слов, обозначающих понятия 'грамотный', начитанный' — *оучение*, *оучитель*, *оученикъ*, *книгы* βίβλος; *писмена* τὰ γράμματα, *прѣложити* и нек. др. древнерусскими книжниками усвоены из церковных книг. Не исключено, что часть из них воспринята в восточноболгарском произношении. Таким словом, на наш взгляд, является *книгы*, которое больше фигурирует в написании без *ъ* между *к* и *н*, причем это, как видели, в тех случаях, когда в рядом употребленных других словах на письме отражаются редуцированные как в слабых, так и в сильных позициях. Кроме того, в отличие от старославянского в др.-рус. яз. *книгы* употребляется в основном значении только βίβλος, исключая, разумеется, фиксацию слова в цитатах из церковных книг, где оно может встречаться и в других значениях.

2. Показательно, что авторы Пов. вр. л. не употребляют часто встречающиеся в памятниках ст.-слав. письменности слова **кънигъчии, кънижьникъ,** передающие греч. γραμματεύς. Это понятие древнерусские книжники передают словом *письць*, реже — *грамотикъ*. Если говорить тут о влиянии, то др.-рус. *письць* можно объяснить лат. scriba, но отнюдь не греч. γραμματεύς. При этом следует, что в др.-рус. яз. слово *письць* в указанном значении устойчиво держится вплоть до XVIII в.

Каким образом утвердилось в др.-рус. яз. слово *письць*, требует специальных разысканий, но одно тут несомненно, что этот термин появился независимо от памятников ст.-слав. письменности.

3. Среди лексики, рассмотренной в данной главе, находится ряд других слов, который не заимствован из церковных книг, и их семантика не вытекает из передач идей христианства. Кроме упомянутого *письць*, сюда относятся: *азъбоукы*, *азъбоуковьныи*, *грамота*, *лѣтописьць*, *лѣтописаныѥ*, *харътиа* и нек. др. Зависимость этих слов от соответствующих греческих слов безусловна, вместе с тем бесспорно и то, что эти слова оказались в др.-рус. письменном языке независимо от памятников ст.-слав. письменности, или иначе — независимо от текстов церковных книг.

В то же время имеются слова, как, например, *вѣгласъ*, *невѣгласъ*, которые объяснимы как заимствованные непосредственно из чехо-моравского языка без посредства церковных книг.

Приведенные факты объяснимы при допущении, что на Руси письменность была и до принятия христианской религии как официальной и обязательной для всех. Ряд данных предоставили С. П. Обнорскому право утверждать, что договор Игоря от 945 г. переведен русским книжником.

В самом деле, употребление здесь ряда слов обусловлено не старославянской лексикой, а объясняется восточнославянским письменным языком. К таким словам относятся: *грамота* вместо *кънигъı* или *епистолиѧ*; *крънеть* вместо *коупитъ*; *портъı* вместо *одежда*; *заплатить* вместо *въздастъ*; *челѧдинъ* вместо *рабъ*; *харътиѧ*, и др.

4. В целом, как могли не раз убеждаться, нормой письменного языка, его образцом был язык церковных книг, культивировавшийся среди духовенства, которое являлось носителем грамотности и образованности в древней Руси. В этом случае употребление слов, характерных не для старославянской, а восточнославянской письменности, можно объяснить тем, что они утвердились в письменном языке до того времени, когда нормой письменного языка стал язык церковных книг.

Говоря иначе, имеются основания допустить, что письменность на Руси существует не с конца X в., а гораздо раньше, видимо, не позднее начала этого века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Повторять те выводы, которые сделаны в конце каждой главы на основе конкретного анализа лексического материала Пов. вр. л., здесь нет никакой необходимости.

Анализ языка, в частности, лексики Пов. вр. л. тесно связан с проблемой основы древнерусского литературного языка, потому что нет сомнения в том, что рассматриваемое историческое произведение является памятником письменности, написанным на древнерусском письменно-литературном языке XI—XII вв. Около 120 лет назад акад. М. И. Сухомлинов заметил, что «почти любой фрагмент Пов. вр. л. представляет собой сложную мозаику из специфических русизмов и старославянизмов на фоне нейтральной общей обоим языкам лексики» [1]. Как видно, автор цитаты был убежден в том, что основой языка Пов. вр. л. является общеславянская лексика. Надо сказать, что М. И. Сухомлинов был недалек от истины, поскольку проведенный нами анализ показал, что общеславянская и специфически восточнославянская лексика, облеченная в книжные формы, в Пов. вр. л., бесспорно, является преобладающей.

В то же время акад. И. И. Срезневский в своих «Чтениях о древнерусской летописи. Повесть временных лет» в 1860 г. констатировал что «на язык нашего древнего летописца должна была налечь сила книжного языка старославянского, это не удивительно: все стремления образованности того времени этого требовали. Удивительно скорее то, что, несмотря на требования образованности, русский летописец мог задерживать в своем языке его русские особенности; их так много, что выкинуть их . . . значит переделать язык и его выразительность. . . На каком же языке писаны наши летописи? На старославянско-церковном смешанном с церковным? Думаю, что на русском» [2]. Слово «думаю» свидетельствует, что автор пришел к своим выводам скорее по впечатлению от чтения, чем на основе анализа языка летописи. Тем не менее выводы автора заслуживают внимания. Такого же мнения придерживались и позже. Вот как писал уже в наше время о языке летописи акад. В. М. Истрин: «Но если мы возьмем, напр.,

[1] *М. И. Сухомлинов.* О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856, стр. 182 и сл.

[2] *И. И. Срезневский.* Мысли об истории русского языка. М., 1959. Приложения, стр. 86.

«Летопись», то увидим, что ее язык отличается от языка таких произведений, как, напр., упомянутые «Житие Бориса и Глеба» и «Слово» Иларионова и им подобные произведения.

В «Летописи» гораздо меньше церковнославянских элементов, нежели в других памятниках, как в фонетике, так и в морфологии, и построение предложений гораздо проще и ближе к разговорной речи. С таким же характером в отношении языка написано, напр., такое безыскусственное произведение, как «Путешествие Даниила Паломника» (12 века). Отчасти таков же язык еп. Симона, одного из авторов «Киево-Печерского патерика» (13 века)» [3].

В «Вводных замечаниях» мы привели отдельные тексты из Пов. вр. л., свидетельствующие о том, что во многих местах летописец писал так, как говорят, но при этом стараясь своей письменной речи внешне придать книжный, старославянский вид.

Чтобы убедиться еще раз в этом, приведем такой текст: Створив (Ип. створивъ) же миръ Стославъ съ греки (Ип. грькы). поиде (Ип. и поиде) в лодьихъ къ порогомъ. и рече ему воевода Ѡтень Свѣнделъ (Ип. Свѣнгелдъ). поиди кнѧже на конихъ Ѡколо (Ип. Ѡколо на конех). стоѧть бо Печенѣзи в порозѣх. и не послуша его. поиде (Ип. и поиде) в лодьихъ. и послаша (Ип. послаша же) Переѧславци къ Печенѣгомъ глще (Ип. глѧ). се идеть (Ип. нет *се*) вы (Ип. нет *вы*) Стославъ в Русь. вземъ имѣнье много оу грекъ. и полонъ бещисленъ с малыми (Ип. Р. А. с маломъ) дружинѣ. слышавше же се Печенизи. заступиша пороги (Ип. порогы). и приде Стославъ къ порогомъ. и не бѣ льзѣ проити порогъ (Ип. пороговъ). и ста зимовати в Бѣлобережьи. и не бѣ оу них брашна оуже (Ип. нет оуже). и бѣ гладъ великъ. ѣко по полугрівнѣ глава (Ип. голова) конѧча. и зимова Стославъ ту (Ип. нет *ту*). Веснѣ приспѣвши ... поиде Стославъ в пороги (Ип. порогы). и нападе на нь (Ип. на нѧ). Курѧ кнѧзь Печенѣжьскии. и оубиша Стослава. взѧша главу (Ип. и взѧша голову) его. и во лбѣ его съдѣлаша чашю. Ѡковаше лобъ его. и пыхху по немь (Ип. в нем, Р. А. из него).—Л. 22 об. — 23, Ип. 29—29 об.).

Нет никакого сомнения в том, что в синтаксисе данного повествования исключительно мало специфически книжных, или старославянских элементов. К ним можно, и то с оговоркой, отнести употребление так называемых причастных оборотов: створивъ же миръ . . .; възмъ имѣнье, слышавше же се печенѣзи, веснѣ приспѣвши, возможно сюда же: створив же. В морфологии книжными являются употребление *бѣ* вместо *бѧше*, *глще* или глѧ вм. *рекоша*, а также *глава*, *гладъ* в неполногласных сочетаниях. В лексике книжными следует признать *имѣнье* и *брашно*. Все остальное, за исключением разве еще слова *воевода*, — восточно-

[3] *В. М. Истрин.* Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пг., 1922, стр. 78.

славянская живая речь. После устранения книжных элементов приведенное повествование должно читаться так: Сътвори миръ Сватославъ съ грькы. и поиде въ лодьхъ къ порогомъ. и рече емоу воевода отень Свѣнелдъ. поиди княже около на конихъ стоять бо печенѣзи въ порозѣхъ. и не послоуша его и поиде въ лодьахъ. и посълаша перевславьци къ печенѣгомъ и рекоша. идеть Сватославъ въ Роусь. взя добытъка (или: даръ (?) мъного оу грькъ. и полонъ безъ числа съ малъмь дроужинъ. слышаше се печенѣзи. застоупиша порогы. и приде Сватославъ къ порогомъ. и не баше льзѣ проити порогъ и ста зимовати въ Бѣлобережьи. и не баше оу нихъ кърмлѣ. и баше голодъ великъ. яко по полугривьнѣ голова конча. и зимова Сватославъ тоу. Весна приспѣ. и поиде Сватославъ въ порогы. и нападе на нь Кура каганъ печенѣжьскыи. и оубиша Сватослава. и възаша головоу его. и въ лъбѣ съдѣлаша чашю. оковаше лъбъ его. и пыхоу въ немъ (или: изъ него).

Таким образом, несомненно то, что летописец в повествовании старался восточнославянской речи придать книжный характер или вид. Большинство из повествований Пов. вр. л. с этой точки зрения имеет в основе восточнославянскую речь, внешне облеченную в книжные формы, и, кроме того, вместо некоторых отдельных слов и оборотов восточнославянской речи летописец употребляет книжные, старославянские элементы.

Это окнижнение может быть, так сказать, и более глубоким. В этом случае повествование летописца становится похожим на язык памятников ст.-слав. письменности. Например: Стополкъ же съ оканьныи и злыи. оуби Стослава послав в (Ип. кь) горѣ Оугорьстѣи. бѣжащю ему въ оугры. и нача помышлати яко избью всю братью свою. и прииму власть Русьскую единъ. помысливъ высокоумьемь своимь. не вѣдыи (Ип. вѣдый). яко бъ даеть власть ему же хощеть. поставляеть бо цсра и кназа Вышнии (Ип. вышении) ему же хощеть дасть ... аще бо кая земля оуправитсѧ предъ бмь. поставляеть еи цсра или кназа праведна. любаща судъ и правду. и властела оустраяеть. и судью правящаго судъ. аще бо кнази правьдиви. бывають в земли (Ип. на земли). то много одаютсѧ согрѣшеныя. аще ли зли и лукави бывають. то болше (Ип. болшее) зло наводить бъ на землю. понеже то глава есть земли. тако бо Исаия реч. согрѣшиша о главы и до ногу. еже есть о цсра и до простыхъ людии (Л. 47 об. — 48, Ип. 52 об.).

Данное повествование мало чем отличается от текстов памятников ст.-слав. письменности. Достигается это постановкой определений после определяемых слов, как: Стополкъ ... оканьныи и злыи; власть русьскую; кназа праведна; судью правящаго; кнази правьдивии и др.; употреблением причастных оборотов, вплоть до дательного самостоятельного; существительных на *-ье*;

согрѣшенье, *высокоумье*; форм: *аще*, *единъ*, *хощеть*, только слово с неполногласными: *власть*, *властель*, *глава* и др. Кроме того, в текст включены цитаты: 1) Дан. V, 21: «ꙗко бъ ... хощеть дасть» и 2) Ис. 1, 6: «согрѣшиша ѿ главъı... и до простъıхъ людии». Помимо того, такие обороты речи, как: *ката земла*, по типу: **катѣ польза** (Мф. XVI, 26) и: **катѣ заповѣдь** (Мф. XXII, 36); *ѿдаютсѧ согрѣшенъıа* повторяет евангельское **отъпоустатъ сѧ ... съгрѣшенитѣ** (Мк. III, 28), так как рядом существовали обороты речи: **отъдание грѣхомъ** (Мф. XXVI, 28 Мар.), **грѣхъı отъдаѣти** (Син. тр. 25а 3—4) и др.

Словом, наблюдается два типа, или способа изложения.

П е р в ы й: Восточнославянская речь, в которую вставляются некоторые книжные слова и обороты речи, а слова с полногласными сочетаниями превращаются в неполногласные.

В т о р о й: Повествование в основном ведется книжными словами и оборотами речи, при этом для большей убедительности в речь вставляются цитаты из церковных книг. К этому способу повествования обычно прибегают в случаях, когда излагаемое оценивается с точки зрения христианской идеи и морали. И в этом способе изложения могут быть, порою и немало, восточнославянские типичные слова, обороты речи, а также имена и названия.

Наличие указанных двух типов, древнерусского литературного языка замечено давно. Акад. В. В. Виноградов в последних своих работах назвал п е р в ы й — народным типом, а в т о р о й — книжно-славянским типом литературного языка. При этом он подчеркивал: «Литературно обработанный народный тип литературного языка не отграничивается и не обособляется от книжно-славянского типа как особый язык. Вместе с тем это — не разные стили одного и того же литературного языка, так как они не умещаются в рамках одной языковой структуры и применяются в разных сферах культуры и с разными функциями. Тут дают себя знать специфические закономерности функционирования и развития литературных языков в эпохи до образования наций и национальных языков» [4].

Если исходить из данных только изучаемого нами памятника письменности — Пов. вр. л., то общим для обоих типов, или способов изложения является единство нормы, так как не раз убеждались, что и восточнославянская речь, которой описываются события, внешне облекается в книжные формы, кроме того, в нее обязательно включаются определенные книжные слова и формы, как: *аще*, *преже*, *глаголати*, *бѣ*, *начатъ*, *рѣша* и т. п. Наоборот второй тип, или способ изложения, не обходится без определенного количества типично восточнославянской лексики. Так, например, в Сказ. БГ. по Усп. сб. находим: *боръ* ‘лес’ (12г, 5), *варꙗгъ* (12 г, 8—9), *гривьна* ‘украшение’ (11 г, 29; 12 в, 30),

[4] *В. В. Виноградов.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 35 и сл.

дроужина — в воинском значении, *забрала* (17 а, 16) — мнимый церковнославянизм из *забороло*, *ковьръ* (9 а, 32), *колода* (15 б, 15), *могъıла* (16 а, 10), *отрокъ* 'дружинник' (много раз), *оторопь* (12 а, 1), *поваръ* (14 г, 21), *сани* (9 б, 2), (тѣло). . . *съпрѣталъ* (9 б, 25) и мн. др., являющиеся бесспорными восточнославянизмами.

Таким образом, оба типа, или способа повествования, связаны друг с другом и представляют элементы одного древнерусского литературного языка.

Как видели выше, В. М. Истрин, правильно заметив наличие первого типа, или способа изложения, не сделал из этого вывода. Он продолжал: «Церковно-славянский книжный литературный язык, пошедший от языка древнеболгарского, будучи принят русскими книжниками, до известной степени продолжал развиваться, пока не дожил до того вида, какой он имеет в настоящее время» [5]. Собственно автор данной цитаты повторяет мысль, высказанную до этого не раз акад. А. А. Шахматовым о том, что: «По своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утрачивающий свое иноземное обличие . . . По своей близости к русскому он никогда не был чужд народу, как была чужда особенно германцам латынь, вследствие этого с первых же лет своего существования на русской почве он стал неудержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившие на нем русские люди не могли разграничить в своей речи ни свое произношение, ни свое словоупотребление и словоизменение от усвоенного ими церковного языка» [6].

Приняв приведенную концепцию происхождения и развития русского литературного языка, акад. А. А. Шахматов допускал, что «под инославянской оболочкой рано начал пробиваться живой язык народа. . . В скором времени русский язык получил доступ в самостоятельную, зародившуюся в центре русской земли письменность: летописи, исторические сказания и юридические акты пишутся языком, близким к живой речи и только в подборе слов и синтаксических оборотов обличающих свою зависимость от церковной письменности» [7].

Непонятно, что означает «пишутся языком, близким к живой речи», если «в подборе слов и синтаксических оборотов» этот язык обличается как церковнославянский? Остается, видимо, только то,

[5] *В. М. Истрин.* Указ. соч., стр. 80.

[6] *А. А. Шахматов.* Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925, стр. 6 и сл. Эта книга представляет перепечатку литографического издания 1913 г.

[7] *А. Шахматов.* Русский язык. «Энциклопед. словарь», изд. Ф. А. Брокгауза и И. Р. Ефрона. XXVIII. СПб., 1899, стр. 579 и сл. Цитируем по статье: *В. В. Виноградов.* О новых исследованиях по истории русского литературного языка. ВЯ, 1969, № 2, стр. 4.

что в орфографии этот язык начинает отражать восточнославянское произношение и формы. На самом деле, как не раз могли убедиться в процессе исследования, проблема происхождения и развития древнерусского литературного языка гораздо сложнее и выглядит в ином свете. Прежде всего все восточнославянские слова и обороты речи облекались в книжные формы. Это значит, что нормой литературного языка были формы, принятые для церковных книг. Пробившиеся в изложение характерные для восточных славян слова позже старались заменять на книжные, как: *вѣникы* на *прутье младое* или *вѣтвие*; *добытъкъ* на *имѣнье*; *клепати* на *клеветати*; *кърста* на *рака*; *клюка* на *лесть*; *могыла* на *гробъ*; *мытель* на *квасъ оусничаныи*; *нѣ, нѣтъ, нѣтоу* на *нѣсть*; *съхоронити* на *погребати*; *сѣдѣти* на *кнажити*, *сѣча* на *брань; хвостати сѧ* на *бити сѧ* и т. д. и т. п.

Говоря иначе, проблема происхождения и природа, или основа, древнерусского литературного языка оказывается не решена и ожидает более глубоких, специальных исследований, в результате чего должны появиться выводы, констатирующие действительное положение вещей. Показательно, что акад. С. П. Обнорский в результате анализа языка ряда памятников древнерусской письменности пришел к выводу, что «основой и главнейшей чертой его (т. е. древнерусского литературного языка. — *А. Л.*) является общий русский его облик, дающий себя знать во всех сторонах языка (и в звуковой стороне и в морфологии, а особенно в синтаксисе и лексике)» [8].

Критики взглядов акад. С. П. Обнорского ограничились общими рассуждениями и никто не опроверг их путем анализа языка тех же памятников древнерусской письменности, которые исследовал С. П. Обнорский, а также и других памятников письменности. Критики ограничились ссылками на отдельные факты, вроде того: если де древнерусский язык был самобытным, восточнославянским по своей природе, то почему же он не имел своего алфавита, а воспользовался старославянской азбукой? Помимо того, эти критики подкрепляли свои доводы ссылками на мнения А. А. Шахматова.

Весь смысл суждений акад. С. П. Обнорского сводится к тому, что всесторонний анализ языка памятников древнерусской письменности неизменно приводит к тому, что основа, природа их языка восточнославянская, хотя внешне они могут выглядеть написанными на языке церковных книг. В отличие от С. П. Обнорского, акад. А. А. Шахматов в своих суждениях исходил из внешних, кажущихся данных языка памятников древнерусской письменности, и эти кажущиеся данные принимал за сущее.

В наши дни особенно упорно и прямолинейно придерживался и защищал взгляды А. Шахматова на природу русского лите-

---

[8] *С. П. Обнорский.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 6.

ратурного языка Б. О. Унбегаун. При этом Унбегаун излагал свои мысли на основе свидетельств прежних исследователей, а также на основе собственных кажущихся впечатлений, не подкрепленных конкретным анализом языка памятников древнерусской письменности. Он утверждает: «В двух недавних статьях * я пытался обосновать непрерывное развитие, без какого бы то ни было разрыва, русского литературного языка с киевского периода до наших дней. Это положение неизбежно приводит к выводу о церковнославянской природе литературного языка, лишь постепенно русифицировавшегося. Русификация эта протекала неравномерно в разных частях языка. Фонетически церковнославянский язык обрусел с самого начала переноса его на восточнославянскую почву. Морфологическое его обрусение продолжалось много веков и было закончено, за некоторыми исключениями, лишь в XIX веке. Меньше всего русификация затронула синтаксис, подвергшийся в XVIII веке другим, не русским, влияниям. Словарный состав русифицировался очень медленно и, что самое главное, лишь частично» [9].

То, что утверждает автор цитаты, пытаясь обосновать церковнославянскую природу русского литературного языка с киевского периода до наших дней, не соответствует действительности потому только, что кроме общих рассуждений у автора ничего своего, добытого собственным анализом, нет. Поскольку автором в обоснование собственных взглядов не проведена никакая исследовательская работа, то его утверждения не свободны от противоречий. Как видно из приведенной цитаты, Б. О. Унбегаун считает, что древнерусским литературным языком был церковнославянский язык (slavon, по его французской терминологии). В то же время он утверждает, что «близость восточнославянского языка и церковнославянского (slavon) сделала последний язык проницаемым в русский язык, особенно невысоких жанров: в летописи, в описание путешествий (паломничество)» [10]. Из этого утверждения вытекает, что литературным языком был русский, или восточнославянский язык, куда проникали церковнославянские элементы. Далее, касаясь языка деловых и правовых документов, которые писаны не на церковнославянском языке, автор продолжает: «Труднее объяснить употребление разговорного языка в законодательстве, в судах тем более, что книги греческих

---

* *Boris O. Unbegaun.* L'héritage Cyrillo—Méthodien en Russie. «*Cyrillo—Methodiana.* Zur. Frühgeschichte des Christentums bei den Slaven 863. — 1963». Köln—Graz. 1964, стр. 470—482; *B. O. Unbegaun.* Le russe litteraire est-il d'órigine Russe? «Revue des études slaves», t. 44. Paris, 1965, стр. 19—28. См. также: *Б. О. Унбегаун.* Историческая грамматика русского языка и ее задачи. «Язык и человек. Сборник статей памяти проф. П. С. Кузнецова». М., 1970, стр. 262—267, и др.

[9] *Б. О. Унбегаун.* Язык русской литературы и проблемы его развития. VIe Congrès international des slavistes. Communication de la délégation française et de la délégation suisse. Paris, 1968, стр. 129.

[10] *B. O. Unbegaun.* Le russe litteraire est-il d'órigine russe? стр. 20.

законов были переведены на старославянский язык в IX в., и они во многих списках распространились в Киевской Руси. Тем не менее они не прошли за порог и церковной канцелярии. Они не повлияли на русский деловой язык и юридическую мысль» [11]. Автор избежал бы подобных противоречий и не стал бы перед неразрешимыми трудностями, если бы он исходил из объективных данных: древнерусский литературный язык по своей природе восточнославянский, но окниженный в разной степени в зависимости от темы и целей сообщений. Когда речь идет о бытовых явлениях или о нормах обычного права, тогда в письменной речи древнерусского книжника, особенно в лексике и синтаксисе, преобладают восточнославянские элементы. Когда же автор начинает рассуждать о христианстве или описываемые события оценивать с точки зрения идей христианства, в этом случае преобладание книжных или старославянских элементов в языке древнерусского автора несомненно. Однако и в последнем случае в сочинении автора наряду с книжными элементами присутствуют и восточнославянские элементы.

Как известно, договоры Олега от 912 г. и Игоря от 945 г. переведены с греческого языка [12], по мнению многих, в то время, когда у восточных славян не было даже письменности. В связи с этим, казалось, нельзя ожидать в них наличие специфически восточнославянских слов. Между тем в договоре Олега зафиксировано *портъı* (Ип. 13 об.), ни разу не встречающееся в памятниках ст.-слав. письменности; *челѧдинъ* (Ип. 14 об.) в значении ‘раб’, опять не известное памятникам ст.-слав. письменности; *рухло*, ср.: да продають *рухло* тоѣ лодьı (Ип. 14) — слово издревле только восточнославянское; *ѡпрочѣ*, *вьıвержена*, *боронима*. *лодьı*, *харотьı* (см. гл. VII и VIII). В договоре Игоря таких слов еще больше: *крьнеть* (Л. 12); *заплатить* (Л. 12 об., 13 об.; Ип. 19 об., 20 об.) рядом с *вдасть*, *вдадѧть*, как в памятниках ст.-слав. письменности; *оускочить* (челѧдинъ) — Л. 12 об., 13 об.; Ип. 19 об. 20 об.). *испишеть* (имѧна) (Л. 12, Ип. 19); *челѧдинъ*, *грамота*, *харотьı*, *харатьı*, *портъı*, *паволокъı*, *лодьı*, *ѡсень*, *зимовати* и др., не говоря о таких оборотах речи: *да входѧть в городъ ѡдинѣми воротъı* (Л. 12, Ип. 19); *запечатаеть* вместо *запечатьлѣеть* (Л. 12, Ип. 19 об.) и мн. др.

Все это требует объяснения. При этом подобные явления не укладываются в искусственную схему Б. О. Унбегауна. Многие факты, установленные нами в процессе анализа лексики Пов. вр. л., наталкивают на мысль, что церковнославянизация древнерус-

---

[11] Там же, стр. 21.

[12] *Н.* (*А.*) *Лавровский*. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853; *С. П. Обнорский*. Язык договоров русских с греками. «Язык и мышление». VI—VII. М.—Л., 1936, стр. 79—103; перепечатано: *С. П. Обнорский*. Избранные работы по русскому языку. М., 1960, стр. 99—120.

ского письменного языка — явление секундарное, принявшее более интенсивный характер со второй половины XI в.

Предложенная Б. О. Унбегауном схема происхождения и развития древнерусского литературного языка не получила поддержки на VI международном съезде славистов, где он выступил с докладом «Язык русской литературы и проблемы его развития» [13].

Можно ли назвать язык, на котором написана Пов. вр. л., церковнославянским? Едва ли. Со стороны лексического состава, как видели, Пов. вр. л. не меньше чем на $^1/_3$ состоит из типично восточнославянских слов. При этом с достоверностью устанавливается, что типично восточнославянские слова позже заменялись на соответствующие по значению книжными словами или церковнославянизмами.

К этой группе лексики присоединяются слова общеславянские или праславянские по происхождению, вследствии этого понятные всем славянам, этих слов также не менее $^1/_3$. Поскольку эти слова как праславянское наследие известны всем славянским языкам, то они столько же восточнославянские, сколько и южнославянские. Таким образом, имеются законные основания констатировать, что не менее $^2/_3$ лексики Пов. вр. л. оказывается для восточных славян или для древнерусского языка собственными.

Лишь не более $^1/_3$ лексики Пов. вр. л. представляет книжный, или церковнославянский элемент. В любом литературном языке, и древнем и современном, может быть и больше $^1/_3$ несобственных по происхождению слов. От этого однако ни один язык не стал чуждым по происхождению. В целом по составу лексики Пов. вр. л. нельзя относить к памятникам, написанным церковнославянским языком.

Правда, решающим при определении природы литературного языка может оказаться грамматический его строй, морфология и синтаксис. К великому сожалению, не существует столь серьезных исследований грамматики Пов. вр. л., которые бы убедительно показали взаимоотношения в нем элементов типично восточнославянских и типично старо- или церковно-славянских. Существующие наблюдения языка Пов. вр. л. поверхностны и констатируют наличие тех или иных явлений, точнее — фактов, без анализа взаимоотношения и взаимосвязей этих явлений и фактов [14].

[13] VI. mezinárodní sjezd slavistů v Praze 1968. Akta sjezdu 2. Praha, 1970, стр. 461—465.

[14] *Е. Будде.* Из занятий по языку Лаврентьевского списка иначальной летописи. «Филологические записки». Воронеж, 1899, вып. I, стр. 1—24; вып. III, стр. 25—56; *Н. П. Некрасов.* Заметки о языке «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку. «Изв. ОРЯС», т. I, кн. 4. СПб., 1896, стр. 832—927; т. II, кн. 1, 1897, стр. 104—177; *Е. Ф. Карский.* Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. «Изв. ОРЯС», т. II, кн. I. Л., 1929, стр. 1—75, перепечатано: *Е. Ф. Карский.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, стр. 58—112, и нек. др. См. еще: Библиография русского летописания. М.—Л., 1962, стр. 221—304.

Итак, задача заключается в том, чтобы продолжить исследование лексики памятников древнерусской письменности хотя бы в том плане (если разумеется, не будет лучшей схемы), в котором выполнена данная работа. Наряду с этим необходимо самое внимательное и всестороннее исследование грамматического строя тех же памятников письменности в плане установления взаимоотношений книжных, или иначе — старо- и церковнославянских элементов с восточнославянскими. Лишь такое изучение может дать ответ о действительной природе древнерусского литературного языка, определить его становление и развитие. Иначе всякая схема, предложенная в результате одних теоретических соображений, а также впечатлений, полученных в ходе знакомства (а не анализа) с памятниками письменности, окажется неточной, не отражающей объективно существующую природу древнерусского литературно-письменного языка.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедицией Академии наук, тт. I—IV Спб, 1836.
Абаев I.	— *В. И. Абаев.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М. — Л., 1958.
Ас.	— Evangeliarium Assemani codex vaticanus 3. Slavicus glag. t. I. Ediderunt J. Vajs, J. Kurz. Pragae, 1929; t. II. Edidit J. Kurz, Pragae, 1955.
БЕР	— Български етимологичен речник, св. I—VII — София. 1962—1969—.
Berneker	— *E. Berneker.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. I. Bd. Heidelaerg, 1908—1913.
берст. гр.	— берестяные грамоты, № 1—10 — *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1953; № 11—83 — *А. В. Арциховский.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1954; № 84—136 — *А. В. Арциховский*, и *В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1958; — № 137—194 — *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1958; № 195—318 — *А. В. Архицовский, В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1963; № 319—405 — *А. В. Арциховский.* Новгородские грамоты на бересте М., 1963.
Богораз	— *В. Г. Богораз.* Областной словарь Колымского русского наречия. Сборник ОРЯС, т. XVIII, № 4. Спб., 1901
Brodowska	— Honowska. Słowotwórstwo przymiotnika. — *M. Brodowska — Honowska.* Słowotwórstwo przymiotnika w języku starocerkiewno—slowian'skim. Kraków—Wrocław—Warszawa. 1960.
Brückner	— *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957 (перепечатка I изд. Kraków, 1927).
А. Вайан.	Руководство. — *А. Вайан.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
A. Vaillant.	Manuel — *A. Vaillant.* Manuel du vieux slave, t. I. sec. éd. Paris, 1964 («Руководство» перевод I изд., Manuel'я. Paris, 1948).
Васнецов	— *М. Н. Васнецов.* Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1908.
ВСЯ	— Вопросы славянского языкознания, вып. 1—7. М., 1954—1963.
ВЯ	— Вопросы языкознания. М., 1952—
Gebauer	— *J. Gebauer.* Slovník staročeský d. I—II. Druhé, nezmenené vydaní. Praha, 1970.
Гринченко	— *Б. Д. Гринченко.* Словарь украинского языка, тт. I—IV. Киев, 1907—1909.
Holub—Kopečný	— *J. Holub. F. Kopečný.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

Даль[4] — *В. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка т. т. I—IV, изд. 4. Спб. — М. (1912—1913).

Даль — *В. Даль.* Указ. словарь, т. т. I—IV. М., 1955.

Добровольский — *В. Н. Добровольский.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

ДОП — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Спб., 1858.

ДРС — Картотека Древнерусского словаря XI—XVII вв. Института русского языка АН СССР.

ДСИЯ — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, вып. I—XII. М., 1952—1959.

Ен. ап. — *К. Мирчев. Х. Кодов.* Енинский апостол, старобългарски паметник от XI век. София, 1965.

ЖК; ЖМ — Житие Константина философа; Житие Мефодия, — по изданию: *П. А. Лавров.* Материалы по истории возникновения древнейшей письменности. Л., 1930.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ЖФП — Житие Феодосия игумена Печерского монастыря. По изданию: Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, стр. 71—135.

Зогр. — Зографское евангелие по изданию *В. Ягича.* Berolini 1879

Index a tergo — Index a tergo do Materiałów do Słownika języka staroruskiego J. J. Sreznіewskiego. Warszawa, 1968.

Киев. л. — Киевские глаголические листки. По изданиям: *J. Ogienko.* Пам'ятки старо-славянскої мови X—XI віків. Варшава, 1929, стр. 310—323 (с фотоснимками всей рукописи); *M. Weingart, J. Kurz.* Texty ke studiu jazyka a písemnictví staroslověnského. Praha, 1949, стр. 114—138 (с параллельным латинским текстом).

Клоц — *Clozianus.* Staroslověnský nlaholský sborník Tridentský a Innsbrucký. Praha, 1959.

КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР

Куликовский — *Г. Куликовский.* Словарь областного олонецкого наречия. Спб., 1898.

Л. Унд. — *Е. Ф. Карский.* Листки Ундольского, отрывок кирилловского евангелия XI в., в серии: Памятники старославянского языка, т. I, вып. 3 Спб., 1904. Перепечатано: *Е. Ф. Карский.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962, стр. 569—603.

Мак — *Г. А. Ильинский.* Македонский листок. Отрывок неизвестного памятника кирилловской письменности X—XI в. Спб., 1906, в серии: Памятники старославянского языка, т. I, вып. 5.

Мар. — Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича. Спб., 1883.

Мат-лы говоров Прибалтики. — *В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.

Machek — *V. Machek.* Etymologický slovník jazyka českého a slověnského. Praha, 1957.

Machek[2] — *V. Machek.* Etymologický slovník jazyka českého. Druhé opravené a doplněné vydaní. Praha, 1968.

A. Meillet. Études — *A. Meillet.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Seconde partie. 2e Édition. Paris, 1961.

Мельниченко — *Г. Г. Мельниченко.* Краткий Ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

Miklosich	— *F. Miklosich.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Младенов	— *С. Младенов.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Новг. I лет	— Новгородская харатейная летопись (фототипическое издание) М., 1964.
Носович	— *И. И. Носович.* Словарь белорусского наречия. Спб., 1870.
Опыт	— Опыт областного великорусского словаря. Спб., 1852.
Остр.	— Остромирово евангелие 1056—1057 г., изд. А. Х. Востоковым. Спб., 1845.
Охр.	— *Г. А. Ильинский.* Охридские глаголические листки. Отрывок древне-церковно-славянского евангелия XI в. Пг., 1915.
Подвысоцкий	— *А. Подвысоцкий.* Словарь областного Архангельского наречия. СПб., 1885.
Преображенский	— *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка, т. т. I и II. М., 1910—1914.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
Räsänen	— *M. Räsänen.* Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türksprachen. Helsinki, 1969.
РГО	— Архив Географического общества СССР
Рил. гл. л.	— *И. Гошев.* Рилски глаголически листове. София, 1956.
Рус. пр.	— *Е. Ф. Карский.* Русская правда по древнейшему списку. Л. 1930.
РФВ	— Русский филологический вестник. Варшава, 1879—1918.
Сав.	— Саввина книга. Изд. В. Щепкина. Спб., 1903.
Sadnik-Aizetmüller	— *L. Sadnik, R. Aizetmüller.* Handwörterbuch zu den Altkirchenslavischen Texten. Heidelberg. 1955.
СДР	— Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Института русского языка АН СССР.
Син. пат.	— Синайский патерик. М., 1967.
Син. пс.	— Psalterium sinaiticum an 11 th century glagolitic manuscript ... Ed. M. Altbauer. Skopje, 1971; Синайская псалтырь глаголический памятник XI в. Изд. С. Северьянова. Пд., 1922.
Син. тр.	— Euchologium sinaiticum. По изданиям: *I. Frček.* Patrologia orientalis, t. XXIV, fasc. 5; t. XXV, fasc. 3. Paris, 1933 и 1939; *R. Nahtigal.* I и II del. Lubljana 1941, 1942.
Сказ. БГ.	— Сказание о Борисе и Глебе. По изданию. Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971, стр. 42—58.
Skok	— *P. Skok.* Etymologijski rječnik hrvatskoga ili srpkoga jezika, knj. I—III Zagreb, 1971—1973.
Sławski	— *F. Sławski.* Słownik etymologiczny języka polskiego, t. I. Kraków, 1952—1956; t. II, 1958—1965; t. III, 1966—1969; t. IV, 1970—.
Словарь говоров	— Словарь русских народных говоров, вып. I—VII, М.—Л, 1965—1972.
Slovník jaz. stsl.	— Slovník jazyka staroslověnského, t. I, Praha, 1966; t. II, 1969; t III. 1973—.
Сл. о п. Иг.	— Слово о полку Игореве.
Смол. гр. и Смоленские граммоты XIII—XIV вв.	— Смоленские грамоты XIII—XIV вв. Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963.
Срезневский	— *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. т. I—III. Спб., 1893—1903.

ССРЛЯ	— Словарь современного русского литературного языка. т. 1—17. М.—Л, 1948—1965.
Супр.	— Супральская рукопись. Изд. С. Северьянова. Спб., 1904.
Trávníček	— F. Trávníček. Slovník jazyka českého. Praha, 1952.
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы.
Усп. сб.	— Успенский сборник XII—XIII вв., М., 1971.
Vasmer	— *M. Vasmer.* Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I—III. Heideberg, 1953—1958.
Фасмер	— М. Фасмер. Этимологический словарь, русского языка. т. I—IV, М., 1964—1973.
Ф. П. Филин. Лексика рус. лит. яз.	— *Ф. П. Филин.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Ученые записки Ленинградского гос. пединститута им. А. И. Герцена, т. 80, Л., 1949.
Хил.	— *С. М. Кульбакин.* Хиландарские листки, отрывок кирилловской письменности XI в., Спб., 1900.
Хр. Г. Ам.	— *В. М. Истрин.* Книги временьныя и wбразныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. I. Текст. Пг., 1920.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.

СЛОВОУКАЗАТЕЛЬ*

азъбоукъı 17, 18, 326, 328
азъбоучьнъıи 18
азъбоуковьникъ 326
азъбоуковьнъıи 324—326, 342
аче 9, 11
аще 11

банıа 102, 118, 119, 137
баньнъıи 118
батогъ 101, 103
беспосагаıа 27
бисьръ 76, 103
бити сѧ 279, 306
благаıа 258
блоудити 29, 62
блоудьница 27
блоудьнаıа 29
блоудъ 28, 29, 62
богатъ 247, 252
богатьство 243, 247, 248
бои 306
болѧринъ 208 и сл., 252
боронити 351
бороти сѧ 306
борошьно 160
боръ 347
боıазнь 5
боıаринъ 208, 210—213, 252
боıарьскıи 209
боıарьство 209, 211
боıарьць 208, 209
бракъ 24—26
брати сѧ 279, 307
брань 300, 305—307, 318, 349
браченье 24, 25
брашьно 156, 159, 160, 345
бръни 296—298
боубьнъ 58, 61
боукъви 17, 326, 330, 331
боулава 298
бъıвъшаıа 10
бъıли 216—218
бѣ 9—11, 13
бѣль, бѣла 269, 270
бѧше 13

вабити 48, 63
вариманътъıа 71, 103
варıагъ 347
великıи (кнѧзь) 182
величати сѧ 44
вельблудъ 10, 146
вельможа 218
веремий 8
верема 8, 18
веретено 95, 96, 103
веселити сѧ 56, 62
веселье 56, 62
вести 24—27
вести, водити (дъчерь) 27
вино 154, 168, 172, 173, 177
виноградъ 173, 177
вира 193, 252, 271
вирьникъ 193, 252
въборати 10
вѧчьшии 214
властель 346
власть 17, 183, 184, 252, 346
власаница 4, 18, 67—70, 81, 103
влатъ 4
вода 12
водимаıа 28
воевода 54, 276, 277, 289, 345
воевати 48, 271, 272, 274, 288, 299
воıєводьство 277
возъ 91
вои 9, 41, 51, 53, 272, 274, 288, 313
воина 273, 275, 276
воинъ 15, 272, 273
володѣти 201
волосень 4
волосянка 4, 68
волосник 4
волосяник 4
волосяница 4, 68
волость 183, 184, 252

---

* В указателе приводятся только слова, зафиксированные в Пов. вр. л., и притом в основном те, которые анализируются.

волотъ 4
волъ 146, 169
ворогъ 304, 305
воронъ 313
ворота 351
вотола 78
вотолань, вотьланьи 69, 78, 103
врагъ 304, 305, 308, 309, 317
врата, ворота 135, 136, 142
время 10, 18
вретено 95, 103
врѣтиште 18, 65, 103
въдати 24, 27
въздати 4, 80
въздоити 22—24, 62
възрастъ 62
вълна 79, 103
вълнаньи 79
въложити 34
възмоужати 22, 24
възрастъ 22, 24
въкоусити, въкоушати 157—159
въноукъ 12, 26
въороужити сѧ 290, 291, 298, 318
въскормити 22, 23, 62
въскъ 81
въспитати 22, 23
въстань 191
въстоугъ 74
въстоушити 13
вѣверица 269, 270
вѣгласъ 337, 338
вѣдро 92, 103, 163
вѣжа 10, 122, 123
вѣкъша 269
вѣникъ 18, 21, 102, 103, 349
вѣнити 26
вѣно 26, 62
вѣче 9, 191, 192, 252
вьрѣти, варити 173, 174
вьсьма 14, 18

глава 15
глаголати 13, 321, 327
гладъ 10—12
гладъ, голодъ 176, 177
гласъ 17
гнѣвати сѧ 48, 54, 55
гнѣвъ 48, 55
гобино 149, 150, 177
говадина 165, 166, 177
голодъ 11, 12
голубьникъ 130
городъ 11
горохъ 154
гость 254, 255
горсть 9, 10
градъ 12
грамота 14, 18, 323, 328, 343, 351
грамотикъ 14, 18, 332
гривьна 76, 109, 265, 269—271, 347
гридь 18, 281
гридьница 18, 115, 116, 282
гробъ 6, 7, 20, 30, 34, 36, 37, 62
гоудьць 59
гоусли 48, 58, 61
гърдити сѧ 44, 62
гърдъ 41, 43, 44, 62

дань 184, 252
даньникъ 184, 252
даръ, дары 11
дворъ 109, 110, 136
двьри 135, 136
дворанинъ 211
деревянъи, древянъи 35, 137
десятина 184, 185, 252
десятьникъ 185, 252
добро 55
добръи 55
добыти 10
добытъкъ 10, 349
доити 23
домъ 107, 108, 110, 142
дроужина 16, 271, 280—283, 289, 345, 348
дъска 138, 139
дъчерь, дчерь 26
дъчъка 14
дъмъ 108, 109, 111
дѣвица 29
дѣтьскъи 229, 230, 252
дѣти 28

единовластець 183

жажа 176
жалити 55
жалоба 55
жалость 55
жаль 55
жена 26, 28, 29, 62
женити сѧ 62
женихъ 26
женолюбьць 29
жизнь 5
жилище 104—106, 142
жито 152, 154, 177
жьзлъ, жезлъ 100—103

забороло 129, 130, 142
забрало 130, 348
завида 47, 62
завидѣти 46, 47, 62
зависть 46, 47, 54, 62
завистьливъ 47
завистьникъ 47
законъ 189, 190, 252
закоупъ 239
залечи, залеже 24, 25

запечатати 328, 329, 351
запечатьлѣти 329, 351
заплатити 4, 262, 270
зарѣзати 32, 33
засада 303
засапожьникъ 298
застоупъ 283, 284, 289, 318
затворити сѧ 12, 301
заоутрокати, заоутрокъ 169, 170, 177
зачѧти 22
защитити, заштиштати 295, 298, 318
заѧчина 165, 166, 177
звѣрина 165, 166, 177
зелье 154, 155, 168, 177
земль 143, 149, 177—182, 271, 346
зижа 140
златьникъ 266
золото, злато 11, 138, 142, 265, 270
золотьникъ 266
зълъ 55
зъло 55
зьдание 140
зьдати 140
зѧть 26

игра 58
играти 57, 62
игрище 14, 26, 56—59, 62
избьрати 10
изъворогъ 18, 22
извѣтъ 52, 62
изобилье 149, 158, 177
изрѧдити 274, 275, 289, 318
изъврагъ 18, 22
именинъı 30
имовитъ 243—247, 252
имѣнье 246, 247, 271, 345, 349
инокъ 20
ископати 139
искоупити 255
исписати 323, 324, 351
исполчити, -сѧ 275, 286—289, 318
испровьргати (животъ) 30
испрьва 15
истьба, истъба, изба 17, 111—114, 118
истъбъка 111—113
ити 298, 299, 456

каганъ 182, 199, 207
кадь 89, 90, 103
каменъ, камѧнъ 35, 137, 138
капь, капище 123, 124
квасъ 171, 172, 177
келыа кѣлы 126, 127, 129, 142
кельица 126
кладѧзь 11, 89
клаколъ 4
клевета 47, 48, 52, 62
клеветати 48, 52, 62
клепати 52, 349
кличанинъ 167, 177
клюка 5, 45, 63, 349
клѣть 114, 115, 127
книгъчии, кънижьникъ 18, 325, 332, 342
книжнъıй 319, 330—333, 339
книгъı, кънигъı 17, 217, 320, 322, 324, 325, 328, 330—335, 339, 342, 343
кнѧгъıни 28, 53, 203, 205, 316
кнѧженье 202
кнѧжити 200—202, 349
кнѧжичь 198
кнѧжь 198
кнѧзь, кънѧзь 10, 13, 17, 21, 27, 36, 54, 182, 183, 186, 197—207, 241, 252, 254, 271, 283, 345, 346
кобъıла 145
ковригъ, -га 161, 162, 177
коврижькъ, коврижьцъ 162, 177
ковьръ 31, 76, 103, 348
когань 200
кожа 67, 81, 82, 103
колода 348
колодьникъ 311
колѣно 237, 252
колодѧзь, кладѧзь 11, 89, 131—134, 142
коло 31
колоколъ 4
конина 165, 166, 177
конь 10, 146, 147, 277, 345
конѧча 345
копиинъıи, копѣиной 293
копити 20, 273
копринъıнъıи, кропиинъıи 78, 79, 103
копье 293, 298
копътьце 79
корабль 277
корити 48, 62
кормильць 160, 178
кърста, корста 7, 18, 20, 30, 34—36, 349
корчага 90, 91
котора 49, 50, 62, 191
котьлъ 91, 103
котьльникъ 91
костѧнтинь градъ 195,—197
которати сѧ 48, 50, 62
крьноути 255, 270, 351
кротъкъ 41, 42, 62
кротость 57
кърмъ 160, 178
кръчагъ, —га 90, 91, 103
кръчажьныи 90
коузньць 18
коупль 253, 254, 256, 270
коупити 254—256, 270

коупьць 254, 255, 270
коуна 267—270
къметь, кметьство 61, 243
кърмлꙗ 156, 160, 177
кързно, корзно 70, 103
кысѣль 9, 163, 177
кѣлеиникъ 126

лапоть 86, 103
лапотникъ 84
ласкавъ 41, 62
латка, ладка 92, 93, 103
ловъ, ловы, ловище 166, 177
лодыꙗ 12, 345, 351
лошадь 143, 145—147, 177
лоуда 69, 103
лоука 45, 46, 62
лоукавыи 46, 62
лукавьнеишии 46
луковати 46
лукавьствовати 46
лоукъ (раст.) 154, 155, 177
лоукъ 293, 294, 298
лоукно, лоукъно 11, 89, 93, 94, 103
лъскарь 98, 99, 103
лѣтописанье 326—328
лѣтописьць 326—328
лъбъ, лобъ 31
лъживъ 41, 62
лъжица 94, 95, 103
лъжь, лъжа 44, 62
льнъ 79, 103
льстивъ 44
льстити 45, 58, 62
льсть 5, 42, 48, 54, 58, 62
людье 10, 12, 223—225, 252, 346
лѧдьска (земля) 181

манна 163, 177
манастꙑрь 125
маньтиица 71
масло 168, 177
мастеръ 141, 142
медуша 9, 11, 120
медъ 169, 177
мечь 17, 192, 290, 291, 298
мечьникъ 15, 284, 291
миръ 316, 345
мовенье 113
мовь 113
мовьница 113, 118, 119
могꙑла 6, 7, 20, 30, 348
мороморъ, мраморъ 4, 138
мороморѧнъ 35
моръ 31
мостъ 131
мотꙑка 98 — 100, 103
мошти 31
моужати сѧ 24, 220, 252
моужь 28, 214, 215, 220—222, 252
моужъскъ 29, 220, 222, 252
моужьство 24, 220, 252
мъногое 11
мъножьство 11, 13
мꙑтва 102, 113
мꙑтель 21, 102, 177, 349
мꙑто 264, 270
мꙑтьникъ 264, 270
мьнѣти 10
мьртвъ 31
мьртвьць 37, 38
мьстити 53, 62
мьсть 53, 62
мьщенье 53
мѣдѧнъ 138
мѣхъ 67, 81, 103
мѧсо 165, 177
мѧтежь 191, 252, 315

наведенье 313
наворопити 313
наводити 313
навье 37, 38
навꙑкноути 339
навѣтъ 52, 53
назъвати 23
наимитъ 239, 240, 252
налегати 301
нападати 301
написати сѧ 22
написати, напьсати 321
написанье 322
наречи, нарешти 23
народъ 224, 225, 252
нарѧдъ 188, 190
настоупити, настоупати 299—301
наоучити сѧ 339
нашествие 299, 316
насѣрати 143
небогъ 248, 252
неводъ 168, 177
невѣгласъ, невѣголосъ 13, 18, 337
невѣста 26
недоугъ 35
неимовитъ 243, 244
непосагъшиꙗ 27
непраздьна 22, 23, 25
непризнинъ 54
непризнь 54
несмꙑсленꙑи 41
нечьстье 54
нива 147, 148, 177
нищь, нищии 249—252
ногата 269, 270
ножь 95, 295, 298
норовъ 40, 41, 63
носила 98, 103
нравъ 40, 41, 48, 58, 62
нѣ 14

нѣстъ 14
нѣтъ, нѣтоу 9, 14

обильнъ 149
обилье 149—151
область 181
облежати 302, 303
оборонити, обранити 307, 318
обѣдъ, обѣдати 169, 177
обрѣти сѧ 303
обрученье 24
оброучити 22, 24
оброучь 296, 271
обоути 83
обстоѧ 302
обычаи 25, 40, 52, 56
обычьнъıи 38
обѣщати 10
овьсъ 9, 10, 152, 177
овьца 10
овощи 154, 177
огнищанинъ 210—212
огородити, оградити 129
одвьрье 18
одежа 8, 18
одежда 8, 18, 20, 64, 66, 67, 103
одолѣти 307, 308, 318
одръ, одрина 98, 130
одѣвание 20
одѣıание 20, 66, 67
одѣнье 64, 66, 103
оклеветати 51, 52
оконце 136, 137
окъно 137
омирити 317
оноуща 84, 88
опона 77, 78, 80
опрѧтати 7, 33
ороужье 66, 271, 289—291, 298, 318
орати 143, 177
осада 302
оскоудѣти 174, 177
осоромити 55
остоıати, остоѧ 9, 302
остоушити 12, 13
остоупати 299, 300
осѣсти 302
отрокъ 4, 11, 16, 34, 226—230, 252, 348
отрочька 205
отроубъ, —и 10, 153, 177
отстоупати 299—301
отъмьстьникъ 53
отъмьстье 53

паволока 11, 34, 70, 73, 78, 79, 81, 103, 351
паволочитъıи 78
перевѣтъ 52
перегъноути 14, 15
передатисѧ 11, 302
переклюкати 45, 62
перельстити 5
переставити сѧ 32
перестоıати 11
печать 17, 328, 329, 336
печера, пещера 114, 125, 126, 139, 142
пещь, печь 113, 114, 125, 126, 142
пиръ 57, 62
писание 326
писмѧ, писмо 324, 325, 331, 342
письць 324—326, 332, 334, 342
питѣти 20
питье 170, 177
пища 156, 157, 177
плакати сѧ 38, 59
платежь 262
платити 4, 80, 81, 262, 264, 270
платъ 4, 64, 80
платъкъ 4, 80, 103
платьно 80
плачь 55, 56, 59
племѧ 237, 252
плотьникъ 141
плътьскъıи 29
плоугъ 17, 144, 177
плѣненье 309, 310
плѣнити 309, 310, 311
плѣнъ 310, 311
плѣньникъ 309—311
плѧсанье 14, 20, 57, 58, 62
плѧсьць 58
побѣда 307, 308, 317
побѣдити 307, 308, 318
поваръ 14, 18, 128, 174, 175, 177, 348
поварьница 14, 18, 128
поварьнѧ 128
повѣсть 329, 330
погребати 4, 11, 20, 30, 34
погребъ 120, 192
погрети, погребати 5, 11
подружьıа 28
подъкладъ 74
подъстоупати 301
пожинати 143
поити 27, 298, 299
поклепъ 52
поконъ (русьскъıи) 211
покорити 308, 309
покърмъ 178
полата 117, 118
поле 148, 149, 178
положити 30, 33, 34, 312
полонити 309—311
полонъ 10, 309, 310, 345
полоньнъıи 310
полонѧникъ 309, 310
полотьно 4, 80

польскъıи 149, 178
полугривна 345
помостъ 131
понѣвица 66
попадьıа 28, 67
поплѣнити 310
пороубъ 119, 192, 252
порогъ, прагъ 134, 135, 142
поприıати 54
пороугати сѧ 51
порѧдъ 188
посагати 27, 28
посагъ 27
посадити 208
посадьникъ 174, 207, 208, 211
посадьничити 208
посадьничь 208
поставити 139
построити (миръ) 316
посѧгати 27, 28, 62
посрамити 55
потреба 156, 157, 177
похоронити 5, 34
похоть 28, 29
почитати 320, 321
почитанье (книжное) 320
почити 30
почьтити 53, 62
поıасъ 71, 72, 103
поıати (дъчерь) 24, 26, 28
прабошьна 87, 88, 103
право 190
правьда 189, 190, 252, 346
праздьновати 55—57, 62
праздьнъ 56
праздьникъ 55—57
праздьньство 55, 62
превабити 48, 63
предати сѧ 11, 12, 302
прекладати, прѣложити 334—336
прельстити 5, 44, 45
прельщение 5
прелюбодѣи 28, 30
прѣлюбодѣание 29
препоıсанье 71
преставити сѧ 30—32, 34
престоıати 11, 302, 303
привабити 48
привести, приводити 24, 26
приполъ 69, 73, 74, 103
приспа 135
пристроити (вои) 274
пристоупати 301
притворъ 137
приıазнь 5
приıазньство 54
приıатель 54, 62
приıати 54, 62
прогнѣвати 55
продажа 192, 252, 271
продати, продаıати 26, 256, 257, 259, 260, 270
прозьрѣти 16
пророкъ 16
просвѣтити, просвѣщати 336, 337
проскура 260
просо 153
просторѣкъ 42
простость 72
простъ 41—43, 62
противьнъıи 304, 305
протолковати 335
поугъвица 14
пъıро 153
пълкъ, полкъ 17, 21, 284, 285, 289, 318
пъртище 65, 67
пъртъı, портъı 8, 20, 64, 65, 67, 80, 103, 351
пьрѣти сѧ 48, 49, 62
пьрѧ 48, 50, 62
пьсати, писати 321, 322
пьшеница 10, 152, 153, 177
пьшеничьнъ 153
пьшено 153, 154, 177
пьıаньство 170, 177
пѣши 277
пѣшьць, пѣшьци 277
пѧтькъ 8, 9
пѧтьница 8, 9, 15

рабичищь 15
ради 10
радость 55, 57, 62
радовати сѧ 57, 62
радъ 57, 62
разбѣжати сѧ 17
разбити 309
разорати, разорити 143
рака 7, 20, 30, 33, 35—37, 54
рало 144, 177
расварити сѧ 48
распьрѣти сѧ 48, 49, 62
распьрѧ 48—50, 62
растрѣлıати 294
растьлѣти 28, 29
ратаи 145
ратаинъıи 145
рать 10, 58, 276, 278—280, 289 313, 315, 316
ратьнъıи 278, 279, 289
речи, рещи 321, 327
риза 65—67, 71, 72, 103
роба 238, 240, 252
робичичь, робичищь 240
рогалиıе 98, 100
родити сѧ 22
родъ 237, 252
рогатина 298
рожь 153, 154

ролѣинъıи 145
ролыı 145, 148, 177
росъıтити 9
роубити 190
роугатель 56, 62
роусалиı 48, 59—61
роусь 180, 252
роусьскаı (землı) 12, 180, 181, 271, 346
роухло 351
рꙑба 167, 168, 177
рꙑболовъ 167, 168
рѣзана 269
рѣша 9—11
рѧдъ 188, 190, 252

саблı 292, 293, 298, 318
сани 30, 33, 37, 49, 348
самовластьць 182, 183, 252
самодьржьць 183, 252
сановьникъ 218—220, 252
сапогъ 84—86, 103
свара 47, 48
сварити 48
свинина 165, 166, 177
свиньць 18
свита 69, 103
свитъка 69
свѣтълъıи (кнѧзь) 211
свѣтильникъ 95, 96, 103
свѣча, свѣща 96, 97, 103
село 148, 178
середа 8
сила 12, 13, 277
сказати 321
скамьı 97, 98
скоморохъ 8, 15, 18
скомрахъ 14, 15, 18, 48, 58—60, 103
скора 81, 103
скоропия, скорпия 4
скотъ 10, 146, 149, 152, 153, 267, 270
скутъ 73, 103
скърбь 55
словѣньскъ 339, 341
сложити (голову) 312
слоуга 230, 231, 252
слоуженье 231, 233, 252
слоужити 230, 231, 252
слоужьба 231, 252
смьрдь, —дъ 143, 145, 177, 240—243, 252
смьрьдии 291
сокалькъ 14
сокачии 14, 174
сопѣль 61
сором̀ъ 55
сорочининъ 4
сорочица 67
сорочька 67, 103

соха 144
сочиво, сочевица 154, 155
спекулаторъ 15, 18
срамъ 17, 55, 62
срамьнии 55, 62
срацининъ 4
срачица 67
срѣда 8
стадо 167
староста 185, 186, 252
старѣишина 186, 252
старьць 186, 224, 252
стеречи 313
столпъ, столпье 128, 129
столъ 97, 103
стольць 97, 98
сторожи 284, 313
страна 12, 13, 179, 181, 271
строенье 139
строити (миръ) 316
стрѣла 294, 298
стрѣлити, стрѣлище 294
стрѣльць 294
стрѣха 134
стѣна 130, 133
стѧгъ 277, 314
соудии 187, 252, 346
соудина 89, 103
соудити 187, 252
соудъ 187, 252, 346
соулица 298
соупоръ 49
соупорити 49
соупостатъ 17, 304, 305
сустугъ 74, 75, 103
съблажьнение 47, 62
съблазнити 47
съблазнъ 47, 62
събърати, събирати (вои) 20, 273
съваженье 47
съвъкоупити 20, 273
съвѣтъ, свѣтъ 190, 191, 252
съвѣтьникъ 190, 191, 252
съзъдати 140
съконьчати сѧ 30, 31
съкопити (вои) 273
съльгати 44
съльстити 44
съмъıслъ 41, 62
съмъıслнъıи 41, 62
съмѣрьнъ 41, 42, 62
съмьрть 31, 33
сънискати 10
сънъмъ 190, 252
сънѣдь 156, 158, 159, 177
сънѧти сѧ 190, 252
съплѧсати 58
съпорити 49
съпоръ 49
съпьрва 15

съпрѧтати, спрѧтати 7, 30, 33, 348
състоупити сѧ 299
съсоудъ, ссоудъ 78, 89, 103
сътворити (миръ) 317
сътьникъ 185, 252
сътьскъıи 185, 252
съхранити, съхоронити 4, 5, 7, 11, 18, 20, 30, 34
съръ 154
съта 90
сѣдалище 105
сѣдало 97, 103, 106
сѣдѣти, сѣдити 201, 349
сѣни 115
сѣть, сѣти 167, 177
сѣча 305, 306, 318, 349
сьребро, сребро 138, 265, 266, 270

таль 9, 314, 315
тенето 166, 177
теремъ 116, 117, 138
тиоунъ, тивунъ 186, 252
тихъ 41—43, 62
товаръ 257, 258, 270
торговище 253, 270
торгъ 253, 270
топоръ, топорьць 295, 296, 298
треба 156, 157
тризна 5, 14, 16, 30, 38—40
тризникъ 14
троуба 61, 62, 133, 134
троупъ 30, 37, 38
трѧпеза, трепеза, трѧпезница 127, 128
тоуга 55
тоужити 55
тоукъ 168, 169, 177
тькань 79
тълковинъı 335
тълпа, толпа 225, 226, 252
тълстина, толъстина 79
тъчерь 26 (см. дъчерь)
тѣло 30, 37, 38
тълъ 314
тънъ 129
тъсмщьникъ 188, 252

оубити 30,—33
оубиство 32
оубои 32
оубогъ 248, 249, 252
оубожити 249
оудавити 32, 33
оужасати сѧ 55
оужасъ 55
оужинати 169, 177
оузорочье 75, 76, 103
оукоризна 5
оукорѧти, оукарѧти 51, 62
оукрощение 42
оумъıкати 24—26
оумьрѣти, оумирати 30, 31
оумирити сѧ 316
оунъıнье 55
оуноукъ см. въноукъ
оуплатити 4
оуполчати сѧ 286
оурокъ 187, 188, 252
оуродъ 188, 252
оусние 81, 82
оусниенъ 82
оусъмѣнъ 82, 83
оусобица 315
оусобьнъıи 278, 315, 316
оусъпение 30—32
оуставъ 187, 252
оусѣкноути 32, 33
оутѣха 58, 62
оутѣшити, оутѣшати 58, 62
оученикъ 340—342
оученье 331, 339, 340, 342
оучитель 335, 340—342
оучити 340

фофудьѧ 71, 73, 78, 103

харътиѧ, харотиѧ, харатьѧ 321, 327, 328, 342, 351
хворостиѥ 15
хвостати сѧ 18, 349
хвостъ 18
хламида 71, 73, 103
хлапъ 239
хлѣбъ 17, 160, 161, 172, 177
хмель, хъмѣль 17, 154—156, 177
холопъ 238, 239, 252
хоробрьство 311
хоробръ 311, 312
хоромина 110
хоромъ 110, 142
храбръ 311, 312, 317
храбрьство 311
храмъ, храмина 110, 142
хоудъ, хоудъıи 46, 200
хъза, хза, хъзъ 81, 83
хътръ 340, 341

цьрквица 124
цьркъı, церкъı 124, 142
цьркъвьнъıи 124, 125
цѣсарь градъ 194—197
цѣсарь 183, 193, 194, 198—200, 252, 346
цѣсарьство 179, 193, 252
царь 199, 200
цѣжь 9, 164, 165, 177
цѣна 258—260, 270
цѣнити 26

чаша 94, 103, 345
человѣкъ 222, 223, 252
челꙗдь 10, 231, 233—235
челꙗдинъ 236, 252, 351
челꙗдинъıи 236
черевиѥ 84, 88
черевии 103
четвергъ 8
чесо 10
читати 320
чрѣвие 88
чрьгоубъıлꙗ 216
чтенье 320
чтомо 319, 320
чьрница 25
чьрноризьць 20
чьрньць 20
чьстити 53, 62
чьсть 53, 54, 62
чьтити 321
чьтвъртъкъ 8, 9
чюжаꙗ (землꙗ) 181
чꙗдь 231—233, 252

шатерникъ 121
шатерничии 121
шатъръ 122
шатьръ, шатеръ 120—122
шеломъ, шлѣмъ 298
шетеръ 121, 122

щитъ 294, 298
щьлꙗгъ 266, 267, 270

ꙗзъıкъ 225, 252
ꙗденье 156, 158, 177
ꙗдь, ѣдь 156, 158, 159, 177

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМЕНИ ВИКТОРА ВИНОГРАДОВА АН СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Вводные замечания 3

Глава I. Лексика, связанная с человеком, его характером и отношением к другим 22

Глава II. Бытовая лексика 64

Глава III. Лексика, обозначающая жилье и постройки 104

Глава IV. Лексика, обозначающая земледелие, охоту, рыболовство и продукты питания 143

Глава V. Общественно-политическая лексика 179

Глава VI. Лексика, обозначающая торговлю . . 253

Глава VII. Военная лексика 271

Глава VIII. Лексика, связанная с обозначением понятий грамотность и книжное образование 319

Заключение 344

Принятые сокращения 354

Словоуказатель 358

www.ruslang.ru

Андрей Степанович Львов

ЛЕКСИКА «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор *Скрипова Т. М.*
Художник *Н. В. Илларионова*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технический редактор *Ф. М. Хенох*

Сдано в набор 13/V 1975 г. Подписано к печати 6/XI 1975 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2.
Усл. печ. л. 23. Уч.-изд. л. 27. Тираж 5000. Тип. зак. 343.
Цена 1 р. 83 к.

Издательство «Наука» 103717 ГСП,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, д. № 12.